Николай Васильевич

ГОГОЛЬ

Полное собрание сочинений и писем
в семнадцати томах

Н. Гоголь

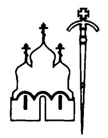
Николай Васильевич Гоголь

1809–1852

Н. В. Гоголь

Полное собрание сочинений и писем

в семнадцати томах

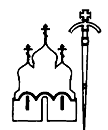

Издательство Московской Патриархии
Москва – Киев
2009

Н. В. Гоголь

Том XI

Переписка
1835–1841

Издательство Московской Патриархии
Москва – Киев
2009

По благословению
Святейшего Патриарха Московского и всея Руси
КИРИЛЛА

По благословению
Блаженнейшего митрополита Киевского и всея Украины
ВЛАДИМИРА

Составление, подготовка текстов и комментарии:
И. А. Виноградов, доктор филологических наук,
старший научный сотрудник Института мировой литературы РАН
В. А. Воропаев, доктор филологических наук,
профессор МГУ им. М. В. Ломоносова,
председатель Гоголевской комиссии
Научного совета «История мировой культуры» РАН

Издание выпущено при содействии
Некоммерческого партнерства
«Полтавское землячество» (Москва)
и Благотворительного фонда «Богуслав» (Киев)

Переписка
1835–1841

1835

247. А. С. Пушкину

<Начало января 1835. Санкт-Петербург>

Вышла вчера довольно неприятная зацепа по цензуре[1] по поводу Записок сумасшедшего. Но слава Богу, сегодня немного лучше. По крайней мере я должен ограничиться выкидкою лучших мест. Ну да Бог с ними! Если бы не эта задержка, книга моя может быть завтра вышла. Жаль однако ж, что мне не удалось видеться с вами. Я посылаю вам предисловие. Сделайте милость, просмотрите и если что, то поправьте и перемените тут же чернилами. Я ведь, сколько вам известно, сурьезных предисловий еще не писал, и потому в этом деле совершенно неопытен.

Вечно ваш Гоголь.

248. М. И. Гоголь

1835, генваря 4-го <Санкт-Петербург>

Поздравляю вас, почтеннейшая маминька, с Новым годом! Желания мои вам известны: оне беспрерывно на моем благодарном сердце и состоят в том, чтобы вы провели остальную жизнь вашу в радости и счастии, которыми вы так достойны пользоваться, и чтобы все протекшие ваши печали исчезнули даже в ваших воспоминаниях. Время праздников и первые дни нового года я провел довольно хорошо, и тому, без сомнения, способствовали ваши материнские о мне молитвы, которые, верно, будут хранить меня и в будущем. Поздравляю от всего сердца сестру и Павла Осиповича и, желая им всего хорошего, также и всем родным нашим, остаюсь благодарным сыном вашим.

Николай.

Новостей здесь совершенно нет никаких. У вас только происходят перемены. Вы, без сомнения, известны о том, что вместо князя Репнина будет военным губернатором граф Гурьев. — Какова зима у вас? Я слышал, что будто вовсе нет снега. Не получали ли вы чего-нибудь об Андрее Андреевиче и о его поездке?

[1] *Далее начато: а.* если *б.* Но славу Богу, кажется

249. А. С. Пушкину

<Около 22 января 1835. Санкт-Петербург>

Я до сих пор сижу болен, мне бы очень хотелось видеться с вами. Заезжайте часу во втором[1]; ведь вы, верно, будете в это время где-нибудь возле меня. Посылаю вам два экземпляра Арабесков, которые ко всеобщему изумлению очутились в 2-х частях. Один экземпляр для вас, а другой разрезанный для меня. Вычитайте мой и сделайте милость, возьмите карандаш в ваши ручки и никак не остановливайте негодование при виде ошибок, но тот же час их всех на лицо. — Мне это очень нужно.

Пошли вам Бог достаточного терпения при чтении!

Ваш Гоголь.

<*На обороте:*>

Его высокородию Александру Сергеевичу Пушкину.

250. М. П. Погодину

СПб. 1835, вторник, 22 генваря.

Посылаю тебе всякую всячину мою. Погладь ее и потрепли: в ней очень много есть детского и я поскорее ее старался выбросить в свет, чтобы вместе с тем выбросить из моей конторки всё старое, и, стряхнувшись, начать новую жизнь. Изъяви свое мнение об исторических статьях в каком-нибудь журнале. Лучше и приличнее, я думаю, в журнале просвещения. Твое слово мне поможет. Потому что и у меня, кажется, завелись какие-то ученые неприятели. Но <...> их мать!

Как поживаешь и что поделываешь? Ты всё только говоришь, а ничего не делаешь. Ну что за страм, до сих пор я не дождусь твоих лекций; говоришь — печатаешь, а до сих пор еще не вышли. Неужели они[2] так велики, что[3] типографии ваши не управятся? Пожалуста, не мучь так долго. Я также думаю хватить среднюю историю томиков в 8 или 9, если Бог поможет.

Раздай прилагаемые экземпляры по принадлежности.

Твой Гоголь.

[1] во втором или трет<ьем>

[2] они будут

[3] что до сих пор

251. М. А. Максимовичу

СПб. Генваря 22. 1835.

Ну, брат, я уже не знаю, что и думать о тебе. Как, ни слуху, ни духу? Да не сочиняешь ли ты какой-нибудь календарь или конской лечебник? Посылаю тебе сумбур, смесь всего, кашу, в которой есть ли масло, суди сам.

За то ты должен непременно описать всё: что и как? начиная с университета[1] и до последней киевской букашки. Я думаю, что ты пропасть услышал новых песен. Ты должен непременно поделиться со мною и прислать. Да нет ли каких-нибудь эдаких старинных преданий? Эй, не зевай! Время бежит, и с каждым годом всё стирается. А! послушай, хоть не кстати, но чтоб не позабыть. Есть некто мой соученик, чрезвычайно добрый малый и очень преданной науке. Он, имея довольно хорошее состояние, решился на странное дело: захотел быть учителем в Житомирской гимназии из одной только страсти к истории. Фамилия его Тарновский. Нельзя ли его как-нибудь перетащить в университет? Право, мне жаль, если он закиснет в Житомире. Он был после и в Московском универс<ите>те и там получил канди<да>та. Узнай его покороче. Ты им будешь доволен. — Ну! весною увидимся, нарочно еду на Киев для одного тебя.

Что тебе сказать о здешних происшествиях? У нас хорошего, ей-Богу, ничего нет. Вышла Пушкина История Пугачевского бунта, а больше ни-ни-ни. Печатаются Жуковского полные сочинения и выдут все 7 томов к маю месяцу.

Я пишу историю средних веков, которая, думаю, будет состоять томов из 8, если не из 9.

Авось либо и на тебя нападет охота и благодатный труд. А нужно бы, право нужно озарить Киев чем-нибудь хорошим. Но…

Прощай! Да неужели у тебя не выберется минуты времени писнуть хоть две строчки?

Твой Гоголь.

252. А. В. Никитенко

Генваря 24. 1835. <Санкт-Петербург>

Мне очень жаль, что я не имел удовольствия застать Александра Васильевича дома. Я однако же оставил вам экземпляр.

[1] начиная от университета

Не знаю, как вам понравятся, но желаю по крайней мере чтобы они не принесли вам скуки и чтобы вы не уменьшили чрез то ко мне вашей приязни. Я не знаю, как мне поднести князю, прилично ли мне явиться с подвязанною щекою и обмотанным горлом. Я ожидаю Вашего совета. В таком случае я уже утруждаю просьбою Вас представить посылаемый экземпляр и изъяснить князю причину моей личной неявки. Как жаль, что проклятая болезнь до сих пор препятствует и лишает меня удовольствия вас видеть. После вчерашнего выезда я чувствую себя как будто немного хуже. А мне бы нужно было о многом переговорить с Вами таком, что на бумаге как-то не может говориться.

Желая вам всегда быть здоровым, остаюсь со всегдашним моим почтением и признательностью —

Вашим покорнейшим слу<гою>

Н. Гоголем.

<*На обороте:*>

Его Высокоблагородию милостивому государю Александру Васильевичу Никитенку.

253. М. И. Гоголь

<1835> Генваря 30. СПб.

Благодарю вас, бесценная маминька, за поздравление меня Новым годом. Дай Бог, чтобы желания ваши совершенно исполнились! И чтобы мы все в этом и в будущих годах были счастливы. Очень радуюсь, что зима предвещает вам хороший урожай. Сделайте милость, не скучайте за детьми и развлекайте себя всеми силами. Вы должны себя беречь для жизни самой приятной, и это время, которое вам так кажется долго, вдруг пролетит, и мы будем снова вместе. Разве вам не радостно будет, когда ваши дочери будут умны и воспитан<н>ы и я тоже, если не поглупею, то поумнею, даст Бог.

Да скажите Ивану Данилевскому, что братец его, который сей час только ушел от меня, приказывал ему крепко-накрепко привезть ему варенья, по крайней мере пять банок. Он бы и сам к нему писал об этом, да не пишет потому, что в десять раз ленивее меня.

Прощайте, моя добрая маминька. Веселитесь! всё трынь-трава!

Ваш Н.

Благодарю тебя, сестрица, и вас также, любезный брат Павел Осипович, за ваши приписку и поздравления. От души желаю вам также всякого счастия. Пришли, пришли, сестра, песню, о которой пишешь. Очень буду благодарен! Поцелуй за меня племянника моего и крестника. Что он, уже учится азбуке[1], или <нет> еще? Я перед ним очень виноват, что до сих пор не присылаю ему ничего. Извини меня как-нибудь перед ним, чтобы не сердился. После я надеюсь загладить свою вину.

Прощай, брат Н.

254. М. П. Погодину

Генварь 31. СПб. 1835.

Я получил твое письмо in 1/1000 долю листа от Одоевского. Скажи нашим господам, что сгораю желанием приклеить свои труды к ихним. Но, ей-Богу, раньше как к 3-й книжке не могу прислать им повести. Я теперь в таких хлопотах, что страшно и подумать. Кроме всего прочего, я стараюсь, чтобы чрез три недели вышло мое продолжение Вечеров, итак ты посуди сам. Но впрочем всё это для них же лучше: вещь, которую я напишу после, всё же должна сколько-нибудь быть лучше той, которая написана раньше. Я начал даже для них повесть. Но, ей-Богу, две недели, по крайней мере, я не буду иметь времени даже подумать о ней.

Будь здоров, прощай! Целую тебя!

Твой Гоголь.

255. М. И. Гоголь

1 февраля 1835. <Санкт-Петербург>

Я получил ваше письмо. Очень благодарю вас за поздравление с Новым годом. Я уверен, что при ваших желаниях проведу его счастливо. П<авла> О<сиповича> благодарю также за его приписку и желание. Посылаю вам для развлечения следуемые при сем книги: один экземпляр для Вас, а другой, надписанный, Василю Ивановичу Чарнышу, который прошу ему вручить при первой оказии.

[1] учится читать

256. М. П. Погодину

<9 февраля 1835. Санкт-Петербург>

Я только сегодни получил твое письмо, т. е. 9 февраля. Ты слишком крупно выставил титул Смирдина, и он распечатал его, принявши за адресованное к нему. Я рад по самое нельзя твоему приезду, хотя вместе с тем и досадую на проклятый случай, заставивший тебя сделать это. — Я живу теперь в тесноте (выгнат из прежней квартиры по случаю переделки дома). Но если тебе не покажется беспокойным чердак мой, то авось как-нибудь поместимся. Впрочем ведь мы люди такого сорта, которых вся жизнь протекает на чердаке. — Прощай! Целую тебя и жду с нетерпением твоего приезда.

Твой Гоголь.

Издатели Московского Наблюдателя ничего не умеют делать. Разошлите объявления огромными буквами при Московских ведомостях и при нескольких номерах, и говорите смело, что числом листов не уступит *Библиотеке для Чтения*, а содержанием будет самый разнообразный.

Из Вечеров ничего не могу дать, потому что Вечера на днях выходят. Но я пишу для М<осковского> Н<аблюдателя> особенную повесть.

257. М. П. Погодину

Февраль 20. <1835.> СПб.

Письмо твое от 7 февраля я получил от Смирдина сегодня, т. е. 20 числа. Нельзя ли вперед адресовать прямо на мою квартиру? Что за лень такая! В Мал<ую> Морск<ую>, в дом Лепена. Хорош и ты. Как мне прислать вам повесть, когда моя книга уже отпечатана и завтра должна поступить в продажу. Мерзавцы вы все московские литераторы. С вас никогда не будет проку. Вы все только[1] на словах. Как! затеяли журнал, и никто не хочет работать! Как же вы можете полагаться на отдельных сотрудников, когда не в состоянии положиться на своих. Страм, страм, страм! Вы посмотрите, как петербургские обделывают свои дела. Где у вас то постоянство и труд, и ловкость, и мудрость? Смотрите на наши журналы: каждый из них чуть ли не сто лет собирается прожить. А вам что? Вы сначала только раззадоритесь, а потом чрез день и весь пыл ваш к чорту. И на первый номер до сих пор нет еще

[1] *Далее начато:* люби<те>

статей. Да вам должно быть стыдно, имея столько голов, обращаться к другим, да и к кому же? ко мне. Но ваши головы думают только о том, где бы и у кого есть блины во вторник, середу, четверг и другие дни. Если вас и дело общее не может подвинуть, всех устремить и связать в одно, то какой в вас прок, что у вас может быть? Признаюсь, я вовсе не верю существованию вашего журнала более одного года. Я сомневаюсь, бывало ли когда-нибудь в Москве единодушие и самоотвержение, и начинаю верить, уж не прав ли Полевой, сказавши, что война 1812 есть событие вовсе не национальное и что Москва невинна в нем. Боже мой! столько умов и всё оригинальных: ты, Шевырев, Киреевский. Чорт возьми, и жалуются на бедность. Баратынский, Языков — ай, ай, ай! Ей-Богу, вы все похожи на петербургских ширамижников, шатающихся по борделям с мелочью в кармане, назначенною только для расплаты с извозчиками. — Скажи пожалуста, как я могу работать и трудиться для вас, когда знаю, что из вас никто не хочет трудиться. — Разве жар мой не должен естественным образом охладеть? Я поспешу сколько возможно скорее окончить для вас назначенную повесть, но всё не думаю, чтобы она могла подоспеть раньше 3-й книжки. Впрочем я постараюсь как можно скорее. Прощай. Да ожидать ли тебя в Петербург, или нет?

258. С. П. Шевыреву

Марта 10. <1835. Санкт-Петербург>

Посылаю вам мой Миргород и желал бы от всего сердца, чтобы он для моей собственной славы доставил вам удовольствие. Изъявите ваше мнение, наприм., в Московском наблюдателе. Вы этим меня обяжете много: Вашим мнением я дорожу.

Я слышал также, что вы хотели сказать кое-что об Арабесках. Я просил князя Одоевского не писать разбора, за который он хотел было приняться, потому что мнение[1] его я мог слышать всегда и даже изустно. Ваше же я могу услышать только печатно. — Я к вам пишу уже слишком без церемоний. Но, кажется, между нами так быть должно. Если мы не будем понимать друг друга, то я не знаю, будет ли тогда кто-нибудь понимать нас. Я вас люблю[2] почти десять лет, с того времени, когда вы стали издавать Московский вестник, который я начал читать, будучи

[1] раз<бор?>
[2] *Было начато:* любил

еще в школе, и ваши мысли подымали из глубины души моей многое, которое еще доныне не совершенно развернулось.

Вам просьба от лица всех, от литературы, литераторов и от всего, что есть литературного: поддержите Москов. наблюдатель. Всё будет зависеть от успеха его. Ради Бога уговорите москвичей работать. Грех, право грех им всем. Скажите Киреевскому, что его ругнет всё, что будет после нас, за его бездействие. Да впрочем, этот упрек можно присоединить ко многим. Я с своей стороны рад всё употребить. На днях я, может быть, окончу повесть для М. Набл. и начну другую. Ради Бога поспешите первыми книжками. Здесь большая часть потому не подписывается, что не уверена в существовании его, потому что Сенковский и прочая челядь разглашает, будто бы его совсем не будет и он уже запрещен. Подгоните с своей стороны всех, кого следует, и самое главное, посоветуйте употребить все старания к тому, чтобы аккуратно выходили книжки[1]. Это чрезвычайно действует на нашу публику. Москве предстоит старая ее обязанность спасти нас от нашествия иноплеменных языков. Прощайте! Жму крепко вашу руку и прошу убедительно вашей дружбы[2]. Вы приобретаете такого человека, которому можно всё говорить в глаза и который готов употребить Бог знает что, чтобы только услышать правду.

Обнимите за меня Киреевского и вручите ему посылаемый при сем экземпляр.

Другой экземпляр прошу вас отправить Надеждину.

Желая вам всего хорошего, труда, спокойствия и прочего, остаюсь

вашим покорнейшим слу<гою>

Николаем Гоголем.

259. М. П. Погодину

<18 марта 1835. Санкт-Петербург>

Ну, как ты доехал? Чтó и как нашел всё? Посылаю тебе нос. Да если ваш журнал не выйдет, пришли мне его назад. Обо<...>лись вы с вашим журналом. Вот уже 18 число, а нет и духа. Если в случае ваша глупая цензура привяжется к тому, что нос не может быть в Казанской церкве, то пожалуй можно его перевести в католическую. Впрочем, я не думаю, чтобы она до такой степени уж выжила из ума. — Кланяйся всем нашим.

[1] все книжки

[2] *а.* и прошу вас *б.* и прошу убедительно вашу руку

260. М. И. Гоголь

20 марта <1835. Санкт-Петербург>.

Я получил письмо ваше[1], писанное вами 10 февраля, только сегодня. Стало быть ровно через полтора месяца. Я думаю, не пролежало ли оно как-нибудь в Полтаве. Я, слава Богу, здоров, хотя много занят. На меня возложили не слишком для меня приятную обузу по Университету, от которой я, однако же, скоро отделаюсь, и потому покаместь я, вы не сердитесь, что мало пишу. Зато посылаю вам письма сестер, которые находятся в хорошем здоровье и начинают понемногу успевать. У нас теперь третий день стоит самая крепкая зима и санная дорога, после целой недели почти весенних дней, в которые было весь снег растаял.

Желая исполнения всех ваших желаний,
остаюсь ваш сын

Н. Гоголь.

Обнимаю сестру, маленькую Олиньку, племянников и Павла Осиповича.

261. М. А. Максимовичу

Марта 22 <1835. Санкт-Петербург>.

Ой, чи живы, чи здорови
Вси родычи гарбузови?

Благодарю тебя за письмо. Оно меня очень обрадовало, вопервых, потому что не коротко, а во-вторых потому, что я из него больше гораздо узнал о твоем образе жизни.

Посылаю тебе Миргород. Авось либо он тебе придется по душе. По крайней мере я бы желал, чтобы он прогнал хандрическое твое расположение духа, которое, сколько я замечаю, иногда овладевает тобою и в Киеве. Ей-Богу, мы все страшно отдалились от наших первозданных элементов. Мы никак не привыкнем (особенно ты) глядеть на жизнь, как на трын-траву, как всегда глядел козак. Пробовал ли ты когда-нибудь, вставши поутру с постели, дернуть в одной рубашке по всей комнате тропака?

Послушай, брат: у нас на душе столько грустного и заунывного, что если позволять всему этому выходить в наружу, то это чорт знает что такое будет. Чем сильнее подходит к сердцу старая печаль, тем шумнее[2] должна быть новая веселость. Есть чудная

[1] *Далее было:* от
[2] тем сильнее

вещь на свете: это бутылка доброго вина. Когда душа твоя потребует другой души, чтобы рассказать всю свою полугрустную историю, заберись в свою комнату и откупори ее, и когда выпьешь стакан, то почувствуешь, как[1] оживятся все твои чувства. Это значит, что в это время я, отдаленный от тебя 1 500 верстами, пью и вспоминаю тебя. И на другой день двигайся и работай, и укрепляйся железною силою, потому что ты опять увидишься с старыми своими друзьями. Впрочем, я в конце весны постараюсь припхаться в Киев, хотя мне, впрочем, совсем не по дороге. Я думал об том, кого бы отсюда наметить в адъюнкты тебе, но решительно нет. Из заграничных всё правоведцы, да притом от них так пахнет семинарией, что уж слишком. Тарновский идет по истории, и потому не знаю, согласится ли он переменить предмет; а что касается до его качеств и души, то это такой человек, которого всегда наподхват можно взять. Он добр и свеж чувствами, как дитя, слегка мечтателен и всегда с самоотвержением. Он думает только о той пользе, которую можно принести слушателям, и детски предан этой мысли, до того, что вовсе не заботится о себе, награждают ли его, или нет. Для него не существует ни чинов, ни повышений, ни честолюбия. Если бы даже он не имел тех достоинств, которые имеет, то и тогда я бы посоветовал тебе взять его за один характер. Ибо я знаю по опыту, что значит иметь при университете одним больше благородного человека.

Но прощай. Напиши, в каком состоянии у вас весна. Жажду, жажду весны. Чувствуешь ли ты свое счастие? знаешь ли ты его? Ты свидетель ее рождения, впиваешь ее, дышишь ею, и после этого ты еще смеешь говорить, что не с кем тебе перевести душу… Да дай мне ее одну, одну — и никого больше я не желаю видеть, по крайней мере на всё продолжение ее, ни даже любовницы, что казалось бы потребнее всего весною. Но прощай. Желаю тебе больше упиваться ею, а с нею и спокойствием и ясностью жизни, потому что для прекрасной души нет мрака в жизни.

Твой Гоголь.

262. М. П. Погодину

23 марта <1835. Санкт-Петербург>.

Так как Московский Наблюдатель не будет существовать, то пришли мне мой нос назад, потому что он мне очень нужен. Да пожалуста напечатай в Московских Ведомостях объявление

[1] как будто бы

об Арабесках. Сделай милость, в таких словах: что теперь, дискать, только и говорят везде, что об Арабесках, что сия книга возбудила всеобщее любопытство, что расход на нее страшный (NB. до сих пор ни гроша барыша не получено) и тому подобное.

Здорово ли у вас всё в доме? Я немного прихварываю, но утешаюсь предстоящею поездкою, во время которой предстану к вам. Прощай. Люби тебя Бог и шли всякого добра!

Твой Гоголь.

263. Ректору Императорского Санкт-Петербургского университета А. А. Дегурову

<3 апреля 1835. Санкт-Петербург>

Его превосходительству
господину ректору С.-Петербургского университета
действительному статскому советнику и кавалеру
Антону Антоновичу Дегурову
От адъюнкта Николая Гоголя

Прошение.

Во всё течение прошедшего и нынешнего года я находил себя весьма расстроенным в здоровьи. Врачи советуют употребить мне как единственное средство для восстановления оного Кавказские минеральные воды в нынешний курс, начинающийся с мая месяца и оканчивающийся августом. Почему я покорнейше прошу вашего превосходительства исходатайствовать мне от высшего начальства отпуск на четыре месяца, начиная с последних чисел сего апреля по первое число сентября. Должность моя ничего от этого не потерпит, потому что в мае месяце остаются только репетиции и лекции окончены мной в апреле, июнь остается для экзамена, июль же и половина августа составляют время каникулярное. Восстановление же моего здоровья подаст мне новые средства отправлять мою должность с наступающего учебного года с большим против прежнего рвением и исправностью.

Адъюнкт Николай Гоголь. 3 апреля 1835 года.

264. М. И. Гоголь

Апреля 12. <1835. Санкт-Петербург>

Письмо ваше, писанное вами 24 марта, я получил. Хлопотал о порученности вашей перезаложить в ломбард имение. Это делается не так скоро, как вы думаете. Если бы даже можно было

теперь приступить к этому, то покаместь я получу от вас уполномочие, т. е. доверенность, покаместь вы получите позволение из опеки на заложку имений малолетних моих сестер, куда должны вы подавать об этом просьбу, покаместь это будет готово, может пройти по крайней мере полтора месяца; а между тем через три недели, если не раньше, я выезжаю из Петербурга. Во-вторых, самое главное, перезакладывать имения, заложенного на 12 лет, нельзя до совершенной уплаты долга. Имения по новому уставу не на двадцать четыре, а на 26 лет и на 36 закладываются. Итак вы видите, что теперь этого нельзя сделать. Если бы вы раньше об этом уведомили меня, я бы, может быть, успел кое-кого упросить помочь в этом деле, но теперь уже выезжают на дачи и не до того теперь. Подумали ли вы хорошенько об том, что вам нужно будет от тех пор взносить каждый год почти 2 500 рублей в ломбард? Представляются ли вам способы к уплате ежегодно такой значительной суммы? Вообразите себе, если вы опять будете прибегать к частным займам для того, чтобы взносить проценты казенные, что из этого будет? Какая ужасная будущность! До чего наконец возрастут долги наши? Я ужаснулся, когда прочитал в письме вашем 32 тысячи. Я утешал себя тем, что, может быть, как-нибудь перо ваше ошиблось. Вы мне писали, кажется, прежде, что 15 тысяч[1]. Вы хотите уплатить все частные долги ваши, сделавши казенный, и остаток употребить на всё: и на устройство хозяйства, и на винокурню, и даже мне на печатанье книг (в чем я вовсе не нуждаюсь). Но разочли вы хорошенько количество получаемых денег? Ведь вы получите только (полагая по 250 р. на душу) 32 500. Итак, вы пятью стами рублей хотите устроить всё и даже мне выслать! Теперь рассмотрите: большая часть долга вашего следует Андрею Андреевичу. Вы процентов ему не платите, а в казенной вы должны платить проценты. Итак, лучше ж вам уплачивать по частям капитал, нежели проценты, которые будете вы бросать даром. Итак, мое мнение: если вы хотите закладывать, то заложите по крайней мере половину так, как было прежде, и получите 18 т. Впрочем, это только мнение мое. Вы можете его принять и отвергнуть, это совершенно в вашей воле. Впрочем, я скажу о себе, что я хотя не хвалюсь ни хозяйственными познаниями, ни тем, что от меня ничто не скроется, но по крайней мере я имею довольно ясный взгляд на вещи, чтобы видеть верное и благоразумное, и что неверно. Вы вспомните, как я вам отсоветывывал заводить фабрику кож. Я не отвергал полезности,

[1] только 15 тысяч

но разве я не вооружался против этих подрядов, и шивки сапогов, и разных сложных вещей, которые можно предпринимать тогда только, когда твердое основание положится. Я удивлялся, как вы не видели, что денег[1] вначале больших вовсе не нужно. Я видел, что всё предприятие было до крайности детское. Я не хотел итти явно наперекор и вооружать против себя, но я из Петербурга писал к вам и чтобы придать более весу словам моим[2] говорил, что советовался с опытными мастерами, между тем как это было просто мое мнение. Вы имеете прекрасное сердце и может быть это настоящая причина, что вас не трудно обмануть. Я очень постигаю вас. Я знаю, что ваша вся жизнь была в заботах, что вы вечно должны были бороться с критическими обстоятельствами. От этого не мудрено, что душа ваша ищет успокоения в мечте и что вы любите предаваться ей как верному своему другу и не мудрено, что она вас завлекает иногда. Вам нужен советник, который бы практическим образом глядел на жизнь. Этот советник ваш буду я. Почитайте меня за друга, с которым вы должны делить свои мысли и не сердиться, если этот друг[3] будет подавать вам советы. Если же вы советы станете почитать за строгие наставления и умничание, ваш друг тогда замолчит, и вы ничего от него не услышите. О делах хозяйственных, о средствах к уплате долгов и о прочем поговорим, когда увидимся. Я намерен не шутя приняться за хозяйство, и грех на моей душе лежит, что я не сделал этого прежде, набросив на вас целый груз самых тягостных забот, омрачивших вашу драгоценную для нас жизнь.

Теперь поговорим о не так важных пунктах вашего письма. Вы слишком предаетесь вашим мечтаниям. Вы, говоря о моих сочинениях, называете меня гением. Как бы это ни было, но это очень странно[4]. Меня, доброго, простого человека, может быть, не совсем[5] глупого, имеющего здравый смысл, называть гением! Нет, маминька, этих качеств мало, чтобы составить его, иначе у нас столько гениев, что и <не> протолпиться. Итак, я вас прошу, маминька, не называйте меня никогда таким образом, а тем более еще в разговоре с кем-нибудь. Не изъявляйте никакого мнения о моих сочинениях и не распространяйтесь о моих качествах. Скажите только просто, что он добрый сын, и больше ничего

[1] что сумм
[2] словам моим *вписано.*
[3] если он
[4] это чрезвычайно смешно
[5] не столь

не прибавляйте и не повторяйте несколько раз. Это для меня будет лучшая похвала.

Если бы вы знали, как неприятно, как отвратительно слушать, когда родители говорят беспрестанно о своих детях и хвалят их! Я вам говорю, что я никогда не чувствовал[1] уважения к таким родителям, я их считал всегда жалкими хвастунишками, и сколько мне удавалось слышать от других, то и им казались отвратительными все похвалы эти. Еще одна просьба: не судите никогда, моя добрая и умная маминька, о литературе. Вы в большом заблуждении. Вы воображаете, что умный человек непременно должен судить о литературе и понимать ее — ничуть не бывало.

Я знаю очень много умных людей, которые вовсе не обращают внимания на литературу, и тем не менее я их уважаю. Литература вовсе не есть следствие ума, а следствие чувства, — таким самым образом, как и музыка, как и живопись. У меня например нет уха[2] к музыке, и я не говорю о ней, и меня оттого никто не презирает. Я не знаю ни в зуб математики, и надо мною[3] никто не смеется. Но если, не зная математики, начну говорить о ней, тогда надо мною будет всякой смеяться.

Знаете ли вы, в какой можно попасть просак. Вот вы, например, приписали мне сочинения такого автора, которым гнушается истинный[4] вкус, автора, который ничего решительно не имеет общего со мною, которым только на хуторах восхищаются и который пользуется презрением даже от не совсем постигающих[5] читателей, а вы его приписали мне, и когда я уверял вас в моем письме, клялся, — вы упрямо стояли на своем. Когда я прочитал этот кусок из вашего письма одному человеку, имевшему вкус (я однако ж ни слова не сказал, что это письмо ваше), он захохотал[6]. Мне самому было смешно, когда я читал его, но вместе досадно, когда я видел, как умная, прекрасная дама, исполненная истинного благородства души, может себя компрометировать и унизить. Видите ли, как много нужно тонкости и особенного чутья в литературе, которое и литераторам даже дается немногим, чтобы судить верно. Вас обмануло то, что вам точно дано чувство

[1] *В подлиннике:* не учавствовал!

[2] нет сочувствия

[3] и меня

[4] истинный и глубокий

[5] *Было начато:* от имеющих

[6] захохотал тому сравнению ибо

и вкус вообще и что вам показались понятными и хорошими некоторые места, и вы положили, что можете разобрать и осудить строго творение. Но знаете ли вы, что именно те места, которые вам незаметны, те-то и есть, может быть, истинно достойные и что, может быть, вы видите только сотую долю того, что другой видит или должен бы видеть всё. Очень трудно это искусство! Знаете ли, что в Петербурге, во всем Петербурге, может быть, только человек пять и есть, которые истинно и глубоко понимают искусство, а между тем в Петербурге есть множество истинно прекрасных, благородных, образованных людей. Я сам, преданный и погрязнувший в этом ремесле, я сам никогда не смею быть так дерзок, чтобы сказать, что я могу судить и совершенно понимать такое-то произведение. Нет, может быть, я только десятую долю понимаю. Итак, не говорите о ней. Если вас спросят — отвечайте, но отвечайте односложно и переменяйте тотчас разговор на другое. Помните, что это говорит вам друг ваш, который желал бы, чтобы весь свет почитал вас так, как вы того заслуживаете прекрасными вашими качествами. Но об этом довольно. Посылаю вам в завершение мои повести, довольно давние, которые впрочем недавно вышли из печати.

Посылаю вам несколько огородных семян. Поспешите их приказать посеять, только место нужно выбрать хорошее и поливать пред восхождением солнца и по захождении. Сестры посылают племянникам конфект.

Не знаю, буду ли я еще к вам писать, или, может быть, уже не удастся — разве из Москвы напишу. Будьте здоровы и да пошлет вам Бог всё хорошее, урожай на хлеб и на всё хозяйство. Обнимаю сестер и племянников, Павла Осиповича и Катерину Ивановну вместе с моею кузиною, если они только вблизи от вас. Праздники здесь были (кстати, поздравляю вас с праздниками), праздники здесь были очень дурны. На первый день явилась вдруг зима с морозом и санною дорогою[1] после совершенно весенних дней. Теперь идут беспрестанно дожди.

Преданный вам сын

Николай.

Апреля 12. 1835 г. СПб.

[1] с снегом и са<нною дорогою>

265. М. П. Погодину

1835. Апреля 17. <Санкт-Петербург>

Сам чорт разве знает, что делается с носом! Я его послал как следует, зашитого в клеенку, с адресом в Московский университет. Я не могу и подумать, чтобы он мог пропасть как-нибудь. У нас[1] единственная исправная вещь: почтамт. Если и он начнет заводить плутни, то я не знаю, что уже и делать. Пожалуста, потормоши хорошенько тамошнего почтмейстера. Не запрятался ли он куда-нибудь по причине своей миниатюрности между тучными посылками.

Через две недели буду в Москве.

Твой Гоголь.

266. Секретарю Совета Императорского Человеколюбивого Общества Г. А. фон Шверину

<Конец апреля 1835. Санкт-Петербург>

М<илостивый> г<осударь>

Густав Адольфович.

Я к вам с покорною просьбою. Две недели собираюсь к вам, но болезнь пригвоздила меня к четырем стенам моей квартиры и потому решаюсь писать к вам. Я еду на Кавказ. Николай Михайлович сказал мне: отпуск выдается, когда я получу увольнение из университета. Попечитель мне сказал, что он разрешает отъезд мой, но отпуска я не могу получить раньше, покамест не пройдет все это канцелярским порядком, что будет в четверг, а между тем я в пятницу еду, потому что товарищ, едущий со мною, не может ждать, да и мне тоже нельзя уже больше откладывать. Итак, я покорнейше прошу вас, приняв в уважение подобное обстоятельство, изъяснить Николаю Михайловичу мою надобность, чем премного обяжете и без того обязанного вам много Н. Гоголя.

<*На обороте:*>

Его высокоблагородию милостивому государю Густаву Адольфовичу Шверину, в доме Человеколюбивого общества на Литейной.

[1] У нас в России

267. Ректору Императорского Санкт-Петербургского университета А. А. Дегурову

<25–30 апреля 1835. Санкт-Петербург>

Милостивый государь
Антон Антонович.

Вследствие запроса его сиятельства г-на попечителя о причине небытности моей на лекции, имею честь донести вашему превосходительству, что причиною этому была болезнь моя, а во вторых и желание дать студентам сколько-нибудь времени подготовиться к имеющемуся быть испытанию. О чем я заблаговременно их уведомил.

Я был у декана историко-филологического факультета и изъяснился насчет часов. Он теперь отстранил неудобства, препятствовавшие ему быть и может присутствовать лично от 2 до 4-х в пятницу.

С совершенным почтением и преданностью
имею честь быть
вашего превосходительства
покорнейший слуга

Николай Гоголь.

268. Н. Я. Прокоповичу

Май 24. <1835.> Полтава.

Пишу к тебе из дому. Сижу дома на перепутьи около недели уже, не зная, куда лучше ехать — на Кавказ или в Крым, где ныне славятся минеральные грязи и купальни в море. Из Москвы никак не мог писать: был страшно захлопотан и при всем том многих не видел.

Твоя пиеса за день до моего приезда только получена и еще до сих пор не была в руках Совета. Я поручил Погодину сей же час уведомить тебя и дал ему твой адрес. Получил ли ты от него отзыв или нет? Ну, что слышно у вас в Петербурге и что там делается теперь? Мне кажется, как будто я уже год его не видел. Да, пожалуста, я к тебе с просьбою: сделай милость, ступай на мою квартиру и адресуйся к Матрене, чтобы она тебе дозволила вход к книгам, и возьми там Историю Англии аббата де Тоараса, на русском, один том, содержащий 1 и 2 часть, он в кожаном переплете, и пришли мне, пожалуста, как можно его поскорее. Крайняя в нем нужда. Если же, на случай там как-нибудь не отыщешь, то возьми у Смирдина и пришли мне немедленно. Еще: сходи

к Роспини и купи у него три термометра — 2 для комнаты и один, долженствующий быть на дворе, обыкновенных, простых, которые я у него брал по три рубли каждый, и того составит 9 рублей. Переложи их хлопчатою бумагою в деревянном ящике и пришли мне вместе с книгою. Все издержки с благодарностью возвращу. Или нет: два термометра ты можешь снять с крючков у меня в комнате; только один, стало быть, тебе нужно купить. Обнимаю и целую тебя и прощаюсь до скорого времени. Напиши, пожалуста, что делаешь, и что такое писатоночки, и как пребывают Ге, Гус, Гюго, Жанен и проч., и проч., и проч.

Твой Гоголь.

Адрес мой: в Полтаву, а оттуда в д. Васильевку.

269. Г. И. Спасскому

<1 июня 1835. Васильевка>

Милостивый государь
Григорий Иванович!

Ожидал я долго вести от вас, тем более что мне нетерпеливо желалось знать, как вам показалось новое место жительства и тамошний край. Я чуть-чуть было не побывал сам в Перекопе и в Крыму южном за минеральными грязями и следами татарскими и древних казаков, но куча домашних забот можно сказать схватила меня за горло и не пускала. Вот по какой причине я не писал вам и ожидал по вашему благосклонному ко мне расположению передовой весточки. Я уже хотел на вас пенять, что меня позабыли вовсе, но сообразивши хлопоты, которые должны вы были без сомнения иметь при вашем вступлении в новую должность, успокоился и уверил себя, что вы не позабудете того, который искренно с сердечною простотою расположен к вам.

Сделайте милость, хоть тремя строчками уведомьте меня о вашем здоровье, также и о здоровье почтеннейшей супруги вашей и как вы нашли всё. Я воображаю вас поздоровевшим, потолстевшим, с свежею краскою в лице, какую навеял вам крымский воздух, воображаю вас сбросившим с себя по крайней мере лишних 15 лет, купающимся в море, имеющим всегда хороший аппетит, одним словом как следует вам быть и каким бы я желал вас всегда видеть.

Что же касается до меня, то я вначале было прихворнул и начал лечиться, брать ванны, но после всё это бросил, увидевши, что здешний воздух и без того помогает и теперь и меня

поправил, по крайней мере лучше петербургского моего здоровья. Управившись немного с хлопотами, теперь читаю старые рукописи, которых удалось выкопать изрядный запасец, всё большей частью относящийся к малоросс<ийской> истории. Чем теперь занимаетесь Вы? Впрочем, я думаю, вам еще не до того, чтобы заниматься своими делами собственными или нашими книжными. Да, кстати я имею к вам небольшую просьбу, в которой уверен, что вы по благосклонности своей ко мне не откажете. Я намерен отправить подводы за солью, которой в наших местах вообще недостаток и дорого продается. Сделайте милость, уведомите меня о ценах и какую и где выгоднее брать увед<омите>. Да еще прошу вас, уведомите, что выгоднее повесть в Крым на продажу из хозяйственных произведений, как-то хлеб, сало и прочее и прочее. Здесь такое безденежье и такая невозможность продать, какой я никогда еще не помню несмотря на все неурожаи прошедшие. Известием об этом меня крайне обяжете.

Часто ли вы делаете разъезды или сидите на месте? Я наугад адресую вам в Перекоп. Может быть, вы находитесь теперь гденибудь в другом месте. Я думаю, вы теперь занимаетесь наблюдением тамошним краем. В том и другом случае желаю вам во всем успехов и исполнения всех желаний. Остаюсь навсегда преданным и покорнейшим слугою вашим

Н. Гоголь.

При всем прошу засвидетельствовать мое глубокое почтение супруге вашей.

Адресуйте мне письма в Полтаву, а оттуда в д. Васильевку.

1835 июня 1-го.
Д. Васильевка.

270. Г. И. Спасский — Н. В. Гоголю

<22 июня 1835. Перекоп>

Любезнейший Николай Васильевич!

Давно мне хотелось написать Вам, но неизвестность адреса вашего удерживала меня от этого удовольствия. Теперь, получив 19 июня письмо Ваше от 1-го числа, долгом считаю благодарить вас за него и по возможности исполнить ваши требования. Вы желаете знать о Перекопе. Перекоп — пустыня, безводная и безлесная, но обладающая чистым воздухом, здоровым климатом и некоторыми историческими памятниками. Крым делится с ним только 25° жаром и недозрелыми фруктами. Перекоп же

не дает Крыму ничего. Такое место и нас не могло привязать к себе. Здоровье мое, благодаря Богу, по крайней мере не хуже прежнего. Время докажет, может ли оно улучшиться. Купаться в море я с неделю начал, но ни вреда, ни пользы еще не вижу. Лежать в грязях мне не советуют, потому что не страждую ревматизмом, от которых они излечивают преимущественно. Объехав ближайшие места паствы моей, т. е. Перекопские и Генические соленые озера, по окончании нынешней добычи соли, думаю, в последней уже половине августа пущусь на Днепр и потом в славный Крым. В обеих этих местах столько истинно классического! Но достанет ли моего и уменья и здоровья тем воспользоваться!

По Днепру надеюсь и для вас кое-что найти от Запорожской Старины. Приездом сюда вы сделали бы нам неоценимый подарок. Но пользоваться грязями не поздно ли? Кому было нужно, все уже приехали. Если приедете сюда будущим летом пораньше, то мы вместе отправимся по Крыму и после вы для роздыха полежите в грязях. С Богом снаряжайте к нам людей за солью, не только на трех, хоть на пол-дюжине и более фур, да присылайте всякого хлеба, какой есть в избытке, особенно овса, гречневых круп и проса или пшена, в которых, по крайней мере теперь, здесь нуждаются. Впрочем во время выволочки соли (которая только начнется скоро и продолжится до сентября) всякий хлеб можно сбыть с выгодою. Из приложенной записки увидите, какие здесь существуют цены. Если посланцы ваши не найдут уже меня в Перекопе, то пусть обратятся к Досмотрщику у Перекопских ворот г. Падалке, которому поручится преподать им все нужные наставления и пособия.

В заключение свидетельствуя Вам и почтеннейшей матушке Вашей мое и Пелагеи Арсеньевны почтение имею честь быть

Вашим покорным слугою Г. С<пасский>.

Перекоп.
22 июля[1] 1835 года.

271. И. И. Срезневскому

<11 июля 1835. Васильевка>

Милостивый государь,
Измаил Иванович.

Приятное для меня письмо ваше я получил. Благодарю вас за Ваше поздравление и душевно жалею, что не могу никаким

[1] *Так в публикации.*

образом быть у вас в Харькове. Маршрут мой теперь на Киев, куда призывают меня кое-какие гербовые заботы, а между прочим нужно видеться и с нашим земляком, моим старым приятелем, вам известным Максимовичем, которому я уже дал слово. Эти же три недели, которые остаются мне, я намерен отдохнуть после поездки моей в Крым,[1] где странствовал для здоровья и для того, чтобы повидать его.

Итак, мне остается заочно приветствовать вас и говорить с вами.

Очень рад, что вы наконец отпечатали 4 книжки разом вашей Старины и с нетерпением жажду читать их,[2] благодаря заранее вашу доброту[3], обещающуюся мне прислать их. Адресуйте мне так, как адресовали письмо: в Полтаву, а оттуда в д. Василевку. Чем скорее пришлете, тем лучше.

Желая вам всего-хорошего: трудов, охоты, здоровья и денег,

остаюсь вам преданный

Николай Гоголь.

1835 июля 11
Д. Василевка.

272. В. А. Жуковскому

Полтава, июля 15. 1835.

Человек, страшно соскучивший без Вас, шлет Вам поклон из дальнего угла Руси с желанием здоровья, вдохновенья и всех благ. Может быть, Вы и не догадаетесь, что этот человек есть Гоголь, к которому Вы бывали всегда так благосклонны и благодетельны. Всё почти мною изведано и узнано, только на Кавказе не был, куда именно хотел направить путь. Проклятых денег не стало и на половину вояжа. Был только в Крыму, где пачкался в минеральных грязях. Впрочем, здоровье, кажется, уже от однех переездов поправилось. Сюжетов и планов нагромоздилось во время езды ужасное множество, так что[4] если бы не жаркое лето, то много бы изошло теперь у меня бумаги и перьев. Но жар вдыхает страшную лень, и только десятая доля положена на бумагу и жаждет быть прочтенною Вам. Через месяц я буду сам звонить

[1] *Начато:* куда
[2] *Начато:* и
[3] за вашу доброту
[4] *Далее начато:* не дает

колокольчик у ваших дверей, крехтя от дюжей тетради. А теперь докучаю вам просьбою: вчера я получил извещение[1] из Петербурга о странном происшествии, что место мое в Пат<риотическом> инст<итуте> долженствует заместиться другим господином. Что для меня крайне прискорбно, потому что, как бы то ни было, это место доставляло мне хлеб, и притом мне было очень приятно занимать его, я привык считать чем-то родным и близким. Мне странно, потому что не имеет права сделать этого Лонгинов, и вот почему. Когда я просился на Кавказ для поправления здоровья, он мне сказал, что причина моя законна, и никакого препятствия нет на мой отъезд. Зачем же он мне тогда не сказал, что поезжайте, но помните, что вы чрез это лишитесь своего места, тогда другое дело, может быть я бы и не поехал. Впрочем, Плетнев мне пишет, что еще о новом учителе будет представление в августе месяце первых чисел, и что если императрица не согласится, чтобы мое место отдать новому учителю, то оно останется за мною. И по этому-то поводу я прибегаю к вам, нельзя ли так сделать, чтобы императрица не согласилась. Она добра и, верно, не согласится меня обидеть. Впрочем, что то будет, то будет, а верно будет так, как лучше. Всё, что ни случалось, доброе и злое, всё было для меня хорошо. Дай Бог, чтобы и вперед так было. Желая Вам всего, что есть для нас лучшего, обнимая Вас, целуя и оставаясь с совершенным почтением и глубокой преданностью

всегда ваш Гоголь.

273. М. А. Максимовичу

Полтава. Июль 20 дня. 1835.

О тебе я потерял совершенно все слухи. Не получая долго писем, я думал, что ты занят; к тому же на ухо шепнула мне лень моя, что нечего и тебе докучать письмами, и я решился лучше всего этого явиться к тебе вдруг в Киев. Но вышло не так: ехавшему вместе со мною нужно было поспешать в срок и никак нельзя было делать заездов, и Киев был пропущен мимо.

Теперь я живу в предковской деревне и через три недели еду опять в Петербург к 13 или к 14. Впрочем, буду непременно в Киев, нарочно сделавши 300 верст кругу, и проживу два дни с тобою. И тогда поговорим о том и о другом, и о прочем. Больше, право, ничего не знаю и не умею сказать тебе, кроме того разве, что я тебя крепко люблю и с нетерпением желаю

[1] странное извещение

обнять тебя, впрочем, ты, верно, это и без моих объявлений знаешь.

Тупая теперь такая голова сделалась, что мочи нет. Языком ворочаешь так, что унять нельзя, а возьмешься за перо — находит столбняк. А что, как ты? Я думаю, так движешься и работаешь, что небу становится жарко. Дай тебе Бог за то возрастания сил и здоровья. Если будет тебе время, то отзовись еще, письмо твое успеет застать меня. Право, соскучил без тебя. Дай хоть руку твою увидеть. Прощай.

Твой Гоголь.

274. А. С. Данилевскому

<Начало августа (до 8 числа) 1835. Васильевка>

Не позабудь меня уведомить в случае какого-нибудь изменения по части нашего выезда, то есть если он подвинется подальше воскресенья (пославши верхового из Сорочинец в пятницу или субботу). Если же всё по-старому, то мы все будем в Сорочинцы в воскресенье на обед, никак не позже 2 часов, а если можно, то и раньше, чтобы пораньше и выехать после обеда в то же воскресение.

Твой Г<оголь>.

<*На обороте:*>

Александру Семеновичу Данилевскому.

275. М. П. Погодину

<Около 4 мая или конец августа 1835.> Москва.

Завтра в 3 часа к обеду нагрянет к тебе весь ученый мир, предводимый растением Редькою. Означенное растение Редька нарочно присылал к тебе человека узнать квартиру твою, ибо мы с тобою, по свойственному одним нам благоразумию, забыли выставить место жительства.

276. М. П. Погодину

<Около 4 мая или конец августа 1835.> Москва.

А что же брюки? О Боже мой, Боже мой! Боже мой! Боже мой! что это такое делается с нами! Пожалуста, дай знать, когда мне можно тебя застать дома. Мне хотелось поговорить еще о многих вещах с тобою.

Твой Гоголь.

277. Н. П. Боткину

<27 августа 1835. Москва>

Обедать не соберусь покуда. Но если вы завтра ввечеру (т. е. в середу) дома и никого у вас не будет, кроме люду домашнего, то мы с Данилевским заглянем к вам около 8-ми часов.

Весь ваш Н. Гоголь.

278. М. И. Гоголь

Сентября 2. 1835. СПб.

Пишу к вам на другой день после приезду моего в Пбрг, который совершился благополучно. Приехал я здоров, всё нашел хорошо. Был у сестер. Обе они, как Анет, так и Лиза, довольно подросли за эти 4 месяца и во всё продолжение их были совершенно здоровы. Сентябрь здесь стоит прекрасный. Погода самая приятная, дни солнечные. За сим известивши вас обо всем этом и желая вам, почтеннейшая маминька, здоровья и счастья со всем домом, остаюсь Вашим послушным сыном

Николай.

279. М. И. Гоголь и Е. И. Ходаревской

Сентября 22 <1835>. Спб.

Я получил письмо ваше из Белгорода. Поздравляю вас с благополучным приездом, и радуюсь душевно, что поездка эта доставила вам успокоение и развлекла немного.

Поздравляю вас также с наступающим днем Ангела вашего. Желания не прибавляю: оно без сомнения известно. Если бы оно только исполнилось, то вы бы давно не имели[1] неприятных забот и жили бы смеясь от утра до вечера. Лиза и Анна, без сомнения, желают того же, хотя[2] и не успели написать вам своего поздравления. Я посылаю при сем их прежн<ие> письма, которые у них несколько залежались.

Очень прискорбно мне было от вас слышать, что хлеба у нас дурны. Я не знаю, как вы в состоянии будете прокормить крестьян. Как вы сделались с Татьяной Ивановной? Ведь, кажется, кроме этого едва ли теперь вам приходится взносить в ломбард. Но впрочем Бог, верно, устроит всё хорошо.

[1] *Далее было:* и

[2] *Далее было:* при<соединить>

Ведь я, кажется два года тому назад, был у вас на именинах, и, помнится мне, довольно не скучно мы провели. Еще ваши именины я помню один раз, назад лет пять слишком, когда я был еще дома. Когда был… Кто бишь были, я никого уже не помню… Кажется, Данилевский Федор Яким<ович>. Что он? что делает? и как поживает с своею молодою супругою? А что Ларий Тр<ощинский>, служит или в отставке и чем занимается? Передайте ему поклон. Каковы вести об Андр<ее> А<н>др<еевиче>. Также и о Косяревских. Если Агафия Матвеевна живет у нас, то напомните ей, что я очень часто вспоминаю о ней.

Милостивая государыня
Катерина Ивановна!
Припасли ли вы мне песенок?

Ваш Николай.

280. М. И. Гоголь

1835. СПб. Октября 1-го.

Поздравляю Вас, маминька, с днем вашего Ангела и желаю вам всего, что может составить счастие Ваше на земле. Чтобы имели сколько можно менее беспокойства, чтобы Бог благословил и наградил ваши попечения, чтобы дети Ваши, то есть все мы, были всегда послушны, признательны и почтительны и чтобы вы меньше задумывались и больше веселились. Я Вашими молитвами здоров и спокоен, прочее всё пустое и трынь-трава. Сестры тоже здравствуют и без сомнения будут писать вам поздравления.

Передайте поклон мой Василю Ивановичу Чарнышу, Татьяне Ивановне и Анне Семеновне. Что, она еще не вышла замуж? Но особенный поклон бабушке Марье Илиничне, а вслед за тем тетушке Катерине Ивановне, которой скажите, что очень жалею, что до сих пор незнаком с моей сестрицей.

Что же касается до любезной сестрицы Марии Васильевны, то я хотел ей написать особенно с присылкою кое-каких дамских атрибутов, но отлагаю до другого времени и посылаю поклон, который да разделит она пополам между собою и мужем.

Ваш покорный сын Николай.

Да скажите пожалуста, какой плут полтавской почтмейстер, я, право, буду на него жаловаться. Мне были посланы отсюда две посылки, которые я должен был получить еще в июне месяце, а он ни об одной из них не объявил. Сделайте милость, поручите

Павлу Осиповичу справиться. В одной из них находятся термометры, а в другой книги. Термометры оставьте у себя, а книги мне пришлите назад. Не дурно, если случатся у вас готовые пары три шерстяных чулок, присообщите к книгам.

281. М. И. Гоголь

Приписка в письме А. В. Гоголь к М. И. Гоголь

<А. В. Гоголь — М. И. Гоголь>

1835 года. Сентября <последние числа. Санкт-Петербург>.

Дражайшая маменька!

Честь имею вас поздравить со днем вашего Ангела, желаю вам его провести как можно веселее. Как бы мне хотелось вас лично поздравить, но нужно немного, надеюсь, потерпеть, так Богу угодно. Посылаю вам моей работы карточные щеточки. Я нашла братца гораздо лучше против прежнего, он очень пополнел. Уведомте меня, бесценная маменька, о вашем здоровье; что касается до меня, то я, слава Богу, здорова. Вот уж 3-тий год, как я не была на ваших именинах. Прощайте, неоцененейшая маменька. Целую ручки бабушек, тетиньки. Сестриц, братца и племянников целую.

Целую ваши ручки, бессчетно раз, и остаюсь вас истинно по гроб любящая дочь.

Annette Gogolle.

<Приписка Н. В. Гоголя>

Письмо Ваше я получил посла<нное> вами от 17 октября. Очень рад, что вы здоровы. Дай Бог, чтоб и впредь было так же. Я тоже здоров и жалею, что не удалось мне отведать дынь и арбузов, о которых вы пишете.

Больше не могу писать, потому что сию минуту прислали за мною и я должен ехать в наше правление. Обнимая сестру <?> и Павла Ос<иповича>, отлагаю до следующего письма.

Ваш сын Н. Гоголь.

282. А. С. Пушкину

Октября 7. 1835. СПб.

Решаюсь писать к вам сам; просил прежде Наталью Николаевну, но до сих пор не получил известия. Пришлите, прошу вас убедительно, если вы взяли с собою, мою комедию, которой

в вашем кабинете не находится и которую я принес вам для замечаний. Я сижу без денег и решительно без всяких средств, мне нужно давать ее актерам на разыграние, что обыкновенно делается, по крайней мере, за два месяца прежде. Сделайте милость, пришлите скорее и сделайте наскоро хотя сколько-нибудь главных замечаний. Начал писать Мертвых душ. Сюжет растянулся на предлинный роман и, кажется, будет сильно смешон. Но теперь остановил его[1] на третьей главе. Ищу хорошего ябедника, с которым бы можно коротко сойтиться. Мне хочется в этом романе показать хотя с одного боку всю Русь.

Сделайте милость, дайте какой-нибудь сюжет, хоть какой-нибудь смешной или не смешной, но русской чисто анекдот. Рука дрожит написать тем временем комедию. Если ж сего не случится, то у меня пропадет даром время, и я не знаю, что делать тогда с моими обстоятельствами. Я, кроме моего скверного жалованья университетского 600 рублей, никаких не имею теперь мест. Сделайте милость, дайте сюжет, духом будет комедия из пяти актов, и клянусь, будет смешнее чорта. Ради Бога. Ум и желудок мой оба голодают. И пришлите *Женитьбу*. Обнимаю вас и целую и желаю обнять скорее лично.

Ваш Гоголь.

Мои ни Арабески, ни Миргород не идут совершенно. Чорт их знает, что это значит. Книгопродавцы такой народ, которых без всякой совести можно повесить на первом дереве.

283. М. И. Гоголь

Ноября 10 <1835>. С.-Пб.

Я получил ваши два письма почти вдруг одно после другого. Одно меня порадовало, потому что я видел из него, что вы веселы, а другое не понравилось мне, потому что из него видно, что вы были скучны и в печальном расположении духа. Я должен с горестью заметить вам, маминька, что вы, чем далее, теряете ясность и спокойствие души. Вас тревожат всякие мелочи, вы ищете непременно предчувствий, предзнаменований,[2] вы начинаете верить самым пустым приметам. Одним словом, Вы живете в каком-то особенном мире. Ваши мысли наполнены мечтами. Вы, кажется, часто невнимательны решительно ни к чему.

[1] Но теперь остановился

[2] *В подлиннике без запятых:* предчувствий предзнаменованья

Ради Бога, маминька, ищите больше обществ, развлекайте себя. Вы даже пишете мне о снах своих. Помилуйте, маминька, мало ли всякой чепухи снится нам, да если мы будем обо всем вздоре думать, так у нас поневоле голова пойдет кругом. Вы пишете, что очень странный сон вам виделся. Да, когда же сны не бывают странные! Мне прежде снилась такая дичь, что, верно, в пятьсот раз более странна. Сон есть отражение наших беспорядочных мыслей. То, что мы думаем, что нас занимает, нам видится и во сне, только натурально на изнанку. Хотите ли, я вам объясню ваш сон. Вы составили <о> мне идею, что я окружен какими-то друзьями; а так как вы любите сей час ваше предположение утвердить, стоять за него горою и уже никто вас не переуверит, и Вы уже потом идете дальше и дальше в мыслях, что эти друзья меня обманывают и проч. и проч., что вы, помни<тся>, мне часто говорили, хотя, признаюсь, мне совершенно были непонятны слова ваши, то вам и приснилось: что я говорю вам: вот что наделали мне друзья! А часы явились вам, как воспоминание, которое иногда вдруг приходит[1] к нам во сне, иногда из самых времен детства, и о которых мы совсем не думали. Вот вам с идеею о мне вспомнились и те часы, о которых я писал к вам из Любека, что когда бьет на них 12 часов, показываются 12 человеческих фигур. При этом, может быть, вы часто думали о моем будущем путешествии по Европе и вот вместе с этим что-нибудь взбрело вам на ум и о моем прежнем пребывании за границею. Итак, вы видите, маминька, что сон есть больше ничего, как бессвязные отрывки, не имеющие смысла, из того, что мы думали, и потом склеившиеся вместе и составившие винигрет. Сделайте милость, пожалейте всех нас, маминька, не предавайтесь мечтательности. Вспомните, как вы прежде были веселы и с вами не скучно было быть вместе никому. Мы все здесь здоровы. Сестры растут, и учатся, и играют. Я тоже надеюсь кое-что получить приятное. Итак, чего же вам более, годка через два я приду в такую возможность, что может быть приглашу вас в ПБург посмотреть на них, а до того времени вам нечего досадовать. Истинный и добрый христианин никогда не бывает суеверен и не верит пустякам. Напишите мне о том, писали ли в опекунский совет о рассрочке, или нет. Напишите также, куда баб<ушка> Мар<ья> Илична подала просьбу и которого числа и месяца. А до того до свиданья. Занимайтесь больше хозяйством и ездите больше по гостям. То и другое вас развлечет.

Ваш Николай.

[1] явля<ется>

Благодарю тебя, милая сестра, за приписку и известие о моем крестнике и о Павл<е> Ос<иповиче>. — Благодарю тебя за усердие, с которым ты стараешься наделить меня старинными картами, только это мне вовсе не нужно и не относится к моему предмету. Обнимаю тебя от души. Твой брат.

284. М. И. Гоголь

Ноября 19 <1835>. СПб.

Письмо ваше получил 12-го сего месяца. Если будет время и возможность, то я постараюсь доставить вам сулемы <?>. Об Олиньке я хлопотал. Мало имею надежды; на свой счет покамест не могу. Впрочем, это дело еще впереди. Посылаю вам письма сестер, которые, слава Богу, здоровы. Благодарю очень сестру за приписку, а еще более за любовь, в награду за которую затерял я письмо к ней от Анет. Целую Николиньку и Ваничку и постараюсь привезть им гусаров или лошадей.

Желаю вам здоровья и веселого расположения духа.

Остаюсь ваш

Николай.

285. М. П. Погодину

1835. Декабря 6. СПб.

Здравствуй, душа моя! Спасибо тебе, что ты приехал и написал ко мне. Но я думал, что ты сделаешь лучше и приедешь прежде в Петербург. Мне бы хотелось на тебя поглядеть и послушать, послушать, что и как было в пути, и что Немещина и немцы. Этого мне хотелось потому, что твои глаза ближе к моим, чем кого другого. Но на письме, я знаю сам, что писать об этом слишком громоздко, и для нас, людей ленивых, очень скучно. Я жадно читал твое письмо в Журнале просвещения, но еще хотел бы слушать изустных прибавлений. Уведомь, какие книги привез и что есть такого, о чем нам неизвестно.

Я расплевался с университетом, и через месяц опять беззаботный козак. Неузнанный я взошел на кафедру и неузнанный схожу с нее. Но в эти полтора года — годы моего бесславия, потому что общее мнение говорит, что я не за свое дело взялся — в эти полтора года я много вынес оттуда и прибавил в сокровищницу души. Уже не детские мысли, не ограниченный прежний круг моих сведений, но высокие, исполненные истины и ужасающего величия

мысли волновали меня... Мир вам, мои небесные гости, наводившие на меня божественные минуты в моей тесной квартире, близкой к чердаку! Вас никто не знает. Вас вновь опускаю на дно души до нового пробуждения, когда вы исторгнетесь с большею силою и не посмеет устоять бесстыдная дерзость ученого невежи, ученая и неученая чернь, всегда соглашающаяся публика...[1] и проч. и проч. ... Я тебе одному говорю это; другому не скажу я: меня назовут хвастуном, и больше ничего. Мимо, мимо всё это! Теперь вышел я на свежий воздух. Это освежение нужно в жизни, как цветам дождь, как засидевшемуся в кабинете прогулка. Смеяться, смеяться давай теперь побольше. Да здравствует комедия! Одну наконец решаюсь давать на театр, прикажу переписывать экземпляр для того, чтобы послать к тебе в Москву, вместе с просьбою предуведомить кого следует по этой части. Скажи Загоскину, что я буду писать к нему об этом, и убедительно просить о всяком с его стороны вспомоществовании, а милому Щепкину: что ему десять ролей в одной комедии; какую хочет, пусть такую берет, даже может разом все играть. Мне очень жаль, что я не приготовил ничего к бенефису его. Так я был озабочен это время, что едва только успел третьего дни окончить эту пиесу. — Той комедии, которую я читал у вас в Москве, давать не намерен на театр. Ну, прощай, мой Погодин. Обнимаю тебя очень крепко! Поцелуй за меня ручку супруги своей.

Твой Гоголь.

286. М. И. Гоголь

1835. Декабря 18. СПб.

Поздравляю вас, маминька, с наступающим Новым годом и дай Бог, чтобы он был для вас счастливее всех когда-либо бывших. По крайней мере я предчувствую, что от него нам ожидать много добра. Я, слава Богу, здоров; сестры также. Они посылают вам конфекты и кое-что из работ своих. Я, при этой оказии, приложил семена огородные: оно же и кстати на новый год: это эмблема и девиз, и вместе желание, чтобы вы насеяли много хорошего в начале этого <года> и в этом же самом, чтобы <вели жизнь веселую?> и счастливую, имеющую продолжиться отныне на все годы.

Кстати о семенах. Причину невсхода семян садовник полагает, что их глубоко садили в землю. Он советует их слегка только прикрыть землею, лишь бы закрыть семечко, чтобы солнце

[1] *Далее начато:* Бог с ними

могло на них действовать, и никак не советует прежде намачивать в воде, но садить их сухими лучше, потом полить. И потому всем этим советую Павлу Осиповичу воспользоваться.

Сестре посылаю какие нашлись у меня книги. Пусть их читает во здравие. Она их, я думаю, в одну неделю проглотит все. Желая всего хорошего и посылая при этом поклон всем родным и знакомым, остаюсь ваш сын

Николай.

287. А. С. Данилевскому

<1835. Санкт-Петербург?>

Не хочешь ли вкусить старины? В таком случае приходи ко мне в начале 2-го часу и отправимся к Гаку сразиться в бильярд и пообедаем. Это хорошо для моциона и геморроид.

Н<иколай>.

288. Неустановленному лицу

<Первая половина 1830-х. Санкт-Петербург>

Эге-ге-ге! Что это делается с тобою, скажи, пожалуста? Ни слуху, ни духу! Положим, занятия... Но всё не можно никак подумать, чтобы не нашлось времени.

1836

289. М. П. Погодину

18 генваря 1836. СПб.

Э, брат! ты совсем позабыл меня. Я ждал от тебя письма на мое письмо, да и перестал ждать. Извини, что до сих пор не посыла<ю> тебе комедию. Она совсем готова была и переписана, но я должен непременно, как увидел теперь, переделать несколько явлений. Это не замедлится, потому что я во всяком случае решился непременно дать ее на светлый праздник. К посту она будет совсем готова, и за пост актеры успеют разучить совершенно свои роли. Да скажи, пожалуйста, ты меня не уведомил, как распорядился с посланными к тебе еще в мае месяце 90 экземплярами «Миргорода». Если они не проданы еще и если тебе нужны взятые мною 500 руб., то я постараюсь прислать тебе, потому что я должен получить кое-что за комедию. Да сделай милость, пришли мне моего «Носа». Мне теперь он до крайности нужен.

Я хочу его немного переделать и поместить в небольшое собрание, которое готовлю издать. Благодарю тебя много за твои подарки: Самозванца, Русскую Историю и Лекции по Герену.

Самозванец мне очень нравится. Он не движется на сценической интриге, но тем не менее составляет полную, исполненную правды, стало быть историческую и поэтическую картину. История твоя составляет замечательное явление, но в ней есть следующий недостаток. Она больше похожа на сочинение, назначенное быть темою для профессора университета, а не для гимназического курса. В ней слишком сжато, даже, может быть, много уложено в тесные рамки. Притом в ней, мне кажется, необходимо было бы тебе именно развить тот эскиз, который ты поместил в Наблюдателе. Он мне очень нравится. Это до самого Петра чрезвычайно полное изложение, ясное, исполненное дальновидного верного вывода. Верно, ты эскиз свой писал уже после. Впрочем, во всяком случае твоя «История» останется лучшею, и я буду очень рад, если она введется во всеобщее употребление и изгонит[1] беспрестанно перевирающиеся записки, составленные вначале Бог знает кем, не поверенные умом и наблюдательностью. Жаль очень, что я не могу тебя видеть. Мне бы хотелось потолковать с тобою о весьма многом.

Да, кстати, об истории! Мне наговорили, что детская история Полевого хорошее сочинение. Я взял ее в руки, но увидел, что яблоко от яблони не далеко падает. К счастью, я получил твою и отвел немного душу.

Прощай! не можешь ли ты чего-нибудь мне выкопать о славянах? Сделай милость. Может быть, ты составил какие-нибудь выписки из разного сору и особенно что-нибудь о Галиции древней и новой. Нет ли где какого-нибудь описания обрядов, обычаев их и проч.?

Прощай. Целую тебя несколько раз. Хотелось бы мне очень побывать теперь в Москве, да не знаю, удастся ли прежде лета.

Твой Гоголь.

290. М. И. Гоголь

С.-Петербург. Февраля 10, 1836.

Я получил ваши письма оба, но медлил отвечать на них, потому что ожидал ответа князя Репнина по делу Павла Осиповича, который, к сожалению, заключает в себе отказ.

[1] *Далее было:* бесчисленные

Намерение ваше заложить в приказ я одобряю. Дай Бог, чтобы это помогло вам быть спокойнее и дало возможность управляться успешнее с хозяйскими делами. Вы напрасно только на меня имели неудовольствие, как я видел из первого письма вашего; тоже еще напраснее принимаете вы на чистые деньги слова, сказанные мною Татьяне Ивановне или кому другому. Разве вы не видите, что я шутил? Я одному говорил, когда меня спрашивали, скоро ли я буду, что я буду через пять лет, другому — через десять. Вам я сказал ближе всего к тогдашним моим мыслям; потому что я действительно думал тогда через два года приехать опять в Васильевку на неделю и через год на три месяца, воротившись из-за границы. Я к вам пишу, выпроводивши масленицу, которая была здесь не так шумна, потому что смущена была несчастным приключением. Во время представления сгорел балаган со всеми зрителями, из которых едва половину могли спасти. Это много помешало всеобщей веселости, которая всегда бывает в это время. Сестры здоровы; учатся, как говорят, очень недурно. Аннет приготовляет вам какой-то большой подарок.

Прощайте, бесценная маминька! сообщите поклон мой всем родным и знакомым нашим.

Ваш покорный сын Николай.

291. Н. Д. Белозерскому

21 февраля 1836. СПб.

Мы с вами, Николай Данилович, кажется, решились вовсе прекратить всякие сношения и переписку. Бог знает, кто из нас виноват. Может быть, мне прежде следовало писать к вам. Но во всяком случае нужно той и другой стороне подобную ошибку всегда поправлять — тем более что между нами, как между людьми вовсе нечиновными и нечинящимися, слово *поздно* не имеет в себе никакого неприличия и доказывает только благородну<ю> нашу наклонность к лени.

Прежде всего, каково здоровье ваше? потом, как ваши обстоятельства? О втором вопросе я интересуюсь потому, <что> здесь пронеслись слухи, которые я желал бы со всем участием моего сердца, чтобы были ложны. Говорят, что ваш дом сгорел. Мне очень неприятно было слышать об этом, зная, как вам дорого отцовское гнездо ваше. Вы, сделайте милость, известите меня об этом. Еще занеслись для меня другие вести, также очень, очень неприятные для меня, будто бы сгорел Нежинский лицей.

Признаюсь, это так меня огорчило, как не огорчило бы известие о сгоревшем моем собственном отцовском доме. И когда я вспомнил, как безжалостно поступила со мною судьба, или, может, какое-нибудь предопределение, или, может быть, я сам, — но не тот я, который я есть во глубине души моей, но я, раздосадованный, дорожный, рассерженный станционными смотрителями, — то, признаюсь, невыразимый упрек кипит во мне. И, как нарочно, какое было тогда прекрасное утро! одно из тех самых, которые принадлежат невозвратной нашей юности. Я и у вас был после того смутен и не с такой ясностью вас встретил. Вы уведомите меня поскорее; может быть, это неправда, и страшный леманский пожар породил всю эту длинную историю пожаров только на словах.

Известите о том, что нового в наших сторонах. Наши все ведут себя довольно хорошо и не переменились ни в чем. Божко решился, наконец, совершенно углубиться в бездну мудрости и солидной, аккуратной жизни. Всё просит читать книг и хотя еще ничего не прочитал, но со временем успеет. Карт совершенно не берет в руки; только два раза, когда я зашел к нему, он пунтировал, но и то проиграл не больше, как рублей четыреста. Шаржинский, как вам известно, навостряет лыжи в Радзивилов почтмейстером и, вероятно, скоро удерет оттуда опять в Петербург, если только какая-нибудь полька не сядет верхом на его синие очки. Романович женился на одной вдове, вояжировавшей в Италию, из которой может выйти четыре Романовича и которая едва ли не старше еще и его летами. Симоновский по-прежнему обыкновенно решительно недоволен всем. Данилевский вам кланяется; Прокопович тоже; нижеподписавшийся тоже.

Собираюсь ставить на здешний театр комедию. Пожелайте, дабы была удовлетворительнее сыграна, что, как вы сами знаете, несколько трудно при наших актерах. Да кстати: есть в одной кочующей труппе Штейна, под дирекциею Млотковского, один актер, по имени Соленик. Не имеете ли вы каких-нибудь о нем известий? и, если вам случится встретить его где-нибудь, нельзя ли как-нибудь уговорить его ехать сюда? Скажите ему, что мы все будем стараться о нем. Данилевский видел его в Лубнах и был в восхищении. Решительно комический талант! Если же вам не удастся видеть его, то, может быть, вы получите какое-нибудь известие о месте пребывания его и куда адресовать к нему.

Прощайте, мой почтенный Николай Данилович! Обнимаю вас и прошу не забывать меня.

Ваш Н. Гоголь.

292. М. П. Погодину

21 февраля 1836. СПб.

Никак не могу разрешить причины твоего молчания. Два письма я писал к тебе, и ни на одно ответа. Жив ли ты, здоров ли ты, что́ делаешь — я решительно ничего не знаю. Конечно, между нами, людьми пишущими, леность извинительна, но всё же нужно знать меру. Грех тебе, право, грех! Загладь хоть теперь его и напиши строчку.

Я теперь занят постановкою комедии. Не посылаю тебе экземпляра потому, что беспрестанно переправляю. Не хочу даже посылать прежде моего приезда актерам, потому что ежели они прочтут без меня, то уже трудно будет переучить их на мой лад. Думаю быть если не в апреле, то в мае в Москве. Не можешь ли прислать мне каталога книг, приобретенных тобою и не приобретенных относительно славянщины, истории и литературы — очень обяжешь — и, если можно, в двух-трех словах означить достоинство каждой и в каком отношении может быть полезна.

Новостей особенных здесь никаких. О журнале Пушкина, без сомнения, уже знаешь. Мне известно только то, что будет много хороших статей, потому что Жуковский, князь Вяземский и Одоевский приняли живое участие. Впрочем, узнаешь подробнее о нем от него самого, потому что он, кажется, на днях едет к вам в Москву.

Прощай! Хоть что-нибудь напиши. Авось-либо это письмо мое будет счастливее других и дождется ответа.

Твой Гоголь.

293. М. И. Гоголь

СПб. 22 февраля 1836.

Письмо ваше я получил. Рад, если вы точно избавились от хлопот взятием денег из ломбарда; и душевно желаю, чтобы не случилось так, как в первый раз, когда вы должны были всякий раз занимать, чтобы уплачивать проценты, что было несколько похоже на человека, отрезывающего себе фалды с тем, чтобы заплатать локти. В хозяйстве и желание и ревность не значат столько, сколько аккуратность и порядок: они одни только могут помочь свести концы с концами, и потому прежде всего пришлите мне небольшой счет, из которого бы я мог видеть, сколько кому назначено и уплачено вами, сколько осталось и на что намерены вы

употребить их. Это будет очень полезно и для вас самих, потому что вы, сделав такой счет, можете яснее видеть, как поступить.

Еще: я не знаю, хорошо ли вы сделали, что решились остаться без управителя. Не обманываете ли вы сами себя в этом случае? Вам даже при управителе было очень трудно, управляться без управителя еще труднее, это естественно. Я опасаюсь за вас: множество хлопот могут еще более увеличить вашу рассеянность и расстроить спокойствие ваше, для нас драгоценное. Сообразите все это и подумайте. Желаю вам во всем успехов и удачи, остаюсь

ваш послушный сын Николай.

Поклон Павлу Осиповичу, Катерине Ивановне, Олиньке и всем родным и знакомым. А сестре Марии, которую при сем случае обнимаю заочно, скажите, что я ничего не мог успеть по ее просьбе, о чем я известил Павла Осиповича особенным письмом. Я заклялся о чем-нибудь просить после этого случая, и при этом случае я только подтвердил старую свою истину, которой я всегда следовал, что человек должен возлагать надежду только на Бога и на себя. Я никогда для себя не просил и только для Павла Осиповича решился нарушить это правило.

Прощайте! Известите, как вы проводите время? с кем больше видитесь? и проч. и проч.

294. А. С. Пушкину

<2 марта 1836. Санкт-Петербург>

Посылаю вам Утро чиновника. Отправьте ее, если можно, сегодня же или завтра поутру к цензору, потому что он может ее <взять> в Цензурный комитет вместе с Коляскою, ибо завтра утром заседание. Да возьмите из типографии статью о журнальной литературе. Мы с вами пребезалаберные люди и позабыли, что туды нужно включить многое из остающегося у меня хвоста. Я прошу сделать так, чтоб эта сцена шла вперед, а за ней уже о литературе.

Н. Гоголь.

295. А. М. Гедеонов — Н. В. Гоголю

7 марта 1836 г. Санкт-Петербург.

В ответ на письмо Ваше долгом поставляю себе объяснить Вам следующее:

По Высочайше утвержденному положению (от 13 ноября 1827 г.) все пиесы разделены на 5 классов, и классификация их столь ясно распределена, что я никак не полагаю себя вправе перетолковывать законы по своему усмотрению и по воле Г. Г. Авторов. Искренно желал бы доставить все во возможное ободрение первому драматическому опыту молодого сочинителя, коего дальнейшие труды вероятно принесут и ему много славы, и Театру много пользы. Но как упомянутое положение полагает преграду моей воле, а Государь Император неоднократно повелевал: *чтобы изъятий из законов никогда и ни для кого* не делать, то я не только не могу перевести Вашей пиесы в 1 класс из 2 класса, в который она по положению принадлежит (потому что в § 3 сказано, ко второму классу принадлежат *трагедии* оригинальные и *комедии* в стихах в 3 действ<иях>, оригинальные трагедии, комедии и драмы прозою в 5 или 4 действиях), но и входить к Е. С. Г. Министру с представлением, нарушающим существующий закон, не имею права.

По §§ 8 и 10 сего положения следует за Вашу пиесу 15 часть с 2/3 сбора за каждое представление оного. Единовременная же плата по § 13 производится только с обоюдного согласия Автора с Дирекциею,— и в сем случае положены границы сему соглашению, за которые Директор не властен переступать, а именно за пиесу 2 разряда платить единовременно не свыше 2 500 р. Более сей суммы, Вы, верно, сами почувствуете, что при всем моем желании сделать Вам приятное, не могу я выдать, не подвергая себя справедливой ответственности. — А потому покорнейше прошу Вас, М. Г., известить меня, которое из двух условий угодно Вам принять? поспектакльную плату? или единовременное награждение 2 500 р. (без бенефиса, коих также по Высочайше утвержденному постановлению не назначено Г. Г. Авторам)?

В 1 случае Вы будете пользоваться тем же правом и на Московском Театре, — и если пиеса Ваша будет иметь ожидаемый Вами успех, то, будучи часто играема, она доставит с обоих Театров Вам <в> продолжение первых лет значительный доход. Во втором случае она безвозмездно принадлежит уже и Московскому театру.

В заключение, поставляю себе обязанностию сказать Вам, что до сего времени все г. г. Авторы и переводчики беспрекословно довольствовались наградою, назначенною им по Высочайшей воле в упомянутом положении — и никто из них еще не исчислял Дирекции *барышей*, более или менее получаемых, тем более что

Дирекция Императорских Театров как Управление, принадлежащее Высочайшему Двору, руководствуется в своих действиях не *барышами*[1], а постановлениями, Государем Императором утвержденными, имея в виду все возможное улучшение спектаклей и репертуара к чести и изяществу Национального Театра.

Отдавая всю возможную справедливость Вашей пиесе, я не могу однако согласиться с Вами, что Русская драматическая Литература была в столь бедном и ничтожном положении, как Вы предполагаете, и что будто бы со времен Фонвизина, Ваша Комедия будет первым оригинальным явлением на нашей сцене. Не исчисляя Вам пиес, сделавших с тех пор честь нашей Литературе, я назову только Авторов: Крылов, Ильин, Шаховской и Загоскин вполне заслужили благодарность и Публики и национального Театра своими произведениями, коих достоинства верно никто оспоривать не будет. Остается надеяться и желать, что Вы с первого драматического опыта с ними сравняетесь, а будущими, может быть, и превзойдете.

Наконец позвольте мне не согласиться в том, что будто бы мои распоряжения в отношении к Вам такому же подвергаются общему суждению, как и Ваша пиеса. Я полагаю, что параллель между *нами не вовсе верна.* Всякое Литературное произведение действительно может быть обсуждено Публикою и по произволу рецензента. Я же в распоряжениях по Высочайше вверенному управлению моему месту, руководствуясь существующими постановлениями, отдаю отчет в своих действиях и нахожусь в ответственности только пред Государем Императором и Министром Императорского Двора. Для расписания ролей и раздачи оных буду ожидать Вашего отзыва.

296. С. А. Соболевскому

<17 апреля 1836. Санкт-Петербург>

Высокорослый и аппетитный для дам Соболевский!

Вашего поручения вполне исполнить я не мог, потому что вы изволили дать знать мне очень поздно. Мне очень жаль, что[2] для Карамзиных недостало ложи. Что же касается до кресел, то я могу достать около пяти и оставлю их для тех, которым вы прочите их.

Вам преданный Н. Гоголь.

[1] *Слово подчеркнуто двумя чертами.*

[2] *Начато:* я

Впрочем, скажите Карамзиным, что если им угодно на второе представление, на котором будет и царская фамилия, то я приготовлю билеты.

297. М. С. Щепкину

1836. СПб. Апреля 29.

Наконец, пишу к вам, бесценнейший Михаил Семенович. Едва ли, сколько мне кажется, это не в первый раз происходит. Явление точно очень замечательное: два первые ленивца в мире, наконец, решаются изумить друг друга письмом. Посылаю вам «Ревизора». Может быть, до вас уже дошли слухи о нем. Я писал к ленивцу 1-й гильдии и беспутнейшему человеку в мире, Погодину, чтобы он уведомил вас. Хотел даже посылать к вам его, но раздумал, желая сам привезти к вам и прочитать собственногласно, дабы о некоторых лицах не составились заблаговременно превратные понятия, которые, я знаю, чрезвычайно трудно после искоренить. Но, познакомившись с здешнею театральною дирекциею, я такое получил отвращение к театру, что одна мысль о тех приятностях, которые готовятся для меня еще и на московском театре, в силе удержать и поездку в Москву и попытку хлопотать о чем-либо. К довершению, наконец, возможнейших мне пакостей здешняя дирекция, то есть директор Гедеонов, вздумал, как слышу я, отдать главные роли другим персонажам после четырех представлений ее, будучи подвинут какой-то мелочной личной ненавистью к некоторым главным актерам в моей пьесе, как-то: к Сосницкому и Дюру. — Мочи нет. Делайте, что хотите, с моей пьесой, но я не стану хлопотать о ней. Мне она сама надоела так же, как хлопоты о ней. Действие, произведенное ею, было большое и шумное. Все против меня. Чиновники пожилые и почтенные кричат, что для меня нет ничего святого, когда я дерзнул так говорить о служащих людях. Полицейские против меня, купцы против меня, литераторы против меня. Бранят и ходят на пьесу; на четвертое представление нельзя достать билетов. Если бы не высокое заступничество Государя, пьеса моя не была бы ни за что на сцене, и уже находились люди, хлопотавшие о запрещении ее. Теперь я вижу, что значит быть комическим писателем. Малейший призрак истины — и против тебя восстают, и не один человек, а целые сословия. Воображаю, что же было бы, если бы я взял что-нибудь из петербургской жизни, которая мне более и лучше теперь знакома, нежели провинциальная. Досадно видеть против

себя людей тому, который их любит, между тем, братскою любовью. Комедию мою, читанную мною вам в Москве, под заглавием «Женитьба», я теперь переделал и переправил, и она несколько похожа теперь на что-нибудь путнее. Я ее назначаю таким образом, чтобы она шла вам и Сосницкому в бенефис здесь и в Москве, что, кажется, случается в одно время года. Стало быть, вы можете адресоваться к Сосницкому, которому я ее вручу. Сам же через месяца полтора, если не раньше, еду за границу и потому советую вам, если имеется ко мне надобность, не медлить вашим ответом и меньше предаваться общей нашей приятельнице лени.

Прощайте. От души обнимаю вас и прошу не забывать вашего старого земляка, много, много любящего вас Гоголя.

Раздайте прилагаемые при сем экземпляры по принадлежности. Неподписанный экземпляр отдайте по усмотрению, кому рассудите.

298. М. П. Погодину

<Апрель — начало мая 1836. Санкт-Петербург>

Три письма — и ни <на> одно не отвечать! Можно ли так делать! Что с тобой? где ты? что ты? Я ничего не знаю. Я не знаю, что писать к тебе, и нужно ли писать к тебе, и нравится ли тебе, что к <тебе> пишу. Сердит я на тебя, ужасно сердит.

299. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю

<6 мая 1836. Москва>

Ведь это, братец, ни на что не похоже. Я писал к тебе писем пять, неужели ни одно не дошло? Фу ты, дьявольщина какая! И сам ты виноват! Никогда не мог прислать адреса! На имя Смирдина я не мог писать, ибо и ты, и я с ним не имеем дела. Я и писал все с попутчиками, а они, проклятые, видно... Я еще в одном письме послал целой каталог книг, сделанный для меня Шаффариком, о Славянских племенах.

Но приезжай ты к нам, и непременно. Щепкин плачет. Ты сделал с ним чудо. При первом слухе о твоей комедии на сцене он оживился, расцвел, вновь[1] сделался веселым, всюду ездил и рассказывал. Надо почтить это участие таланта. Ставить пиесу я сам тебе не советую: я как-то с год был знаком с кулисным

[1] вновь *вписано.*

миром, впрочем, как постороннее лицо, и убедился, что ничего не может быть мучительнее, как кланяться Директорам, Инспекторам, спорить со всеми этими сюжетами и против режиссера, машиниста и даже суфлера, и все эти господа думают еще, что они одолжают бедного автора, выучивая роль, ставя стул и проч. — Нет, чорт их возьми: не ставь ни за что никакой пиесы, если не хочешь испортить себе крови, но ты должен непременно раз прочесть пиесу актерам, а там пусть делают что хотят.

Итак, приезжай непременно и поскорее.

Мы все просим тебя.

Еще. — Говорят, ты сердишься на толки. Ну как тебе, братец, не стыдно. Ведь ты сам делаешься комическим лицом. Представь себе, автор хочет укусить людей не в бровь, а прямо в глаз. Он попадает в цель. Люди щурятся, отворачиваются, бранятся и, разумеется[1], кричат: «да нас таких нет». Так ты должен бы радоваться, ибо видишь, что достиг цели. Каких доказательств яснее истины в комедии. А ты сердишься?! Ну не смешон ли ты? Я расхохотался, читая в «Пчеле», которая берется[2] доказывать, что таких бессовестных и наглых мошенников нет на свете. Есть, есть они, вы такие мошенники, — говори ты всем и отворачивайся с торжеством. Вот и за это мне надо тебя покупать в Стиксовой воде, которая протекает по моим нынешним владениям.

Еще я расскажу тебе о чужих краях, и это будет полезно для твоего путешествия! Словом, ты будешь вместо ответа сам в Москву, прямо ко мне, на Девичье Поле, близ Монастыря, на левой руке, против будки, в дом бывший Князя Щербатова, а ныне

Твоего М. Погодина.

Мая 6
1836.

300. М. С. Щепкин — Н. В. Гоголю

<7 мая 1836 г. Москва>

Милостивый государь! Николай Васильевич! Письмо и «Ревизора» несколько экземпляров получил и по назначению все роздал, кроме Киреевского, который в деревне, и потому я отдал его экземпляр С. П. Шевыреву для доставления. Благодарю вас от души за «Ревизора», не как за книгу, а как за комедию, которая,

[1] и, разумеется *вписано.*

[2] *Далее было:* защищ<ать>

так сказать, осуществила все мои надежды, и я совершенно ожил. Давно уже я не чувствовал такой радости, ибо, к несчастию, мои все радости сосредоточены в одной сцене. Знаю, что это почти сумасшествие, но что ж делать? Я, право, не виноват. Порядочные люди смеются надо мной и почитают глупостию, но я за усовершенствования этой глупости отдал бы остаток моей жизни. Ну, все это в сторону, а теперь просто об «Ревизоре»; не грех ли вам оставлять его на произвол судьбы, и где же? в Москве, которая так радушно ждет вас *(так от души смеется в «Горе от ума»).* И вы оставите ее от некоторых неприятностей, которые доставил вам «Ревизор»? Во-первых, по театру таких неприятностей не может быть, ибо М. Н. Загоскин, благодаря вас за экземпляр, сказал, что будет писать к вам, и поручил еще мне уведомить вас, что для него весьма приятно бы было, если бы вы приехали, дабы он мог совершенно с вашим желанием сделать все, что нужно для поставки пиэсы. Со стороны же публики чем более будут на вас злиться, тем более я буду радоваться, ибо это будет значить, что она разделяет мое мнение о комедии и вы достигли своей цели. Вы сами лучше всех знаете, что ваша пиэса более всякой другой требует, чтобы вы прочли ее *нашему начальству* и действующим. Вы это знаете и не хотите приехать. Бог с вами! Пусть она вам надоела, но вы должны это сделать для комедии; вы должны это сделать по совести; вы должны это сделать для Москвы, для людей, вас любящих и принимающих живое участие в «Ревизоре». Одним словом, вы твердо знаете, что вы нам нужны, и не хотите приехать. Воля ваша, это эгоизм. Простите меня, что я так вольно выражаюсь, но здесь дело идет о комедии, и потому я не могу быть хладнокровным. Видите, я даже не ленив теперь. Вы, пожалуй, не ставьте ее у нас, только прочтите два раза, а там... Ну, полно, я вам надоел. Спасибо вам за подарок пиэсы для бенефиса, верьте, что такое одолжение никогда не выйдет из моей старой головы, в которой теперь одно желание видеть вас, поцеловать. Чтобы это исполнить, я привел бы всю Москву в движение. Прощайте. Простите, что оканчиваю без чинов.

Ваш М. Щепкин.

Прилагаю письмо Погодина. Если вы решитесь ехать к нам, то скорее, ибо недели чрез три, а может быть и ранее, она (постановка) будет готова, к ней пишут новую декорацию.

301. М. С. Щепкину

1836. Мая 10. СПб.

Я забыл вам, дорогой Михаил Семенович, сообщить кое-какие замечания предварительные о «Ревизоре». Во-первых, вы должны непременно из дружбы ко мне взять на себя всё дело постановки ее. Я не знаю никого из актеров ваших, какой и в чем каждый из них хорош. Но вы это можете знать лучше, нежели кто другой. Сами вы, без сомнения, должны взять роль городничего, иначе она без вас пропадет. Есть еще трудней роль во всей пьесе — роль Хлестакова. Я не знаю, выберете ли вы для нее артиста. Боже сохрани, <если> ее будут играть с обыкновенными фарсами, как играют хвастунов и повес театральных. Он просто глуп, болтает потому только, что видит, что его расположены слушать; врет, потому что плотно позавтракал и выпил порядочно вина. Вертляв он тогда только, когда подъезжает к дамам. Сцена, в которой он завирается, должна обратить особенное внимание. Каждое слово его, то есть фраза или речение, есть экспромт совершенно неожиданный и потому должно выражаться отрывисто. Не должно упустить из виду, что к концу этой сцены начинает его мало-помалу разбирать. Но он вовсе не должен шататься на стуле; он должен только раскраснеться и выражаться еще неожиданнее и, чем далее, громче и громче. Я сильно боюсь за эту роль. Она и здесь была исполнена плохо, потому что для нее нужен решительный талант. Жаль, очень жаль, что я никак не мог быть у вас: многие из ролей могли быть совершенно понятны только тогда, когда бы я прочел их. Но нечего делать. Я так теперь мало спокоен духом, что вряд ли бы мог быть слишком[1] полезным. Зато по возврате из-за границы я намерен основаться у вас в Москве... С здешним климатом я совершенно в раздоре. За границей пробуду до весны, а весною к вам.

Скажите Загоскину, что я все поручил вам. Я напишу к нему, что распределение ролей я послал к вам. Вы составьте записочку и подайте ему, как сделанн<ое> мною. Да еще: не одевайте Бобчинского и Добчинского в том костюме, в каком они напечатаны. Это их одел Храповицкий. Я мало входил в эти мелочи и приказал напечатать по-театральному. Тот, который имеет светлые волосы, должен быть в темном фраке, а брюнет, т. е. Бобчинский, должен быть в светлом. Нижнее обоим — темные брюки. Вообще, чтобы не было фарсирован<ия>. Но брюшки у обоих

[1] *В подлиннике явная описка:* мог быть слишком быть

должны быть непременно и притом остренькие, как у беременных женщин.

Покаместь прощайте. Пишите. Еще успеете. Еду не раньше 30 мая или даже, может, первых <дней> июня.

Н. Гоголь.

Кланяйтесь всем вашим отраслям домашним, моим землякам и землячкам.

302. М. П. Погодину

Мая 10, 1836. СПб.

Я виноват, очень виноват, мой добрый, мой милый Погодин, что бранил тебя за твое невнимание к моим письмам. Дело теперь объясняется само собою: всему виноваты знакомые и приятели, через которых ты писал и которые имели обыкновение проживать на дороге у знакомых или жить в Петербурге по целому месяцу, и потом уже припомин<али> о твоих письмах. Теперь только я получаю письма твои, писанн<ые> в феврале, генваре и марте. Прости меня за то, что я напустился на тебя. На что и как теперь отвечать тебе? Многие вопросы твои уже потеряли свою современность. После разных волнений, досад и прочего мысли мои так рассеяны, что я не в силах собрать их в стройность и порядок. Я хотел было ехать непременно в Москву и с тобой наговориться вдоволь. Но не так сделалось. Чувствую, что теперь не доставит мне Москва спокойствия, а я не хочу приехать в таком тревожном состоянии, в каком нахожусь ныне. Еду за границу, там размыкаю ту тоску, которую наносят мне ежедневно мои соотечественники. Писатель современный, писатель комический, писатель нравов должен подальше быть от своей родины. Пророку[1] нет славы в отчизне. Что против меня уже решительно восстали теперь все сословия, я не смущаюсь этим, но как-то тягостно, грустно, когда видишь против себя несправедливо восстановленных своих же соотечественников, которых от души любишь, когда видишь, как ложно, в каком неверном виде ими всё принимается, частное принимается за общее, случай за правило. Чтó сказано верно и живо, то уже кажется пасквилем. Выведи на сцену двух-трех плутов — тысяча честных людей сердится, — говорит: мы не плуты. Но Бог с ними. Я не оттого еду за границу, чтобы не умел перенести этих неудовольствий. Мне хочется поправиться в своем здоровьи, рассеяться, развлечься и потом, избравши

[1] *Далее было:* нет приюта

несколько постояннее пребывание, обдумать хорошенько труды будущие. Пора уже мне творить с бóльшим размышлением. Лето буду на водах, август месяц на Рейне, осень в Швейцарии, уединюсь и займусь. Если удастся, то зиму думаю пробыть в Риме или Неаполе. Может быть, там увидимся с тобою, если только это правда, что ты тоже думаешь ехать. Отправляюсь или в конце мая, или в начале июня. Письмо твое еще может застать меня. Только, пожалуйста, не пиши чрез приятелей: они чрезвычайно долго задерживают письма. Лучше по почте, хотя и за почтой нашей, которая до сих пор была пример исправности, начали водиться грехи. Я писал к тебе три письма и адресовал их прямо в университет. Кажется, довольно точный адрес, а между тем, как вижу из слов твоих, ты ни одного не получил. Это письмо я вкладываю в письмо к Щепкину. Авось-либо это будет вернее. Прощай.

<*Адрес:*>

Михаилу Петровичу Погодину.

303. М. Н. Загоскину

<10 мая 1836. Санкт-Петербург>

Милостивый государь
Михаил Николаевич.

Препроводив к вам моего Ревизора, смею льстить себя надеждою, что окажете ему ваше покровительство в постановке на московскую сцену. В рассуждении многих обстоятельств сценических уполномочиваю Щепкина, которому я передал свои замечания насчет распределения ролей, костюмов и прочего. Снисшедши к моей убедительнейшей просьбе, вы много обяжете пребывающего к вам с совершенным почтением и таковою же преданностью.

Ваш, милостивый государь,
покорнейший слуга

Николай Гоголь.

1836. СПб. Мая 10.

304. М. И. Гоголь

С.-Петербург. 12 мая 1836.

Я получил письмо ваше после долгого молчания и очень обрадовался ему. Слава Богу, вы здоровы и сколько видно из слов ваших спокойны и довольны вашими хозяйскими делами, иного

и желать покаместь не нужно. Дай Бог, чтобы всегда были довольны и веселы. Насчет поездки моей за границу я еще не решил, но думаю, что это исполнится в этом году. Намерение мое — побывать на водах, потом быть в Швейцарии и Италии и наконец возвратиться сухим путем чрез Москву в Малороссию, пожить несколько времени дома. Всё путешествие, полагаю, займет год или полтора года.

У нас в Петербурге покамест нет еще и признака хорошего весеннего времени. В средине апреля было так тепло, как летом, а в мае, кажется, сама Сибирь переехала в Петербург.

Благодарю сестру Марию за приписку. Очень рад, что ей понравились мои книги. Теперь я спешу скорее кончить мое письмо, потому что почта отходит и мне нужно спешить по разным делам. На следующей неделе надеюсь поговорить с вами подробнее.

Ваш послушный сын

Николай.

305. С. Т. Аксакову

15 мая <1836. Санкт-Петербург>

Я получил приятное для меня письмо ваше. Участие ваше меня тронуло. Приятно думать, что среди многолюдной, неблаговолящей толпы скрывается тесный кружок избранных, поверяющий творения наши верным внутренним чувством; еще более приятно, когда глаза его обращаются на творца их с тою любовью, какая дышит в письме вашем.

Я не знаю, как благодарить за готовность вашу принять на себя обузу и хлопоты по моей пьесе. Я поручил ее уже Щепкину и писал об этом <в> письме к Загоскину. Если же ему точно нет возможности ладить самому с дирекцией и если он не отдавал еще письма, то известите меня: я в ту же минуту приготовлю новое письмо к Загоскину.

Сам я никаким образом не могу приехать к вам, потому что занят приготовлениями к моему отъезду, который будет если не 30 мая, то 6 июня непременно. Но по возвращении из чужих краев я постоянный житель столицы древней.

Еще раз принося вам чувствительнейшую благодарность, остаюсь навсегда

вашим покорнейшим слугою

Н. Гоголь.

306. М. С. Щепкину

Мая 15-го <1836>. С.-Петербург.

Не могу, мой добрый и почтенный земляк, никаким образом не могу быть у вас в Москве. Отъезд мой уже решен. Знаю, что вы все приняли бы меня с любовью. Мое благодарное сердце чувствует это. Но не хочу и я тоже с своей стороны показаться вам скучным и не разделяющим вашего драгоценного для меня участия. Лучше я с гордостью понесу в душе своей эту просвещенную признательность старой столицы моей родины и сберегу ее, как святыню, в чужой земле. Притом, если бы я даже приехал, я бы не мог быть так полезен вам, как вы думаете. Я бы прочел ее вам дурно, без малейшего участия к моим лицам. Во-первых, потому что охладел к ней; во-вторых, потому что многим недоволен в ней, хотя совершенно не тем, в чем обвиняли меня мои близорукие и неразумные критики.

Я знаю, что вы поймете в ней всё, как должно, и в теперешних обстоятельствах поставите ее даже лучше, нежели если бы я сам был. Я получил письмо от Серг<ея> Тим<офеевича> Аксакова тремя днями после того, как я писал к вам, со вложением письма к Загоскину. Аксаков так добр, что сам предлагает поручить ему постановку пьесы. Если это точно выгоднее для вас тем, что ему, как лицу стороннему, дирекция меньше будет противуречить, то мне жаль, что я наложил на вас тягостную обузу. Если же вы надеетесь поладить с дирекцией, то пусть остается так, как порешено. Во всяком случае я очень благодарен Сер<гею> Т<имофеевичу> и скажите ему, что я умею понимать его радушное ко мне расположение.

Прощайте. Да любит вас Бог и поможет вам в ваших распоряжениях, а я дорогою буду сильно обдумывать одну замышляемую мною пиесу. Зимой в Швейцарии буду писать ее, а весною причалю с нею прямо в Москву, и Москва первая будет ее слышать. Прощайте еще раз! Целую вас несколько раз. Любите всегда также вашего Гоголя.

Мне кажется, что вы сделали бы лучше, если бы пиесу оставили к осени или зиме.

Все остающиеся две недели до моего отъезда я погружен в хлопоты по случаю моего отъезда, и это одна из главных причин, что не могу исполнить ваше желание ехать в Москву.

307. М. П. Погодину

Мая 15 <1836>. СПб.

Я получил письмо твое. Приглашение твое убедительно, но никаким образом не могу:[1] нужно захватить время пользования на водах. Лучше пусть приеду к вам в Москву обновленный и освеженный. Приехавши, я проживу с тобою долго, потому что не имею никаких должностных уз и не намерен жить постоянно в Петербурге. Я не сержусь на толки, как ты пишешь, не сержусь, что сердятся и отворачиваются те, которые отыскивают в моих оригиналах свои собственные черты и бранят меня. Не сержусь, что бранят меня неприятели литературные, продажные таланты, но грустно мне это всеобщее невежество, движущее столицу, грустно, когда видишь, что глупейшее мнение ими же опозоренного и[2] оплеванного писателя действует на них же самих и их же водит за нос. Грустно, когда видишь, в каком еще жалком состоянии находится у нас писатель. Все против него, и нет никакой сколько-нибудь равносильной стороны за него. «Он зажигатель! Он бунтовщик!» И кто же говорит? Это говорят люди государственные, люди выслужившиеся, опытные, люди, которые должны бы иметь на сколько-нибудь ума, чтоб понять дело в настоящем виде, люди, которые считаются образованными и которых свет, по крайней мере русский свет, называет образованными. Выведены на сцену плуты, и все в ожесточении, зачем выводить на сцену плутов. Пусть сердятся плуты; но сердятся те, которых я не знал вовсе за плутов. Прискорбна мне эта невежественная раздражительность, признак глубокого, упорного невежества, разлитого на наши классы. Столица щекотливо оскорбляется тем, что выведены нравы шести чиновников провинциальных; что́ же бы сказала столица, если бы выведены были хотя слегка ее собственные нравы? Я огорчен не нынешним ожесточением против моей пиесы; меня заботит моя печальная будущность. Провинция уже слабо рисуется в моей памяти, черты ее уже бледны, но жизнь петербургская ярка перед моими глазами, краски ее живы и резки в моей памяти. Малейшая черта ее — и как тогда заговорят мои соотечественники? И то, что́ бы приняли люди просвещенные с громким смехом и участием, то самое возмущает желчь невежества; а это невежество всеобщее. Сказать о плуте, что он плут, считается у них подрывом государственной машины; сказать

[1] не могу воспользоваться им

[2] *Далее начато:* презрен<ного>

какую-нибудь только живую и верную черту — значит в переводе опозорить всё сословие и вооружить против него других или его подчиненных. Рассмотри положение бедного автора, любящего между тем сильно свое отечество и своих же соотечественников, и скажи ему, что есть небольшой круг, понимающий его, глядящий на него другими глазами, утешит ли это его? Москва больше расположена ко мне, но отчего? Не оттого ли, что я живу в отдалении от ней, что портрет ее еще не был виден нигде у меня, что, наконец... но не хочу на этот раз выводить все случаи. Сердце мое в эту минуту наполнено благодарностью к ней за ее внимание ко мне. Прощай. Еду разгулять свою тоску, глубоко обдумать свои обязанности авторские, свои будущие творения и возвращусь к тебе, верно, освеженный и обновленный. Всё, что ни делалось со мною, всё было спасительно для меня. Все оскорбления, все неприятности посылались мне высоким провидением на мое воспитание. И ныне я чувствую, что не земная воля направляет путь мой. Он, верно, необходим для меня.

Целую тебя несчетно. Пиши ко мне. Еще успеешь.

Твой Гоголь.

308. П. Н. Демидов — Н. В. Гоголю

<Между 15 и 21–22 мая 1836. Санкт-Петербург>

Милостивый государь, Николай Васильевич!

Из препровожденных при сем копий, с предложения моего здешней Императорской Академии наук, и с ответа ее на оное, вы изволите усмотреть, милостивый государь, как я ценю драматический талант ваш, доказанный вами новым сочинением пиэсы — Ревизор. Сожалея, что не мог достигнуть исполнения моего желания, я, по крайней мере, удовольствуюсь извещением вас об оном.

За сим, прося вас принять уверения в совершенном моем к вам почтении и уважении, имею честь быть вам, милостивый государь, покорным слугою.

Павел Демидов.

<Копия письма П. Н. Демидова к академику П. Н. Фуссу, отправленного П. Н. Демидовым Н. В. Гоголю между 15 и 21–22 мая 1836 г.>

<11 мая 1836. Санкт-Петербург>

Милостивый Государь
Павел Николаевич!

Небезызвестно Вам, что цель пожертвования моего двадцати пяти тысяч каждогодно в Российскую Императорскую Академию Наук есть споспешествовать пользе и славе Отечественной на поприще литературном. Поприще сие ныне украшено новым произведением Г. Гоголя под названием Ревизор. Комедия в пяти действиях. Нельзя не отдать полной справедливости точнейшему описанию нравов, поставленных им на сцену лиц и национальности изречений. Словом, по живоописанию характеров сие сочинение Г. Гоголя в своем роде может считаться образцовым. Это уже и подтверждается тем восторгом, с каким оно принято публикою, а еще более вниманием Государя Императора, удостоившим[1] первые представления[2] сей Комедии Своим присутствием.

Мне весьма бы желалось, Милостивый Государь, чтоб сие творение Г. Гоголя было увенчано одною из золотых медалей, учрежденных на счет суммы, мною ежегодно жертвуемой в Российскую Императорскую Академию Наук, и потому я всепокорнейше прошу Вас сделать о сем предложение[3] Академии, которая, приняв в соображение достоинство сего Сочинения, а равно и просьбу мою, как учредителя премий для награды успехов в Отечественной Литературе, конечно, не сочтет мое желание и ходатайство неуместным и невозможным к исполнению.

В ожидании на сие ответа я приостанавлюсь письмом моим к самому Г. Гоголю по сему предмету.

С истинным почтением и преданностию имею честь быть
Вашим,
Милостивый Государь,
покорнейшим слугой

Павел Демидов.

Маия 11 дня 1836 года.
С. Петербург.

[1] *Так в автографе.*

[2] *Так в источнике. В публикации 1980 г.:* первое представление (*Государь присутствовал на первом и третьем представлениях «Ревизора»*).

[3] *Так в источнике. В публикации 1980 г.:* представление

Его Высокородию Павлу
Николаевичу Фус<с>у.

<Копия ответного письма академика П. Н. Фусса П. Н. Демидову, отправленного П. Н. Демидовым Н. В. Гоголю между 15 и 21–22 мая 1836 г.>

Черновая редакция

<15 мая 1836. Санкт-Петербург>

№ 409.
15 мая 1836.

Милостивый государь Павел Николаевич (Демидову), пунктом 2-м IX-й статьи Высочайше опробованного положения об утвержденных Вами в 1831 году наградах постановлено:

Изъемлются от права соискания: Стихотворения, романы, повести, *драматические сочинения* и т. п., ибо излишне было бы поощрять денежными наградами сочинения, легко находящие у нас издателей и скоро раскупаемые публикой. Сбыт оных в России, как и везде, так значителен, что прибыль, от них получаемая Авторами, далеко превышает установленную награду.

[К сему можно было бы присовокупить и то, что [большею частию] произведения сего рода, наиболее нравящиеся современной публике, весьма часто[1]]

Учреждение же медалей, с Вашего согласия и по утвержденному Государем Императором образцу имело исключительною[2] целию вознаградить посторонних ученых за труд, принимаемый ими на себя, по приглашению Академии, при рассматривании и обсуживании[3] таких соискательных сочинений, которые по предмету своему не подлежат непосредственному разбору Академии. Сия цель медалей изображена и в самой надписи, находящейся на них: «Evocatis praemii Demidovi cum arbitris», т. е. *Вызванным от Академии рецензентам*[4] *для присуждения Демидовских премий.*

Из всего вышеприведенного Вы, М<илостивый> Г<осударь>, усмотреть изволите, что, при всем желании угодить Вашему Превосходительству, Академия видит себя в невозможности назначить *от своего имени* какую-либо премию г-ну Гоголю за сочиненную им пьесу *Ревизор*, даже и в том случае, если б она

[1] *Не дописано.*
[2] исключительною *вписано.*
[3] обсуживании *вписано вместо:* обсуждении
[4] рецензентам *вписано вместо:* судьям

сама или другое какое-либо сословие, имеющие более права судить о сем творении, признала его образцовым[1] в своем роде.

[Впрочем, если вам угодно от своего имени назначить Г-у Гоголю медаль, или даже премию из числа пожертвованных вами сумм[2]]

[К сему присовокупить можно было бы и то, что во многих случаях самая благонамеренная и беспристрастная критика не найдет награды достойным того, что наиболее нравится современной публике, и наоборот, что она увенчает премиею такое произведение, которое заслужило одобрение лишь немногих, основательных знатоков. Не всякое обогащение театрального репертуара может почесться обогащением сло<весности>[3]. Во всяком случае суждение о произведениях изящной словесности не может подлежать Академии. Академия же, для собственной чести своей, не может и не должна назначать премии за такие произведения, которые при малейшей перемене местностей и вкуса теряют свое достоинство и предаются забвению, сколь бы они, впрочем, при известных обстоятельствах и в известное время ни привлекли внимание публики.]

309. М. И. Гоголь

СПб. 1836, мая 26.

Пишу к вам во время всеобщего разъезда. Из моих окон даже видны беспрестанно переезжающие фуры и телеги на дачи. Я на дачу не перебираюсь и живу в городе, несмотря на то, что уже показывается лето и жар становится порядочный. Я полагаю, что в Петербурге не проживу более двух недель или, по крайней мере, никак не долее месяца. Попутчиков мне много. Никогда не отправлялось за границу такое множество, как теперь. Впрочем, перед выездом моим, или если назначу наверное день моего выезда, то уведомлю вас в следующем письме. За границей полагаю пробыть более года.

Я слышал, что в наших местах опять поговаривают о неурожаях. Если эти неприятные слухи точно справедливы, то не лучше ли бы вам не думать теперь о курении водки, а приберечь запас? Ко мне дошли еще слухи, что бабушка моя Марья Ильинична

[1] образцовым *вписано вместо:* классическим

[2] *Не дописано.*

[3] Не всякое обогащение театрального репертуара может почесться обогащением сло<весности> *вписано внизу листа.*

умерла. Если это правда, то мне очень жаль, ей бы еще нужно пожить. Впрочем, вы бы, верно, меня уведомили и не стали бы секретничать, потому что это делается только с маленькими детьми.

Напишите, что делается нового в нашем крае и довольны ли Левашевым.

Дети вам готовят какой-то сюрприз. Анет что-то вышивает. Лиза сочиняет. Обе находятся весьма в добром здоровье.

Прощайте, покамест, до следующего письма. Мой поклон всем, кого увидите.

Ваш сын Николай.

310. М. И. Гоголь

СПб. Июня 5 <1836>.

Спешу пользоваться на лету первою минутою писать к вам, захлопотан чрезвычайно, готовясь к выезду, который имеет быть завтрашнего дня. Аким вам должен доставить письмо мое, по расчету моему, 6 июля. Заплатите за меня довезшему извозчику остающие<ся> 130 рублей — у меня лишних не случилось — и прикажите всыпать сколько-нибудь овса в его ненасытную телегу. Посылаю вам на платье витепажеского ситцу и алый платок — шали, другой же платок, по черному фону, прочил я для Марии Ильиничны, если же она не существует, то передайте его Катерине Ивановне. Для сестры посылаю шляпку и платье. Посылаю вам также несколько книг и в том числе моего *Ревизора*, который наделал здесь чрезвычайно много шума, приобрел мне новых благоприятелей и еще большее число неблагоприятелей. Если бы сам государь не оказал своего высокого покровительства и заступничества, то вероятно она не была бы никогда играна или напечатана. Посылаю вам вид Невского проспекта со всеми домами, которые на нем есть. Вы можете повесить его в комнате под самым карнизом и непременно в одной; в другую не переносите: иначе это будет смешно. Павлу Осиповичу посылаю трубку. Сестры посылают вам своей работы поддончики для чернильниц, колокольчиков и подсвечников. Прощайте! Будьте здоровы. Более право некогда писать. Из-за границы вы верно получите первое письмо мое прежде, нежели Аким успеет дотащиться с своею фурою и семьею. Целую ваши ручки.

Ваш послушный и признательный сын

Н. Гоголь.

311. В. А. Жуковскому

Гамбург, 28 июня <н. ст. 1836>.

Мне очень было прискорбно, что не удалось с вами проститься перед моим отъездом, тем более, что отсутствие мое, вероятно, продолжится на несколько лет. Но теперь для меня есть что-то в этом утешительное. Разлуки между нами не может и не должно быть, и где бы я ни был, в каком бы отдаленном уголке ни трудился, я всегда буду возле вас. Каждую субботу я буду в вашем кабинете, вместе со всеми близкими вам. Вечно вы будете представляться слушающим меня читающего. Какое участие, какое заботливо-родственное участие видел я в глазах ваших!.. Низким и пошлым почитал я выражение благодарности моей к вам. Нет, я не был проникнут благодарностью;[1] клянусь, это что-то выше, что-то больше ее; я не знаю, как назвать это чувство, но катящиеся в эту минуту слезы, но взволнованное до глубины сердце говорит, что оно одно из тех чувств, которые редко достаются в удел жителю земли! Каких высоких, каких торжественных ощущений,[2] невидимых, незаметных для света, исполнена жизнь моя! Клянусь, я что-то сделаю, чего не делает обыкновенный человек. Львиную силу чувствую в душе своей и заметно слышу переход свой из детства,[3] проведенного в школьных занятиях, в юношеский возраст.

В самом деле, если рассмотреть строго и справедливо, что такое всё написанное мною до сих пор? Мне кажется, как будто я разворачиваю давнюю тетрадь ученика, в которой на одной странице видны нерадение и лень, на другой нетерпение и поспешность,[4] робкая, дрожащая рука начинающего и смелая замашка шалуна, вместо букв выводящая крючки, за которые бьют по рукам. Изредка, может быть,[5] выберется страница, за которую похвалит разве только учитель, провидящий в них зародыш будущего. Пора, пора наконец заняться делом. О, какой непостижимо изумительный смысл имели все случаи и обстоятельства моей жизни! Как спасительны для меня были все неприятности и огорчения. Они имели в себе что-то эластическое, касаясь их, мне казалось, я отпрыгивал выше, по крайней мере чувствовал в душе своей крепче отпор. Могу сказать, что я никогда не жертвовал свету моим талантом. Никакое развлечение, никакая страсть

[1] нет, это не благодарность

[2] впечатл<ений>

[3] из школьного <возраста?>

[4] *Далее начато:* на третьей

[5] может быть, кое-где

не в состоянии была на минуту овладеть моею душою и отвлечь меня от моей обязанности. Для меня нет жизни вне моей жизни. И нынешнее мое удаление из отечества,[1] оно послано свыше, тем же великим провидением, ниспославшим всё на воспитание мое. Это великий перелом, великая эпоха моей жизни. Знаю, что мне много встретится неприятного, что я буду терпеть и недостаток и бедность, но ни за что в свете не возвращусь скоро. Долее, долее, как можно долее буду в чужой земле. И хотя мысли мои, мое имя, мои труды будут принадлежать России, но сам я, но[2] бренный состав мой будет удален от нее. Не знаю, как благодарить вас за хлопоты ваши доставить мне от Императрицы на дорогу. Если это сопряжено с неудобствами или сколько-нибудь неприлично, то не старайтесь об этом. Я надеюсь, что при теперешней бережливости моей могу как-нибудь управиться с моими средствами. Правда, разделавшись с Петербургом, я едва только вывез две тысячи, но, может быть, с ними я протяну как-нибудь до октября, а в октябре месяце должен мне Смирдин вручить тысячу с лишком. С петербургскими моими долгами я кое-как распорядился, иные выплатил из моей суммы, другие готовы подождать. Если же на случай вы получите для меня деньги, то вручите их Плетневу, который мне может переслать, если мне придется большая надобность. — Я еду теперь прямо в Ахен. Письмо же к Коппу отправил по почте вчера. Раньше никак не мог. Наше плавание было самое несчастное: вместо четырех дней, пароход шел целые полторы недели, по причине дурного и бурного времени и беспрестанно портившейся пароходной машины. Один из пассажиров, граф М<усин->Пушкин умер. В Ахене я дождусь совета Коппа, к которому послал описание моей болезни, впрочем не слишком важной. В Ахене я займусь месяца два языками, потому что мне чрезвычайно трудно изъясняться, и потом еду на Рейн. Передайте мой поклон князю Вяземскому и благодарите его от меня за его участие и письмо. Даже с Пушкиным я не успел и не мог проститься; впрочем, он в этом виноват. Для его журнала я приготовлю кое-что, которое, как кажется мне, будет смешно: из немецкой жизни. Плетневу скажите, что я буду писать к нему из Ахена, и что я очень сильно жму ему руку. Желая вам как можно лучше, веселее проводить время и прося вас думать иногда о том, который думать о вас почитает праздником и приготовляет только на закуску после трудов,

остаюсь навсегда ваш Гоголь.

[1] мое путеш<ествие>

[2] *Далее начато:* я человек

312. М. И. Гоголь

Гамбург. 29/17 июня 1836.

После довольно продолжительного и утомительного путешествия морем, наконец, отдыхаю я на несколько времени в Гамбурге и спешу воспользоваться свободным временем, чтобы писать к вам. Без сомнения, Аким с семейством своим достиг уже Васильевки и рассказал вам о моем выезде довольно подробно. Письмо мое тоже вы, вероятно, уже получили. Выбравшись из парохода, который мне надоел жестоко, я проехал очень скоро Травемунде, Любек и несколько деревень, не останавливаясь почти нигде до самого Гамбурга. Места эти все мне знакомы. Гамбург тоже старинный знакомый. Теперь только я рассмотрел лучше, нежели в прежнее время. Это торговый город, один из огромнейших, который, можно сказать, потонул в магазинах. Тут продаются вещи, собранные со всей Европы. В какую улицу ни заглянешь, она кажется похожею на ряд лавок. Всё дешево и прекрасно, и эта дешевизна невыгоднее всего для бедного путешественника, потому что поневоле заставляет его разоряться. Впрочем, мне совершенно не нужно никаких вещей. Всё почти мое со мною. Вид города очень хорош: домы высокие, улицы узенькие, тесные, дворов нет, всё выливается на улицу, но при всем том везде почти чистота. Всё это стекает в подземные трубы, и вони на улицах гораздо меньше, нежели в Петербурге. Окрестности Гамбурга тоже хороши. Для гуляний места очень довольно. Сад занимает весь городской вал и почти окружает весь город. Из него много видов на город, которого улицы мелькают перспективами. Домы, налепленные на домы, крыши на крыши и куча труб, в самом разнообразном беспорядке, почти беспрестанно перед глазами и видны с разных точек. Кораблей приходит очень много. Я не знаю еще наверно, когда я выеду отсюда, завтра или послезавтра. Во всяком случае письма ко мне прошу вас адресовать в Aix-la-Chapelle, в тамошний почтамт, откуда я могу всякой раз брать их с собою. Что сказать вам о себе? Здоров, благодаря Бога, как следует. В дороге затруднений почти нет никаких, по крайней мере несравненно меньше, нежели на наших станциях. Напишите, что делается теперь у вас: началась ли косовица, каково идет, хороши ли травы и хорош ли хлеб? В здешних местах всё хорошо, и об урожаях почти никогда не слышишь, потому что поля так обработаны, что во всякое время могут приносить хороший плод. Но на первый раз более не могу писать, потому что времени совершенно нет и я должен уже думать о дороге дальше. Через четыре или пять дней я полагаю

быть в Ахен (Aix la Chapelle), где пробуду месяц или два и, может быть, попробую тамошних вод. Ехать буду через голландские и прусские владения. Прощайте, почтеннейшая маминька, до следующего письма.

Ваш послушный сын Николай.

313. А. В. и Е. В. Гоголь

1836 года, 17 июля <н. ст.>. Ахен.

Здравствуйте, мои бесценные сестрицы Аннет и Лиза. Вы, верно, не соскучились без меня и очень редко думаете обо мне. Если же это не правда и вы думаете обо мне часто и хотите знать, где я и что делается со мною, то я вам сейчас всё это расскажу. Простившись с вами, я тотчас выехал из Петербурга. Выехал я на пароходе. Знаете ли вы, что такое пароход? Но нет, вы не знаете, что такое пароход, потому что он, кажется, никогда не прогуливался перед вашими окнами. Это корабль, который беспрестанно дымится и запачкан, как трубочист, но зато идет гораздо скорее, нежели обыкновенный корабль. Я думаю, вам показалось бы очень странно ехать на корабле. Вообразите, что кругом вас одно море, — море, и больше ничего нет. Вы верно бы соскучились, но у нас было очень большое общество, дам было чрезвычайно много, и многие страшно боялись воды, одна из них, m-me Барант, жена французского посланника, просто кричала, когда сделалась буря. Вы верно знаете, что на пароходе внизу есть прекрасная зала, как будто в доме, и у каждого из нас небольшая комната, никак не больше ореховой скорлупы. Мы плыли, плыли и наконец чрез неделю пристали к берегу, где увидели всё новое: город выстроен не так, как у нас, люди не говорят совсем по-русски, словом — мы были в чужой земле. Улицы узенькие, есть даже такие, что можно из окошка протянуть руку и пожать руку того, который живет против вас. Домики маленькие, но зато чрезвычайно высокие, есть в шесть и семь этажей. Пообедавши в городе Любеке, я отправился в Гамбург. Гамбург прекрасный город, и жить в нем очень весело. Там есть одна набережная, которая называется Jungfernsteig, на которой такая гибель гуляющих, что упасть некуда, по ней везде павильоны, в которых беспрестанно играет музыка; за городом тоже очень много мест, где собираются гуляющие слушать музыку и обедать. Лавок и магазинов страшное множество, и в них так много прекрасных вещей, и всё очень дешево. Я вам купил одну вещицу… не скажу что, как привезу,

тогда увидите. Вот какие домы в Гамбурге. Не правда ли, странные?[1] окошек чрезвычайно много. Я был в театре, который дается в саду на открытом воздухе. Вы бы верно смеялись, если бы посидели там. Немцев чрезвычайное множество приходит смотреть, а немки приходят сюда со всем хозяйством, ставят перед собою рабочий столик тут же в креслах и ложах и все сколько ни есть вяжут чулок во всё продолжение представления. Я был и на бале. Дам немного, но мужчин чрезвычайное множество и с усами и без усов. Больше всё — англичане. Англичанин есть человек довольно высокого роста, который садится всегда довольно свободно, поворотившись спиною к даме и положивши одну ногу на другую. Ах, я расскажу вам один пресмешной бал, на который попал я случаем! Гуляя за городом, я увидел один дом, довольно большой и великолепно освещенный. Музыка и толпа народа заставила и меня войти. Зал огромный, люстры и освещения много, но меня удивило, что танцующие одеты, как сапожники, в чем ни попало. Вы бы умерли со смеху. Танцовали вальс. Такого вальса вы еще в жизни не видывали: один ворочает даму свою в одну сторону, другой в другую. Иные просто, взявшись за руки, даже не кружатся, но, уставив один другому глаза, как козлы, прыгают по комнате, не разбирая, в такт ли это или нет. После я узнал, что это был знаменитый матросский бал. Из Гамбурга я поехал на Бремен. Это город очень старинный. Если бы вы увидели здешнюю церкву! Такой старины вы еще никогда не видели. Слушайте, еще что я видел в Бремене: я видел погреб, который имеет такое странное свойство, что все тела, которые похоронены там, не тлеют. Мне показывали и раскрывали все гробы. На мертвецах кожа только немного высохла, но я знаю, что вам бы страшно было взглянуть на них. Вы обе трусихи. Что еще сказать вам? Тут такой странный обычай, что когда вы едете, маленькие девчонки бегут за вашею каретою и бросают к вам на всем лету в окна цветы; за это вы должны им бросить какую-нибудь мелкую монету; если же вы выбросите им назад букет, то они опять будут бросать к вам в карету до тех пор, покамест вы не бросите им маленькую монету. Много городов я проехал и, наконец, приехал в Ахен, откуда теперь пишу вам. Это один из самых старинных городов. Если вы будете учить среднюю историю, то вы узнаете, что здесь похоронен Карл Великий и что это была столица его империи. Вы, кажется, обе не любите восхищаться хорошими

[1] *Следует рисунок.*

видами и потому вам нечего говорить о том, что вид Ахена с горы чудо как хорош. Весь город у вас под ногами, так что вы можете перечесть все домы. Вообразите, что в Ахене есть воды, то есть ручьи, которые текут и кипят вместе и такие горячие, что в них с трудом можно купаться. Однако же кто купается в них, тот выздоравливает, в какой бы ни был болезни. Так как я не болен, то и не намерен оставаться долго в Ахене и взял уже билет в дилижанс, который довезет меня до другого города, тоже старинного. Вы знаете, что такое дилижанс? Это карета, в которую всякий, заплативши за свое место, имеет право сесть. В середине кареты сидят по шести человек. Если со мною рядом будут сидеть два тоненькие немца,[1] то это хорошо: мне будет просторно. Если же усядутся толстые немцы, то плохо: они меня прижмут. Впрочем, я одного из них сделаю себе подушкой[2] и буду спать на нем. Если же мне придется сидеть между дам, то это хуже всего, тогда нельзя будет мне ни облокотиться, ни спать. — Здешний катедраль (так называется здесь соборная церковь) очень хорошо выстроен, хотя тоже большая старина. Вы таких строений никогда не видывали. Вот он.[3]

Некогда кончить. Остальное можете дополнить в ваших головах. Церковь очень высока и внутри так светло, как в оранжерее или бельведере. Вот вам, в придачу, портрет того содержателя или хозяина гостиницы, у которого я стою.[4]

Смотри, Лиза, не влюбись! Прощайте, мои бесценные! Целую вас. Об одном прошу: сделайте милость, если вы меня хоть каплю, хоть крошку любите, живите между собою дружно. Если вы этого не исполните, то значит вы меня ни на волос не любите. Прощайте. Пишите! Я к вам большое письмо написал, смотрите, чтобы и вы мне также большое написали. Адресуйте во Франкфурт на Майне.

Ваш брат Николай Гоголь.

314. М. И. Гоголь

1836, 17/5 июля. Ахен.

Не знаю, получили ли вы письмо мое, писанное из Гамбурга. Если получили, то уведомьте также о благополучном прибытии Акима. В Гамбурге я прожил неделю. Выехал не помню какого

[1] *В оригинале:* немцы
[2] *В оригинале:* подушку
[3] [4] *Следует рисунок.*

числа. Думал прежде взять дорогу на Голландию. Это было бы несравненно приятнее; но не всегда имеется в запасе возможность удовлетворить нашему желанию. Эта дорога заняла бы у меня очень много времени. Итак, я решился <ехать> сухим путем чрез Бремен, Оснабрюк и Дюссельдорф. Места мало чем лучше наших. Примечательного мало. В Бремене заглянул в погреба, где покоится знаменитый рейнвейн несколько сот лет, который не продается за деньги, но отпускается только опасным больным и знаменитым путешественникам. Так как я не принадлежу ни к тем ни к другим, то и не беспокоил моими просьбами граждан города Бремена, которые решают дела такого рода в собрании[1] сената. Видел там же старинный катедраль (соборную церковь) и подвал, имеющий силу сохранять тела нетленными. Тел около 15; все они лежат в гробах; под ними даже простыни не истлели. Немцы обращаются с ними без всякого уважения, подымают их и бросают на места их. В Минстере я видел только наружность прекрасных готических церквей. В Дюссельдорфе только остановился позавтракать. Это город уже не старинный, но совершенно новый и столица нижнерейнских провинций. В один день почти я медленною немецкою ездою переехал земли мекленбургские, ганноверские, прусские и датские. Наконец неделю назад, как приехал я в Ахен (Aix la Chapelle).

Ахен, один из самых старинных городов, лежит в долине и виден весь, как на ладоне, если взойти на одну из окружающих его гор. Вид его издали очень хорош, но вблизи ничто не поразит[2] сильно, выключая разве только вони. Все ванны находятся внутри самого города в гостиницах, так что вы, живя в городе, не будете знать, где они. Во многих домах минеральные воды проведены подземными трубами. Только за городом можно встретить источники в натуральном виде, в виде маленького ручейка, от которого клубится горячий пар. На водах здешних ведут жизнь самую скучную, потому что все воды находятся в городе, а не за городом, как в других местах. Оттого все почти отделены друг от друга. Притом сюда приезжают только старики и уже слишком больные. Воды здешние очень сильны. Так как я чувствую себя совершенно здоровым, то и не намерен брать. В Ахене находится прекрасный старинный катедраль в готическом вкусе. Окна идут от земли до самого верха. Вся церковь светла, как оранжерея. Здесь хранится стул Карла Великого, на котором он погребен сидящим.

[1] публичном собрании
[2] не привлечет

Из Ахена отправляюсь в Кельн, старинный и очень примечательный город, в котором катедраль считается первым в Европе по своей архитектуре. Из Кельна предстоит мне самое приятное путешествие на пароходе по реке Рейну. Это совершенная картинная галерея: с обеих сторон города, горы, утесы, деревни, словом — виды, которых даже на эстампах вы редко встречали. Очень жаль, что вы не можете видеть всего этого. Когда-нибудь, под старость лет, когда поправятся и ваши и мои обстоятельства, отправимся мы поглядеть на это. Письмо адресуйте ко мне во Франкфурт на Майне, потому что к тому времени буду там.

Напишите что-нибудь о ваших новостях. Прощайте, почтеннейшая маминька. Будьте здоровы и да бережет вас Бог от всяких неприятностей и огорчений.

Ваш вечно признательный и послушный сын Николай.

Всем нашим родным и знакомым передайте мой поклон.

315. М. И. Гоголь

Франкфурт на Майне. Июля 26/14. <1836>

Получили ли вы письмо мое из Ахена? С того времени множество городов, больших и малых, мелькнуло мимо меня, и едва припомнить имена их. Только путешествие по Рейну осталось несколько в моей памяти. Река Рейн — очень замечательная вещь в Германии. Она уставлена с обеих сторон горами и усыпана городами. Два дня шел пароход наш, и беспрестанные виды наконец надоели мне. Глаза устают совершенно, как в панораме или в картине. Перед окнами вашей каюты один за другим проходят города, утесы, горы и старые рыцарские развалившиеся зáмки. Очень многие из них картинны и до сих пор еще прекрасны. Все горы, которые состоят почти из голого камня, покрыты виноградными грядками. Это родина рейнвейна, кроме которого здесь почти не употребляют других вин и которого здесь множество сортов, из коих многие никогда не заходили к нам. В Майнце, большом и старинном городе, вышел я на берег, не остановился ни минуты, хотя город очень стоил того, чтобы посмотреть его, и сел в дилижанс до Франкфурта.

Франкфурт называют Парижем Германии. Он, точно, шумен и наполнен иностранцами, съезжающимися со всех сторон — из Парижа, Лондона, Петербурга, Италии и проч. Город очень хорошо выстроен, уютный, светленький и окружен со всех сторон предлинным и прекрасным садом. Летом он бывает не так весел, как зимою, потому что зимою остаются в нем жить и нарочно

съезжаются для этого, а летом разъезжаются на воды, которых в окружности находится чрезвычайное множество. Я не могу до сих пор выбраться из минеральных вод; проехал Ахен — теперь пошли другие: Крейценах, Баден-Баден, Эмские, Висбаденские, Швальцбахские, Ланген-швальбахские, словом — несчетное множество. Во Франкфурте очень хорошо дают оперу. Оркестр франкфуртский один из первых в Европе. Не знаю, просил ли я вас адресовать ко мне письма во Франкфурт или нет. Если просил, то теперь прошу опять переменить адрес и писать в Лозанну, в Швейцарии, куда я на следующей неделе полагаю быть. Известите, что делается у вас хорошего: хорошее ли стоит лето? хороши ли косовицы, жнива и прочее? Здесь дни самые капризные: раз по пятнадцати начинает идти дождь. Слишком жаркого дня еще, кажется, не бывало. Но пора кончить письмо и убираться из Франкфурта. Почтовая карета меня ожидает. Прощайте, почтеннейшая маминька, будьте здоровы.

Ваш признательный сын Николай.

316. М. И. Гоголь

Баден-Баден. Августа 14/2 <1836>.

До сих пор еще ни одного письма вашего не получил, почтеннейшая маминька! Верно, я их получу разом все вдруг. Кстати о письмах: адресуйте письма ко мне в Швейцарию, в Лозанну. Это будет действительнее: я дня через четыре буду в Швейцарию и проживу там всю осень. Последнее письмо мое к вам было из Франкфурта. Не знаю, получили ли вы его.

Теперь я живу на знаменитых водах баден-баденских, куда заехал только на три дня и откуда уже три недели не могу выбраться. Встретил довольно знакомых. Больных сурьезно здесь никого нет. Все приезжают только веселиться. Местоположение города[1] чудесно. Он построен на стене горы и сдавлен со всех сторон горами. Магазины, зала для балов, театр — всё в саду. В комнату здесь никто почти не заходит, но весь день сидят за столиками под деревьями. Горы почти лилового цвета даже изблизи. Между гостями есть много известных европейских лиц. Мест для гулянья в окружности страшное множество; но на меня такая напала лень, что никак не могу приневолить себя все обсмотреть. Каждый раз собираюсь пораньше встать и всегда почти просплю. Лето здесь хорошо. Слишком жарких дней нет.

[1] *Далее начато:* чрез<вычайно>

Оканчиваю письмо уже в Раштадте, который находится в нескольких милях от Бадена. Завтра сажусь в дилижанс и буду через двое суток, а может быть и раньше, в Берне, где уже горы с снежными вершинами.

Прощайте, почтенная маминька, до следующего письма.

Обнимаю сестер и всех.

Ваш Николай.

317. М. И. Гоголь

Женева. Август 23/11 <1836>.

Уже около недели, как я в Швейцарии; проехал лучшие швейцарские города: Берн, Базель, Лозанну и четвертого дня приехал в Женеву. Альпийские горы везде почти сопровождали меня. Ничего лучшего я не видывал. Из-за синих гор вдали показываются ледяные и снеговые вершины Альп. Во время захождения солнца снега Альп покрываются тонким розовым и огненным светом. Часто, когда солнце уже совсем скроется и всё уже темно, всё блестит, горы покрыты темным светом, Альпы одни сияют на небе как будто транспарантные. Передо мной[1] Женевское озеро, которого воды кажутся бирюзового цвета, и Рона, которая здесь сливается с озером. Женева очень хороший город и называется уголком Парижа. Язык французский здесь самый чистый. Костюмы поселянок швейцарских так хороши, как вы себе вообразить не можете. В каждом кантоне или республике они переменяются. Совершенные картинки! Дороги везде почти живописны.

В Италии я вряд ли буду в этом году, я думаю, что останусь всю осень и начало зимы в Женеве, если не поеду в Париж. Зимы здесь везде почти дурны, то есть они довольно теплы, но домы очень холодны. Печей нет: камины очень худы.[2] Но, впрочем, в нынешнем году все предвещают теплую зиму.

Как вы проводите время? уведомьте меня, какое у вас лето,[3] хороши ли пчелы и жнива, которые, без сомнения, уже окончились, и что нового в нашей стороне?

Адресуйте письма ко мне в Женеву или Лозанну всё равно, впрочем,[4] лучше в Женеву. Надписывайте на письмах внизу: Poste restante. Прощайте, почтеннейшая маминька. Цалуя ваши ручки, остаюсь вечно вашим признательным сыном.

Николай.

[1] Передо мною из моих окон
[2] дурны.
[3] какая у вас осень
Начато: в Лозанну

Обнимая сестру и также Павла Осип<овича>, прошу их извинить меня перед племянником моим Колею, что не присылаю ему никакого гостинца. Посылки очень затруднительно отсюда пересылать.

318. М. П. Погодину

Женева. Сентября 22/10. <1836>

Здравствуй, мой добрый друг! как живешь? что делаешь? скучаешь ли, веселишься ли? или работаешь, или лежишь на боку да ленишься? Бог в помощь тебе, если занят делом! пусть весело горит пред тобою свеча твоя!.. Мне жаль, слишком жаль, что я не видался с тобою перед отъездом. Много я отнял у себя приятных минут... Но на Руси есть такая изрядная коллекция гадких рож, что невтерпеж мне пришлось глядеть на них. Даже теперь плевать хочется, когда об них вспомню. Теперь передо мною чужбина, вокруг меня чужбина, но в сердце моем Русь, не гадкая Русь, но одна только прекрасная Русь: ты, да несколько других близких, да небольшое число заключивших в себе прекрасную душу и верный вкус. Я не пишу тебе ничего о моем путешествии. Впечатления мои уже прошли, уже я привык к окружающему, и потому описание его, сомневаюсь, чтобы было любопытно. Два предмета только поразили и остановили меня: Альпы да старые готические церкви. Осень наступила, и я должен положить свою дорожную палку в угол и заняться делом. Думаю остаться или в Женеве, или в Лозанне, или в Веве, где будет теплее (здесь нет наших теплых домов). Принимаюсь перечитывать вновь всего Вальтера Скотта, а там, может быть, за перо.

Письма адресуй ко мне в Лозанну. Ты должен писать ко мне теперь чаще. Тебе должно быть известно, чтó значит получить письмо из родины. Прощай! Обнимаю тебя. Уведоми меня о том, что говорят обо мне в Москве. Я не имею до сих пор ни об чем никаких известий. Ни одного русского журнала не вижу.[1] До другого письма!

Твой Гоголь.

319. Н. Я. Прокоповичу

Женева. 27 сентября <н. ст. 1836>.

Что вы делон<о>чки, мои краснотоночки? Не грех ли вам не писать ко мне, а я по тебе соскучил страшно. Пожалуйста,

[1] *Далее было:* до свидания

пиши. Пишет ли к тебе Данилевский? Я три месяца как расстался с ним и не получаю от него ни строки и не знаю даже, где он теперь. Уведоми меня и пришли его адрес, если имеешь. Здоровы ли вы все? как живете? Меня очень обрадуешь хотя письменным рассказом, а я не знаю, что я напишу. Мне кажется, здесь нет ничего такого, что бы удивило вас. Может быть, если бы это путешествие мое предпринял я годами шестью ранее, может быть, я бы тогда более нашел для меня нового. Мои чувства были тогда живее и[1] мое описание, может быть, было бы тогда интереснее для вас. Но теперь только ледяные богатыри Альп да старые готические церкви меня поразили. Они только заставили меня подумать, что еще есть что-то новое для меня. Но, может быть, я и к ним привыкну.

Увы, мы приближаемся к тем летам, когда наши мысли и чувства поворачивают к старому, к прежнему, а не к будущему. Как быть! но прекрасно старое. Когда, когда-нибудь, мы соберемся вместе и вспомянем и Нежин, и Петербург, и молодость? Весела и грустна будет наша пирушка. Что, как идут учительские дела твои? Нахватал ли ты новых часов или нет и думаешь дать тягу из Петербурга? Теперь я, как подумал хорошенько, не знаю, хорошо ли будет для тебя его оставить. В Петербурге всё можно сделать, всё под рукою: не нравится служба, — перемени и бери другую. Притом, как бы ни было, ближе к людям, ближе к миру литературному и крещеному. В провинции этого нельзя сделать. Захочешь писатоночки, есть типография и книгопродавцы, всё перед глазами. Я уж и не говорю о многих других удобствах и о том, что жаль оставить Петербург. И для меня теперь Петербург остается чем-то таким приятным. Впрочем, как требуют твои выгоды. Во всяком случае извести меня подробнейшим образом о всех своих планах, намерениях и распоряжениях. Письма адресуй ко мне на Лозанну; подписывай внизу poste restante. Что тебе сказать о Швейцарии? Всё виды да виды, так что мне уже от них наконец становится тошно, и если бы мне попалось теперь наше подлое и плоское русское местоположение с бревенчатою избою и сереньким небом, то я бы в состоянии им восхищаться как новым вид<ом>. Я не пишу ничего тебе о всех городах и землях, которые я проехал, во-первых, потому что о половине их писал к тебе Данилевский, которого перо и взгляд, может быть, живее моих, а во-вторых, потому что, право, нечего об них писать. Изо всех воспоминаний моих остались только воспоминания

[1] *Далее начато:* мои стрем<ления>

о бесконечных обедах, которыми преследует[1] меня обжорливая Европа, и то разве потому, что их хранит желудок, а не голова. Ох мне эти обеды! Проклятое обыкновение! Я ем через одно блюдо, по капле, но чувствую в своем желудке страшную дрянь. Как будто бы кто загнал туда целый табун рогатой скотины. Жалею очень, что не взял вод. На следующую весну или, бишь, лето перечищу его всего начисто.

Европа поразит с первого разу, когда въедешь в ворота, в первый город. Живописные домики, которые то под ногами, то над головою, синие горы, развесистые липы, плющ, устилающий вместе с виноградом стены и ограды, всё это хорошо, и нравится, и ново, потому что всё пространство Руси нашей не имеет этого, но после, как увидишь далее то же да то же, привыкнешь и позабудешь, что это хорошо. Из город<ов> немецких после Гамбурга лучше других — Фра<нкфур>т. Это — городок щеголь. Прелестнейший сад окружает весь город и служит ему стеною. Говорят, в нем жить весело, особливо зимою; но я имею антипатию к жидовским городам. Веселее всех других в продолжение лета Баден-Баден. Это дача всей Европы. Из Парижа, из Англии, из Испании, из Петербурга наезжает сюда народ на лето вовсе не для того, чтобы лечиться, но чтобы сколько-нибудь веселее профинтить время. Его местоположение так картинно, что можно только кистью, а не пером нацарапать. Город между горами раскинут на уступе одной из них. Магазины, театр, зала для балов, всё в саду и все вместе. Я прожил почти месяц в Бадене довольно весело, потому что встретил много знакомых. Города швейцарские мало для меня были занимательны. Ни Базель, ни Берн, ни Лозанна не поразили. Женева лучше и огромнее их и остановила меня тем, что есть что-то столично-европейское. Почти каждый дом облеплен афишами и объявлениями о книгах, печатанными в Париже на желтой бумаге буквами страшной величины: каждая буква больше Данченка.[2] Ощутительна близость к Франции. Женева над самим Женевским озером, которое почти как море. Боковые кулисы занимают с одной стороны синефиолетовые горы Савойские, а из-за них Монблан вытыкает снежную свою вершину; с другой стороны синяя цепь гор, называемых Юра, которые принадлежат Франции. В Женеве я прожил больше месяца, но наконец не стало мочи от здешнего глупого климата. Ветры здесь грознее петербургских. Совершенный Тобольск. Еду

[1] безжалос<тно> преследует

[2] *Далее начато:* Это показывает

теперь в маленький городок Веве, который находится на этом же озере недалеко от известного тебе за́мка Шильона. Там климат совершенно другой, потому что с севера заслоняет гора. Сегодня поутру посетил я старика Волтера. Был в Фернее. Старик хорошо жил. К нему идет длинная, прекрасная аллея, в три ряда каштаны. Дом в два э<тажа и>[1]з серенького камня, еще довольно крепок. Я <...>[2] в его зал, где он обедал и принимал; всё в том же порядке, те же картины висят. Из залы дверь в его спальню, которая была вместе и кабинетом его. На стене портреты всех его приятелей — Дидеро, Фридриха, Екатерины. Постель перестланная,[3] одеяло старинное кисейное, едва держится, и мне так и представлялось, что вот-вот отворятся двери, и войдет старик в знакомом парике, с отстегнутым бантом, как старый Кромида и спросит: что вам угодно? Сад очень хорош и велик. Старик знал, как его сделать. Несколько аллей сплелись в непроницаемый свод, искусно простриженный, другие вьются не регулярно, и во всю длину одной стороны сада сделана стена из подстриженных деревьев в виде аркад,[4] и сквозь эти арки видна внизу другая и аллея[5] в лес, а вдали виден Монблан. Я вздохнул и нацарапал русскими буквами мое имя, сам не отдавши себе отчета для чего.

Получил ли ты письмо Данилевского, писанное из Гамбурга, при котором была моя приписочка? Помнишь ли ты мою просьбу насчет портрета и насчет аккуратного сбережения оставленных мною тебе рукописных книг и бумаг? Пиши ко мне, пожалуйста, пиши почаще. Ты знаешь, как много значит здесь получить русское письмо, да притом еще от тебя. Кланяйся всем нашим от меня: Жюлю, Пащенку и проч., и если у них руки еще держатся, то пусть напишут, сколько достанет терпения.

Не забудь адресовать письма в *Лозанну.* Прощайте, мои краснотоночки. Обнимаю вас. Марии Никифоровне поклон.

320. М. И. Гоголь

<3 октября (н. ст.) 1836. Лозанна>
1836, сентября 21. Лозанна.

Я получил сегодня, приехавши в Лозан<н>у, два письма ваши: одно, адресованное в Ахен, другое — в Лозан<н>у.

[1] *Выжжено.*

[2] *Выжжено.*

[3] *В рукописи описка:* переслая

[4] арок

[5] и дорога

О письмах не беспокойтесь. Здешние почты так хорошо устроены, что куда бы вы ни написали ко мне, письма ваши найдут меня, хоть на краю света. Неприятная новость, которую вы сообщаете в письме вашем, поразила меня. Всегда жалко, когда видишь человека в свежих и цветущих летах похищенного смертью. Еще более, если этот человек был близок к нам. Но мы должны быть тверды и считать наши несчастия за ничто, если хотим быть христианами. Может ли кто из нас похвалиться несчастиями и испытаниями! Такие ли бывают несчастия! Сколько есть на земле людей, которые, может быть, несчастия наши почли бы только за слабые огорчения в сравнении с другими, жесточайшими! Если мы имели удовольствия и потом потеряли их, мы должны быть за них благодарны и воспоминать о них с сладким умилением, а не сокрушаться о потере их. Мы должны помнить, что нет ничего вечного на свете, что горе перемешано с радостью и что, если бы мы не испытывали горя, мы бы не умели оценить радости и она бы не была нам радостью.

Нет, никто из нас не вправе назвать себя несчастным или говорить, что он испытывает долгие или беспрерывные несчастия, — и вы первые, маминька, не можете сказать этого. Правда, вы[1] имели большую утрату: вы потеряли редкого друга, а нашего нежного отца, которого до сих пор никто из нас не позабыл; а 17 лет непрерывного, невозмущаемого счастия, которым вы наслаждались с ним, разве ничего не значит? Всякий ли[2] может похвалиться им? Нет, должно признаться, что мы все, люди, неблагодарны. Мы хотим, чтобы не было границ нашему блаженству. Мы позабываем, что существуют законы для мира. Нет, маминька, мы должны благодарить за всё, что мы имели хорошего. Мы должны быть тверды и спокойны всегда и ни слова о своих несчастиях. Я знаю, что вы вкусите еще много радостей. Подобно вам и сестра моя не должна крушиться, если она точно достойна назваться христианкою. Вы очень заботитесь насчет Олиньки. Сердечно жалею, что вы не можете доставить ей приличного воспитания. Я с своей стороны всеми силами готов бы пособить, если бы это было возможно. Я послал письмо в Петербург просить о ней государыню, но сомневаюсь, чтобы был какой-нибудь успех, потому что все институты наполнены, и притом теперь нет приема. Вы удивляетесь, что я скоро летаю с места на место, а я, напротив того, удивляюсь тому, что я двигаюсь необыкновенно

[1] *Далее начато:* потеряли
[2] кто

медленно. Вы к тому присоединяете ту же минуту свою догадку; но ваши догадки (не рассердитесь, маминька) всегда были невпопад. Вы думаете, что я оттого так скоро переменяю места, что имею недостаток в деньгах. Между тем как я в таком случае должен был бы долее сидеть на одном месте, потому что ездить здесь несравненно дороже, нежели сидеть на одном месте. В дороге вы издерживаете здесь вдвое более против обыкновенной городской жизни. Я еще ничего не знаю о том, где я проведу конец осени. Теперь я еду в Веве, маленький городок недалеко от Лозанны. В этом городе съезжаются путешественники, и особенно русские,[1] с тем, чтобы пользоваться виноградным лечением. Этот образ лечения для вас, верно, покажется странным. Больные едят виноград и ничего больше кроме винограду. В день съедают по нескольку фунтов, наблюдают диэту, и после этого виноград, говорят, так сделается противен, что смотреть не захочется. Я еду с тем, чтобы повидаться с некоторыми знакомыми и посмотреть городок, который хотя очень невелик, но занимает одно из лучших мест Швейцарии. Письма вы можете мне адресовать попрежнему в Лозанну.

Насчет замечания вашего об итальянках замечу, что мне скоро будет 30 лет.

Что касается до здоровья моего, то я слава Богу здоров. Молю Бога, чтобы и вы тоже вместе с сестрою и племянниками были здоровы.

Желаю вам всего хорошего, остаюсь

ваш признательный сын Н.

Не пишет ли Данилевский к своей матери? Узнайте и известите меня о его адресе. Я ничего о нем не знаю с того времени, как с ним расстался.

321. М. И. Гоголь

Genéve. 1836 г., октября 6 / сентября 24.

Поздравляю вас с наступающим днем вашего Ангела. Вы верно получите это письмо гораздо после него, и потому желание мое будет не у места, притом же вы верно его знаете хорошо. Мы все молим Бога о даровании вам много, много счастливых годов. Я в Женеве не более как на один день, по дороге. Таскался по горам и возвращаюсь уже назад. Видов такая бездна

[1] *Далее начато:* лечиться

и таких великолепных, что писать в письме о них нет возможности. До сих пор, во всё время путешествия моего, облака были под моими ногами. Четыре дня нужно для того, чтобы взойти на верхушку Монблана, одной из высочайших гор. Другие горы, тоже ужасной величины, служат ей ступенями. Они все покрыты лесом, за ними следуют покрытые кустарниками, потом начинается, там где оканчивается их верхушка, Монблан, который также начинается кустарниками, еще выше растет на нем одна дикая трава, наконец, когда поднимешься еще выше, один мох и потом прекращаются все произрастения, начинаются снега, и вы совершенно очутитесь среди зимы. Перед вами снега, над вами снега, вокруг вас снега, внизу земли <нет>, вы видите вместо нее в несколько рядов облака. Целые ледяные стены, сквозь которые просвечивает солнце, висят вокруг. Иногда слышатся трещины с таким сильным звуком, как удар грома, и потом целая лавина летит вниз, — и сверху слышен весь гром, который она производит, катаясь по горам и низвергаясь в долину. Здешние проводники так знают время, когда лавина должна упасть, что скажут вам даже минуту. Дождь и гром — всё это у вас под ногами, а наверху солнце. Когда я был внизу, была дождливая погода, которая продолжалась несколько дней; когда я наконец поднялся выше дальних облаков, солнце светило и день был совершенно ясен, только было холодно, и легкий мороз сверкал светлыми искрами на снегу, и я, вместо легкого сертука, надел теплый плащ; спускаясь вниз, делалось теплее и теплее, наконец облака проходили мимо, наконец спряталось солнце, наконец я опять очутился среди дождя, должен был взять зонтик и уже таким образом спустился в долину.

Какова у вас осень? Здесь теперь снова начались теплые дни, как летом, и спешу в Веве опять воспользоваться ими, потому что там климат гораздо лучше, нежели в Женеве. Здесь на одном и том же озере один город имеет климат не теплее нашего полтавского, а другой тут же в каких-нибудь в пятидесяти верстах от него теплее Одессы. Здесь можно беспрестанно любоваться костюмами швейцарок. Почти в каждом городе все розные и все так хороши и так ловко сидят на них, как на картинках. Вчера я был в Фернее и посетил Волтера. Видел его дворец, куда приезжали короли и принцы. К нему ведет прекрасная каштановая аллея в три ряда. Перед домом маленькая церковь, с надписью: *Волтер Богу!* Комнаты его в том же виде. В спальне его перестлана даже кровать с тем же самым одеялом, которым он укрывался, которому уже почти сто лет. Те же картины висят. Путешественники

до сих пор стекаются толпами. Сад прекрасен, тени много; на одной стороне его сделана из подстриженных деревьев стена с арками. Сквозь эти арки виден вдали Монблан, синеющие горы Савойские, деревни и мызы.

Женева хотя велик и хорош город и можно в нем провести время веселее, нежели в других окружных местах, но не по мне, ветров много и слишком ощутительна сырость в воздухе.

Прощайте, почтеннейшая маминька, до следующего письма. Целуя вас, остаюсь ваш признательный сын

Николай.

322. М. П. Балабиной

Веве. Октябрь 12 <н. ст.>. 1836.

Путешествие из Лозанны в Веве.

Хотя вы, милостивая государыня Мария Петровна, не изволили мне описать вашего путешествия в Антверпен и Брюссель и хотя следовало бы и с моей стороны сделать то же, но, несмотря на это, я решаюсь описать вам путешествие мое в Веве, во-первых, потому что я очень благовоспитанный кавалер, а во-вторых, потому что предметы так интересны, что мне было бы грех не писать о них. Простившись с вами, что, как вы помните, было в исходе 1-го часа, я отправился в hôtel du faucon обедать. Обедало нас три человека. Я посереди, с одной стороны почтенный старик-француз с перевязанною рукою, с орденом, а с другой стороны почтенная дама, жена его. Подали нам суп с вермишелями. Когда мы все трое суп откушали, подали нам вот какие блюда: говядину отварную, котлеты бараньи, вареный картофель, шпинат со шпигованной телятиной и рыбу средней величины к белому соусу. Когда я откушал картофель, который я весьма люблю, особливо когда он хорошо сварен, француз, который сидел возле меня, обратившись ко мне, сказал: «Милостивый государь», или нет, я позабыл, он не говорил: «Милостивый государь», он сказал: «Monsieur, je vous servis этою говядиною. Это очень хорошая говядина», на что я сказал: «Да, действительно, это очень хорошая говядина». Потом, когда приняли говядину, я сказал: «Monsieur, позвольте вас попотчевать бараньей котлеткой». На что он сказал с большим удовольствием: «Я возьму котлетку, тем более что, кажется, хорошая котлетка»... Потом приняли и котлетку и поставили вот какие блюда: жаркое цыпленка, потом другое

жаркое, баранью ногу, потом поросенка,[1] потом пирожное, компот с грушами, потом другое пирожное с рисом и яблоками. Как только мне переменили тарелку и я ее вытер салфеткой, француз, сосед мой, попотчевал меня цыпленком, сказавши: «puis-je vous offrir цыпленка?» На что я сказал «je vous demande pardon, monsieur. Я не хочу цыпленка, я очень огорчен, что не могу взять цыпленка. Я лучше возьму кусок бараньей ноги, потому что я баранью ногу предпочитаю цыпленку». На что он сказал, что он точно знал многих людей, которые предпочитали баранью ногу цыпленку. Потом, когда откушали жаркого, француз, сосед мой, предложил мне компот из груш, сказавши: «Я вам советую, Monsieur, взять этого компота. Это очень хороший компот». «Да, — сказал я, — это точно очень хороший компот. Но я едал (продолжал я) компот, который приготовляли собственные ручки княжны Варвары Николаевны Репниной и которого можно назвать королем компотов и главнокомандующим всех пирожных». На что он сказал: «Я не едал этого компота, но сужу по всему, что он должен быть хорош, ибо мой дедушка был тоже главнокомандующий». На что я сказал: «Очень жалею, что не был знаком лично с вашим дедушкою». На что он сказал: «Не стоит благодарностью». Потом приняли блюда и поставили десерт, но я, боясь опоздать к дилижансу, попросил позволения оставить стол: на что француз, сосед мой, отвечал очень учтиво, что он не находит с своей стороны никакого препятствия. Тогда я, взваливши шинель на левую руку, а в правую взявши дорожнюю портвель с белою бумаго<ю> и разною собственноручною дрянью, отправился на почту. Дорога от Фокона до почты вам совершенно известна, и потому я не берусь ее описывать. Притом вы сами знаете, что предметов, которые бы слишком поразили воображение, на ней очень, очень немного. Когда я пришел к дилижансу, то увидел, к крайнему своему изумлению, что внутри кареты всё было почти занято, оставалось одно только место в середине. Сидевшие дамы и мужчины были люди очень почтенные, но несколько толстые, и потому я минуту предался размышлению. Хотя и, подумал я, мне здесь не будет холодно, если я усядусь посередине, но так как я человек субтильный и щедушный, то весьма может быть, что они из меня сделают лепешку покаместь я доеду до Веве. Это обстоятельство заставило меня взять место наверху кареты. Место мое было так широко и покойно, что нашел приличным положить вместе с собою и мои

[1] потом третье жаркое

ноги,[1] за что, к величайшему моему изумлению, не взяли с меня ничего и не прибавили платы, что заставило меня думать, что мои ноги очень легки. Таким образом, поместившись лежа на карете, я начал рассматривать все бывшие по сторонам виды. Горы чрезвычайно хороши, и почти ни одной не было такой, которая бы шла вниз, но все вверх. Это меня так изумило, что я уже и перестал смотреть на другие виды; но более всего поразил меня гороховый фрак сидевшего со мною кондуктора. Я так углубился в размышления, отчего одна половина его была темнее, а другая светлее, что и не заметил, как доехал до Веве.[2] Мне так понравилось мое место, что я хотел еще и больше полежать наверху кареты, но кондуктор сказал, что пора сойти. На что я сказал, что я готов с большим удовольствием. «Так пожалуйте мне вашу ручку!» — сказал он. «Извольте», — отвечал я.[3] С кареты сходил я сначала левою ногою, а потом правою. Но к величайшему прискорбию вашему (потому что я знаю, что вы любите подробности) не помню, на которую спицу колеса ступал я ногою — на третию или на четвертую. Если хорошо припомнить все обстоятельства, то кажется — на третию, но опять если рассмотреть с другой стороны, то представляется как будто на четвертую.[4] Впрочем, я вам советую немедленно теперь же послать за кондуктором; он верно должен знать, и чем скорее, тем лучше, потому что[5] если он выспится, то позабудет.[6] По сошествии с кареты отправился я по набережной встречать пароход. Это путешествие могло бы доставить очень много пользы особенно для молодых людей и, вероятно, развило бы прекрасно их способности, если б не было слишком коротко,[7] ибо оно продолжалось никак не больше одной минуты с половиною. Из пассажиров, бывших на пароходе, не оказалось ни одной физиогномии русской даже такой, на которой бы выстроен был хотя немецкой[8] город. Выгружались три дамы Бог знает какого происхождения, два кельнера и три энглиша с такими длинными ногами, что насилу могли выйти из лодки. Вышедши из лодки,[9] они сказали гопш и пошли искать table d'hôte. Потом я пошел

[1] *Далее было:* и таким образом, лежа, продолжал я свое путешествие
[2] *Далее начато:* Доехавши до Веве
[3] *Далее было:* Потом отправился я встречать пароход
[4] на вторую
[5] потому что наконец
[6] то после этого всё позабудет
[7] *Далее начато:* Я дошел до набережной
[8] немецкой даже
[9] из большой лодки

к себе в комнату, где сначала сидел на одном диване, потом пересел на другой, но нашел, что это всё равно и что ежели два равные дивана, то на них решительно сидеть одинаково.[1] Здесь оканчивается путешествие. Всё прочее, что было, всё было не замечательно. Как вы хотите, но ответ вы непременно должны написать мне.[2] Если вы затрудняетесь, каким образом писать, то вам могу дать небольшой образец. Вы можете написать в таком духе:

«Милостивый государь, почтеннейший Николай Васильевич! Я имела честь получить почтеннейшее письмо ваше сего октября такого-то числа. Не могу выразить вам, милостивый государь, всех чувств, которые волновали мою душу. Я проливала слезы в сердечном умилении. Где обрели вы великое искусство говорить так понятно душе и сердцу? Стократ, стократ желала бы я иметь искусное перо подобное вашему, чтобы быть в возможности изъявить такими же словами признательную и растроганную благодарность». Потом вы можете написать: покорная ко услугам или готовая ко услугам, или что-нибудь подобное... и письмо, я вас уверяю, будет хорошо. Засим позвольте мне пожелать вам всего что ни есть хорошего на свете и остаться вашим наипреданнейшим и наипокорнейшим слугою.

Н. Гоголь.

P. S. Еще одно не в шутку весьма нужное слово. Присоедините вашу просьбу к моей и упросите вашу маминьку приехать сегодня же или завтра в Веве, если не состоится ваша поездка в Женеву. При свидании с вами я был глуп, как швейцарский баран, совершенно позабыл вам сказать о прекрасных видах, которые нужно вам непременно видеть. Вы были и в Монтрё и в Шильоне, но не были близко. Я вам советую непременно сесть в омнибус, в котором очень хорошо сидеть и который отправляется из вашей гостиницы в семь часов утра; вы поспеете сюда к завтраку, и я вас поведу садами, лесами, вокруг нас будут шуметь ручьи и водопады, с обеих сторон горы, и нигде почти нам не нужно будет подниматься на гору. Мы будем идти прекраснейшею долиною, которая, я знаю, вам очень понравится. Усталости не будете чувствовать. Вы знаете, что меня трудно расшевелить видом; нужно, чтобы он был очень хорош. Здесь пообедаете, если вам будет угодно, в 1 час или можете отправиться к обеду в Лозанну; во всяком случае, если вам не противно будет, я опять провожу вас до Лозанны.

[1] *Далее начато:* Все прочее было

[2] *Далее начато:* Вот

323. А. С. Данилевскому

23 октября <н. ст. 1836>. Лозанна.

Как не получить письма? получил в тот самый почти день, как пришло. Как будто знал, что приехал сегодня в Лозанну (я живу в Веве). Ну, не стыдно ли, не совестно ли тебе? Как можно до сих пор не дать совершенно о себе никакой вести! Я писал, писал, несколько раз писал в Крейцнах, разослал к тебе письма во все немецкие дорожние города, писал на всех памятниках и замечательных местах и улицах углем и карандашом мой адрес; оставил во всех гостиницах к тебе письма; наконец писал к трактирщикам, чтобы они расспрашивали о тебе путешественников… и всё понапрасно! Зато, в наказание, ты просадишь изрядное количество сентимов, если получишь все мои письма. Но зато, в награду за беспокойство, даются нам маленькие наслаждения. Я не знаю, так ли бы я был обрадован, если бы получил миллион денег, как я был обрадован твоим письмом. Почти в продолжение целого месяца я видел тебя беспрестанно во сне и всё в самых неблагоприятных положениях, так что я уже со страхом начинал о тебе разведывать и думал уже, не лучше ли оставаться в неизвестности; но слава Богу, ты жив и здоров, и я, посылая к тебе это письмо, лечу вслед за ним сам в Париж.

Я провел время как-то так, Бог знает как. Более месяца слишком прожил в Женеве (если ты когда-нибудь будешь в сем городе, то увидишь в памятнике Руссо начертанное русскими буквами к тебе послание). В сем городе я был в пансионе, где начинал было собачиться по-французски, но, смекнувши, что мы с тобой для пансионов несколько поустарели, и озлобившись на иркутский климат Женевы и на гадкое время, удрал оттуда в Веве, где прожил тоже чуть не месяц. Я никого почти не нашел там русских, но этот городок мне понравился. С прекрасными синими и голубыми горами, его обнесшими, я сделался приятель; старая тенистая каштановая аллея над самим озером видала меня каждый день, сидящего на скамье и, наклонившись несколько на правый бок, предававшего варению свой желудок, побежденный совершенно тем же убийственно обильным столом, на который ты имел такую справедливую причину жаловаться. Каждый <день> ровно в три часа я приходил, вместе с немноголюдными жителями Веве, зевать на пристававший к берегу пароход, где каждый раз я думал встретить тебя, и каждый раз вылезали только энглиши с длинными ногами, после чего я чувствовал почти полчаса какую-то бесчувственную скуку и уходил ее разветривать в мои прекрасные

горы. Я даже сделался более русским, чем французом, в Веве, и это всё произошло оттого, что я начал здесь писать и продолжал моих «Мертвых душ», которых было оставил. Но... остальное расскажу увидевшись.

Наша ли жизнь не богата радостями! Не с умыслом и не свыше ли назначено было наше мгновенно разлучение, чтобы доставить нам случай узнать, что значит увидеться в чужой земле двум, которые уже даже не помнят, с которых пор знают друг друга? Но до свидания, прощай...

<*На обороте:*>
a Paris
monsieur
monsieur de Danilevsky
Rue Louis le Grand, 31.

<*Штемпели:*>
Lausanne, 24 oct. 1836.
<Paris> 28 oct. 1836.

324. В. А. Жуковскому

12 ноября <н. ст. 1836. Париж>.

Я давно не писал к вам. Я ждал, чтобы минуло лето, потому что в это время обыкновенно как-то мало вспоминается об отсутствующих. К тому ж у меня не было ничего[1] достойного писать к вам. Но я знаю, что вы меня любите и что с наступлением осени вы вспомните обо мне, который каждую минуту вас видит перед собою. Я к вам писал, кажется, в самом начале моего путешествия.

Прошатавшись лето на водах, я перебрался на осень в Швейцарию. Я хотел скорее усесться на месте и заняться делом; для этого поселился в загородном доме близ Женевы. Там принялся перечитывать я Мольера, Шекспира и Вальтер Скотта. Читал я до тех пор, покамест сделалось так холодно, что пропала вся охота к чтению. Женевские холода и ветры выгнали меня в Веве. Никого не было в Веве; один только Блашне выходил ежедневно в 3 часа к пристани встречать пароход. Сначала было мне несколько скучно, потом я привык и сделался совершенно вашим Наследником: завладел местами ваших прогулок, мерил расстояние по назначенным вами верстам, колотя палкою бегавших по стенам ящериц, нацарапал даже свое имя русскими буквами

[1] *Далее начато:* такого, что бы было

в Шильонском подземелье, не посмел подписать его под двумя славными именами творца и переводчика «Шиль<онского> Узник<а>»; впрочем, даже не было и места. Под ними расписался какой-то Бурнашев, — внизу последней колонны, которая в тени; когда-нибудь русской путешественник разберет мое птичье имя, если не сядет на него англичанин. Не доставало только мне завладеть комнатой в вашем доме, в котором живет теперь великая кн. Анна Федоровна.

Осень в Веве наконец настала прекрасная, почти лето. У меня в комнате сделалось тепло, и я принялся за Мертвых душ, которых было начал в Петербурге. Всё начатое переделал я вновь, обдумал более весь план и теперь веду его спокойно, как летопись. Швейцария сделалась мне с тех пор лучше, серо-лилово-голубо-сине-розовые ее горы легче и воздушнее. Если совершу это творение так, как нуж<но> его совершить, то... какой огромный, какой оригинальный сюжет! Какая разнообразная куча! Вся Русь явится в нем! Это будет первая моя порядочная вещь, вещь, которая вынесет мое имя. Каждое утро, в прибавление к завтраку, вписывал я по три страницы в мою поэму, и смеху от этих страниц было для меня достаточно, чтобы усладить мой одинокий день. Но наконец и в Веве сделалось холодно. Комната моя была нимало ни тепла; лучшей я не мог найти. Мне тогда представился Петербург, наши теплые домы, мне живее тогда представились вы, не в том самом виде, в каком встречали меня приходившего к вам и брали меня за руку, и были рады моему приходу... и мне сделалось страшно скучно, меня не веселили мои Мертвые души, я даже не имел в запасе столько веселости, чтобы продолжить их. Доктор мой отыскал во мне признаки ипохондрии, происходившей от гемороид, и советовал мне развлекать себя, увидевши же, что я не в состоянии был этого сделать, советовал переменить место. Мое намерение до того было провести зиму в Италии. Но в Италии бушевала холера страшным образом; карантины покрыли ее как саранча. Я встречал только бежавших оттуда итальянцев, которые от страху в масках проезжали свою землю. Не надеясь развлечься в Италии, я отправился в Париж, куда вовсе не располагал было ехать. Здесь встретил я своего двоюродного брата, с которым выехал из Петербурга. Это лучший из выпущенных вместе со мною из Нежина. Жаль, что вы не знаете его стихов, которые под величайшим страхом показал он только одному мне, и то не прежде, как затворивши все двери, чтобы и французы не услышали.

Париж не так дурен, как я воображал, и, что всего лучше для меня: мест для гулянья множество — одного сада Тюльери и Елисейских полей достаточно на весь день ходьбы. Я нечувствительно делаю препорядочный моцион, что для меня теперь необходимо. Бог простер здесь надо мной свое покровительство и сделал чудо: указал мне теплую квартиру, на солнце, с печкой, и я блаженствую; снова весел. Мертвые текут живо, свежее и бодрее, чем в Веве, и мне совершенно кажется, как будто я в России: передо мною все наши, наши помещики, наши чиновники, наши офицеры, наши мужики, наши избы, словом, вся православная Русь. Мне даже смешно, как подумаю, что я пишу Мертвых душ в Париже. Еще один Левиафан затевается. Священная дрожь пробирает меня заранее, как подумаю о нем: слышу кое-что из него... божественные вкушу минуты... но... теперь я погружен весь в Мертвые души. Огромно велико мое творение, и не скоро конец его. Еще восстанут против меня новые сословия и много разных господ; но что ж мне делать! Уже судьба моя враждовать с моими земляками. *Терпенье!* Кто-то незримый пишет передо мною могущественным жезлом. Знаю, что мое имя после меня будет счастливее меня, и потомки тех же земляков моих, может быть, с глазами влажными от слез, произнесут примирение моей тени. Пришлите мне портрет ваш. Ради всего, что есть для вас дорогого на свете, не откажите мне в этом, но чтобы он был теперь снят с вас. Если у вас нет его, не поскупитесь, посидите два часа на одном месте; если вы не исполните моей просьбы, то... но нет, я не хочу и думать об отказе. Вы не захотите меня опечалить. Акварелью в миниатюре, чтобы он мог не сворачиваясь уложиться в письмо, и отдайте его для отправления Плетневу. Я вам пришлю свой, который закажу я налитографировать только в числе пяти экземпляров, чтобы никто, кроме моих ближайших, не имел его. Напишите что-нибудь ко мне, хоть только две строчки, что вы здоровы и что получили мое письмо. Если б вы знали, какую бодрость вдвинут в меня ваши строки. Я думаю, что я пробуду в Париже всю зиму, тем более, что здесь жить для меня несравненно дешевле, нежели было доселе в Германии и Швейцарии. А с началом февраля отправлюсь в Италию, если только холера прекратится, и души потекут тоже за мною.

Адрес мой: Place de la Bourse, № 12.

Не представится ли вам каких-нибудь казусов, могущих случиться при покупке мертвых душ? Это была бы для меня славная вещь потому, как бы то ни было, но ваше воображение, верно,

увидит такое, что не увидит мое. Сообщите об этом Пушкину, авось-либо и он найдет что-нибудь с своей стороны. Хотелось бы мне страшно вычерпать этот сюжет со всех сторон. У меня много есть таких вещей, которые бы мне никак прежде не представились; но несмотря <на это>, вы всё еще можете мне сказать много нового, ибо что голова, то ум. Никому не сказывайте, в чем состоит сюжет Мертвых душ. Название можете объявить всем. Только три человека, вы, Пушкин да Плетнев, должны знать настоящее дело. Прилагаемое письмо прошу вас покорнейше вручить Плетневу немедленно, оно нужное.

Будьте всегда здоровы и веселы, и да хранит вас Бог от почечуев и от встреч с теми физиогномиями, на которые нужно плевать, — и да бегут они от вас, как ночь бежит от дня.

Прощайте до следующего письма.

325. М. П. Погодину

Ноября 28 <н. ст. 1836. Париж>.

Письмо твое я получил в Париже. Холера, свирепствующая в Италии, не пустила меня туда. Я сижу здесь и, думаю, пробуду всю зиму. Спасибо тебе за письмо и уведомление о себе. Ты всё тот же, деятельный, трудолюбивый. Пошли тебе Бог успехов во всем. Благодарных будет тебе верно много. Но берегись слишком увлечься и рассеяться многосторонностью занятий. Избери один труд, влюбись в него душою и телом, и жизнь твоя потечет полнее и прекраснее, а самый труд будет проникнут тем одушевлением, которое недоступно для истрачивающего талант свой на повседневное. Я не одобряю предприятия твоего издавать журнал по задуманному тобою плану. Дело журнала требует более или менее шарлатанства. Посмотри, какие журналы всегда успевали! те, которых издатели шли, очертя голову, на пролом всему, надевши на себя грязную рубаху ремесленника, предполагая заранее, что придется мараться и пачкаться без счету. Необходимого для этого шарлатанства и отваги у тебя нет. Конечно, можно предположить, что с прямою и твердою волею, совестью можно противустать (хотя и неприлично употреблять умные речи с кабачными бойцами), но в таком случае нужно неослабного внимания, нужно всё бросить и издавать один журнал, жить и говорить только этим журналом. На это, я знаю, тоже не достанет у тебя упрямой воли и терпения. Я могу уже судить из самого письма твоего: ты замышляешь с генваря начать его издание, а между тем в мае

думаешь ехать за границу. Стало быть, он не очень горячо будет издаваться. Повести, конечно, могли бы доставить небольшое развлечение зевающим, но где их набрать? У меня нет ни одной, и не подымется больше рука моя писать их. Пиши их тот, кому нечего больше писать. Когда я писал мои незрелые и неокончательные опыты, которые я потому только назвал повестями, что нужно же было чем-нибудь назвать их, — я писал их для того только, чтобы пробовать мои силы и знать, так ли очинено перо мое, как мне нужно, чтобы приняться за дело. Видевши негодность его, я опять чинил его и опять пробовал. Это были бледные отрывки тех явлений, которыми полна была голова моя и из которых долженствовала некогда создаться полная картина.[1] Но не вечно же пробовать. Пора наконец приняться за дело. В виду нас должно быть потомство, а не подлая современность.

Вещь, над которой сижу и тружусь теперь и которую долго обдумывал, и которую долго еще буду обдумывать,[2] не похожа ни на повесть, ни на роман, длинная, длинная, в несколько томов, название ей *Мертвые души* — вот всё, что ты должен покаместь узнать об ней. Если Бог поможет выполнить мне мою поэму так, как должно, то это будет первое мое порядочное творение. Вся Русь отзовется в нем.

Жребий мой кинут. Бросивши отечество, я бросил вместе с ним все современные желания. Неперескочимая стена стала между им и мною. Гордость, которую знают только поэты, которая росла со мною в колыбели, наконец не вынесла. О, какое презренное, какое низкое состояние... дыбом волос подымается. Люди, рожденные для оплеухи, для сводничества... и перед этими людьми... мимо, мимо их! и доныне недостает духа назвать их. Не тревожь меня мелочными просьбами о статейках.[3] Я не могу и не в силах заняться ими. Никакие толки, ни добрая, ни худая молва не занимает меня. Я мертв для текущего. Не води речи о театре: кроме мерзостей, ничего другого не соединяется с ним. Я даже рад, что вздорную комедию, которую я хотел было отдать в театр, зачитал у меня здесь один земляк, который, взявши ее на два дни, пропал с нею, как в воду, и я до сих пор не знаю о теперешнем ее местопребывании. Сам Бог внушал ему это сделать. Эта глупость не должна была явиться в свет. Если б я услышал, что что-нибудь мое играется или печатается, то это было бы мне

[1] *Далее начато:* Судьба

[2] *Далее было:* длинна

[3] о статейках журнальных.

только неприятно[1] и больше ничего. — Я вижу только грозное и правдивое потомство, преследующее меня неотразимым вопросом: «Где же то дело, по которому бы можно было судить о тебе?» И чтобы приготовить ответ ему, я готов осудить себя на всё, на нищенскую и скитающуюся жизнь, на глубокое, непрерываемое уединение, которое отныне я ношу с собою везде: было ли бы это в Париже или в африканской степи. Пиши ко мне. Есть несколько друзей, от которых письма[2] что благоухающий ветер с родины. Зловоние не долетит ко мне. Всё, что относится собственно к тебе, литературное и не литературное, для меня дорого, и ты меня этим обяжешь. О Париже тебе ничего не пишу. Здешняя сфера совершенно политическая, а я всегда бежал политики. Не дело поэта втираться в мирской рынок. Как молчаливый[3] монах, живет он в мире, не принадлежа к нему, и его чистая, непорочная душа умеет только беседовать с Богом. — Прощай! обнимаю тебя!

Адрес мой: Place de la Bourse, № 12.

326. М. И. Гоголь

<Ноябрь, 1836. Париж>

Письмо ваше я получил и не отвечал так долго, потому что ожидал ответа на прежние мои письма. Прожект мой ехать в Италию зимовать разрушен. Там теперь холера свирепствует страшным образом и потому я отправился в Париж, — где нашел по крайней мере теплую комнату. Здесь встретил я и Данилевского. Я не знаю, что вам писать об Париже. В нем столько много всего, что не знаешь, с которой стороны приняться. Жить в нем можно как хотите, и дорого и дешево, как нельзя даже в Петербурге. В вашем письме вы заботитесь и беспокоитесь, что у меня не достанет денег. Неужели вы думаете, что я похож на некоторых наших помещиков, которые думают только о том, как бы теперь прожить, а о будущем и не помышляют и говорят: авось, Бог милосердный поможет как-нибудь выпутаться, между тем запутываются более и более в долги. Я знаю очень хорошо пословицу: *«Береженого и Бог бережет»* и потому никогда не полагаюсь на чудеса и чрезвычайные случаи. Еще не выезжая из Петербурга, я уже так устроил дела, что в каком городе бы я ни был, банкир, живущий в нем, по первому моему востребованию выдаст

[1] мне нож в сердце
[2] слова
[3] строгий, молчаливый

мне сумму, какую я захочу. Кроме того, одно слово, написанное в Петербург, который у меня под рукою, потому что письма доходят менее нежели в две недели, одно слово уже достаточно, чтобы мне выслали сумму, мною требуемую. Но если бы я даже и ничего этого заблаговременно не устроил, то, явившись к нашему посланнику в каком бы то ни было месте и государстве, я бы мог всегда занять сколько мне хотелось. Итак, вы видите, что обо мне нечего вам беспокоиться. Как бы то ни было, но мои дела всегда лучше ваших и потому советую вам более обратить внимание на ваши дела. Я очень ценю те заботы, которые имеет обо мне ваше родительское сердце. Но весьма будет не благоразумно с вашей стороны тревожить себя пустыми беспокойствами и неосновательными предположениями. Вы должны всегда помнить, что я не ветреный мальчик и что верно знаю, как вести свои дела. О ничтожной плате за письма тоже не беспокойтесь. Я очень уверен, что мне легче платить за них, нежели вам. Притом я плачу несравненно меньше, нежели вы; ибо вы приплачиваетесь и за мое и за ваше письмо вместе. В Париже я проживу, может быть, всю зиму и потому буду иметь много еще времени, чтобы о нем написать вам. Вчера я был в Лувровской картинной галерее во второй уже раз и всё насилу мог выйти. Картины здесь собрались лучшие со всего света. Был на прошлой неделе в известном саду (Jardin des plantes), где собраны все редкие растения со всего света и все на вольном воздухе. Слоны, верблюды, строусы и обезьяны ходят там, как у себя дома. Это первое заведение в этом роде в мире. Кедры растут там такие толстые, как только в сказке говорится. Для всех зверей и птиц особенный даже павильон и беседки и у каждого из этих обитателей свой садик. Весь Париж наполнен теперь музыкантами, певцами, живописцами, артистами и художниками всех родов. Улицы все освещены газом. Многие из них сделаны галереями, освещены сверху стеклами. Полы в них мраморные и так хороши, что можно танцовать. Но, покамест, довольно.

Прощайте до следующего письма. Я спешу скорее окончить, потому что мне еще много нужно писать сегодня писем. Адрес мой: Place de la Bourse, № 12.

Да что сестра Марья ничего не пишет? Я получил от Анет и Лизы не так давно письма.

1837

327. М. И. Гоголь

Париж. Январь 14/2, 1837.

Поздравляю вас, почтеннейшая маминька, с Новым годом, и да ниспошлет вам Бог в нем всего, что есть для вас утешительного. Я получил ваше письмо из Лозанны, писанное вами 18 октября. Очень рад, что вы здоровы и что сестра благополучно разрешилась сыном. Жаль мне только, что у вас опять небольшая благодать в делах хозяйственных. Наша Малороссия точно несчастный край: неурожай — беда; урожай — тоже. Когда я вспомню, как вас всё это беспокоит, у меня здесь болит сердце. Дай Бог, чтобы винокурня немного вас поправила, хотя я сумневаюсь, чтобы она доставила вам большие выгоды, потому что покамест вы приметесь курить, водка непременно должна упасть в цене. При такой дешевизне хлеба невозможно, чтобы[1] она и месяц постояла в одной цене. Во всяком случае, молю Бога, чтобы вы получили какую-нибудь прибыль в воздаянье ваших попечений о нас. — Я сижу еще в Париже и просижу до половины февраля, то есть до начала весны, чтобы с весною предпринять путь в Италию, где уже в это время будет совершенная весна, если не лето, что для здоровья моего, надеюсь, будет хорошо, потому что в Париже стоит не слишком хорошее время — слякоть и сырость. Здесь зимы совсем нет. Один или два раза было по градусу морозу. Здешние жители в летних сюртуках ходят всю зиму... Вы одно письмо еще можете написать мне в Париж. По прошествии же месяца можете адресовать в Неаполь (poste restante). Не забудьте теперешнего моего адреса в Париж: Place de la Bourse, № 12. Целую несколько раз ваши ручки и, желая вам всего хорошего, остаюсь всегда вашим послушным и много вас любящим сыном.

Н. Гоголь.

328. Н. Я. Прокоповичу

Париж, 25 генварь <н. ст.> 1837.

Я давно не писал к тебе. Я хотел получить прежде твое письмо, о котором я знал, что оно лежит в Лозанне, и которое пришло ко мне довольно поздно. Прежде всего нужно тебя поздравить

[1] *Далее было:* вы получили какую-нибудь прибыль.

с Новым годом. Желаю[1] одного: чтобы он был плодороднее для тебя прочих, чтобы ты наконец принялся за дело. Тебе нужно испытать горькое и приятное нашего ремесла. Жизнь твоя не полна, ты теперь должен иногда чувствовать пустоту ее. Пора, брат, пора! Вот тебе и желание мое и упрек вместе. Из письма Данилевского ты, я думаю, уже узнал о моем пребывании здесь. Я попал в Париж почти нечаянно. В Италии холера, в Швейцарии холодно. На меня напала хандра, да притом и доктор требовал для моей болезни перемены места. Я получил письмо от Данилевского, что он скучает в Париже, и решился ехать разделять его скуку. Париж город хорош для того, кто именно едет для Парижа, чтобы погрузиться во всю его жизнь. Но для таких людей, как мы с тобою, — не думаю, разве нужно скинуть с каждого из нас по 8 лет. К удобствам здешним[2] приглядишься, тем более, что их более, нежели сколько нужно; люди легки, а природы, в которой всегда находишь ресурс и утешение, когда всё приестся, — нет: итак, нет того, что бы могло привязать к нему мою жизнь. Жизнь политическая, жизнь вовсе противоположная смиренной художнической,[3] не может понравиться таким счастливцам праздным, как мы с тобою. Здесь всё политика, в каждом переулке и переулочке библиотека с журналами. Остановишься на улице чистить сапоги, тебе суют в руки журнал; в нужнике дают журнал. Об делах Испании больше всякой хлопочет, нежели о своих собственных. Только в одну жизнь театральную я иногда вступаю: итальянская опера здесь чудная! Гризи, Тамбурини, Рубина, Лаблаш — это такая четверня, что даже странно, что они собрались вместе. На свете большею частию бывает так, что одна вещь находится в одном углу, а другая, которой бы следовало быть возле нее, в другом. Не приведи Бог принести сюда Пащенка. Беда была бы нашим ушам. Он бы напевал, я думаю, ежедневно и ежеминутно. Я был не так давно в Théâtre Français, где торжествовали день рождения Мольера. Давали его пиэсы «Тартюф» и «Мнимый больной». Обе были очень хорошо играны, по крайней мере в сравнении с тем, как играются они у нас. Каждый год Théâtre Français торжествует день рождения Мольера. В этом было что-то трогательное. По окончании пиэсы поднялся занавес: явился бюст Мольера. Все актеры этого театра попарно под музыку подходили венчать бюст. Куча венков вознеслась

[1] Желаю тебе

[2] *Далее было:* и особенностям приглядишься, да притом их более

[3] *Далее начато:* кото<рая>

на голове его. Меня обняло какое-то странное чувство. Слышит ли он, и где он слышит это?.. Видел в трех[1] пиэсах M-lle Mars. Ей 60 лет. В одной пиэсе играла она 18-летнюю девицу. Немножко смешно было сначала, но потом в других действиях, когда девица становится замужней женщиною, ей прощаешь лишние годы. Голос ее до сих пор гармонической и, зажмуривши глаза, можно вообразить живо пред собою 18-летнюю.[2] Всё просто, живо; очищенная натура, в местах патетических тоже слова исходят прямо из глубоко тронутой души; ничего дикого, ни одной фальшивой или искусственной ноты. На русском нашем театре далеко недостает до Mars. Актеров много, очень много хороших. На каждом театре есть два или три своих корифея. Видел наследника Тальмы Ligier. Среднего росту, пожилых лет человек, бегает по сцене довольно свободно, как дома, не складывает рук крестом и не глядит из-за плеча. Пиэс, где герой является идеалом физической силы, он, как кажется, избегает. Я его не видел, по крайней мере, никогда ни в старых трагедиях, ни в новых драмах, где герои сильно страдают и много беснуются. Играл он Людовика XI в пиэсе Делавиня и, кажется, вряд ли Делавиню так написать, как Ligier играл. Он был даже смешон — до такой степени хорош. Король, распоряжающийся очень коварно и плутовски и между тем дающий всему этому вид необходимости, им же самим наложенной, был очень занимателен для зрителя. В пиэсах Мольера старики, дяди, опекуны и отцы играются очень хорошо, плуты-слуги тоже прекрасно. Если бы собрать с каждого из[3] здешних театров по три первых персонажа, то можно бы таким образом обставить пиэсу, как только может себе составить идею один комик или трагик. Театры все устроены прекрасно.[4] Они не имеют великолепных наружных фасадов, но внутри всё как следует. От первого до последнего слова слышно и видно всем. Балеты становятся с такою роскошью, как в сказках; особливо костюмы необыкновенно хороши, с страшною историческою точностью. Сколько прежде французы глядели[5] мало на дух века, столько теперь приглядываются на мелочи; само собою, что при этом ускользает много крупного. Золота, атласу и бархату на сцене много. Как у нас одеваются на сцене первые танцовщицы, так

[1] двух
[2] *Далее было:* девицу
[3] со всех
[4] *Далее было:* Они не велики
[5] *Далее было: а.* в этом отношении *б.* на это

здесь все до одной фигурантки. Далеко Гедеонову до Петрова дни, хотя ему и значительно помогает в украшении декораций Федор Андреевич. Тальони — воздух! Воздушнее еще ничего не бывало на сцене. Впрочем, здесь около десяти есть таких танцовщиц, или солисток, перед которыми Пейсар — Пащенко. Скажи Жюлю: как, право, не совестно ему жить с мамзель Жорж. Ведь ей 67 лет. Да притом видно, что она только красотой своей брала. Игра ее очень монотонна и часто напыщенна. Впрочем, говорят, что ее нужно видеть только в старых трагедиях, которых однако ж не играют вовсе на том театре, где она теперь находится. Играет она в театре Porte St. Martin, где играются только одни новые драмы и мелодрамы и где зрители шумят больше, нежели на всех других театрах. Всякой почти раз в партере произойдет какая-нибудь комедия или даже и водевиль, если у зрителей хорош голос. Тогда актеры делаются зрителями: сначала слушают, а потом уходят со сцены, занавес опускается, музыка начинает играть, и пиэсу начинают снова. Народ очень любит драмы и особливо партия республиканская. Это народ сумрачный, аплодирует редко. Прочие ходят в водевиль, среднее сословие — в театр Variété или в театр Палерояль (лучшие водевильные театры!). *Знать*, как бывает всегда, корчит меломанов и ходит в Италианскую или в Большую оперу (на французском диалекте), где конопатят до сих пор еще «Гугенотов» и «Роберта», ударяя в медные горшки и тазы сколько есть духу; или иногда в Opere Comique (французскую оперу). Но Бог с ними, со всеми этими операми, водевилями и комедиями! Поговорим теперь о тебе. Что ты поделываешь теперь? Там же ли ты, где и прежде, на той ли самой квартире? Так же ли похаживаешь по комнате с трубочкою, в том ли самом халате, несколько поизношенном, как бывает у всех порядочных людей? Ты ничего мне не написал об этом. Может быть, ты квартиру свою переменил, и письмо мое долго будет таскаться из дома в дом, а может быть, не попадется даже и в руки к тебе... Это, признаюсь, было бы мне страшно неприятно. Я всё имею надежду на скорый твой ответ, который для меня теперь почти такое же заключает в себе наслаждение, как чтение прекрасной поэмы. Душенька, пиши ко мне! Ты должен это делать чаще моего, потому что твое письмо доставит мне теперь больше удовольствия, нежели мое тебе. Тощи ваши петербургские литературные новости. Да скажи, пожалуйста, с какой стати пишете вы все про «Ревизора»? В твоем письме и в письме Пащенка, которое вчера получил Данилевский, говорится, что «Ревизора» играют каждую

неделю, театр полон и проч. ... и чтобы это было доведено до моего сведения. Что это за комедия? Я, право, никак не понимаю этой загадки. Во-первых, я на «Ревизора» — плевать, а во-вторых... к чему это? Если бы это была правда, то хуже на Руси мне никто бы не мог нагадить. Но, слава Богу, это ложь: я вижу через каждые три дня русские газеты. Не хотите ли вы из этого сделать что-то вроде побрякушки и тешить меня ею, как ребенка? И ты! Стыдно тебе! ты предполагал во мне столько мелочного честолюбия! Если и было во мне что-нибудь такое, что могло показаться легко меня знавшему тщеславием, то его уже нет. Пространства, которые разделяют меня с тобою, поглотили *всё* то, за что поэт слышит упреки во глубине души своей. Мне страшно вспомнить обо всех моих мараньях. Они[1] в роде грозных обвинителей являются глазам моим. Забвенья, долгого забвенья просит душа. И если бы появилась такая моль, которая бы съела внезапно все экземпляры «Ревизора», а с ними «Арабески», «Вечера» и всю прочую чепуху, и обо мне, в течение долгого времени, ни[2] печатно, ни изустно не произносил никто[3] ни слова, — я бы благодарил судьбу. Одна только слава по смерти (для которой, увы! не сделал я до сих пор ничего) знакома душе неподдельного[4] поэта. А современная слава не стоит копейки. Но ты должен узнать ее. Ты должен начать с нее непременно, вкусить и горькие и сладкие плоды, покамест безотчетные лирические чувства объемлют душу и не потребовал тебя на суд твой внутренний грозный судья. Моим голосом, который теперь должен иметь над тобой двойную силу и власть, я заклинаю тебя стряхнуть лень.[5] Не принимайся за большое дело, примись сначала за малое; пиши повести, всё, что угодно, но только пиши непременно, рядись на все журналы, помещай и бери деньги. У тебя есть язык, но еще не разболтался. Год или два употреби непременно, чтобы расписаться, и тогда... нечего говорить, ты и сам узнаешь и постигнешь тогда свое назначение и решишь, за что и как нужно взяться. — Кстати о литературных новостях: они однако ж не тощи. Где выберется у нас полугодие, в течение которого явились бы разом две такие вещи, каковы «Полководец» и «Капитанская дочь». Видана ли была где-нибудь такая прелесть! Я рад, что «Капитанская дочь» произвела

[1] *Далее было:* как строгие
[2] ни один
[3] и вовсе
[4] истин<ного>
[5] приняться за дело.

всеобщий эффект. Даже Иван Григорьевич пишет, что чудная вещь. Когда эта музыкальная душа признала ее достоинство, то что же, я думаю, говорят прочие! Что ты ничего не пишешь обстоятельней о тех литературных новостях, которые хоть и не так сильно выглядывают, но дороги нам потому, что творцы[1] их или кумовья, или другие близкие нам родственники, например: Кукольник, Базили. Ты очень легко упомянул о «Художественной газете». Можно бы даже привести отрывочек. Это было бы приятно. Также о «Босфоре». Нет ли там еще какого-нибудь реверанса? Не дурно также бы упомянуть несколько и об их частной жизни, о новых подвигах их на пользу отечества,[2] а также и на собственную пользу, которая, без сомнения, ни в каком случае не забывается. В каком салоне виден теперь Базили и какую имеет моральную физиогномию? А другой Базили, с кистью вместо пера, художник Мокрицкий? Это тоже лицо не бездельное. Обо всем этом непременно нужно говорить; всё это родственники, которые будут интересовать нас в продолжение всей нашей жизни. Второстепенные лица в этом романе также необходимы, и потому, от времени до времени, непременно нужно будет говорить[3] о философе Данченке и об меньших братцах. Само собою, что сюда должны войти и кумовья, как-то: Жюль, Комаровы и все, которых мы близко и коротко знаем. Всем им поклон мой. Жюля особенно попроси, чтобы написал ко мне. Ему есть о чем писать. Верно, в канцелярии случился какой-нибудь анекдот. Если действующие лица выше надворных советников, то, пожалуй, он может поставить вымышленные названия или господин N. N. Скажи ему, что если он меня сколько-нибудь любит, пусть непременно напишет тоже повесть, напечатает и пришлет мне. Я читал одну из старых его повестей, которая длинна и растянута, но в ней много есть такого, что говорит, что вторая будет лучше, а третья еще лучше. Извести меня, что это такое «Литературные прибавления», которые издает Краевский и о которых пишет Пащенко? и отчего мое бедное имя туда заехало? или ему суждено валяться, как векселю несостоявшегося банкрота, от которого хотя не ждут никакой пользы, но не раздирают его потому только, что когда-то он стоил денег. Впрочем, мне это неприятно; и только в нашем литературном мире могут случаться такие самоуправства. Я не желал бы, очень не желал, чтобы мое имя упоминалось в печати.

[1] издатели

[2] общественную пользу

[3] говорить о них

Прощай, душа моя! Не забывай же, пиши ко мне. Ты еще можешь один раз писать ко мне в Париж потому, что я не раньше как через месяц еду в Италию. Мой усердный поклон Марье Никифоровне. Здоров ли сын твой Николай — мой имевшийся быть крестник, о чем я беспрестанно сожалею? И что такое он теперь болтает? И есть ли какое приумножение в семействе, а если есть, то что такое Бог послал, сына или дочь? и как идут дела корпусные твои? что делает Кушакевич, Стефин и прочие? и где ты теперь разглагольствуешь? Всё то, что кажется тебе не занимательно, всё то занимательно для меня, особливо если оно касается тебя. Да что делает Лукашевич? Уехал ли он за границу или нет? и если не уехал, то почему? и что делает он теперь? Пожалуйста, передай ему мой поклон и скажи ему, что я надеюсь с ним увидеться. Получили <ли> вы куплеты: «Да здравствует нежинская бурса», которые Данилевский послал в письме к Пащенку? Уведоми, часто ли ты видишься с Плетневым и кто теперь у него бывает и о чем говорят. Кланяйся ему и скажи, что деньги получены мною с невероятною исправностью.

Адрес мой: Place de la Bourse, 12. Пиши фамилию мою правильнее, иначе[1] происходят на почте недоразумения. Пиши просто, как произносится: Gogol.

329. М. И. Гоголь

Париж. Февраль 15 <н. ст.> 1837.

Я получил ваше письмо, почтеннейшая маминька. Оно шло довольно долго: более месяца. Это происходит оттого, что почты зимою не так удобны, как летом. Здесь зима не то, что у нас. У нас она облегчает путь, а здесь, напротив, затрудняет, потому что здесь она не что иное, как мокрая осень. Мне теперь даже странно было услышать о морозах и особенно узнать из письма вашего, что они были до такой степени сильны, что[2] много было замерзших. Во всё это время здесь все ходили в одних сюртуках, и солнце очень часто было совершенно весеннее.

Я более полуторы недели не думаю оставаться в Париже. Болезнь в Италии давно прекратилась, и время становится благоприятным для путешествия. Я в Париже всё обсмотрел уже, что есть замечательного. Успел побывать и в Версале (в 25 верстах

[1] от этого

[2] *Далее начато:* неск<олько>

от Парижа), этом великолепном обиталище[1] французских королей, составляющем большой город (около 50 тысяч душ).[2] Дворец, сады, парки без всякого сравнения великолепнее нашего Царского Села и построены с большим вкусом.

Теперь в Париже самое шумное время — карнавал: балы за балами, спектакли великолепные. В последний день карнавала было такое множество народа, какого я никогда еще не видывал. Все бульвары, проходящие с одного конца до другого весь Париж, были завалены народом; целые экипажи наполнены были масками. Маски разных наций и костюмов перебегали беспрестанно по улицам. Впрочем, и до сих пор, хотя вчера уже начался пост, ни балы, ни маскарады не прекратились. Мне хочется светлый праздник встретить в Риме и быть в церкви Святого Петра, где должен служить сам папа, и потому вы можете теперь адресовать ко мне письма в Рим, poste restante. (Если я вам пишу обстоятельно, означая даже нумер дома, в котором живу, тогда уже не нужно ставить poste restante; ибо сестра должна знать, что это значит *остающаяся почта*, т. е. чтобы письмо оставалось на почте до того времени, покамест я не приду его взять сам. Если же на письме означен адрес дома, тогда его принесут ко мне.) В Риме я не знаю, где остановлюсь, и потому пишу: poste restante. Итак, прощайте до Рима. Желая вам всякого добра, радости, здоровья и всего, что ни есть для всех драгоценного, остаюсь всегда почтительным, любящим вас сыном Н.

Обнимаю несколько раз сестрицу и моего племянника и крестника. Об Олиньке, которую тоже заочно целую, я совершенно не имею никаких вестей из Петербурга и не знаю, будет ли она принята или нет.

Не преминете уведомить о всём, что ни происходит в наших местах с нашими знакомыми и проч. и проч.

Давно ли получали письма от сестер из Петербурга?

330. Богдану Залесскому

<Вторая половина февраля 1837. Париж>

Дуже — дуже було жалко, що не застав пана земляка дома. Чував, що на пана щось напало — не то *сояшныца*, не то *завійныця* (хай ій прыснытся лысый дидько), та тепер, спасибо Богови, кажут начей-то пан зовсим здоров. Дай же Боже, щоб на довго, на славу

[1] жилище

[2] *Далее было:* в несколь<ких?>

усій козацкій земли давав бы чернецького хлиба усякій болизни и злыдням. Та й нас бы не забував, пысульки в Рым слав. Добре б було, колы б и сам туды колы-небудь прымандрував. Дуже, дуже блызькый земляк, а по серцю ще блыжчый, чим по земли.

Мыкола Гоголь.

331. П. А. Плетневу

Март 28/16 <1837>. Рим.

Что месяц, что неделя, то новая утрата, но никакой вести хуже нельзя было получить из России. Всё наслаждение моей жизни, всё мое высшее наслаждение исчезло вместе с ним. Ничего не предпринимал я без его совета. Ни одна строка не писалась без того, чтобы я не воображал его пред собою. Что скажет он, что заметит он, чему посмеется, чему изречет неразрушимое и вечное одобрение свое, вот что меня только занимало и одушевляло мои силы.[1] Тайный трепет невкушаемого на земле удовольствия обнимал мою душу... Боже! Нынешний труд мой, внушенный им, его создание... Я не в силах продолжать его. Несколько раз принимался я за перо — и перо падало из рук моих. Невыразимая тоска!.. Напишите мне хоть строчку, что делаете вы, или скажите[2] об этом два слова Прокоповичу. Он будет писать ко мне. Я был очень болен, теперь начинаю немного оправляться. Пришлите мне деньги, которые должен внести[3] мне Смирдин к первым числам апреля. Вручите их таким же порядком Штиглицу, дабы он отправил их к одному из банкиров в Риме для передачи мне. Лучше, если он переведет на Валентина, этот, говорят, честнее прочих здешних банкиров. Если возможно, то ускорите это сколько возможно. Я не мог вам написать прежде, потому что не установился на месте и шатался всё в дороге.

Да хранит вас Бог и сбережет от всего злого. Мой адрес: Via S. Isidoro, № 17, rimpetto alla chiesa S. Isidoro, vicino alla Piazza Barbierini.

N. Гоголь.

<*Адрес:*>

à S. Pétersbourg en Russie.
Петру Александровичу Плетневу. Петербург.
Близ Обухова моста, в доме Сухаревой.

[1] *а.* одушевляло труды мои *б.* одушевляло на

[2] *В подлиннике:* скажете

[3] вручить

332. М. И. Гоголь

Рим. Март 28/16 <1837>

Два дни как я здесь. Переезд мой в Италию или, лучше, в самый Рим затянулся почти на три недели. Ехал я морем и землею с задержками и остановками, но, несмотря на всё это, поспел как раз к празднику. Обедню прослушал в церкве Святого Петра, которую отправлял сам папа. Он 60 лет и внесен был на великолепных носилках с балдахином. Несколько раз носильщики должны были останавливаться посреди церкви, потому что папа чувствовал головокружение. Церковь же Петра так огромна, что будет в длину около полверсты. Съезд в Риме был огромный. Народу несколько тысяч стояло в церкве, но она, при всем том, всё еще казалась пуста.

Дни летние, солнце прекрасное, звезды еще лучше блестят — в несколько раз ярче, нежели у нас. Словом, небо настоящее италианское. Весна почти не заметна, потому что очень мало таких деревьев, которые должны развиваться. Все почти вечно зеленеющие, не роняющие во время зимы листьев. Я успел осмотреть только часть древностей и развалин, которых на каждом шагу — много, и часто так случается, что в новый дом вделана часть развалины, кусок стены, или колонна, или рельеф. — Я не смотрел еще ни картинных галерей, ни множества разных дворцов, где смотреть станет на целый год. Вся земля пахнет и дышит художниками и картинами. Мозаики и антики продаются кучами. Школы живописи и скульптуры на улице почти у каждых дверей. До Рима я успел еще побывать, кроме многих других, в двух знаменитых городах, в Генуе и Флоренции. Генуя великолепна, множество домов больше похожи на дворцы и украшены картинами лучших италианских художников, но зато улицы есть так узеньки, что двум человекам нельзя пройти в ряд. Впрочем, они выложены мраморными плитами и очень чисты. После, в следующем письме, напишу[1] вам о том, что увижу в Риме; а теперь спешу кончить,[2] иду на солнце, на котором[3] мне предписано находиться как можно больше.

Будьте здоровы. Целую ваши ручки. Обнимаю сестру Марию и Олиньку и моего племянника Колю.

Ваш преданный сын

Николай.

[1] напишу я

[2] *Далее начато:* по п<редписанию?>

[3] на солнце, которое

Мой адрес: Roma Via di Isidoro Casa Giovanni Massuci, № 17 (vicino alla piazza Barbierini).

<Адрес:>
A Poltava en Russie.
Ее высокоблагородию Марии Ивановне Гоголь-Яновской.
В Полтаву, оттуда в д. Василевку.

333. М. П. Погодину

Март 30 <н. ст. 1837.> Рим.

Я получил письмо твое в Риме. Оно наполненно тем же, чем наполнены теперь все наши мысли. Ничего не говорю о великости этой утраты. Моя утрата всех больше. Ты скорбишь как русской, как писатель, я... я и сотой доли не могу выразить своей скорби. Моя жизнь, мое высшее наслаждение умерло с ним. Мои светлые минуты моей жизни были минуты, в которые я творил. Когда я творил, я видел перед собою только Пушкина. Ничто мне были все толки, я плевал на презренную чернь, известную под именем публики; мне дорого было его вечное и непреложное слово. Ничего не предпринимал, ничего не писал я без его совета.[1] Всё, что есть у меня хорошего, всем этим я обязан ему. И теперешний труд мой есть его создание. Он взял с меня клятву, чтобы я писал, и ни одна строка его не писалась без того, чтобы он не являлся в то время очам моим. Я тешил себя мыслью, как будет доволен он, угадывал, что будет нравиться ему, и это было моею высшею и первою наградою. Теперь этой награды нет впереди! что труд мой? Что теперь жизнь моя? Ты приглашаешь меня ехать к вам. Для чего? не для того ли, чтобы повторить вечную участь поэтов на родине! Или ты нарочно сделал такое заключение после сильного тобой приведенного примера, чтобы сделать еще разительнее самый пример. Для чего я приеду? Не видал я разве дорогого[2] сборища наших просвещенных невежд? Или я не знаю, что такое советники начиная от титулярного до действительных тайных? Ты пишешь, что все люди, даже холодные, были тронуты этою потерею. А что эти люди готовы были делать ему при жизни? Разве я не был свидетелем горьких, горьких минут, которые[3] приходилось чувствовать Пушкину? Несмотря на то, что сам монарх (буди за то благословенно имя его) почтил талант. О! когда я вспомню наших судий,

[1] *Далее начато:* И теперешний<ний>
[2] пустого
[3] которых слуш<ать?>

меценатов, ученых умников, благородное наше аристократство... Сердце мое содрагается при одной мысли. Должны быть сильные причины, когда они меня заставили решиться на то, на что я бы не хотел решиться. Или ты думаешь мне ничего, что мои друзья, что вы отделены от меня горами? Или я не люблю нашей неизмеримой, нашей родной русской земли?

Я живу около года в чужой земле, вижу прекрасные небеса, мир, богатый искусствами и человеком. Но разве перо мое принялось описывать предметы, могучие поразить всякого? Ни одной строки не мог посвятить я чуждому. Непреодолимою цепью прикован я к своему,[1] и наш бедный,[2] неяркий мир наш, наши курные избы, обнаженные пространства предпочел я лучшим небесам, приветливее глядевшим на меня. И я ли после этого могу не любить своей отчизны? Но ехать, выносить надменную гордость[3] безмозглого класса людей, которые будут передо мною дуться и даже мне пакостить. Нет, слуга покорный. В чужой земле я готов всё перенести, готов нищенски протянуть руку, если дойдет до этого дело. Но в своей — никогда. Мои страдания тебе не могут <быть> вполне понятны. Ты[4] в пристани, ты, как мудрец, можешь[5] перенесть и посмеяться. Я бездомный, меня бьют и качают волны, и упираться мне только на якорь гордости, которую вселили в грудь мою высшие силы. Сложить мне голову свою не на родине.

Если ты имеешь желание ехать освежиться и возобновить свои силы, увидеть меня — приезжай в Рим. Здесь мое всегдашнее пребывание. На июнь и июль еду в Германию на воды и, возвратившись, провожу здесь осень, зиму и весну. — Небо чудное. Пью его воздух и забываю весь мир. Напиши мне что-нибудь про ваши московские гадости. Ты видишь, как сильна моя любовь, даже гадости я готов слушать из родины.

Прощай! твой Гоголь.

Мой адрес. Via di Isidoro, 17, casa Giovanni Massuci.

<Адрес:>

à Moscou en Russie.

Михайлу Петровичу Погодину, профессору Московского университета.

В Москве, в Университет.

1 моей земле

2 незаме<тный>

3 надменное презре<ние>

4 *Далее начато:* сиди<шь?>

5 *Далее было:* издали

334. Н. Я. Прокоповичу

Марта 30 <н. ст. 1837>. Рим.

Я не дождался письма твоего. Не знаю, когда получу его из Парижа (если оно только было писано и послано). Мне очень скучно без твоего письма. Ты давно не писал ко мне. Да притом, кажется, ты всего только один раз и писал ко мне. От ваших хладных берегов такие грустные несутся вести. Великого не стало. Вся жизнь моя теперь отравлена. Пиши ко мне, Бога ради! Напоминай мне чаще, что еще не всё умерло для меня <на> Руси, которая уже начинает казаться могилою, безжалостно похитившею всё, что[1] есть драгоценного для сердца. Ты знаешь и чувствуешь великость моей утраты. Что ты делаешь теперь? Я ничего не знаю, а мне хотелось бы всё знать, даже — как ты скучаешь. Зайди к Плетневу и узнай, послал ли он ко мне деньги, о которых я писал к нему из Рима? Если посланы, то — когда и на имя какого банкира они адресованы? Я в них нуждаюсь. Что тебе сказать об Италии? Она прекрасна. Она менее поразит с первого раза, нежели после. Только всматриваясь более и более, видишь и чувствуешь ее тайную прелесть. В небе и облаках виден какой-то серебряный блеск. Солнечный свет далее объемлет горизонт. А ночи?.. прекрасны. Звезды блещут сильнее, нежели у нас, и по виду кажутся больше наших, как планеты. А воздух? — он так чист, что дальние предметы кажутся близкими. О тумане и не слышно. Я бы более упивался ею, если бы был совершенно здоров; но чувствую хворость в самой благородной части тела — в желудке. Он, бестия, почти не варит вовсе, и запоры такие упорные, что никак не знаю, что делать. Всё наделал гадкий парижский климат, который, несмотря на то, что не имеет зимы, но ничем не лучше петербургского. Ничего не хочу больше писать, потому что ожидаю ежеминутно твоего письма из Парижа, которое ты верно писал и на которое мне хочется отвечать; но ты, пожалуйста, напиши мне ответ на это поскорее, хотя немного, хотя столько строк, сколько придет в твою ленивую память. Целую тебя бессчетно. Мой адрес: Roma, via di Isidoro, casa Giovanni Massuci, 17 (vicino alla piazza Barbierini).

Данилевский обещался неделею после меня быть в Рим, но до сих пор его не вижу.

P. S. Впрочем, адресуй лучше в Poste restante, потому что, может быть, случится к тому времени переменить квартиру.

[1] что было дл<я>

<Адрес:>

A St. Pétersbourg en Russie.

Николаю Яковлевичу Прокоповичу.

В Петербурге, в Свешном переулке близ Владимирской, в доме Б. Врангеля.

335. А. С. Данилевскому

Апреля 15 <н. ст. 1837>. Рим.

Никогда я еще не получал от тебя такого странного письма, как теперь. Оно мне показалось так смутным, как будто было писано впросонках. И что тебе пришла за блажь ехать в Швейцарию, я ожидал тебя[1] со дня на день, верил в непреложность твоего обещания и думал, что вот-вот дверь отворится, и ты войдешь в мою комнату, — и вдруг письмо из Женевы. И выбрал же время! Или ты не знаешь, а я тебе не говорил, что весною нельзя ехать в Швейцарию. И что ты будешь делать там и почему тебе захотелось так пригнездиться к Жанену? Тебе будет дьявольски скучно, ты будешь голоден, и больше ничего (ибо хотя твой желудок не то, что мой, однако ж всё-таки нагрузиться любит). Право, как досадно, я думаю, было по Швейцарии сделать вместе вояж, и Бог знает, теперь увидимся ли мы или нет. И выигрышу никакого ты не сделал насчет кошелька. В Швейцарии дороже. Я же никак не могу теперь ехать к тебе. Не могу, во-первых, потому, что еще рано; а во-вторых, самое главное, потому, что сижу без денег. Я приехал в Рим только с двумя стами франками, и если б не страшная дешевизна и удаление всего, что вытряхивает кошелек, то их бы давно уже не было. (За комнату, то есть старую залу с картинами и статуями, я плачу 30 франков в месяц, и это только одно дорого. Прочее всё ни по чем. Если выпью поутру один стакан шоколату, то плачу немножко больше 4 су, с хлебом, со всем. Блюда за обедом очень хороши и свежи, и обходится иное по 4 су, иное по 6. Мороженого больше не съедаю, как на 4, а иногда на 8. Зато уж мороженое такое, какое и не снилось тебе. Не ту дрянь, которую мы едали у Тортони, которое тебе так нравилось. Масло!) Теперь я такой сделался скряга, что если лишний байок (почти су) передам, то весь день жалко. Я не знаю, право, как мне теперь быть! Я жил мыслью, что мы вместе поедем в Неаполь. Теперь как мне ехать? Я уж не поеду, по крайней мере в этом году. Тебя выписывать я уж не смею, потому что теперь переезд

[1] *Далее было:* всякую

тебе будет дорог. Это не то, что морем, как бы ты мог сделать из Марселя. С другой стороны, мне страшно жаль, что ты, вместо того, чтобы наслаждаться, чтобы окунуться совершенно в новый мир, должен скучать и мерзнуть. Здесь тепло, как летом; а небо, небо — совершенно кажется серебряным. Солнце дальше и больше, и сильнее обливает его своим сиянием. Что сказать тебе вообще[1] об Италии? Мне кажется, что будто бы я заехал к старинным малороссийским помещикам. Такие же дряхлые двери у домов, со множеством бесполезных дыр, марающие платья мелом; старинные подсвечники и лампы в виде церковных. Блюда все особенные, все на старинный манер. Везде доселе виделась мне картина изменений. Здесь всё остановилось на одном месте и далее нейдет. Когда въехал в Рим, я в первый раз не мог дать себе ясного отчета. Он показался маленьк<им>. Но чем далее, он мне кажется бóльшим и бóльшим, строения огромнее, виды красивее, небо лучше, а картин, развалин и антиков смотреть на всю жизнь станет. Влюбляешься в Рим очень медленно,[2] понемногу — и уж на всю жизнь. Словом, вся Европа для того, чтобы смотреть, а Италия[3] для того, чтобы жить. Это говорят все те, которые остались здесь жить.[4] И правда, что зато вряд ли где сыщешь землю, где бы можно так дешево прожить. Никаких <безделок> и ничего того, что в Париже вкус голодный изобретает для забав. В магазинах только Оссия да антики. Но зато для наслаждений художнических… Ты не можешь себе дать никакой идеи, что такое Рафаэль. Ты будешь стоять пред ним так же безмолвный и обращенный весь в глаза, как ты сиживал некогда перед Гризи. Но, чорт возьми! Я для тебя приготовил и квартиру, и готовился быть твоим чичерони, и вместо того… Напиши по крайней мере, где ты располагаешь быть через полтора месяца, ибо через полтора месяца я выеду из Италии заглянуть на какие-нибудь немецкие воды. Нужно же когда-нибудь направить <.......> на прямой путь. Ей-Богу, даже смешно, как воображу, что ты сидишь и мерзнешь у Жанена. Я никак сначала не мог взять в толк, про какого Анненкова ты пишешь, и думал, уж не свихнул ли ты, Боже сохрани, с разума, говоря, что я у него стоял. Но при конце письма, не видя ни адреса, ничего, догадался, что это aux Eaux Vives. Вряд ли ты, мне кажется, высидишь месяц. Впрочем, во всяком случае, пиши,

[1] *В подлиннике описка:* тебе вообще тебе

[2] *Далее было:* но зато надолго

[3] Рим

[4] *Далее было:* А уж я

пожалуйста, почаще и извещай обо всякой перемене, тобою затеваемой, каких, я думаю, должно случиться с тобой немало. Что-нибудь из хорошего нам нужно посмотреть вместе. Ты или нарочно меня водишь за нос. Прошлый год, давши слово приехать ко мне в Швейцарию, дернул в Париж. Теперь, обещавшись наверно приехать в Италию, дернул в Швейцарию. У тебя уж, видно, такой бес сидит внутри, который ворочает тобою наперекор. Тебе нужно было, непременно нужно испытать художническо-монастырскую жизнь в Италии, покушать мрамора и гипса, которого здесь вдоволь, упиться звездами ночи, которые блещут здесь необыкновенным блеском, наглядеться на монахов и аббатов, которыми, как маком, усеяны улицы. Я приехал в Рим как раз накануне светлого праздника, и первое, что увидел, это был папа. Таким образом, я выполнил старое правило. Обедню отслушал в беспредельном Петре, который всё казался пуст, как ни много в нем было народу. — Я получил твое письмо сегодня и сегодня же написал к тебе этот ответ, и сегодня же его отправил бы, если б можно было, но теперь поздно, вечер, а завтра не принимают, праздник. Итак, он идет послезавтра. Прощай. Целую тебя. Поскорее ответ!

Напиши адрес Симоновского, если узнаешь. Я к нему писал из Ливорно в Париж. Не знаю, получил ли он его или нет.

<*Адрес:*>
A Monsieur
Monsieur de Danilevsky
à Geneve en Suisse.
Près des Eaux Vives, pension Janin.

336. В. А. Жуковскому

1837. Апреля 18/6. Рим.

Я пишу к вам на этот раз с намерением удручить вас моею просьбою.[1] Вы одни в мире, которого интересует моя участь. Вы сделаете, я знаю, вы сделаете, всё то, что только в пределах возможности. Меня страшит мое будущее.[2] Здоровье мое, кажется, с каждым годом становится плоше и плоше. Я был недавно очень болен, теперь мне сделалось немного лучше. Если и Италия мне ничего не поможет, то я не знаю, что[3] тогда уже делать.

[1] *Далее начато:* Може
[2] Моя будущая
[3] *Далее было:* мне

Я послал в Петербург за последними моими деньгами, и больше ни копейки, впереди не вижу совершенно никаких средств добыть их. Заниматься каким-нибудь журнальным мелочным вздором не могу, хотя бы умирал с голода. Я должен продолжать[1] мною начатый большой труд, который писать с меня взял слово Пушкин, которого мысль есть его создание и который обратился для меня с этих пор в священное завещание. Я дорожу теперь минутами моей жизни, потому что не думаю, чтобы она была долговечна,[2] а между тем... я начинаю верить тому, что прежде считал басней, что писатели в наше время могут умирать с голоду. Но чуть ли это не правда. Будь я живописец, хоть даже плохой, я бы был обеспечен: здесь в Риме около 15 человек наших художников, которые недавно высланы из академии, из которых иные рисуют хуже моего, они все получают по три тысячи в год. Поди я в актеры — я бы был обеспечен, актеры получают по 10 000 сер. и больше, а вы сами знаете, что я не был бы плохой актер. Но я писатель — и потому должен умереть с голоду. На меня находят часто печальные мысли — следствие ли это ипохондрии или чего другого. Доктора больше относят к первому. Я и сам готов с ними согласиться, но вы можете видеть, что мои[3] слова с своей стороны также справедливы. Рассмотрите положение, в котором я нахожусь, мое болезненное состояние, мою невозможность занятия чем-нибудь посторонним и дайте мне спасительный совет, что я должен сделать для того, чтобы протянуть на свете свою жизнь до тех пор, покамест сделаю сколько-нибудь из того, что мне нужно сделать. Я думал, думал, и ничего не мог придумать лучше, как прибегнуть к государю. Он милостив, мне памятно до гроба то внимание, которое он оказал к моему Ревизору. Я написал письмо, которое прилагаю; если вы найдете его написанным как следует, будьте моим предстателем, вручите; если же оно написано не так, как следует, то — он милостив, он извинит бедному своему подданному. Скажите, что я невежа, не знающий как писать к его высокой особе, но что я исполнен весь такой любви к нему, какою может быть исполнен один только русский подданный, и что осмелился потому только беспокоить его просьбою, что знал, что мы все ему дороги, как дети. Но я знаю, вы лучше и приличнее скажете, нежели я. Не в первый раз я обязан многим, многим вам, чего сердце не умеет высказать, и я бы почувствовал на душе совесть беспокоить вас, если б вы не были вы.

[1] *Далее было:* то

[2] *Далее было:* и что мне <*нрзб.*> оставили

[3] *Далее было:* мысли и предложение с своей

Но в сторону всё это; я с вами говорю просто, и я бы покраснел до ушей, если бы сказал вам какой затейливый комплимент. Если бы мне такой пансион, какой дается воспитанникам Академии художеств, живущим в Италии, или хотя такой, какой дается дьячкам, находящимся здесь при нашей церкви, то я бы протянулся тем более, что в Италии жить дешевле. Найдите случай и средство указать как-нибудь государю на мои повести: *Старосветские помещики* и *Тарас Бульба*. Это те две счастливые повести, которые нравились совершенно всем вкусам и всем различным темпераментам. Все недостатки, которыми они изобилуют, вовсе неприметные были для всех, кроме вас, меня и Пушкина. Я видел, что по прочтении их более оказывали внимания. Если бы их прочел государь! Он же так расположен ко всему, где есть[1] теплота чувств и что пишется прямо от души... О, меня что-то уверяет, что он бы прибавил ко мне участия. Но будь всё то, что угодно Богу. На его и вас моя надежда. Уведомьте меня вашей строчкой или скажите Плетневу — он, может быть, ко мне напишет. Прощайте. Храни Бог прекрасную вашу жизнь! Я ничего не пишу к вам теперь ни о Риме, ни об Италии. Меня одолевают теперь такие печальные мысли, что я опасаюсь быть несправедливым теперь ко всему, что должно утешать и восхищать душу. Может быть, это отчасти действие той ужасной утраты, которую мы понесли и в которой я до сих пор не имею сил увериться, которая, кажется, как будто оборвала с моей души лучшие ее украшения и сделала ее обнаженнее и печальнее.

Ваш Гоголь.

337. Государю Императору Николаю Павловичу

<18 апреля (н. ст.) 1837. Рим>

Всемилостивейший Государь!

Простите великодушно смелость Вашему бедному подданному, дерзающему возносить к Вам незнаемый голос. Находясь в чужой земле, среди людей, лишенных участия ко мне, к кому прибегну я, как не к своему Государю? Участь поэтов печальна на земле: Им нет пристанища, им не прощают бедную крупицу таланта, их гонят, — но Венценосные Властители становились их великодушными Заступниками. Вы склонили Ваше Царское Внимание к слабому труду моему, тогда как против него неправо восставало мнение многих. Глубокое чувство благодарности кипело тогда в сердце Вашего подданного, и слезы, невыразимые слезы, каких

[1] *Далее было:* верные

человеку редко дается вкушать на земле, струились по челу его. Бессильный выразить мою благодарность, я дал клятву в душе своей собрать все, что имею, что даровано на долю мою Богом, и произвести творение, достойное Вашего Внимания. Мои силы телесные не сравнились с душевными. Несчастное здоровье мое заставило меня оставить родину, — и, не совершивши предначертанного, я должен прибегнуть к Вашему великодушию, Монарх! —

Измлада я уже был ознакомлен с нуждою и умел переносить твердо всю ее суровость. Пока были у меня здоровье и силы, я был занят службой, хотя отвлекавшей меня от настоящих трудов моих, но доставлявшей мне какие-нибудь средства для моего существования. Теперь все мои средства прекратились. Я болен, я в чужой земле, я не имею ничего — и молю Вашей Милости, Государь: Ниспошлите мне возможность продлить бедный остаток моего существования до тех пор, пока совершу начатые мною труды и таким образом заплачу свой долг отечеству, чтобы оно не произнесло мне тяжелого и невыносимого упрека за бесполезность моего существования. Клянусь, это одна только причина, понудившая меня прибегнуть к Стопам Вашим. Никогда бы не дерзнул я тревожить Ваше Императорское Величество моею просьбою. Безропотно покорился бы я моей судьбе, выпил бы до дна все горе, мне приготовленное, и умер бы без жалобы на жребий свой, не преклоняя никого на сострадание и участие ко мне. Но — весь состав мой леденеет от ужаса при мысли, что труды, мною начатые и замышленные, исчезнут без исполнения, мое отечество не заметит моего имени и Государь мой не узрит развития того таланта, которого слабые начала благоволил Он удостоить просвещенного Внимания Своего. Нет, сердце мое не хочет верить, чтобы это сбылось; теплая вера меня объемлет и говорит мне, что Венценосный Покровитель всего прекрасного, озирающий все с вышины своего престола, заметит и бедного Поэта[1] и не даст ему умереть с голода на чужбине.

Проникнутый глубоким чувством благоговения к Особе Вашего Императорского Величества

Ваш верноподданный, исполненный Русской[2] любви к Своему Государю

Николай Гоголь.

Рим 1837.
Апреля 18/6.

[1] *Было:* поэта
[2] *Было:* русской

338. А. С. Данилевскому

<*Отрывок*>

<Апрель — май 1837. Рим>

Прежде всего найди церковь святого Исидора, а это вот каким образом сделаешь. Из Piazza di Spagna подымись по лестнице на самый верх и возьми направо. Направо будут две улицы; ты возьми вторую; этою улицею ты дойдешь до Piazza Barberia. На эту площадь выходит одна улица с бульваром. По этой улице ты пойдешь все вверх, покамест не упрешься в самого Исидора, который ее и замыкает; тогда поверни налево. Против самого Исидора есть дом № 16, с надписью над воротами: Appartements meublé<s>. В этом доме живу я.

339. Н. Я. Прокоповичу

Рим. Июня 3 <н. ст. 1837>.

Наконец, я дождался от тебя письма; хотя коротенькое, но спасибо и за это. Слава Богу, ты здоров, моя радость. Не скучай и не негодуй на пространство, которое нас разделяет. Конечно, лучше лежать вместе на диванчике твоей постоянной квартиры у Б. Врангеля, — ты в халате, с трубочкой, я — в старом сертуке, и толковать о всяком вздоре. Признаюсь, часто, когда вспомню ваньку, тащащего меня на тряских дрожках в Свечной переулок, то очень бы хотелось мне в Петербург. Но что ж делать? Будем покорны нашей судьбе. Я тебя так живо вижу; ты, верно, тоже воображаешь часто меня перед собою. Притом мы любим друг в друге то, что не обнимается чувствами внешними. Итак, да будет между нами Рим близок от Петербурга. Данилевский теперь тоже здесь. Он думает на зиму возвратиться в Петербург и расскажет тебе всё. Да, кстати, чтобы не позабыть: пожалуйста, выбрани хорошенько Пащенка за эту достойную его догадку, что мы поссорились, и потому ездим не вместе. Что мы не ездим всегда вместе, это зависит, кроме того, что иногда приятно разлучиться для того, чтобы скоро увидеться, — это зависит от[1] разности в образе воззрения, которою разнообразно исполнены наши людские умы. Полковник больше человек современный, воспитанный на современной литературе и жизни; я больше люблю старое. Его тянет в Париж, меня гнетет в Рим. Но, порыскавши, мы всегда сходимся и приготовляем таким образом друг для друга запас для

[1] от небольш<ой>

разговоров. Я бы хотел с тобою теперь поговорить о Риме; но это такое бездонное море, что не знаешь, откуда, с которого конца начать и о чем говорить. Я живу скоро три месяца, всякой день смотрю что-нибудь новое — и всё еще бездна остается смотреть. Тут только узнаешь, что такое искусство. (А природа? Она — италианская красавица, больше я ни с чем не могу ее сравнить, италианская пейзанка, смуглая, сверкающая, с черными, большими-большими глазами, в платье алого, нестерпимого для глаз цвета, в белом, как снег, покрывале). Тут только можно узнать,[1] что такое Рафаэль, которого имя привыкли мы произносить и который для нас, не бывших здесь, существо идеальное и миф высокого искусства. Но к чему говорить и толковать об этом?

Друг попечительный, больного
В дремоте сладкой не тревожь!

— сказал, кажется, где-то Баратынский; впрочем, этот же самый стих можно иногда обратить и ко мне. Я теперь намерен тебя прежде всего навьючить страшным множеством поручений, которые все ты должен выполнить. Первое и самое главное, узнай от Плетнева или попроси, чтобы Плетнев узнал, получил ли Жуковский мое письмо и какой имело успех письмо мое к государю. От него зависит моя судьба. Потом мелкое дело. Весь ли вексель Смирдина послал ко мне Плетнев или нет? Мне кажется, что он был на тысячу двести. Впрочем, может быть, что я и ошибаюсь; если же есть остаток, то скажи ему, что я просил его[2] назначить эти деньги для сестер, поручивши их в институте какой-нибудь даме. Я думаю, что у них не заплачено ни за музыку, ничего. 3-е, у него же, Плетнева, узнай, получил ли он от Жуковского что-нибудь, что мне следовало от государыни за поднесение экземпляра моей комедии. Жуковский мне сказал перед выездом, чтобы я не имел об этом никакого сомнения, что он и по отъезде моем будет стараться. Это всё, что нужно узнать от Плетнева. Итак, 3 вещи. Теперь: нужно тебе все рукописные мои книги, которые находятся в моей библиотеке в связках, сложить в ящик, запаковать и отправить ко мне. Мне очень нужны они, и без них я как без рук. Там у меня выписки и материалы всего. Теперь же принимаюсь не на шутку за важное дело. Сделать это вот каким образом: узнать, какой из иностранных кораблей идет прямо в Ливорно, адресоваться к капитану его и заплатить за доставку

[1] сказать

[2] *Далее было:* убед<ительно>

деньги, которых придется немного, потому что перевозка очень недорога. Но, во всяком случае, что бы ни потребовали, нужно заплатить, потому что мне нужны эти книги и тетради. На вьюке, выставивши мое имя, адресовать на имя нашего консула в Ливорно с просьбою тут же на вьюке, чтобы оно дождалось у него моего приезда в Ливорно. 2-е, пришли вышедшую первую книжку «Современника» на этот год. Его можешь взять у Плетнева; присоедини к этому «Ундину» и еще, если вышло что-нибудь замечательного. Это можешь взять у Смирдина, на мое имя. Пусть поставит его на мой счет. Послать же это ты можешь вот каким образом: завернуть книги в пакет, один или два-три, как хочешь, и надписать: в Вену, в русское посольство, г. Горчакову, а оттуда в Рим, на имя Кривцова, нашего chargé d'affaires в Риме, и больше ничего; но под этим верхним конвертом должен быть другой конверт на мое имя, и больше ничего. Эти пакеты ты должен отдать в[1] канцелярию Иностранной коллегии, прося их отправить к Кривцову прямо, что книги-де следуют ему, не платя за это ничего. И будет сделано. Итак, вот тебе поручения. Смотри же, пожалуйста, не забудь. Ты имеешь обыкновение в письме твоем не отвечать ни слова на мои запросы — так, как бы их совершенно не было. Но теперь, пожалуйста, как будешь писать ко мне, держи перед своими глазами мое письмо и отвечай на каждый пункт. Прежде всего узнай от Плетнева насчет письма к государю, а потом всё прочее. Право, даже досадно, что ты мало объявляешь о себе. Хоть бы строчку о том, что пишешь, что читаешь; даже ничего о том, в какие корпуса ходишь. Ей, пора тебе. Берись за перо; не то будет поздно. Пиши повестоночки или стишоночки, если стишоночки, то пришли их в твоем письме кусоночки. На меня пришла теперь особенная жажда читать твои стихи. После итальянских звуков, после Тасса и Данта, душа жаждет послушать русского. Да еще одно: чтобы не позабыть тебе. Пожалуйста, побывай в институте. Наведайся к моим сестрам, к которым влагаю при этом письмо, и узнай, не нуждаются ли они в чём, и от них возьми письмо ко мне. Если они в чём имеют нужду истинную и у них не хватит денег, то купи на свои; я тебе всё возвращу при первом удобном случае.[2] Если ты можешь побывать у них в каждые две недели по разу,[3] то этим обяжешь меня. Они, бедненькие, я думаю, скучают. Если бы ты постарался достать

[1] в иност<ранную>

[2] *Далее начато:* Скажи им, чтобы

[3] в недели две раз

себе место в этом институте, то бы это очень было хорошо. Еще: узнай, где теперь Демидов, Павел Николаевич. Его дом в Большой Миллионной. Еще: хотя ты в первый раз и не отвечал и во второй тоже, но я еще спрошу, где Лукашевич, Платон Якимович, и уехал ли он или нет за границу? Теперь, кажется, совершенно все запросы. На те, которые нужнее, отвечай скорее; на другие же распишись[1] только, что приняты, — чтобы я не думал, что они канули мимо ушей. Прощай, мой жизненочек. Целую тебя миллион миллионов раз. Ты старый, верный спутник от незапамятной юности. Будь здоров и весел мыслью, что хотя немноголюден[2] круг наш, состоящий, может быть, из трех только лиц, но тесна связь его и будет продолжаться даже тогда, когда даже ни одного из нас не будет на свете. Прощай до следующего письма.

Другое письмо, которое при сем прилагается, постарайся отдать лично М. Мелентьевой, классной даме в институте. Она очень добрая и ми<лая>.

<*Адрес:*>

St. Pétersbourg en Russie.

Николаю Яковлевичу Прокоповичу.

В Петербург. В Свешной переулок близ Владимирской, в доме Б. Врангеля.

340. М. И. Гоголь

Рим. Июнь 12 <н. ст. 1837>.

Наконец я получил ваше письмо, почтеннейшая маминька. Из него я узнал, что вы, слава Богу, здоровы. Очень сожалею, что здоровье сестры моей так плохо. Надеюсь, что хорошее летнее время должно восстановить его. Я проживу, думаю, всё лето в Риме. На один месяц, впрочем, еду в Швейцарию попробовать новых минеральных вод, о *которых* много говорят. Время стоит прекрасное, дни безоблачны, небо сине и ясно. Я дождался наконец италианских жаров. Уже теперь такие дни, каких у нас вовсе не бывает. Самый жаркий день нашего лета не может сравниться, хотя теперь, по нашему стилю, последние числа мая. В полдень почти всё запирается, улицы пусты, в комнатах темно, все ставни закрыты. В семь часов вечера начинает двигаться народ. Вся ночь (прекрасная ночь) состоит из гуляний. Нередко, проснувшись в два часа ночи, слышишь на улице серенаду, и движенье

[1] скажи

[2] немноголюден тройственн<ый>

не прекращается. Города в окружности Рима с виллами прекрасны. Виллами называются дачи, загородные дворцы, которых здесь очень много, и почти все великолепны. Виды прекрасны. Август месяц бывает в Италии так жарок, что кричат собаки, ходя по улицам. Но в августе я не буду в Италии и возвращусь сюда разве только в сентябре. Дай Бог, чтобы сбор хлеба у вас был хорош. Здесь уже начинается его уборка, но, кажется, его не будет много, потому что много полей осталось незасеянными. Прошлый год был[1] голод. Италианцы ленивы. Папа на днях раздавал хлеб народу. Развалины всё так же прекрасны, увиты плющом, который здесь так разрастается, что не тоньше в корне наших дубов. Запах померанцев от солнца сильнее. Один лезет в мое окошко, и я могу доставать рукою с него плоды. От сестер я давно не получал писем. Ваши замечания все справедливы насчет незванных посетителей, которые довольно нагло вторглись в институт и требуют с ними свидания, называясь родственниками и знакомыми. Я совершенно согласен, что для девиц их возраста совершенно не нужны такого рода развлечения. Очень хорошо будет, если вы напишете, чтобы они не принимали никого, кроме самых близких, и отговаривались в таком случае занятиями. Я тоже с своей стороны дам им это заметить. Карты же, о которых пишет сестра, мне теперь совсем не нужны. Здесь я могу иметь лучше. Разве тогда она может приобрести их, когда они почти даром и ей нужны.

Целую ваши ручки, обнимаю обеих сестриц и племянника моего Колю.

Прощайте. Будьте здоровы и счастливы во всем. Это желание много любящего вас сына Н. Гоголя.

Письма адресуйте по-прежнему в Рим, Poste restante.

<*Адрес:*>
à Poltava en Russie.
Ее высокоблагородию Марии Ивановне Гоголь-Яновской.
В Полтаву, оттуда в д. Василевку.

341. М. И. Гоголь

Турин. 15 июня <ст. ст.?> 1837.

Вы не удивляйтесь, почтеннейшая маминька, что не получаете ответов на ваши письма. Я их не буду получать по крайней

[1] *Далее было:* большой

мере полтора месяца: они, без сомнения, все адресованы вами в Рим, а я не раньше туда возвращусь, как в августе или в начале сентября. Пишу и теперь к вам из столицы короля Сардинского, которая не уступает в великолепии прочим. Славится правильностью своих улиц, опрятностью, регулярностью и чистотою домов. Природа уже теряет здесь чисто италианский характер. На место кипарисов — тополи; на место кактусов, маслиничных дерев, миндальных и лимонных чаще попадается более обыкновенных дерев. Словом, это переход от Италии к Швейцарии, и завтра же я увижу опять места и горы, которые видел прошлый год. В Бадене я опять проживу недели две или три и, может быть, возьму тамошних вод. Всё же-таки нужно когда-нибудь отведать, что такое минеральные воды. Я до сих пор ими не пользовался, и хотя чувствую себя здоровым, но для моих гемороид доктора советуют их как действительное средство. Если вы хотите, чтобы я раньше получил ваше письмо, то адресуйте его в Женеву, в Poste restante. Если успеете его отправить в августе месяце, то оно будет мною получено, потому что, может быть, я в Женеве пробуду недели две, на возврате в Италию. Целую сестриц и племянника.

Ваш Николай.

342. В. О. Балабиной

Баден-Баден. 16 июля <н. ст.> 1837.

Я обещался писать к вам, приехавши на место, где мне суждено пользоваться водопоем, и передать вам те впечатления, которые на меня произвела Швейцария после Италии. Мне жалко было и на месяц оставить Рим. И когда при въезде в северную Италию, на место кипарисов и куполовидных римских сосен увидел я тополи, мне сделалось как-то тяжело. Тополи стройные, высокие, которыми я восхищался бы прежде непременно, теперь показались мне пошлыми. Чтобы быть беспристрастнее, я заранее старался себя приготовить, каким образом нужно смотреть Швейцарию и не сравнивать между собою этих двух стран.

Я думал, что природа Италии — странная — греческо-римская архитектура с колоннами, плоскими куполами, плоскими архитравами. Природа Швейцарии сумрачная, архитектура готическая с углообразными сводами, летящими в небо остроконечными шпицами, величавая, вдыхающая беспредельные мысли; что природа Италии действует на чувство, а Швейцария —

на мысль и прочие пустяки; я думал, стараясь себя уверить, что мне так же будет приятно взглянуть на Швейцарию после Италии, как после Колизея взглянуть на кёльнский катедраль, как после прекрасно сготовленного обеда прочесть стихи Пушкина. Оттого ли, что я ехал чрез пустынную Савою, видел обнаженные ребра скал, покрытые тощими кустарниками и остроконечными соснами, похожими на наши северные, только мне показалась Швейцария в это время Сибирью. Если бы я видел долины Шамуни или Юнгфрау, я уверен, что мои впечатления были бы другие. Душа бы почувствовала сладкий трепет и священный ужас, глаза бы с наслаждением окунулись в страшно-прекрасных пропастях, подле которых, как мелкая трава, растут леса и царапаются по камням сосны и брызжут водопады, и мысль бы моя, как царь, облетела от снеговых белоянтарно-розовых вершин Альп в темные ущелья и зеленые долины. Дикое и вместе высокое наслаждение!

A propos, в Турине очень хорошие сухари к чаю.

Вот мое мнение: кто был в Италии, тот скажи «прощай» другим землям. Кто был на небе, тот не захочет на землю. Мне кажется, уже душа не в силах будет наслаждаться прекрасным видом какого-нибудь места, — она будет помнить лучшее и уже ничто не в силах из нее выгнать его. Те горы, которые казались мне голубыми до Италии, теперь кажутся серыми. Воздуха нет, этого прозрачного, транспарантного воздуха. Солнце здесь не любит так земли и людей, как в Италии. Там оно дает им какой-то радушный, сверкающий колорит. Словом, Европа в сравнении с Италией всё равно, что день пасмурный в сравнении с днем солнечным. Я вам советовал бы сделать вот что: прожить в Италии лишнюю неделю и пробежать всю Европу вдруг, как можно скорее, не останавливаясь нигде. Пусть всё мелькнет перед вами, как в фантастическом сне. Тогда это будет иметь свое достоинство и в быстроте, может быть, покажется приятным. Ни за что не решился бы остаться на житье в середине Европы; мне в этом случае противна середина.

Я в Бадене мимоездом. Еще неизвестно, на какие воды буду отправлен. Во всяком случае, в августе месяце надеюсь быть непременно в Швейцарии и, может быть, буду так счастлив, что встречу вас еще раз. Если ж нет, то позвольте вам пожелать всего, что есть лучшего на свете, что достойно вашей прекрасной души.

Я вам много-много благодарен. Воспоминание о вас принадлежать будет навсегда к числу самых прекрасных воспоминаний

моей жизни. Я от вас ожидаю ответа на это письмо из Петербурга. Мне хочется знать, какое чувство будет обладать вашею душою при возвращении вашем на родину в среду вашего единственного в мире по доброте семейства. Вы меня очень обяжете, если что-нибудь из него расскажете. Между тем я заранее прыгаю от радости, воображая, что получу вместе с тем письмо от Марьи Петровны на трех листах, всё наполненное петербургскими сплетнями. А так как я всегда был большой охотник до сплетней, то это для меня такой лакомый кус, с каким не сравнится и то мороженое, какое мы едали у Боюдони.

В Бадене я встретился еще раз с Смирновой; она живет даже в том самом доме, где жила прежде (кто живет в вашем, я не знаю). У ней прочитал я «Ундину» Жуковского. Чудо что за прелесть! И вы и Марья Петровна будете восхищены ею, — это я знаю наперед. А до того да сопутствует вам Бог в вашем путешествии и да доставит вам еще много-много приятных минут, много такого, на что нужно и прекрасно глядеть.

Пребывание же мое помните твердо. В Риме и нигде больше, и потому письма ваши адресуйте в Рим.

343. Н. Я. Прокоповичу

Баден-Баден. Июль 21/9 <1837>.

К тебе с просьбой! с убедительной просьбой! Возьми из банка полторы тысячи и пришли их мне. Чрез полгода надеюсь тебе непременно возвратить их. Я посылаю в начале следующего года печатать мою крупную вещь, которая, думаю, вознаградит мои труды и заботы о ней. Пришли, пожалуйста, скорее; я совсем прожился. Я думал, что я успею гораздо раньше окончить мое сочинение, не тут-то было! Я сижу теперь на водах, лечусь. Взявши деньги, ты отправься тотчас к Штиглицу, в контору его, что на Английской набережной, и скажи ему, чтобы векселя были доставлены во Франкфурт на имя русского посольства, с извещением, чтобы тотчас же были доставлены мне. Об этом ты, между прочим, мне сам дай знать, чрез poste restante, во Франкфурт. Получил ли ты письмо мое из Рима?[1] В нем были, между прочим, два письма в Институт. Если ты их не отдавал туда, то и не отдавай. Пусть останутся у тебя. Прощай. Спешу кончить. Какое гадкое, какое ужасное время! Дождь, слякоть.

[1] *Далее было:* Если получил, т<о>

Сердце мое тоскует по Риме и по моей Италии![1] И не дождусь, покамест пройдет месяц, который мне нужно убить на здешних водах.

Твой Гоголь.

<*Адрес:*>

St. Pétersbourg en Russie.

Николаю Яковлевичу Прокоповичу.

В Петербург. В Свешном переулке, что близ Владимирской, в доме Б. Врангеля.

<*Штемпели:*>

Baden 20/7.

Получено 1837 июл. 20, утро.

344. Н. М. Смирнову

Сентябр<я> 3 <н. ст. 1837>. Франкфурт.

Ящик ваш я дотащил до Франкфурта. В здоровом состоянии отдал его Заргу, который обещался исполнить в точности ваше желание. Что же касается до медленного движения вашего путешествия, то я сам езжу не скорее вашего. Пароход доставил мне приятный сюрприз — ехать вместо одного дни два. Дождь, верный спутник рейнского путешествия, усугубил приятность. Все пассажиры столпились в одну каюту, и немецкой запах сделался до такой степени густ, что можно было 700 топоров повесить в воздухе. Круглые окна нашей каюты до такой степени визжали и обливались слезами, что тоска проходила меня насквозь от головы и до пяток. А мокрые зонтики, сальные сапоги и всеобщий насморк доныне мне грезятся. Наконец я доехал до Франкфурта и вот уже три дня любуюсь гнуснейшею погодою, какая когда-либо была в мире, и благородными[2] физиогномиями жидов. Ибо вам, я думаю, уже известно, что Франкфурт страшно пахнет жидом, включая в то число немцев. — Да, вот чуть было не позабыл сказать: во Франкфурте встретился я с Тургеневым, с которым мы провели полдни. Он интересовался о вас и особенно о здоровье Александры Осиповны. Я его удовлетворил как мог. Он поехал теперь в Штутгарт, потом еще куда-то (имя я позабыл — какой-то немецкий город), а потом в Париж в конце этого же месяца. Государь очень был доволен сделанными им розысканиями и говорил ему несколько раз, что читал с большим наслаждением его

[1] *Далее было:* Пройдет этот месяц, чтобы

[2] пошлыми

портфели, и отпустил его теперь куда хочет вытряхивать и рыть всё, что ни есть в кладовых Европы. Тургенев, между прочим, сказал важную истину, которая отчасти известна, может быть, и Александре Осиповне, — что, живя за границею, тошнит по России, а не успеешь приехать в Россию, как уже тошнит от России. — Я получил, между прочим, небольшое письмецо от Жуковского, писанное еще им в марте месяце. Пять или шесть строк, но такой исполнены грусти по недавней великой утрате, что я не мог их читать равнодушно. Он всё так же добр и так же любит меня и говорит, что он думает о мне очень часто. На письмо мое, писанное из Рима, я еще ничего не получал. Оно, верно, лежит в Зимнем дворце и дожидается его прибытия из путешествия. У Тургенева я видел совершенно оконченную печатанием первую книжку Современника. Там есть стихи Пушкина под названием: Отрывок, в которых он говорил, как он посетил свою деревню, в которой не был уже десять лет, какими показались ему его домик, его комната, за стеной которой уже не раздавались тяжелые шаги его бедной няни, и те же деревья с новыми молодыми. Удивительная простота и такая тихая и вместе глубокая грусть, что я даже не в силах был[1] переписать, мне так сделалось грустно. Я еду сегодня. Отправляюсь в Женеву, где буду ожидать, покамест будет свободен пропуск в Италию от всяких холерных навождений. Вообразите себе мое несчастие: в Риме холера. Меня это как громом хватило; а я уже помышлял, с какою радостью увижу я знакомый купол и места, сделавшиеся для меня второю родиною. Не ездите в Берлин. Там холера, говорят, беснуется, Бог с ним. Будьте здоровы, и да принесет вас добрый ветер благополучно к невским берегам, и да заботятся святые силы о здоровьи Александры Осиповны, этого прекрасного украшения, которого так мало достойна наша пошлая столица.

Если будете писать ко мне в продолжение сентября, октября или ноября, то адресуйте в Женеву, в poste restante.

<Адрес:>

à Dresde.
A Monsieur
Monsieur Bossange et C-nie pour remettre à M-r de Smirnof.

[1] не мог

345. Н. Я. Прокоповичу

Женева. Сентября 19 <н. ст. 1837>.

Я не получал от тебя никакого ответа на письмо, писанное из Бадена. И опять повторяю тебе прежнюю просьбу. Если у тебя не случится теперь 1 500 рублей, а из банка нельзя будет взять скоро, то продай мою библиотеку. Кажется, Одоевский хотел у меня купить. Предложи ему. Она мне стала до 3 000, но если можно за нее выручить половину, то слава Богу. Мне бы не хотелось ее сбывать, хотя я и не буду иметь случая ею пользоваться, но я знаю, что многие книги полезны тебе, и мне приятно воображать, что ты роешься, вместо меня, в них. Но я в большой крайности. Я получил 1 000 рублей от Плетнева назад тому две недели; уплатил некоторые долги и сделал себе платье всё изнова, потому что старое разлезлось в куски — последний продукт моей отчизны. Холера, опустошающая теперь Рим, расстроила теперь все мои планы и предположения. Я уже так было устроился и распорядил дела свои, что мог жить в Риме,[1] как у себя дома, куда дешевле того, как жил в Петербурге. Теперь я таскаюсь бесприютно. В Швейцарии всё вдвое дороже против римского. К тому же расположение моей болезни таково, что я не могу теперь забраться в совершенную глушь и против воли должен искать развлечения: я боюсь ипохондрии, которая гонится за мной по пятам. Смерть Пушкина кажется, как будто отняли от всего, на что погляжу, половину того, что могло бы меня развлекать. Желудок мой гадок до невозможной степени и отказывается решительно варить, хотя я ем теперь очень умеренно. Гемороидальные мои запоры по выезде из Рима начались опять, и, поверишь ли, если не схожу на двор, то в продолжение всего дня чувствую, что на мозг мой[2] как будто бы надвинулся какой-то колпак, который препятствует мне думать и туманит мои мысли. Воды мне ничего не помогли, и я теперь вижу, что они ужасная дрянь; только чувствую себя хуже:[3] легкость[4] в карманах и тяжесть в желудке. Мысль[5] о тебе да о двух-трех только дорогих для сердца душах, пребывающих в Петербурге, иногда согревает меня, но уже не столько как прежде, оттого что я слишком часто и неумеренно предаюсь ей. Я от тебя давно не получал письма. Что ты поделываешь, жизнь

[1] *Далее было:* несравненно

[2] *Далее было:* совер<шенно>

[3] гораздо хуже

[4] пуст<ота?>

[5] Моя мысль

и душа моя? здоров? весел? работаешь? пишешь? читаешь? Напиши, пожалуйста. Ты так мало говоришь о себе. И нет ли у вас какой-нибудь сколько-нибудь радостной новости?

Узнай от Плетнева, правда ли этому, что говорят, что будто на следующий год едет Наследник, а с ним, без сомнения, и Жуковский, а может быть, и Плетнев, в Италию. Как бы я желал, чтобы этому была правда. Я соскучил страшно без Рима. Там только я был совершенно спокоен, здоров и мог предаться моим занятиям. Мутно и туманно всё кажется после Италии. Прежние синие горы теперь кажутся серыми, всё пахнет севером после нее. И как вспомню, что я должен буду прожить месяц, а может быть, и более, вдали от нее (холера по всем вероятьям не оставит Рим раньше месяца), то мне кажется, я заживо вижу перед собою вечность. Прощай, моя жизнь! не забудь моей просьбы.

Когда добудешь деньги, то не медля, ту же минуту неси их к Штиглицу. Чтобы он взял из них 600 франков и отослал в Растат, что в Баденском велик<ом> герцогстве, к тамошнему банкиру, который называется François Simon Meyer, известивши его, что это следуемые ему от меня занятые у него деньги, а на остальные же деньги, 1 000 франков или около, чтобы Штиглиц прислал мне вексель в Женеву. Адресуй или в poste restante, или в мою квартиру: Rue Croix d'or, № 25. Au deuzième porte gauche, chez M-me Buestoz.

346. М. И. Гоголь

Женева. Октябрь <первые числа (н. ст.). 1837>.

Спешу вас поздравить, почтеннейшая маминька, со днем вашего Ангела. Дай Бог, чтобы вы его провели, а с ним и все следующие дни прекрасно, в совершенном здоровьи, получая одни только известия приятные и не зная ничего, что бы могло нанесть вам огорчение. Я уже давно не получал от вас письма, а равным образом и от сестер из Петербурга. Я более месяца провел в Бадене, где пользовался водами, которые пользы мне не сделали ни на полушку и только расстроили то, что я совершенно поправил было в Италии. Теперь я вижу ясно, что <для> меня больше всего нужен воздух и что воздух Италии один только может совершенно искоренить все мои гемороидальные припадки. Впрочем, может быть, и хорошо, что я в то время выехал из Италии, потому что без меня явилась там холера и пожрала множество людей. Теперь она почти проходит, но я обожду в Женеве до тех пор, пока она

исчезнет там совершенно, что, полагаю, должно сбыться в продолжение месяца непременно, потому что по последним известиям из Рима уже сняты даже карантины, и все выздоравливают. Известите меня, как идут ваши хозяйственные дела и что делается нового в наших землях. Швейцария всё такая же, как прежде. Я посетил опять здешние чуда натуры. Снеглавый Монблан перед моими глазами, Женевское озеро со своими бирюзовыми водами и живописными окрестностями всё так же хорошо, но я гляжу уже на них другим оком, равнодушнее прежнего. После Италии здешнее небо не так кажется ясно и сине, а воздух, этот божественный воздух, который так прозрачен в Италии и вливает в нервы такое освежительное здоровье, здесь не тот. Осень привела сюда туманы и дает чувствовать, что зима, которая не существует в Италии, уже недалеко. Впрочем я надеюсь ускользнуть от ней. Если вы успеете получить мое письмо по крайней мере 5 октября по вашему стилю, то пишите ответ в Женеву, когда же нет, то адресуйте в Рим.

В ожидании которого, желая вам всех возможных благ, остаюсь вашим покорным и послушным сыном.

Николай.

Сестру и милого Колю целую много раз. А что делает Олинька? Где она теперь?

<Адрес:>

Pultava en Russie.
Ее высокоблагородию Марии Ивановне Гоголь-Яновской.
В Полтаву, оттуда в д. Василевку.

347. М. И. Гоголь

Милан. 24 ноября <н. ст. 1837>.

Я пробыл в Женеве больше, нежели думал (ожидая из Петербурга нужных для меня писем). Рассчитавши, что с тех пор, как я писал к вам, есть уже месяц, я решился писать[1] прежде прибытия в Рим,[2] где без сомнения находятся ваши письма, чтобы вы не беспокоились насчет моего здоровья и прочего. Я с большою радостью оставил наконец Женеву, где, впрочем, мне не было скучно, тем более, что я там имел счастливую встречу с Данилевским,

[1] *Далее было:* к вам

[2] *Далее было:* до обретения, без сомнения, находящихся там ваших писем.

и таким образом мы провели осень довольно приятно, до тех пор, пока наконец все горы не только огромные, высокие и далекие, но даже и ближние покрылись снегом. При всем том мысль увидеть Италию опять вновь произвела то, что я бросил Швейцарию,[1] как узник бросает темницу. Я избрал на этот раз другую дорогу, сухим путем, через Альпы, самую живописную, какую только мне удалось видеть. Громады гор безобразных, диких неслись во всю дорогу, мимо окон нашего дилижанса, мелькали водопады, шумящие, состоявшие из водяной пыли. Половину суток всё подымались мы на Семплон, одну еще не из самых высоких гор, дорога наша кружилась по горе в виду целых цепей других гор. Стремнины страшные становились глубже и глубже с правой стороны дороги. Всё очутилось внизу, те горы, на которых взглянуть было трудно, как говорится, не уронивши с головы шапки, казались теперь малютками, скалы, утесы, водопады — всё было под нашими ногами. Дорога наша проходила часто насквозь скалу, сквозь просеченный в ее каменной массе коридор. Часто висел над нами натуральный свод. Часто мы проезжали сквозь искусственную длинную каменную галерею, потому что без нее дорога была бы занесена снегом. И встретивши таким образом на вершине Семплона около 20 градусов морозу, мы наконец начали спускаться вниз быстро, мимо скал, мимо водопадов. Ничего вы не можете себе представить живописнее. На картинах вы не видали ничего подобного. Уже бросили сани, взяли и карету, и всё летели с быстротою по кружащим дорогам, окруженным картинными горами. Меньше нежели в три часа спустились мы с тех гор, на которые подымались около суток, и климат к концу так изменился, что вместо морозу было около 12 градусов теплоты.[2] Расстилавшиеся вдали долины Италии представляли удивительно какой вид! Наконец, минувши знаменитое Большое озеро с его прекрасными островами; может быть, вы слышали про Изолубеллу, один из островов, который состоит[3] из девяти этажей, из террас, дворцов и всех возможных растений в мире. Минувши несколько городов уже совершенно италианских, я прибыл в Милан. Он велик, может быть, больше всех других в Италии по населенности, похож несколько на Париж. Но что более всего поражает вид — это катедрал, по-нашему собор. Вообразите себе огромнейшую массу, всю из мрамора, всю из статуй, из резных

[1] Женеву

[2] *Далее начато:* Равни<ны>

[3] выстроен

украшений, похожую на кружево. Театр миланский по величине первый в мире после неаполитанского. Картинная галерея по обыкновению всех италианских городов прекрасная и станет на несколько дней ее глядеть. Я пробуду еще день в Милане и отправлюсь во Флоренцию, а оттуда в Рим. Не успел я выехать в Италию, уже чувствую себя лучше. Благословенный воздух ее уже дохнул. Прощайте до другого времени. Будьте здоровы со всею нашею семьею, вас обожающею.

Ваш послушный сын
Ни<колай>.

<*Адрес:*>
à Poltava en Russie.
Ее высокоблагородию Марии Ивановне Гоголь-Яновской.
В Полтаву, оттуда в д. Василевку.

<*Штемпель:*>
Milano Novembre 24.

348. В. А. Жуковскому

<30 ноября (н. ст.) 1837. Рим>
Октябрь 30 <н. ст.>. Рим. 1837.

Я получил данное мне великодушным нашим Государем вспоможение. Благодарность сильна в груди моей, но излияние ее не достигнет к его престолу. Как некий бог, он сыплет полною рукою благодеяния и не желает слышать наших благодарностей. Но, может быть, слово бедного при жизни поэта дойдет до потомства и прибавит умиленную черту к его царственным доблестям. Но до вас может досягнуть моя благодарность. Вы, всё вы! Ваш исполненный любви взор бодрствует надо мною! Как будто нарочно дала мне судьба тернистый путь, и сжимающая нужда увила жизнь мою, чтобы я был свидетелем прекраснейших явлений на земле. Вексель с известием еще в августе месяце пришел ко мне в Рим, но я долго не мог возвратиться туда[1] по причине холеры. Наконец я вырвался. Если бы вы знали, с какою радостью я бросил Швейцарию и полетел в мою душеньку, в мою красавицу Италию. Она моя! Никто в мире ее не отнимет у меня! Я родился здесь. — Россия, Петербург, снега, подлецы, департамент, кафедра, театр — всё это мне снилось. Я проснулся опять на родине и пожалел только, что поэтическая часть этого сна: вы да три, четыре оставивших вечную радость воспоминания в душе

[1] в Рим

моей не перешли в действительность. Еще одно безвозвратное... О Пушкин, Пушкин! Какой прекрасный сон удалось мне видеть в жизни и как печально было мое пробуждение. Что бы за жизнь моя была после этого в Петербурге, но как будто с целью[1] всемогущая рука промысла бросила меня под сверкающее небо Италии, чтобы я забыл о горе, о людях, о всем и весь впился в ее роскошные красы. Она заменила мне всё. Гляжу, как исступленный, на всё и не нагляжусь до сих пор. Вы говорили мне о Швейцарии, о Германии и всегда вспоминали о них с восторгом. Моя душа также их приняла живо, и я восхищался ими даже, может, с большею живостью, нежели как я въехал в первый раз в Италию. Но теперь, когда я побывал в них[2] после Италии, низкими, пошлыми, гадкими, серыми, холодными показались мне они со всеми их горами и видами, и мне кажется, как будто я был в Олонецкой губернии и слышал медвежее дыхание северного океана. И неужели вы не побываете здесь и не поглядите на нее, и не отдадите тот поклон,[3] которым должен красавице природе всяк кадящий прекрасному? Здесь престол ее. В других местах мелькает одно только воскраие ее ризы, а здесь она вся глядит прямо в очи своими пронзительными очами. — Я весел; душа моя светла. Тружусь и спешу всеми силами совершить труд мой. Жизни, жизни! еще бы жизни! Я ничего еще не сделал, что бы было достойно вашего трогательного расположения. Но, может быть, это, которое пишу ныне, будет достойно его. По крайней мере мысль о том, что вы будете читать его некогда, была одна из первых оживляющих меня во время бдения над ним. Храни Бог долго-долго прекрасную жизнь вашу!..

Ваш Гоголь.

Мой адрес: Strada Felice, № 126. Ultimo piano.

Прошу вас покорнейше отдать эти письма Алекс<андре> Осип<овне> Смирновой и Андрею Карамзину.

<*Адрес:*>

Его превосходительству Василию Андреевичу Жуковскому.

349. Н. Я. Прокоповичу

<30 ноября (н. ст.) 1837. Рим>

Ну, брат, я решительно ничего не могу понять из твоего молчания. Жив ли ты, здоров ли? Хоть бы слово на мое письмо,

[1] нарочно

[2] *Далее было:* во второй раз

[3] то поклонение

хоть бы строчку в ответ! Не совестно ли тебе и не стыдно ли! Ты знаешь сам очень хорошо, что *я* тебе и что *ты* мне, и после всего этого молчишь. Я писал к тебе из Рима, из Франкфурта, из Бадена — хоть бы одно слово! Ради Бога, выведи меня скорее из неизвестности о себе. Пиши и адресуй в Рим: Strada Felice, № 126, ultimo piano. Я тебя просил выслать мне мои рукописи — все совершенно, без исключения. Пожалуйста, не позабудь этого исполнить. Они мне совершенно все нужны, в том числе, вместе с ними, есть и печатные экстракты из дел и докладные записки, и малорос<сийские> песни; всё это перешли. Если достанешь еще какие-нибудь дела — попроси от меня Пащенка, Ивана Гр<игорьевича>. Он может похитить из своей юстиции. Может быть, Анненков еще что-нибудь достанет? Всё это запакуй вместе и перешли мне. А переслать вот каким образом: отнеси всё это к m-r Pongis, а где он живет, об этом можно узнать у Штиглица. К Pongis уже об этом писано. Он отправит ящик в Ливорно к тамошнему консулу. Спроси его, нужно ли ему в Петербурге заплатить за пересылку или на месте? Если в Петербурге, то, пожалуйста, заплати ему за меня: это стоит безделицу. Я тебе все это возвращу при первом случае. Я рад, что у тебя не отнял денег, которые, может быть, тебе нужны самому и которые я просил у тебя взаймы. Я получил от Государя, спасибо ему, почти неожиданно и теперь не нуждаюсь. Если что-нибудь вышло по части русской исто<рии>, издания Нестора, или Киевской летописи, Ипатьевской, или Хлебниковского списка — пожалуйста, пришли. Если вышел перевод Славянской истории Шафарика или что-нибудь относит<ельно> славян, или мифол<огии> слав<янской?>, также какие-нибудь акты к древней русск<ой> истории, или хорошее издание русских песень, или малорос<сийских> песень, — всё это возьми у Смирдина, пусть поставит на мой счет; также, если есть что новое насчет раскольничьих сект. Если вышло Снегирева описание праздников и обрядов, пришли, или другого какого-нибудь. Да ради Бога пиши. Я к тебе ничего не пишу — ни <о> моей жизни, ни трудах, потому что не уверен, будешь ли ты и на это отвечать. Как получу, напишу.

<Адрес:>

Ник<олаю> Прокоповичу, от Гоголя.

350. М. И. Гоголь

Декабрь 22 <н. ст. 1837>. Рим.

Я застал ваше письмо в Риме и спешу отвечать. Из него я узнал, что вы еще не получали писем, писанных мною из других мест. Я очень рад, что вы немного развлекли себя поездкою в Киев. Это для вас хорошо — и для здоровья, и для удовольствия, и для души, потому что приятнее помолиться там, где почиют святые. Насчет моих чувств и мыслей об этом, вы правы, что спорили с другими, что я не переменю[1] обрядов своей религии. Это совершенно справедливо. Потому что как религия наша, так и католическая совершенно одно и то же, и потому совершенно нет надобности переменять одну на другую. Та и другая истинна. Та и другая признают одного и того же Спасителя нашего, одну и ту же божественную мудрость, посетившую некогда нашу землю, претерпевшую последнее унижение на ней, для того, чтобы возвысить выше нашу душу и устремить ее к небу. — Итак, насчет моих религиозных чувств вы никогда не должны сомневаться. Теперь поговорим о другом. Вы желаете скорее моего возвращения, я сам также желал бы увидеть вас, моих родных и моих знакомых, которые дороги моему сердцу. Но прежде всего мы должны слушаться советов благоразумия. Здоровье мое не таково еще, чтобы рисковать им, отправляясь теперь в Россию. В последнее время в Петербурге я очень страдал геморроидальными припадками. Когда я был последний раз у вас, вы, я думаю, сами заметили, что не знал, куда деваться от тоски, и напрасно искал развлечений. Я сам не знал, откуда происходила эта тоска, и, уже приехавши в Петербург, узнал, что это был припадок моей болезни (гемороид).[2] Выезд из Петербурга и путешествие меня поправили, а особенно жизнь в Италии. Но потом я желал совершенно освободиться навсегда от моей болезни и принял, по совету не очень дальновидных медиков, минеральные воды, которые мне не только не помогли, но даже расстроили, и только возвращение мое в Италию меня опять оживило. Благодетельный воздух этой земли действует спасительно. И только долговременное пользование им может одно меня совершенно освободить от моей болезни. Возвратиться же теперь, не поправившись совершенно, в Россию значит погубить себя. И я не хочу последовать примеру некоторых людей, которые, не послушавшись этого, были сами

[1] *Далее было:* религиозных

[2] *Далее начато: а.* Отп<равление?> *б.* Поездка за границу

причиною своей гибели. Итак,[1] зная, как вы меня любите, я уверен, что вы не станете требовать, почтеннейшая маминька, моего скорого возвращения.

Теперь обратимся к третьему пункту вашего письма. Судьба Олиньки меня беспокоит. Я придумал вот что: поместить ее в Полтавской институт. Что ни говорите, но всё это будет лучше, нежели домашнее воспитание в чужом семействе, особенно когда оно еще не совершенно коротко вам известно. В институте же узнает она несравненно более, да притом там же находится, как вы говорите, классною дамою ее прежняя воспитательница, по словам вашим, хорошая женщина, ее любящая. Я просил княгиню Репнину о том, чтобы поместить ее на казенный счет, и она обещалась написать об этом непременно в институт.

Из письма вашего я вижу, что вы иногда нуждаетесь в моих сочинениях для раздачи их вашим знакомым. Я напишу в Петербург, чтобы вам прислали несколько экземпляров, дабы вы могли, не скупясь, ими наделять деревенских охотников до чтения. Будьте здоровы и счастливы и прощайте до следующей почты. Ваш любящий и почтительный сын Ник<олай>.

<Адрес:>

à Pultava en Russie.

Ее высокоблагородию Марии Ивановне Гоголь-Яновской.

В Полтаву, оттуда в д. Василевку.

351. М. В. Гоголь

<22 декабря (н. ст.) 1837. Рим>

Милая моя сестрица Мари.

Я очень был обрадован твоею припискою, из которой я узнал, что ты совершенно здорова, даже до такой степени, что подумываешь о хорошей партии. Слава Богу! Благословение мое всегда с тобою, и ты можешь им располагать заочно. Но да водит Бог и осторожность твоими намерениями. Величайшее благоразумие ты теперь должна призвать в помощь и помнить, что ты теперь не девушка и что нужно, чтобы партия была слишком, слишком выгодная, чтобы решиться переменить свое состояние и продать свою свободу. Обнимаю тебя и вместе твоего Колю и желаю вам здоровья, счастья и всего доброго.

[1] *Далее было:* вы без сомн<ения>

1838

352. М. И. Гоголь

<5 февраля (н. ст.) 1838. Рим>

Рим. Февраля 5. 1837[1].

Я получил ваше письмо, почтеннейшая маминька, пущенное вами 17 декабря. Вы ожидаете с нетерпением моего приезда и советуете мне им поспешить. Мне бы самому, с своей стороны, было бы не меньше приятно. Но прежде всего мы должны повиноваться тому, что предписывает нам благоразумие. Для моего здоровья нужно прожить долее в Италии, во время же короткое нельзя вынесть большой пользы отсюда. Вы, я полагаю, знаете, что[2] климат действует медленнее, нежели другие средства. Это не то, что лекарство от кашля или лихорадки, или от тому подобных болезней, что сегодня принял, а завтра здоров, — не то даже, что воды, которые действуют тоже скорее. Для того чтобы почувствовать[3] влияние климата, нужно остаться год, два по крайней мере. К тому же я не вижу никаких побудительных причин[4], чтобы[5] присутствие мое было необходимо теперь дома или в Петербурге. Вы уверяете, что наш климат в Малороссии производит то же самое действие, что в Италии, и что Кричевский меня вылечит непременно. На это я вам скажу, что климат здешний вовсе не то, что в Малороссии. У вас теперь, без сомнения, 25 градусов морозу, а здесь 15 градусов тепла. Никакого ветра. Тепло и гораздо лучше, нежели весною. Во всю зиму я ни разу не топил еще в комнате, и у меня в ней верно теплее, нежели у вас[6]. Что же касается до того, что Кричевский меня вылечит, я и с этим не согласен. Кричевский, конечно, не дурной доктор, но гемороиды не такая болезнь, как другие, рождающиеся внезапно. Никакие лекарства для нее не нужны[7]. Нужно обращать внимание только на климат и на род жизни. И признаюсь, что я начал себя чувствовать хуже с того времени, когда по совету Кричевского начал принимать, бывши дома, теплые ванны и сарсепарель. Но обратимся теперь к другим пунктам вашего письма. Вы говорите о намерениях

[1] *Так в автографе.*

[2] *Далее было:* действие

[3] почувствовать *вписано вместо:* узнать

[4] *Фрагмент письма утрачен.*

[5] чтобы *вписано вместо: а.* к тому *б.* спешить возвратиться и чтобы

[6] *Далее было:* зимою

[7] *Далее было:* ей нужно

сестры моей Мари вступить в новое супружество. Говорите о том, который привлекает ее внимание и ищет руки ее, но всё таким же загадочным образом, как и в первый раз ее помолвки, когда я узнал только о имени и фамилии жениха не прежде[1], как получив уже от него письмо с известием, что всё уже кончено и что за мной только дело, и если бы он не вздумал подписать[2] внизу свое имя, то я бы долго не знал, кого имею честь называть своим зятем.[3] Таким же образом и теперь вы[4] не упоминаете ни слова ни о его фамилии, ни о его звании и чине. Говорите только, что он прекрасного характера[5], но в два, три свидания узнать трудно человека — тем более что он явился из чужой губернии; и вы не сказали ни слова, кто из ваших знакомых такой, на которого можно бы положиться[6], ручался за него, которому бы характер его, его состояние было известно. Я вам советовал бы во всяком случае прежде посоветоваться осторожно с рассудительным человеком. Теперь, как вы пишете, приехал в наши места, с тем чтобы поселиться, Владимир Юрьевич Леонтиев. Я бы советовал вам иногда прибегать к его мнению. Он человек весьма неглупый, очень опытный и видит вещи в настоящем виде. Разумеется, заблаговременно вы с ним советуйтесь[7], пока еще дело не начато; потому что иначе, как всякий благоразумный человек, он не скажет вам своего мнения, опасаясь произвесть взаимное неудовольствие и безалаберщину. Еще одну вещь[8] я вам осмелюсь заметить: к чему такая поспешность?[9] Кажется, как будто кто сзади толкает это ваше предприятие.[10] Едва прошел год после замужества, уже сестре моей не терпится. Но она должна, я думаю, помнить, что ей смешно будет теперь, после первого опыта, рискнуть опять таким же образом. Ради Бога, будьте осторожны и прежде[11] осмотритесь и менее всего полагайтесь на толки, худые или хорошие, ваших кумушек и соседок.[12] Они старые девицы, любят рядить, толко-

[1] не прежде *вписано.*
[2] *Далее было:* под
[3] *Далее было:* И теперь
[4] *Далее было:* говорите
[5] *Далее было:* А я вам ска<жу>
[6] *Далее было:* вам
[7] вы с ним советуйтесь *вписано вместо:* потому что, когда дело
[8] одну вещь *вписано вместо:* один совет
[9] *Далее было:* Сестрам
[10] *Далее было:* Сестра *<1 нрзб.>* до того уже
[11] *Далее было:* разведайте хорошенько
[12] *Далее было:* Я зна<ю>

вать и плесть истории и могут совсем сбить с толку. Всё это, что я вам говорю, есть не более, как совет, потому что сестра теперь совершенная госпожа над собою и над своею волею. Но если совет любящего ее брата имеет над нею какой-нибудь вес, то я бы сказал ей: не менять своего вдовьего состояния на супружество, если только это супружество не представит больших выгод. Вы сказали только, что жених с состоянием, но ни слова не сказали, как велико это состояние. Если это состояние немногим больше ее собственного, то это еще небольшая вещь. Она должна помнить, что от ней пойдут дети, а с ними тысячи забот и нужд[1], и чтобы она не вспоминала потом[2] с завистью о своем прежнем бытье. Девушке 18-летней извинительно предпочесть всему наружность, доброе сердце, чувствительный характер и для него презреть богатство и средства для существования. Но вдове 24 лет и притом без большого состояния[3] непростительно ограничиться только этим. Она еще молода. Партия ей всегда может представиться.[4] Притом же девушка боится[5] постареть в девках — вдове нечего опасаться. Ее самое лучшее состояние — свободное состояние. Но довольно. Я надеюсь, что мои советы примутся в соображение и что сестра будет хотя на этот раз руководиться благоразумием.

Я рад, что вы провели хорошо день ваших именин. Не помню, поздравил ли я вас с Новым годом. Если нет, позвольте поздравить теперь. Сохрани вас Бог здоровыми и устрой всё к лучшему. Вы упомянули в вашем письме, что климат в Риме опасен и что там холера была два раза[6]. Климат в Риме не опасен и лучший в мире. А холера была один раз и нигде не действовала так слабо. Никто не умер, кроме небольшого числа[7] черного и простого народа. Тот, кто сказал вам это, ошибся, или, может быть, вы не так поняли его слова: холера была два раза в Неаполе, а не в Риме.

Еще я позабыл спросить вас: отослали ли вы две толстые рукописные книги в Киев к профессору Максимовичу или отвезли их сами, бывши в Киеве? Сделайте милость, известите меня об этом — тем более что он напоминал мне о них, и я так перед ним виноват.

[1] *Далее было:* и попе<чений>

[2] потом *вписано вместо:* тогда

[3] и притом без большого состояния *вписано.*

[4] *Далее было:* Ей нечего опаса<ться>

[5] *Далее было:* остаться

[6] холера была два раза *вписано вместо:* климат опасен

[7] *Далее было:* самого

Прощайте, почтеннейшая маминька, целую ваши ручки и обнимаю сестру.

Ваш послуш<ный> сын
Николай.

<*Адрес:*>
Poltava en Russie Meridionale.
Ее высокоблагородию
Марии Ивановне Гоголь-Яновской.
В Полтаву, а оттуда в д. Василевку

<*Штемпель:*>
FEB
1838

353. А. С. Данилевскому

<26 февраля (н. ст.). 1838. Рим>
Февраль 2 <н. ст.>. Рим. 1838.

Наконец я добился от тебя письма. Оно меня очень обрадовало. Одно только мне непонятно: неужели ты не получил моего письма? Я был, по обыкновению, аккуратнее тебя и тотчас же, по приезде в Рим, написал к тебе письмо. Это было, если не ошибаюсь, в первых числах ноября. Ты, пожалуйста, обыщи хорошенько poste restante. Это мне, признаюсь, очень неприятно; тем более, что я боюсь и за это письмо. Ты же мне ни слова не написал о своем адресе, так что я его должен адресовать тоже в poste restante. В прежнем письме я уже уведомлял тебя, что в Риме все живы, не только знакомые и русские художники, но даже и все те лица, с которыми встречался ты чаще на улице. С Жозепе было поссорился за то, что подал дурной кусок ломбо di mongana, но, нанесши ему удар прямо в сердце тем, что пообедал два раза в другой комнате, наконец с ним примирился, и теперь он угощает меня лучше, нежели когда-нибудь, с самым трогательным, почти отеческим расположением. Только одна бедная хозяйка твоя, Роза, умерла. Обо всем этом я уже писал к тебе, и мне скучно повторять два <раза>. Я жалею о тебе много, что скучаешь. Что же до меня, то никогда я не чувствовал себя так погруженным в такое спокойное блаженство. О Рим, Рим! О Италия! Чья рука вырвет меня отсюда! Как твоя Гризи? Они мне кажутся в пятьсот раз лучше против прежнего. (Кстати о Гризи: я видел во сне, что ты приехал с Гризи вместе в одной карете в Рим и представляешь ее мне как свою жену или любовницу, хорошенько не помню,

а карета была раззолочена.) Что за небо! что за дни! Лето не лето, весна не весна, но лучше и весны и лета, какие бывают в других углах мира. Что за воздух! Пью не напьюсь, гляжу не нагляжусь. В душе небо и рай. У меня теперь в Риме мало знаком<ых> или, лучше, почти никого (Репнины во Флоренции). Но никогда я не был так весел, так доволен[1] жизнью.

О Симоновском я решительно не имею никаких вестей. Куда он делся и куда пропал, это Бог один знает. Жаль мне очень, что ты не нашел Лукашевича, — еще более, что не нашел Ноэля. Благодарю душевно Гризи, что хоть она тебя развлекает. О деньгах не хлопочи. Ты можешь их прислать мне после. Я думаю, в них не буду иметь нужды в течение добрых полгода. Напиши мне, между прочим, как ты располагаешь с дальнейшими своими намерениями. Долго ли и сколько времени именно пробудешь в Париже, и куда потом, и какою дорогою. Теперь время карнавала: Рим гуляет напропало. Удивительное явление в Италии карнавал, а особенно в Риме, — всё, что ни есть, всё на улице, всё в масках. У которого же нет никакой возможности нарядиться, тот выворотит тулуп или вымажет рожу сажею. Целые деревья и цветники ездят по улицам, часто протащится телега вся в листьях и гирляндах, колеса убраны листьями и ветвями и, обращаясь, производят удивительный эффект, а в повозке сидит поезд совершенно во вкусе древних Церериных празднеств или той картины, которую написал Роберт. На Корсо совершенный снег от бросаемой муки. Я слышал о конфетти, никак не думал, чтобы это было так хорошо. Вообрази, что ты можешь высыпать в лицо самой хорошенькой целый мешок муки, хоть будь это Боргези, и она не рассердится, а отплатит тебе тем же. Франты и джентельмены издерживаются по нескольку сот скуд на одну муку. Экипажи все решительно маскированы. Слуги, кучера — все в маскарадном платье. В других местах один только народ кутит и маскируется. Здесь всё мешается вместе. Вольность удивительная, от которой бы ты, верно, пришел в восторг. Можешь говорить и давать цветы решительно какой угодно. Даже можешь забраться в коляску[2] и усесться между ними. Коляски все едут шагом. И оттого часто забияки, забравшись на балкон, имеют возможность целые четверть часа валять горстями и ведрами мучные шарики на сидящих в колясках, большею частию на дам, которым и больно

[1] *Далее было:* оставшейся мне
[2] карету

и смешно, и они только что закрывают очень[1] мило рукою глаза и вытирают лицо. Для интриг время удивительно счастливое. При мне завязано множество историй самых романтических с некоторыми моими знакомыми и даже в том числе с некоторыми нашими художниками (разумеется, только не с Дурновым). Все красавицы Рима всплыли теперь наверх, их такое теперь множество, и откуда они взялись, один Бог знает. Я их никогда не встречал доселе; все незнакомые. Кстати, ты советовал[2] Дурнову меньше волочиться. Нет, это неисправимое его зло. Академический коричневый сертук его, который, я думаю, тебе очень известен, переправлен; приделаны какие-то лацканы, или отвороты, в роде бархатных. Художников приехало несколько новых, все люди видные из себя, молодцы, щеголеватее старых, но талантливый один только Логановский, которого ты знаешь по стихам Пушкина, написанным на его Сваечника. Из Петербурга я решительно не имею никакого известия. Ничего от Прокоповича, ни строчки, и решительно ни от кого, как будто все перемерли. И твои новости, то есть те, которые ты получил из Петербурга, страшно холодны и ничтожны: у Пащенко флюс; братья Крашенинниковы восхищаются Талиони — фу ты, какая дрянь. Я получил только известия стороною, что в Петербурге доходило до 30 градусов мороза. Каково же! А я здесь купил недавно белую шляпу, потому что лучи солнца действуют так сильно, и ни один раз во всю зиму не топил в своей комнате, впрочем, говорят даже итальянцы, что давно не бывало такой теплой зимы. Маминька пишет, что и у нас есть маски, на ее именины наехало много замаскированных и очень хорошо исполняли свои роли. Притом, по обыкновению, прилагается приглашение мне ехать в Василевку и что климат Малороссии такой же, как и в Италии, а Кричевский вылечивает от всяких совершенно болезней. Сестру мою зудит страшным образом выходить замуж, по крайней мере из весьма загадочных и неясных слов письма я вывожу такое заключение. Я почти готов держать пари, что она в это самое время, как я пишу к тебе письмо, уже стоит в церкви под венцом. Но довольно с тебя. Больше писать не о чем, или лучше всё, что осталось, нужно или нюхать, или смотреть и упиваться. Знаешь сам. Прощай! Будь же умен и пиши ко мне. Прощай. Не помни ничего того, как я надоедал тебе, и помни только, как я люблю тебя, тебя, моего спутника, шедшего о плечо мое во всю дорогу моей жизни, от тех пор, когда

[1] весьма
[2] спрашивал

ты ел в первый раз клюкву в нашем доме... Не ленись и пиши, адресуй не на poste restante, но в мою квартиру (вся на солнце): Strada Felice, № 126. Ultimo piano.

<На обороте письма рукою Гоголя:>

Песнь Невская

Стоит царский дворец на Неве реке.
Петербургский мужик притащил его.
А на ней стоит царь-гранитный столб.
Петербургский мужик притащил его.

<Адрес:>

à Paris.
Monsieur
Monsieur Alexandre de Danilewsky,
poste restante.

354. М. П. Балабиной

Roma, Marz 15 <н. ст.>. 1838.

Ditemi un poco, la mia illustrissima signora, che significa questa musica? Tacete, non dite nulla, non scrivete nulla... E possibile di fare cosi! Voi avete forse dimenticato che dovete scriver mi tre lettere larghe e lunghe com'i mantelli dei Bernardini, tre lettere tutti piene di callunnia che a mio parere è una cosa necessaria nel mondo, tre lettere scritte, col piu piccolo carattere e di vostro proprio pugno.

Ma forse voi godete talmente della vaghezze e bellezze del vostro dolce clima (che fa tremar da capo a piè tutti gli uomini del mondo), che non volete distrarvi per alcun' altra cosa. O forse siete tropo occupata della vostra celeberrima collezzione di marmi, pietre antiche, e molte moltissime cose, che la vostra signoria a rubata onestamente in Roma (perche doppo Attila e Enserico nessuno a mandato tanto a sacco la città eterna quanto l'a fatto la brillantissima signora Russa Maria Petrovna). O fosse voi... ma non posso trovar piu ragioni per iscusarvi.

O mia cara signorina, getatti per la fenestra il vostro Pietroburgo, duro come il quercio d'alpine, e venite qua. S'io fossi nei panni vostri, mostrarei subito il calcagno. Se voi sapeste che bel inverno abbiamo qui. L'aria è tanto dolce, piu dolce del *riso a la milanese* che voi avete sovente mangiato in Roma, ed il cielo, o dio, che bel cielo! Egli è sereno, sereno — simile agli occhi... a, che peccato che i vostri occhi non siano azzuri per far il parragone! ma almeno egli è simile alla vostra anima e com'ella resta tutto il giorno sgombro di nuvole. Ma sapete meglio di me che tutta Italia è un boccone da ghiotto ed io bevo la sua aria

balsamica a creppagozza, in modo che par altre forestieri non ne resta niente. Figuratevi che sovente mi pare di vedervi spasseggiare nelle strade di Roma tenendo in una mano Nibbi è nell'altra qualche santissima antichità trovata, nel mezzo del camino, nera e sporca com'un carbone, che domanda almeno la forza d'Ercole per poterla portare. Cosi a voi vi si rapresenta forse il mio naso, lungo e simile a quello degli uccelli (o dolce speranza!). Ma lasciamo in pace i nasi; è questa una materia delicata e tratandosi di questa, si puo facilmente restare con un palmo di naso. Ma tornaremo a bomba: Non trovo alcune novita da scrivervi, le novita come sapete voi stessa non abita in Roma, qui tutto è antico: Roma, Papa, le chiese, i quadri. A mio parere, le novita son inventate da quelli, che s'annojano, ma sapete voi stessa che nessuno puo annojarsi in Roma fiuorche quelli che hanno l'animo fredda come gli abitanti di Pietroburgo e principialmente i suoi impiegati, innumerevoli come arena del mare. Tutto sta qui in buona salute: S. Pietro, monte Pincio, Colosseo e molti altri vostri amici vi reveriscono. La piazza Barberini vi fa cosi una umplissima reverenza. Poveretta! ella è adesso tutta solitaria; i tritoni soli muscosi e senza naso al suo solito spingono tuttavia l'aqua al'insu piangendo della contenanza della bella signora boreale che sovente udiva dalla fenestra il lor murmorio melanconico e sovente lo prendeva per quello di pioggia. Le capre e gli scultori spasseggiano, signora, sulla Strada Felice, dove ho la mia stanza (No 126, ultimo piano); a proposito della capre: il signor Meier non conta piu adesso, è innamorato come un gatto e gnaule sotto voce per non farsi sentire. D'altra parte tutto va al suo solito; tutti sono incollera con voi che non scrivete niente. Il Colosseo è molto ad rato contro la vostra signoria. Per questo ragione non vado da lui perche mi domanda sempre: «dite mi un poco, mio caro uomicio (ma chiama sempre cosi), che fa adesso la mia donna signora Maria? Ella a fatto il giuramento sull'ara d'amarmi sempre e con tutto cio tace e non vuole conoscermi, dite cosa è questo?» ed io rispondo: «non lo so», ed egli dice: «dite mi perche ella non continue a volermi bene?» ed io rispondo: «siete tropo vecchio, signor Colosseo!» Ed egli dopo aver sentito tali parole aggrotta le ciglia, e la sua fronte deviene burbera e severa, e le sue crepaccie — quelle rughe di vecchiezza mi pareano allora patetre e minacevoli, per modo, ch'io sento paura e mi ritiro spaventato. Di grazia, la mia chiarissima signora, non dimenticate la vostra promessa: scrivete! farete un gran piacere, a noi. Le ombre di Romulo, di Scipione, di Augusto, tutti ve ne sarano tenuti ed io massimamente.

A rivederla, mia illustrissima signora, il vostro servidore fino alla morte

Nicola Gogol.

<Перевод>

Рим, 15 марта <н. ст.> 1838.

Скажите-ка, моя многоуважаемая синьора, что это значит? Молчите, ничего не говорите, ничего не пишете... Можно ли так поступать! Или вы забыли, что обязаны написать мне три письма обширных и длинных, как плащи бернардинцев, три письма, полные клеветы, которая, по-моему, вещь на свете необходимая, три письма, написанные самым мелким почерком вашей собственной рукой.

Но, быть может, вы так наслаждаетесь прелестями и красотами вашего нежного климата (который заставляет всех на свете дрожать с головы до ног), что не хотите, чтоб что-нибудь отвлекало вас. Или вы слишком заняты вашей известнейшей коллекцией мраморов, древних камней и многими, многими вещами, которые ваша милость честно похитила в Риме (ведь после Аттилы и Гензериха никто так не грабил вечный город, как блистательнейшая русская синьора Мария Петровна). Или вы... Но не могу найти больше причин, чтоб извинить вас.

О, моя дорогая синьорина, бросьте за окно ваш Петербург, суровый, как альпийский дуб, и приезжайте сюда. Будь я на вашем месте, я бы сейчас же удрал. Если бы вы знали, какая здесь чудная зима. Воздух так нежен, нежнее *риса по-милански*, который вы частенько ели в Риме, а небо, о Боже, как прекрасно небо! Оно ясно, ясно — как глаза... как жаль, что у вас не голубые глаза, чтоб сравнить! но вашу душу оно все же напоминает и, подобно ей, весь день безоблачно. Вы же знаете лучше меня, что вся Италия — лакомый кусок, и я пью до боли в горле ее целительный воздух, так что для других форестьеров ничего не остается. Представьте себе, мне часто мнится, что вижу вас идущей по римским улицам, держа Ниббия в одной руке, а в другой какую-нибудь священнейшую древность, найденную по дороге, черную и грязную, как уголь, для переноски которой требуется сила по крайней мере Геркулеса. Быть может, вам так же точно представляется мой длинный, похожий на птичий, нос (о сладостная надежда!). Но оставим нос в покое; это — материя тонкая и, говоря о ней, легко остаться с носом. Вернемся же к делу: не нахожу чего-либо нового, чтобы вам описать; как вам самой известно, новизна не свойственна Риму, здесь всё древнее: Рим, папа, церкви, картины. Мне кажется, новизна изобретена теми, кто скучает, но вы же знаете сами, что никто не может соскучиться в Риме, кроме тех, у кого душа холодна, как у жителей Петербурга, в особенности

у его чиновников, бесчисленных, как песок морской. Здесь всё пребывает в добром здравии: Сан-Пиетро, Монте-Пинчо, Колисей и много других ваших друзей шлют вам привет. Пьяцца Барберини также нижайше вам кланяется. Бедняжка! она теперь совсем пустынна; лишь покрытые мохом безносые тритоны, как обычно, извергают все время вверх воду, оплакивая привычку прекрасной северной синьоры, которая часто слушала у окна их меланхоличный ропот и часто принимала его за шум дождя. Козы и скульпторы прогуливаются, синьора, по улице Феличе, где моя комната (№ 126, верхний этаж); кстати о козах: синьор Мейер теперь в счет не идет, влюблен, как кот и мяукает потихоньку, чтоб его не услышали. В остальном всё как обычно: все в гневе, что вы ничего не пишете. Колисей очень настроен против вашей милости. Из-за этого я к нему не иду, так как он всегда спрашивает: «Скажите-ка мне, дорогой человечище (он всегда зовет меня так), что делает сейчас моя дама синьора Мария? Она поклялась на алтаре любить меня вечно, а между тем молчит и не хочет меня знать, скажите, что же это?» — и я отвечаю «не знаю», а он говорит: «Скажите, почему она больше меня не любит?» — и я отвечаю: «Вы слишком стары, синьор Колисей». А он, услышав эти слова, хмурит брови, его лоб делается гневным и суровым, а его трещины — эти морщины старости — кажутся мне тогда мрачными и угрожающими, так что я испытываю страх и ухожу испуганный. Пожалуйста, моя светлейшая синьора, не забывайте ваше обещание: пишите! доставите нам большое удовольствие. Тени Ромула, Сципиона, Августа, все вам за это будут признательны, а я больше всех.

До свидания, моя многоуважаемая синьора,

ваш слуга до гроба
Николай Гоголь.

355. Князю В. Ф. Одоевскому

Рим. 1838. Март 15 <н. ст.>.

Любит ли меня князь Одоевский так же, как прежде? вспоминает ли он обо мне? Я его люблю и вспоминаю. Воспоминание о нем заключено в талисман, который ношу на груди своей; талисман составлен из немногих сладких для сердца имен — имен, унесенных из Родины; но, переселенцы, они дышат там не так, как цветы, пересаженные[1] в теплицу, нет, они там живут живее,

[1] на солнце

чем жили прежде. Талисман этот меня хранит от невзгод и, когда нечистое подобие тоски или скуки подступит ко мне, я ухожу в мой талисман и в кругу мне сладких заочных и вместе присутствующих друзей нахожу свой якорь и пристань.

Помнят ли меня мои родные, соединенные со мною святым союзом муз? Никто ко мне не пишет. Я не знаю, что[1] они делают, над чем трудятся? Но мое сердце всё еще болит доныне, когда занесется сюда газетный листок, и напрасно силюсь отыскать в нем знакомое душе имя или что-нибудь, на чем бы можно остановить… всё рынок да рынок, презренный холод торговли да ничтожества! Доселе всё жила надежда, что снидет Иисус гневный и неумолимый и беспощадным бичом изгонит и очистит святой храм от торга и продажи, да свободнее возлетит святая молитва. Теперь… Пишите, скажите Карамзину, чтобы он прислал мне то, что обещал. Я к нему писал, но никакого ответа. Теперь же есть оказия: чрез Кривцова можно переслать всё.

Обнимите за меня Жуковского и Плетнева. Если увидите кн. Вяземского, передайте ему мой поклон.

Много-много любящий вас

Н. Гоголь

Не забывайте меня!

<Адрес:>

Много-многолюбимому мною князю Одоевскому.

На дворцовой набережной в доме Ланской на углу Мошкова переулка.

356. А. С. Данилевскому

<23 апреля (н. ст.) 1838. Рим>

Уже хотел я грянуть на тебя третьим и последним письмом, исполненным тех громов, которыми некогда разил Ватикан корононосных ослушников, уже рука моя начертала даже несколько тех приветствий, после которых делается неварение в желудке и прочие разные accidente, как вдруг предстал перед меня Золотарев с веселым лицом и письмом в руке. Это появление его и это письмо в руке в одну минуту ослабило мои перуны.

Я получил твое письмо вчера, т. е. 10 апреля, и пишу к тебе сегодня, 11-го. Прежде всего тебе выговор: потому что в самом

[1] *Далее было:* делается

деле подозрения твои непростительны.[1] Ты уж, слава Богу, велик, вырос на красоту и на зависть мне, приземистому и невзрачному, тебе пора знать, что подобные фокусы, как-то выставление писем задним числом, просрочки, ложь и прочее прочее, употребляются только с[2] людьми почтенными, которых мы обязаны любить и почитать, и с рождеством их поздравлять, чтоб в остальное время года о нас не думали они. Итак, ты сам мог бы знать, что это было бы очень смешно, если бы что-нибудь тому подобное могло случиться между нами. Я к тебе писал, приехавши ту же минуту в Рим, и вижу, что на этот раз действительно виновата почта, и я иду сей же час бранить почтмейстера сильно, на италианском диалекте, если только он поймет его, за то, что он жидовским образом воспользовался пятью[3] байоками. Второе же письмо я, точно, отдал на почту позже, нежели написал, но позже только тремя днями, и потому, что хотел дождаться карнавала, чтобы написать тебе что-нибудь о нем. Из всего этого вижу, что есть на свете одна только почта неисправная, наша римская. Ты спрашиваешь меня, куда я летом. Никуда, никуда, кроме Рима. Посох мой showстраннический уже не существует. Ты помнишь, что моя палка унеслася волнами Женевского озера. Я теперь сижу дома. Никаких мучительных желаний, влекущих вдаль, нет,[4] разве проездиться в Семереньки, то есть в Неаполь, и в Толстое, то есть во Фраскати или в Альбани. Я бы советовал тебе отложить всякую идею о Немеции, где ты, Боже Святой, как соскучишься и об этих мерзких водах, которые только рассматривают желудки и приводят в такое положение наши филейные части, что впоследствии не на чем сидеть. Досадую на тебя очень — не догадался списать для меня ни Египетских ночей, ни Галуба, ни того, ни другого здесь нет. Современник в Риме не получается и даже ничего современного. Если Современник находится у Ту<р>генева, то попроси у него моим именем, если можно, привези весь; а не то перепиши стихи. Еще: пожалуйста, купи для <меня> новую поэму Мицкевича, удивительнейшую вещь, Пан Тадеуш. Она продается в польской лавке, где эта польская лавка, ты можешь узнать у других книгопродавцев. Еще — не отыщешь ли ты где-нибудь первого тома Шекспира, того издания, которое в двух столбцах и в двух томах, я думаю, и в этих лавочках,

[1] *Далее начато:* подобн

[2] *Далее было:* род<ными?>

[3] Тре<мя>

[4] не существует

что в Палерояле, весьма легко можно отыскать его. Если бы был Ноэль, он славно исполнил бы эту комиссию. За него можно дать до 10 франков, ибо я за оба тома дал 13 фран<ков>. Кстати о том, что в Париже лезут деньги. Я, наконец, совершенно начинаю постигать науку экономии. Прошедший месяц был для меня верх торжества: я успел возвести издержки во всё продолжение его до 160 рублей нашими деньгами, включая в это число плату за квартиру, жалованье учителю, Bon goût, кафе Grec и даже книги, купленные на аукционе. Дни чудные! на небе лучших нет. Садись скорее в дилижанс и правь путь к Средиземному морю. Да не смущают зрения твоего ни Рейн с Кобленцами, Биберихами и Крейценахами, ни да поражает ушей твоих язык, на котором изъясняются враги христианского рода. Обнимаю тебя и ожидаю.

Твой Гоголь.

Золотарев просит тебя сходить на квартиру Козлова (хотя бы он даже и уехал уже) и взять там письмо, которое он, Золотарев, завтра к нему напишет и прочитать его вместо Козлова.

<*Адрес:*>
Paris,
à monsieur
monsieur Alexandre de Danilewsky.
Boulevard des Italiens,
n. 2. Escalier I au quatrième.

<*Штемпель:*>
23 Avril 1838.

357. Н. Я. Прокоповичу

<27 апреля — 1 мая (н. ст.) 1838. Рим>
Рим. Апреля 15 <ст. ст.> 1838.

Вообрази, что я теперь только получил письмо твое с векселями, говорю — с векселями, потому что в это же самое время получил и от Симона Мейера твой вексель,[1] ибо ему деньги уже давно мною уплачены. Причины всей этой путанице те, что римское правительство вздумало сделать разные преобразования почте, которая, в продолжение холеры и прочих несчастных обстоятельств, пришла в весьма жалкое положение с тех пор, как сделаны эти преобразования. Пропало уже два письма, которые

[1] *Далее было:* кото<рый>

я писал к некоторым моим знакомым, а ко мне, я думаю, множество, потому что я более полугода решительно не получал писем. Твои же письма, вместе с векселями, были присланы к здешнему банкиру Валентини, который теперь только меня известил об этом, хотя, я думаю, они у него лежали очень долго. Мне очень жаль, что я нанес тебе столько хлопот и беспокойств, мой добрый, мой милый… я хотел было сказать по-старому — красненькой, да вспомнил, что мы оба уже устарели и что, может, твои педагогические заботы извели твою краску, которую так приятно было моему сердцу зреть на твоих щеках. Но все же в именах, данных во времена нашей юности, есть сладость, от которой не хочется отказаться.[1] Итак, мне очень было жаль нанести тебе заботы. Извещение твое, что ты должен был прибегнуть к займу для того, чтобы доставить мне эту сумму, меня смутило. Мне представилось, что ты терпишь или нуждаешься в чем-нибудь за меня, и мне досадно, что письмо твое так долго не попало в мои руки и что я не мог тебе выслать раньше этой суммы. По крайней мере, теперь ее пересылаю тебе через Штиглица — 1 660 франков, которые ты, явившись к нему, имеешь получить. Получил ли ты мою маленькую записочку, которую я вложил в письмо к Плетневу и в которой я просил тебя выслать мне все мои рукописи и к тому числу присовокупить несколько новых замечательных книг, «Современник» и прочее, что ты найдешь достойным, которые взять от имени моего у Смирдина с тем, чтобы он поставил мне их на счет, особенно книг относит<ельно> ист<ории> славянской и русской, русских обрядов, праздников и раскольничьих сект, и попросить у Пащенка, Ивана Григорьевича, очень приятного, полезного и хорошего человека, чтобы он совершил небольшого роду похищение каких-нибудь казусных дел. Поклонись ему от меня пониже и[2] назови его помещиком, красавцем и всем, что есть для него приятного. Всё это, как я тебе говорил, ты перепроводи к m-r Pongis. Где живет этот Pongis, ты узнаешь у Штиглица. Скажи ему только, чтобы он доставил в Рим или на мое имя, или, еще лучше, на имя княгини Зинаиды Волконской. Еще, прилагаемое письмо отнеси, пожалуйста, сестрам в институт и возьми от них ответ, который перешли ко мне. Некоторые слова в письме твоем меня смутили. Ты пишешь, что ты так занят своей должностью и такое нашел в ней забвение всего, что даже мысль ни о чем другом не тревожит. Нет, из жалости не бросай так равнодушно

[1] которую не выразишь.

[2] *Далее было:* скажи ему, что он помещик.

этих лет. Они не возвратятся, и никогда не возвратится с ними та деятельность воображения, которую подымают свежие силы молодости. Жизнь моя была бы самая поэтическая в мире, если бы не вмешалась в нее горсть самой негодной прозы: эта проза — мое гадкое здоровье. Жду с нетерпением лета. Зима была здесь чудная. Я ни один раз не топил в комнате, да и печи нет. Солнце, и дни без облака; но весна принесла и холод и дожди; а Рим без солнца — ослепшая красавица. Был я на днях на академическом собрании по случаю построения города Рима Ромулом... В этом есть что-то чудное. Когда я услышал произнесенный 2581-й год, душа во мне невольно всшелохнулась. Недавно получил письмо от Данилевского из Парижа. Он всё так же говорит Парижем и мыслит о Гризи, но, кажется, ему бедному там немного прискучилось. Я уже давно не видался с ним и хотел бы поглядеть. Обними всех наших, Пащенка особенно, хотя он на меня и сердится, кажется. Кстати о Пащенке. Только, пожалуйста, не говори этого ему. Он в большой чести в Италии. Не говоря уже о том, что он лежит здесь на всякой улице и что играет роль во многих повестях, даже в самом Ариосте, но есть, напечатана целая поэма под названием: Г...о. Но ни слова об этом, сделай милость. Поклонись от меня Белоусову, ежели увидишь его, скажи ему, что мне очень жаль, что не удалось с ним увидаться в Петербурге.

Что делает Жюль? и бывает ли кто у тебя? и какой[1] день — середа или четверг, во время которого исчезает у тебя прозаическая мысль о завтра и ты предаешься весь себе <среди?> своих товарищей. Поклон Марье Никифоровне и поцелуй сына Яна в самый разумный лоб его за то, что произносит мое имя.

<Адрес:>

A St. Pétersbourg en Russie.

Николаю Яковлевичу Прокоповичу.

На Васильев<ском> Острове, в 9 линии, между Средним и Большим проспектом, в доме Желтухиной.

<Штемпель:>

Roma. I, Mar[2] 1838.

[1] по каким

[2] *По-видимому, ошибка в публикации. Должно быть:* Mag, — *т. е. maggio — май (ит.).*

358. А. В. и Е. В. Гоголь

<28 апреля — 1 мая (н. ст.) 1838. Рим>

Рим. 1838-й, апреля 28 нов. ст.

Наконец я получил от вас письмо, мои милые сестрицы. Из него я узнал, что вы меня любите. Мне было приятно также заметить из этого письма вашего, что вы уже не дети, что вы уже чувствуете глубже, понимаете и мыслите. Теперь мы с вами ровны совершенно. Мы можем говорить между собою обо всем и рассуждать обо всем. Конечно, лучше говорить, чем писать, сказать можно гораздо больше, нежели написать, и я бы дал много, много за то, чтобы вас увидеть и наговориться с вами, но... мы с вами не дети, мы должны доказать, что мы имеем характер. Итак, будем писать обо всем, что ни случается с нами, что мы делали, с кем говорили и об чем говорили, всё это мы будем теперь класть на бумагу и поверять друг другу все малейшие тайны сердца. Я теперь устроил таким образом, что нам переписка не будет стоить ничего. Ответ на это письмо вы дадите Прокоповичу, а следующие письма вы будете отдавать вот каким образом.

Теперь у вас будет много знакомых, меня знающих, с которыми вы должны будете познакомиться и подружиться как можно покороче, потому что они все мои друзья. Если бы вы знали, какие они все добрые, какие милые дамы. Первая, которая к вам приедет, будет графиня Комаровская. Она такая добрая и такая хорошенькая собою, с ней вы можете говорить всё, что вам ни вздумается, всё равно, как со мною. Потом будет у вас Акулова, тоже очень добрая. Еще будет у вас Корсини, такая премиленькая, она вас очень полюбит. Она воспит<ывалась?> в Екатеринин<ском> институте. Только вы будьте с ними как можно проще и старайтесь говорить обо всем, обо всем. Более[1] всего избегайте быть застенчивыми, как бывают девочки, которые растут по деревням и никогда не воспитывались в институтах. Но вы уже большие, вы знаете всё это сами. Вы должны помнить, что все эти дамы мои друзья, и, стало быть, вы должны с ними быть, как с вашими сестрами. Лиза пишет мне, что она ни разу не говорила с г. Тимченком, который приходил на выпуск <?>. Я этого вовсе не хотел. Я писал только, что нехорошо брать гостинцы от незнаком<ого> мужчины, но говорить вы должны, потому что не отвечать и молчать невежливо ни в каком случае. Но с дамами вы должны не только говорить, но расспрашивать, шутить,

[1] *В оригинале:* Менее

смеяться и делать всё, что вам ни приходит на ум, быть более даже развязными, чем со мной. Но я знаю, что вам они очень понравятся, вы их очень полюбите. Вы их спросите, когда они будут писать в Италию, и, узнавши когда, вы к тому времени приготовьте ваши письма, а они мне их перешлют вместе с своими. Да, кстати, не забудьте поклониться от меня г-м Коростович — ему и ей. Скажите им, что я очень, очень благодарен им за то, что они вас иногда навещают, и что благодарность эту чувствую в сердце, а не на словах. Итак,[1] вы будете иметь очень часто оказию писать ко мне, не платя ничего на почту. Смотрите же, не ленитесь. Теперь вам скажу о себе. Мое здоровье немного лучше. Мне помогло[2] хорошее врéмя, которое стояло всю зиму. Вообразите, что здесь зима гораздо и теплее и лучше весны. Здесь никто не топит комнат. Дни были такие солнечные, такие светлые. Ни одного облачка, а свод неба весь синий, синий, как никогда не бывает у нас. Но вы, верно, еще не знаете, что такое Рим, и вы очень ошибаетесь, если подумаете, что он похож сколько-нибудь на Петербург. Это город совсем в другом роде. Петербург самый новый из всех городов, а Рим самый старый. В Петербурге всё убрано, всё чистенько, стены выбелены; а здесь всё напротив, стены домов совсем темные, похожие на Зимний, или на наш Мраморный дворец, а иногда возле нового дома стоит такой, которому тысяча лет. Иногда в стену дома вделана какая-нибудь колонна, которая еще была сделана[3] при Римском императоре Августе, вся почерневшая от времени. Иногда целая площадь вся покрыта развалинами, и все развалины эти покрыты плющом, и на них растут дикие цветы, и всё это делает прекраснейший вид, какой только можете себе вообразить. По всему городу бьют фонтаны, и все они так хороши. Один из них представляет Нептуна, выезжающего на колеснице, и все лошади его мечут на воздух фонтаны, в другом месте тритоны, поднявши вверх раковину, бьют высоко вверх воду. Может, вы не знаете, что ни в каком городе в мире нет столько церквей, как в Риме, и внутри они так украшены, как не бывает ни <в> одном дворце. Колонны из мрамора, из порфира, из редкого голубого камня, которого называют лаписом, слоновая кость, статуи, словом, все великолепно. А что еще больше украшает их, так это картины. Вы, я думаю, слышали имена знаменитых живописцев Рафаэля, Микель-Анджело, Корреджия, Тициана

[1] Таким образом
[2] хоро<шо> помогло
[3] построена

и проч. и проч., которых картины теперь стоят миллионы и которых даже нельзя купить. Вообразите, что здесь все эти картины. Кроме церквей, в здешних дворцах, которых тут много и которые принадлежат лучшим римским фамилиям, есть целые картинные галереи, наполненные произведеньями лучших мастеров, так что, хотя несколько лет оставайся в Риме, всегда останется что-нибудь смотреть. Ватикан (где живут папы) есть большой дворец, и в нем бездна комнат и галерей, и все эти галереи наполнены статуями, теми статуями, которые сделаны еще во времена древних греков и римлян знаменитыми скульпторами, которых имена вы, я думаю, читали в истории. Словом, всё то, что вы читаете в книгах, вы видите здесь перед собою. Я не знаю, писал ли я вам что-нибудь о карнавале, то, что называется у нас масленицею. Это очень замечательное явление. Вообразите, что в продолжение всей недели все ходят и ездят замаскированные по улицам во всех костюмах и масках. Иной одет адвокатом с носом, величиною через всю улицу, другой турком, третий лягушкой, паяцом и чем ни попало. Кучера даже на козлах одеты женщинами в чепчиках. Всякой старается одеться во что может, кому не во что, тот просто выпачкает себе рожу, а мальчишки выворотят свои куртки и изодранные плащи. У каждого в руках по целому мешку шариков, сделанных из муки. Этими шариками они бросают друг в друга и засыпают совершенно всего мукою.[1] Все смеются и хохочут. Иногда, вместо муки, бросают конфекты. В последний вечер, который называется Moccolotti, гасят масленицу, т. е. везде, во всех окнах, показываются огни. Все, которые ни едут в колясках (а в колясках сидит человек по 12), все держат на длинных шестах огни, а другие бегут за ними тоже с шестами, на которых навязаны платки, и этими платками они стараются погасить свечи. Если им удастся это сделать, тогда они смеются от всей души. Во всё продолжение этого всё сливается в один гул; все до одного кричат: Senza moccolo, senza moccolo! Иные прибавляют: O che oscurita! то есть: какая темнота! Дамы между тем из балконов домов протягивают тоже длинные шесты с огнями и зажигают те, у которых погасли. Это продолжается до 11 часов ночи, и таким образом оканчивается карнавал, но для этого, чтобы знать, нужно видеть. Может быть, когда-нибудь вам удастся побывать в Италии, в этой земле, так не похожей на все другие. Хотя в Италии обыкновенно все иностранцы проводят зиму, но мне лучше нравится в Италии лето. Это правда, что очень жарко, но зато природа в Италии в это

[1] *Далее было:* Тогда

время во всем блеске, два-три месяца иногда продолжается, что небо ясное во весь день, и вы проснетесь и видите перед собою небесный свод, чистый, чистый, хоть бы лоскуточек облачка, так что вы позабудете, есть ли на свете облака.

В это время города и деревни около Рима чудо как хороши! А если бы вы увидели, как здесь одеваются крестьянки, обитательницы больших деревень и городов! — Чудо, чудо! Иные из них есть совершенные красавицы. Но я вам расскажу в следующем письме. Может быть, я найду случай прислать вам что-нибудь из Италии италианское. Целую вас много, много.

Ваш брат Николай.

Пришлите мне что-нибудь из вашего сочинения. Я не покажу никому. Если не написали, то напишите, у Лизы верно что-нибудь есть.

<Адрес:>

Милым моим сестрицам Анет и Лизе Гоголь.

В Патриотическ<ий> институт.

359. М. П. Балабиной

Рим, м<еся>ц апрель, год 2588-й от основания города. <1838>

Я получил сегодня ваше милое письмо, писанное вами от 29 генваря по медвежьему стилю, от 10 февраля по здешнему счету. Оно так искренно, так показалось мне полно чувства, и в нем так отразилась душа ваша, что я решился идти сегодня в одну из церквей римских, тех прекрасных церквей, которые вы знаете, где дышит священный сумрак и где солнце, с вышины овального купола, как святой дух, как вдохновение, посещает середину их, где две-три молящиеся на коленях фигуры не только не отвлекают, но, кажется, дают еще крылья молитве и размышлению. Я решился там помолиться за вас (ибо в одном только Риме молятся, в других местах показывают только вид, что молятся), я решился помолиться там за вас. Хотя вашу ясную душу слышит и без меня Бог и хотя немного толку в моей грешной молитве, но всё-таки я молился. Я исполнил этим движение души моей; я просил, чтобы послали вам высшие силы прекрасные небеса, солнце и ту живую, юную[1] природу, которая достойна окружать вас. Вы похожи теперь на картину, в которой художник великий

[1] кипящую

употребил[1] все свои силы на то, чтобы создать прекрасную фигуру, которую он поместил на первом плане, потом ему надоело заняться прочим, второй план он напачкал как ни попало или, лучше, дал напачкать другим. Оттого вышло, что позади вас находится Петербург и чухонская природа. Я слышу отсюда все ваши чувства, и, зная вас хорошо, я знал, что вы должны быть полны Римом, что он живет еще святее в ваших мыслях теперь, чем прежде. В самом деле, есть что-то удивительное в нем. Когда я жил в Швейцарии, где, по причине холеры, я остался гораздо <долее>, нежели сколько думал, я не мог дождаться часа, минуты ехать в Рим; и когда я получил в Женеве вексель, который доставил мне возможность ехать туда, я так обрадовался этим деньгам, что если бы в это время нашелся свидетель моей радости, то он бы принял меня за ужасного скрягу и сребролюбца. И когда я увидел наконец во второй раз Рим, о, как он мне показался лучше прежнего! Мне казалось, что будто я увидел свою родину, в которой несколько лет не бывал я, а в которой жили только мои мысли. Но нет, это всё не то, не свою родину, но родину души своей я увидел, где душа моя жила еще прежде меня, прежде чем я[2] родился на свет. Опять то же небо, то всё серебряное, одетое в какое-то атласное сверкание, то синее, как любит оно показываться сквозь арки Колисея. Опять те же кипарисы — эти зеленые обелиски, верхушки куполовидных сосен, которые кажутся иногда плавающими в воздухе. Тот же чистый воздух, та же ясная даль. Тот же вечный купол, так величественно круглящийся в воздухе. Нужно вам знать, что я приехал совершенно один, что в Риме я не нашел никого из моих знакомых. Ваша сестрица оставалась еще во Флоренции. Но я был так полон в это время, и мне казалось, что я в таком многолюдном обществе, что я припоминал только, чего бы не забыть, и тот же час отправился делать визиты всем своим друзьям. Был у Колисея, и мне казалось, что он меня узнал, потому что он, по своему обыкновению, был величественно мил и на этот раз особенно[3] разговорчив. Я чувствовал, что во мне рождались такие прекрасные чувства! стало быть, он со мною говорил. Потом я отправился к Петру и ко всем другим, и мне казалось, они все сделались на этот раз гораздо более со мною разговорчивы. В первый раз нашего знакомства они, казалось, были более молчаливы, дичились

[1] приложил

[2] *Далее было:* увидел

[3] даже более

и считали меня за форестьера. Кстати о форестьерах. Всю зиму, прекрасную, удивительную зиму, лучше во сто раз петербургского лета, всю эту зиму я, к величайшему счастию, не видал форестьеров; но теперь их наехала вдруг куча к Пасхе, и между ними целая ватага русских. Что за несносный народ! Приехал и сердится, что в Риме нечистые улицы, нет никаких совершенно развлечений, много монахов, и повторяет вытверженные еще в прошлом столетии из календарей и старых альманахов фразы, что итальянцы подлецы, обманщики и проч. и проч., а как несет от них казармами — так просто мочи нет. Впрочем, они наказаны за глупость своей души уже тем, что не в силах наслаждаться, влюбляться чувствами и мыслию в прекрасное и высокое, не в силах узнать Италию. Есть еще класс людей, которые за фразами не лезут в карман и говорят: как это величиво, как хорошо! Словом, превращаются[1] очень легко в восклицательный знак! и выдают себя за людей с душою. Их не терпит тоже моя душа, и я скорее готов простить, кто надевает на себя маску набожности, лицемерия, услужливости для достижения[2] какой-нибудь своей цели, нежели кто надевает на себя маску вдохновения и поддельных поэтических чувств. Знаете, что я вам скажу теперь о римском народе? Я теперь занят желанием узнать его во глубине, весь его характер, слежу его во всем, читаю все народные произведения, где только он отразился, и скажу, что, может быть, это первый народ в мире, который одарен до такой степени эстетическим чувством, невольным чувством понимать то, что понимается только пылкою природою[3], на которую холодный, расчетливый, меркантильный европейский ум не набросил своей узды. Как показались мне гадки немцы после итальянцев, немцы, со всею их мелкою честностью и эгоизмом! Но об этом я вам, кажется, уже писал. Я думаю, уже вы сами слышали очень многие черты остроумия римского народа, того остроумия, которым иногда славились древние римляне, а еще более — аттический вкус греков. Ни одного происшествия здесь не случится без того, чтоб не вышла какая-нибудь острота и эпиграмма в народе. Во время торжества и праздника по случаю избрания кардиналов, когда город был иллюминован три дни, да, кстати здесь сказать, что наш приятель Меццофанти сделан тоже кардиналом и ходит в красных чулочках, во время этого праздника было почти всё дурное время. В первые же дни карнавала — дни были

[1] притворяю<тся>
[2] *Далее было:* своей полити<ки>
[3] пылким чувством и сердцем

совершенно италианские, те светлые, без малейшего облачка дни, которые вам так знакомы, когда на голубом поле неба сверкают стены домов, все в солнце, и таким блеском, какого не вынесет северный глаз, — в народе вышел вдруг экспромт:[1] «I Dio vuol carnavale e non vuol cardinale». Это напоминает мне экспромт по случаю запрещения папою карнавала в прошлом году. Вы знаете, что нынешнего папу, по причине его большого носа, зовут пульчинеллой; вот экспромт:

Oh! questa si ch'e bella!
Proibisce il carnavale pulcinella!

Знакомы ли были вы с транстеверянами, то есть жителями по ту сторону Тибра, которые так горды своим чистым римским происхождением. Они одни себя считают настоящими римлянами. Никогда еще транстеверянин не женился на иностранке (а иностранкой называется всякая, кто только не в городе их), и никогда транстеверянка не выходила замуж за иностранца. Случалось ли вам слышать язык их и читали ли вы знаменитую их поэму Il Meo Patacca, для которой рисунки делал Pinelli? Но вам, верно, не случалось читать сонетов нынешнего римского поэта Belli, которые, впрочем, нужно слышать, когда он сам читает. В них, в этих сонетах, столько соли и столько остроты, совершенно неожиданной, и так верно отражается в них жизнь нынешних транстеверян, что вы будете смеяться, и это тяжелое облако, которое налетает часто на вашу голову, слетит прочь вместе с докучливой и несносной вашей головной болью. Они писаны in lingua romanesca, они не напечатаны, но я вам их после пришлю. Кстати, мы начали говорить о литературе. Нам известна только одна эпическая литература италианцев, т. е. литература умершего времени, литература XV, XVI веков. Но нужно знать, что в прошедшем XVIII и даже в конце семнадцат<ого> века у италианцев обнаружилась сильная наклонность к сатире, веселости. И если хотите изучить дух нынешних италианцев, то нужно их изучать в их поэмах герои-комических. Вообразите, что собрание Autori burleschi italiani состоит из 40 толстых томов. Во многих из них блещет такой юмор, такой оригинальный юмор, что дивишься, почему никто не говорит о них. Впрочем, нужно сказать и то, что одни италианские типографии могут печатать их. Во многих из них есть несколько нескромных выражений, которые не всякому можно позволить читать. Я вам расскажу теперь об этом

[1] *Далее начато:* мнение, что

празднике, который не знаю, знаете ли вы или нет. Это — торжество по случаю построения Рима, юбилей рождения, или именины этого чудного старца, видевшего в стенах своих Ромула. Этот праздник, или, лучше сказать, собрание академическое было очень просто, в нем не было ничего особенного; но самый предмет был так велик и душа так была настроена к могучим впечатлениям, что всё казалось в нем священным, и стихи, которые читались на нем небольшим числом римских писателей, больше вашими друзьями аббатами, все без изъятия казались прекрасными и величественными и, как будто по звуку трубы, воздвигали в памяти моей древние стены, храмы, колонны и возносили всё это под самую вершину небес. Прекрасно, прекрасно всё это было, но так ли оно прекрасно, как теперь? Мне кажется, теперь... по крайней мере, если бы мне предложили — натурально не какой-нибудь государь-император или король, а кто-нибудь посильнее их — что бы я предпочел видеть перед собою — древний Рим в грозном и блестящем величии или Рим нынешний в его теперешних развалинах, я бы предпочел Рим нынешний. Нет, он никогда не был так прекрасен. Он прекрасен уже тем, что ему 2588-й год,[1] что на одной половине его дышит век языческий, на другой христианский, и тот и другой — огромнейшие две мысли в мире. Но вы знаете, почему он прекрасен. Где вы встретите эту божественную, эту райскую пустыню посреди города? Какая весна! Боже, какая весна! Но вы знаете, что такое молодая, свежая весна среди дряхлых развалин, зацветших плющом и дикими цветами. Как хороши теперь синие клочки неба промеж дерев, едва покрывшихся свежей, почти желтой зеленью, и даже темные, как воронье крыло, кипарисы, а еще далее — голубые, матовые, как бирюза, горы Фраскати и Албанские, и Тиволи. Что за воздух! Кажется, как потянешь носом, то по крайней мере 700 ангелов влетают в носовые ноздри. Удивительная весна! Гляжу, не нагляжусь.[2] Розы усыпали теперь весь Рим; но обонянию моему еще слаще от цветов, которые теперь зацвели и которых имя я, право, в эту минуту позабыл. Их нет у нас. Верите, что часто приходит неистовое желание превратиться в один нос, чтобы не было ничего больше — ни глаз, ни рук, ни ног, кроме одного только большущего носа, у которого бы ноздри были величиною в добрые ведра, чтобы можно было втянуть в себя как можно побольше благовония и весны. Но я чуть было не позабыл, что пора уже мне

[1] *Далее начато:* от

[2] Глядишь и не наглядишься

отвечать на сделанные вами вопросы и поручения. Первый — поклониться первому аббату, которого я встречу на улице, — я исполнил, и вообразите, какая история! Но вам нужно ее рассказать. Выхожу я из дому (Strada Felice, № 126); иду я дорогою к Monte Pincio и у церкви Trinità готов спуститься лестницею вниз — вижу, поднимается на лестницу аббат. Я, припомнивши ваше поручение, снял шляпу и сделал ему очень вежливый поклон. Аббат, как казалось, был тронут моею вежливостью и поклонился еще вежливее. Его черты мне показались приятными и исполненны<ми> чего-то благородного, так что я невольно остановился и посмотрел на него. Смотрю — аббат подходит ко мне и спрашивает меня очень учтиво, не имеет ли он меня чести знать и что он имеет несчастную память позабывать. Тут я не утерпел, чтоб не засмеяться, и рассказал ему, что одна особа, проведшая лучшие дни своей жизни в Риме, так привержена к нему в мыслях, что просила меня поклониться всему тому, что более всего говорит о Риме, и, между прочим, первому аббату, который мне попадется, не разбирая, каков бы он ни был, лишь бы только был в чулочках, очень хорошо натянутых на ноги,[1] и что я рад, что этот поклон достался ему. Мы оба посмеялись и сказали в одно время, что наше знакомство началось так странно, что стоит его продолжать. Я спросил его имя, и — вообразите — он поэт, пишет очень недурные стихи, очень умен, и мы с ним теперь подружили. Итак, позвольте мне поблагодарить вас за это приятное знакомство. С аббатом Lanci я не имел чести встретиться, а то бы, верно, и ему отдал поклон. На вопрос ваш: здорова ли Мейерова блуза пыльного цвета? — имею честь ответствовать, что здорова. Я ее еще недавно видел верхом на своем господине, а господин был верхом на лошади, и таким образом пронеслись все трое вихрем по Monte Pincio. Соломенная шляпа, вероятно, тоже здорова. На вопрос же ваш: боготворит ли он статуи? — имею честь доложить, что он, кажется, предпочитает им живые творения; по крайней мере он побольше попадается с дам<ам>и в шляпках и лентах, нежели с статуями, у которых нет ни шляпок, ни лент, а одна только запыленная драпировка, накинутая как ни попало. Впрочем, Мейер теперь в моде, и княжна Варв<ара> Николаевна, которая подтрунивала над ним, первая говорит теперь, что Мейер совершенно не тот, как узнать его покороче, что в нем очень много хорошего. Кустод Колисея тоже здоров и англичан целыми вязанками тащит на лестницы Колисея. Каждую ночь почти

[1] *Далее начато:* Я прибавил, что знако<мство?>

иллюминация. О свинках вам ничего не могу сказать, потому что до сих пор еще не видал ни одной, но козлов множество. Кажется, все римские деревни решились просветить их и отправили[1] страшные толпы. Народ очень умный, но лежат совершенно без всякого дела, и сомневаюсь, чтобы они могли что-нибудь рассказать, пришедши домой, о римских памятниках, а тем более о живописи. Вы спрашиваете еще, правда ли, что Каневский едет в Петербург. Это очень может случиться, и нет ничего удивительного; страннее, если бы он остался в Италии: для этого нужно иметь душу художника. Каневский может нарисовать хорошо портрет Кривцова, но до художника ему далеко, как до небесной звезды. У аглицких скульпторов побываю непременно, и очень вам благодарен за это поручение: без вас бы мне это не пришло в голову. Трагедию Николини: «Антонио Фоскарини» купил и завтра принимаюсь читать. Что касается до madamigelle Conti, о которой вы интересуетесь, то она не ходит в церковь Петра, ибо madama Conte, узнавши, что она много глядит на форестьеров, схватила ее в охапку и увезла в деревню Сабины, в 12 или около милях от Рима. Вот вам и всё. Кажется, ничего не пропустил. Жаль мне, и я зол донельзя на головную боль, которая продолжает вас мучить. Нет, вам нужно подальше из Петербурга. Этот климат живет заодно с этой болезнию; оба они мошенничают вместе. Пишите ко мне обо всем, что у вас ни есть на душе и на мыслях. Помните, что я ваш старый друг и что я молюсь за вас здесь, где молитва на своем месте, то есть в храме. Молитва же в Париже, Лондоне и Петербурге всё равно, что молитва на рынке. Будьте здоровы. О здоровье только вашем молюсь я. Что же до души вашей и сердца, я не молюсь о них — я знаю, что они не переменятся и останутся вечно такими же прекрасными.

Очень жалею, что я не получил ваших писем, писанных вами в Веве. Получили ли вы два письма мои, одно к вашей маминьке, другое к вам, которые я послал чрез Кривцова? Кланяйтесь всем: Петру Ивановичу, Варв<аре> Осип<овне>, братцам.

360. А. С. Данилевскому

Рим. 2588-й год от основания города, 13 мая <н. ст. 1838>.

Я получил письмо твое вчера. Мне было бы гораздо приятнее вместо него увидеть высунувшееся из-за дверей, улыбающееся лицо твое. Но судьбам вышним так угодно! Будь так, как

[1] *Далее было:* такие

должно быть лучше! Мысль твоя об жене и свекловичном сахаре меня поразила. Если это намерение обдуманное, крепкое, то оно, конечно, хорошо, потому что всякое *твердое* намерение хорошо и достигает непременно своей цели. Существо, встретившее тебя на лестнице, заставило меня задуматься, но, с другой стороны, я никак не мог согласить встречу твою с гризеткою и приглашение ее на ночь того же самого дня. Пусть это случалось прежде, но ты говоришь в письме ясно: сегодня я славно проведу ночь. Ну что, если она тебе подсунет <.........>! Тогда и женитьба и сахарный завод очень постраждут. Но в сторону такие смутные мысли. О тебе в моем сердце живет какое-то пророческое, счастливое предвестие. Я пишу к тебе письмо, сидя в гроте на вилле у кн<ягини> З. Волконской, и в эту минуту грянул прекрасный проливной, летний, роскошный дождь, на жизнь и на радость розам и всему пестреющему около меня прозябению. Освежительный холод проник в мои члены, утомленные утреннею, немного душною прогулкою. Белая шляпа уже давно носится на голове моей... но блуза еще не надевалась. Прошлое воскресение ей хотелось очень немного порисоваться на моих широких и вместе тщедушных плечах, по случаю предположенной было поездки в Тиволи; но эта поездка не состоялась. Завтра же, если погода (а она теперь уже постоянно прекрасна), то блуза в дело, ибо питтория вся отправляется, и ослы уже издали весело помавают мне. Да, я слышу носом, как всё это заманчиво для тебя, и, признаюсь, я бы много дал за то, чтобы иметь тебя, выезжающего об руку мою на осле. Но будь так, как угодно высшим судьбам! Отправляюсь помолиться за тебя в одну из этих темных, дышащих свежестью и молитвою церквей. — Вообрази, что я получил недавно (месяц назад, нет, три недели) письмо от Проко<по>вича с деньгами, которые я просил у него в Женеве. Письмо это отправилось в Женеву, там[1] пролежало месяца два и оттуда, каким образом, уж, право, не могу дознаться, отправлено было к Валентини, у Валентини оно пролежало тоже месяца два, пока, наконец, известили об этом меня. Прокопович пишет, что он моей библиотеки не продал, потому что никто не хотел купить, но что он занял для меня деньги — 1 500 руб., и просит их возвратить ему по возможности скорее. Я этих денег не отсылал, ожидая тебя и думая, не понадобятся ли они тебе, но, наконец, видя, что не едешь, и, рассудивши, что Прокопович наш, может быть, и в самом деле стеснен немного, я отправил их к нему чрез Валентини. Это мне

[1] *Далее было:* отправилось

стало всё около 20 скуд почти издержки. Золотареву я заплатил не двести франков, как ты писал, а только 150, потому что он сказал мне, что вы как-то с ним сделались в остальной сумме. Ты, пожалуйста, теперь не затрудняйся высылать мне твоего долга, потому что тебе деньги, я знаю, будут нужны слишком на путь твой, но[1] в конце года или даже в начале будущего, когда ты приедешь в Петербург. Прокоповича письмо очень, очень коротенькое. Говорит, что он совершенно сжился с своею незаметною и скромною жизнью, что педагогические холодные заботы ему даже как-то нравятся, что даже ему скучно, когда придут праздники, и что он теперь постигнул всё значение слов: привычка свыше нам дана, замена счастия она. Говорит, что на вопрос твой о том, что делает круг наш, или его, может отвечать только, что он сок умной молодежи, и больше ничего, что новостей совершенно нет никаких, кроме того, что обломался какой-то мост, начали ходить паровозы в Царское Село и Кукольник пьет мертвую. Отчего произошло последнее, я никак не могу догадаться. Я[2] с своей стороны могу допустить только разве то, что Брюлов известный пьяница, а Кукольник, вероятно, желая тверже упрочить свой союз с ним, ему начал подтягивать, и так как он натуры несколько слабой, то, может быть, и чересчур перелил.

На днях я получил письмо от Смирнова. Он упоминает, между прочим, об обеде, данном Крылову по случаю его пятидесятилетней литературной жизни. Я думаю, уже тебе известно, что государь, узнавши об этом обеде, прислал на тарелку Крылову Станислава 2-й степени. Но замечательно то, что Греч и Булгарин отказались быть на этом обеде, но, когда узнали, что государь интересуется сам, прислали тотчас просить себе билетов. Но Одоевский, один из директоров, им отказал, тогда они нагло пришли сами, говоря, что им приказано быть на обеде, но билетов больше не было, и они не могли быть и не были. Смирнов прибавляет, что Булгарин, на возвратном пути в Дерпт, был кем-то, вероятно, из дерптск<их> студентов так исправно поколочен, что недели две пролежал в постели. Этого наслаждения я не понимаю. По мне поколотить Булгарина так же гадко, как и поцеловать его.[3] По случаю этого празднества были написаны и читаны на нем же стихи, — одни, Бенедиктова, незамечательны, другие, кн. Вяземского, очень милы и очень умны и остроумны. Они были петы. Музыку написал Вельегурский. Вот они:

[1] *Далее было:* лучше

[2] *Далее было:* полагаю

[3] *Далее начато:* На этот обе<д>

I

На радость полувековую
Скликает нас веселый зов:
Здесь с музой свадьбу золотую
Сегодня празднует Крылов.
На этой свадьбе все мы сватья!
И не к чему таить вину —
Все за одно, все без изъятья
Мы влюблены в его жену.
Длись счастливою судьбою,
Нить любезных нам годов.
Здравствуй с милою женою,
Здравствуй, дедушка Крылов!

II

И этот брак был не бесплодный.
Сам Феб его благословил!
Потомству наш поэт народный
Свое потомство укрепил.
Изба его детьми богата
Под сенью брачного венца:
И дети — славные ребята!
И дети все умны в отца.
Длись судьбами всеблагими,
Нить любезных нам годов.
Здравствуй с детками своими,
Здравствуй, дедушка Крылов.

III

Мудрец игривый и глубокий,
Простосердечное дитя,
И дочкам он давал уроки
И батюшек учил шутя.
Искусством ловкого обмана,
Где и кольнет из-под пера:
Там Петр кивает на Ивана,
Иван кивает на Петра.
Длись счастливою судьбою,
Нить счастливых нам годов.
Здравствуй с милою женою,
Здравствуй, дедушка Крылов.

IV

Где нужно, он навесть умеет
Свое волшебное стекло,
И в зеркале его яснеет
Суровой истины чело.
Весь мир в руках у чародея,
Все твари дань ему несут:
По дудке нашего Орфея
Все звери пляшут и поют.
Здравствуй с детками своими etc.

V

Забавой он людей исправил,
Сметая с них пороков пыль,
И баснями себя прославил,
И слава эта — наша быль.
И не забудут этой были,
Пока по-русски говорят —
Ее давно мы затвердили,
Ее и внуки затвердят.
Здравствуй с милою женою и проч.

VI

Чего ему нам пожелать бы?
Чтобы от свадьбы золотой
Он дожил до алмазной свадьбы
С своей столетнею женой!
Он так беспечно, так досужно
Прошел со славой долгий путь,
Что до ста лет не будет нужно
Ему прилечь и отдохнуть.
Здравствуй с детками и проч.

Ну, что еще тебе сказать? Только и хочется говорить о небе да о Риме. Золотарев пробыл только полторы недели в Риме и, осмотревши, как папа моет ноги и благословляет народ, отправился в Неаполь осмотреть наскоро всё, что можно осмотреть.[1] В две недели он хотел совершить всё это и возвратиться в Рим, досмотреть всё прочее, что ускользнуло от его неутомимых глаз; но вот уже больше двух недель, а его всё еще нет. — Что делают русские питторы, ты знаешь сам. К 12 и 2 часам к Лепре, потом кафе Грек,

[1] *Далее было:* после чего

потом на Монте Пинчио, потом к Bon goût, потом опять к Лепре, потом на биллиард. Зимою заводились было русские чаи и карты, но, к счастию, то и другое прекратилось. Здесь чай — что-то страшное, что-то похожее на привидение, приходящее пугать нас. И притом мне было грустно это подобие вечеров, потому что оно напоминало наши вечера и других людей, и другие разговоры. Иногда бывает дико и странно, когда очнешься и вглядишься, кто тебя окружает. Художники наши, особливо приезжающие вновь, что-то такое... Какое несносное теперь у нас воспитание! Дерзать и судить обо всем, это сделалось девизом всех средственно воспитанных у нас теперь людей, а таких людей теперь множество. А судить и рядить о литературе считается чем-то необходимым и патентом на образованного человека. Ты можешь судить, каковы суждения литературных людей, окончивших свое воспитание в Академии художеств и слушавших Плаксина. — Дурнов мне надоел страшным образом тем, что ругает совершенно наповал всё, что ни находится в Риме. Но довольно взглянуть на небо и на Рим, чтобы позабыть всё это. Но что ты пишешь мне мало о Париже? Хоть напиши, по крайней мере, какие халаты теперь выставлены в Passage Colbert или в Орлеанской галерее, и здоров ли тот dindeaux в 400 <*нрзб.*>, который некогда нас совершенно оболванил в Rue Viviènne. Если, на случай, кто из русских или не-русских будет ехать в Рим, перешли мне вместе с Тадеушем Мицкевича коробочку с pilules stomachiques, которую возьми в аптеке Кольберта, и вместе с нею возьми еще другую, под названием pilules indiennes. Но целую и обнимаю тебя и ожидаю с нетерпением твоего письма.

<*Адрес:*>

Paris.
A Monsieur
Monsieur Alexandre de Danilevsky.
Rue de Marivaux, № 11.

361. М. И. Гоголь

Мая 16 <н. ст. 1838>. Рим.

Я получил ваше письмо и уже хотел было отвечать на него, как вдруг мне принесли еще одно ваше письмо, в котором вы извещаете о смерти Татьяны Ивановны. Мне было тоже прискорбно об этом слышать. Мне еще более было жаль, что мой добрый Данилевский не со мною в это время, чтобы я мог сколько-нибудь облегчить участием его потерю и утешить его в ней. Я, однако ж, написал к нему об этом в Париж, где он теперь

находится и где, может быть, уже получил это печальное известие без меня. — Частые потери наконец так приучают сердце и ум к мысли о смерти, что она, наконец, не имеет для нас ничего ужасного. Истинный христианин радуется смерти близкого своему сердцу. Он, правда, разлучается с ним, он не видит уже его, но он утешен мыслью, что друг его уже вкушает блаженство, уже бросил все горести, уже ничто не смущает его. И в этом-то состоит глубокое самоотвержение, какое может только быть и какое может только внушить одна христианская религия. Мне очень жалко было слышать, что наша Олинька так часто хворает. Я вас прошу, когда будете писать, не забыть известить меня, какого роду ее припадки, не скрывая ничего, так, как бы доктору. Я посоветуюсь с своей стороны с лучшими здешними докторами. Ум хорошо, а два лучше, говорит пословица. Недавно я получил письмо от сестер из Петербурга. Они здоровы, и мне приятно было видеть из письма их, что они поумнели и поняли свой долг и обязанность. Они уже не надоедают, как дети, просьбами о приезде к их именинам и проч. Они говорят и просят поступать так, как требует мое здоровье. Я писал нарочно к некоторым моим знакомым образованным и милым дамам посещать их в институте. Они были так добры, что взялись с охотою исполнить мою просьбу. Это доставит им приятное развлечение и вместе с тем нечувствительно их образует и познакомит с тем, как вести себя. — В Риме время с началом мая прелестное. Летом, когда сделается очень жарко, думаю на месяц уехать в одну из прелестных деревень около Рима, — тем более, что все почти в это время уезжают.[1] Кн. Зин<аида> Волконская, к которой я всегда питал дружбу и уважение и которая услаждала мое время пребывания в Риме, уехала, и у меня теперь в городе немного таких знакомых, с которыми любила беседовать моя душа. Но природа здешняя заменяет всё. Вы спрашивали, кажется, в одном из ваших писем о Репниных. Они всегда почти живут или в Неаполе, или во Флоренции, а не в Риме.

Но пора мне кончить. Будьте здоровы. Целую несколько раз ваши ручки и обнимаю сестру.

Нежно любящий ваш сын

Николай.

<Адрес:>

à Pultava en Russie.

Ее высокоблагородию Марии Ивановне Гоголь-Яновской.

В Полтаву, оттуда в д. Василевку.

[1] *Далее начато:* И мое

362. А. С. Данилевскому

16 мая <н. ст. 1838>. Рим.

Не знаю, застанет ли это письмо тебя в Париже. Не знаю даже, застало ли тебя то письмо, которое писал я к тебе третьего дня. Причина же, почему я пишу к тебе вслед за первым второе, есть представившаяся оказия. Письмо тебе это вручит мой добрый приятель m-r Pavé, который, верно, тебе понравится. Он знает даже и по-русски (ибо воспитывался вместе с сыном кн. Зин<аиды> Волконской), но говорить на нашем языке затрудняется, и потому, чтобы лучше расшевелить его и заставить говорить, говори по-французски или на нашем втором родном языке, т. е. по-италиански. Вторая причина, почему я пишу к тебе, но ты, может быть, уже ее знаешь. Я был поражен,[1] когда услышал. Нужно знать, что не успел я бросить в окошко письмо, которое долженствовало лететь к тебе в Париж как из другого окошка в Poste restante подали мне другое из дому. Печальная новость была заключена в первых строках. Итак, добрая мать твоя не существует! Эта потеря была для меня слишком родственной.[2] Ты для меня роднее родного брата, это ты знаешь сам. В твоей матери я потерял[3] близкое к тебе, стало быть, и близкое ко мне, и я вспомнил при этом <Се>[4]мереньки, Толстое и наши поездки, и те счастливые только три <верс>[5]ты расстояния между наши<ми>[6] бывалыми жилищами, и мне стало грустно. С каждым годом, с каждым месяцем разрываются более и более узы, связывающие меня с нашим холодным отечеством. Но тебе теперь нужно, между прочим, подумать обо всех делах. Маминька мне не пишет никаких подробностей. Она только что услышала об этом и в ту же минуту бросилась меня известить. Видно, что и она была этим сильно потревожена, потому что письмо ее написано наскоро. Татьяна Ивановна умерла в Семереньках, и вот почему нет никаких подробностей об этом у нас. Итак, тебе нужно поскорее осведомиться о ее распоряжениях последних и обо всем, сколько для себя, столько и для других, потому что ты — старший брат. Но ты сам поймешь всё. Напиши мне всё, что и каким образом ты теперь предпримешь, словом, твои намерения. — Прощай, будь здоров, и да уладится всё к лучшему для тебя. Кстати, вещи, о которых я просил тебя, ты теперь можешь прислать через Pavé, он мне их привезет в самый Рим.

[1] *Далее было:* сильно

[2] *Далее было:* Я вспомнил Толстое, Семереньки, мне стало

[3–6] *Вырвано.*

Помоги ему, если можешь, выбрать или заказать для меня парик. Хочу сбрить волоса — на этот раз не для того, чтобы росли волоса, но собственно для головы, не поможет ли это испарениям, а вместе с ними вдохновению испаряться сильнее. Тупеет мое вдохновение, голова часто покрыта тяжелым облаком, который я должен беспрестан<но> стараться рассеивать, а между тем мне так много еще нужно сделать. — Есть парики нового изобретения, которые приходятся на всякую голову, деланные не с железными пружинами, а с гумиластическими.

<Адрес:>

à Monsieur
Monsieur Alexandre de Danilevsky.
Paris, Rue de Marivaux, 11 (N onze).

363. Княжне В. Н. Репниной-Волконской

Рим. 14 <июня? 1838>.

Итак, вы уже в Неаполе. Как я завидую вам! глядите на море, купаетесь мыслью в яхонтовом небе, пьете, как мадеру, упоительный воздух. Перед вами лежат живописные лазарони; лазарони едят макароны; макароны длиною с дорогу от Рима до Неаполя, которую вы так быстро пролетели. Я думаю, как вам теперь кажется печален наш бедный Рим с его монастырями, Колизеями, кардиналами и Пиацою Барберини! И я, грешный, признаюсь вам, принимаюсь с робостью за перо, чтобы напомнить вам об обещании писать. Я не постигаю причин вашего молчания. Я был на почте и спрашивал, нет ли мне писем из Неаполя. Non c'e, — ответил мне сидевший за решеткою с пером за ухом impiegato. Пишите, ради Бога, пишите! Ничего не скрывайте, пишите хладнокровно и по порядку. Прежде всего позвольте узнать, где выбрали вашу квартиру: возле королевского дворца или Castel<lo> Nuovo? и с которой стороны у вас море: с правой или левой? Велик ли театр Сен-Карло, в котором, без сомнения, вы были не один раз? и как вы нарисовали вид Неаполя: карандашом или акварелью? Если вам угодно, то я закажу для него рамы в Риме, тем более, что возле меня живет мастер, очень хороший человек, хмельного не берет в рот и весьма дешево берет за работу. Я думаю, кн<язь> Григорий Петрович в больших теперь хлопотах: распределяет комнаты, повелевает одной сделаться детскою, другой быть столовою, третьей гостиною, в которой, увы! вряд ли достанется сидеть пишущему сии строки. Прошу извинить меня

великодушно, что так нахально втиснул я сюда свою особу. Издавна уже так устроено людское самолюбие: всюду хочется всунуть свою рожу, хоть эта рожа ни на что не похожа. И в самом деле, до того ли вам, будучи теперь так очарованными красотами Неаполя, чтобы думать о такой пешке, каков я? Извините, что ничего не пишу о новостях римских: со времен вашего отъезда решительно ничего здесь не случилось нового. Массоти вам кланяется. Жена того мужа, который, при возвещении о приходе к вам, назван был маленьким человеком, слава Богу, здорова.

Впрочем, с совершенным почтением и таковою преданностью имею честь быть,

ваш покорный слуга,

Н. Гоголь.

P. S. А ведь Емельяни уж уехал!

364. Князю П. А. Вяземскому

Июнь 25 <н. ст. 1838>. Рим.

Уже протекло более двух лет с тех пор, как я имел удовольствие видеть и слышать вас, князь. Но я помню так, как бы это было вчера, и буду помнить долго вашу доброту, ваш прощальный поцелуй, данный вами мне уже на пароходе, ваши рекомендательные письма, которые приобрели мне благосклонный прием от тех, которым были вручены. Живя в Риме, я припомнил всё то, что вы говорили мне о нем. Всё это справедливо, так же как и верное ваше сравнение его с Неаполем. Я читаю этот роман каждый день с новым и новым наслаждением и, как в картине старинного автора, я в нем отыскиваю каждый день новое и только говорю: как много нового в старом и куды как больше,[1] нежели в самом новом! Еще не так давно был я вместе с княгиней Зин<аидой> Волхонской на знакомой и близкой вашему сердцу могиле. Кусты роз и кипарисы растут; между ними прокрались какие-то незнакомые два-три цветка. Я уважаю те цветы, которые вырастают сами собою на могиле. Мне всё кажется, что это речи усопшего к нам, но мы глядим, силимся и не можем понять их. Потом я был еще один раз с одним москвичом, знающим вас, — и вновь уверился, что эта могила не сирота: в Италии нельзя быть сиротою ни живущему, ни усопшему. Дождемся ли мы вас под наше роскошное небо, хотя на несколько дней отогреть душу,

[1] даже гораздо больше

без сомнения, уставшую от жестоких ласк севера, хотя и родственных? Я думал, что я по крайней мере встречу здесь известие о выходе полного собрания ваших сочинений, но сколько ни переглядывал нашу тощую Северную Пчелу, нигде не нашел об этом ничего. Что касается до меня... но прежде позвольте мне замучить вас моею убедительною просьбою. Ваша доброта и ваша прекрасная душа дают мне эту дерзость. Примите благосклонно подателя этого письма, брата моего, — Данилевского. Отлагая в сторону родство, я могу сказать, что это один из достойнейших молодых людей. В нем много таланта и вкуса. Бывши два года в Париже, в Италии и Германии, он не пропустил ничего, чего бы не обратить в свою пользу. Он мой единственный родственник и единственный друг от колыбели, от первых лет юности деливший со мною всё, все небольшие мои радости и горя. Он намерен теперь заняться службою. Помогите ему[1] вашим влиянием и вашим добрым советом. Век не позабуду вашей этой милости[2] и за нее буду в пятьсот раз более вам обязан, нежели если бы вы мне оказали ее самому, и клянусь, она падет не на камень. Он достоин быть более счастлив, нежели есть, вы это увидите. Извините меня великодушно,[3] что я так дурно и с такими ошибками пишу. Увы, не в силах! Здоровье мое плохо. Всякое занятие, самое легкое, отяжелевает мою голову. Италия, прекрасная, моя ненаглядная Италия продлила мою жизнь, но искоренить совершенно болезнь, деспотически вшедшую в состав мой и обратившуюся в натуру, она не властна. Что если я не окончу труда моего?.. О, прочь эта ужасная мысль! Она вмещает в себе целый ад мук, которых не доведи Бог вкушать смертному. Да сохранят вас небеса в силах негаснущих и в здоровье. Не забывайте того, который, не ведая ни отношений, ни приличий света, только следовал побуждениям своего сердца, благоговел пред талантом, читать и изучать его считал высшим наслаждением в свете, а для себя единственным, и который вследствие этого был всегда исполнен к вам высокого, непритворного уважения и любви, знакомой немногим.

Ваш покорный и верный слуга Н. Гоголь.

<*Адрес:*>

Его сиятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому
от Гоголя.

[1] *Далее начато:* если
[2] услуги
[3] *Далее было:* пишу

365. А. С. Данилевский — Н. В. Гоголю

4-го июня <16 июня (н. ст.)> 1838. Париж.

Хочу написать к тебе несколько слов, мой милый Гоголь, и едва могу собраться с духом, взяться за перо.

На третий, кажется, день после получения письма твоего пришло ко мне письмо... первое письмо с тех пор, как мы расстались с ним, — от брата Вани, с известием о смерти маменьки моей! о смерти маменьки моей!

О, милый друг! Ты не можешь знать, сколько отчаяния, сколько безнадежной грусти в этом слове! Сердце, одно сердце в мире, любившее меня со всеми моими недостатками, так чисто, так глубоко, — не существует больше! Не стану и не могу описывать тоски, отчаяния, в которое повергла меня эта невозвратимая потеря... Я плачу... И тот самый день, когда получил братнино письмо (я получил его вечером), утром я писал к тебе, не зная моего несчастия, когда оно было уже в Париже, когда оно стояло уже у меня за спиною. Я писал к тебе беспечный, хотя порою мучился каким-то безотчетным беспокойством. Посылаю тебе клочок из этого письма, которое хотел было отослать на другой день, но уничтожил.

Брат мой пишет несколько слов только. Кончина маменьки последовала 26-го марта.

Он едет в Малороссию с Пащенком. Я на днях тоже еду в Петербург или, лучше, в Гамбург, ибо денег у меня так мало остается, что едва ли станет до Гамбурга. Там буду дожидаться, покамест получу деньги. Я писал об этом Николаю Прокоповичу. Надеюсь, что он не откажет. Ты можешь представить себе, каково будет мое пребывание в Гамбурге.

Милый Николай! Ты знаешь, что с потерей маменьки потеряны для меня средства на беззаботную жизнь. Я должен трудиться и трудами добывать нужное. Напиши, ради Бога, несколько или хоть одно письмо к кому-нибудь из твоих приятелей, могущих сделать для меня что-нибудь, т. е. доставить мне какое-нибудь место. Сделай это, как хочешь: я полагаюсь на тебя.

Теперь, приехавши в Петербург, я останусь там только несколько дней; уеду в Малороссию обнять хоть могилу существа, любившего меня и любимого мною столько! Впрочем, если ты напишешь ко мне сейчас по получении этого письма, письмо твое может найти меня еще в Петербурге. Если найду возможность увидеть твоих сестер, пойду к ним: ты, помнится, просил меня об этом. Из Петербурга буду писать к тебе.

Прощай, мой милый друг! не забывай меня! Я люблю тебя всею душою и больше, нежели когда-либо, чувствую необходимость твоей дружбы.

366. А. С. Данилевскому

Рим. 30 июня <н. ст. 1838>.

Я получил твое письмо от 4 июня. Да, я знаю силу твоей потери. У меня самого, если бы я имел более надежды на жизнь, у меня самого это печальное событие омрачило бы много, много светлых воспоминаний. Я почти таким же образом получил об этом известие, как и ты. В тот самый день, как я тебе написал письмо, которое ты получил, в тот самый день уже лежало на почте это известие. Маминька, вслед за письмом своим ко мне, отправила на другой день другое, содержавшее эту весть. Она только что ее услышала и также никак еще не успела узнать подробностей. Я к тебе отправил об этом письмо с одним моим знакомым, который ехал в Париж и, без сомнения, туда прибыл уже после твоего отъезда. Вижу, что ты должен теперь действовать, идти решительною и твердою походкою по дороге жизни. Может быть, это тот страшный перелом, который высшие силы почли для тебя нужным, и эти исполненные сильной горести слезы были для оживления твоей души. Во всяком случае, твой старый, верный, неразлучный с тобою от времен первой молодости друг, с которым, может быть, ты не увидишься более, заклинает тебя так думать и поступать согласно с этой мыслью. Эти слова мои должны быть для тебя священны и иметь силу завещания. По крайней мере знай, что если придется мне расстаться с этим миром, где так много довелось вкусить прекрасных, божественных минут, и более половины с тобою вместе, то это будут последние мои слова к тебе.

В эту минуту я более, нежели когда-либо, жалел о том, что не имею никаких связей в Петербурге, которые могли бы быть совершенно полезны. Даю тебе письма к тем, которые были полезны мне в другом отношении, менее существенном. Если они любят меня и если им сколько-нибудь дорога память о мне, они, верно, для тебя сделают, что могут. Я написал к Жуковскому, Вяземскому и Одоевскому. С Плетневым ты сам будешь знать, <как> объясниться. Еще отнеси это письмо к Балабиной. Мне бы хотелось, чтобы ты познакомился с этим домом. Пользы прозаической ты не извлечешь там никакой, но ты найдешь ту простоту, ту непринужденность, ту прелесть и приятность во всем... Я много

провел там светлых минут; мне бы хотелось, чтобы и ты наследовал их также. Отнеси маленькую эту записочку моим сестрам в институт, а также и одной из классных дам, м-lle Мелентьевой, которая введет тебя к ним. Тебе довольно сказать только, что ты брат мне. Не советую тебе хватать первую должность представившуюся; рассмотри прежде внимательно свои силы и попробуй еще, попытай себя в других занятиях. Может быть, настало время проснуться в тебе способностям, о которых ты прежде думал мало. Но во всяком случае, руководи высшая сила тобою! Она, верно, знает лучше нас и на этот раз, верно, укажет тебе определительнее путь. Только, пожалуйста, не вздумай еще испытать себя на педагогическом поприще: это, право, не идет тебе к лицу. Я много себе повредил во всем, вступивши на него.

Напиши мне верно и обстоятельно о приеме, который тебе сделает родина, о чувствах, которые пробудятся в тебе при виде Петербурга, и обо всем том, что нам еще дорого с тобою. Что касается до меня — здоровье мое плохо. Мне бы нужно было оставить Рим месяца три тому назад. Дорога мне необходима: она одна развлекала и доставляла пользу моему бренному организму. На одном месте мне не следовало бы оставаться так долго. Но Рим, наш чудесный Рим, рай, в котором, я думаю, и ты живешь мысленно в лучшие минуты твоих мыслей, этот Рим увлек и околдовал меня. Не могу да и только из него вырваться. Другая причина есть существенная невозможность. Как бы мне хотелось, чтобы меня какой-нибудь <дух> пронес через подлую Германию, Швейцарию, горы, степи и потом, через три-четыре месяца, возвратил опять в Рим! Доныне вспоминаю мое возвращение в Рим. Как оно было прекрасно, как чудесна была Италия после Сенплона, как прекрасен был италианский город Domo d'Ossola!

Прощай, мой милый, мой добрый! Целую тебя бессчетные количества; шлю о тебе нескончаемые молитвы. Не забывай меня. Как мне теперь прекрасно представляется пребывание наше в Женеве! Как умела судьба располагать наше путешествие, доставляя нам многие прекрасные минуты даже в те времена и в тех местах, где мы вовсе об них не думали! Теперь еду в Неаполь; там пробуду два месяца, т. е. до последних чисел августа, после чего возвращаюсь в Рим. Итак, до этого времени ты адресуй письма в Неаполь (poste restante), по истечении же этого времени в poste restante в Рим.

Я узнал, что Жуковский уехал уже за границу, и потому не посылаю к тебе письма. Может быть, мне удастся увидеться

с ним лично, и я поговорю с ним, а до того времени ты напиши ко мне, что по твоему мнению ты считаешь для себя лучшим, чтобы я знал, как действовать.

Прощай, мой ближайший мне! Не забывай меня; пиши ко мне.

367. А. В. и Е. В. Гоголь

<30 июня (н. ст.) 1838. Рим>

Милые мои сестрицы Лиза и Анет. Вы всё-таки ко мне не пишете и не хотите писать. Вот уже вновь три месяца, как я не получаю от вас никакого известия. Что вы делаете, думаете ли обо мне, обо мне, который вас так любит, как вы себе не можете вообразить, который для вас готов пожертвовать всем, чтобы вы были только счастливы. А вы не хотите писать ко мне. Я много бы дал, чтобы вас увидеть и вновь поговорить с вами, как бывало, помните, мы говорили с вами в этой узенькой маленькой комнате, где стояло фортепиано. Это письмецо вам вручит наш добрый родственник Алекс<андр> Семенович. Вы уже, верно, знаете о его несчастии. Он лишился своей матери. Добрая Татьяна Ивановна, у которой вы проводили иногда так приятно время с Верочкой и сестрой ее, уже умерла. От него вы узнаете[1] о мне. Он расскажет вам, когда и где меня видел. Мы с ним провели много приятных минут вместе. Напишите мне, кто у вас бывает и с кем вы чаще видитесь и говорите. Не забудьте, особливо ты, сестрица Анет, не забудь мне написать о своем здоровье. Ты часто чувствовала разного рода припадки; извести меня, продолжаются ли они и в каком виде. Что же касается до меня, <то> мое здоровье в одинаковом состоянии, несмотря на прекрасный климат Италии. Если б ты знала, как неприятно под таким чудесным небом быть не совсем здоровым. Ах, я вам расскажу кое-что[2] о празднике, который был на днях в 30-ти верстах от Рима в деревне Дженсапр; праздник этот называется fiorata, то есть цветочный. Вообразите, что все улицы в городе были устланы и вымощены цветами. Но не подумайте, чтобы цветы были набросаны просто. Совсем нет. Вы не узнаете, что это цветы; вы подумаете, что это ковры разостланы по улице и на этих коврах множество разных изображений, и всё это выложено из цветов: гербы, вазы, множество разных узоров и даже, наконец, портрет папы. Вид

[1] *Далее начато:* что

[2] *Далее начато:* об образ<?>

удивительный. Все улицы, окна, двери — всё это было полно народом. По всем этим цветам должна была пройти процессия, начиная от двух церквей, и обойти весь город. Впереди прочих и тотчас вслед за монахами шли три девочки лет пяти, прехорошенькие собой, одетые ангелами с крыльями и все в ожерельях. Я думаю, вы знаете, что в религии католической очень много процессий. Летом они всегда происходят на улицах, которые в это время битком набиты народом.[1] Народ в своих ярких пестрых костюмах под италианским ярким небом делает удивительное зрелище. Окна, из которых высовывается множество лиц, эти окна убираются пунцовыми, малиновыми и голубыми шелковыми материями. Италианцы очень любят глядеть из окошек. Особливо италианки. Это для них такое наслаждение, как сходить в театр; они смотрят, хоть даже по улице пройдет один только козел или осел. Я думаю, вы знаете, что италианцы все музыканты, все поют. Опера в Риме теперь прекрасная. Вы никогда не слышали ничего подобного. Вообразите, что в Италии нет почти ни одного самого маленького городка, в котором бы не было театра, а в театре оперы. Вообразите, что здесь иногда можно провести целую ночь, сидя под окном и слушая[2] песни гуляющих. Всё, что ни возвращается поздно ночью из театра, всё это поет на улицах и повторяет до последней все слышанные ими арии, дуэты, квартеты и хоры. Через неделю я еду в Неаполь, где пробуду, может быть, около двух месяцев и где чудесная природа; я вам о нем напишу. Письма ваши отдайте на этот раз *Прокоповичу*, он за ними приедет и отправит их мне, если вы только не имеете другой оказии. Прощайте, мои милые, много, много любимые сестрицы, будьте здоровы и не забывайте меня.

Ваш брат Николай.

<Адрес:>

Милым моим сестрицам Анет и Лизе Гоголь.
В Патриотич<еском> институте.

368. Н. Я. Прокоповичу

Рим. Июля 2 <н. ст. 1838>.

Не совестно ли тебе, мой милый, не писать ко мне, позабыть меня! Не совестно ли тебе лениться! А я о тебе думаю часто, всегда. И ни роскошь этих стран, где я живу теперь, ни юг, ни

[1] *Далее начато:* что ды<?>

[2] *Далее начато:* возвращающихся <?>

чудные небеса, ничто не в силах помешать мне думать о тебе, с кем начался союз наш под аллеями лип нежинского сада, во втором музее, на маленькой сцене нашего домашнего театра, и крепился,[1] стянутый стужею петербургского климата, чрез все дни нашего пребывания вместе. Не совестно ли тебе! Ты мне не написал даже ответа на письмо мое, пущенное к тебе вместе с деньгами, которые я возвратил тебе посредством здешнего банкира Валентини к вашему Штиглицу. Ты меня не известил, получил ли ты[2] деньги в исправности. Теперь ты рад: Данилевский с тобою. Ты вкусил минуту свидания после такой длинной разлуки. Как бы я желал теперь быть с вами! Но я уже почти отказался от этой сладкой мысли. Пожалуйста, не забывайте меня. Отправил ли ты книги и рукописи чрез Pongis, как я к тебе писал? Я ничего не получал и не знаю, где и как мне о них осведомиться, не имея совершенно никакого об этом от тебя известия. Извести меня о своей жизни обстоятельно. Без сомнения, ты уже учишь грамоте сына Яна, которого ты несправедливо назвал Николаем и глядя на которого всегда у меня рождалась досада и сожаление, что не я крестил его. И какого рода есть у тебя новые прибавления? Прибавил <бы> сколько-нибудь слов о гостях своих, о наших старых, которым всем по поклону, — Жюлю, Пащенку и прочим. Пиши, пожалуйста, пиши. Я не могу к тебе писать много потому, что спешу. Да<нилевский>, верно, ожидает моего письма, которое ему нужно и которое ты ему вручишь. Через три или четыре дня еду в Неаполь,[3] где пробуду 1 $^{1}/_{2}$ месяца, и потому до половины августа пиши ко мне в Неаполь. По истечении же этого срока — в Рим, в poste restante.

Доставь поклон мой Марье Никифоровне.

<*Адрес:*>

St. Pétersbourg en Russie.

Николаю Яковлевичу Прокоповичу.

В Петербурге на Васильевск<ом> Острове, в 9 линии, между больш<им> и средн<им> проспектом, в доме Желтухиной.

<*Штемпель:*>

Получено 1838
<и>юл. вечер.

[1] длился

[2] *Далее было:* или нет и

[3] *Далее было:* Пи<ши.> И пот<ом?> доставь поклон мой

369. М. И. Гоголь

Неаполь. Июля 30 <н. ст. 1838>.

Я давно уже не получал от вас письма. Может быть, оно уже давно лежит на почте в Риме и дожидается меня, но тем не менее мне бы хотелось слышать вести о вашем здоровье и вашем препровождении времени, почтеннейшая маминька! В Риме же я буду не ранее месяца. В Неаполь боюсь вам назначить адресовать письма, они, без сомнения, не застанут меня здесь и пропадут на почте, итак — во всяком случае адресуйте по-прежнему в Рим. Здоровье мое недурно. Климат Неаполя не сделал на меня никакой перемены. Я ожидал, что жары здешние будут для меня невыносимы, но вышло напротив — я едва их слышу, даже не потею и не устаю, впрочем, может быть, оттого, что не делаю слишком большого движения. Вид Неаполя, как вы, я думаю, знаете из описаний и рассказов, удивительный. Передо мною море, голубое как небо, лиловые и розовые горы с городами вокруг его. Предо мною Везувий. Он теперь выбрасывает пламя и дым. Спектакль удивительный! Вообразите себе огромнейший фееверк, который не перестает ни на минуту. Давно уже он не выбрасывал столько огня и дыма. Ожидают извержения. Громы, выстрелы и летящие из глубины его раскаленные красные камни, всё это — прелесть! Еще четыре дня назад можно было подыматься на самую его вершину и смотреть в его ужасное отверстие. Теперь нельзя. Доходят только до половины; далее чувствуется слишком большой жар и опасно от летящих камней.

Место, где я живу, в сорока верстах от него в расстоянии. Но он совершенно кажется близок, и, кажется, к нему нет и двух верст. Это происходит от воздуха, который так здесь чист и тонок, что всё совершенно видно вдали. Небо здесь ясно и светлоголубого цвета, но такого яркого, что нельзя найти краски, чтобы нарисовать его. Всё светло. Свет от солнца необыкновенный. Кажется, здесь совсем нет теней. Весь Неаполь и все города, которые попадаются в этой стороне Италии, без крыш. Домы вам покажутся или недостроенными, или погоревшими. Вместо крыши гладкая платформа, на которой по вечерам здесь имеют обыкновение сидеть, наслаждаясь видом залива, Везувия, неба и удивительных окрестностей. На днях я сделал маленькую поездку по морю, на большой лодке, к некоторым островам, и между прочим посетил знаменитый голубой грот на острове Капри. Мы въехали в дыру, прорытую в скале, никак не шире узенькой лодки. Въехали мы туда на лодочках, нагнувши свои головы, и очутились вдруг

под огромным и широким сводом. Всё пространство под этим сводом было покрыто лодками. Темнота порядочная, но воды ярко, ярко голубые и казались освещенными снизу каким-то голубым огнем. Эффект был удивительный. Несколько плавающих и кричащих моряков и лазарони (так называются обитатели Неаполя, народ, который лежит нагишом весь день на улице и, лежа, глотает макароны длины непомерной) оживляли эту картину. Скалы и утесы здесь картинны. Их такое множество. Но мне жизнь в Риме нравится лучше, чем в Неаполе, несмотря на то, что здесь гораздо шумнее. Жаль, что нельзя никаким образом ничего переслать отсюда, я бы вам мог прислать кое-что из здешних вещей, которые работаются из лавы Везувия. Они очень милы и отличаются искусством работы, но после, может быть, мне удастся, по крайней мере, привезть их со временем. А теперь позвольте поцеловать заочно ваши ручки, почтеннейшая маминька, и сказать вам прощайте до следующего письма или почты! При этом случае целую сестрицу Марию, племянника Колю и кланяюсь всем знакомым вашим.

Ваш покорнейший сын Ник<олай>.

<Адрес:>

A Pultava en Russie Méridionale.
Ее высокоблагородию Марии Ивановне Гоголь-Яновской.
Полтава, деревня Василевка.

370. Княжне В. Н. Репниной-Волконской

<Июль — август (н. ст.) 1838. Кастелламаре>

Осужденный доктором на лежание в постели почти весь сегодняшний день, я совершенно не могу взяться за ум, как нужно себя вести в этом для меня конфузном и совершенно новом состоянии, и потому прибегаю к вам за советом. Вам совершенно знакомо это состояние. Сделайте милость, научите, нужно ли почти ничего не делать или совершенно ничего не делать. За этим единственно и отправляется сия посланница, летящая быстрее ветра посредством своих крепких, хотя несколько грязных, ног. Если вы находите, что хорошо следовать первому из этих правил, то очень обяжете меня, когда одолжите который-нибудь из волюмов Гофмана. Кажется, что в теперешнее время мне будут в пору фантастические сказки. Прошу великодушного извинения за эту тревогу, которую наносит вам, княжна, моя докучная натура, уверенная слишком в вашей доброте.

Я нашел у себя на столе письмо госпожи Яковлевой, которое дышит необыкновенным достоинством. Запрос обо мне обличает всю тонкость ума этой необыкновенной дамы.

Позвольте узнать, будет ли куда-нибудь услан ваш управляющий ослиными делами signor Dominico. Я хотел бы послать его к Ливену на квартиру за моим несчастным паспортом, о котором я совершенно не имею никаких слухов.

<На обороте:>

Alla sua eccelenza signora princepessina.

371. М. П. Погодину

<14 августа (н. ст.) 1838. Неаполь>
Август 20. Неаполь.

Я получил твое письмо в письме Бодянского из Карлсбада. Благодарю тебя! Ты заботишься обо мне, а я — я тебя люблю много, много... Я писал к тебе, но не получил ответа на последнее письмо мое и не знал, что ты делаешь и где ты. Нигде в газетах мне не случалось встретить твоего имени, стало быть, ты работаешь что-то большое для будущего. Пришли мне что-нибудь из твоего или привези. У меня забилось сердце, когда я прочитал твою записку, где ты говоришь, что будущею весною будешь в Италии. Итак, мы увидимся. Обнимемся, может быть, еще раз. Благодарю тебя за это. О себе ничего не могу <сказать> слишком утешительного. Увы! здоровье мое плохо! И гордые мои замыслы... О друг! если бы мне на четыре, пять лет еще здоровья! И неужели не суждено осуществиться тому... много думал я совершить... Еще доныне голова моя полна, а силы, силы — но Бог милостив. Он, верно, продлит дни мои. Сижу над трудом, о котором ты уже знаешь, я писал к тебе о нем, но работа моя вяла, нет той живости. Недуг, для которого я уехал и который было, казалось, облегчился, теперь усилился вновь. Моя геморроидальная болезнь вся обратилась на желудок. Это несносная болезнь. Она меня сушит. Она говорит мне о себе каждую минуту[1] и мешает мне заниматься. Но я веду свою работу, и она будет кончена, но другие, другие... О, друг! какие существуют великие сюжеты. Пожалей о мне! Но я с тобою увижусь. Я к тебе теперь обращу одну очень холодную и прозаическую просьбу. Ты был так добр, что предлагал мне сделать заем, если я нуждаюсь. Мне не хотелось пользоваться

[1] *Далее начато:* а что хуже всего

твоею добротою. Теперь я доведен до того. Если ты богат, пришли вексель на 2 000. Я тебе через год, много через полтора их возвращу. Сочинение мое велико, у нас же товар продается по величине, и потому я думаю за него получить столько, что в состоянии буду заплатить этот <долг> в конце будущего года. Мои обстоятельства денежные плохи, и все мои родные терпят то же, но чорт побери деньги, если бы здоровья только, год как-нибудь может с помощью твоей, а может быть Божией, как-нибудь проплетется. Если будешь посылать вексель, пожалуйста, вели банкиру своему послать прямо к римскому банкиру Валентини на его имя, еще лучше кредитивным письмом, и письма ко мне адресуй тоже банкиру Валентини в Рим. Через полтора месяца я уже буду в Риме. Прощай, мой добрый, мой милый Погодин. Неужели мы увидимся? Обнимает тебя

твой Гоголь.

<*Адрес:*>

Moscou (en Russie).
Михаилу Петровичу Погодину.
В Московском университете.

<*Штемпель:*>

Nap. 1838. 14 Ag.

372. А. С. Данилевскому

Неаполь, 20 августа <н. ст.? 1838>.

Ты знаешь, ты можешь себе вообразить, с каким чувством читал я письмо твое. И как мне досадно было, как плакал я, что оно пришло ко мне поздно, что я его получил еще не в Риме. Я не знаю, что мне делать. Читаю в конце твоего письма: Приезжай в Париж. Я б приехал, я бы где-нибудь достал денег и непременно бы приехал, потому что обнять тебя после такой долгой разлуки — это такая радость. Но как это сделать. Если ты уже выехал? если я тебя уже не застану? Письмо твое повергло меня в жесточайшее недоумение. Сижу над ним и ни на что не могу решиться. Состояние твоего здоровья меня тоже весьма тревожит; я бы не советовал тебе еще ехать в Петербург. Может быть, этот неприятный случай, так несчастный, эта история с векселем, может быть, она приключилась нарочно, чтобы тебе помешать этот год ехать. Мое здоровье тоже плохо, но если бы мы были вместе, мы бы доставили друг другу бальзам утешения. Я уже было простился с тобою, уже отправил я к тебе письмо в Петербург,

уже, холодно сжавши сердце, приготовил на одиночество остаток своей жизни. Теперь опять виден мне какой-то луч надежды тебя увидеть. Как я воображу себе, что ты один, один сидишь без денег, полубольной и под влиянием скуки и тоски смертельной... Если бы я знал, что ты еще в Париже; путешествие, может, было бы полезно для моего здоровья. Если ты получишь мое письмо, посиди еще неделю, не поскучай... может быть, я увижусь еще раз, обниму тебя и, поблагодаривши тебя за всё, за все приятные минуты, и Бога, пославшего мне тебя, я уеду опять в Рим свой или, может быть, и тебя утащу с собой. Зима в Риме прелестна. Я так себя чувствовал хорошо. Теперь мне хуже, лето дурно, душно и холодно. Неаполь не тот, каким я думал найти его. Нет, Рим лучше. Здесь душно, пыльно, нечисто. Рим кажется Париж<ем> против Неаполя, кажется щеголем. Кафе римские, магазины и парикмахеры великолепны против неаполитанских. Итальянцев здесь нельзя узнать; нужно прибегать к палке, — хуже, чем у нас на Руси. Природа прелестна, но вовсе не в том виде, как она прежде рисовалась в моих мыслях, и странно — мне всё кажется, как будто я не в Италии. Сосен этих, на которых мы привыкли нежить когда-то глаз свой, нет, кипарисов тоже. Вместо них низенькие деревья: виноград, уродливые мелкие тополи, фиги, не делающие никакого вида, и зелень, белая от пыли, лежащей целою массою на листьях. Небо — я, кажется, еще не пригляделся к нему. Мог ли бы ты подумать — оно совершенно светло-голубое. Мне было неприятно это. Я думал его найти темным, по крайней мере не светлее римского, но римское против него кажется синим. Зато в нем есть какая-то хрустальность, воздушность, и когда долее в него всматриваешься, замечаешь что-то особенное, голубизна, несмотря на свою светлость, ярка. Я живу в Кастелла-Маре, в двух часах от Неаполя, я здесь начал было пить воды, но оставил воды. Вод здесь страшное множество: один остров Искио весь обпарен минеральными ключами. Говорят, их здесь больше, чем в Германии. Скалы прелестны. Они и плоские крыши домов напоминают, что живешь на юге. Пальм нет, и вообще врут, что будто за Террачином начинается другая природа, африканская, в Террачине на скале две пальмы и потом их нигде <нет>, и мне показалось, что я приехал в Ломбардию. Время я провожу кое-как, я бы проводил его прекрасно, если бы не мое здоровье. Но ты, ты... как ты меня смутил своим письмом, или, лучше, — как меня смутила эта медленная проволочка твоего письма! Если ты в Париже, помедли одну, полторы недели; напиши мне тотчас

письмо в Марсель, в poste restante на всякий случай. Может быть, судьба готовит нам еще свидание, и мне удастся облегчить сколько-нибудь душевное твое состояние. Письмо мое через Паве ты не получил через собственные руки потому, что он изменил вдруг свой маршрут и вместо Парижа поехал в Петербург. Прощай, мой друг. Обнимаю тебя много раз, до свидания.

P. S. Мне пришла мысль, которая может пролить некоторый свет на твой процесс с мошенником. Ты, верно, говорил кому-нибудь или хозяевам твоей квартиры, или portier, что ты ожидаешь векселя; верно, об этом узнал кто-нибудь из знакомых консиержу, или portier, или хозяину и караулил издавна почталиона: потому, не бывши предуведомлену, нельзя вдруг напасть и распечатать чужое письмо. Может быть, не заметил ли почталион лицо принявшего письмо и не зажил ли кто-нибудь роскошно, кто-нибудь из знакомых portier или хозяина. Но твой адвокат уже, может быть, без меня наталкивался на все эти подозрения. Какой неожиданный случай! Признаюсь, мне всегда он приходил на ум, когда я получал в письме вексель. И как глупо делают банкиры, которые принимают вексель, не спросивши пашпорта.

Напиши два ответа на это письмо: одно в Марсель, другое в Неаполь. Если каким-нибудь случаем я не отправлюсь еще, то — чтобы я знал, что мне делать.

373. А. С. Данилевский — Н. В. Гоголю

27 августа <н. ст. 1838>. Париж.

Меня разбудили, чтобы подать письмо твое. Мне стоило труда распечатать его порядочно: так дрожала рука от долгого и беспрестанного ожидания.

Я почти готов думать, что это продолжение сна. Ты в Париже! возможно ли?! Нет, это слишком много! Я в целую жизнь не в состоянии буду расплатиться с тобой. Чувствую радость — физически чувствую, без всяких метафор, — текущую по всем жилам. А я бы писал к тебе сегодня, писал бы непременно, хотя бы не получил письма твоего, и даже адресовал его в Неаполь. Я с тем лег вчера спать.

Ты сомневаешься, застанешь ли меня в Париже, а я сомневаюсь, уеду ли я когда-нибудь из Парижа.

Ты, может быть, получил мое второе письмо. Из Петербурга ни слова ни от кого, а писал ко всем — раз восемь, может быть. Чтобы показать всю великость моей потери, судьба вооружилась

против меня несказанно с той роковой минуты, когда я узнал об ней.

Думаю, что письмо мое застанет тебя в Неаполе; даже хочу советовать, чтобы ты и не подумал ехать в Париж. Но это притворство выше сил моих. При одной мысли видеть тебя жизнь моя обновляется! Признаюсь, написав к тебе это: «приезжай в Париж», я хотел было зачеркнуть его, но оставил, не знаю почему, — может быть, не находя в нем смыслу.

Если бы в самом деле случилось, чтобы ты приехал, как я приму тебя? Чувствую, буду смешон и жалок.

Ты проводишь меня, может быть, до Лондона, а из Лондона теперь есть пароход прямо в Петербург, а в Лондон едут за 28 франков. Ты, помнится, хотел ехать в Лондон еще прошедший год. Услышишь «Don Giovanni», «Отелло», «Гугенотов»; увидишь Фанни Эльслер; ты, верно, не видал ничего грациознее в мире! Увидишь баядерок, на днях приехавших из Индии!

Как! ты воображаешь себе, что мы более уже не увидимся! Нет, это невозможно. Италия с некоторого времени сделалась моей обетованной землей! Жизнь для меня потеряла бы последнюю прелесть, если бы я не имел надежды сказать тебе: «здравствуй в Италии!».

Прощай! Если ты не переменил эту Богом или, может быть, покойницей матерью моей вдохновенную в тебя идею ехать в Париж, не забывай меня.

На помощь из Петербурга я надеюсь тем не менее еще, что, по причине открытых заговоров в Польше, письма мои были перехвачены и не дошли по адресу.

Ты сделаешь сегодняшний день памятным в моей жизни. Целую тебя.

Данилевский.

374. Княжне В. Н. Репниной-Волконской

Август 24. <5 сентября (н. ст.) 1838> Неаполь.

Вы меня опечали<ли> очень Вашим письмом, княжна. Я уже думал, что здоровье княгини совершенно восстановлено.[1] Но — Бог милостив, и я твердо уверен, что это случится в скором времени.

[1] *Далее было:* Я буду Вас просить теперь, княжна, самым убедительнейшим образом, но я знаю <и> весь свет знает Вашу доброту.

Теперь к Вам убедительнейшая просьба. Я знаю ваше сердце. Вы не откажетесь, верно, быть в этом деле моею предстательницею. Мне тяжело смущать вас подобной докучной просьбой, и я бы желал, чтобы ясность души вашей не знала никаких забот совершенно. Вот главное дело. Вследствие полученных теперь мною разных известий в Париже мне будет нужна[1] сумма денег около 1 500: полторы тысячи франков. Я не знаю, вышлет ли мне взаймы ее Валентини, хотя[2] он меня довольно знает, и я уверен, что[3] если б я, будучи в Риме, обратился лично к нему, он бы мне не отказал, но за глазами это вовсе другое дело. Приложите с Вашей стороны просьбу к Кривцову, чтобы он переговорил об этом с Валентини и был бы моим поручителем в несомненности моего платежа. В ноябре месяце я сам вручу эти деньги Валентини, тем более, что ожидаемые мною в этом месяце деньги и без того придут к нему в руки,[4] я через него получаю векселя мои. Чтобы Валентини написал к тому банкиру, которого он более знает[5] и с кем в сношении он в Париже, выдать мне означенную сумму, а адрес его прислал бы мне в письме[6] на имя известной вам Жозефины Турингер. Я беру все эти предосторожности, напуганный разными могущими случиться мошенничествами. Я к Кривцову прилагаю при этом записку, но я всё этим недоволен и не совершенно могу быть уверен. Душа моя будет тогда только покойна, когда Вы приложите от себя Вашу просьбу и напишете к нему строки две. Этим я вам буду сильно... но вы можете понимать без этих пошлых слов, как велика может теплиться в моем сердце к Вам благодарность. Вы ее знаете или в противном случае вы мое сердце ставите в ряд обыкновенных сердец.

Весь желавший бы служить Вам всею своею жизнью

Н. Гоголь.

Если бы Валентини мог мне прислать эти деньги в Париж сколько можно скорее!

Еще прошу вас покорнейше послать Кривцову адрес M-me Турингер, а также и мне, потому что я никак не отыщу своего.

Об успехе этого дела напишите мне маленькую записочку в Париж, и не буду ли я так счастлив, что вместе с этим получу

[1] *Далее было:* довольно значительная

[2] *Далее было:* я ув<ерен>

[3] *Было:* чтобы

[4] *Далее было:* ибо

[5] *Далее было:* в

[6] в письме *вписано вместо:* адресуя мне

какую-нибудь вашу порученность. Если Вам случится время — два слова через Маринари о здоровьи княгини и вашем.

Следует при этом Кривцову письмо.

<Адрес на обороте:>
alla sua Eccellenza
Signora Principessina Repnin
à Castel'à mare.

375. М. И. Гоголь

Ливорно. Август 28 <9 сентября (н. ст.) 1838>.

Давно я не получал от вас писем, почтеннейшая маминька. Я еще до сих пор не в Риме и потому, что они и лежат там на почте, то я долго их не буду еще читать, по крайней мере целый месяц. В Риме теперь жить еще жарко, и мне притом хочется увидеть еще много невиданных мною городов и земель. Я тоже очень давно не получал писем от сестер из Петербурга. Я без них очень соскучил, они, может быть, так же без меня. Но всё зависит от Бога, который всем располагает. Как только Его милость прольется надо мною, то я увижу вновь вас и всех дорогих моему сердцу, с которыми я теперь в разлуке.

Напишите ко мне, когда будете писать, вообще о теперешнем состоянии нашего края, поправляется ли наша Полтавская губерния, и каков нынешний генерал-губернатор, и каковы доходы наших помещиков. Об этом я ничего не знаю, а хотел бы, между прочим, знать. Уведомьте, между прочим, о соседе нашем Васил<ии> Иванович<е> Черныше, который, без сомнения, очень чувствует свою потерю еще и не успел утешиться, уведомьте, как он живет теперь и каковы были распоряжения покойницы Татьяны Ивановны насчет ее детей, а также и его, и где теперь находятся Данилевские Иван и Елисей. Да и любезная сестра моя Мария Васильевна теперь совершенно затихла, эта смелая строительница весьма робких и миниатюрных прожектов. Поговоримте опять о нашей старине, расскажите мне об соседях — и кто из них приезжал к нам в церковь в воскресный день и потом, разумеется, обедал у нас, и в чем был одет, или одета, и что говорил или говорила. Я не знаю, отчего мне теперь пришла фантазия знать об этом. Я даже вам не хочу больше на этот раз сообщать никаких чужеземных новостей и диковинок. О них расскажу вам после, впрочем, может быть, они уже надоели вам. Если будете писать к Андрею Андреевичу, поклонитесь ему

от меня и скажите, что я всегда помню о нем. Он, точно, всегда был добр, и теперешний его поступок в отношении к вам насчет долга вполне доказывает доброту его души! Уведомьте меня о его здоровьи.

Прощайте, почтеннейшая маминька, до следующего раза! Обнимаю сестру и Колю.

Ваш признательный сын
Николай.

<*Адрес:*>
à Pultava (Russie Méridionale)
Ее высокоблагородию Марии Ивановне Гоголь-Яновской.
В Полтаву, оттуда в д. Василевку.

376. Княжне В. Н. Репниной-Волконской

Париж, 20 сентябр<я (н. ст.) 1838>.

Благодарю вас, княжна, много, много, много, как только в силах благодарить мое сердце. Вы мне доставили приятнейшую минуту в жизни. Я вкусил большое наслаждение, ибо нет полнее и выше наслаждения для сердца, как доставить услугу тому, который близок к нашему сердцу, а я доставил более, нежели обыкновенную услугу; я принес облегчение в горе, почти благодеяние, и за это я должен благодарить вас... но прочь слова! Никогда речь и письмо не в силах были выразить чувств моих. И я всегда почти сердился, когда мне говорили, что в некоторых творениях моих выражены верно некоторые чувства. Как бледна мне казалась эта верность и истина в сравнении с тем, что бы хотела выразить душа моя.

Вы... но я вам никогда не говорил о вас. Я был скучен и холоден с вами, потому что чувствовал ваше преимущество, потому что, мне казалось, вам нельзя говорить обыкновенные и пошлые фразы, которые сыплем мы обильными горстями каждый день, потому что мне хотелось говорить с вами простым языком сердца, но языка сердца не в силах были выразить мои косноязычные речи. И вот почему мне казалось, что я был более скучен и холоден с вами, чем с кем-либо другим. Но я глядел на вас благоговейно, как благочестивый пилигрим глядит на святыню, но я довольствовался тем, что приносил вам жертву безмолвно в сердечной глубине моей. Я не знаю, почему вы сделались мне теперь как будто ближе, чем прежде, и почему мысль моя стремится теперь к вам не робко, но свободно и радостно, как будто домой, как будто в Рим, что всё равно для меня, что домой.

Вы просили меня в письме вашем уведомить вас[1] о себе, о моем путешествии, о моем здоровьи, и на этот раз мне показалось это более нежели обыкновенными, неотразимыми условиями письма. В этих словах мне дышало какое-то дружеское участие, оно меня тронуло почти до слез. Я путешествие совершил счастливо. Приезд мой был очень кстати. Здоровье мое было хорошо во всё время дороги. Теперь как будто немножко хуже, но оно неминуемо должно улучшиться, как только отправлюсь вновь в Рим. Уже одна эта мысль живит меня. Более недели я не остаюсь в Париже. Меня смущает только то, что вас опять посетили какие-то недуги. Я не знаю, что меня уверяет в это время, что с возвращением[2] вашим в Рим[3] они пройдут. Я всегда чувствовал облегчение в этом обетованном месте. Но не смущаю вас более моим, может быть, весьма несвязным писанием, голова моя полна забот, и мысли мои, верно, беспорядочны. Приехавши, расскажу вам всё на словах подробно и обстоятельно. Свидетельствуя мое глубочайшее и искреннее уважение князю и княгине и присоединяя к этому родственный и усерднейший поклон моей кузине, остаюсь вечно признательный вам

Гоголь.

Ваши комиссии, надеюсь, будут исполнены все в исправности.

<*Адрес:*>

Ее сиятельству княжне Варваре Николаевне Репниной.

377. А. С. Данилевскому

<28 октября (н. ст.) 1838. Лион>

Lion. 28, воскресенье.

Хотя бы вовсе не следовало писать из Лиона, этого не известно почему неприличного места, но, покорный произнесенному слову в минуту расставания нашего, о мой добрый брат и племянник, пишу, хотя совсем нечего писать, но да будет это между нами обычаем[4] — извещать друг друга даже о том, что не имеется материи для письма. Я много, много крат досадов<ал> на то, что взял эту подлую дорогу на Марсель. Ничего родного до самого Рима.

[1] *В оригинале:* меня

[2] прие<здом>

[3] *Далее начато:* вы будете

[4] *Далее было:* писать даже

Это, право, тоска. Там хоть Женева с мамзелями Фабр и Калам, с чаем в Коронованной гостинице и, наконец, с вдохновенным Мицкевичем, что мне представляло не мало удовольств<ия>. А здесь вместо всего этого день бесцветный, тоскливый, в этом безличном Лионе. Как я завидовал тебе всю дорогу, тебе, седоку в этом солнце великолепия, в Париже. Вообрази, что по всей дороге, по всем городам храмы бедные, богослужение тоже, жрецы невежи и неопрятно; благородная форма чашки в виде круглого колодца совершенно исчезла, и место[1] ее заме<ни>ла подлейшая форма суповой чашки, которая к тому же показывает довольно скоро неопрятное дно свое, а о вкусе и благоухании жертв нечего и говорить, на дубовые желуди похож и делается из чистой цикории.

Так что, признаюсь, поневоле находят вольнодумные и богоотступны<е> мысли, и чувствую, что ежеминутно слабеют мои религиозные правила и вера в истинную религию, так что, если бы только нашлась другая с искусными жрецами и особенно жертвами, например, чай или шоколад, то прощай последняя набожность. Счастливы монмартрские богомольцы. Много еще мне предстоит пути. Ни Лафит, <н>и Notre Dame не имеют тут своих дилижансов, и меня сдали так же, как назад тому было два года, какой-то преподлой компании. Ничего не случилось в дороге, кроме того только, что сегодня поутру <........> на дороге и от радости позабыл на том самом месте, где <.........>, моего италианского Курганова, которого купил случаем в Париже и который мне до сих пор служил в дороге утешением, и спохватился скоро, но безжалостный кондуктор, который, впрочем, очень похож был лицом на Сосницкого, никак не хотел подождать двух минут. Мне кажется, я позабыл мелки<е> стихи Касти — маленькая книжка, ежели ее отыщешь, то перешли с тем, кто поедет в Италию прежде, — с Квиткой или с кем другим. Если увидишь Тургенева, то скажи ему, что я никак не успел перед выездом отвечать на его записку, но что из Рима, тотчас по приезде, пишу к нему и пришлю требуемые им стихи на пожар Зимнего дворца. Прощай, мой ненаглядный, без всякого сомнения, еще ув<идишься>[2] со мною не раз, не два, друг. На это <письмо>[3] я уже надеюсь застать в Риме ответ.

Кланяйся Квитке и Козлову.

[1] *В оригинале:* вместо

[2] *Вырвано.*

[3] *Вырвано.*

<*Адрес:*>
Paris.
à Monsieur
Monsieur Alexandre de Danilevsky.
Rue de Marivaux, № 11, près du boulevard des Italiens.

378. М. И. Гоголь

<13 ноября (н. ст.) 1838. Генуя>
Генуя. Октября 13/1. 1838.

Я, право, что-то уж очень давно не получал от вас писем, почтеннейшая маминька. Ничего не знаю, что у вас делается. Живы ли вы, здоровы ли? Мне, право, очень скучно ничего не слышать об вас более двух месяцев. Впрочем, может, я виноват, находясь до сих пор в отлучке от Рима. Я льщу себя надеждою, что найду на почте по крайней мере два ваших письма. Но позвольте мне прежде всего исполнить самый приятнейший долг, то есть поздравить вас с днем вашего Ангела. О желаниях своих ничего не говорю; вы их знаете наизусть: это молитва о вашем здоровье, счастии и долгоденствии.

Я пишу к вам на дороге, возвращаясь в Рим, куда надеюсь быть через четыре дня и откуда напишу к вам подлиннее письмо. В Риме надеюсь провесть зиму хорошо, если Бог поможет. На зиму туда едут, а может быть, уже и приехали множество моих знакомых из России. Я думаю, вы уже знаете, что Наследник расположен тоже жить зиму в Риме. Здесь носятся слухи о войне, которая нам предстоит, или по крайней мере о приготовлениях к войне. Известите меня о том, как говорят у нас насчет этого. Я опасаюсь, чтобы это вас не вовлекло в разные издержки и расходы, рекрутские наборы и прочие повинности, я знаю, что это не легко исполнять в теперешние тяжелые времена. Давно ли получали письма от сестер? Как бы мне хотелось обнять их и поговорить с ними! Не получали ли еще от кого-нибудь писем и новостей? Да попеняйте сестрице моей Марии за то, что она ленива страх — вовсе не хочет писать. Стыдно, моя милая сестрица! Вы должны ко мне писать почаще и погуще, во-первых, уже потому, что вы женщина, а женщины гораздо способнее для писем, чем мужчины, и могут их писать гораздо скорее. Но прощай до следующего раза.

Прощайте, почтеннейшая маминька. Будьте здоровы, веселы и покойны. Этого просит у Бога ваш многолюбящий сын

Николай.

379. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю

<1 сентября 1838. Москва>

Видя, что ты находишься в нужде, на чужой стороне, я, имея свободные деньги, посылаю тебе 2 000 р<ублей> ассигнациями. Ты отдашь их мне тогда, когда разбогатеешь, что без сомнения будет.

380. А. В. и Е. В. Гоголь

<15 ноября (н. ст.) 1838. Рим>

Рим. 15 октября.

Я получил твое письмо, душенька моя Анет, чрез кн<ягиню> Волконскую. При нем была маленькая приписочка от Лизы, которая поленилась написать ко мне подлиннее. Не грусти, моя милая: я приеду, я постараюсь приехать к вашему выпуску. Вы знаете, что я вас очень люблю. Я вас люблю столько, сколько вы себе не можете представить. Здоровье мое будет лучше — я в этом уверен. Но я вас прошу только не писать маминьке ничего о том, что я бывал иногда немного болен. Это ее слишком огорчит. Душеньки мои, я о вас очень часто вспоминаю и хотел бы вас перецеловать много раз. Помните ли, как мы виделись с вами в этой узенькой, маленькой комнате в институте, где стоит обыкновенно фортепиано и где г. Высоцкий с нетерпением ожидал своих учениц? Я помню как теперь, как Лиза просит меня не позабыть о том, что скоро ее именины и что нужно купить орехов 4 фунта, конфектов два фунта, варенья две банки, желе банку, пряников, яблок, изюму и проч. и проч; и всё это не только на словах, но даже было написано с чрезвычайною аккуратностью на записке; и всё это сопровождается словами: «Да смотрите, не позабудьте, за день прежде купите и пришлите». И вслед за сим ты, Лиза, бывало, расскажешь... какой у тебя новый друг и о том, как у тебя хорошо в пульпитре, — в каком порядке лежат книги, тетрадки и бонбоньерки, и[1] как ты на днях поменялась с той-то или другой. И при этом у тебя, Лиза, пальцы были в черниле, и на переднике было чернильное пятно, величиною в месяц.

Всё это я помню и помню даже, как Анет была больна и лежала в лазарете, и я у вас был; и потом помню, помню еще об одном, но не хочу говорить... о, я все помню!

[1] *Далее было:* и какую ты сделала на днях

Да скажите мне, то есть напишите, получили ли вы мое письмо, которое я писал к вам чрез Данилевского Александра Семенов<ича>, вашего кузена, которому уже теперь пора быть в Петербурге, и навещали ли вас некоторые мои знакомые, которых я просил навещать вас, и кто именно. Напишите мне об этом всем.

Я теперь представляю вам случай познакомиться и знаю, что вы очень рады будете знакомству с Балабиной Марией Петровной, молоденькой, почти одних лет с вами, такой милой, такой доброй. Вам она очень, очень понравится. Я это знаю наперед. Мне сказывала княгиня Волконская, что она вас рекомендовала одной приятельнице своей. Была ли она у вас или нет? напишите. Да вы мне ничего не рассказываете о том, что у вас делается. Ведь у вас много перемен — не правда ли? Я думаю, новые учителя. Да расскажите мне что-то-нибудь о Плетневе. Так же ли он бывает у вас часто и по-прежнему ли любим всеми? Мне вам уже, верно, нечего рассказ<ыв>ать о Риме. Вы всё, я думаю, о нем узнали от Посникова. Ведь вы, я думаю, прошли, давно уже Италию. Вы, я думаю, уже знаете, что Рим — самый старинный город в Европе, что построен он на семи холмах, что домы самые неровные между собою.

Великолепные дворцы и рядом с ними почерневшие, запачканные домы. О, Петербург вам покажется щеголем после Рима, покажется гладеньким, чистым, опрятным, вымытым, вытертым! Зато в Петербурге нет таких развалин, покрытых плющом и цветами, — самых живописных, какие только случалось видеть на картинках; зато в Петербурге нет кипарисов; зато в Петербурге небо серое и туманное, а здесь оно ясное и синее, и солнце обливает всё своим сиянием так приятно! зато в Петербурге вы уже мерзнете и топите печи, а здесь не закрывают никогда окна и в этот самый день, в который я пишу к вам, тепло, как летом. Случалось ли вам когда-нибудь глядеть на улицу? Кого вы встречали больше всего на улице? Не правда ли — военных и иногда чиновников? Сколько в Петербурге попадается на улице офицеров военных, столько в Риме аббатов, попов и монахов. Видели вы, как одевается католическое духовенство? Священники и аббаты в треугольных шляпах, во фраках, в черных чулках и башмаках. Или монахи? Но монахов здесь множество разных орденов. Одни доминиканцы, совершенно одеваются, как женщины, особливо старушки: в темных и черных капотах, из-под которых видно исподнее белое платье, тоже женское. Иные носят совершенные ваши

пелеринки. Сам папа очень похож на старуху. Если вы увидите его лицо на портрете, то подумаете, что это портрет женщины. Я не знаю, писал ли я вам про церкви в Риме. Они очень богаты. Таких у нас нет совсем церквей. Внутри всё мрамор разных цветов; целые колонны из порфира, из <голубо>го, из желтого камня. Живопись, архитектура — всё это удивительно. Но вы еще ничего не знаете этого. Вы не знаете, что такое живопись. Вы думаете, что это просто рисование и больше ничего. Вы еще не можете отличить, что хорошо, что дурно. Вы не знаете, что такое картина Рафаэля или Тициана, или Корреджия. О, как много есть того, что вы еще не видали! Впрочем, нельзя никак всё видеть и знать: для этого не достанет нашей жизни. Мне бы теперь более всего, знаете, что желалось бы увидеть? Вы, верно, никак не догадаетесь что бы это было такое! Мне бы хотелось теперь увидеть вас, поцеловать вас и поговорить с вами. Пишите ко мне чаще. Когда вам сделается очень грустно на душе, сейчас берите в руки перо и пишите ко мне. Если на кого рассердитесь или будет вам досадно — в ту же минуту за перо и в ту же минуту расскажите мне. Пожалуйста не думайте об том, чтобы написать мне хорошо письмо; пишите как попало. Я терпеть не могу хороших писем. Чем хуже письмо, чем больше чернильных пятен и ошибок, тем для меня лучше. Я лучше люблю такие письма. Прощайте, мои миленькие.

Письма вы можете отправлять для отправки мне с Балабиными. Они живут в собственном доме на Аглицкой набережной, недалеко от вас.

<Адрес:>

Анет и Лизе Гоголь.
В Патриотическом институте на Васильев<ском> Острове,
в 10 линии.

381. М. И. Гоголь

Рим. Ноябрь <(после 15 числа н. ст.)>, 1838.

Письмо ваше, писанное вами от сентября 10, я получил. Оно было одно только, которое лежало для меня на почте. Я думал их застать больше. Слава Богу, вы здоровы, но меня печалит, что вы так несчастливы в управлении вашим имением, печалит потому, что я знаю, что эти неудачи все очень чувствительны вашему сердцу. О если бы я мог найти какие-нибудь средства, чтобы вас избавить от этих хлопот. Когда вы закладывали во второй раз имение и говорили мне, что теперь будет гораздо легче

уплачивать ваши подати и проценты, увы! я предчувствовал противное. Но малодушно отчаиваться! Будем надеяться на Бога. Вы спрашиваете о сестрах. Выпуск их еще не так близко, еще год. К этому времени, во всяком случае, я надеюсь быть, и мы об этом потолкуем. Насчет вашего мнения, что они могут найти себе хорошую партию, живя в Василевке, я не согласен. По крайней мере, я никого не вижу в соседстве. А выезжать — вопрос: куда? в Полтаву или в Миргород. С этого немного толку, и чтобы выезжать, для этого нужны деньги, а их-то у нас с вами нет. Что же касается до того, что вы говорите, чтобы они положились во всем на ваш выбор и слушались вас, то это очень тоже трудно. Прошу уладить с молодыми девицами; их не так легко заставить во всем слушаться. Доказательство ваша старшая дочь, под вашим же руководством и при всем том... Словом, видите, как трудно ладить с молодыми девицами. Вы должны помнить и то, что вы мать, что вы добры и даже слишком добры, и что ваше доброе сердце вам препятствует видеть все недостатки, проникнуть насквозь и обдумать всё. Но нечего теперь об этом заботиться. После я вам напишу, что придумаю с своей стороны лучшим, и мы посоветуемся. Насчет же того, что вы пишете об Васильчиковой, то это была только мысль и вовсе не намерение. Притом этому было лет 8, а может быть, более, когда я вам сказал это, и то вовсе не жить, а погостить. Будьте уверены, что во всяком случае мне более было бы желательно, чтобы они были с вами. Но нужно так распорядиться, чтобы они не были заброшены в глушь, чтобы вместе с этим они были в состоянии составить партию, нужную для их счастия. Но до этого, как я сказал, еще далеко. Я писал коекаким добрым знакомым своим, людям умным, не ослепленным и не отуманенным воображением и мечтаньями, но знающим хорошо свет и положение вещей в свете, чтобы они иногда навещали их и мало-помалу приучали их науке жизни. Рим так же хорош, стар и величествен, как был прежде. Погода так же прекрасна. Никто не ходит в шинелях и плащах. Дни теплые, небо светлое и солнечное. Здесь теперь очень много русских и между ними несколько из моих знакомых. Они все приехали провесть здесь зиму, одни для здоровья, другие так.

До следующего письма, почтеннейшая маминька, целую несколько раз ваши ручки.

382. А. С. Данилевскому

<Ноябрь (после 15 числа н. ст.) 1838. Рим>

Не стыдно ли тебе, не совестно ли? Я думал, приехавши в Рим, застать от тебя письмо. Ведь мы дали обещание писать непременно, писать часто друг к другу. Где это обещание. Я писал к тебе из Лиона, из Марселя. Неужели и теперь ты будешь отговариваться, что не получил моих писем? Ты знаешь, что меня должно интересовать всё, что ни делается теперь с тобою. Я должен, я хочу всё знать, даже самую скуку, которую ты чувствуешь, даже ничтожность и мелкость, и беспроисшествие твоей парижской жизни может подать тебе сюжет для письма, ибо ты должен знать, что ты пишешь ко мне. Стало быть, и обед, и завтрак, и несварение желудка, и понос, и запор, и италианская опера, и Монмартр, и Филипп, не тот Филипп, что поймал за усы la liberté французской нации, но тот Филипп, который является с большим серебряным кофейником, без сомнения, più dimandato da noi che le belle putte, всё это может войти в состав письма, стало быть, за сюжетом нечего лазить в карман. Но я не требую длинных писем, несколько строчек, записочку, но только чтобы это было часто. Это бы мне напоминало, что ты еще существуешь, что ты еще под боком у меня, что идешь рука в руку со мною, хотя невидимо. Пожалуйста, прошу, молю, умоляю, заклинаю. В ту ж минуту, в том же великолепном храме, где ты приносишь двойную жертву божеству, тотчас же после кофию или, по крайней мере, после Corier Français, но прежде чем возьмешься за кий, берись за перо или за карандаш и наскоро — записку и потом, после трех или четырех партий, иди и брось в boîte. Уверяю тебя, ты будешь сам доволен и весел после того целый день. Желудок твой сварит исправно. Рубини будет лучше петь. Гризи будет в пятьсот раз привлекательнее. Попробуй только, исполни. Я до сих пор еще как-то не очнулся в Риме. Как будто какая-то плева на глазах моих, которая препятствует мне видеть его в том чудном великолепии, в каком он мне представился, когда я въехал в него во второй раз. Может быть, оттого, что я еще до сих пор не приладил себя к римской жизни. Париж с своими великолепными храмами меня много расстроил. Куды ни иду, всё чудятся храмы. Мысль моя еще не вся оторвалась от Монмартра и булевара des Italiens. Здесь встретил некоторых знакомых, которые мне не дали еще вступить в мою прежнюю колею, в которой я плелся было мерно или — лучше — кое-как. Хотел было кинуться с жаром новичка на искусства и бежать деятельно осматривать вновь

все чудеса римские, но в желудке сидит какой-то чорт, который мешает всё видеть в таком виде, как бы хотел видеть, и напоминает то об обеде, то об завтраке, словом — всё греховные побуждения, несмотря на святость мест, на чудное солнце, на чудные дни. Но оно еще поразило меня, это синее небо и этот далеко обнимающий его солнечный свет. Когда я из Неаполя въехал во Францию, я не заметил совсем перемены в небе и в солнце, и, приехавши даже в Париж, мне казалось, всё передо мною то же небо, но когда я подвигался к Италии, даже в Марселе... У! какая разница! Поток света. Ей, ей, полнеба тонет в свету. Я думал застать в Риме много писем и ничего почти не застал. От Прокоповича никаких вестей, не получаешь ли ты? Это удивительный человек. Если бы другому — можно простить такое молчание, но ему — нет, это бессовестно. Да что меня больше всего поразило, так это Петр. Он страшно вырос, купол необыкновенно сделался огромнее. Прощай. Хотел было писать более, но, право, ты не стоишь.

Обнимаю тебя миллион раз и жду с нетерпением твоего оправдания.

Твой Г<оголь>.

<Адрес:>

Paris.
A monsieur
monsieur Alexandre Danilevsky.
Rue de Marivaux, près de boul<evard> des Italiens, № 11.

383. М. П. Балабиной

<19 ноября (н. ст.) 1838. Рим>
Рим. 7 ноября, 1838.

Ваше письмо, Марья Петровна, получено мною очень исправно чрез М-г Паве. Я вам за него очень много благодарен. Вы мне живо напомнили всё: и ваш Петербург, и мой Рим: то есть мои первые впечатления и ваши первые впечатления[1] помните, во время первых дней наших в Риме, когда с Нибием в руках и проч. и проч... То время уже далеко, уже другие впечатления объемлют мою душу, уже весьма часто прохожу я мимо[2] тех памятников и седых, дряхлых чудес, перед которыми зевал по несколько безмолвных часов. Уже не с готовым удивлением новичка и чужестранца ищу их... Но до сих пор, как прекрасное

[1] *Далее начато:* при виде

[2] *Далее было:* не останавливаясь

сновидение, посещает меня иногда воспоминание обо всем этом, и я тогда жажду повторить этот сон: спешу увидеть вновь, что видел прежде, и на минуту становлюсь опять новичком. Опять мои чувства живы. Вы их разбудили вашим письмом, вы их приятно разбудили. Я люблю очень читать ваши письма. Хотя в них падежи бывают иногда большие либералы и иногда не слушаются вашей законной власти, но ваша мысль всегда ясна и иногда так выражена счастливо, что я завидую вам. Уже два места, два целых периода я украл из них, — какие именно, я вам не скажу, потому что намерен совершенно завладеть ими... Потому еще люблю ваши письма, что в них мало того, что бывает обыкновенно в петербургских письмах. Но обратимся к первому пункту вашего письма. Вы мне показались теперь очень привязанными к Германии. Конечно, не спорю, иногда находит минута, когда хотелось бы из среды табачного дыма и немецкой кухни улететь на луну, сидя на фантастическом плаще немецкого студента, как, кажется, выразились вы. Но я сомневаюсь, та ли теперь эта Германия, какою ее мы представляем себе. Не кажется ли она нам такою только в сказках Гофмана? Я по крайней мере в ней ничего не видел, кроме скучных табльдотов и вечных, на одно и то же лицо состряпанных кельнеров и бесконечных толков о том, из каких блюд был обед и в котором городе лучше едят; и та мысль, которую я носил в уме об этой чудной и фантастической Германии, исчезла, когда я увидел Германию в самом деле, так, как исчезает прелестный голубой колорит дали, когда мы приблизимся к ней близко. Я знаю, есть эта земля, где всё чудно и не так, как здесь; но к этой земле не всякие знают дорогу. Вы, кажется, теперь стараетесь отыскивать эту дорогу. Ах, Марья Петровна! что это вы делаете? Я не узнаю вас. Не вы ли еще так недавно отвергали всё то, что иногда неугомонно бродит в нашем воображении и увлекает его далеко, далеко? Не вы ли готовились доказать — и доказать формально, на бумаге, ясно — что первое занятие человека на земле есть свинки? Или эти свинки не так толсты, огромны и жирны в Петербурге, как вы думали? Но мне кажется, этих животных в Петербурге весьма (увы!) достаточно. Там же есть чухонцы, которые особенно славятся смотрением за ними. Но я чувствую, я знаю, это сильная и верная истина. Трудно, трудно удержать середину, трудно[1] изгнать воображение и любимую прекрасную мечту, когда они существуют в голове нашей; трудно вдруг и совершенно обратиться к настоящей прозе; но труднее всего

[1] *Далее было:* трудно

согласить эти два разнородные предмета вместе — жить вдруг и в том и другом мире. Знаете ли, сказать ли вам откровенно: я ваш старый друг, я об вас забочусь, мысли мои поминутно ворочаются около вас. Вы мне други по всему; наша дружба очень, очень древняя. Мне стало очень грустно, когда я читал письмо ваше. Я мыслил: будет ли счастлива моя приятельница Марья Петровна? и когда я представил себе этот холодный, прозаический, мелкий чувствами и характерами мир, который окружает Марью Петровну, облако сомнения отуманило мне очи. Клянусь, мне было грустно. Но я вспомнил, что у Марьи Петровны есть черты римского характера, есть что-то твердое и сильное, есть наша воля и решительность на великие вещи.[1] И во мне вдруг поселилась уверенность... насчет вас я стал покойнее. Я рад очень, что Петербург для вас становится сносен; по крайней мере, вы находите теперь развлечения, которые вас занимают. Ваше описание железной дороги и поездки по ней очень живо; стало быть, вам было весело; стало быть, вы были довольны, и, признаюсь, сказать вам нужно втайне и по секрету, я крепко завидовал вам. Всё-таки сердце у меня русское. Хотя при виде, то есть при мысли о Петербурге, мороз проходит по моей коже, и кожа моя проникается насквозь страшною сыростью и туманною атмосферою, но хотелось бы мне сильно прокатиться по железной дороге и услышать это смешение слов и речей нашего вавилонского народонаселения в вагонах. Здесь много можно узнать того, чего не узнаешь обыкновенным порядком. Здесь бы, может быть, я бы рассердился вновь — и очень сильно — на мою любезную Россию, к которой[2] гневное расположение мое начинает уже ослабевать, а без гнева — вы знаете — немного можно сказать: только рассердившись, говорится правда. Когда я был в школе и был юношей, я был очень самолюбив (не в том смысле самолюбив); мне хотелось смертельно знать, что обо мне говорят и думают другие. Мне казалось, что всё то, что мне говорили, было не то, что обо мне думали. Я нарочно старался завести ссору с моим товарищем, и тот, натурально, в сердцах высказывал мне всё то, что во мне было дурного. Мне этого было только и нужно; я уже бывал совершенно доволен, узнавши всё о себе. Но в сторону всё прочее; поговорим о нашем любезном Риме. Вы его не позабыли; вы интересуетесь о нем до сих пор. Вы читаете теперь историю Мишле. Это страшный вздор; это совершенно русский Полевой. Но, к счастию, вы не читали

[1] *Далее начато:* И ваша будущность сделалась

[2] *Далее начато:* сердце уже гнев

Полевого. Мишле, как попугай, повторяет Нибура; обокрал оттуда и оттуда, у того и у другого, умничает не кстати, рассуждает Бог знает как и модный педант, как все французы.

Вы спрашиваете насчет новооткрытых мозаик в катакомбах, чудесных, как говорят газеты, однако же, вовсе нет. Отыскали мозаик и очень много, но все очень повреждены; даже не знают до сих пор, к какому времени отнести. Антикварии разделились на две партии; одни относят ко временам христианства, другие — к языческим. Но найдена у Porta Maggiore гробница булочника, которую (как объявляет сам булочник в надписи, им же сделанной) он воздвиг себе и своей жене. Монумент очень велик (булочник был очень тщеславен). На нем барельеф; на барельефе изображено печение хлеба, где супруга его месит тесто. Прошлый год... но, может быть, вы слышали об этом?.. нашелся один спекулятор, который взялся рыть, с тем чтобы найденными вещами делиться пополам с правительством, а остальные ему продавать. Он вырыл несколько гробниц, множество золотых и бронзовых вещей; в числе их статуи четыре, скульптуры первого[1] и лучшего вкуса. Они разделились. Нашедший взял на свою долю мало, но самых отличных. Правительство взяло много, но достоинством хуже. Остальные правительство оценило и готовилось заплатить 5 000 скуди; но когда пришло дело до платежа, сколько ни рылось оно по своим старым карманам, ничего не могло найти, кроме нескольких меццопаолов, говорят, очень истертых, и нашедший продал почти всё в Англию, а лучшую из статуй купил король баварский за несколько сот тысяч и перевез в Мюнхен.

Но довольно о старине.[2] В Риме завелось очень много новостей. Здесь происходят совершенные романы и совершенно во вкусе средних веков Италии. Первый роман... но героини его вам известны. Это ваши приятельницы, девицы Конти, которые, как вам известно, очень плотны и толсты и потому не любят ходить совершенно alla moda и которые всегда жаловались на самодержавие своей матушки, не пускавшей их всякий день в церковь св. Петра, когда очень много форестьеров. Итак, девицы Конти влюбились страшным образом в двух жандармов; но так как, по причине того же самого самодержавного правления своей матушки, они не могли видеть часто своих любовников, то (средство, как вы увидите, очень оригинальное) они решились задавать матушке каждый день в известное время добрый прием

[1] *Далее было:* разряда
[2] *Далее начато:* Поговоримте

опиума и в продолжение того времени, как матушка спала, впускали к себе своих жандармов. Один раз матушка еще не успела совершенно вздремнуть, одна из этих героинь — которая именно, не помню, — сгорая нетерпением видеть своего жандарма, полезла к ней под подушку доставать ключи. Мать проснулась и с этих пор усилила присмотр, а дочки решились усилить прием опиума. Старуха никак не могла понять, отчего у ней кружится голова. Приемы опиума, видно, были довольно велики. Она давно уже подозревала, что дочери что-то с ней делают, и решилась один раз прикинуться спящею. Дочери вели преспокойно в своей комнате беседу с своими любовниками, как вдруг стучат в дверь, и голос матери приказывает им отворить. Дочери спрятали их как могли,[1] но, по расстроенному и испуганному их виду, мать догадалась, что в комнате что-нибудь есть, начала искать, искать и вытащила из шкапа обоих жандармов. Выгнавши жандармов, мать заперла дочерей. Но дочери скоро нашли случай уйти и убежали в монастырь. Оттуда они написали письмо к одному монсиньору, их опекуну, жалуясь на деспотизм своей матери и требуя, чтоб их выдали замуж за жандармов. Монсиньор изъявил свое разрешение, и теперь обе Конти — супруги; живут и питаются решительно одною любовью, потому что у жандармов нет ни копейки, а мать, с своей стороны, не хочет дать ни меццобайока. Другой роман.[2] Один из фамилии Дориев влюбился до безумия в одну девушку сироту хорошей, впрочем, фамилии, а главное — прекрасную собою. Всё дело было между ними улажено, и через неделю свадьба, как вдруг Дорий получает известия, заставляющие его ехать в Геную. Он просит свою невесту переехать на время в монастырь, потому что он не желал бы ее видеть до тех пор в свете. Уезжает в Геную; оттуда пишет письмо, довольно страстное; жалуется на обстоятельства, которые заставляют его пробыть немного долее; описывает ей великолепие своего генуэзского дворца и приуготовления, которые он делает к принятию ее. Из Генуи Дорий поехал в Париж и оттуда написал письмо, менее страстное, и наконец уведомил ее, что свадьба не может между ними состояться, что она должна позабыть его, что дядя его не соглашается на этот союз.[3] Бедная невеста не сказала ни слова на это, никаких укоризн, но через пять дней умерла. Тело ее было выставлено в одной из римских церквей. Она и мертвая была

[1] *Далее было:* двух любовников

[2] *Далее начато:* с фамилией

[3] его жени<тьбу>

прекрасна. Третий роман тоже с Дорием, другим. Но не хочу более сплетничать. Вы знаете о нем, без сомнения, из газет, потому что он был публикован. В Риме шумно более, нежели сколько бы желалось. Форестьеров гибель. Русских, энглишей, французов — хоть метлой мети. Это скучно. Вы знаете сами, что это скучно. Рим мне кажется теперь похожим на дом, в котором мы провели когда-то лучшее время нашей жизни и в который теперь приезжаем и находим, что дом продан; из окон выглядывают какие-то глупые лица новых хозяев... словом, грустно. Пишите ко мне, не забывайте вашего обещания. Пишите ко мне не тогда, когда вам будет весело, но тогда, когда вам сделается скучно или, лучше, когда душа ваша пожелает с кем-нибудь разделить, когда вы почувствуете потребность передать именно кому-нибудь мысли. Будь они самые сокровенные, пишите их смело: я их сохраню, как секрет. Еще одна просьба к вам, и я вас попрошу, чтобы <вы> попросили от меня тоже вашу маминьку: будьте так добры, навестите когда-нибудь моих сестер в Патриотическом институте. Вы этим сделаете им большое благодеяние. Может быть, они украдут что-нибудь из ваших прекрасных качеств; а это может доставить им много радости в жизни. Мне часто становится грустно при мысли, что у них никого нет из родных близко. Если ж вам не будет времени и вы будете заняты, то отправьте им это письмо, которое я при сем прилагаю.

<Адрес:>

St. Pétersbourg.
Ее превосходительству Марии Петровне Балабиной.
Аглиц<кая> набереж<ная> в собст<венном> доме.

384. М. П. Погодину

Декабрь 1 <н. ст. 1838>. Рим.

Я получил твое письмо, милый мой, писанное тобою от сентября на имя Валентини, вместе с секундами векселей. Я не отвечал на него тотчас, потому что ожидал первого твоего письма,[1] которое искало меня по всему Неаполю и Риму и, как водится, вовсе не там, где меня нужно было искать. Наконец я получил его и пишу к тебе. Благодарю тебя, добрый мой, верный мой! Много, много благодарю тебя. Далеко, до самой глубины души тронуло меня ваше беспокойство о мне! Столько любви! столько забот! За что это меня так любит Бог? Но грустно вместе с этим

[1] *Далее было:* вместе

мне было видеть, но тяжело, невыносимо тяжело для сердца чувствовать… Боже! я недостоин такой прекрасной любви. Ничего не сделал я! как беден мой талант. Зачем мне не дано здоровье? Громоздилось кое-что в этой голове и душе и неужели мне не дове<де>тся[1] обнаружить и высказать хотя половину его. Признаюсь: я плохо надеюсь на свое здоровье. Но в сторону об этом. Мне было очень грустно узнать из письма твоего, что ты живешь не без неприятностей и огорчений. Литературные разные пакости и особливо теперь, когда нет тех, на коих почиет надежда, в состоянии навести большую грусть, даже, может быть, отравить торжественные и вдохновенные минуты души. Ничего не могу сказать тебе в утешение. Битву, как ты сам знаешь, нельзя вести тому, кто благородно вооружен одною только шпагой, защитницей чести, против тех, которые вооружены дубинами, дрекольями. Поле до<лжно> <ост?>аться[2] в руках буянов. Но мы можем, как п<ервые?> <хрис>тиане[3] в катакомбах и затворах совершать наши творения. Поверь, они будут чище, прекраснее,[4] выше. Меня ты очень разжалобил Щепкиным. Мне самому очень жалко его. Я о нем часто думаю. Я даже, признаюсь, намерен собрать черновые, какие у меня есть лоскутки[5] истребленной мною комедии и хочу что-нибудь из них для него сшить.

Кстати о Ревизоре. Ты хочешь[6] по твоей редкой доброте и любви ко мне печатать Ревизора. Мне, признаюсь, хотелось бы[7] немного обождать… Я начал переделывать и поправлять некоторые сцены, которые были написаны довольно небрежно и неосмотрительно. Я хотел бы издать его теперь исправленного и совершенного. Но если ты находишь, что второе издание необходимо[8] нужно и без отлагательства, то располагай по своему усмотрению. Я не думаю, чтобы он доставил теперь большие деньги. Но если наберется около двух или с лишком тысяч, то я буду очень рад, потому что, признаюсь, мне присланные тобою деньги несколько тяжелы. Мне всё кажется, что ты отказал себе и что нуждаешься. Если за Ревизора дадут вдруг деньги, то ты,

[1] *Текст поврежден.*
[2] *Текст поврежден.*
[3] *Текст поврежден.*
[4] *Далее было:* величественный
[5] списки
[6] *Далее начато:* его печа<тать>
[7] *Далее было:* теперь
[8] *Далее начато:* то в скором времени

пожалуйста, пополни ими нанесенную мною пустоту твоему кошельку или отдай их тому, у кого ты занял для меня. — Меня было очень обрадовали слухи о твоем намерении приехать на зиму в Рим, но твое письмо разрушило мою надежду. О твоем приезде мне писал Бодянский, к которому я не мог отвечать, потому что он мне не дал своего адреса. Я надеялся с ним увидеться в Риме. Ах, еще одна просьба! Я получил письмо, которое лежало, дожидаясь моего приезда, 3 месяца. Письмо это было молодого Аксакова. Пожалуйста, обними его за меня, если увидишь, и скажи ему, что я очень благодарен ему за письмо и его доброе расположение ко мне и жалею весьма, что не получил его во время и чрез то, может быть, заставил его просидеть лишний день в Цюрихе в ожидании моего ответа. Передай также поклон доброму отцу его.[1]

Прощай, м<ой> <добры>й,[2] мой милый! мой великодушный. Зачем я ничем не могу в<ыказать?> <мо>ю[3] благодарность.

385. М. И. Гоголь

Рим. Декабрь <10–11 (н. ст.) 1838>.

Письмо ваше, почтеннейшая маминька, писанное вами от 1 октября, я получил неделю тому назад, стало быть, 3 и<ли> 4 декабря по здешнему стилю. Благодарю вас за приятное для меня известие о вашем препровождении времени во время бытности вашей в Полтаве. Мне было точно приятно читать, что вы встретили там своих старых знакомых и, как кажется, провели время нескучно. Мне даже было смешно несколько, когда я добрался до того места вашего письма, где поспорили за меня с некоторыми вашими приятелями. Пожалуйста, вы обо мне не очень часто говорите с ними и особенно не заводите[4] из-за меня никаких споров. Гораздо лучше будет и для вас и для меня, если вы на замечания и толки о моих литературных трудах будете отвечать: Я не могу быть судьею его сочинений, мои суждения всегда будут пристрастны, потому что я его мать, но я могу сказать только, что он добрый, меня любящий сын, и с меня этого довольно.

[1] *Далее начато:* Зачем я не мо<гу>

[2] *Текст поврежден.*

[3] *Текст поврежден.*

[4] не выводите

И будьте уверены, что почтение других[1] усугубится к вам вдвое, а вместе с тем и ко мне, потому что такой отзыв матери есть лучшая репутация[2] человеку, какую только он может иметь. Родители же, которые хвастаются сочинениями своих сыновей, это <...>[3] чрезвычайно наивное и смешное в своей наивности. Я знал некоторых, которые мне были очень смешны. Я об этом потому заикнулся, что в моих сочинениях очень, очень много грехов, и те, которые с вами спорят, иногда бывают очень, очень справедливы. Я вам советую иногда прочесть разборы в Библиот<еке> для Чтения и Северн<ой> Пчеле о моих сочинениях, и вы увидите, что их вовсе не так хвалят, как вы об них думаете. И почти всегда эти замечания справедливы. Но когда-нибудь в другое время поговорим об этой статье.[4] Бедный Андрей Андреевич как видно очень плох в своих хозяйственных обстоятельствах. Нужно же ему было заводить тяжбу, которая его без всякого сомнения разорит. Мне очень жаль его. Он был к нам добр и простить нам долг, который был довольно значителен — это[5] с его стороны очень много показывает доброты. Мне, признаюсь, очень прискорбно, что у нас мнение составилось весьма несправедливое о человеке, о котором я у вас спрашивал. Он был всегда мне хорошим приятелем и в первое время моего приезда в Петербург был для меня очень полезен, а что касается до толков о его уме, то мне было это смешно, потому что у него его по крайней мере более гораздо нежели у тех, которые о нем составили такое мнение. — Уведомьте меня пожалуйста, где находится Иван Данилевский, дома или Петербурге и чем занят. Напишите мне слова два о моем Екиме, что он поделывает, не избаловался ли и помнит ли обо мне. Скажите ему, если будет себя хорошо вести, то я ему привезу гостинец. А самое главное вы мне не написали ни слова об Олиньке и почему она ко мне ни разу не напишет <...>[6]

[1] говорящих

[2] похвала

[3] *Конец оборван.*

[4] об себе

[5] *Далее было:* дело

[6] *Конец письма оборван.*

386. А. С. Данилевскому

<Первая половина декабря (н. ст.) 1838. Рим>

Ни слова, ни полслова, и никакого словечка! Но, может быть, тебе тяжело писать. Если даст Бог и мои силы, труд и здоровье позволят, то, может быть, будущую зиму мы увидимся в России. Прощай, целую тебя.

Твой Гоголь.

<Адрес:>

Алекс<андру> Семеновичу Данилевскому.

387. В. А. Жуковскому

<Между 17 и 19 декабря (н. ст.) 1838. Рим>

Да будет благословен и тот кучер, который принес мне вашу записку, и дорога, по которой ходил он, и эта половина десятого часа, в которую ваша записка попала мне в руки. Боже! как я ей обрадовался: та же знакомая, на таком же лоскутке бумажки и то же ваше прежнее так знакомое участие. Сохрани вас небесные силы! бегу обнять вас, но только я не дождусь до половины третьего часу.

Ваш Гоголь.

<Адрес:>

Его превосходительству Василию Андреевичу Жуковскому.

388. А. С. Данилевскому

Рим. 28 декабрь <н. ст. 1838>.

Не бессовестно ли тебе, не стыдно ли тебе не писать ко мне? Трудно тебе разве было сделать, одну строчку, только строчку, что я бы знал по крайней мере, что ты жив. Я никак не ожидал от тебя этого. Три письма и ни на одно нет ответа. Но Бог с тобою, я прощаю тебе и этот раз. Только покайся, если у тебя есть капля любви, покайся! и сию же минуту за перо, и напиши ко мне два, три слова, не боле, что ты здоров. Я чорт знает чего не передумал об тебе в эти дни. Бог знает, может быть, и это письмо будет так же безуспешно, как и три предыдущие. Может быть, ты уже не в Париже, а где-нибудь или в Брюсселе, или в ином городе Европы. Я бы писал к тебе о многом, но по этому самому поводу не могу писать — не хочется даром терять слов и чувств, не зная, услышит ли кто их. Если ты в Париже, то рекомендую тебе моих добрых приятелей Межаковых, отца и сына. Ты ими очень

будешь доволен и, верно, благодарить меня за знакомство. Пожалуйста, облегчи им и помоги сделать скорее первое знакомство с Парижем. Укажи, где и что лучше и как что нужно делать, и проч. и проч. Жду с нетерпением твоего ответа. Слово, полслова! но твоей руки и поскорее. В первый раз так сильно гневный против тебя

Н. Г<оголь>.

<Адрес:>

à Paris
à Monsieur Alexandre de Danilevsky.
Rue de Marivaux, № 11, au coin du boulevard des Italiens.

389. А. С. Данилевскому

31 декабря <н. ст. 1838>. Рим.

Наконец, слава Богу, я получил твое письмо. Ну, ты, по крайней мере, жив. Трогает меня сильно твое положение. Видит Бог, с какой готовностью и радостью помог бы тебе, и радость эта была бы мое большое счастие, но, увы!.. что делать? Делюсь по крайней мере тем, что есть; посылаю тебе билет в 100 франков, который у меня долго хранился. Я не трогал его никогда, как будто знал его приятное для меня назначение. На днях я перешлю тебе через Валентини франков, может быть, 200. Ты, по получении этого письма, наведайся к банкиру Ружемонту; от него их получишь. Я, приехавши в Рим, нашел здесь для меня 2 000 франков от доброго моего Погодина, который, не знаю, каким образом, пронюхал, что я в нужде, и прислал мне их. Они мне были очень кстати, тем более, что дали мне возможность уплатить долг Валентини, который лежал у меня на душе, и переслать эту безделицу к тебе.

Что тебе сказать о Риме? Он так же прекрасен, обширен, такое же роскошное обилие предметов для жизни духовной и всякой. Но, увы, притупляются мои чувства, не так живы мои... Здесь теперь гибель, толпа страшная иностранцев, и между ними не мало русских. Из моих знакомых здесь Шевырев, Чертков; прочие незначительные, то есть для меня. На днях приехал Наследник, а с ним вместе Жуковский. Он всё так же добр, так же любит меня. Свиданье наше было трогательно: он весь полон Пушкиным. Наследник, как известно тебе, имеет добрую душу. Все русские были приглашены к его столу на второй день его приезда.

Ты спрашиваешь о моем здоровье... Плохо, брат, плохо; всё хуже, чем дальше, всё хуже. Таков закон природы. Болезненное

мое расположение решительно мешает мне заниматься. Я ничего не делаю и часто не знаю, что делать с временем. Я бы мог проводить теперь время весело, но я отстал от всего, и самим моим знакомым скучно со мной, и мне тоже часто не о чем говорить с ними. В брюхе, кажется, сидит какой-то дьявол, который решительно мешает всему, то рисуя какую-нибудь соблазнительную картину неудобосварительного обеда, то... Ты спрашиваешь, что я такое завтракаю. Вообрази, что ничего. Никакого не имею аппетита по утрам и только тогда, когда обедаю, в 5 часов, пью чай, сделанный у себя дома, совершенно на манер того, какой мы пивали в кафе Anglais, с маслом и прочими атрибутами. Обедаю же я не в Лепре, где не всегда бывает самый отличный материал, но у Фалькона, — знаешь, что у Пантеона? где жареные бараны поспорят, без сомнения, с кавказскими, телятина более сыта, а какая-то crostata с вишнями способна произвесть на три дня слюнотечение у самого отъявленного объедала. Но увы! не с кем делить подобного обеда. Боже мой, если бы я был богат, я бы желал... чего бы я желал? чтоб остальные дни мои я провел с тобою вместе, чтобы приносить в одном храме жертвы, чтобы сразиться иногда в биллиард после чаю, как — помнишь — мы игрывали не так давно... и какое между нами вдруг расстояние. Я играл потом в биллиард здесь, но как-то не клеится, и я бросил. Ни с кем не хочется, как только с тобой. Чувствую, что ты бы наполнил дни мои, которые теперь кажутся пусты. Но зачем отчаиваться? Ведь мы сколько раз почти прощались навсегда, а между тем встречались-таки и благодарили Бога. Бог даст еще встретимся и еще проживем вместе.

Филипп, брошенный тобою невзначай в твоем письме, выглядывает оттуда очень приятно. Но adieu великолепнейший кофе в необъятных чашках! К madame Hochard я рекомендовал многим русским. Один из них, Межаков, я думаю, уже вручил тебе мое письмо, исполненное самых сильных укоризн, которых, впрочем, ты стоил, как и сам сознался.

Я получил письмо от маминьки. Она пишет, что в Полтаве дожидалась очень долго с тем, чтобы дождаться, как будут давать «Ревизора» на каком-то тамошнем театре и что крепостной олух, посланный об этом осведомиться, переврал и перепутал и ничего не добился, и что они, вместо этого, попали на Шекспирова «Гамлета», которого выслушали всего и на другой день, к несказанному удовольствию их, т. е. маминьки и сестры, узнали, что будут играть «Ревизора», и отправились тот же вечер. Воображаю,

что «Ревизор» должен быть во всех отношениях игран злодейским образом, потому что даже сама маминька, женщина, как тебе известно, очень снисходительная, говорит, что слугу играли изрядно, а прочие, по способностям, как могли, чем богаты, тем были и рады. По нескольк<им> нечаянно сказанным словам в письме маминьки я мог также заметить, что мои соотечественники, т. е. Полтавской губернии, терпеть меня не могут.

Но прощай. Целую тебя несчетное множество раз. Пожалуйста, не забывай писать почаще. Кланяйся Козлову и скажи, однако ж, что это неблагородно с его стороны: я его просил, садясь в дилижанс, так убедительно, так сильно, и он мне дал слово провесть ту ночь в моей комнате и не оставлять тебя во весь тот вечер, а он... мелкая душонка, отправился к себе, из мужицкого чувства — быть более à son aise. Как в одной черте может отразиться ничтожность характера и недостаток чувств, сколько-нибудь глубоких!

1839

390. Княжне В. Н. Репниной-Волконской

Рим. 1839. Генваря 18 <н. ст.>.

Всеми святыми клянусь, не знаю, как благодарить вас, княжна, за ваше милое письмо и за то, что вы меня потрудились увидеть во сне. Я с таким любопытством читал ваш сон, что мне казалось, будто бы я сам спал в это время, или лучше сказать — я не могу ясно отличить его от действительности, и мне кажется, что я действительно пил аликанто. Не вы, княжна, начали писать ко мне первые, я бы не простил себе такого неучтивства. Письмо мое из Рима я послал за вами в погоню в Пизу, пятью или шестью днями после вашего отъезда. Но ему, как вижу, досталась несчастная участь — не попасться в ваши руки. Какой-нибудь impiegato на почте, которому, верно, дурно платят, понуждаемый голодом, проглотил его вместо шеколада, да не варит его желудок за это ничего более, кроме фиников! и да будет он за это в 40 лет плешив, как Чекини, музыкальный учитель, то есть В-вой! Сюда дошли слухи, что вы довольны Пизой, что здоровье князя значительно улучшилось, но мне неприятно было слышать, что у вас комната холодна. Хотя у нас, то есть в благословенной небесами Италии, комната не нужна вовсе и, глядя на небо, синее, осиянное солнцем, бежит прочь всякая мысль о холоде, но...

Вы любите сидеть в комнате, и мне очень досадно, что она холодна. Мне также страшно за вас в рассуждении того, что Пиза теперь, говорят, потоплена и запружена несчетным множеством разных мисс, Джон-пудингов, бульдогов и прочих аглицких джентльменов в разных переплетах и сертуках. Боюсь, чтобы это шипение и визг заржавленных железных побрякушек, которое в простонародии называется аглицким языком, не произвело какого-нибудь неприятного влияния на ваши нервы. Но… Бог милостив, и можно надеяться, что этого не случится. Сколько у вас в Пизе англичан, столько у нас в Риме русских. Все они, по обыкновению, очень бранят Рим за то, что в нем нет отелей и магазинов, таких как в Париже, и кардиналы не дают балов. Один наш земляк, без сомнения, знакомый вам, Б-ский (тот, который потолще) за игрою в вист спросил: А где находится Ватикан? Когда игравшие с ним изумились такому неожиданному вопросу, он, нимало не смутившись, сказал, что это ничуть не удивительно, ибо он нет и двух недель, как в Риме, и потому очень мудрено в такое короткое время всё знать. Впрочем, это небольшое невежество он очень скоро поправил и изумил сведениями, которых никто в нем не предполагал. Когда повел его чичероне в церковь Петра, он немедленно спросил где же Павел? Ведь тут и Павел должен быть, — и когда кустод начал ему объяснять, что Павел дело совершенно другое и находится в другой стороне города, то наш соотечественник так начал ему говорить сильно и убедительно, что сам чичероне наконец убедился, что, точно, и Павел должен быть тут. — Много было и других разных анекдотов, *но на одном гвозде всего не повесишь*, говорит русская пословица. Сегодня отвал русских в Неаполь. Великий князь едет сегодня и потому всё плетется вслед. Вы заботитесь и спрашиваете о моем здоровьи, да хранит вас Бог за вашу доброту и расположение. О здоровьи моем я теперь не думаю вовсе, право, наскучило. — Я же так теперь счастлив приездом Жуковского, что это одно наполняет меня всего. Свидание наше было очень трогательно. Первое имя, произнесенное нами, было: Пушкин. Поныне чело его облекается грустью при мысли об этой утрате. Мы почти весь день вместе обсматривали Рим с утра до ночи, исключая тех дней, в которые он обязан делать этот курс с Наследником. Он весь упоен Римом и только жалеет на короткость времени. Появление его здесь для меня точно сновидение. Наслаждаюсь своим сном и боюсь и подумать о пробуждении. Получаете ли вы известия от Балабиных? Я не знаю решительно, что они теперь делают.

Я уверен совершенно, что письмо мое, которое я вручил княгине, дошло до них исправно, но ответа я не получаю вовсе никакого. Напишите мне подробно обо всем: то есть, как вы проводите день ваш, как веселитесь, как скучаете, как вас терзают англичане, словом всё. Вы знаете, что всё это очень, очень интересно для меня. Я о вас думаю часто, очень часто и молюсь за вас, не знаю, доходят ли только мои грешные молитвы. Будьте же здоровы и не забывайте признательно помнящего вас всякую минуту

Гоголя.

Прошу вас убедительно не позабыть засвидетельствовать мое глубокое почтение князю и княгине.

<Адрес:>

Ее сиятельству княжне Варваре Николаевне Репниной.
В Пизу.

391. А. С. Данилевскому

5 февраля <н. ст. 1839>. Рим.

Я получил письмо твое. Оно, по обыкновению, принесло мне много радости, потому что письма от тебя всегда приносят мне радость. Но я вспоминаю и думаю чаще о тебе, нежели ты о мне. Твое письмо начинается так: Четыре или пять дней, как я получил письмо твое и деньги и проч. Я не так делаю: я положил навсегда для себя правилом писать к тебе того же дня[1] по получении твоего письма, какие бы ни были препятствия. Нет нужды, что <не> наберется еще материалов для наполнения страницы. Она не должна наполняться вовсе, если только нужно искать, чем бы ее наполнить. Лучше пять или шесть строк, но именно те, которые родились чтением письма. А главное — не нужно запускать. Это верно: в первую минуту, покамест горячо, всегда больше и лучше и нужнее напишешь. Мы приближаемся с тобою (высшие силы! какая это тоска!) к тем летам, когда уходят на дно глубже наши живые впечатления и когда наши ослабевающие, деревянеющие силы, увы, часто не в силах вызвать их в наружу так же легко, как они прежде всплывали сами, почти без зазыву. Мы ежеминутно должны бояться, чтобы кора, нас облекающая, не окрепла и не обратилась, наконец, в такую толщу, сквозь которую им в самом деле никак нельзя будет пробиться. Употребим же, по крайней мере, всё, <чтобы> спасти их хотя бедный остаток.

[1] *Далее начато:* как

Пусть мы будем иметь хотя несколько минут, в которые будем свежи и молоды. Пусть же мы встретим нашу юность, наши живые, молодые лета, наши прежние чувства, нашу прежнюю жизнь, пусть же всё это мы встретим в наших письмах. Пусть хотя там мы предадимся лирическому сердечному излиянию, которого бедного гонят, которому заклятые враги — пошлость глупейшего препровождения времени, презренная идея обеда, рисующаяся со времени поднятия с постели, роковые 30 лет, гнусный желудок и все гадости потухающего черствого рассудка. Итак, вот уж причина, по которой мы должны писать скоро, вдруг, свои письма, покамест не простыла рысь... Я рад, очень рад, что тебе присланная мною небольшая помощь пришлась впору. Я точно в рассуждении этого всегда бывал счастлив. Ко мне Бог бывал всегда особенно милостив и давал мне чувствовать большие наслаждения. Сколько припомню, всё посылаемое мною бывало как-то тебе кстати. Я рад еще больше, что процесс, наконец, выигран и что мерзавец жид наконец-таки наказан достойным образом, и таким образом всё-таки вышло на старый манер, что порок попран, а добродетель восторжествовала. Но дурно, что ты не пишешь, что теперь предпринимаешь делать, когда и в какое время собираешься ехать, без сомнения, не иначе, как весною. Не встретимся ли мы опять где-нибудь с тобою? Я думаю ехать на воды в Мариенбад. Еще один раз хочу попытаться. Желудок мой наконец меня совершенно вывел из терпения, право, нет мочи наконец, и теперь он наконец в таком дурном состоянии, как никогда. Даже досадно, право: для Рима, для этого прекрасного Рима — и вдруг приехать с таким гнусным желудком. Слышишь, видишь, как вызывает всё на жизнь, на чудное наслаждение, а между тем у тебя в брюхе сидит дьявол. Рим! прекрасный Рим! Ты помнишь ли его? знойную Piazza di Spagna, кипарисы, сосны, Петра и дуб Тасса, где мы простились, и твоя purificatione. Я начинаю теперь вновь чтение Рима, и, Боже, сколько нового для меня, который уже в четвертый раз читает его. Это чтение теперь[1] имеет двойное наслаждение оттого, что у меня теперь прекрасный товарищ. Мы ездим каждый день с Жуковским, который весь влюбился в него и который, увы, через два дни должен уже оставить его. Пусто мне сделается без него. Это был какой-то небесный посланник ко мне, как тот мотылек, им описанный, влетевший к узнику. Хотя Рим ни в какую минуту горя нельзя назвать темницею, хотя бы бедствовать в нем в том состоянии, как ты бедствовал

[1] для меня

в Париже, не иметь байока в кармане и иметь процесс за перехваченные деньги с жидом. До сих пор я больше держал в руке кисть, чем перо. Мы с Жуковским рисовали на лету лучшие виды Рима. Он в одну минуту рисует их по десяткам и чрезвычайно верно и хорошо.

Я живу, как ты, верно, знаешь, в том же доме и той же улице, via Felice, № 126. Те же самые знакомые лица вокруг меня, те же немецкие художники с узеньки<ми> рыженькими бородками и те же козлы, тоже с узенькими бородками; те же разговоры и о том <же> говорят, высунувшись из окон, мои соседки. Так же раздаются крики и лепетания Анунциат, Роз, Дынд, Нанн и других в шерстяных капотах и притоптанных башмаках, несмотря на холодное время. Зима в Риме холодна, как никогда; по утрам морозы, но днем солнце, и мороз бежит прочь, как бежит от света тьма. Я, однако ж, теперь совершенно привык к холоду и даже в комнате не ставлю скальдины. Одно солнце ее нагревает. Теперь начался карнавал. Шумно, весело. Наш его высочество доволен чрезвычайно и, разъезжая в блузах вместе с свитою, бросает муку в народ корзинами и мешками и во что ни попало.

Пожалуй<ста>, мой милый, пиши мне сию же минуту и напиши всё, что ни делаешь ты, хотя бы это было больше ничего, как только то, что ты сегодня хорошо позавтракал и прочитал в газетах какую-нибудь статью, о всём, о всём. Я оканчиваю письмо не потому, что не хочется делать пакета, но потому, что не хочется задержать сего и чтобы через то ты получил его позже.

Поклонись от меня Квитке, Мантейфелю и Дмитр<ию> Толстому, также обоим Межаковым и скажи отцу, что я очень интересен знать, как он проводит время в Париже, и чтобы по обещанию об этом меня известил, хотя через тебя. Ничего и никаких совершенно писем не получаю из Петербурга. Что сделалось с Прокоповичем, не могу понять. Как целых полтора года ни одной <строки>, тогда как ответ его был мне нужен.

<Адрес:>

Paris.
à Monsieur
monsieur Alexandre de Danilevsky.
Rue de Marivaux, № 11.

392. А. С. Данилевскому

Рим. 12 февраля <н. ст.> 1839.

Получил твое письмо 3-го дня через Лейнголь<да>. Оно было для меня очень интересно по небольшим известиям о тебе, а также о Ваське, Базиле и Афанасие. Ну, теперь чего тебе еще хочется? Протекция и всё тебе готово, только тебя недостает. Петербург, кажется, наконец решается к тебе осклабиться и протянуть радушные объятия, но годишься ли ты теперь для Петербурга? Много переродили три года![1] Благодарю также за парижские новости. Очень радуюсь, что Филипп подхватил какую-то, которую я не разобрал. Клотильде за поклон тоже благодарен. Кстати, я думаю, уже ты обрабатываешь ее, тем более что оно очень близко, кажется, только через кухню, Квитка же, как кажется, не может тебе мешать. Я слышал, что у него какая-то есть постоянная, у которой он и ночует. M-me Hochard в ответ на ее тысячу любезностей посылаю ей другую тысячу таких же. Догадки твои, что я счастливец и наслаждаюсь каждый день воздухом и полднем Монте Пинчия, не совсем справедливы. На Монте-Pincio я не захожу вовсе. Я не люблю его, когда он набит англичанами и иностранцами. Мои прогулки простираются гораздо далее, глубже в поле. Чаще посещаю я термы Каракаллы, Roma Vecchia, с ее храмами и гробницами и открытыми полями, Villa Mat<t>ei, Villa Milz и проч. и проч… Дни настали чудные, погода удивительная. Приятели твои, которым ты рекомендуешь показывать древности, люди, как я заметил по полету,[2] не такого десятка, чтобы углубляться в древности, а напротив, кажется, более охотники до новостей, и потому я им рекомендовал ехать в Неаполь, где они без сомнения найдут себе более пищи и проведут время гораздо лучше, чем постом в Риме. Я, как уже тебе известно, проводил всё время с Римом, то есть с его развалинами, природою и с Жуковским, который теперь только уехал и оставил меня сиротою, и мне сделалось в первый раз грустно в Риме. Здоровье мое… не стоит говорить о нем. К тебе просьба убедительная: пожалуйста, пришли мне с кем-нибудь из русских, которые будут отправляться в Италию, несколько красок фабрики Panio на меду, кружками, какие, помнишь, я покупал в бытность мою в Париже. Они продаются в красоч<ном> магазине, в Rue de Petits Champs близко Rue de la Paix. Впрочем, их можно

[1] *Далее было:* ты пишешь, что угадываешь… Очень рад

[2] по глазам

найти во всяком магазине. Продаются они по 4 или по пяти су каждая, исключая некоторых, которые подороже. Цвета следующие: берлинская лазурь, охра простая, охра жженая (brulée), индиго, кобольд, гумегут, бакан (lac), teinte neutre, ultra marine, черную и самую темную кофейную — всякой по два кружка, которые советую лучше положить в деревянный ящик. Если же завернуть просто в бумагу, то они могут прилипнуть к ней, и будет трудно отдирать. Пожалуйста не позабудь и будь на этот раз исправен, так как я исправен в отношении к тебе. Ты меня этим очень обяжешь. Еще одно. Нельзя ли тебе сходить к m-lle Josefine Turinger? Но не хочу[1] давать этой комиссии, боюсь тебя обременить, и ты тогда, без сомнения, ни одной не исполнишь. — Теперь о самом важном деле. У каждого жреца ты завтракаешь и такую ли, ту же ли живую охоту чувствуешь ты и аппетит то есть, вместе или <...>[2] аппетитные серебряные кофейни<ки> с большими длинными клевами? Уж <нет>[3] ли каких новых открытий? проклятые храмы, между прочим, доканали мой ж<елудок>.[4] Братец, какое теперь небо в Риме, ка<к>[5] чудно глядит на меня в эту самую м<инуту>,[6] как пишу к тебе. Зачем ты т<еперь>[7] не в Риме? Пора бы тебе жизнь чувстве<нную>[8] переменить на духовную <...>, на же<нщин>[9] и на храм, mangiare poco e respirar<e> и...[10] dolcissima aria e cosi vivere. Пора, пора, <...>[11] <выгнать> вон чорта, который сидит в брюхе и подстре[12]<кает> на злые похоти. В одном завиду<ю>[13] тебе — ты слушаешь оперу. Пожалуйста рас<скажи>,[14] что там теперь бывает и какие но<вости>.[15] Здесь давали оперу новую. Автор Фридрих <...>[16] Заглавие — Эдинбургская темница, музыка прелестная. После Россини я ничего не слышал лучше. У вас в Париже ее чудно исполнят. А здесь этот год труппа не то, что была назад тому год, о которой ты уже знаешь из моих рассказов и похвал. Но прощай покамест, мой бесценный, не забывай меня и пиши почаще.

Весь твой Гоголь.

[1] *Далее было:* тебе

[2] *В публикации 1890 г. вместо:* или <...> — *напечатано:* чистить

[3–8] *Вырвано.*

[9] *Вырвано. В публикации 1890 г. вместо:* <...>, на же<нщин> — *напечатано:* наплевать на желудок

[10] *Вырвано. В публикации 1890 г. вместо:* и ... — *напечатано:* una

[11-16] *Вырвано.*

Ты меня спрашиваешь, где я живу? Неужели ты не знаешь, что моя квартира вечно та же: Via Felice, 126, terzo piano.

<Адрес:>
Paris.
A Monsieur
monsieur Alexandre de Danilevsky.
Rue de Marivaux, № 11.

393. В. А. Жуковскому

Рим. Февраль <последние числа (н. ст.)> 1839.

Вот уже неделя, как вас нет в Риме, а я всё еще нахожусь в таком состоянии, как будто бы вы уехали только сегодня поутру: то есть разинув рот, глупо глядя вслед уезжающей вашей карете и не зная потом куда направить шаги свои. Два первые дни я решительно не знал, за что приняться. Если бы хотя была в это время гадкая, дождливая погода, но как на беду дни были чудные, каких при вас еще не было, теплые, потопленные в солнце. Я отправился в Колисей, на Форум Roma<num> и так странно глядел на всё это, как еще никогда не глядел. Я возвратился в город смутно, а к вечеру мне сделалось просто скучно. Подлец Лауниц не прислал мне вашего бюста, который он просил удержать на две минуты и которого я до сих пор не могу у него добиться. Как я терпеть не могу этого человека и странно, что это чувство разделяют все видящие его в первый раз. Моя комната была бы тогда полнее и лучше, успокоительней, а теперь мне всё кажется, что из ней кто-то сию минуту выехал или выезжает, что половину уложенный чемодан стоит по середине, по всем углам клоки оберточной бумаги, веревочек, старого белья. — Где вы теперь в эту самую минуту, когда пишу? к какому месту подъезжаете? Слышите ли и видите ли эти божественные дни, которые теперь настали, передовые гонцы несущейся уже недалеко весны? Как я их люблю. Боже, если бы вы встретили их еще здесь! но кто знает, может быть, вы бы не захотели тогда выехать из Рима. Чудное время! Я бы был счастлив совершенно, если бы в мое наслаждение не вмешалось несколько из того томительного чувства, какое чувствует школьник, когда учитель его отправится гулять за город с его товарищами, а его оставит за леность одного в маленьком школьном садике, и он видит пропадающий вечер и видит сквозь него, глазами воображения вдали луг, на нем свет солнца, кучу товарищей, летящий вверх мяч, веселые крики. Всё видит

он и не хочет оторваться от своего зрелища, натирая кулаком и рукавом свою упрямо-кислую рожу и не спуская глаз с опускающегося ежеминутно ниже солнца. Моя портфель с красками готова, с сегодняшнего дня отправляюсь рисовать на весь день, я думаю, в Колисей. Обед возьму в карман. Дни значительно прибавились. Я вчера пробовал рисовать. Краски ложатся сами собою, так что потом дивишься,[1] как удалось подметить и составить такой-то колорит и оттенок. Если бы вы остались здесь еще неделю, вы бы уже не принялись за карандаш. Колорит потеплел необыкновенно, всякая развалина, колонна, куст, ободранный мальчишка, кажется, воют к вам и просят красок. Как чудно! в других местах весна действует только на природу: вы видите, оживает трава, дерево, ручей. Здесь же она действует на всё: оживает развалина, оживает плис на куртке бирбачена, оживает высеребренная солнцем стена простого дома, оживают лохмотья нищего, оживает ряса капуцина с висящими назади капучио, даже этот продукт, которого мы находили целые плантации, разведенные трудолюбивыми римлянами под всеми почти стенами и оградами, принял какой-то весьма приятный для глаз коричневый цвет. А сами производители его теперь попадаются несравненно чаще[2] и совершенно как дома: скидают и галстук и подтяжки и в таком количестве что рады или не рады, а к вам который-нибудь непременно попадет в первый план. — Было, помните, мы гонялись за натурою, то есть движущеюся, а теперь она сама лезет в глаза: то осел, то албанка, то аббат, то, наконец, такого странного рода существа, которых определить трудно. Вчера, например, когда я рисовал, стал прямо против меня мальчишка, у которого были такого рода странные штаны, каких без сомнения ни один портной не шил. Я потом уже догадался, что они переделаны из отцовской разодранной куртки, но только дело в том, что они не перешиты, а просто ноги вдеты в рукава и на брюхе подвязано веревкой, вход к <...> совершенно свободен, так что он может копаться в ней руками сколько душе угодно и, не скидая этих штанов, может по примеру отцовскому разводить коричневые плантации под стенами развалин. В Колизее явились проповеди, толпы народа и монахи с белыми бородами и одетые все снизу доверху в белое, как древние жрецы. Драпировка чрезвычайно счастлива для нашего брата Mezzo-художника. Один взмах кисти — и монах готов. Вчера солнце осветило мне

[1] *Далее было:* сам
[2] в большом количестве

одного из них, тогда как все прочие были обняты тенью. Это было прелесть как эффектно и как легко рисовать. Вчерашний день кончились празднества по случаю избрания двух кардиналов, большим фейерверком на Монте Citorio, где пушки между прочим составили какой-то музыкальный концерт. Все три дни Рим был иллюминован так, как теперь не иллюминуют в других городах. Целые пылающие стены домов! Смоляные бочки по всем улицам. Я заглянул в Монте Pincio — прелесть! Вообразите: смоляных бочек не видно, а только стены в огне. Так что кажется весь город греется у очага.[1] Вот вам новость старых времен: на два дни езды из Рима вырыт на прошлой неделе новый амфитеатр, почти равный величиной с Teatro Marcello, весь первый этаж цел, много обломков от колонн и статуи; думают на дне найти целые. Первым временем установившейся весны воспользуюсь и поеду поглядеть. Теперь жаль на минуту оставлять Рима — так он хорош и такая бездна предметов для рисования. Доживу ли я <до> того времени, когда вновь сядем вместе оба с кистями? Верите ли, что иногда, рисуя, я, позабывшись, вдруг оборачиваюсь, чтобы сказать слово вам и, оборотившись, вижу и как будто слышу пустоту по крайней мере на несколько минут, в земле, где всякое место наполнено и где нет пустоты. Даже болвана Антония не встретили мои глаза, по крайней мере я бы тогда обрадовал<ся> его присутствию.[2] Как странно, когда встретишь вдруг среди улицы слугу, которого мы знали в услужении близким и дорогим нашему сердцу, который теперь служит другим. С первого разу вдруг подойдешь к нему с живостью, мысль о господах его не отрешилась еще[3] от него в глазах наших. Даже спросишь как, что твои господа? И потом вдруг остановишься, вспомнивши, что теперь господа его чужие. Вот настоящая мефистофелевская насмешка над человеком. — Здесь только в первый раз видишь поэзию крепостного человека. Я бы очень желал знать, как ваш теперь маршрут: где и сколько дней? и не знаю как бы это сделать. Вам об этом некогда меня уведомить. Поручите кому-нибудь маленькие два слова только главное, нет ли то есть главных изменений в вашем маршруте. Чтобы я знал, куда писать к вам. Может быть, вам некогда и читать мои письма. Но теперь это моя потребность, мне кажется, я стал веселее, написавши к вам письмо.

<Адрес:>

Vienne (en Autriche).

[1] *Далее начато:* Кстати

[2] *Далее было:* даже и теперь

[3] *Далее было:* в нашем воображении

Его превосходительству Василию Андреевичу Жуковскому.

Récom<m>andé<e>aux soins obligean<t>s de la légation impériale de Russie.

Zukowsky.

<*Штемпель:*>

4 Mar

394. А. С. Данилевскому

Марта 7 <н. ст. 1839. Рим>.

Вчера получил твое письмо от 22-го февраля. Взоры мои были поражены ужасным множеством новооткрывшихся кафе, которых имена увидели они начертанными твое<й> рукою. За несколько месяцев был бы сильно раздражен и мой желудок, но теперь аппетита нет, да и чорт с ним. Твоя Estelle, которая присутствовала у тебя во время антракта между писанием письма, года два-три назад, вероятно, вызвала бы из памяти и воображенья, еще полного утраченной юности, множество нескромных воспоминаний. Но теперь, Бог с ней, да здравствует, впрочем, она и наделяет тебя мгновеньями младости и благ, которые ты еще, счастливец, чувствуешь. В письме твоем мне приятно было более увидеть выглянувшее имя Ноэля. Оно мне напомнило вечерние чаи, madame Courtain, Семеновского, который пропал совершенно как в воду, и совершенное незнание храмов и вообще невежество в религии. — Я получил, наконец, из дому два письма. Грустно мне было читать их. Они были совершенная вывеска несчастного положения домашних. Наконец, маминька, кажется, дохозяйничалась наконец до того, что теперь решительно, кажется, не знает, что делать. Дела наши по деревне, кажется, так расстроены, как только возможно, и я никаких не имею средств помочь. Как нарочно к этому времени приближается и срок, или выпуск моим сестрам. Грустно, мой милый, ужасно грустно иметь семейство. Я был до этого времени почти спокоен, меня мучило мое здоровье, но я предал его в волю Бога, приучил себя к прежде невыносимой мысли, и уже ничего не было для меня страшного ни в жизни, ни в смерти. А теперь иногда такое томительное беспокойство заглядывает в мою душу, такая боязнь за будущее, к несчастью, очень близкое. О, ты много счастливее меня. Ты можешь терпеть один. Все члены вашего семейства пристроены. Тебе остается только один ты. Грустно! Мысль моя теряется. Я ничего не нахожусь сделать и надумать. А, кстати! в первом письме

маминьки между прочим известие, касающееся по тебе. Она была у Василия Ивановича на свадьбе его дочери, а твоей сестры, которая теперь шасть за Казань. Василий Иванович за столом вспомнил о том, что теперь он должен один благословить свою дочь; что Татьяны Иван<овны> уже нет на свете, и заплакал. Гости были тоже тронуты. В другом письме маминька говорит, что виделась не так давно с Васил<и>ем Иванов<ичем> и что он спрашивал у нее, не пишу ли я тебе и не знаю ли я, где ты. Что он совершенно не имеет о тебе никаких слухов и не получает от тебя никаких писем и что он просит меня узнать, где ты. Маминька упомянула тоже мимоходом о твоих братьях, что они оба живут в Семереньках, очень плохи здоровьем, часто болеют и не были уж очень давно у нее по причине болезни. Я просил тебя в одном письме о присылании мне красок и теперь вспомнил, что ты к краскам можешь еще присовокупить одну очень приятную для меня вещь: это твою палку, которую ты мне подарил и которую я, не знаю почему, я не взял с собою. Я был так обестолкован пред моим выездом из Парижа. Я не понимаю, что бы я был без этой счастливой отсрочки моего отъезда, которая доставила мне радость поцеловаться с тобой и вновь сказать: здравствуй.

Будь здоров! Да, ты меня спрашиваешь, какой я дам ответ насчет предложения Василья Прокоповича. Я уже отвечал ему, что не могу им воспользов<аться>, потому что подобное предложение было сделано мне раньше Погодиным, а так как я ему должен две тысячи слишком, то я представил ему в совершенное распоряж<ение> все полученные от этого доходы. Чуть было не позабыл одно для тебя очень важное открытие. Удивительное производят действие на желудок хорошие сушеные фиги. Нужно их есть на ночь или по утру на свежий желудок. Мне посоветовал италианец, за что его нужно вызолотить. В первый день, когда я их съел, чувствовал немного нехорошо как будто в желудке, но потом чудо. Слабят, но так легко, можно сказать, подмасливают дорогу... Только нужно, чтобы фиги были самые свежие и не засушенные слишком.

<Адрес:>

Paris.
à Monsieur
Monsieur Alexandre de Danilevsky.
Rue de Marivaux, № 11, vis-â-vis du Thèâtre des Italiens.

395. М. П. Погодину

<Около 8 марта (н. ст.) 1839. Рим>

Посылаю тебе подателя сей записки для принятия твоего чемодана и ожидаю вас для распития русского чаю.

<Адрес:>

al proffessore russo Michelle Pogodin.
№ 48. Via Salita capo la casa prima.

396. П. Н. Демидову

<10 марта (н. ст.) 1839. Рим>

Милостивый государь, Павел Николаевич! Мое сожаление на мои неудачи вас видеть так велико, что я решил писать к вам. Нет, во что бы то ни стало, но я должен вас видеть. Впечатление, оставленное вами в моем сердце, слишком приятно и сильно, чтоб от этого отказаться. Это не условие, не приличие, нет, это потребность внутренняя, в которой я сам не могу дать себе отчета, которая понуждает меня видеть и слышать вас еще один раз. Вы сами в этом виноваты; зачем вы стали выше ваших соотечественников, прочих аристократов? Зачем вы мыслите более и дальновиднее устремляете взгляд на предметы, чем многие другие? Вы должны теперь бояться двойной осады: со стороны людей, которые влекутся к вам вашими отношениями, вашим положением в свете, вашею щедростью и богатством, и, наконец, со стороны людей, которые гонятся по всему свету за умом и чувствами, так редкими на этом свете.

Я терпел в жизни строгую нужду, не был богат и не имел никаких связей, но умел гордо презирать одно и не искать другого.

Не зная еще ваших достоинств личных, я вас почитал по имени, которое слилось с народностию и Россиею и осталось с ними нераздельным с вашим подвигом для просвещения; но никогда бы я не приблизился к вам. Ваше богатство стояло передо мною рубежом, как вдруг ваш раздавшийся голос и ваше полное великодушия предстательство о мне, вам неизвестном, внимание к малой крупице моего таланта — всё это меня тронуло сильно. Это уже вам известно. Это было одним из приятнейших моих воспоминаний, какие только вывез с собою из России. Но, признаюсь, я убегал старательно встречи с вами. Мне не хотелось, чтобы вы переменили обо мне ваше доброе мнение. Мы обыкновенно воображаем видеть писателя чем-то более обыкновенного человека, стало быть, чем-то более, чем он есть,

и увидевши пошлую, даже слишком обыкновенную его фигуру, мы никак не можем соединить с ней то лицо, которое нам представлялось в мыслях. Вот почему мне не хотелось, чтобы вы меня когда-либо увидали, хотя очень хотел вас увидеть. Но теперь, когда мне удалось услышать лично из уст ваших просвещенный образ ваших суждений и глубокое знание России, редкое в государственном человеке, и ваш твердый, верный взгляд на вещи и ваши мнения, когда всё это удалось, говорю, услышать, неужели я буду так глуп, что не постараюсь ими воспользоваться? Нет, вы для меня клад, — я теперь привязан к вам собственным своим интересом. Я вас увижу; этого мало: я, по старой авторской наглости, поймаю пальцем петлю вашего кафтана и заставлю вас выслушать четыре, пять огромных листов и добьюсь вашего суждения, которое для меня дорого, и это неизбежно, как судьба. Вам только остается заранее и добровольно согласиться и назначить час, когда я, не помешав вам в занятиях, могу иметь это счастие.

С совершенным почтением и вечною признательною преданностию, ваш покорнейший слуга

Н. Гоголь.

397. М. И. Гоголь

Март 12 <н. ст. 1839>. Рим.

Ваше письмо от 9 февраля получено мною четыре дни назад. Благодарю вас много за него и за ту любовь, которая дышит в нем. Но вместе <с тем> меня несколько опечалило ваше замечание, что будто я сделал вам упрек насчет некоторых пунктов и в том числе насчет замужества[1] моей старшей сестры и проч. и проч. Никогда я не имел никакого права, ни причины упрекать вас. Вы невинны. Вы делали, вы, по крайней мере, желали делать всё для нашего счастия, вы жили, вы существовали для нас. Какой жестокий сын осмелится после этого сделать вам какой-либо упрек? Вы невинны. Виноваты несчастия, которые подавили вас,[2] которые навалили на вас кучи забот, требовавших[3] сил твердого мужа, а не доброй, чувствительной женщины. Виноваты эти заботы, которые лишили нас прежнего <мил>ого, веселого характера нежно любимой нами мами<ньки> и навели на него мрачное облако задумчивости,[4] рассеянности, вечно тревожных мыслей,

[1] свадь<бы>
[2] *Далее было:* Виноваты
[3] какие требовали
[4] ме<ланхолии?>

отлучавших и отвлекавших ее невольно от действительности и происходившего перед глазами течения дел и обстоятельств, которые чтобы вести хорошо, нужно было иметь слишком твердый характер, какой имеет мужчина,[1] нужно быть слишком спокойну и не поражену несчастием. Итак, вы видите, что вы не виноваты. Вы не могли быть более чем вы были. Мы должны делать упреки несчастиям. Когда я был в последний раз у вас, я был поражен (теперь я этого не скрою и всё расскажу), я был поражен переменой, которую я нашел в вас, переменой, происшедшей в эти даже три небольшие года, после моего первого приезда из Петербурга. Я не могу вам рассказать той грусти, которую я чувствовал, глядя на вас. Эта совершенная ваша рассеянность в словах и задумчивость; это ваше вечно устремленное куда-то внимание, но не к предметам, вас окружавшим, не к тем, о которых шла речь, так что вы казались совершенно среди нас живущею в каком-то другом мире, чуждою всего того, что около вас происходило. Я с содроганием видел следы и читал их на лице вашем, следы, проведенные победившими совершенно вас заботами. Нет, я не обвинял вас, я не обвинял вас, ви<дя> и то и другое не так в хозяйстве, я не обвинял вас за неосмотрительности и за то, что вас легко было обмануть, и чем далее, еще легче, я не обвинял ни в чем этом. Но я обвинял в этом себя, я слышал из глубины души своей едкий упрек самому себе. Я был причиною всему этому: я не облегчил трудов, я не устроил спокойствия моей матери, я не доставил ей беззаботной, счастливой жизни и радостной старости; напротив, я обременил ее, я взвалил на нее всю возможную тяжесть, которую более крепкие силы не вынесли бы. Я был причиною измен<ен>ия ее прежнего светлого спокойного беззаботного характера. Словом, я не исполнил первой обязанности сына. Мне только в утешение оставалось одно оправдание, что я тоже не рожден был хозяином, что я не мог никаким образом[2] по существующим в нашем государстве постановленьям, не приобревши имени, или, как говорят, чина и весу, заняться самому хозяйством, принять на себя все обязанности попечителя нашей всей фамилии и жить в деревне. — Но я хотел вознаградить потом всё и заняться сам ревностно и дельно. — Увы! мое глупое здоровье отняло у меня эту возможность, заставило меня выехать из России и, можно сказать, бросить неоконченным начатое. Итак, вот где вина и причина всему. А вы чисты совестью и душой.

[1] *Далее было:* <осмот>рительно

[2] перестроивать свое

Я видел в последний раз, когда был, что дела наши идут плохо,[1] но вместе с этим я видел бессилие мое помочь этому. Но дела хозяйственные — Бог с ними, я не о них горевал, я горевал о вас, видя ваши терзания, ваши печали при вечных неудачах. И, вот, между прочим, моя добрая и почтенная маминька, одна из причин, по которой я бы не хотел, чтобы сестры мои другие оставались у нас в деревне. Теперь, увы! вы можете быть несравненно скорее обмануты, чем прежде, хотя вы вовсе этого не думаете. В ваших предположениях насчет будущей участи сестер моих дышит столько материнской нежной любви к ним, какой отыскать редко в ком-либо другом, а доказательство этой любви уже то, что вы даже соглашаетесь на временное отдаление их и разлуку с ними. Да, моя добрая и почтенная маминька, это истина: они в Васильевке не только не сыщут себе партии, но даже могут потерять всё то, что приобрели они воспитанием, могут испортиться, измениться характером, могут... Я трепещу за их участь. Обратите только на то внимание и рассмотрите, где у нас и какое будет общество? что у них и какая будет компания? Притом уже само по себе разумеется, что где четыре сестры и притом еще таких разных характеров, из которых две ссорятся между собою и теперь, будучи еще в институте, и вообразите, когда они соберутся и будут жить вместе. Помните, между прочим, что старшая сестра хочет тоже замуж и сколько уже по одному этому поводу между ними могут явиться разных неприятных отношений. Словом, они могут создать у вас в дому такой сумбур, что вам покоя и места не будет. — А о партии для них я вовсе не составил таких идей и больших мечтаний, какие даже, как видно из письма вашего, иногда занимают вас. Нет, моя добрая маминька, довольно если выйдут они за истинно достойных людей с состоянием таким, которое было бы достаточно для спокойной, безбедной жизни. Вы говорите, что знаете недалеко от вас проживающего обыкновенно в Одессе какого-то молодого человека с 260 000 годового дохода, который мог бы быть женихом для Анеты. Это мечта. Об этом нечего и думать. Я тоже знаю многих молодых людей, у которых есть и побольше годового дохода, но из этого никак не следует, чтобы они были женихи для Анет. Будьте уверены, что если бы вы и имели экипаж и, как говорите, удобность прилично одеться и прилично выехать, то это бы ничуть не помогло. Партии составляются между равными, и нужно быть для этого порядочным дураком или слишком оригинальным человеком, чтобы вдруг идти

[1] *Далее было:* я видел, как вас можно легко было обмануть

наперекор своим родным, своим выгодам и отношениям в свете и избрать небогатую, неизвестную девушку; или нужно, чтобы для этого девушка была решительно собрание всех совершенств, прелестей и ума, чего натурально не может представить наша Аничка, впрочем добрая девушка, могущая быть хорошею женою. Итак, нам нужно, отбросивши всё мечтательное, обратить внимание на действительное. Я не решил еще, где им лучше жить. Лучше, я покамест полагаю, в Москве, — там у меня есть многие приятели и друзья, которые доказали мне на деле истинную приязнь и дружбу; люди с большим умом и образованием, которые могут быть им полезны и советами, и помощью, то есть: докончить их образование не в школе, не в пансионе, но в свете. И вот почему я не хотел, чтобы они провели первый год после своего выпуска в деревне. Пусть они прежде укрепятся совершенно в характере, дадут ему твердость и такт, без которого они не будут счастливы в свете и будут похожи на те былинки, которые колеблются в ту сторону, куда повеет ветром. Но в следующем письме мы поговорим об этом побольше, а до того прощайте и будьте здоровы.

398. О. М. Бодянскому

Приписка в письме М. П. Погодина к О. М. Бодянскому
<М. П. Погодин — О. М. Бодянскому>

Рим, 21 (9) Марта 1839.

Да что же вы затеяли это, мой любезный Славянин? Занемочь, да как еще занемочь — на три месяца!

Долой, долой скорее с кровати, и на поле, на поле победы, покорять остальные партии и привезти познания в отечество! Радуюсь вашему облегчению и удивляюсь геройской решимости. Не может быть, чтоб столько пожертвований не увенчалось полным успехом.

Я ждал вас в Вене до 22-го числа и уехал, не получив известия и предполагая, что вы отправились далее. Если б ваше письмо пришло заблаговременно, то я, может быть, мог бы переменить свою дорогу и приехал бы в Пильзен навестить больного. Когда же мы увидимся? Вот вам мой маршрут: 8-го в Неаполь, 13-го во Флоренцию, и 17-го в Милан или в Марсель. Около 1-го Мая в Париж и в Вандею, поискать там Славянских следов. Июль в Мариенбаде. Август в Вену и Венгрию. Сентябрь домой. Принаравливайтесь или к Мариенбаду, куда поедет и Гоголь, или к Вене. Я здоров кроме груди, которая иногда занывает. Надеюсь на Мариенбад.

Лиза здорова. Путешествие идет благополучно и полезно. Рим — чудный город, музей Европы. Ну да об этом после.

Графа Строганова я спрашивал в последнее время об вас, и он отвечал, что давно не имеет известия; впрочем, говорил об вас с участием, которое я, разумеется, старался увеличить, сообщив ему известия о ваших отличных успехах в партии Чешской и Сербской, как то дошло до меня по письмам. Он все боится вашего произношения, над чем я смеялся и ободрял его. Я писал к нему и отсюда о вашей болезни и лечении. В университете все идет у нас тихо и благополучно. Профессоры и студенты занимаются очень хорошо и ждут к себе с нетерпением одни — товарища, другие — учителя.

Киевский университет заперт на год, как я услышал вчера. Сперанский умер. Дашков на его место. Блудов — министр юстиции. Граф Александр Строганов — министр внутренних дел.

Пишите ко мне в Париж poste restante, а после в Мариенбад также. Старайтесь накупать мне старопечатных книг. Чертков уехал в Неаполь. Я не видал еще его.

*

<Приписка С. П. Шевырева>

Здравствуйте, любезнейший Иосиф Максимович! А я вас все поджидал в вечном городе и думал быть вашим чичероне в Ватикане и вместе с вами поработать в библиотеке. Здесь познакомился я с Палацким, который дал мне первое известие о вашей болезни, но не совсем ясное. Погодин рассказал о вас подробнее. Я душевно соболезную вам и молю Бога о вашем скором выздоровлении. Что это за несчастие привязано у нас ко всему Славянскому! Прощайте. Авось до свидания в Праге. Хотелось бы к вам. Я все у Римлян. Пора к Славянам.

Ваш душею С. П. Шевырев.

*

<Приписка Н. В. Гоголя>

И я при этом тоже воспользуюсь этим очень приятным для меня случаем. Вы не дали мне своего адреса, и потому я к вам не писал; притом же вы писали, что будете скоро в Рим. Очень благодарю вас за ваше письмо. Надеюсь увидаться с вами в Праге или лучше в Мариенбаде и поговорить о многом интересном для нас обоих. Прощайте и будьте здоровы.

Искренно вас любящий

земляк Н. Гоголь.

399. А. С. Данилевскому

Рим. Марта 25 <н. ст. 1839>.

Письмо твое и привезшего его Трохимовского я получил исправно. За знакомство с ним благодарю тебя. Он, точно, добрый малый и мне понравился, притом же мы с ним почти что родственники, или побратимы, кажется. Его отец был моим крестным отцом. Только не благодарю тебя за то, что ты не прислал мне с ним красок. Что тут за сомнение, ты знаешь, что мне приятнее, без всякого сомнения, иметь лучшие краски, нежели худшие и что тут за беда, что двумя или тремя су дороже. Одна только просьба, чтобы они были круглые и плоские, чтобы могли поместиться в мой ящик, который тебе очень известен: он сделан палитрой, и на манер его ты увидишь много в известном тебе магазине. Я тебе уже писал, что Жуковский уехал из Рима. Но я необыкновенно счастлив: на место его приехал ко мне Погодин. Мы теперь живем вместе. Его комната с моею; завтракаем и говорим вместе. Через месяц я препровожу его к тебе в Париж, прямо к благодетельнице m-me Hochard. Он пробудет в Париже месяц, да в Лондоне, может быть, недели две. Я поручил ему притащить тебя в Мариенбад, куда и я тоже думаю поплестъся, где будет и он и где, мне кажется, тебе не мешает побывать; одна из главнейших болезней твоих, кажется, имеет аналогию с моею и относится прямо к желудку, а для этого Мариенбад, говорят, очень хорош. Погодин привез мне известие о Лукашевиче. Он встретил его в Праге. Этот приятель наш и чудак будет нынешнее лето в Мариенбаде. Кроме того, Погодин выписал к лету туда кучу разных славян, так что мы можем иметь хорошее общество, составить свой стол и ускользнуть таким образом от вредоносных табельдотов, словом, — лечиться серьезно, методически и весело, укрепляя и поддерживая друг друга, а это весьма не последняя вещь на водах. Я вытащил недавно на почте из подвалов, обреченных забвению, письмо от маминьки, писанное еще от июля месяца, где, между прочим, одна очень замечательная черта о том, каким образом распространяются слухи еще насчет известного тебе письма, писанного мною года за два перед этим Государю. Маминька пишет между прочим, что получила письмо от Варвары Петровны, бывшей Косяровской, ныне Березиной, которая извещает, что знает наверное, что я писал письмо к Жуковскому, прося его занять где-нибудь для меня три тысячи, но что это письмо было так написано смешно, что Жуковский

показал его Государю и что Государь схватился за бока, целые четверть часа катался со смеху и приказал выдать мне не три, а четыре тысячи и сказал: пусть он напишет ко мне еще такое письмо — я ему дам еще четыре тысячи. Маминька говорит, что в этом не сомневалась, хотя я ей ничего, дескать, никогда не говорил и не пишу о подобных вещах. Но что в одном только не соглашается, что гораздо справедливее полагать, — что Государь дал мне 6 000, а не четыре, потому что даже какой-то (фамилии его не помню) хороший и почтенный человек, который служил когда-то в Петербурге и очень начитан и сведущ в литературе, говорит, что шесть. Но в сторону толки. Как твое здоровье, что чувствуешь, как <...>, как естся и что желудок? Напиши об этом, теперь это кстати. Ты спрашиваешь о художниках русских. Я, право, их почти не вижу. А Дурнова твоего, если где встречу, право, тошнит. Что за народ! Кузьмины, Никитины, Ефимовы — ужас какая тоска, и всякий из них уверен от души, что имеет много таланту. Кланяйся всем нашим знакомым: Квитке, Межаковым, Мантейфелю и проч. и проч. и твоей Estelle, если она только тебе не наварила чего-нибудь в штаны.

400. А. С. Данилевскому

Апреля 2 <н. ст. 1839>. Рим.

Я пишу и отвечаю на твое письмо немножко позже, чем думал, всё оттого, что хотел писать к тебе с оказией через Чилищева, которого, без сомнения, ты встретишь в Париже в роде тех офицеров лихачей, которые водятся только у нас на Руси. Но так как Чилищев меня надул и вместо назначенного дня уехал раньше, то я наконец должен писать по почте. Письмо твое привезли довольно исправно и скоро приятели твои Боткин и Исаев и потом ушли и куда делись, я никак не могу догадаться. В первый раз они меня не застали дома. Я вхожу к себе и вижу на столе лежит знакомая мне палка, этот сюрприз меня очень обрадовал. Мне показалось, как будто бы я увидел часть тебя самого. Краски я тоже получил, хотя не все из тех самых колеров, которые я тебе назначил. Я не просил ни: jaune d'or, ни кармину; но[1] дареному коню в зубы не смотрят. Благодарю тебя очень за всё. Я хотел было просить... В эту самую минуту высунулся ко мне в дверь почталион и подал мне от тебя письмо новое.

[1] *Далее было:* ты верно

Это обстоятельство и чтение его совершенно выбило из головы моей, о чем я хотел было просить тебя. Да. Письмо твое несколько грустновато. Мне самому даже будущность твоя не представляется в заманчивом виде. Я бы тебе даже не советовал ехать в Петербург. Чорт с ним! холодно и для тела и для души. Мне кажется, лучше было бы для тебя поселиться в Москве. Там жить дешевле, люди приветливее. Там живут мои приятели, которые любят меня непритворно, искренно. Они полюбят тоже тебя. Там тебе будет радушнее. Мы об этом поговорим с тобою в Мариенбаде, куда я надеюсь будешь и ты. Я думаю даже, что в Москве ты скорее можешь найти какую-нибудь службу или — пора тебе попробовать себя, не будь упрям, может быть, тебе Бог дал расположение и талант, которого ты еще не знаешь. Примись за что-нибудь — пиши! Хоть из любви ко мне, если не хочешь из любви к себе. Тебе верно приятно исполнить мое приказание, так как мне приятно исполнить твое. Пиши или переводи. Ты теперь язык французский знаешь хорошо, без сомнения и итальянский также или веди просто записки. Материалу у тебя для этого понабралось. Ты не мало уже видел и слышал — и хлопочущий Париж и карнавальная Италия. Право, много всего, и русской человек в середине. Погодин и Шевырев примутся не шутя издавать настоящий дельный журнал, ты бы мог трудиться для него тоже. С первым днем 1840 года, кажется, должна выйти первая книга. Кстати о журнале Отечественные Записки. Я получ<ил> тотчас по приезде моем в Рим предлинное письмо от Краевского, на которое я никак не собрался отвечать, да признаюсь и не знаю как. К тому ж и самое письмо пошло на какие-то требы. Краевский просто воет и подымает решительно всех ополчиться на сатану; говорит, что здесь должны мы всеобщ<ими> силами двинуться, что это последний крестовый поход и что если этот <...>,[1] то тогда уже решительно нужно бр<осить>[2] всё и отчаяться. Я себе представляю мысленно, как этот человечек хлопочет и почесывает очень солидно бакенбарды на своем миниатюрном лице.

Погодин видел первую книжку и говорит, что вдвое больше Библиотеки для чтения, но что он не заглядывал в середину книги и не имел для этого времени. Еще он же сказывал, что ему говорил один, что Краевский очень благонамеренно действует и поощряет молодых литераторов, собирая их около, но что имен этих литераторов трудно упомнить, а литераторы хорошие

[1-2] *Вырвано.*

и очень образованные. Я сам то же думаю. — Следующее письмо вручит тебе Погодин вместе с Шевыревым.

Прощай! Целую тебя.

Твой Г<оголь>.

<Адрес:>

Paris.
à monsieur
Monsieur Alexandre de Danilevsky.
Rue de Marivaux, № 11.

401. А. В. и Е. В. Гоголь

Рим. 12 апреля <н. ст.> 1839.

Тебе было грустно читать мое письмо, ты плакала, моя добрая и милая Анет. Что ж делать? без грусти не бывает на этом свете. Мы все рано или поздно должны платить ей дань. Твои слезы и сожаления делают тебе честь: они показывают твое доброе сердце. Ты вся исполнена грусти при мысли о нездоровьи маминьки. Но я не знаю, откуда ты это взяла. Слава Богу, наша маминька физически совершенно здорова. Я разумел душевную и умственную болезнь; о ней была речь. Я разумел следы забот, вечных неудач и неисполнений, проведенные на ее челе, которые нечувствительно и незаметно отнимали живость и любезность ее характера и, наместо спокойного и осмотрительного взгляда в хозяйстве и в распоряжениях по имению, набросили на нее рассеянность, задумчивость, которые ей много мешали в делах и были причиною, что имение наше расстроено совершенно и что она, думая поправлять, расстроивала его еще более, сама не зная этого. Конечно, имение не стоит для меня гроша в сравнении с здоровьем нашей доброй маминьки, но я почел долгом об этом написать вам, чтобы приготовить заране вас к неприятностям, необходимым в жизни, чтобы вы более старались надеяться на самих себя, чтобы вы лучше и тверже воспитали свой характер, чтобы вы более обратили внимания на знания, нужные и необходимые в жизни, чтобы, если бы довелось вам самим заботиться о себе, чтобы вы имели достаточно твердости и духу, и сил взяться самим за труд и уметь доставить себе таким образом необходимое; чтобы вы, возложив надежду на Бога, который помогает мужественным и непорочным сердцам, могли бы героически встретить всё неприятное, никогда не уныть духом и не слезами, а трудом, деятельностью, твердостью и терпением переломили бы самую судьбу. Вот для чего почел я долгом не скрывать от вас ничего

насчет нашего расстроенного состояния, как сильно любящий вас брат и любящий вас любовью глубже той, которою обыкновенно любит брат сестру. Я вас люблю любовью брата, отца и матери вместе, не наружными признаками нежности вы измеряйте мою любовь. Нет, она погружена во глубине моей души. Она блюдет и думает над вашею будущею судьбою и много бы хотела пожертвовать и отдать вам, и верно бы сделала для вас более, если бы не мое несчастное здоровье. Итак, как любящий вас таким образом брат, я почел долгом написать вам такое письмо, которое заставило вас задуматься и плакать. Пилюля моя горька, но вы должны проглотить ее: она несет вам здоровье. Теперь поговорим о средствах, которые, по твоему мнению, милая моя Анет, могли бы найтись к поправлению обстоятельств. Ты готовишься помогать всеми силами маминьке. Мысль и желание прекрасное. Но чем? Твои силы здесь не нужны. Не маминька нуждается, но имение расстроенное, но небольшое имущество ваше и сестер ваших. Маминька хлопочет и трудится не для себя: для нее немного нужно, она имеет всё, но для вас. Но если и она ничего не может сделать, то вам и думать нечего. Управление имением требует опытного и сведущего хозяина, сильного характером мужа, а не слабой женщины, для которой совершенно чужды и незнакомы дела этого рода. Ты предлагаешь еще как средство к поправлению: продать деревню и купить в Петербурге дом. Но и это дело невозможное. Во-первых, трудно продать деревню да еще и расстроенную; да притом вырученных денег не станет заплатить за четвертую часть дома.

Ты думаешь, что есть еще одно средство: это просить государыню. Но какое право мы можем иметь на это? Тысячи есть таких как мы и, может быть, даже миллионы, и если бы всем этим господам захотела государыня раздавать деньги, то для этого всего государства не станет. Притом осмеливаются утруждать государей просьбами только те, которым дали на это право оказанные ими заслуги отечеству. А мы что с тобой наделали для отечества? кажется, немного. Итак, ты можешь видеть теперь ясно, в чем дело. Не об маминьке шла речь, но об вас; не об маминьке я заботился, но об вас. Маминька счастлива, когда мы счастливы. Для этого она живет. И поверьте, что кто любит истинно и глубоко, тот любовь не в том поставляет, чтоб глядеть в глаза и целовать в ручки. Кто любит сильно, тот согласится и на пожертвование, и на удаление, тот согласится долго не видеть

предмет привязанности своей,[1] если только от этого зависит счастие.

Я писал еще вам о совершенной невозможности жить у нас в деревне. Человек должен жить в обществе; общество только может образовать его, — не многолюдное, но небольшой круг истинных, добрых друзей, одаренных прекрасным характером и просвещенным умом. Но когда я вообразил себе общество, которое окружает нашу деревню — невежей-соседей, которых всего на всё два-три человека, да старых девиц и сплетниц-соседок, — сердце мое содрогнулось невольно. Вы еще молоды, еще не знаете света. Как много значит для вас первый шаг, первое знакомство и первое обращение по выходе из института! Маминька наша имеет редкое сердце, но она слаба характером, она легко может быть обманута. Долговременные заботы, неудачи и хлопоты много отняли у ней времени и притупили ее проницательность. Она не имеет той проницательности и предусмотрительности, которая для вас теперь так необходима и нужна.

Она готова за вас отдать последнюю каплю жизни, пожертвовать всем для вашего счастия, но она не спасет вас от могущих случиться бед. Вот почему я всё это пишу к вам, чтоб вы возлагали надежду, во-первых, на Бога, а во-вторых, на себя; чтоб вы воспитывали заранее свой характер, сообщили ему твердость, мужество, чтобы вы были ласковы, умеренны, услужливы, никогда бы не ссорились с вашими приятельницами, но старались всеми силами поддерживать раз сделанное знакомство, а главное — чтобы имели власть над самими собою, и если заметите, что у вас кипит в душе и что-то похожее на злость или на неудовольствие, старайтесь тотчас дать ему остыть, займитесь чем-нибудь другим, чтобы в это время не думать и не помышлять о нем, и потом вы будете довольны сами собою. Еще любите друг друга. Вы сестры, вы еще более, чем сестры. Вы товарищи от ранних лет вашей жизни; ваше воспитание шло вместе. Мне очень было грустно видеть, что вы часто между собою ссорились. Мое сердце страдало, видя это. Ради Бога, я вас прошу об этом, чтобы этого не было. Когда вам захочется или придет на ум поссориться, вообразите тотчас меня печального, больного, смотрящего на вас с невыразимым чувством грусти. Если вы вообразите только меня в таком виде и живо, я вас уверяю, что у вас вдруг пройдет всякое желание ссориться; иначе — будет значить, что вы не имеете ко мне любви ни на крошку. Пишите ко мне как возможно чаще. Теперь мы

[1] *Далее было:* и забот, быть счастливым его счастием

имеем более нужды сообщать наши мысли и чувства друг другу. Я вам найду оказию писать. Но главное — не дожидайтесь оказии, пишите и приготовляйте ваши письма; потом вы можете вдруг три-четыре письма разом переслать. Пишите просто журнал всего, что вы сделали, что вы думали и что приходило вам на ум. Я очень рад, что вы теперь не одни, что вас теперь навещают, как вы пишете, Андрей Андр<еевич> и Оль<га> Дм<итриевна>. Кланяйтесь им от меня и скажите, что я непременно буду писать к ним, и дайте мне их адрес, чтобы я знал, куда посылать им письма. Скажите, что я буду благодарить за всё их добро и расположение к нам. В вашей любви ко мне я не сомневаюсь, иначе вы обе, и Анет и Лиза, были бы очень злы ко мне. Не платить любовью за любовь и за ту любовь, которая верно не так ветрена, как Лизина, — это непростительно.

Прощайте, мои миленькие, мои много-много любимые мною сестры. Да, чуть было не позабыл: пришлите мне в письме вашем две тоненькие ниточки, чтобы одна из этих ниточек была длиною в рост Лизин, а другая в Анет. Смотрите только не ошибитесь и положите их в письмо. Для чего мне это нужно, я вам скажу после. Еще раз целую вас миллион раз.

<*Адрес:*>

Милым сестрицам Анет и Лизе.
В Патриот<ический> инст<итут>.

402. А. С. Данилевскому

Рим. Апрель 14 <н. ст.> 1839.

Письмо тебе это вручит Погодин, для которого ты будешь должен отвести прежде всего квартирку у нашей madame Hochard. Одной комнатки будет весьма достаточно для них обоих, а полуторная кровать, которая едва удовлетворяла своею шириною тебя одного, заменит им двойную. И муж и жена неприхотливого свойства и не любят даром издерживаться, стало быть, они могут платить как будто за одного человека. А другую комнатку, если она случится, приготовь для Шевырева, который тоже намерен пробыть м<еся>ц в Париже. Ну, теперь покамест ты должен благодарить меня за приятное общество, которое я тебе доставил и которым ты, без сомнения, будешь очень доволен. Будь им расторопным чичерони, води их по театрам, кафе, виноват, по храмам и ресторанам, концертам. Обмундируй дешево и хорошо. Поведи Погодина к пассажным портным, где выбери прежде

всего для него сертук, ибо он всё еще ходит в том, в котором ходил в Москве. О покрое не очень заботься. Друг мой не имеет нужды в фасоне и не ставит его в грош вместе с портными и всеми причудами мод, и потому ты должен наблюдать три вещи: чтобы было просторно, прилично его фигуре, насколько возможно дешево. Они тебе передадут верную и, к несчастию, много пошлую историю моей жизни. Право странно: кажется, не живешь, а только забываешься или стараешься забыться.[1] Забыть страдание, забыть прошедшее, забыть свои лета и юность, забыть воспоминание, забыть свою пошлую текущую жизнь. Но если есть где на свете место, где страдания, горя, <ут>раты и собственное бессилие может позабыться, то это разве в одном только Риме. Здесь только тревоги не властны и не касаются души. Что бы было со мною в другом месте? Здесь только самая разлука с близкими и друзьями, которая так тяжела, менее тяжка.

К числу приятных забвений в Риме прибавилась опера, ровно с того дня, как у тебя в Париже она прекратилась. Первый персонаж ее — знаменитый Донизелли, которого, как кажется, ты знаешь только по наслышке, который был в группе италианцев в Париже и которого, впрочем, мы читали только биографию.

Игра и голос чудные: он до сих пор достойный соперник Рубини. Примадонна тоже очень недурна, напоминает фигурой и телесной крепостью Гризи. Несмотря на то, что порядочно поустарела (ей за 30), но черты лица прелесть. Я думаю, была чудная красавица. — Но самое главное, с чего бы следовало начать письмо: я получил письмецо от Васил<ия> Прокоповича в ответ на мое, ему писанное. Я, признаюсь, имею плохую надежду на то, чтобы он выслал требуемую тобою сумму. Он мне пишет, что получил письмо твое, в котором ты опять требуешь от него денег, и что он совершенно не знает, что делать, что больше половины капитала он занял брату на покупку дома, а остальное ему самому нужно. Я ему тот же час отписал и усовещевал, сколько мог; что это долг, что имея истинно благородные чувства и помня узы товарищества, он должен это сделать и что ты продашь всё свое имение и ему заплотишь по приезде своем в Петербург. Но не знаю, способен ли он послушать этих слов. Если бы какимнибудь образом ты мог написать заемное письмо сколько возможно по форме и как возможно обеспечительно, может быть, это имело бы больше над ним действия. В этом или другом случае

[1] *Далее было: а.* забыть свои лета *б.* забыть свою болезнь

я бы советовал тебе попытаться написать еще раз домой. Хоть по крайней мере для того, чтобы разгадать и изъяснить себе лучше эту покамест непостижимую загадку. Точно ли всё это произошло от неполучения писем или это была маска. Для лучшего и более очевидного удостоверения я прошу тебя отправить письмо твое ко мне; а я его отправлю к маминьке с тем, чтобы маминька собственноручно вручила его кому следует, и тогда мы можем узнать настоящее дело.

Новости, объявляемые в письме Василия Прокоповича, отличаются какою-то нестройностию, что Плюшар обанкрутился и Енциклопедич<еский> лексикон лопнул, что Базиль, воротившись из Кавказа, обсчитал Афанасия и уехал в Смирну консулом, что Мокрицкий *усе пыше* св. Себастияна так же хорошо, как и штанишки (всё это слова Васьки), что Кукольник издает альманах Новогодник и хотел издавать журнал: *Инострание* под покровительством Жукова (табачного фабриканта), что брат, т. е. Николай, показывает своим детям китайские тени и что он сам, т. е. Васька, косит на скрыпке и что дни таким образом будто бы текут незаметно. — Письмо это я прекратил было писать, потому что еще рано отправлять его. Погодин только завтра должен приехать из Неаполя в Чивитавеккию, куда я прибыл для встречи его прямо из театра, из Отелло. Чудно как шла. Донизелли удивителен. Рубини был выше его, когда хотел быть, особливо в знаменитой первой арии,[1] но весьма часто был он ниже, как говорится, себя, иногда даже вовсе не хотел войти в себя. Донизелли с начала до конца ровен, от первого до последнего. Страшная сила голоса и игра удивительная!

Мы так усовершенствовали нашу переписку и аккуратность ее, чему много помогла[2] установившаяся почта знакомых наших, едущих то из Рима в Париж, то из Парижа в Рим, что недели три антракта уже кажутся очень долгим временем. Так что мне кажется, я уже очень давно не получал от тебя писем. Может быть, это происходит еще от того, что последнее письмо мое очень важно и ответ на оное как решение твое насчет поездки в Мариенбад, еще важнее и дразнит мое нетерпение. Право, по-моему, тебе бы очень не лишня была бы эта поездка. Но я, впрочем, надеюсь на Погодина. Он на тебя наляжет и уговорит. А между тем я слышу беспрестанно даже сюда в Италию пробирающиеся слухи о чудесах, производимых посредством лечения холодною водою

[1] *Далее начато:* но Донизел<ли>

[2] *Далее начато:* наша

в Грефенберге, очень недалеко от Мариенбада, которая, между прочим, особенно оказывает чудо в болезнях твоего рода. Я сам после мариенбадских вод намерен отправиться туда. Посылай скорее ответ на это письмо. Кланяйся всем — нашим знакомым: Квитке, Межаковым, Мантейфелю и прочим. Боткин твой добрый малый, но Исаев глуп страшно. Я слышал, между прочим, что у вас в Париже завелись шпионы. Это, признаюсь, должно было ожидать, принявши в соображение это большое количество русских, влекущихся в Париж мимо запрещений. Эти двусмысленные экспедиции разных Скромненок и Строевых за какими-то мистическими славянскими рукописями, которых никогда не бывало... Будь осторожен. Я уверен, что имена почти всех русских вписаны в черной книге нашей тайной полиции. Я советую тебе перенести резиденцию из Морселя к другому ресторану. Теперь же у тебя общество будет. Вы можете обедать вместе, то есть с Погодиным и Шевыревым у какого-нибудь нового ресторана. Прощай, до следующего письма.

Целую тебя.

Твой Г<оголь>.

<Адрес:>

Paris.
à monsieur Alexandre de Данилевский.
Rue de Marivaux, № 11, vis-â-vis du Theatre des Italiens
(имя хозяйки дома — m-me Hochard).

403. А. В. и Е. В. Гоголь

Рим. 1839, апреля 18 <н. ст.>.

Пишу к вам, мои голубушки, мои много любимые мною сестрицы, чрез моих добрых знакомых Крюковских, которые мне обещались побывать у вас. Они вам расскажут что-нибудь обо мне. Мы с ними часто виделись в Риме. Посылаю вам безделушки: по кольцу и по булавке. Глядите на них больше, чем просто на кольца и булавки. К ним прижалась, прицепилась и прилетела вместе с ними часть моих чувств и любви моей к вам. Как эти кольца сожмут и обхватят пальцы ваши, так сжимает и обхватывает вас любовь моя. Как эта булавка застегивает на груди вашей косынку, так хотел бы я вас хранительно застегнуть, и оградить, и укрыть от всего, что только есть горького и неприятного на свете, молодые цветки мои! отрада мыслей моих!

Будьте здоровы и веселы сколько возможно, долго и постоянно, а я молю доброго Ангела Хранителя, да не удалится ни

на час от вас его хранительная рука и да Бог милосердый и правый будет благосклонен к его кротким, любовным молитвам.

Прощайте, мои душеньки. Ваш брат

Никола<й>.

<*Адрес:*>

Анете и Лизе Гоголь
в Патриотическом институте, в 10 линии.

404. С. П. Шевыреву

<18 апреля (н. ст.) 1839. Чивитавеккья —
20 апреля (н. ст.) 1839. Рим>

Чивитавеккия. Апреля 1839 года.

Сей же час пишу к вам подробное донесение. Знаю, оно вам нужно. Мы, помните? расстались: ваш пароход уходил — мы стояли на башне. Мы стояли долго, пока наконец ваши лица и фигуры не скрылись и пароход не обратился в один синеющий столб и струю дыма над ним. Я предложил Софье Борисовне возвратиться домой. Ей всё еще хотелось глядеть. «Хотя я не вижу его, по крайней мере вижу бег его; ведь он на нем, на том пароходе; он ведь там!» — она говорила. Наконец мои представления, что воздух посвежел, заставили ее неохотно оторвать глаза от милого ей в ту минуту моря. Мы сошли с башни. Она была печальна. Я не хотел утешать ее развлечением мыслей, потому что такого рода развлечения неуместны, особливо, когда они доставляются тому, кто чувствует много и глубоко. Мне казалось лучше дать свободное течение необходимой грусти. Пришедши домой, я старался говорить именно побольше об вас, потому что уже в этом была для нее большая сладость. Мы говорили долго, припоминали всё, все ваши качества, всё, что составляет вас. Софья Борисовна наконец сделалась веселее и улыбалась. Я вообще заметил в ней мнительность, чувство опасения, воображение, готовое представлять могущие произойти неприятные случаи. Это было трудно победить. Но мы, сообразивши вместе, как Бог милостив, оказав уже в этом попечение о вас, послав вам в сопутники Погодина именно в ту самую пору, которая так тяжка, в пору разлуки, вывели ясное заключение, что хранительная Его рука простерта над вами и с вами ничего не может случиться кроме хорошего. Я даже прибавил, что вы очень задумались, когда я вам намекнул о возможности приехать в Рим раньше положенного срока, что вы даже сказали, что это может случиться и в самом деле. Софья

Борисовна чуть не засмеялась. Она, однако ж, очень ослабела и чувствовала усталость. Я заметил, и она тоже согласна с этим, что к вечеру ее мнительность становится всегда почти сильнее и воображение тревожнее, и потому я был очень рад, что мы провели тот вечер таким образом, а не другим. Борис был совершенно весел: произвел мою левую ногу в каретную лошадь, привязал ее к стулу, тянул очень долго за поводья и был этим очень доволен. С тех пор он получил очень нежную привязанность к моей ноге и всё спрашивает: здорова ли лошадь? На другой день, в 7 часов утра, мы были уже на ногах. Софья Борисовна была очень бодра. Мы отправились, покамест закладывали экипаж, глядеть виллу, которую княгиня располагает нанять. Прогулка наша была по берегу моря, и хотя к ней было не совсем близко, хотя туда и назад мы ходили пешком, несмотря на то она не устала ни мало, что с ней, как она говорит, редко случалось. Ветер морской ее заметно освежил, и я даже почти уверен, что он над нею будет иметь благодетельное влияние, когда она проживет месяц или полтора в Чивитавеккии... Во всю дорогу она была свежа и очень себя чувствовала здоровой. Дорога наша была прекрасна; и море, и хорошее время, всё было у нас в виду. Мы доехали счастливо и благополучно в Рим. Обо всем этом я почел долгом вас уведомить.

Письмо это я начал в Чивитавеккии, а окончил в Риме... Прощайте. Будьте здоровы. Целую вас и жму вашу руку крепко и братски.

Ваш Гоголь.

405. М. П. Погодину

Рим. 5 мая <н. ст. 1839>.

Что ты поделываешь, жизненочек мой, здоров ли? и весело ли похаживаешь по Парижу? Мне до сих пор скучно по тебе. Комната твоя до сих пор еще страшит меня своею пустотою. Пора бы, впрочем, кажется, иметь мне от тебя письмо. Кое-что иногда слышу[1] от Шевыревой, то есть что такого-то числа был ты в таком городе. И что с вами ехала в дилижансе собака, попугай и черепаха. Больше ничего не знаю. Я получил письмо на днях от Шафарика, с книгами, которые он просит по прочтении возвратить, что будет исполнено с аккуратн<остию>. При этом прислал мне в презент свои Старожитности. Я их читаю и дивлюсь

[1] *Далее было: а.* о тебе *б.* о вас

ясности взгляда и глубокой дельности. Кое-где я встречал мои собственные мысли, которые хранил в себе и хвастался втайне, как открытиями, и которые, натурально, теперь не мои, потому что уже не только образовались, но даже напечатались прежде моего. И я похож теперь на Ефимова, который показывал тебе египетские древности, в уверенности,[1] что это его собственные открытия, потому только, что он имеет благородное обыкновение, свойственное, впрочем, всем художникам, не заглядывать в книги.

Снегирев мне полезен. Он, несмотря на охоту завираться[2] и беспрестанно глядеть по сторонам дороги, вместо того, чтобы идти по ней прямо, говорит много нужного при всем том. Иногда выкопает такую песню, за которую всегда спасибо. Есть в русской поэзии особенные, оригинально-замечательные черты, которые теперь я заметил[3] более и которых, мне кажется, другие не замечали, по крайней мере те, с которыми я говорил об этом предмете когда-либо. Эти черты очень тонки, простому глазу незаметны, даже если бы указать их. Но, будучи употреблены, как источник, как золотые искры рудниковых глыб, обращенные в цветущую песнь языка и поэзии нынешней доступной, они поразят и зашевелят сильно. — Но об этом можно поговорить. Сахаров, несмотря на свое доброе намерение, глуп. Он должен быть молодой человек. На вещи, на которые нужно глядеть простыми глазами, он как <будто> глядит в чорт знает какие преогромные очки, а главное, теперь страшно важничает, приступая к какому-нибудь делу. Начал полным трактатом о славянской мифографии; а предмет этой мифографии Абевега славянских суеверий да одна журнальная статейка на двух страницах. Наговорившись о них досыта, я думаю: «Ну, теперь, брат, подавай-ка нам собственные свои мысли» — а собственных-то он и позабыл,[4] их-то и не сказал — вместо этого следует описание игры в горелки, где говорит, что она производится на зеленом лугу в приятном месте и что нет счастливее возраста юности и любви, и следуют о любви и о подобных <предметах> страницы. Меня остановила мысль, или лучше сказать, вздор этой мысли: что будто бы нам нужно отвергнуть всех богов,[5] о которых не говорит Нестор, что они или

[1] твердой уверенности
[2] иногда завираться
[3] *Далее было:* и могу
[4] *Далее было:* и ничего об них
[5] *Далее было:* и мифологию, которой нет

составлены после, или были у других народ<ов>, к которым он причисляет и других славян. Но Нестор монах и летописец текущих событий. Ему нет нужды перечислять всех богов. Притом, как христианин и монах, он не мог углубляться в предмет презрительный и неприличный для христианина в то время. Но об этом поговорим тоже. — Ничего я до сих пор не сделал для Колара. Виделся наконец с Демидовым, но лучше, если бы не делал этого. — Чудак страшный! Его останавливает что бы ты думал? Что скажет Государь? Что мы переманиваем Австрийского подданного. Из этого, де, могут произойти неприятности между двумя правительствами. Я толковал ему, что мы не переманиваем, но что это вспоможение, которое оказать никому не может быть воспрещено, но заметил, что мои убеждения были похожи на резинный мячик, которым сколько ни бей в стену, он от нее только что отскакивает. Словом, это меня рассердило, и я не пошел к нему на обед, на который он меня приглашал на другой день. А Вельегурский хочет,[1] и я с этим согласен: он хочет написать об этом к Уварову и вздрочить[2] его честолюбие. Но я теперь об этом ему не напоминаю, потому что он ходит как убитый. Иосиф, кажется, умирает решительно. Бедный, кроткий, благородный Иосиф. Может быть, его не будет уже на свете, когда ты будешь читать это письмо. Не житье на Руси людям прекрасным. Одни только свиньи там живущи. Писем к тебе на почте больше нет. Я справлялся постоянно. Кланяется тебе Грифи. Он сегодня мне объявил после многих «о, о, о, о», что занимается очень важными двумя сочинениями, которые печатает. Одно — сравнен<ия> русских с австрияками, в которых говорится, что австрияки смотрят только на одни запятые, а русские не смотрят. Другое сочинение о Рафаэле, о сибиллах, кажется, их толкование мифическое. Una cosa, говорит, affata non scritta mai. Я думаю, что эти два сочинения будут совершенно одинаких достоинств. — Здоровье мое так же неопределенно и глупо и странно, как и при тебе. Живу надеждою на Мариенбад, а с ним вместе и на приятность с тобою увидаться. Прощай! Обнимаю вас обоих. Обними также за меня Шевырева. Прощай, мой ненаглядный. Я думаю, другого письма нечего писать к тебе. Оно тебя верно не найдет. А ты недурно, коли строки две пришлешь. — До свиданья!

<Адрес:>

Михаилу Петровичу Погодину.

[1] думает

[2] тронуть

406. А. С. Данилевскому

Рим. Мая 8 <н. ст. 1839>.

Я получил, после небольшого антракта, наконец твое письмо, то есть то письмо, в котором ты жалуешься на негодность свою во всяком деле и особливо в журнальном, против чего, впрочем, не спорю, ибо признаю ее в последнем градусе сил во мне самом. Но я представил тебе подобное именно для того, чтобы поставить на вид, как средство, к которому, может быть, придется, наконец, прибегнуть. Новости твои из дому, как кажется, совершенно неутешительны. Этот Иван Семенович, который купил дрожки для разъездов по экономии, кажется, не выйдет большим хозяином, и не думаю, чтобы экономия получила существенные выгоды от этих дрожек. С другой стороны, я не вижу никакой возможности поправить эту часть, зане́ мы с тобой, как сам знаешь, тоже небольшие экономы. Приглашение твое в Ахен, увы, несмотря на всю приятность увидаться с тобою, никак не может меня подвигнуть. Золотуха теперь одна из самых споснейших[1] моих болезней и, кажется, теперь давно уже угасла, по крайней мере я не вижу никаких ее признаков. Главный дьявол у меня в желудке. Притом одна уже мысль об Ахене и о трактире Карломановом, и об несчастнейшем, покрытом пылью гулянье, и об моей болезни в горле, которая там приключилась, и об тоске, которая там задает свои балы во всем своем разгулье, и об красном Энгельгардте, которому там посчастливилось узнать врага своего, — словом, ничто, ничто не может заманить туда во второй раз. И после этой представившейся мне картины Мариенбад мне показался не только сносным, но даже заманчивым. Хотя, признаться, грустно подумать — оставлять Италию. Там теперь хорошо! и май какой чудный, прекрасный май! ты знаешь, каков он в Риме. Альбано, Фраскати, ослы и эти чудные деревья и лазурные небеса. Чего не позабудешь в это время, и слишком нужно быть сильной болезни физической, чтобы не позабыть ее хотя вполовину. Но расскажи мне, что делают теперь твои гости, мои добрые, мои истинно верные друзья, где ты их водишь и как проводите вы там время которое, верно, тебе кажется теперь споснее в Париже, я думаю, теперь совершенно ограбленном Лондоном, отчасти отдаленными южными небесами, а более всего целительными водами и ключами. Кстати, писал ли я тебе о том, что если Мариенбад мне не поможет, поеду в Грефенберг на лечение холодною водою, которое, в самом деле,

[1] легчайших

производит чудеса над всякого рода болезнями и преимущественно над теми, которые лечатся сильной испариной? Говорят, производит лошадиные испарения. Прощай.

407. А. С. Данилевскому

Рим. Мая 16-го <н. ст. 1839>.

Вчера я получил твое письмо от 4-го мая. Делай как хочешь и распоряжайся насчет вод. Во всяком случае я прошу от тебя одного: вылечись и будь здоров. Что касается до меня, я еду, может быть, для того, чтобы очистить совесть и не упрекать себя потом, что не попробовал еще одного средства. Признаюсь, я не столько надеюсь на самый Мариенбад, сколько на Грефенберг,[1] на его холодное лечение об котором ежеминутно слышу чудеса, которое лечит[2] удивительно золотушные, венерические, ломотные и ревматизмы. И словом все болезни, кроме грудных, и потому я думаю, что они должны также лечить успешно желудочные и геморроидальные болезни, в которых, как тебе известно, холодная <вода>[3] не может не быть употреблена с пользою. Желал бы очень сильно, чтобы ты получил скорее подкрепление денежное. С какою бы радостью поделился с тобой я этим презренным металлом, если бы судьба меня наделила им. Писал ли ты после моего письма к Ваське и так, как я тебе говорил? Это человек, которого нужно гвоздить порядочно, а без того будет мало успеха.

<*Адрес:*>
Paris.
à Monsieur
monsieur Alexandre de Danilevsky.
Rue de Marivaux, № 11 (boulevard des Italiens).

408. М. П. Балабиной

Май 30 <н. ст.> 1839. Рим.

Я получил ваше письмо и, распечатавши, долго не верил. Ваше ли это письмо, вы ли пишете ко мне? Как вы переменились! Уже год, как я не получал от вас писем, и вы в этот один год так выросли и образовались чувствами, мыслями и душой. Какая зрелость и быстрый ход! Даже почерк письма вашего изменился,[4]

[1] *В оригинале:* Грефенсберг
[2] ока<зывает>
[3] *В оригинале:* игра
[4] Даже характер письма вашего изменился, начиная с почерка

даже русской язык и падежи вас слушаются. Я вижу теперь, это справедливо, что девушка на 18-м году в один год проходит тот курс, который нашему брату едва дается в несколько лет. Вы писали ваше письмо, как сами говорите, под влиянием записок Александрова, или Дуровой, которые вы в то время читали. Ваши[1] суждения об этой книге и оригинальны и вместе тонки и верны. Ваши мысли те же, какие я знал в вас и встречал прежде. То же в них своеобразное выражение вашего характера, и я бы угадал их, зная хорошо вас, еще прежде, чем вы бы их сказали. Но они получили здесь такую зрелую оболочку, такую точность, так выразились ясно, отчетливо, что я вижу — это и вы и не вы вместе. Если бы ваше письмо пришло несколькими месяцами раньше, я бы с готовностию и живою, многоречивою охотою пустился бы соглашаться с вами и поперечить вам, и судить, и спорить обо всех тех предметах, о которых вы пишете; но чувствую, что теперь буду и туп, и вял, и глуп. Мысли не лезут вовсе из моей головы; другие, совершенно непризванные, являются на место призываемых. Увы! я пишу к вам тоже под влиянием книги, которую теперь читаю, но другой и как противоположной вашей! Печальны и грустно-красноречивы ее[2] страницы. Я провожу теперь бессонные ночи у одра больного, умирающего моего друга Иосифа Вьельгорского. Вы, без сомнения, о нем слышали, может быть, даже видели его иногда; но вы, без сомнения, не знали ни прекрасной души его, ни прекрасных чувств его, ни его сильного, слишком твердого для молодых лет характера, ни необыкновенного[3] основательностью ума его; и всё это — добыча неумолимой смерти; и не спасут его ни молодые лета, ни права на жизнь, без сомнения, прекрасную и полезную! Я живу теперь его умирающими днями, ловлю минуты его. Его улыбка или на мгновение развеселившийся вид уже для меня эпоха, уже происшествие в моем однообразно проходящем дне. Итак, не вините меня, если я глуп, и не умею к вам написать письмо так же умно, как вы написали его ко мне. Бедный мой Иосиф! один единственно прекрасный и возвышенно благородный из ваших петербургских молодых людей, и тот!.. Клянусь, непостижимо странна судьба всего хорошего у нас в России! Едва только оно успеет показаться — и тот же час смерть! безжалостная, неумолимая смерть! Я ни во что теперь не верю, и если встречаю что прекрасное, тотчас же жмурю глаза

[1] *Далее было:* мысли те же
[2] мои
[3] *Далее было:* своею

и стараюсь не глядеть на него. От него несет мне запахом могилы. «Оно на короткий миг», шепчет глухо внятный мне голос. «Оно дается для того, чтобы существовала по нем вечная тоска сожаления, чтобы глубоко и болезненно крушилась по нем душа».

Кстати о прекрасном. Когда я думал об вас (я об вас часто думаю и особенно о вашей будущей судьбе), я думал: «Кому-то вы достанетесь? Постигнет ли он вас и доставит ли вам счастие, которого вы так достойны?» Я перебирал всех молодых людей наших в Петербурге: тот просто глуп, другой получил как-то несчастную крупицу ума и зато уже хочет высказать ее всему свету; тот ни глуп, ни умен, но бездушен, как сам Петербург. Один был человек, на котором я остановил взгляд — и этот человек готовится не существовать более в мире... Вы извините, что я пустился быть вашей свахой, что называется иначе кума. Мое мысленное сватовство, как вы видите, неудачно... Я вам всё говорю, я не хитрю с вами, не таю от вас моих мыслей. Делайте и вы так со мною. Зачем вы ни слова не написали мне о вашем здоровьи, о его подробном, то есть, состоянии? Я бы вам дал совет очень не хуже докторского. Знайте же: ваша болезнь излечима совершенно, и со мною согласны все те, которым я давал идею о вашей болезни. Вы должны лечиться холодною водою в Грефенберге. Слышали ли вы о чудесах, производимых там медиком, воспитанным одною натурою, без помощи медицинских академий, и проч. и проч.? Я один из числа самых неверующих, как вы сами знаете, и всегда сомнительно качал головою, когда слышал, как вы внимали вздорам Фишера или глотали ваши гомеопатические порошки и аллопатические гадости в виде микстур. Но, клянусь, я сам, своими глазами видел такие чудеса... Нет, я умоляю вашу маминьку всеми силами небесными — испытать это средство. Холодной водой лечат все болезни, кроме грудных, но более всего лечат болезни вашего рода. В вашей болезни самое главное — нужно произвести испарину. Холодная вода в руках этого медика производит такую испарину, о которой нельзя иметь понятия. Если ваша болезнь даже просто только головной ревматизм, то ревматизмы целятся удивительно. Словом, послушайте слова истины и поезжайте. Кстати, о здоровье и болезнях, если о них уже мы заговорили. Говорят, для больного нет большего наслаждения, как встретиться тоже с больным и наговориться с ним досыта о своих болезнях. Они говорят об этом с таким наслаждением, с каким говорят только обжоры о съеденных ими блюдах. Итак, вследствие этого, скажу вам о своем тоже здоровьи.

Здоровье мое non vale un fico, как говорят итальянцы, — хуже нынешней русской литературы, о которой вы мне доставили в вашем письме известия. Летом еду в Мариенбад на один месяц. Вы не поверите, как грустно оставить на один месяц Рим и мои ясные, мои чистые небеса, мою красавицу, мою ненаглядную землю. Опять я увижу эту подлую Германию, гадкую, запачканную и закопченную табачищем... Но я позабыл, что вы ее так любите, и чуть было не сказал еще несколько приличных ей эпитетов. Впрочем, совершенно не понимаю вашей страсти. Или, может быть, для этого нужно жить в Петербурге, чтобы почувствовать, что Германия хороша? И как вам не совестно! Вы, которые так восхищались в вашем письме Шекспиром, этим глубоким, ясным, отражающим в себе, как в верном зеркале, весь огромный мир и всё, что составляет человека, и вы, читая его, можете в то же время думать о немецкой дымной путанице! И можно ли сказать, что всякий немец есть Шиллер?! Я согласен, что он Шиллер, но только тот Шиллер, о котором вы можете узнать, если будете когда-нибудь иметь терпение прочесть мою повесть «Невский проспект». По мне, Германия есть не что другое, как самая неблаговонная отрыжка гадчайшего табаку и мерзейшего пива. Извините маленькую неопрятность этого выражения. Что ж делать, если предмет сам неопрятен, несмотря на то, что немцы издавна славятся опрятностью? Но вы, я думаю, на меня сердитесь за это ужасным образом и, может быть, даже имеете маленькое желание поджарить меня за это на медленном огне. Но полно! больше не буду вас сердить. Вы меня очень заинтересовали новым романом, который вы читали и который вам понравился. Я верю, что он должен быть очень хорош, ибо все ваши суждения в этом вашем последнем письме так основательны, что я никак не смею им не верить (отсюда исключается слов несколько о немцах). Я говорю о романе Миклашевичевой, о котором вы пишете. <Он> точно редкость у нас на Руси. Порядочный роман... что-то очень... У меня на языке вертелось вставить[1] здесь одно слово, которое чрезвычайно просилось на язык, но лучше повоздержаться. Не всё то можно, что хочется, особливо в письме; ибо есть очень много таких почтенных людей, которые чрезвычайно любят (может быть, даже из любви к просвещению) читать чужие письма и доставлять таким образом невинное утешение добродушной душе своей, а иногда выводить даже из этого невинные сплетни. В вашем письме, между прочим, еще

[1] ввернуть

теплятся следы восторга, чувствованного вами при представлении «Гамлета». Вы им полны. Впечатления ваши живы и сильны. Так они и должны быть. Вы его смотрели в первый раз, и актер, исполнявший роль его, должен был вам нравиться безусловно, совершенно. Таков закон, которому подвергается живая, исполненная чувства душа. Потом вы будете тоже восхищаться, но будете более находить больших промахов в актере. Каратыгин есть один из тех актеров, который вдруг и с первого раза влечет к себе, схватывает вас в охапку насильно и уносит с собой, так что вы не имеете даже времени очнуться и придти в себя. Есть роли совершенно в его роде. Но большая часть ролей, созданных Шекспиром, и в том числе Гамлет, требуют тех добродетелей, которых недостает в Каратыгине. Вы можете это увидать только после, по долгом соображении и долгом изучении характеров, созданных Шекспиром, и потому я не хочу говорить вам об этом. Лучше, если вы дойдете к этому сами.

Вы спрашиваете меня о новостях, что происходит нового среди вечных древностей? Всё прекрасно, чудесно, больше ничего не могу сказать. Цветут розы, темнеют кипарисы, ослепительно сияет синий небесный свод, убраны по-праздничному все развалины и ваш друг Колизей. Но вы всё это знаете и без моих слов. Картина Бруни, о которой вы интересуетесь знать, кажется, стоит на том же, на чем стояла. Век художника оканчивается, когда он оставляет раз Италию, и, дохнувши тлетворным дыханием севера, он, как цветок юга, никнет голову. Бруни как будто бы прихватил петербургский мороз; по крайней мере кисть его скользит лениво и не работает. Об аббате Ланчи не имею никаких сведений.

Вы пишете и спрашиваете, когда я буду к вам. Это задача для меня самого, которую, признаюсь, я не принимался даже еще разрешать. Притом же вы подали совет моему двоюродному брату такой, который и мне может пригодиться. Прощайте, будьте здоровы. Не оставьте совершенно без внимания поданный мною вам совет насчет здоровья вашего — я имею хорошее предчувствие и не сердитесь за глупость письма моего. Право, если бы вы знали положение души моей. О! вы бы извинили меня. Прощайте. Напишите скорее ваш ответ и адресуйте его в Мариенбад, poste restante.

<*Адрес:*>

St. Pétersbourg (en Russie).

Ее превосходительству Марии Петровне Балабиной.

В С.-Пбурге на Английской набережной, в доме генерал-лейт<енанта> Балабина.

409. С. П. Шевыреву

<Май 1839. Рим>

Благодарю тебя мильон раз за твое милое письмо и целую тебя за него и обнимаю. Я рад очень, что ты доволен своим помещением и совершенно спокоен, без этого нельзя начать как следует своих наблюдений. Между прочим, не позабудь проведать и найти Тургенева (если только он в Париже). Он вам очень будет полезен. Данилевский должен знать адрес его. Если случится тебе встретиться с Мицкевичем, обними его за меня крепко. Новость твоя об Уварове достигла и сюда. Лучше ее, конечно, не могло ничего быть. Это первая, сколько мне помнится, утешительная новость из России. Кажется, мстительная тень Пушкина вмешалась[1] в это дело и, защищая за гробом любезные ей права литературы и просвещения, наконец, настигла преследуемого неизбежно ею хищника. Здесь говорят об этом розно, но никто не знает настоящего дела. Я тут вижу чудо и больше ничего. Уваров с его гибкостью, с его всеми условиями, требуемыми правительством, мог лишиться его милости! — это почти непостижимо. Я бы желал знать день и час, в который это случилось, со мной теперь происходят какие-то пророческие события. Не случилось ли это в тот самый день, в который я написал ему приговор после разговора нашего с Погодиным; об этом приговоре скажет тебе Погодин. Я хотел было разослать его по знакомым в Россию, но теперь натурально оставлю его в портфеле, как памятник моих тогдашних движений. Лежачего не бьют. Прощай, мой милый и добрый.

Твой Гоголь.

Письмо твое я получил только вчера. Четыре дня я не видал Софьи Борисовны, все эти дни и ночи вместе я проводил у одра больного Иосифа, моего Виельгурского. Бедненькой, он не может остаться минуты, чтобы я не был возле... И было бы бессовестно с моей стороны, если бы я не заплатил, увы! может быть, последнего долга дружбы. И потому я пишу к тебе немного, но мы знаем теперь еще короче друг друга, и наши пути договорят остальное. София Борисовна, я нахожу, поправилась. Воздух здешней весны для нее, видно, очень хорош.

<*Адрес:*>
Шевыреву.

[1] вступилась

410. А. С. Данилевскому

Рим. Июнь 5 <н. ст. 1839>.

Письмо твое пахнет унынием, даже чтобы не сказать отчаянием и припадками решительной безнадежности. Мне кажется только, что последним двум слишком рано предаваться. Неужели тебе уже решительно ничего не остается на свете, которое бы тебя привязывало. Погоди, по крайней мере, покамест я умру, тогда уже можешь предаться им, по крайней мере, сыскать какой-нибудь предлог для них, если они тебе так нравятся; а до того времени Бог знает. Конечно, я не имею теперь от себя никаких средств тебе помочь. Но ведь я еще живу, стало быть, я на что-нибудь тебе нужен.[1] Впрочем, я состояние твое совершенно понимаю. Одиночество в этом пустынно-многолюдном Париже и притом еще в это время года,[2] время томительных жаров, которые везде томительны, кроме Италии. Это, конечно, страшно! Если б ты знал, как мне грустно покидать на два месяца Рим, почти так же грустно, как тебе оставаться в Париже. Я недавно еще чувствовал одну сильную, почти незнакомую для меня в эти лета грусть, грусть живую, грусть прекрасных лет юношества, если не отрочества души. Я похоронил на днях моего друга, которого мне дала судьба в то время, в ту эпоху жизни, когда друзья уже не даются. Я говорю об моем Иосифе Вельегорском. Мы давно были привязаны друг к другу, давно уважали друг друга, но сошлись тесно, неразрывно и решительно братски только, увы, во время его болезни. Ты не можешь себе представить, до какой степени была это благородно высокая, младенчески ясная душа. Выскочки ума и таланта мы видим иногда часто у людей, но ум и талант, и вкус, соединенные с такою строгою основательностью, с таким твердым, мужественным характером, это явление, редко повторяющееся между людьми. И всё было у него на 23 году возраста. И при твердости характера, при стремлении действовать полезно и великодушно, такая девственная чистота чувств. Это был бы муж, который бы украсил один будущее царствование Ал<ександра> Ник<олаевича>. Все прочие его окружающие хоть бы крупицу таланта имели. И прекрасное должно было погибнуть, как гибнет всё прекрасное у нас на Руси. — Ты опять сидишь без известий о доме. — Я думаю, мне кажется, лучше всего покамест тебе обратиться к сестре. Она так

[1] *Далее было: а.* Словом, для тебя, кажется, нет места *б.* Что же касается

[2] *Далее было:* времени тех

добра и так полна к тебе братской любви, что я не могу подумать, чтобы она тебя могла оставить в минуту, когда тебе так нужна помощь. Притом же она одна в состоянии понять настоящее твое положение. Напиши, представь ей хорошенько и живо твое положение. Я не думаю, чтобы она отказала тебе, это невозможно. Ты ленив, тебе трудно подвигнуться на что-нибудь, а мне кажется, сначала бы написать в Лубны к Ивану Сем<еновичу> твоему.[1] — Человек, которого <*нрзб.*> называют по имени и отчеству, а не фамилией, без всякого сомнения, пребывает в возможности дать взаймы. Словом, тебе средства есть. Нельзя, чтобы их не было, на то дан человеку ум или даже простой инстинкт. Но на тебя страшно действует нужда. Она тебя не подстрекает на изобретение, как обыкновенно бывает, а подавляет тебя всего собою. Твой ум меньше всего, я замечал, действует в это время, на него находит летаргическое усыпление, и ты сам идешь навстречу отчаянию с распростертыми руками и объятиями, тогда как ему следовало бы иногда вместо этого дать под <...>. Но довольно об этом предмете. Мне очень жаль, что ты мало сошелся и сблизился с своими гостями. Впрочем, и то сказать, что приехавший в Париж новичок худой товарищ обжившемуся парижанину. Первый еще жаждет и ищет, другой уже устал и утомлен. Им трудно сойтиться и особливо, когда времени всего только один месяц. Жаль! Они были бы для тебя полезны. Впрочем, я надеюсь, они будут еще <...>[2] О, как бы я желал быть сию же минуту в состоянии <...>[3] впрочем, напиши, по крайней мере, сколько тебе нужно, чтобы выехать из Парижа и переехать на воды, чтобы <ничто> тебя не задерживало. Я не потому спрашиваю тебя, чтоб имел возможность тебе сейчас помочь, но потому, чтобы знать, чтобы иметь в виду, чтобы ведать, как при случае нужно иногда действовать, чтобы иногда, хоть по крайней мере жестом помочь тебе или выражением рожи, как делает человек, когда видит, что другому больно. Прощай, мой милый. Целую тебя.

Твой Г<оголь>.

<*Адрес:*>

Paris.
A monsieur
Monsieur Alexandre de Danilevsky.
Rue de Marivaux (boulevard des Italiens).

[1] *Далее было:* Он как <*нрзб.*> человек безо всякой

[2] [3] *Вырвано.*

411. Е. Г. Чертковой

Вена. Июня 22 <н. ст. 1839>.

Странная вещь. Как только напьюсь чаю, в ту же минуту кто-то невидимкой толкает меня под руку писать к вам, и Елисавет<а> Григорьевна не сходит ни на минуту с мыслей. И отчего бы это? Пусть бы еще эта потребность являлась во время кофию, тогда по крайней мере понятно. Кофий клеится в моей памяти с вами: вы сами мне клали сахар и наливали; но во время чаю вы не брали на себя никакой должности. Отчего же это? Я теряюсь и становлюсь похожим на того почтенного гражданина и дворянина, который всю жизнь свою задавал себе вопрос: почему он Хризанфий, а не Иван, и не Максим, и не Онуфрий, и даже не Кондрат и не Прокофий.[1] Вы, верно, знаете, отчего вы живее в моих мыслях после чаю. Верно, вы один раз, пивши его, вообразили, что льете мне его на голову, и вылили вашу чашку на пол. Или, хотевши швырнуть блюдечком мне в лоб, попали им в верхнюю губу и передний зуб вашего доктора, который только что успел вам рассказать, как весь город удивляется терпению вашего Гриши, или может быть ваша Лиза, взявши чашку с чаем и приготовляясь пить, закричала во весь голос: Ах мама, вообрази, здесь в чашке сидит Гоголь! Вы бросились с места и вскрикнули: Где Гоголь? Лиза принялась ловить ложечкой в стакане и закричала вновь: Ах, это не Гоголь, это муха! И вы увидели, что это была, точно, муха и может быть в эту минуту сказали:[2] Ах, зачем эта муха, которая так надоедала мне, уже далеко от меня. Словом, что-нибудь верно случилось, иначе мне бы не было такого сильного желания писать к вам именно после чаю.[3] Вы мне[4] обыкновенно представляетесь сидящею в креслах, в ваших креслах. Но после чаю вы стоите возле меня живо, опершись на спинку стула, и как будто что-то говорите. Почти так, как, помните, один раз вы сказали или может даже подумали так, что сосед ваш вовсе не слыхал, а услышал я. Вы сидели у окна, ваши губы едва шевельнулись или почти не шевельнулись. Вы мне лучше и чаще представляетесь в эту минуту. Словом, хотя мне чай вреден, но я буду его пить чаще, чтобы иметь[5] подобные минуты.

Знаете ли, что это письмо пишется к вам из Вены? я мог бы сию минуту сходить в Poste restante и взять там ваше письмо

[1] *Далее начато:* Ита<к>
[2] вы сказали
[3] *Далее было:* И хотя мне чай вреден, но отныне я буду пить [чай] его
[4] другое время
[5] видеть

и написать на него ответ, но я не хотел этого сделать для того, чтобы до завтра быть в сладкой уверенности, что там лежит точно ваше письмо ко мне. Если ж там нет его — Боже! сколько злости прольется. Всем достанется: и немцам, и Вене, и шляпе, и перчаткам, и мостовой, и собственному носу, о чем, как кажется, было уже писано. И ни одному немцу, который будет сидеть со мною в дилижансе, не позволю выкурить ни одной сигары. Пусть он треснет, проклятый! Прощайте, целую ваши ручки.

412. М. П. Погодину

<Май–июнь? 1839. Рим>

Получил и твою приписочку. Милый мой друг. Очень рад, что вам помещение пришлось по душе. Елизавету Васильевну следовало бы, впрочем, пожурить немножко за то, что она захворала. Но я надеюсь, что это больше ничего как усталость после большой дороги; доктор здесь — отдых, и потому, поручая ему заботу, ожидаю с нетерпением описания и отчета вашего вояжу. Я теперь очень и слишком занят моим больным Вельегорским: сижу над ним ночи без сна и ловлю все его мановения. Есть святые услуги[1] дружбы, и я должен теперь их исполнить. Но удивительно: я не чувствую никакой усталости. Здоровье мое ничуть не сделалось хуже. Даже лицо мое не носит никаких знаков изнеможения, находят даже меня поправившимся. Сладки и грустны мои минуты нынешние. Но я вечно благодарю Бога, что во мне случилась эта надобность и что именно случился в это время я, а не лицо чуждое, неродное, неприятное для больного. Прощай, целую тебя. Будь здоров.

<Адрес:>
Погодину.

413. М. И. Гоголь

<Июнь 1839.> Рим.

Я получил не так давно ваше письмо, почтеннейшая маминька, на которое не мог отвечать раньше сего дня. Судя по его содержанию, я думаю, что оно должно было быть предшествуемо другим, которого я не получил, потому что вы говорите о каком-то молодом человеке, о котором я доселе не слышал и не могу знать о ком, и, наконец, о каких-то двоюродных

[1] условия

сестрах ваших, проживающих у вас, о которых я тоже от вас прежде не слышал. Мне очень жаль, если ваше письмо пропало. Вы еще пишете, что дети боятся экзамена и письма их к вам наполнены опасениями и проч. и проч. Это совершенный вздор и вас не должно никак беспокоить. Это робость, свойственная всем в этом возрасте. После окончания экзамена они сами будут над ней смеяться. Вы пишете еще, что опасаетесь за старшую сестру насчет ее робости и что эта робость увеличилась от доставленных мною им знакомств. Как можно так несправедливо думать! Напротив, это одно средство, которое было причиною уменьшения их робости. Они, приехавши из деревни, были совершенные дикарки, от которых посторонний человек не мог добиться слова. Теперь по крайней мере они могут разинуть рот и произнести несколько удовлетворительных слов. Я им доставлял знакомства постепенно и притом такие, которые не заставляли их вовсе женироваться, но быть совершенно простыми и непринужденными, знакомства, которые могли им доставить пользу существенную, образовать их ум, и вместо всего этого... Можно ли так судить! Я вам очень благодарен, маминька, за ваши воспоминания обо мне и любовь вашу. Но я вас прошу не очень заботиться насчет приуготовления нужных по вашему мнению вещей. Мне решительно в этом роде ничего не нужно. Напрасно вы нашили мне рубашек. Я их без всякого сомнения не могу носить и не буду, потому что они сшиты не так, как я привык. Лучше обождать, покамест вы будете иметь на образец мою рубашку, на манер которой вы можете уже заказать мне сшить.

Во всяком случае не нахожу слов, как благодарить вас за ваши заботы. Что касается до времени моего приезда, то ничего наверно не могу вам сказать, всё это будет зависеть от моего здоровья и обстоятельств.[1] Впрочем, я постараюсь быть непременно к выпуску сестер в Петербурге, хотя заранее содрогаюсь от нашего жестокого климата, который решительно был признан гибельным докторами для моего здоровья. Больше ничего не имею вам теперь сказать. Прощайте до следующего письма. Для лучшего и исправнейшего получения писем адресуйте ваше письмо в Мариенбад, в Богемию, оттуда оно будет ко мне отправлено вернейшим образом.

Ваш любящий много сын.

[1] и обстоятельств *вписано.*

414. Княжне В. Н. Репниной-Волконской

<Июнь (после 4-го числа и до середины месяца) 1839>
Чивита Веккия или Чертавекия.

Благодарю вас за ваш «Счастливый путь!» Он, верно, будет счастлив, я в этом уверен. Помните, когда я ехал из Кастелламаре, и вы мне желали счастливого пути? Он был счастлив. Я исполнил тогда все, что должен был исполнить, обделал дела хорошо, безупречная совесть весело провожала возвратный путь мой в Италию. Я буду верно счастлив и теперь. Притом же ваша шапочка хранит главу мою.[1] Что вы будете счастливы, это говорит ваша прекрасная вилла Фальконьери. Как я жалею, что я вас не познакомил с моим большим приятелем, который теперь в Риме, Моллером. Не удалось никак: он был нездоров тогда. Но нет нужды, он к вам явится, если только не поедет в Неаполь. Он дал по крайней мере мне слово. Вы его очень полюбите. Какая прекрасная, скромно благородная[2] душа и какой смелый сильный талант. Это решительно наш первый ныне художник, несмотря на то, что он не художник званием. Вы, я думаю, слышали его историю. Он сын нашего морского министра, но бросил все служебные выгоды, Петербург, смотры, парады и балы и променял саблю на кисть, и вы изумитесь его кисти. Он весь переселился в природу, и тайны ее, недоступные обыкновенному художнику, ему раскрываются и говорят внятно. Мне желалось бы очень, чтобы вы с ним познакомились и заставили его прожить у вас на вилле. Это было бы очень полезно для него и для вас. Прощайте! Целую ваши ручки и кланяюсь несколько раз от души княгине и князю. Глафире Иван<овне> также. Будьте здоровы!

Совершенно ваш

Гоголь.

При первом удобном случае буду писать к вам.

[1] *Далее начато:* будьте счастливы
[2] благодарная

415. Граф П. И. Кутайсов — Е. Р. Рейтерну, Н. В. Гоголю

Копия уведомления

<5 июля 1839 г. Санкт-Петербург>

Милостивый Государь
Евграф Романович!

Общество Поощрения Художников вследствие представления Г. Члена Николая Михайловича Смирнова в Общем собрании 9 Марта 1839 года единогласно приняло Вас в члены своих Членов-Корреспондентов, в полной уверенности, что Вы по просвещенной любви своей к изящному не оставите ревностию участвовать во всем, что к благу Общества и пользе Художников в нашем Отечестве относиться будет.

По званию Председателя Общества извещая Вас о сем и препровождая Экземпляр Высочайше утвержденного Устава и Отчет о действиях Комитета за протекший год, с 28 Апреля 1838 по 28 Апреля 1839 года, я вменяю себе в особенное удовольствие изъявить Вам, Милостивый Государь, сколь мне приятно иметь в Вас по Обществу сочлена, с толицем успехом проходящего прекрасное поприще изящного.

Имею честь быть с совершенным уважением
Милостивый Государь,
Ваш покорнейший слуга

Подписал: Граф Кутайсов.

№ 28.
5 июля 1839.
Его Высокоблагородию
Е. Р. Рейтерну.

№ 29.
Его Высокоблагородию
Николаю Васильевичу
Гоголю-Яновскому.

416. Граф Мих. Ю. Виельгорский — Н. В. Гоголю

Июля 28 <н. ст. 1839>. Марсель.

Что мне вам сказать, любезнейший товарищ, незабвенный мой спутник? — Мы все еще здесь живем в уединении на прекрасной, прохладной даче, и, если бы не *горе*, вполне наслаждаться

мог бы семейственной жизнью, которою давно не пользовался в такой мере. — Но это горе, как червь, неизгладимо — и самый взгляд милых, бесценных моих детей напоминает о потере невозвратной.

Недавно получил я собственноручное письмо от Государя Императора, писанное от сердца, как *он* умеет писать! Гораздо приятнее и сладкоумилительно для сердца было его изъявление насчет умершего, — именно, что от него он ожидал в будущности. Также получил и от Жуковского два письма, — в одном есть несколько строк для вас — но не мог их отыскать, а перешлю в Рим, при отъезде, когда разрою свои бумаги.

Мы вообще ожидали Гр<афиню> Воронцову, которой приезд был бы для меня большой помощью. Она любит Графиню, которая и ее очень любит. Она была бы помощницей в моих беспрестанных разговорах с женой, у которой горесть все глубже и глубже укореняется. «Что я за мать, — говорит она часто, — я воображала только, что я его любила, и не умела умереть», — и подобные парадоксы материнской любви, которых и пересказать вам не могу, но которые понятны вашему сердцу.

Мы еще не совсем отложили надежду видеть Графиню, послав ей даже <*1 нрзб.*> приехать — в таком случае проживем <здесь> еще до 20-го августа, и если решительно она откажется, то в первых числах поедем, вероятно, по Рейну в Ротердам и оттуда, вероятно, в Брайтон или останемся в Марселе <?> для пользования морским купанием.

Портрет Жозефа отыскался у младшей дочери. Я его послал в Рим Риччи. Не имею еще известий оттуда.

Познакомился я здесь с Паганини, но не слыхал его — он вскоре уехал на воды; страдает общим расслаблением и началом *паралича в дыхательном орудии.* Когда говорит, то сжимает ноздри двумя пальцами, что довольно смешно.

Здесь все в большом ожидании развязки дел на востоке, где смерть Султана гордианский узел перерезала неожиданно. Что Наш скажет и сделает? Этого-то и ожидают со страхом.

Теперь жалею, что не просил вас написать строк десяток для помещения в «Diario» о смерти нашего незабвенного друга! Он завял, как одинокий неизвестный цветок!

Простите, милый мой! мысленно вас объемлю.

Напишите ко мне в *Марсель,* au consulat de Russie, т. е. *Ebeling.*

417. М. П. Погодину

Август 15 <н. ст. 1839>. Мариенбад.

Благодарю тебя много за твою записку из Егера. Слова ее утешительны. Мне было очень приятно ее читать. Благодарю. Еще недели на полторы остаюсь в Мариенбаде. Время настало ясное, дождей нет. Ничего особенного со мною не случилось. Слышу пустоту без тебя, но не грущу. Малороссиi<йские> песни со мною. Запасаюсь и тщусь сколько возможно надышаться стариной. Прощай, мой бесценный, и будь здоров! Равномерное желание посылаю и Елис<авете> Васильевне.

Твой Гоголь.

Бенардаки еще не получал ни письма, ни коляски. Он тебе кланяется.

<*Адрес:*>
à monsieur
monsieur Michel de Pogodin, professeur a l'université de Moscou
à Génève (Poste restante).

418. С. П. Шевыреву

Вена. 25 августа <н. ст. 1839>.

Я хотел писать к тебе с Погодиным и совершенно обестолковел в день его выезда; даже позабыл, что он должен ехать через Мюнхен. Я сегодня только, виноват, вчера приехал в Вену. Перед выездом моим из Мариенбада получил письмо от Погодина из Мюнхена, в котором он говорит о тебе и пересылке какой-то статуйки Фиезоле, о которой я ничего не знаю и которую ты перешлешь. Мне бы следовало сходить на почту и узнать, не написал ли и ты чего-нибудь ко мне, но не хочется потерять утра и хочется хотя два-три слова написать к тебе. Это желание сердца — хотя эти два, три слова вовсе пустые и не значат ничего, но в них нуждалось сердце. Я еще не видел тебя ни разу, после нашего *ты.* Ты теперь мне гораздо дороже и ближе, чем прежде, и мне жаль, что я не скоро буду видеться с тобою... Теперь о себе. Что я в Мариенбаде, ты это знал. Лучше ли мне или хуже, Бог его знает. Это решит время. Говорят, следствия вод могут быть видимы только после. Но что главное и что, может быть, тебя заинтересует (ибо ты любишь меня, как и я люблю тебя), это — посещение, которое сделало мне вдохновение. Передо мною выясниваются и проходят поэтическим строем времена казачества, и если

я ничего не сделаю из этого, то я буду большой дурак. Малороссийские ли песни, которые теперь у меня под рукою, навеяли их или на душу мою нашло само собою ясновидение прошедшего, только я чую много того, что ныне редко случается. Благослови!

Напиши мне, часто ли получаешь вести из Рима и что делает Софья Борисовна, каково ей понравилась жизнь во Фраскати, и от меня самый добрый и здравожелательный поклон. О Рим, Рим! мне кажется, пять лет я в тебе не был. Кроме Рима, нет Рима на свете, хотел было сказать — счастья и радости, да Рим больше, чем счастие и радость. Адресуй мне письмо в poste restante. Я еще, думаю, проживу в Вене, чтобы получить более чем одно письмо твое. Впрочем, пиши тогда, когда тебе захочется. Мне всегда казалось странно требовать непременно в известное время письма. Это для писем должностных, а для писем вольных, сердечных нет правила: они напишутся скорее и быстрее, чем думаешь, если только их требует сердце...

На днях приедет к вам, если уже не приехал, Иноземцев, которому отдай, пожалуйста, это письмо.

419. М. И. Гоголь

<26 августа (н. ст.) 1839. Вена>

Триест. 26 сентября.

Меня очень удивило ваше письмо, писанное[1] от августа и полученное мною через Богемию. Вы, верно, нехорошо прочитали мое письмо. Я вовсе не писал, что буду в Мариенбаде и тем более с намерением оттуда ехать в Россию. Через Богемию я потому просил вас адресовать письма, что они будут отправлены с курьером вдвое скорее и вернее, чем по почте. Насчет же моей поездки я еще ничего решительно не предпринял. Я живу в Триесте, где начал морские ванны, которые мне стали было делать пользу, но я должен их прекратить, потому что поздно начал, с будущей весной их продолжаю. Если я буду в России, то это будет никак не раньше ноября месяца и то если найду для этого удобный случай и если эта поездка меня не разорит. Путешествие же зимою по России несравненно дешевле. Если бы не обязанность моя быть при выпуске моих сестер и устроить по возможности лучше судьбу их, то я бы не сделал подобного дурачества и не рисковал бы так своим здоровьем, за что вы, без сомнения, как благоразумная мать, меня первые станете укорять.

[1] *Далее было:* вами чрез Богемию

Но есть обязанности, которые нужно выполнить и где, признаюсь, без личного моего присутствия я не думаю быть успеху. Итак, я не хочу вас льстить напрасною надеждою. Может быть, увидимся нынешнюю зиму, может быть, нет. Если ж увидимся, то не пеняйте, что на короткое время. Завтра отправлюсь в Вену, чтобы быть поближе к вам. Письма адресуйте так, как я вам сказал: в Москву на имя профессора Моск<овского> университ<ета> Погодина, на Девичьем поле. Не примите опять этого адреса в том смысле, чтобы я был скоро в Москве, но это делается для того, чтобы ваши письма дошли до меня вернее: они будут доставлены из Москвы с казенным курьером, и вы, стало быть, заплатите за них только до Москвы, что сделает большую разницу. Триест — кипящий торговый город, где половина итальянцев, половина славян, которые говорят почти по-русски — языком очень близким к нашему малороссийскому. Прекрасное Адриатическое море передо мною, волны которого на меня повеяли здоровьем. Жаль, что я начал поздно мои купанья. Но на следующий год постараюсь вознаградить. Прощайте, бесценная маминька. Будьте здоровы и пишите. Теперь вы можете писать чаще, письма ваши будут скорее получаться мною.

Много вас любящий и признательный вам сын ваш Ник<олай>.

<Адрес:>

Pultava (en Rusie Meridionale).
Ее высокоблагородию Марии Ивановне Гоголь-Яновской.
В Полтаву, оттуда в д. Василевку.

420. М. И. Гоголь

<27 августа (н. ст.) 1839. Вена>
Вена. 1839, августа 28.

Всё-таки я от вас не получаю писем. Я вам, кажется, адрес такой доставил, по которому нельзя и думать, чтобы письма могли меня не найти или до меня не дойти. Вот вам еще один адрес: лучше всего адресуйте в Москву на имя Погодина, который мне доставит их аккуратно и даже через курьера, что будет еще скорее и исправнее. Надписывайте на пакете вот каким образом: Его высокоблагор<одию> Михаилу Петровичу Погодину, Профессору Импер<аторского> Московск<ого> университета. На Девичьем поле, в собственном доме. Для доставления Никол<аю> Васил<ьевичу> Гоголю. К октябрю или ноябрю, может быть,

я сам буду в Москву. Знаю, что делаю дурно, что мне рано еще возвращаться в Россию, что здоровье мое не укрепилось и что я испорчу этим всё, — но что делать? Нужно ехать выкупать сестер из Института[1] и устроить, сколько можно лучше, их судьбу. Бог милостив, авось-либо удастся хорошо обделать это дело; во всяком случае, нужно смотреть только на то, что истинно и существенно им полезно, и уметь жертвовать всем для их счастия. Но я не могу теперь много писать. Когда получу ваше письмо, которого ожидаю с нетерпением, тогда... Теперь прощайте. Целую ваши ручки и желаю вам быть здоровыми.

Ваш сын Н. Гоголь.

<*На обороте:*>

A Pultava (en Russie Meridionale)
Ее Высокоблагородию Марье Ивановне
Гоголь-Яновской.
В Полтаве. Оттуда в Д<еревню> Васильевку.

<*Почтовые штемпели:*>

<*1-й*> Wien
27 AUG.
<*2-й*> <...>[2] AMBOR
<...>[3] Sep. 1839.

421. Д. Е. Бенардаки

Вена. <Конец августа (н. ст.) 1839>

При сем случае пишу я к вам несколько слов, искренно любимый и уважаемый мною Дмитрий Егорович. Пожалуйста, напишите мне несколько строчек о вашем путешествии. Каретник ваш желает чрезвычайно знать, понравилась ли вам коляска, и потому не преминините меня об этом уведомить. Я в два дни и две ночи сделал мое путешествие в Вену без всяких приключений. Дни прекрасные. Жарко. Даже не верится, что в Мариенбаде мы уже видели осень. Каковы ваши задние обстоятельства? О моих еще ничего не могу сказать. Особенно советую вам как можно больше смотреть в Мюнхене все, что достойно и недостойно. Это благодетельно действует. Я как походил по Вене с четыре часа, осматривая разный вздор, да притом еще заблудился, да как поискал часа с два своей квартиры, так после этого так вы<...>, как только можно гемороидальному человеку:

[1] *Далее было:* Без меня, знаю

[2-3] *Край штемпеля не пропечатан.*

с шапку наворотил, чего вам от всей души желаю и всякому доброму человеку; а злому человеку я бы не придумал другого наказания как не с<...> ему, мерзавцу, по целому месяцу. Если будет вам время, напишите из Женевы; мне бы очень желалось знать, как вам понравятся тамошние пенсионы и как вы и куда пристроите Леонида. Прощайте же, обнимаю вас душевно. Дядюшку Альфераки тоже.

Искренно преданный и уважающий вас

Гоголь.

Уведомьте, послали ли вы с привозившим коляску чемодан ко мне или нет. Мне сегодня понравился один чемодан и чуть было не купил; но, вспомнивши, что, кажется, хотели переслать ваш, решился до времени обождать.

<На обороте:>

Дмитрию Егоровичу Бенардаки от Гоголя.

422. А. В. и Е. В. Гоголь

<30 августа (н. ст.) — 5 сентября (н. ст.) 1839. Вена>

Вена. Август 30.

Право, на вас я сердит не в шутку, точно, истинно сердит. Зачем же вы не пишете? почему вы не пишете? Должно наконец сказать, что вы из всех сестриц, какие только есть на свете, самые негодные сестрицы, и меня же потом укоряете, что я не пишу. А я больше пишу даже, нежели вы. Притом мне совсем другое дело: я могу, и не писавши к вам, любить вас, а вам никак нельзя доказать, что вы любите меня, не писавши. Притом же мне множество нужно писать писем и не к одним вам, а вам писать только к одному мне, стало быть, вам всегда есть время. Притом я старше, а вы моложе. Мне можно иногда и полениться, а вам никак нельзя. Итак, слушайте, ленивицы! прошу вас покорнейше писать ко мне, а если не напишете сейчас же по получении письма, то, право, не приеду к вашему выпуску. Вот вам адрес. По этому адресу никак ваше письмо не может пропасть:

Его высокоблагородию, Михаилу Петров<ичу> Погодину, профессору импер<аторского> Московс<кого> университета. В Москве, в собств<енном> доме на Девичьем поле, для передачи Нико<лаю> Василь<евичу> Гоголю.

Итак, понимаете? Вы отправите ваше письмо прямо в Москву на имя Погодина, а он уже будет знать, как и куда

переслать мне, ибо я теперь не знаю, в каком городе и месте проживу долее, стало быть, и не могу вам означить моего адреса верно. Теперь покаместь я живу в Вене, где пробуду никак не дольше двух недель. Потом подберусь еще ближе к вам, а там, если Бог даст и если мое здоровье поможет, вы увидите меня в Петербурге, но не раньше, как за месяц до вашего выпуска. Если же вы желаете моего приезда именно для моего приезда, то есть для меня самого, то я благодарю вас много, и больше со стороны вашей ничего мне не нужно за мои старания о вас и мысли. Если ж вы потому только желаете моего приезда, чтобы выбраться скорее из института, и потому, что мой приезд есть ничто иное для вас, как вестник вашего освобождения, то позвольте мне сказать вам, что я вас больше люблю, чем вы меня, и что ваша любовь ничто против моей чистой, бескорыстной любви, и что вам никогда не понять ни сердца, ни души моей, ни моих душевных движений.

Прощайте! Пишите! Обнимаю вас моею братскою любовью.

423. М. П. Балабиной

Вена. Сентябр<я> 5 <н. ст. 1839>.

Нет, больше не буду говорить ни слова о немцах. Боюсь, право, боюсь. Может быть, вы в эти три года, как я не имел удовольствия вас видеть, переменились совершенно. Ведь как бы то ни было вам теперь 18 лет. Я ничего не знаю, что могло случиться с вами в это время. Может быть, вы сделались теперь высокого росту, у вас явилась страшная сила в руках. Я же человек щедушный, худенькой и после разных минеральных вод сделался очень похожим на мумию или на[1] старого немецкого профессора с спущенным чулком на ножке, высохшей как зубочистка. Долго ли в таком случае до греха. Вы мне дадите кулака — и я пропал. Вы[2] в себе точно имеете много страшного. Я помню, когда еще вам было 14 и 15 лет, у <вас>[3] любимою поговоркою было: «Я вас выброшу за окно». И потому, следуя правилам благоразумия, лучше поберечься и ни слова не говорить о немцах. Но знаете ли что? в сторону пустяки и шутки. Когда я прочел ваше письмо и свернул его, я поникнул головою, и сердцем моим овладело

[1] *Далее было:* самого

[2] *Далее начато:* теп<ерь>

[3] вас *зачеркнуто.*

меланхолическое чувство. Я вспомнил мои прежние, мои прекрасные года, мою юность, мою невозвратимую юность и, мне стыдно признаться, я чуть не заплакал. Это было время свежести *<нрзб.>* молодых сил и порыва чистого, как звук, произведенный верным смычком. Это были лета поэзии, в это время я любил немцев, не зная их, или может быть я смешивал немецкую ученость, немецкую философию и литературу с немцами. Как бы то ни было, но немецкая поэзия далеко уносила меня тогда в даль, и мне нравилось тогда ее совершенное отдаление от жизни и существенности. И я гораздо[1] презрительней глядел тогда на всё обыкновенное и повседневное. Доныне я люблю тех немцев, которых создало тогда воображение мое. Но оставим это. Я не люблю, мне тяжело будить ржавеющие струны во глубине моего сердца. Скажу вам только, что тяжело очутиться стариком в лета еще принадлежащие юности. Ужасно[2] найти в себе пепел вместо пламени и услышать бессил<ие>[3] восторга. Соберите в кучу всех несчастливцев, выберите между ними несчастнее всех и этот несчастливец будет счастливцем в сравнении с тем, кому обрекла судьба подобное состояние. Из вашего письма (которое расшевелило во мне коечто старого, за что вас благодарю) видно, что вы приняли то, что я сказал в частности о юге и севере, за решительное положение, что поэзия только на юге. Нет, на севере, может быть, еще более и чаще загоралась[4] она. И для того, чьи силы молоды, и душа чувствует свежесть, для того север — разгул. Но вы простите прежние слова тому несчастному, чья душа, лишившись всего, что возвышает ее (ужасная утрата!), сохранила одну только печальную способность чувствовать это свое состояние. И вообразите теперь этого несчастливца,[5] скитающегося под северным небом в виду деятельности и всего, что тревожит душу и влечет ее на то, чтобы творить. Можете ли вы понять те ужасные упреки, те терзания адские, невыносимые, которые он слышит в себе. Теперь, вообразите, над этим человеком, не знаю почему, сжалилось великое милосердие Бога и бросило его (за что — право не понимаю, ничего достойного не делал он), бросило в страну, в рай,[6] где не мучат его невыносимые душевные упреки, где душу его обняло спокойствие, чистое как

[1] *Далее было:* более
[2] *Далее было:* слышать
[3] *Конец слова вырван.*
[4] *Далее было:* поэзия, но *<нрзб.>* слова поэту
[5] *Далее было:* всегда куда-то ступающего
[6] *Далее было:* просто

то небо, которое теперь окружает, и о котором ему снились сны на севере во время поэтических грез, где в замену того бурного, силящегося ежеминутно вырываться из груди фонтана поэзии, который он носил в себе на севере и который иссох, он увидел поэзию[1] не в себе, а вокруг себя *<нрзб.>*, в небесах, солнце, в прозрачном воздухе и во всем тихую, несущую забвение мукам. Теперь мне нет ничего в свете выше природы. Передо мной исчезли люди, города, нации, отношения и всё, что <ло?>мает[2] людей, волнует и томит. Ее одну я вижу и живу ей. Вот почему я пристрастен к ней:[3] она мое последнее богатство. Кто испытал глубокие душевные утраты, тот поймет меня. Вы не тогда увидели Италию, когда нужно. Не во время юности и свежести сил ее нужно увидеть, нет! Но тогда, когда много, много отнимет у вас неумолимая судьба. Но письмо мое приняло слишком сурьезную физиогномию. Прочитавши, изорвите его в куски, я об этом вас прошу. Этого никто не должен читать, да оно, впрочем, никому не нужно. Я не знаю сам, почему я написал это, но ваше письмо возбудило... — Я знаю вас в этом отношении (не примите опять слова: я знаю вас в обширном значении, так как вы приняли в вашем письме).[4] Я никогда не буду так самонадеян и хвастлив, чтобы сказать:[5] я знаю вас. Нужно быть слишком глубокому испытателю души и сердца и всех его движений, чтобы[6] знать человека. Но и тот не скажет: я знаю[7] его совершенно. Я могу знать две-три прекрасные стороны вашего сердца, а тысячи других, из которых многие тайны для вас самих, могут мне быть неизвестны. Но мое маранье, я думаю, вам надоело, я же так скверно пишу. Пора кончить. Будьте так добры и отправьте это письмо в институт моим сестрам. Вы написали в конце вашего письма не знаю почему: до свидания. Может быть, в самом деле мне придется побывать в Петербурге (тягостная даже мысль), во всяком случае я пробуду не более недели там. О, тяжелая обязанность.[8] И хотя меня утешает то, что я увижу вас и четырех-пяти близких моему сердцу. Но... Бог видит, какую я великую жертву приношу. Прощайте. Будьте

[1] *Далее было:* вокр<уг>

[2] *Начало слова вырвано.*

[3] *Далее было:* и *<нрзб.>* поэзия одна моя царица

[4] *Скобка пропущена.*

[5] *Далее было:* глубочайший <?> испытатель сердца не в состоянии сказать: я знаю человека. Для этого

[6] *Далее было:* познать

[7] *Далее было:* всего

[8] *Далее было:* Мне однако ж

здоровы. Не забывайте вашего истинного друга. Душевный поклон мой вашей маминьке и всем вашим родным.

Н. Гоголь.

<Адрес:>

St. Pétersbourg (en Russie).

Ее превосходительству Марии Петровне Балабиной.

В СПбрге на Аглицкой набережной, в доме генерала Балабина.

<Штемпель:>

получено 1839 Сентября... пополудни

424. С. П. Шевыреву

<10 сентября (н. ст.) 1839. Вена>

Вена. 10 августа.

Третьего дня я получил письмо твое. Как оно мне было приятно, об этом нечего говорить. Оно было бы приятно даже без этой важной новости, тобою объявляемой: но с этою новостью, увесистой, крупной новостью, оно и сказать нельзя как хорошо. Ты за Дантом! ого-го-го-го! и об этом ты объявляешь так, почти в конце письма. Да, спаси Бог за это Мюнхен и ту скуку, которую он поселил в тебя! Но не совестно ли тебе, не приложить в письме двух-трех строк? Клянусь моим честным словом, что желание их прочесть у меня непреодолимое! О, как давно я не читал стихов! а в твой перевод я верю, верю непреложно, решительно, бессомненно. Это мало, что ты владеешь стихом и что стих твой силен: таким был он и прежде: но что самое главное и чего меньше было у тебя прежде, это внутренняя, глубокая, текущая из сердца поэзия: нота, взятая с верностью удивительною и таким скрипачом, у которого в скрипке сидит душа. Все это я заключаю из тех памятных мне стихов в день твоего рождения[1], которые ты написал в Риме. Доныне я их читаю, и мне кажется, что я слышу Пушкина. Я не знаю, знаешь ли ты и чувствуешь ли, во сколько раз ты более в них стал поэтом против прежнего поэта. Вот почему я так обрадовался твоему огромному предприятию. И ты не прислал мне даже образчика! Хорошо ли это? Да знаешь ли ты, что это необходимо, и тебя, верно, мучит тайное желание прочитать свое начало и слышать суд. Без этого не мог существовать ни один художник. Вследствие этого пришли мне непременно сколько хочешь и можешь. Я не покажу никому и не скажу никому.

[1] *В источнике вместо:* твоего рождения — *описка, допущенная, по-видимому, самим Гоголем:* моего рождения (*см. коммент. к письму*).

Ай да Мюнхен! Ты должен имя его выгравировать золотыми буквами на пороге дому твоего.

Что касается до меня, я… странное дело, я не могу и не в состоянии работать, когда я предан уединению, когда не с кем переговорить, когда нет у меня между тем других занятий и когда я владею всем пространством времени, неразграниченным и неразмеренным. Меня всегда дивил Пушкин, которому для того, чтобы писать, нужно было забраться в деревню, одному и запереться. Я, наоборот, в деревне никогда ничего не мог делать, и вообще я не могу ничего делать, где я один и где я чувствовал скуку. Все свои ныне печатные грехи я писал в Петербурге и именно тогда, когда я был занят должностью, когда мне было некогда, среди этой живости и перемены занятий, и чем я веселее провел канун, тем вдохновенней возвращался домой, тем свежее у меня было утро… В Вене я скучаю. Погодина до сих пор нет. Ни с кем почти не знаком, да и не с кем, впрочем, знакомиться. Вся Вена веселится, и здешние немцы вечно веселятся. Но веселятся немцы, как известно, скучно, пьют пиво и сидят за деревянными столами, под каштанами, — вот и всё тут. Труд мой, который начал, не идет; а, чувствую, вещь может быть славная. Или для драматического творения нужно работать в виду театра, в омуте со всех сторон уставившихся на тебя лиц и глаз зрителей, как я работал во времена оны? Подожду, посмотрим. Я надеюсь много на дорогу. Дорогою у меня обыкновенно развивается и приходит на ум содержание; все сюжеты почти я обделывал в дороге. Неужели я еду в Россию? я этому почти не верю. Я боюсь за свое здоровье. Я же теперь совсем отвык от холодов: каково мне переносить? Но обстоятельства мои такого рода, что я непременно должен ехать: выпуск моих сестер из института, которых я должен устроить судьбу и чего нет возможности никакой поручить кому-нибудь другому. Словом, я должен ехать, несмотря на всё мое нежелание. Но как только обделаю два дела — одно относительно сестер, другое — драмы, если только будет на это воля всемогущего Бога, доселе помогавшего мне в этом, как только это улажу, то в феврале уже полечу в Рим и, я думаю, тебя еще застану там. Между тем я сижу всё еще в Вене. Погодина еще нет. Время стоит прекрасное. Тепло и вечно хорошая погода.

Прощай. Пиши и не забудь просьбы…

Твой Гоголь.

425. А. В. и Е. В. Гоголь

Вена. Сентябр<я> 15 <н. ст. 1839>.

А! наконец я получил ваше письмо. Эге-ге! да вы напустились на меня так, что я, читая ваше письмо, несколько раз оглядывался назад, не стоите ли вы позади меня и велики ли ногти на руках ваших. Я для вас решаюсь ехать в Петербург. Знаете ли вы, какую я жертву для вас делаю? Знаете ли, что я за миллионы не согласился бы приехать в Петербург, если бы не вы? Итак вы можете из этого судить, меньше ли я вас люблю, чем вы меня. Завтра я еду из Вены. Через полтора месяца, я думаю, буду в Петербурге, если не позже. Письмо мое, как видно, к вам было скоро доставлено. Вы видели ли Балабину и как ее здоровье — лучше ли? Она всё была больна. Напишите мне, кто у вас бывает чаще. Известите меня также, где теперь Андр<ей> Андр<еевич> и Ольга Дмит<риевна> Трощинские, в Петербурге или нет. Мне об <этом> очень нужно знать. Если они по случаю в Петербурге, то передайте им мой поклон и скажите, что я писал к ним и собирался еще писать, но остановился за незнанием их местопребывания и что я непременно отыщу их где бы то ни было и принесу им лично мою благодарность за всё то, что они делали для вас и для всего нашего семейства.

Уведомьте меня также, какие же<?> перемены у вас в институте и кто там остался из тех, которые меня еще помнят. Пишите ко мне по тому же адресу в Москву: на имя профессора Погодина.

Прощайте, мои бесценные. Будьте здоровы! Не замедлите вашим ответом.

Много вас любящий брат, Николай Гоголь.

Когда вы получили письма от маминьки? и что вам пишут?

426. С. П. Шевырев — Н. В. Гоголю

<Середина сентября (н. ст.) 1839. Дахау>

Что будешь делать с тобой? Ты меня так умаслил, что решился показать тебе свою тайну, но только тебе да Погодину, который уж об ней знает. Читай. Благословишь ли? Ты меня так утешил письмом своим, что я ну читать стихи свои. Сначала трусил, но потом, прочитавши, решился. Посылаю. Ответ дружеский не страшен никогда и всегда полезен, в том или другом случае. — Рифмам мужеским и женским я дал развод, как делают немцы: но это разрешил мне и сам Пушкин.

Но, друг, условие: чтобы и ты работал. Ссылаюсь на твое выражение: «Я буду большой дурак, если из этого ничего у меня не выйдет». Смотри, ты рискуешь многим: я ведь начну с тобой браниться. Есть иногда в нас эта лень, которую надобно побеждать настойчивостью. Вена, конечно, не вдохновительна, но что тебе за дело до Вены? Я тебе опять скажу на лень твою стихами из другой песни Данта, мною начатой:

Коль речь твою перевести на дело, —
Великого проговорила тень, —
Душа твоя от страха обомлела.
Им часто в душу проникает лень:
От подвига он гонит нас, пугая,
Как призрак зверя, как померкнет день.

Ну, помилуй, скажи, что ты делаешь с моим Briefsammler'ом? Уж серебряная облатка его удивила, и он сзывал соседей на зрелище, а ты как раз после этого отпустил ему золотую! Он просто с ума сошел, мой Briefsammler. Уж тут он и соседей не сзывал, а его просто нашли остолбеневшего перед письмом твоим и должны были вырвать письмо насильно из рук оцепеневшего брифзаммлера. Дело дошло и до ландрихтера, моего покорнейшего слуги, который меня просил написать тебе, чтоб ты в Дахау не присылал ни золотых, ни серебряных облаток. Я боюсь, что ты того и гляди брякнешь мне бриллиантовую: ну тогда уж я не ручаюсь и за моего ландрихтера. От такой облатки и он может помешаться. Беда, да и только.

В прошлом письме я совершенно забыл отвечать тебе на вопрос о статуйке Фра-Беато. Погодин просил меня узнать о том, есть ли в маленьких статуйках всех знаменитых художников, сделанных Шваненталером, статуйка Пинтуриккио, а не Фра-Беато, — и для тебя купить ее. Но после он смешал Фра-Беато с Пинтуриккио. Я еще не совершенно знаю, есть ли, потому что, живучи в Дахау, я не мог осведомиться.

Как я рад буду, если мы в феврале с тобою увидимся. Дай тебе Господь успеха во всех твоих предприятиях и здоровья как можно больше. Обнимаю тебя душевно.

Твой Шевырев.

427. А. А. Иванову

Вена. 1839. Сентябрь 20 <н. ст.>.

Здоровы ли вы и как поживаете? почтеннейший Signor Alessandro, как называет Луиджи. Я к вам пишу потому, что полагаю вас уже в Риме, возвратившимся из Венеции без сомнения с большою пользою и оконченной schizzo вашей большой картины под мышкой, в чем помогай вам Бог! Я, между прочим, исполнил вашу комиссию, купил для вас в Женеве часы. Таких, как хотел, я не сыскал: то есть серебрян<ых> плоских, с золотым ободочком. Их уже не делают, а делают или просто все серебряные и несколько толще, или же золотые. Из которых добрые и верные дороги. Подешевле же я не решался купить, не будучи уверен в настоящем и внутреннем их достоинстве. Притом меньше 150 р. нет, а так как вы меня просили в 100, то я их не взял и хорошо сделал. Потому что скоро потом нашел у одного знакомого мне часового мастера именно такие часы, как хотел, серебр<яные> с золот<ым> ободочком и той же известной мне доброй работы. Он носил эти часы сам и для продажи их не назначал, но я упросил его уступить за 90 р., что я нахожу очень недорого. Он же к тому же и все их вызолотил, так что они имеют вид золотых. Вы их получите скоро после этого письма вместе с моею палкою, которая служила мне в Риме и которую прошу поставить в углу вашей комнаты до моего приезду. Вы получите также три дюжины венск<их> карандашей, которые я нахожу очень хорошими. Одну дюжину из них возьмите себе, другую отдайте Моллеру, а третью оставьте для меня. В этой же посылке четыре серебрян<ых> стакана, которые пусть <остаются> у вас до моего приезда. Вы явитесь к Кривцову и спросите только следуемую на ваше имя посылку. Я, к сожалению, не буду в Риме раньше февраля. Никак не могу отклониться от неотразимой для меня поездки в П<етер>бург. Но в феврале непременно намерен очутиться на Via Felici и на моей старой квартире, и мы вновь примемся с вами за capretto arrosto и Asciuto. А до того времени прощайте и будьте здоровы. Да. Просьба к вам, чтобы не позабыть: наведайтесь на почту и если есть письма ко мне, то возьмите их, заплатите за них что следует и удержите их у себя до моего приезда. Не дурно бы это повторять каждый месяц, потому что ко мне часто пишут знакомые и незнакомые, знающие только по слуху, что я должен быть в Риме. Я думаю, Рихтер уже давно оставил Рим. Эту маленькую записочку отдайте Моллеру вместе с моим поклоном.

Да еще. Если случится время, побывайте у меня на квартире и скажите моему хозяину, что я не буду в октябре в Риме, что деньгами он может располагать, как хочет. Но что вещи в сундуке пусть он держит до моего приезду, что я буду непременно если не в феврале, то в марте непременно. Если вы уже обзавелись часами, то всё-таки удержите их у себя. Мне понадобятся.

<Адрес:>
Al Signore
Signore Alessandro Ivanof.
Pittore Russo celeberrimo.
Roma. Via Condotti. Café Greco.

428. С. П. Шевыреву

Вена. 21 сентября <н. ст.> 1839 года.

Пишу к тебе на самом выезде. Благодарю за письмо, а за стихи вдвое. Прекрасно, полно, сильно! Перевод каков должен быть на русском языке Данта. Это же еще первые твои песни, еще не совершенно расписался ты, а что будет дальше! Люби тебя Бог за это, и тысячи тебе благословений за этот труд. Больше некогда сказать ничего. Пиши ко мне в Москву и пришли ко мне еще несколько листиков. Никому не покажу и сохраню их у себя в портфеле. Прощай. Не забывай...

Твой Гоголь.

429. М. П. Погодину

<Между 24 августа и 19 сентября (н. ст.) 1839. Вена>

На всякий случай, если нескоро меня отыщешь, оставляю записочку в poste restante. Живу zum Römischen Kaiser Freiung, комната 27.

Твой Гоголь.

430. М. И. Гоголь

<22–24 сентября (н. ст.) 1839. Вена — Ольмюц>

Октябрь 24. Вена.

Я сегодня выезжаю. Решено, я еду в Россию на малое время, на время, какое позволит мне пробыть мое здоровье. Но во всяком случае я постараюсь с вами увидеться, и если мое путешествие меня слишком утомит и я не в состоянии буду приехать к вам по первой зимней дороге, то я вас попрошу к себе. Место свидания нашего будет, я думаю, Москва. Туда я думаю привезть

и сестер. Я думаю их взять прежде экзамена. Я не хочу, чтобы они дожидались этой кукольной комедии. В них же притом немного есть, чем бы щегольнуть при публике. Оно и лучше. То, что хорошо для мальчиков, то нейдет девушкам. Притом мне жаль их, особенно бедной Анет: ее мучат несносно. Она то и дело пишет, что у ней кружится и болит голова. Я боюсь за ее здоровье. Притом она так теперь расстроилась, что вряд ли будет в состоянии не робеть и помнить, что нужно. Вы очень заботитесь о том, как ей будет в чужом доме. Об этом не заботьтесь: дом, в котором я бы хотел поместить их, вовсе не чужой, и они[1] должны быть приняты там с таким радушием, как собственные дочери, иначе я бы не поместил их туда. Притом они пробудут,[2] по крайней мере я так думаю, один год или много <два>, чтобы осмотреться хорошенько, видеть и узнать сколько-нибудь людей, чтобы потом не броситься на шею первому встречному и не выйти замуж за кого попало. Почему знать,[3] может быть, Бог будет так милостив, что они найдут себе в Москве выгодную партию. Там же так много людей достойных, и они более независимы и менее заняты службою, отбивающею ото всего охоту. Что белье вы припасли, это недурно, но рубашек для меня не шейте без меня. Я хочу, чтобы вы их шили при мне. А сестре Марии скажите, что если она хочет, чтобы племянник мой был определен в какой-нибудь институт, то пусть заблаговременно запасется всеми нужными свидетельствами: свидетельством о дворянстве ее мужа, свидетельством о его службе, свидетельством о рождении, крещении, оспе и проч. и проч., что водится вообще при определениях в лицей и корпуса.

И пусть займется этим сейчас же, потому что, если в этот приезд мой я не успею этого обделать, то после будет трудно. Затем, обнимая вас всех[4] мысленно в ожидании свиданья, которое будет, надеюсь,[5] через два или через три месяца, остаюсь вечно любящим вас сыном

Н. Гоголь.

<Адрес:>

à Moscou
A monsieur
Monsieur de Pogodin.
Для доставления в Полтаву. Марии Ивановне Гоголь-Яновской.

[1] *Далее было:* будут
[2] *Далее было:* там
[3] Бог знает
[4] *Далее было:* остаюсь вечно любящ<ий>
[5] надеюсь *вписано.*

431. М. И. Гоголь

<26 сентября (н. ст.) 1839. Краков>

Вена. Октября 26.

Итак, я выезжаю сегодня в Россию; чрез месяца полтора или два буду в Петербурге, а недели через две после этого — в Москве и там, как только сколько-нибудь устроюсь и буду иметь какой-нибудь приют, напишу вам вместе с приглашением приехать ко мне, потому что мне не будет никакой возможности вновь делать такую страшную дорогу. Я думаю, в последних числах генваря или феврале я буду иметь удовольствие увидеть вас. Впрочем, я вас уведомлю письмом, когда вам можно будет приехать. До того времени не дурно бы было, если бы вы прислали по почте рубашки и белье моим сестрам. Чем скорее, тем лучше. Адресуйте посылку на имя *Погодина в Москву.* На всякий случай приложите и мне рубашки, которые у вас сделаны. Если они не будут так годиться, то я буду их надевать по ночам, что мне необходимо. Затем будьте здоровы и покойны. Не заботьтесь ничем. Может быть, Бог поможет мне как-нибудь устроиться с нашими делами.

Да, ради Бога, не скрывайте от меня положение дел наших. Я знаю очень хорошо, что дела наши по имению дурны, как только возможно хуже, и потому прошу изъяснить всё, не скрывая ничего, а без того не придумаешь, как помочь.

Да сестре повторите, чтобы она похлопотала заблаговременно и хорошенько о бумагах и свидетельствах о службе и о дворянстве своего мужа, если хочет, чтобы сын ее <был> куда-нибудь определен.

<Адрес:>

à Pietrobourg

à Monsieur

monsieur Procopowieth

pour remet<t>re ее высокоблагородию Марии Ивановне Гоголь-Яновской.

В Полтаву, оттуда в д. Васильевку.

432. В. А. Жуковскому

<28 сентября (н. ст.) 1839. Варшава>

Варшава. Сентябрь 12.

До меня только дошли слухи, что вы писали ко мне. Я два раза получил письмо от Вьельгорского, всякой раз он меня

уведомлял, что от вас получал письма и ко мне маленькую приписочку, но что он мне пришлет ее после и что по рассеянности он не помнит куда ее положил. Как досадно! Мне нужно было получить ваши строки. Клянусь, мне они тогда были очень нужны. Мои прожекты и старания уладить мой неотъезд в Петербург не удались. Выпуск моих сестер требует непременного и личного моего присутствия. Не выпуск, но устроение будущей судьбы их, которое благодаря Бога каким-то верховным наитием мне внушено. Они, надеюсь, будут счастливы и не беспо<к>оюсь о их. Одно меня тревожит теперь. Я не знаю, как мне быть и разделаться с самим их выпуском из института. Мне нужно на их окупировку, на заплату за музыку учителям во всё время их пребывания там и проч. и пр<оч>. около 5 000 рублей и признаюсь, это на меня навело совершенный столбняк. Об участи своей я не забочусь. Мне нужен воздух, да небо, да Рим. Но эта строка и пункт... Я еще[1] принужден просить вас. Может быть, каким-нибудь образом государыня, на счет которой они воспитывались, что-нибудь стряхнет на них от благодетельной руки своей. Что ж делать мне? Знаю, бесстыдно и бессовестно с моей стороны просить еще ту, которая уже так много удручила мое сердце бессилием выразить благодарность мою. Но я не нахожу, не знаю, не вижу, не могу придумать средств[2] и чувствую, что меня грызла бы совесть за то, что я не был бессовестным. Во всяком случае, хотя здесь и не может быть успеха, всё по крайней мере на душе моей будет легче при мысли, что я употреблял же и пытался на<йти?> средства и что сколько-нибудь выполнил обязанность брата. Если бы знали, чего мне стоило бросить Рим, хотя я знаю, что это не больше как на два-три месяца. Но клянусь, если б мне предлагали миллионы и эти миллионы помножили еще на миллионы и потом удесятерили эти миллионы, я бы не взял их, если б это было с условием оставить Рим хотя на полгода. — Но вы меня понимаете, вы знаете его, этот прекрасный рай, вознесшийся на семи холмах, со всеми его чудесами, исполинами-развалинами и теми соснами куполообразными, теми кипарисами, которые мы рисовали на этом божественном воздухе... О! Я еду за вами и вашим данным вами словом, как вельзевул, которому дана рукописная и рукокровная клятва. Я слежу вас и не выпущу. — Есть одно, которое из Петербурга для меня делает Рим на несколько дней.[3]

[1] *Далее было:* попрос<ил бы?>

[2] *Далее было:* может быть ч<то>

[3] *Начиная отсюда вся нижняя половина письма отрезана.*

Это восторг обнять вас. Но к чему слова? Сердечных и глубоких явлений какой пошлый перевод в силах передать?

Вечно ваш Гоголь.

Адресуйте ваше письмо в Москву по следующему адресу: Его высок<облагородию> Михаилу Петровичу Погодину, профессору Московского университ<ета> на Девичьем поле, в собств<енном> доме, для передачи Гоголю. Я проживу у него месяц, затворясь от всех и от всего. Мне нужно окончить мою некоторую работу. Прощайте! Будьте вечно веселы душой!

<Адрес:>

Его прев<осходительству> Ва<силию Андреевичу Жуковскому>. В Зимне<м дворце. В С.-Петербурге>

433. С. П. Шевырев — М. П. Погодину

С припиской Н. В. Гоголю

<20 сентября (н. ст.) 1839. Дахау>

Письмо твое, в котором ты меня вместо того, чтобы поблагодарить за скорое уведомление, разбранил бестолковым, я получил, любезный друг, и спешу на него отвечать тебе. Да что тебе в том, что Гр. Строг<анов> едет на зиму в Неаполь? О том, что он поехал на год, ты же мне сказывал сам. — Только забыл сказать, что на месте его Голохвастов, ну, да думал, что ты догадаешься. Если я бестолков, то ты недогадлив. Если б была значительная перемена, разумется, я тебя бы уведомил. — Ну, да полно. — Письмо твое я тотчас же отправил к жене, которая отдаст его, вероятно, в Риме, а не то пошлет в Неаполь. — Теперь о журнале. С тобой не сладишь. Ты был, есть и будешь упрям. Порть дело — издавай! Ты это делаешь, чтобы поправить финансы, но я уверен заранее, что расстроишь их более. Погоди<н> и Шевы<рев> — легион сотрудников, капитал труда! Шевырев в Мюнхене не может заниматься критикой Руской Литературы, Шевырев в Мюнхене не может тратить время на переписывание статей, Шевырев с будущего февраля будет в разъездах до конца июня. Ш<евырев> в Университете, по приезде, будет читать новые курсы, и откроет непременно курс Истории искусства. — Погодин, пока будет жить на Дев<ичьем> поле и всякое время принимать к себе гостей, которые сидят до глубокой ночи, журнал издавать физически не может. — Но делай как хочешь. Моего имени, разумеется, ты не выставишь на издании, как издателя, а сотрудником твоим я,

без сомнения, не могу быть. Все, что у меня напишется, понесу к тебе. Условия мои с тобою такие же, как с Моск<овскими> Ведомостя<ми> и с Журналом Министерства. То, что от них получаю, — то и ты давай мне. — Поработал даром я уже довольно и для Моск<овского> Вестника и для Наблюдателя. — Пиши мне — что тебе надобно к первой книжке? Обозрение искусства в Мюнхене? Свидание с Бальзаком? Дай тебе Бог успеха! Я, разумеется, тебя не оставлю, а *соиздателем быть не могу.* — Видно, придется мне когда-нибудь одному уж выступить, но это со временем. — Тютчев в Мюнхене. Я у него выпрошу также для 1-й книжки.

Ты бранишь С., но я все-таки ему благодарен за то, что он был у меня в Дахау и взглянул своими глазами на труд мой. У меня был душевный друг в Мюнхене, да и тот второпях не захотел пожертвовать утром и съездить в библиоте<ку> Молле. Что он теперь скажет за меня в совете Университета? — Как бы видел своими глазами, мог бы рассказать все толком. Уведомь меня поскорее, получил ли Голохв<астов> 11 моих донесений и 10 списков — и что обо мне знают в Университете? Да скажи этому Казначею, что я на него просьбу подал за то, что он меня так обсчитывает. — Выслали ли мне деньги? — Что из Петербурга? — Мне еще работы много. — До сих пор хоть бы строчка ответу. — Я из Дахау не выезжаю до тех пор, пока не кончу всего дела. —

Жду с нетерпением письма от тебя.

На мою просьбу быть ак<к>уратным в платеже твоего долга по твоему же обещанию, ты хоть и отзываешься банкрутством, однако я все-таки прошу тебя быть исправным, и отдать эти деньги Павлову, потому что я так распрорядил<ся> своими делами[1]. Твоя неисправность могла бы расстроить ход моих дел. Мне лучше бы было иметь теперь эти деньги при себе, потому что я должен вдвойне тратить на их перевод из России. —

Библиотека поглотила у меня все время. Я теперь ничего не делаю. — Даже и Дант спит. — Начал учить Еврейскую азбуку. — Прощай. Писать более нечего. — Дай тебе Бог здоровья и всего лучшего. — Целую руч<ки> у Елизав<еты> Васил<ьевны>. — Обнимаю тебя.

Твой Шев<ырев>.

Гоголю. Благодарю тебя, любезный друг, за ободрительное слово. Твои три облатки свели с ума всех жителей Дахау. Письмо в триумфе несено было от почты до моего дома при великом

[1] Это

стечении народа. Briefsammler с ума сошел, а жаль мне его: аккуратен был в доставке писем. — Дант мой уснул, яви<вш>ись на Моск<овской> сцене еще раз. — Обнимаю тебя.

Твой Шев<ырев>.

Погодину. Ты же даешь мне столько поручений, не давши мне ни копейки на них денег. — Чтоб им удовлетворить, я должен буду распорядиться иначе: купить тебе трубку в 50 или во 100 рублей, учебные пособия по Истории и Географии, прочим наукам, все статуйки живописцев, и еще список книг. — Эти книги ты получишь, но выпишешь из Лейпцига. Там сбавляют тебе 25 проц<ентов>, а мне только 10 здесь. — Получишь же их ты прежде с будущей весною, потому что Университет<ские> книги, Бог знает, отправятся ли нынешнею осенью? Я до сих пор ответа не имею. — К тому же Мюнхен не так богат книгами, как Лейпциг, и отсюда надобно будет их выписывать, на это проходит иногда м<еся>ца два и более, — как сказывали мне Мюнхенцы. Судя по руке и по книгам, я вижу что Мих<аил> Дмитриев дал тебе это поручение. — Ты сам не исполнил, да и валишь на меня.

<*Адрес:*>
Moscow.
Monsieur
Monsieur Pogodin
à *Moscow.*
Его Высокоблагородию
Милостивому Государю
Михаилу Петровичу
Погодину
в *Москве.*
На Девичьем поле, на собственной даче, бывшей Князя Щербатова, на правой руке, ближе к монастырю.

<*Штемпель:*>
DACHAY
20/9

434. П. А. Плетневу

Москва. 27 сентября <1839>.

Я в Москве. Покамест не сказывайте об этом никому. Грустно[1] и не хотелось сильно! Но долг и обязанность последняя: мои сестры. Я должен устроить судьбу их. Без меня (как ни ворочал

[1] Как странно.

я это дело) я не находил никакого средства. Я на самое малое время, и как только устрою, не посмотрю ни на какие препятствия, ни на время, и чрез полтора или два месяца я на дороге в Рим. К вам моя убедительнейшая просьба узнать, могу ли я взять сестер моих до экзамена и таким образом выиграть время или необходимо они должны ожидать выпуска. Дайте мне ответ ваш и, если можно, скорее. Скоро после него я обниму, может быть, вас лично.

Я слышал и горевал о вашей утрате. Вы лишились вашей доброй и милой супруги, столько лет шедшей об руку вашу, свидетельницы горя и радостей ваших и всего, что волнует нас в прекрасные годы нашей жизни. Знаете ли, что я предчувствовал это. И когда[1] прощался с вами, мне что-то смутно говорило, что я увижу вас в другой[2] раз уже вдовцом. Еще одно предчувствие, оно еще не исполнилось, но исполнится, потому что предчувствия мои верны, и я не знаю отчего во мне поселился теперь дар пророчества. Но одного я никак не мог предчувствовать — смерти Пушкина, и я расстался с ним, как будто бы разлучаясь на два дни.

Как странно! Боже, как странно. Россия без Пушкина. Я приеду в П<етер>бург и Пушкина нет. Я увижу вас — и Пушкина нет. Зачем вам теперь Петербург? к чему вам теперь ваши милые прежние привычки, ваша прежняя жизнь? Бросьте всё! и едем в Рим. О, если б вы знали, какой там приют для того, чье сердце испытало утраты. Как наполняются там незаместимые пространства пустоты в нашей жизни! Как близко там к небу. Боже, Боже, Боже! о мой Рим. Прекрасный мой, чудесный Рим. Несчастлив тот, кто на два месяца расстался с тобой и счастлив тот, для которого эти два месяца прошли, и он на возвратном пути[3] к тебе. Клянусь, как ни чудесно ехать в Рим, но возвращаться в него в тысячу раз прекраснее. Ради Бога, узнайте от Жуковского, получил ли[4] он мое письмо из *Варшавы* и какой его ответ.

Адрес мой: Професс<ору> импер<аторского> Моск<овского> унив<ерситета> Михаилу Петровичу Погодину на Девичьем поле, в собст<венном> доме. Для передачи Гоголю, который всё тот же неизменно любящий вас вечно.

[1] *Далее было:* я
[2] во второй
[3] и он возвращается
[4] не получил ли

435. С. Т. Аксакову

<Первая половина октября 1839. Москва>

Посылаю вам всё, что имею. Других документов нет, кроме пашпорта. — Не можете ли вы узнать, когда выпуск в Патриот<ическом> институте. Я не помню, но мне это нужно. <*нрзб.*> имеете время, а нет, то и не нужно.

Весь ваш Гоголь.

436. М. Н. Загоскину

<Октябрь (после 17-го числа) 1839. Москва>

Адресую мое письмо к вам, как члену того просвещенного и высшего круга, который составляет честь и гордость Москвы. Тяжело было моему сердцу, и клянусь, тяжесть эту чую до сих пор, когда дошли до меня слухи, что мое непоявление в театре отнесено было к какому-то пренебрежению московской публики, встретившей меня так радушно[1] и произведшей бы <в> иное время благодарные ручьи слез. Моего положения внутреннего никто не видал. Никто не мог прочесть на лице моем потрясшего меня удара несчастий в моих отношениях семейственных, который получил я за несколько минут до представления моей пиэсы. При всем том, зная, что меня ожидает радушная встреча той публики, которая была доселе заочно так благосклонна ко мне, я пересилил себя и, несмотря на свое горе, был в театре Я собрал даже всё присутствие духа, чтобы явиться по первому вызову и принести мою глубокую признательность. Но когда коснулся ушей моих сей единодушный гром рукоплесканий, так лестный для автора, сердце мое сжалось и силы мои меня оставили. Я смотрел с каким-то презрением на мою бесславную славу и думал: теперь я наслаждаюсь и упояюсь ею, а тех близких, мне родных существ, для которых я бы отдал лучшие минуты моей жизни, сторожит грозная, печальная будущность;[2] сердце мое переворотилось! Сквозь крики и рукоплескания мне слышались страдания и вопли. У меня недостало сил. Я исчез из театра. Вот вам причина моего невежественного поступка. Мне не хотелось и, клянусь, стоило больших сил объявить ее; но я должен был это сделать. Я победил в этом собственную гордость. Я вас прошу даже сообщить всем тем, которые будут укорять меня к довершению моего горя неправым и тяжелым моему сердцу обвинением и бесчувственности

[1] так радушно встретившей меня

[2] и уже неотразимый и верный удел

и неблагодарности. Вы покажите даже им письмо мое, на что бы я никогда, впрочем, не согласился, потому что чувства и страдания должны быть святыней, храниться в сердце и не поверяться никому, но из желанья доказать, как ценю я сильно и много эту благосклонность ко мне публики, я жертвую сим. Она может не поверить словам моим и этому сердечному моему письму, может даже посмеяться надо мною. Пусть она прибавит еще презрения, еще той ненависти ко мне, которую питают[1] многие соотечественники мои, но клянусь, никогда не выйдут из благодарной груди моей те минутные выражения ее радушия и благосклонности. Я опять умчу в изгнанье мою нищенскую гордость и мою сжатую бедствием душу; но и среди горя, в моем существованьи, померкшем и утружденном болезнью душевной и телесной, мимо всего этого, брызнут не раз признательные слезы за те одобрительные плески, несшиеся ко мне из отдаленного моего отечества.

437. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю

<20 октября 1839. Москва>

...Желая непременно ехать вместе с вами, любезнейший Николай Васильевич, я обращаюсь к вам с вопросом, можете ли вы отложить свой отъезд до вторника? Если не можете, мы едем в воскресенье поутру.

438. С. Т. Аксакову

<20 октября 1839. Москва>

Коли вам это непременно хочется и нужно и я могу сделать вам этим удовольствие, то готов отложить отъезд свой до вторника охотно.

439. С. Т. Аксакову

<Октябрь (до 26-го числа) 1839. Москва>

Жалею очень на нездоровье Веры Сергеевны, а что до картины или до Рафаэлей, как полагает их владетель, то они без всякого сомнения от нас не уйдут. К обеду к вам притечем.

<Адрес:>

Сергею Тимофеевичу Аксакову.
От Гоголя.

[1] *Далее было:* питают <ко> мне

440. С. Т. Аксакову

<26 октября 1839. Москва>

Составилось намерение для того, чтобы не останавливаться на дороге за обедом: позавтракать здесь, т. е. у вас, и потому мы с Погодиным в 1 ? час. к вам — недурно, если бы и Щепкин был. — Итак, если это вам покажется и не затруднит вас, то уведомьте. Позавтракать можно даже в 2 часа, ибо Погодин теперь сказал, что ему даже нельзя выйти из университета раньше 2 часов.

Весь ваш

Гоголь.

441. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю

<26 октября 1839. Москва>

Я и так продержал сутки дилижанс, лошади с 8 часов здесь; назначены 2 часа. Начинаем завтрак; это значит — мы выедем в 4, то есть в ночь. Итак, я считаю самым удобным отправиться сию минуту. Впрочем, уведомьте, любезный Николай Васильевич; как Вы решите, так и будет.

Ваш С. Аксаков.

442. С. Т. Аксакову

<26 октября 1839. Москва>

Вы правы, через час я готов.

443. Графу Мих. Ю. Виельгорскому

<1 ноября 1839. Санкт-Петербург>

Я приехал в Петербург на очень короткое время. Я был у вас, чтобы обнять вас, но жаль не застал дома. Я остановился у Плетнева недалеко от вас, в улице Новомихайловской, в доме Строганова. Сегодня мне нужно отряхнуться после дороги и поискать пристанища, но завтра я надеюсь быть у вас. Вы знаете сами и можете сами чувствовать, как мне будет приятно вас видеть. Вот между прочим письмо, которое Жуковский просил вас отослать как можно скорее в канцелярию Императ<рицы>. Прощайте. Много объятий посылаю вам заочно. До завтра! Я пробуду $1^{1}/_{2}$ недели.

Весь ваш Гоголь.

444. М. П. Погодину

1839. Ноября 4. <Санкт-Петербург>

Я к тебе собирался писать, душа моя и жизнь, прежде, но отсрочивал, покамест не пойдут успешно мои дела, чтобы было о чем уведомить. Но до сих пор всё еще туго. По поводу моих сестер столько мне дел и потребностей денежных, как я никак не ожидал: на одну музыку и братые им уроки нужно заплатить более тысячи, да притом на обмундировку, то, другое, так что у меня голова кружится. Надеюсь на Жуковского, но до сих пор ника<кого> верного ответа не получил. Правда, что время не очень благоприятное. Твое письмо, или лучше два пакета, я получил в один день. Нисколько не одобряю твоего намерения издавать прибавления к Москов<ским> Ведомостям и даже удивляюсь, как тебе пришлось это. Уж коли выходить в свет, да притом тебе и в это время, то нужно выходить сурьезно, дельно, увесисто, сильно. Уж лучше, коли так, настоящий, сурьезный журнал. Но что такое могут быть эти прибавления? Как бы то ни было, мелкие статейки, всякий дрязг! Если ж попадет между ними и значительная статья, то она будет совершенно затеряна. Притом на них издержать и первый пыл приступа, и горячую охоту начала, и наконец статьи, которые, накопившись, дали бы полновесность и гущину будущему дельному журналу. И охота же тебе утверждать самому о себе несправедливо обращающееся в свете о тебе мнение, что неспособен к долгому и истинно сурьезному труду, а горячо берешься за всё вдруг и т<ому> подоб<ное>. Ради Бога, подумай хорошенько и рассмотри со всех сторон. Помни твердо, что тебе нужно таким образом теперь начать, чтобы было уже раз навсегда, чтобы это было неизменно и неотразимо. — В нынешнем твоем намерении, я знаю, ты соблазнился кажущеюся при первом взгляде выгодою, и не правда ли, тебе кажется, что листки будут расходиться в большом количестве. Клянусь, ты здесь жестоко обманываешь<ся>. Если бы ты имел место в самых Московских Ведомостях, это другое дело. У тебя разойдется много.[1] Но ведь ты издаешь за особенную цену, отдельную от ведомостей. Из получателей Московских Ведомостей 15 т<ысяч> человек только, может быть, 50 таких, которые имеют литературные требования. Все же прочие[2] ни за что не прибавят 10 рублей, будь уверен. Если ж ты надеешься на читателей, не подписыва<ющихся>[3]

[1] немного

[2] *а.* не выписываю<щие?> *б.* др<угие?>

[3] *В оригинале:* не подписываешься

на Московские Ведом<ости>, еще более обманешься. Уж самое имя: Прибавл<ения> к Московск<им> Ведомост<ям> никого не привлечет. Тут никакого нет электрического, даже просто эффектного потрясения. К тому ж, это не политические, исполненные движения современного листки, которые одни могут только разойтиться, но никогда еще не было примеру, чтобы листки, посвященные собственно литературе, крохотная[1] литературная газета имела у нас какой-нибудь успех. Конечно, есть вероятность успеха и подобного предприятия, но только когда? Тогда, когда издатель пожертвует всем и бросит всё для нее, когда он превратится в неумолкающего гаэра, будет ловить все движения толпы, глядеть ей безостановочно в глаза, угадывать все ее желания и малейшие движения, веселить, смешить ее. Но для всего этого, к счастию, ты неспособен. А без того что? Неужели ты думаешь, что статьи солидные, будучи помещены в газетные листки, займут кого-нибудь и надолго останут<ся?>. Их жизнь будет жизнь газеты, толпе по прочтении пойдут на известное употребление, вся разница, что, может быть, даже еще прежде прочтения. Статья умная, сильная, глубокая в ежедневном листке! Неужели тебе не бросается это ярко в глаза. Это всё равно, что[2] Пушкин на вечере у Греча между Строевым и прочим литературным дрязгом. Но и это сравнение еще не сильно и не подходит к настоящей истине. Спрашивается, какая надобность литературе быть еженедельной и где нарастут новости в течение трех, четырех дней у нас[3] и еще в нынешнее время? А без современности зачем листок? Ты сам знаешь, что у нас книжное чтение больше в ходу, чем журнальное, и что журналы, для того чтобы расходиться, принуждены наконец принимать наружность книг (к сожалению, только в буквальном значении). Да и укажи мне где-либо в каком бы ни было государстве, чтобы была в ходу какая-нибудь чисто литературная газета. Все Revue парижские издаются книжками. Что должно быть определенно для переплета, то для переплета, что для подтерок, то для подтерок. Не смешивай же двух этих вещей, никогда не соединяющихся вместе. На переворот ничего не можешь сделать. Нет, ты просто не рассмотрел этого дела. Я никогда не думал от тебя услышать это. Ты меня просто озадачил. Нет, во что бы то ни стало, но я послан Богом воспрепятствовать тебе в этом. Как ты меня охладил и расстроил этим

[1] небольшая
[2] что если бы
[3] *Далее было:* в т<еперешнее?>

известием, если б ты только знал. Я составлял и носил в голове идею верно обдуманного, непреложного журнала, заключителя в себе и сеятеля истин и добра. Я готовил даже и от себя[1] написать некоторые статьи для него, пользуясь временем весны и будущего лета, которые будут у меня свободны, я, который дал клятву никогда не участвовать ни в каком журнале и не давать никуда своих статей. А теперь и я опустился духом: ты начнешь эти прибавления, ты оборвешься и подорвешься на них и охладеешь потом для издания сурьезного предприятия. Ради Бога, рассмотри внимательно и основательно, и со всех сторон это дело. Что это у тебя за дух теперь бурлит,[2] неугомонный дух, который так вот и тянет тебя на журнал, когда ты еще не обсмотрелся даже вокруг себя со времени своего приезда. Нет, это будет лежать на моей совести. Я буду просить тебя на коленях, буду валяться у ног твоих. Жизнь и душа моя, ты знаешь, что ты мне дорог, что ты моя жизнь точно. Не будет, клянусь, не будет никакого успеха в твоем деле. И я не вынесу, видя твои неудачи, и это уже заранее отравит мое пребывание в Москве и на меня в состоянии навести неподвижность. Отдайся мне. Обсудим, обсмотрим хорошо, употребим[3] значительное время на приуготовление, потому что дело, точно, значительно, и, клянусь, тогда будет хорошо. Я много говорил, но, кажется, всё еще мало. Я здесь пробуду еще полторы недели и к 20 ноября непременно в Москве вместе с Аксаковым. — Мои сестры очень милы и добры, и я рад очень, что беру их теперь, а по каким причинам, я тебе скажу после. Поцелуй 50 раз ручки Елисавете Васильевне. Если б ты знал, как я без вас соскучил. Несмотря на многих моих истинных друзей, делающих мое пребывание здесь сносным, несмотря на это, не вижу часу ехать в Москву и весь бы летел к вам сию же минуту.

Как я рад, если ты поместишь сестер возле меня в комнатке наверху. Мне, признаюсь, очень было совестно лишить Елизавету Фоминишну на время всех удобств и занять ее комнату, но как ты сказал, что она с охотою уступает, то я в восторге. Они будут покамест переводить и работать для будущего журнала и для меня. Я хочу их совершенно приучить к трудолюбивой и деятельной жизни. Они должны быть готовы на всё. Бог знает, какая их будущность ждет.

[1] *Далее было:* что-нибудь

[2] *Далее было:* какой

[3] *Далее было:* на <*нрзб.*> приступ

Прощай, ангел мой. Пиши[1] и дай мне скорее твой голос и ответ. Ох, если бы ты знал, как мне хочется скорее развязаться с Петербургом. Боже, Боже, когда я увижу час своего отъезда! Умираю от нетерпения. Но всё идет еще довольно дурно. Мои дела клеятся плохо. Аксаков, кажется, не думает скоро управиться тоже с своими. Боже, если я и к 20 ноябрю не буду еще в Москве. Просто страшно. Целую и обнимаю тебя миллион раз, ангел мой! Будь здоров, и да хранит тебя во всем вышняя сила. Душа моя, как я без тебя соскучился!

Твой Гоголь.

445. М. П. Погодину

27 ноябр<я 1839. Санкт-Петербург>.

Не сердись на меня. Ей-Богу, не могу писать, кажется, как будто на каждой руке по четыре пуда тяжести. Право, не подымаются. Я не понимаю, что со мною делается. Как пошла моя жизнь в Петербурге! Ни о чем не могу думать, ничто не идет в голову. Как вспомню, что я здесь убил месяц уже времени — ужасно. А всё виною Аксаков. Он меня выкупил из беды, он же меня и посадил. Мне ужасно хотелось возвратиться с ним вместе в Москву. Я же так его полюбил истинно душою. Притом для моих сестер компания и вся нужная прислуга, словом,[2] всё заставляло меня дожидаться. Он меня всё обнадеживал скорым выездом: через неделю, через неделю — а между тем уже месяц. Если б я знал это вперед, я бы непременно выехал 14 ноября. У меня же всё готово совершенно, сестры одеты и упакованы как следует. Ах, тоска! Я уже успел один раз заболеть: простудил горло и зубы, и щеки. Теперь, слава Богу, всё прошло. Как здесь холодно. И приветы, и пожатия, часто, может быть, искренние, но мне отвсюду несет морозом. Я здесь не на месте. Для сестер ничего не нужно кроме двух кроватей. У них всё есть от платьев до белья с собою. Передай мой братской поцелуй Елисав<ете> Васильевне. Скажи, что сгораю нетерпеньем привезти его лично. Перецелуй[3] малюток, моих племянников. Коли будешь видеть Елиз<авету> Григорьевну, скажи ей, что я страшно скучаю в Петербурге. Обними Щепкина. О Боже, Боже! когда я выеду

[1] *Далее было:* если
[2] *Далее было:* это
[3] *Далее было:* всех

из этого Петербурга! Аксаков меня уверяет, как наверное, что 7 декабря будет этот благодатный день. Неужели он опять обманет, не дай Бог!

Душенька, обнимаю тебя! Прощай.

Твой Г<оголь>.

Обними Нащокина, как увидишь.

446. С. Т. Аксакову

<7 декабря 1839. Санкт-Петербург>

Вы не виноваты. Это моя несчастная судьба всему виною. Я теперь сам не еду. Морозы повергнули меня в совершенное уныние. Я уже успел отморозить себе ухо, несмотря на все закутыванья. Я не знаю, как и что делать. Как это всё странно вышло! Но мне никогда ни в чем удачи. Признаюсь, в вашей записке мне больше всего жаль, что вы обманулись в ваших надеждах, что определение не состоялось, жаль потому, что эта неудача вам неприятна. Будьте здоровы; обнимаю вас несколько раз. Если[1] удастся, завтра буду у вас.

Весь ваш Гоголь.

<*На обороте:*>

Сергею Тимофеевичу Аксакову.

447. А. В. Гоголь

<Между 19 и 21 ноября или между 1 и 5 или между 8 и 12 декабря 1839. Санкт-Петербург>

Если у тебя всё еще продолжается желудочная боль, моя милая Анет, то советую тебе пить вместо чаю по утрам посылаемую при сем мяту. Ее нужно настаивать так же, как и чай. Прощай, обнимаю тебя. Я в четверг буду.

Твой Николай.

<*Адрес:*>

Любезной сестре Анне.

448. А. С. Данилевскому

Москва. Декабря 29 <1839>.

Да, я в России. Последнюю нужно принести жертву. Присутствие мое[2] было необходимо. Мне нужно было обстроить дело,

[1] *Далее было:* будет

[2] *Далее было:* нужно

хотя одно из всех наших семейственных, которые идут чорт знает как. Я был в Петербурге и взял оттуда сестер. Они будут жить в Москве. Где-нибудь я их пристрою, хоть у кого-нибудь из моих знакомых, но лишь бы они не знали и не видели своего дома, где они пропадут совершенно. Ты понимаешь всё. Ты знаешь, что маминька моя глядит и не видит, что она делает то, чего никак не воображает делать, и, думая[1] об их счастии, сделает их несчастными и потом всю вину сложит на Бога, говоря, что так Богу угодно было попустить. — Об партии нечего и думать в наших местах и с нашим несчастным состоянием иметь подобные надежды было бы странно, тогда как здесь они могут скорее на это надеяться. По крайней мере, скорее здесь, чем где либо, может попасться порядочный человек и притом менее руководимый расчетами. Впрочем, как Бог даст. По крайней мере, здесь глаза моих знакомых и любящих меня будут на них устремлены. Это уже много. Притом во всяком случае и в отношении воспитания они могут здесь более приобресть, чем потерять. Из писем, в которых очень заметно, что от меня многое еще скрывается, я вижу, что дела маминьки должны быть до последней степени плохи. Пожалуйста, сделай мне большое одолжение, побывай у моей маминьки tête-à-tête и допроси ее хорошенько и обстоятельно, сколько она может рассказать положение дел. Скажи, что тебе она необходимо должна высказать откровенно. Что это единственное средство приготовить меня и что это даст возможность заблаговременно подумать, как и что поправить, словом, всё, что найдешь в этом случае нужным для выведания. Но так как между прочим от ней немного можно будет добраться настоящей ясности, то, пожалуйста, расспроси соседей и что говорят в околотке, и как в самом деле правятся у нас дела, и до какой степени обманывают нас мужики, приказчики и, наконец, сами соседи. Тебе ничего не будет стоить заехать в полверсте от нас к помещице Цюревской,[2] она самая ближняя соседка и, без сомнения, многое может рассказать. Не знаю и не могу постичь, какими средствами помочь нашим обстоятельств<ам> хозяйственным, которым грозит совершенное разорение. Тем более оно изумительно, что имение наше во всяком отношении можно назвать хорошим. Мужики богаты, земли довольно. В год четыре ярманки, из которых Скотная, в марте одна из важнейших в нашей губернии. Все средства для сбыта. Купцы платят мужикам за наем загонов, хлевов, ночлегов,

[1] заботясь

[2] *Далее было:* сказать ей, что ты гу<ляешь>

не говоря уже о мелочах за доски, за лес для постройки и, наконец, за все те потребности, которых рождает стечение народа. Всё это,[1] не говоря уже о выгодах экономических и удобстве сбывать на месте хозяйственные произведения, доставляет возможность крестьянину быть более самостоятельным, нежели в другом месте[2] и с крестьян же ничего не берется за это, никаких пошлин, и вообще нигде так не облегчены крестьяне, как у нас. — Нужно же именно так распорядиться, чтобы при этом расстроить в такой степени. Не нужно позабыть, что[3] еще не так давно в руках у маминьки были деньги, что при перезакладке имения года три тому назад она выиграла почти 10 тысяч, которые, кажется, могли бы в руках даже неуча помочь и неурожаю и быть полезными на запас и на всякой будущий случай. Ничего не бывало, эти деньги канули как в воду.[4] Я не буду в Малороссии и не имею никакой возможности сделать. Но желая исполнить сыновний долг, то есть доставить случай маминьке меня видеть, приглашаю ее в Москву, на две недели. Мне же предстоит, как сам знаешь, путь не малый в мой любезный Рим, где там только найду успокоение. Дух мой страдает. Ради Бога, коли тебе будет можно, дай сколько-нибудь маминьке на дорогу, рублей около пятисот, коли можешь. Очень буду тебе благодарен. У меня денег ни гроша, всё, что добыл, употребил на обмундировку сестер. — Еще лучше ты сделаешь, если приедешь вместе с маминькой моей в Москву. И ей в дороге будет лучше, и тебе дешевле, и мне приятнее, потому что я буду иметь случай тебя еще раз обнять. В деревне тебе жить не вижу необходимости. Уж тебе вряд ли поправить хозяйство. Не нам с тобой поправлять. А разве постарайся жениться — это другое дело, то есть жениться, я разумею, не на одной жене, а и на деревне вместе.

Во всяком случае, пожалуйста, не оставь меня ответом и уведоми как можно поскорее.

Твой Гоголь.

Адрес тебе известен: Погодину.

[1] *Далее было:* доставляя мужикам вы<годы>

[2] где-либо

[3] *Далее было:* у маминьки

[4] *Далее было:* и только может

449. П. В. Нащокину

<Декабрь (после 21-го числа) 1839. Москва>

Не знаю как Мих<аил> Петрович, который еще спит, а что до меня с сестрами, то буду непременно. Только просьба прежняя и старая: ради Бога не обкармливайте. Закажите равиоли да и полно, дабы после обеда мы были хоть сколько-нибудь похожи на двуногих.

А до того времени обнимаю вас заочно

ваш Г<оголь>.

1840

450. П. В. Нащокин — Н. В. Гоголю

Черновой автограф

<Последняя треть декабря (после 21-го числа) 1839 г. — начало января 1840 г. Москва>

Если Вы птица Николай Васильевич — то — точно небесная. — [1] Если и я[2] птица, то[3] земноводная, обжорливая Утка, чем бы мне Га! Га![4] не хотелось — быть — относительно Вас. Вам точно показалось, что будто бы я особенно нуждался[5], но[6] Вы видели — в каких раскошных[7] чаях я[8] находились — у меня это признак[9] избытька[10] — со всем тем очень Вас благодарю — за присыльку[11] 25 Рубл<ей> Серебр<ом>, это не безделица, — добрые люди точно также себя — оправдывают — в хорошем деле — как[12] не хорошее, стараются оправдат<ь>ся в дурном[13], но я как справедливой[14] Судья — не принимаю Ваших — оправданий — хотя

[1] *Далее зачеркнуто: а.* я же *б.* Если и я птица то
[2] *Вместо:* Если и я — *было:* я тоже
[3] *Было:* но
[4] Га! Га! *вписано.*
[5] *Далее было:* ибо
[6] *Далее было:* <в> Самом деле
[7] *Так в рукописи.*
[8] *Было:* мы
[9] *Далее было:* обратной
[10] *Так в рукописи.*
[11] *Так в рукописи.*
[12] *Было:* а как
[13] *Далее было:* деле
[14] *В рукописи:* справидливой

они и милы — и замысловаты — но решительно обвиняю — Вас, — в добром деле —

П. Нащокин —

Мих<аила> Петр<овича> — Погодина[1] я ценю более всех его приятелей[2] — им дорожу и его[3] уважаю, — и потому не лишайте меня — быть ему обязанным — и уплатить ему этот[4] Малый долг мой мне[5] самому[6]. — Я заплатя оный[7] — я[8] еще останусь — не в оплатном долгу.

451. М. А. Максимовичу

Москва. Генваря 10. <1840>

Письмо твое металось и мыкалось по свету и почтамтам из Петербурга в Москву, из Москвы в Петербург, и наконец нашло меня здесь. Очень рад, что увидел твои строки, и очень жалею, что не могу исполнить твоей просьбы. Погодин слил пулю, сказавши тебе, что у меня есть много написанного. У меня есть, это правда, роман, из которого я не хочу ничего объявлять[9] до времени его появления в свет; притом, отрывок не будет иметь большой цены в твоем сборнике, а цельного ничего нет, ни даже маленькой повести. Я уже хотел было писать и принимался ломать голову, но ничего не вылезло из нее. Она у меня одеревянела и ошеломлена так, что я ничего не в состоянии делать; не в состоянии даже чувствовать, что ничего не делаю. Если бы ты знал, как тягостно мое существование здесь, в моем отечестве! Жду и не дождусь весны и поры ехать в мой Рим, в мой рай, где я почувствую вновь свежесть и силы, охладевающие здесь. О, много, много пропало, много уплыло! Напиши мне, что ты делаешь и что хочешь делать потом, когда сбросишь с плечь всё то, что тяжело лежало на них. Приезжай когда-нибудь, хоть под закат дней, в Рим, на мою могилу, если не станет уже меня в живых. Боже, какая земля! какая земля чудес! и как там свежо душе!..

Прощай, душа! Обнимаю тебя. Пиши на имя Погодина.

Твой Гоголь.

[1] *Далее было:* многих более ценю и уваж<аю>
[2] *Далее было:* его уважаю
[3] его *вписано.*
[4] *Было: а.* сей *б.* мой
[5] мой мне *вставлено.*
[6] *Далее зачеркнуто:* сoватся чем
[7] *Далее было вписано и зачеркнуто:* ему
[8] *Далее было вписано и зачеркнуто:* все
[9] печатать

452. В. А. Жуковскому

<Январь (не позднее 11-го числа) 1840. Москва>

Что я могу написать к вам! Благодарить только вас за ваши заботы,[1] за ваше редкое участие. Бог мне дает вкушать наслаждения даже в минуты самых тяжких сердечных болей. — Что ж делать мне теперь! О, Рим мой, о мой Рим! — Ничего я не в силах сказать… Но если б меня туда перенесло теперь, Боже, как бы освежилась душа моя! Но как, где найти средства! Думаю и ничего не могу придумать. Иногда мне приходило на мысль, неужели мне совершенно не дадут средств быть на свете. Неужели мне не могут дать какого-нибудь официального поручения… Неужели меня не могут приклеить и засчитать в какую-нибудь должность. Ведь всё же таки в Риме можно чем-нибудь быть полезным. Как бы то ни было, ведь всё же тут огромная, великая часть искусства, которая должна бы войти сколько-нибудь в деловой круг наш,[2] и я бы тут мог быть полезным в отношении художеств. Но потом всё это от меня уходило скоро, как мечта. И вспоминал, что кому обо мне заводить дело и притом это можно устроить только имея в родстве какого-нибудь важного дядюшку или тетушку.

Приехавши в Рим, я непременно соберу всё, что у меня, и пришлю. Но как я доеду до Рима, это Бог один только знает. Письмо мое передаст Погодин. Бедный мой Погодин! Добрая душа! сколько он хлопотал и старался обо мне! Никогда брат… О, если бы ему всё удалось в жизни! Но этому человеку много борьбы было и будет. Он потерял теперь всё состояние свое, весь капитал, который замошенничали у него подлейшим образом. И хоть бы упрек, хоть бы что-нибудь похожее на печаль показалось у него. Он опять занялся своей историей и позабыл всё. И какой величественный, какой удивительный его труд теперь! Клянусь, мир не знает этого человека!! но будет время, когда имя его вознесут наравне с именами первых столбов науки. Но прощайте. Благодарю вас за всё, за любовь вашу ко мне. Подумайте обо мне с кем-нибудь из людей должностных и знающих<?>. Не придумается ли какое средство. А впрочем, как Богу угодно. Будьте здоровы и уведомьте меня, хоть двумя словами, как ваш маршрут. Может быть, мне доведется опять где-нибудь с вами встретиться.

<*Адрес:*>

Его превосходительству Василию Андреевичу Жуковскому.

[1] *Далее было:* обо мне

[2] *Далее было:* ибо не только

453. В. А. Жуковскому

<Середина января 1840. Москва>

Даже не помню, благодарил ли вас за петербургский приют и любовь вашу. Боже! как я глуп, как я ничтожно, несчастно глуп! и какое странное мое существование в России! какой тяжелый сон! о, когда б скорее проснуться! Ничто, ни люди, встреча с которыми принесла бы радость, ничто не в состоянии возбудить меня. Несколько раз брался за перо писать к вам и как деревянный стоял пред столом, казалось, как будто застыли все нервы, находящиеся в соприкосновении с моим мозгом, и голова моя окаменела. — Мне отдали сию минуту ваше письмо: вы заботились, вы хлопотали обо мне, и мне ту же минуту представились живые глаза ваши и в них выраженное ко мне участие… чем благодарить вас? Клянусь, я был утешен им в нынешнем моем горьком положении в тысячу раз более, чем жидовским предложением Смирдина. Но поговорим о предложении Смирдина. Я вам говорил, что нет никакой выгоды издавать теперь все мои сочинения вместе.[1] Что хотя разошлись экземпляры Ревизора и Миргорода, но еще довольно и Арабесок и особенно Вечеров на Хуторе и что, кроме Ревизора, они вовсе не требуются так жадно, чтобы можно было предпринимать издание, а доказательством, что это правда, служит бездельная сумма, предлагаемая Смирдиным. Но такая моя участь: книгопродавцы всегда пользовались критическим моим положением и стесненными обстоятельствами. Обожди я год, покамест выйдет мой новый роман и обратит на себя[2] четыре тысячи читателей, тогда бросятся вновь на мои сочинения, ныне забытые. А между тем переждутся нынешние тяжелые,[3] голодные, неурожайные годы, уменьшившие число покупателей. Книгопродавцы говорят гласно, что у них теперь нет денег и что те, которые покупали прежде книги, отложили эти деньги на поправку расстроенных неурожаем имений.

Нужно же, как нарочно, чтобы мне именно случилась надобность в то время, когда меня более всего можно притеснить и сделать из меня безгласную, страдающую жертву. Точно, я не помню никогда так тяжелых моих обстоятельств. Всё идет плохо: бедный клочок земли наш, пристанище моей матери, продают с молотка, и где ей придется преклонить голову, я не знаю; предположение мое пристроить сестер так, как я думал, тоже рушилось; я сам нахожусь в ужасно-бесчувственном, окаменевшем

[1] вдруг

[2] *Далее было:* тысяч

[3] эти т<яжелые>

состоянии, в каком никогда себя не помню. Когда же лучше книгопродавцам употребить в свою пользу мое горе? Я Смирдина не осуждаю[1] безусловно, он поступал с другими хорошо, но со мною всегда жидовским образом. И после всего того, что он со мною делал, я должен опять перед ним унизиться. Я, признаюсь, думал, что вы сделаете предложение другому книгопродавцу; мне кажется, я вам говорил, что с Смирдиным я не хочу иметь сношений. Но, может быть, вам неизвестно, в чем может быть здесь жидовство Смирдина. Вот в чем: мне дают за одну третью часть, то есть за пиэсы, назначенные вами в первый том собрания, как-то: Ревизор, Женитьба и отрывки из неоконченной комедии, 6 тысяч. И, признаюсь, я уже готов был согласиться, несмотря на то, что смерть не хотелось, чтобы мои незрелые творения, как-то Женихи и неоконченная комедия, являлись в свет. Но нужда заставила на всё решиться. Я уже было предался минуты на две отдохновению, даже веселил себя мыслью, что наконец разделаюсь как-нибудь с моими тяжелыми обязанностями, и светлый, с оживленною душою отправлюсь[2] в мой обетованный рай, в мой Рим, где вновь проснусь и окончу труд мой. Но это была мечта и обрадовала меня только на минуту. Я отыскал из недоконченной комедии только два отрывка, она вся осталась в Риме. А где делись Женихи, я до сих пор не могу постигнуть. Мне кажется, как будто я взял ее из Рима с собою, но сколько ни рылся в бумагах, в чемодане, в белье — нигде не мог отыскать. Пропала ли она где-нибудь на дороге или выбросили ее таможенные, рывшиеся в моем чемодане, или лежит она в Риме на моей квартире в моем сундуке — ничего не знаю. Знаю только, что я теперь погрузился опять в мое ужасно-бесчувственное состояние. Рушилась последняя возможность, и если бы даже принужден был принять предложение Смирдина, то и его условий не могу теперь исполнить. Но согласитесь сами, что мне нужно быть решительно глупу, чтобы согласиться. Если за третью часть этого собрания дают уже 6 тысяч, то, верно, за другие две хоть три дадут. Вот уже 9 т<ысяч>. Но я теряю много, издавая их теперь, что мне говорят и книгопродавцы и литераторы, имеющие частые сделки, и наконец тяжелое и голодное время, угрожающее также и в нынешнем году, если даже не более. Ширяев мне дает за эти же самые сочинения, с условием только, если я выдам вперед роман, 16 т<ысяч>, а может быть даже, говорит, и более, а теперь не дает[3]

[1] порочу
[2] *Далее было:* вновь
[3] *Далее было:* мне

ничего, потому что малой суммы не хочет мне предлагать, чтобы не сказали, что он меня обманул и воспользовался моим незнанием; а Смирдин не посовестился. — Притом разве вы не видите, в какие я попадаюсь когти к Смирдину, принявши его условия. Заметьте, какое малое число экземпляров он печатает, для того чтобы счет за экземпляры не был велик. А кто поручится, что он напечатает только полторы, а не три или четыре тысячи — ведь этого на лице Смирдина не увидишь; а мне же не нанимать шпиона смотреть, что у него делается дома и в типографии. — И что мне из того, что право на два года, тогда как он обеспечит себя экземплярами на 20 лет. Если бы это были новые сочинения — то конечно выгодно продать на два года, зная, что в эти два года экземпляры разойдутся все и можно предпринять новое издание. А тут всё уже кончено — уж другого издания при жизни мне не видать. — Это последний ресурс и я не могу теперь так рискнуть. Тогда я был один. Теперь у меня разоренное семейство.[1]

Итак — решился не продавать моих сочинений, но употребить и поискать всех средств если не отразить, то хоть отсрочить несчастное течение моих трудных обстоятельств как-нибудь на год, уехать скорее как можно в Рим, где убитая душа моя воскреснет вновь, как воскресла прошлую зиму и весну, приняться горячо за работу и, если можно, кончить роман в один год. Но как достать на это средств и денег. Я придумал вот что: сделайте складку, сложитесь все те, которые питают ко мне истинное участие, составьте сумму в 4000 р. и дайте мне взаймы на год.[2] Через год я даю вам слово, если только не обманут мои силы и я не умру, выплатить вам ее с процентами. Это мне даст средство как-нибудь и сколько-нибудь выкрутиться из моих обстоятельств и возвратит на сколько-нибудь меня мне. — Дайте ваш ответ и, ради Бога, скорее. Я ожидаю с нетерпением.

Вечно ваш

Гоголь.

454. М. П. Погодину

Генварь 25 <1840. Москва>.

Здравствуй, душа и жизнь моя! Что ты делаешь? Как поживаешь? Как идут дела твои? Здоров ли ты, спокоен ли духом? Не томи меня и извести об этом. В теперешние мои минуты это одно, которое мне может доставить отраду. О, если б ты был

[1] *Далее начато:* Я придумал вот что

[2] *Далее было:* на законные проценты

счастлив и всё везло тебе. Ты счастлив внутри себя собою, но нужно, чтобы и снаружи — чтобы не смутило тебя низкое, пошлое внешнее, которого мертвящий гнет лежит теперь на раменах моих. О, выгони меня, ради Бога и всего святого, вон в Рим, да отдохнет душа моя. Скорее, скорее. Я погибну. Еще, может быть, возможно для меня освежение! Не может быть, чтобы я совсем умер; чтобы всё возвышенное застыло в груди моей без вызова. Спаси меня и выгони вон скорее, хотя бы даже я сам просил тебя повременить и обождать. Но что ты делаешь, жизнь моя, извести меня, как твои официальности и как расположены к тебе, хорошо или нет. Здесь у тебя, или у нас, всё благополучно. На днях одна какая-то дама, вроде прежней купившей у тебя дом на Мясницкой, хотела покупать твой дом, потому что ей именно такой требовался.[1] Я ее ожидал каждый день, но до сих пор еще не являлась. Если на случай явится она или кто другой, то я сказал Лизавете Васильевне, чтобы она говорила, что нужно подождать твоего приезда, но что ты, однако ж, меньше 80 т. не намерен отдавать. — Пожалуйста, отправь эти письма. Одно можешь сам отдать Одоевскому и от него получить небольшую посылочку, которую привезешь мне.

Прощай. Обнимаю и целую несчетно.

Твой Гоголь.

455. М. И. Гоголь

Генварь 25 <1840. Москва>.

Нет, моя дражайшая маминька, не принимайте моих слов за упреки вам. Если я упрекал вас, то упрекал за вас же, — за то, что вы омрачаете ваш дух и смущаете мысли ваши, предаваясь воображению тех случаев, которые никогда не могут быть, — за то, что не бережете себя, ни вашего драгоценного здоровья и что через это, наконец, мешаете себе заниматься делами, нужными для вас. О, чего бы не дал я, чтобы помочь вам и облегчить вам ваше бремя! Но что делать? Богу, покамест, не угодно. Я трудился, бился, но сил и здоровья моего не хватило. В теперешние времена трудно и тяжко добывать состояние и возможность жить безбедно. Но теперь-то более, нежели когда-либо, мы должны предаться Богу и не упасть духом, но шествовать твердо, зная, что чем сильнее грозит нам крайность, тем более и внимательнее над нами бодрствует рука Вседержителя. Если б вы знали, как бы мне теперь хотелось повидаться с вами! Но всё возлагаю на Бога, как Он устроит. Если бы вы могли достать себе денег,

[1] *Далее было:* Но дом

хотя только на проезд в Москву. Тут бы как-нибудь и на проезд отсюда я бы добыл. Мне, признаюсь, хотелось бы, чтобы вы увидели Москву. Это бы вас развлекло, притом движение и переезд вас бы оживили. А. С. Данилевский обещался мне достать денег, как только он получит с Неклюдовой. Если б это так устроилось, чтобы вы могли ехать с ним. Как бы это было хорошо! Но, ради Бога, я вас прошу, не падайте духом, будьте тверды вашею верою, которая всегда вас поддерживала. Сестры, слава Богу, здоровы, несмотря на то, что не весьма крепкого сложения. Я им доставил общество не шумное и рассеянное, но тихое и приятное, которое бы действовало на их нравственность. К счастию моему, сюда приехал архимандрит Макарий — муж, известный своею святою жизнью, редкими добродетелями и пламенною ревностью к вере. Я просил его, и он[1] так добр, что, несмотря на неименье времени и кучу дел, приезжает к нам и научает сестер моих великим истинам христианским. Я сам по нескольким часам останавливаюсь и слушаю его, и никогда не слышал я, чтобы пастырь так глубоко, с таким убеждением, с такою мудростью и простотою говорил. Твердость, терпение и неколебимая надежда на Бога. Вот что мы должны теперь избрать святым девизом нашим, дражайшая маминька! Теперь-то мы должны показать,[2] что мы христиане и что бедствия ничто над нами и не властны поколебать нас. Нам грозит крайность. Это значит — нас Бог вызывает на битву. Он хочет поглядеть на нас, как мы пройдем по этому пути, и справедливо ли то, что мы говорили до сих пор, будто мы веруем в Него и на Него возлагаем надежду. — Итак, вы видите, маминька, что здесь-то мы должны показать присутствие духа. Это экзамен, на котором мы должны показать,[3] что мы извлекли из всей жизни и как учились его святой науке. Итак, до свиданья, дражайшая маминька, ибо я всё уверен, что вы приедете в Москву к нам, покамест зимняя дорога и можно еще совершить легко путь сюда и обратно. — Сестры хотели тоже приписать вам.

Нежно любящий вас сын

Николай.

Если только есть возможность, то сготовляйтесь скорее в дорогу, чтобы не утерять времени, так чтобы и назад возвратиться по зимнему пути. Бедненькие сестры хотели бы очень вас увидеть.

[1] *Далее было:* был

[2] *Далее было:* мам<инька>

[3] дать отчет

456. В. О. Балабиной

<Январь 1840. Москва>

Я к вам до сих пор не писал, Варвара Осиповна, потому что письма у меня пишутся тогда, когда велит душа, и не тогда, когда велят приличия. Но вы меня знаете и потому об этом ни слова. Я до сих пор не знаю, как благодарить вас за приют, доставленный вами моим сестрам. Они унесли такое приятное воспоминание о нем, что это будет чем-то утешительным для них в горькие минуты жизни. Я бы хотел что-нибудь сказать вам о себе, потому что знаю, что ваша добрая душа интересуется о всех тех, которые вас любят. Но что сказать о себе? существование мое так пошло! какое-то бесчувственно-страдательное оцепенение нашло на меня. Много, много горя! и может быть, большое количество его навело на меня это деревянное беспамятство. — Жду и не дождусь времени отъезда моего в Рим. Там только измученная душа моя найдет успокоение. Ничего не в силах больше писать. Кланяюсь и заочно пожимаю руки всему вашему милому семейству и мой особенный поклон княгине Елиз<авете> Петровне. О, если б вы знали, как скучно писать не из Рима. Сестры мои вам шлют миллионы поклонов.

Со всегдашней преданностью и искренним почт<ением>
ваш покорный

Н. Гоголь.

457. М. П. Погодину

<1 февраля 1840. Москва>

Жуковский достал для меня денег 4000. Я просил его, чтобы передал он тебе, и ты уже привез бы их ко мне. Итак, я имею надежду ехать скорее в Рим и сколько-нибудь развязаться с моими обстоятельствами. — Мне бы хотелось теперь же послать сколько-нибудь домой; но не знаю, как это сделать. Теперь у меня под рукой нигде не имеется в виду достать. Отправь, пожалуйста, скорее это письмецо Жуковскому. — Сколько тебе нужно возьми из этой суммы на свои надобности.

Твой Г<оголь>.

Обнимаю тебя, душа, и жду с нетерпением известий о тебе.

<*Адрес:*>
Миха<и>л<у> Петровичу Погодину.

458. В. А. Жуковскому

<1 февраля 1840. Москва>

Я получил ваше письмо, в нем же радостная весть моего освобождения. — Рим мой! Употреблю все силы, всё, что в состоянии еще подвигнуться[1] моею волею. А о благодарности нечего и говорить: вы понимаете, как она должна быть сильна. — Что я употреблю всё, вы этому должны поверить потому, что я для этого живу и существую, и, даст Бог, выплачу мой долг. Деньги отправьте или с Тургеневым, или еще лучше передайте Погодину, который теперь в Петербурге и который мне их передаст и привезет. У ваших теперь не случилось. — Обнимаю вас несчетно, мой избавитель!

Ваш Гоголь.

<Адрес:>

Его превосходительству Василию Андреевичу Жуковскому.
От Гоголя.

459. П. А. Плетневу

Март 7. <1840.> Москва.

С убедительною к вам просьбою, Петр Александрович! Мне не выдают пашпорта без форменного свидетельства о моем звании. А где делся выданный мне когда-то из Университета документ, не могу никаким образом придумать. Ради Бога, вытребуйте мне университетское свидетельство и пришлите скорее. За ним остановка. Я бы давно уже был на дороге в Рим. Сижу здесь совершенно даром. Сделайте милость. На всякой случай посылаю прошение. Целую и обнимаю вас.

Ваш Гоголь.

460. Н. Д. Белозерскому

Апреля 12 <1840>. Москва.

Благодарю вас, добрый друг мой Николай Данилович, за ваше письмо. Я его вовсе не ожидал. Об вас я нигде не мог узнать, что вы и где вы? Словом, ваше письмо меня обрадовало. Всё в нем относившееся до вас было прочтено с участием; но в этом вы не сомневаетесь. Благодарю вас также за выписку о раздаче земель. Мне бы очень хотелось обнять вас, но нет для этого мне возможности. Через две недели я еду. Здоровье мое и я сам уже

[1] подвигнуть еще

не гожусь для здешнего климата, а главное — моя бедная душа: ей нет здесь приюта, или, лучше сказать, для ней нет такого приюта здесь, куда бы не доходили до нее волненья. Я же теперь больше гожусь для монастыря, чем для жизни светской. Вы в письме вашем сказали, хотя вскользь и хотя не иначе, как на условиях, что, может быть, когда-нибудь побываете в моей родине, то есть в деревне. Теперь я буду вас просить об этом серьезно. Ради Бога, если случится вам быть в Полтаве, приезжайте ко мне в деревню Васильевку, в тридцати пяти верстах от Полтавы. Вы мне сделаете великую услугу и благодеяние. Вот в чем дело: рассмотрите ее и положение, в каком она находится, и напишите об этом мне, а также и чем можно поправить обстоятельства. Дела запущены мною. Маминька — предобрейшая и слабейшая женщина, ее обманывают на каждом шагу. Вы человек умный и знающий: вы заметите тотчас то, чего я сам никак не замечу, ибо я, признаюсь, теперь едва даже могу заметить, что существую. Сделайте мне эту милость. В Полтаве вы узнаете, где наша деревня и как к ней доехать, от Ивана Васильевича Капниста, который живет постоянно в Полтаве. Маминька несколько раз слышала об вас от меня и будет рада вам несказанно. Сестры мои, из которых две на днях вышли из института и вам несколько знакомы, предобрые девушки, и еще, без сомнения, не успели выучиться ничему дурному. Вы поживите денька два или три, что вас заставят сделать непременно. Если вы не хотите дать виду, или вам покажется неловким показать маминьке, что вы ревизуете имение, то скажите, пожалуй, что я вас просил особенно исследовать почву земли и годность ее для саду, а маминька знает, что я всегда хотел развести сад. Это ее обрадует, как знак, что я, без сомнения, собираюсь сам пожить скоро в деревне. А потом, между прочим, речь и о хозяйстве, и о любопытстве вашем всё видеть, что всё очень натурально, а я, между прочим, от себя предуведомил маминьку, что вы большой охотник до саду и большой охотник хозяйничать и знаток. Итак, не откажите в этой просьбе, которою вы не можете себе представить, как меня обяжете. Вам, верно, выберется время по уборке хлеба и окончании работ, прекрасным сентябрем, осенью, или, еще лучше, прежде. Впрочем, как вам удобнее... Когда она будет говорить о хозяйстве... Она, бедная, твердо уверена, что у ней то и то сделано, когда между прочим ни того, ни другого не делано; что это в этом положении, а не в том положении. Я не извиняюсь перед вами в том, что возлагаю на вас такую комиссию. Я знаю ваше доброе сердце и дружбу нашу...

Прощайте, мой добрый друг, Николай Данилович! Уведомляйте меня подробнее о вашей жизни и о том, что делается с вами; я буду вас также уведомлять. Одно письмо ваше я могу еще получить в Москве. Адресуйте на имя профессора Михаила Петровича Погодина на Девичьем поле.

Обнимаю вас и вашего братца и всех ваших добрых знакомых, если только они ценят и любят вас.

Ваш Гоголь.

461. А. П. Елагиной

<Апрель 1840. Москва>

Не имеете ли какого-нибудь известия от Раевской? Если нет, то прошу вас еще одной милости. Вы, верно, знаете дочь пастора Зедергольма. Напишите ей маленькую записочку, чтобы она уведомила на маленьком лоскутке бумажки. Она, верно, знает мысли Раевской об этом деле. Откровеннее сколько возможно. Маминька отъезжает завтра[1] и потому здесь нужно необходимо окончание совершенно решительное. Если окажется что-нибудь похожее на слово: нет (деликатничать нечего, меня теперь ничто не может огорчить), то сестра может сделать противоположное, т. е. ехать с маминькой. Но теперь в таких я <хлопотах?>[2]. Отъезд задержан. Я был у вас и не застал дома. Хотел ехать к Зедергольму, но никто мне не мог означить его адреса.

<Адрес:>

Авдотье Петровне Елагиной от Гоголя.

462. М. И. Гоголь

Москва. Мая 3 <1840>.

Полагаю, что письмо мое вас застанет в Полтаве. Я уверен, что вы, любезная маминька, доехали хорошо и благополучно. Через неделю и я собираюсь в дорогу. Лиза день погрустила после вашего отъезда. Потом успокоилась. Мы были потом опять у Раевской. Я совершенно благодарю Бога за то, что Лиза будет у ней. Она будет там совершенно счастлива.

Сделайте милость, передайте мой поклон и самое искреннейшее рукопожатие Софии Васильевне и Ивану Васильевичу

[1] *Далее было:* а между тем всё еще находится

[2] *Фраза оборвана на каком-то зачеркнутом полуслове. — Примеч. С. Н. Дурылина.*

Капнистам. Скажите Софии Васильевне, что я очень часто думаю о ней и очень жалею, что мне не удалось видеться с ней лично.

С истинным почтением к вам всегда остаюсь

Ваш сын Николай.

<*На обороте зачеркнуто:*>

Посылаю тебе...[1]

463. А. В. Гоголь

<3 мая 1840. Москва>

Посылаю тебе, милая моя Анет, твой браслет и почтовой бумаги для писем ко мне и целую тебя несколько раз заочно, душенька моя. Будь, ради Бога, тем, чем ты дала мне слово быть, и помни всегда, что нарушить слово, данное мне, будет с твоей стороны такое преступленье, больше которого ты не можешь сделать. Но об этом довольно. Я знаю, что ты меня любишь и что для тебя свято мое желание. Лиза день было погрустила после вас, особливо когда вошла в пустую комнату. Но на другой и на третий день развеселилась снова. Теперь она уже обожает Раевскую, куда она переезжает 10 мая. Прощай, душенька! Не забывай писать ко мне обо всем, что с тобою случится. Пиши ко мне на тоненькой бумаге и запечатывай без конверта, и, сделавши мой адрес, потом уже заключай в пакет и на пакете надписуй только Погодина, а он, распечатавши его, вынет оттуда твое письмецо и перешлет ко мне.

Твой брат.

Лиза тебе кланяется.

464. В. А. Жуковскому

Москва. Май 3 <1840>.

Пишу к вам впопыхах. Перед выездом. Я запоздал за тем и другим. Сделал кое-какую сделку с третьею частью моих сочин<ений>. Деньги получу не вдруг и не теперь, но верные. От Погодина вы получите половину в этом году того долга, который вы для меня сделали, благодаря великодушной любви вашей. Теперь у меня на душе покойнее, и я чувствую даже, чего давно не чувствовал, какое-то тайное расположение к труду. О, если бы отошли и унеслись от меня последние тревоги. Духу моему теперь нужно спокойствие, совершенное спокойствие. Теперь

[1] *Не дописано.*

должен я повергнуть к ногам вашим просьбу. Просьбу, которую мне посоветовали сделать в одно и то же время к<нязь> Вяземский и Тургенев, как будто по вдохновению. Кривцов получил, как вам известно, место директора основывающейся ныне в Риме нашей Академии художеств, с 20 тысячами рублей жалованья <в> год. Так как при директорах всегда бывает[1] конференц-секретарь, то почему не сделаться мне секретарем его. Здесь я даже могу быть полезным, я, решительно бесполезный во всем прочем. А уж для меня-то наверно это будет полезно, потому что тогда мне, может быть, дадут рублей 1 000 серебр<ом> жалованья. О, сколько бы это удалило от меня черных и смущающих мыслей. И почему же, когда все что-нибудь выигрывают по службе, одному мне, горемыке, отказано. Если б это исполнилось, я бы был человек, счастливейший в мире, не потому что достал средство пропитания, чорт с ним, я бы за свое пропитание гроша не дал, если бы знал, что существование мое протащится без дела,[2] но потому, что я возвращу тогда себе себя. Я устал совершенно под бременем доселе не слегавших с меня вот уже год слишком самых тягостных хлопот. Теперь надежда оживила меня, я чувствую готовность на труд, даже не знаю — что-то вроде вдохновения, давно небывалого, начинает шевелиться во мне. О, если б теперь спокойствия и уединения! Что вы теперь делаете? увижу ли я вас дорогою? как бы мне хотелось переговорить с вами. Но вы можете и сами собою видеть дело и сделать очень много. Мне что-то говорит внутренно, что вы сделаете этим очень доброе дело. Вы можете это обстоятельство представить государю наследнику и расположить его в мою пользу и написать от себя письмо об этом к Кривцову. Если бы великий князь,[3] увидевши Кривцова, что, верно, случится, изъявил бы ему хотя малейшее свое желание, то я уверен, что Кривцов тогда бы изо всех сил просил, чтобы меня дали ему в секретари. Если бы вы знали, как мучится моя бедная совесть, что существование мое повиснуло на плечи великодушных друзей моих. Хотя я знаю, что они с радостью и охотно поделились со мною; но я знаю также, что всё доброе и великодушное на свете есть само по себе уже голь, и лохмотье ему дается, как звезда на грудь или Анна на шею за труды. — Не смея ничему верить и почти дрожа от ожидания, посылаю я вам это письмо, которое, вероятно, не так связно, чтобы можно

[1] *а.* должны быть *б.* всегда бывает

[2] без пользы

[3] Наследник

было видеть из него ясно положение, но я пишу его к вам, а вы видите душу и смысл там, где умный человек без сердца не найдет ни души, ни смысла.

Прощайте. Если захочется вам дать мне о чем-нибудь знать скоро, то адресуйте в Вену в poste restante (до июля месяца). Если же после этого времени (в августе месяце), то в Рим.

Ваш и до гроба, и за гробом,
и по эту сторону, и по ту сторону жизни Гоголь.

465. Е. В. Гоголь

<9 мая 1840. Москва>

Посылаю за тобой коляску, приезжай теперь же, потому что мне нужно с тобой похозяйничать, заблаговременно. Попроси Сергея Тимофеевича взять для меня полсотни сигар, если они успеют.

<Адрес:>
Лизавете Васильевне Гоголь.

466. Е. В. Гоголь

<10–11 мая 1840. Москва>

Я на тебя больше не сержусь. Но я теперь слишком болен, болен в душе;[1] у меня много горя — вот причина.[2] Будь спокойна. Я тебе объясню всё. В воскресенье приезжай ко мне. А до того вряд ли мне удастся быть у вас. Я вчера у Аксаковых в силу мог двигаться. Прощай. Я на тебя не сержусь. Не грусти и будь весела.

<Адрес:>
Е<лизавете> В<асильевне>.

467. Е. В. Гоголь

<13–17 мая 1840. Москва>

Здравствуй, Лиза! целую тебя. Я надеюсь, что ты уже не спишь, умылась и даже вспомнила обо мне. А я о тебе сейчас вспомнил, как только проснулся. Посылаю тебе 25 р., из которых ты пятнадцать можешь взять себе и даже больше, как придется по расчету. А мне купи на остальные вот чего: 3 фунта сахару,

[1] *Далее начато:* ты мне
[2] *Далее начато:* Я на <тебя?>

который потом изруби в куски и в таком виде доставь, 2 фунта калетовских свечей и фунт левантского кофию. — Да смотри, покупай бойко и не позволь себя надуть никому. Прощай, жизнь моя, до третьего часу, — не так ли?

<Адрес:>
Е<лизавете> В<асильевне>.

468. М. И. Гоголь

Мая 17 <1840>. Москва.

Наконец я получил ваше письмо из Харькова. Ну, слава Богу, вы добрались наконец. Хотя дорога ваша была, как вижу, не очень приятна, но я рад, что по крайней мере вы здоровы Письмо ваше пришло довольно поздно, а именно только вчера. Я уж было начинал беспокоиться о вас. Но не знаю, почему экипаж не приезжает за вами. Писали ли вы во второй раз домой? Пожалуйста, напишите ко мне немедленно по приезде вашем в Полтаву. Письмо можете адресовать в Вену, в poste restante. Я к вам на прошлой неделе писал и отправил посылку для Анеты с браслетами; уведомьте меня также о их получении. Я еду завтра. Прощайте. Будьте здоровы, и да сбережет Бог вас от хлопот и неприятностей. Прощайте.

Многолюбящий сын ваш

Николай.

469. А. В. Гоголь

Москва. 17 мая 1840.

Я получил письмо твое, милая Анет. Слава Богу. Я было уже начинал опасаться. — Смотри же, душа моя, помни мои наставления. Теперь всякое слово мое должно быть для тебя приказанием, которое ты должна исполнять свято с любовью. Первое дело: займись исполнением того, что предписал тебе доктор. Тотчас же на третий день по приезде в деревню[1] вели себе сделать ванну и таким образом через день. Движение, прогулка и всё как было между нами уговорено. Елагина посылает тебе Шиллера, который ты должна получить вместе с этим письмом моим. Он доставит тебе приятное чтение в дождливое и ненастное время. — Да что ты не пишешь в письме своем, кого ты нашла из знакомых в харьковском институте. Я думаю, ты не сделала такой глупости, чтобы, прожив так долгое время в Харькове, не побывать у них.

[1] *Далее было:* займись

Лизе показалось даже грустно, что ты так думаешь о ней, чтобы письмо твое могло быть ей неприятно. Она говорит, что если б даже ты была не сестра, то и тогда уже единственно потому, что ты была в институте, ты должна бы думать, что твое письмо всегда приятно, — словом, она даже задумалась. Это добрый знак. Она теперь живет уже три дня у Раевской. Я так спешу отправить письмо, что не будет времени зайти к ней пред отправлением его на почту. Прощай, душа, смотри, пиши как можно обстоятельней.

Можешь писать вместе с маминькой, только лучше письма свои запечатывай. Если же захочешь написать чаще, то отправляй то письмо, которое не в одно время пойдет с маминькиным, на имя Погодина.

<*Адрес:*>
à ma chère soeur Anette.

470. М. П. Погодину

<Начало июня (н. ст.) 1840. Варшава>

Здравствуй, душа! Мы доехали до Варшавы благополучно. В Вене я ожидаю от тебя письма с подробным известием о том, чем тебя подарил Бог и кум ли я твой, и всё ли благополучно, а до того целую тебя. Поцелуй за меня Елизавету Васильевну. Прощай!

В моей комнате остались на шкафчике письма от лиц, близких ко мне. Пожалуйста, прибереги их и при случае пришли ко мне.

<*Адрес:*>
Михаилу Петровичу Погодину.

471. С. Т. Аксакову

Варшава. 10 июня <н. ст. 1840>.

Здравствуйте, мой добрый и близкий сердцу моему друг, Сергей Тимофеевич. Грешно бы было, если бы я не отозвался к вам с дороги. Но что я за вздор несу: грешно. Я бы не посмотрел на то, грешно или нет, прилично ли или неприлично, и, верно, бы не написал вам ни слова, особливо теперь. Если бы здесь не действовало побуждение душевное. Обнимаю вас и целую несколько раз. Мне не кажется, что я с вами расстался. Я вас вижу возле себя ежеминутно и даже так, как будто бы вы только что сказа-

ли мне несколько слов, и мне следует на них отвечать. У меня не существует разлуки, и вот почему я легче расстаюсь, чем другой. И никто из моих друзей, по этой же причине, не может умереть, потому что он вечно живет со мною. Мы доехали до Варшавы благополучно — вот, покамест, всё, что вас может интересовать. Нигде, ни на одной станции, не было никакой задержки, словом, лучше доехать невозможно. Даже погода была хороша: у места дождь, у места солнце. Здесь я нашел кое-каких знакомых, а через два дни мы выезжаем в Краков и оттуда, коли успеем, того же дни в Вену. Целую и обнимаю несколько раз Константина Сергеевича и снабжаю следующими довольно скучными поручениями: привезти с собою кое-какие[1] для меня книжки, и именно миниатюрное издание Онегина, Горе от ума и басней Дмитриева, и если только вышло компактное издание Русских песней Сахарова, то привезти и его. Еще: если вы достали и если вам случится достать для меня каких-нибудь докладных записок и дел, то привезти и их также. Михаил Семенович, которого также при сей верной оказии целую и обнимаю, обещался с своей стороны достать. Хорошо бы присообщить и их также. Уведомите меня, когда едете в деревню. Корь, я полагаю, у вас уже совершенно окончилась. Перецелуйте за меня всё милое семейство ваше и Ольге Семеновне вместе с самою искреннейшею благодарностью передайте очень приятное известие, именно что запасов, данных нам, стало не только на всю дорогу, но даже и на станционных смотрителей, и даже в Варшаве мы наделили прислуживавших нам плутов остатками пирогов, балыков, лепешек и прочего.

Прощайте, мой бесценный друг. Обнимаю вас множество раз.

472. М. И. Гоголь

Вена. Июнь 25 <н. ст. 1840>.

Я приехал в Вену довольно благополучно назад тому неделю. Не написал к вам потому, что ожидал вашего письма. Я не помню, сказал ли я вам, что мне нужно адресовать в Вену, poste restante. Здесь я намерен остаться месяц или около того. Хочется попробовать новооткрытых вод, которые всем помогают, а главное, говорят, дают свежесть сил, которых у меня уже с давних пор нет. Переезд мой, по крайней мере, доставил мне ту пользу, что у меня на душе несколько покойнее. Тяжесть, которая жала мое сердце во всё мое пребывание в России, наконец как

[1] следующие

будто свалилась, хоть не вся, но частичка. И то слава Богу! Дай Бог, чтобы и вы тоже не имели никакой тяжести на душе и были бы здоровы и телом и духом. Целую ваши ручки. Целую также сестер и прошу их писать ко мне почаще и пообстоятельнее.

Много вас любящий сын

Николай.

473. П. И. Раевской

Вена. 25 Июнь <н. ст. 1840>.

Если б вы знали, как грустно мне, что так поздно сблизился я с вами и узнал вас, Прасковья Ивановна! В душе моей какое-то неполное, странное чувство. Я теперь несколько похож на того путешественника, которому случай, играющий над людьми, судил встретиться нечаянно на дороге с старым другом, давним товарищем. Они вскрикнули, подняли шапки и пронеслись быстро один мимо другого, не успевши сказать друг другу ни одного слова. После уже один из них опомнился и, полный грусти, произносит самому себе пени: зачем он не остановил своей походной телеги? зачем не пожертвовал временем? зачем не бросил в сторону свои важные дела? Почти такое теперь положение души моей. Вы поверите моим искренним чувствам? не правда ли? я не умею лгать. И век бы не простил себе, если бы в чем-нибудь солгал перед вами. Но интересна ли для вас любовь человека, которого вы едва знаете? Много, слишком много нужно времени для того, чтобы узнать человека и полюбить его, и не всякому послан дар узнавать вдруг. Сколько было людей обманувшихся![1] А сколько, может быть, исчезло с лица земли таких, которые таили в душе прекрасные чувства, но они не знали <как> их выказать; на их лицах не выражались эти чувства, и жребий их был: умереть неузнанными. Много печального заключено для меня в этой истине. И только как воображу себе ваш тихий, светлый, весь проникнутый душевною добротою взгляд, мне становится легче. Ни слова не скажу вам о моей благодарности. Здесь мы совершенно понимаем друг друга, и вы можете знать, как она велика. Положение сестры моей было для меня невыносимою тяжестью. И сколько ни прибирал я в уме своем, где бы найти ей угол такой, где бы характер ее нашел хорошую дорогу и укрепился на ней, я не мог, однако ж, и потерялся было совершенно. И вдруг Бог ниспослал мне больше, чем я ожидал. В вашем доме я нашел все. Первое и самое главное — вы; второе, что уже редкость неслыханная, все

[1] *В оригинале:* обманувших

окружающее вас. Точно я никого не нашел вокруг вас, кто бы не был совершенно доброе существо и на лице которого не отражалась бы душа. От вас ли это всё сообщалось, или они заключали всё это в себе, во всяком случае, это изумительно, Я поздравил себя внутренно, и душа моя нашла успокоение. Вот почему, когда вы меня спросили, как я хочу, чтобы была ведена и к чему готовлена сестра моя, я не сказал вам ничего, потому что главное было найдено. Если она[1] утвердится в одном хорошем и душа ее приобретет хотя часть того, что находится в окружающем ее обществе, то везде, где бы она потом ни была, куда бы ни бросила судьба ее, она будет везде счастлива. К тому же что́ бы я мог вам сказать? Вы женщина, вы лучше можете знать, что нужно женщине, чем я. С моей стороны я бы пожелал, чтобы сестра моя выучилась вот чему:

1) уметь быть довольну совершенно всем,

2) быть знакому более с нуждою, чем с изобилием — и

3) узнать, что такое терпение, и находить наслаждение в труде.

Собственно же, к какому званию ее готовить, я об этом не заботился, это временное, а я думал больше о вечном. Притом гувернанткой ли, или чем другим быть — всё это одностороннее и может научить только одному чему-нибудь. Я видел много гувернанток, выходивших замуж, которые[2], казалось, как будто только что вышли из института, так же невинны и так же мало знакомы с тем, что мы называем прозой жизни и без которой прозы, однако ж, нельзя жить. Гувернанткой можно сделаться всегда, или лучше никогда, если нет для этого особенных способностей природных. Назначение женщины — семейная жизнь, а в ней много обязанностей разнородных. Здесь женщина является и гувернанткой, и нянькой, и домоводкой, и казначейшей, и распорядительницей, и рабой, и повелительницей. Словом, обязанности, которых с первого разу покажется невозможно всех узнать, но которые узнаются нечувствительно, сами собою, без всякой системы. Вы же имеете к тому все средства. Например, вы можете поручать ей иногда какие-нибудь отдельные части домашнего хозяйства, особенно что-нибудь такое, что бы доставляло ей в одно время и моцион[3], потому что по своей воле и прогуливаться для того, чтобы прогуливаться, молодые девушки не любят, да оно, впрочем, и лучше.

[1] душа

[2] *Далее было:* были

[3] *В оригинале:* муцион

Вы, верно, проживете лето в деревне, а в деревне столько разных хозяйственных занятий, требующих и беготни и хлопот! Мое всегдашнее желание было, чтобы у нее был один какой-нибудь труд постоянный, который бы занимал у ней часа полтора, но решительно всякой день и в одно и то же время. Это — переводить, занятие, которое в будущем ей может очень прислужиться и даже дать средства жить, если других не найдется. Я же, по своему отношению литературному, могу некоторым образом доставить ей выгодный сбыт и приличную цену. Нет нужды, что она теперь переводит еще плохо; нужно, чтобы переводила и переводила решительно всякой день. Перевод не требует большого таланта: это дело привычки и навыка. Кто сначала переводит дурно, тот после будет переводить хорошо. Еще необходимо нужно разнообразить занятия, это оживляет труд, не дает места скуке, а между тем очень полезно для здоровья. Окончивши, например, перевод свой, она не должна заниматься работой, тоже требующей сидения. Ей, напротив, нужно дать после этого такое занятие, чтобы она встала с своего места, побежала и опять бы возвратилась и опять побежала, словом, находилась бы беспрерывно на ногах. Тогда ей после этого опять покажется приятною работа, требующая сидения, и будет ей уже не работою, а отдохновением. Кроме возложенной на нее одной какой-нибудь части домашнего хозяйства, не мешало бы давать разные поручения: купить что-нибудь, расплатиться или расчесться, свести приход и расход. Она девушка бедная, у ней нет ничего. Если она выйдет замуж, то это ей будет вместо приданого, и, верно, муж ее, если только он будет человек не глупый, будет[1] за него больше благодарить, чем за денежный капитал. Но если бы даже сестра моя не была девушка бедная и ей бы предстояла блистательная участь, то и тогда к воспитанию ее я бы, может быть, прибавил один или два языка лишних, да кое-что[2] для гостиных, но, верно бы, не выключил ни одной из означенных статей. В состоянии богатом они так же нужны, как и в бедном, и сохранить приобретенное едва ли не труднее, чем приобресть.

Но мне смешно, что я пустился в такие длинные инструкции, говоря вам то, что вы знаете в двадцать раз лучше меня. Но вас не огорчит это, я знаю. Вы выслушаете меня с тою же снисходительностью, которой так исполнена кроткая ваша душа.

[1] *Далее было:* этим

[2] *Слова:* кое-что — *в машинописной копии пропущены. Сделана карандашная помета: «разобрать нельзя».*

Вы не укорите меня в моем малом познании, но поправите великодушно, в чем я ошибся. Ибо человеку суждено ошибаться, и совершенство ему дается для того только, чтобы он более[1] видел свое несовершенство.

Желая вам всего того, что только нужно для счастия человека, и моля Бога продлить дни ваши для счастья других, остаюсь вечно признательный вам

Гоголь

Сестрицам вашим, с которыми я имел удовольствие познакомиться, свидетельствую мое нелицемерное, искреннее почтение и семейству вашему душевный поклон.

P. S. Не показывайте Лизе этого письма. Лучше, если всё то, что ей нужно сказать, будет сказано вашими устами. Она вас любит, очень любит[2], и потому вы можете из нее все сделать. Если вы заметите только в лице ее,[3] что она не с радостью и не с охотою исполнила[4] какое-нибудь ваше приказание, то вам стоит только сказать: «Лиза! ты, видно, мало меня любишь!» — и она — я вас уверяю[5] — бросится опрометью исполнить то, что ей сказано.

<Адрес:>

Ее Высокоблагородию
Прасковье Ивановне Раевской.
В Москве. У Калужских ворот в собственн<ом> доме.

474. Е. В. Гоголь

<25 июня (н. ст.) 1840. Вена>

Что же ты не пишешь ко мне? Я думал уже найти письмо твое давно лежащим на почте и ожидающим только моего прихода, а вместо того ни одной строчки! Аннет больше твоего меня любит: она мне написала, написала подробно обо всем, что ни случилось с нею в дороге и по приезде домой. Не стыдно ли тебе? Вот твоя любовь ко мне! А я об тебе очень часто думаю. Но теперь я сердит на тебя. Я готов был тебе написать об себе и об том, что видел, но теперь не хочу ничего писать до тех пор, пока не получу твоего письма, самого подробного, потому что ты в наказание

[1] *В машинописной копии вместо:* более — яснее
[2] очень любит *пропущено в машинописной копии.*
[3] *Далее было:* какую-нибудь
[4] *В машинописной копии*: исполняет
[5] *Далее было:* побежит

за свой проступок должна теперь написать письмо вдвое длиннее и описать совершенно всё до последней булавочки, что ни случилось с тобою со дня нашей разлуки. Я теперь в Вене и пробуду здесь еще месяц с лишком, и потому ты можешь адресовать мне письма в Вену, в poste restante, больше ничего не нужно надписывать; письма же, которые вздумаешь писать в августе месяце, адресуй в Рим, тоже poste restante.

Прощай, душа Лиза, целую тебя и жду непременно длинного письма.

Твой брат.

475. А. П. Елагиной

Вена. Июнь 28 <н. ст. 1840>.

Никаким образом не могу понять, как это случилось, что я не был у вас перед самым моим отъездом. Не понимаю, не понимаю, клянусь, не понимаю. Каждый день я наведывался к Арба<тским> воротам, к дому, внизу которого живет башмачник, носящий такую грациозную фамилию, не приехали ли вы и когда вы будете в город, и всякий раз слуга, выходивший отворять мне дверь, встречал меня тем же ответом, что вы не приехали и что неизвестно, когда вы будете в город. Этот слуга и сертук его выучены мною наизусть, так что я знаю даже, где пятно на нем и которой пуговицы недостает. Три или четыре раза я спросил у него обстоятельно ваш адрес. Всё это я передал очень обстоятельно моему кучеру и, при всем том, я у вас не был. Дорогою только я щупал беспрестанно у себя во всех карманах, мне казалось всё, что я позабыл какую-то самую нужную вещь, но какую именно — не мог припомнить, и только на другой день я вспомнил, что я лошадь, и хватил себя по лбу, но это решительно ничего не помогло. Поправить дела нельзя было: повозка, в которой я сидел, уже добиралась до Вязьмы. Что вы, может быть, не сердитесь на меня за это — этим я могу еще потешать себя. От вашей доброты можно всего ожидать. Но мне нужно было вас видеть, мне хотелось, чтобы вы видели меня отъезжающего. Меня, у которого[1] на душе легко. У вас, в ваших мыслях, я остался с черствою физиогномией, с скучным выражением лица.[2] Еще мне нужно было вам сказать многое, очень многое,

[1] *Далее было:* было

[2] *Далее было:* Словом, мне так одиноко

что такое, не знаю, но знаю, что я сказал бы его вам и что мне[1] было бы приятно. Словом, мне сделалось так досадно, что я готов был тогда вытереть рожу свою самою гадкою тряпкою и публично при всех поднести себе кукыш, промолвив: «Вот на тебе, дурак!», но всей публики был[2] один станционный смотритель, который бы, вероятно, принял это на свой счет, да кот, который сидел в его шапке и который, без всякого сомнения, не обратил бы на это никакого внимания. Утешительно в этом непрощании моем с вами, натурально,[3] то, что мы увидимся скоро: по крайней мере нужно вывести это заключение. Но, Бога ради, будьте здоровы! Что вам за охота забаливать так часто? Если б вы знали, как мне это грустно! Мне так и представляетесь вы сидящей на диване, с вашим ангельским терпением, старающеюся не подать виду, что у вас какое-нибудь страдание. Исполните же мою просьбу, если меня хоть каплю любите, а не то ведь я опять вытру себе рожу гадкою тряпкою, то есть, до такой степени гадкою, что буду чихать до самого Рима. Кстати насчет последнего обстоятельства. Я распростился с предметами, возбуждающими чихание, на русской границе. Какой воздух! святые небеса, какой воздух.[4] В нем есть что-то принесшееся из Италии. Нос мой слышит даже хвостик широкка. И откуда это? какие благодатные ветры принесли? Мне ли нарочно навстречу? Если мне, то, право, стоит; конечно, я не генерал, но кто же может так любить... Так и упиваешься, и жмуришь глаза, и только жалеешь на то, что нос всё еще мал и короток, что бы хотя крошку подлиннее!

К вам одна маленькая просьба. Я послал сестре в деревню Шиллера и сказал ей, что это вы посылаете. Почему я это сказал, вы догадаетесь. Она живет не одна, с ней есть старшая сестра, которой всякая безделица покажется предпочтением и проч. И потому вы не удивитесь, если Annette вздумает вас благодарить, а примите на свой счет. Всему семейству вашему посылаются самые искреннейшие рукопожатия. Впрочем, об этом нечего и говорить. Кто вздумает писать ко мне, тот да адресует в Вену в poste restante. Я здесь пробуду месяца полтора — пью воды. В сентябре же месяце адрес мой в Рим тоже poste restante.

Весь ваш Гоголь.

[1] *Далее было:* это
[2] *Далее было:* на ту пору
[3] *Далее было:* нужно выводить
[4] *Далее было:* Да это слышится

476. П. А. Плетневу

Вена. 25 июня <н. ст. 1840>.

Просьба, не просьба, а что-то вроде того, осаждает вас вместе с этим письмом, бесценный Петр Александрович! Дело для меня очень важное. Вот видите ли: еще в Москве мне советовали в одно слово Вяземский и Тургенев сделать вот что: Кривцову назна<чи>ли в Риме быть директором римских художников и вследствие того составившейся римско-русской Академии с 25 тысячами в год жалованья, что уж вам, я думаю, известно. Так как при директоре должно находиться что-нибудь вроде конференц-секретаря или просто секретаря, или письмоводителя, то чтобы я хлопотал для себя об этом. К сожалению, с Кривцовым я не могу видеться. Он выехал из Рима и, вероятно, будет скоро в Петербурге. Я написал к Жуковскому, чтобы он употребил влияние свое при дворе Наследника; потому что Кривцов, между прочим, обязан этим местом Наследнику. Конечно, если Его Импер<аторское> Высоч<ество>[1] попросит об этом государя — то дело в шляпе. Но я рассудил, что весьма не худо бы, если бы вы что-нибудь сказали об этом великим княжнам. Если Марья Николаевна от себя еще слово, то это, натурально, еще действительнее. А впрочем, вы знаете, как это сделать лучше. Может, Бог даст, что я наконец достигну того спокойствия, которое мне теперь необходимо. Мои затруднительные обстоятельства и странные положения, о которых я вам когда-нибудь донесу[2] полную исповедь, до того обременили меня и измучили, что я совершенно выбился из сил и ничего, ни строки, ни слова, ни мысли не могло взойти в мою голову. Жалованья мне может быть дадут 1 000 рубл<ей> серебром, меньше чего за границей не дают. И теперь, вообразите себе, я в Риме и обеспечен! Только работай да наслаждайся! Это было бы так хорошо, но — до свиданья. Я хотел написать прощайте, а вместо того само собою написалось до свиданья. Неужли через год? Право, мне что-то кажется, что вы в 1841 будете стоять со мною рука об руку,[3] а вокруг нас с обеих сторон воз<д>вигнутся стены Колизея или Капитолий; носы поразятся дыханьем чудного воздуха, а очи... о, нет слов в челове<че>ских лексиконах. Поглядите на меня в Риме, и вы много во мне поймете того, чему, может быть, многие дали название бессмысленной странности.

[1] Наследник

[2] *а.* расск<ажу> *б.* когда-нибудь прине<су?>

[3] под ру<ку>

477. А. А. Иванову

Вена. Июня 25 <н. ст. 1840>.

Господи Боже мой, сколько лет я вас не видел il carrissimo Signore Alessandro! Что вы поделываете? В Риме ли вы? Не напрасно ли пишется это письмо к вам? Я сам так долго пропадал, что, думаю, уж не забыли ли вы меня? Что делает ваша Famosa (то е<сть>, разумею я, картина)? На чем она теперь остановилась, то е<сть> я разумею, на чем остановился труд ваш. Близится ли к концу или еще доныне остаются роковые tre anni? С нетерпением алчу узреть ее и обнять самого maestro. Я был и в России и чорт знает где. Теперь сижу в Вене, пью воды, а в конце августа или в начале сентября буду в Рим, увижу вас, побредем к Фалькону есть Bacchio arosto или girato и осушим фольету Asciuto, и настанет вновь райская жизнь. В Риме ли Моллер и что делает? Пожалуйста, скажите ему, что я с нетерпением хочу его видеть, что он и сам, я думаю, знает. Поклонитесь любезнейшему Иордану и спросите о здоровье находящегося у него сундука и, Бога ради, напишите мне хоть две строчки. Адресуйте мне в Вену, в poste restante. Если вы взяли на почте письма на мое имя, то, пожалуйста, приберегите их и не отдавайте их никому. Не худо бы также иногда справиться сызнова. Потому что мне писали многие, не зная, что я уезжал из Рима. Не пишу к вам ни о чем более, потому что еще не знаю, точно ли вы теперь в Риме. А как получу от вас весть, тогда напишу.

Обнимаю вас от души.

Н. Гоголь.

478. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю

<Июнь 1840. Москва>

Да, мой милый, мой бесценный друг Николай Васильевич! между друзьями нет разлуки! Вы так прекрасно высказали мне мои собственные чувства! Письмо ваше из Варшавы от 10 июня нов. ст. обрадовало все наше семейство. Меня не было дома, и не я его получил; зато слова *письмо от Гоголя* радостно и шумно встретили меня, когда я воротился. Не нужно говорить, как драгоценно мне это *душевное побуждение,* которое заставило вас написать его... По непонятной для меня самого какой-то недогадке я не спросил вас, куда писать к вам? Мне так это досадно! Мне так хотелось писать, так было необходимо высказать вам все, что теснилось в душе... но от глупой мысли, что письмо мое нигде

не может вас поймать и пролежит где-нибудь известное время, воротится опять в Москву, опускало мне руки... Теперь я столько пропустил времени, что, вероятно, это в самом деле случится... но нужды нет. Если письмо не застанет вас в Вене, то, может быть, если вы оставили свой адрес, настигнет вас на водах или где-нибудь в Германии. — Я и все семейство мое здоровы. Корь миновалась благополучно. Все обнимаем вас, а Константин особенно и так крепко, что только заочно могут быть безвредны такие объятия. Все ваши поручения он выполнит с радостию: он все еще готовится писать диссертацию. Лиза ваша здорова, начинает привыкать к новому своему житью-бытью и хорошо улаживается. Мы видимся нередко. Она гостит у нас другой день: вчера было воскресение, а сегодня Раевской нет дома. Лиза сама пишет. Погодин, верно, написал вам, что у него родился сын в день рождения Петра Великого и назван Петром и что я крестил его с Лизаветой Григорьевной Чертковой. Это мне было очень приятно, потому что она ваша добрая приятельница. — Едва ли я поеду в свои деревни за Волгу... Кажется, мы проведем лето в Москве: к этому есть много побудительных причин и не весьма приятных. Не такой год, чтоб расставаться. — Я прочел *Лермонтова «Героя нашего времени»* в связи и нахожу в нем большое достоинство. Живо помню слова ваши, что Лермонтов-прозаик будет выше Лермонтова-стихотворца. Письмо мое написано очень беспорядочно, нужды нет, не хочу пропустить почты. Михаил Семенович очень было прихворнул, но теперь выезжает и поправляется. Пожалейте: он на строжайшей диэте... Он обнимает вас и обещает достать много *записок из дел*, к которым я присоединю свои. Все это привезет вам Константин, если не встретится оказии прежде.

479. С. Т. Аксакову

Июля 7 <н. ст. 1840>. Вена.

Я получил третьего дни письмо ваше, друг души моей, Сергей Тимофеевич! Оно ко мне дошло очень исправно, и дойдет, без сомнения, и другое также исправно, если только вам придет желание написать его, потому что я в Вене еще надеюсь пробыть месяца полтора, попить вод и отдохнуть. Здесь покойнее, чем на водах, куда съезжается слишком скучный для меня свет. Тут всё ближе, под рукой, и свобода во всем. Нужно знать, что последняя давно убежала из деревень и маленьких городов Европы, где существуют воды и съезды. Парадно — мочи нет! К тому же

у меня такая скверная натура, что при взгляде на эту толпу, приехавшую со всех сторон лечиться, уже несколько[1] тошнит, а на водах это не идет: нужно, напротив, чтобы слабило. Как вспомню Мариенбад и лица, из которых каждое насильно и нахально влезло в память, попадаясь раз по сорока на день, и несносных рус<с>ких с вечным и непреложным вопросом: «А который стакан вы пьете?», вопрос, от которого я улепетывал по проселочным дорожкам. Этот вопрос мне казался на ту пору[2] родным братцем другого известного вопроса: «Чем вы подарите нас новиньким?» Ибо[3] всякое слово, само по себе невинное, но повторенное двадцать раз, делается пошлее добродетельного Цинского, или романов Булгарина, что всё одно и то же... Я замечаю, что я, кажется, не кончил периода. Но вон его! Был ли когда-нибудь какой толк в периодах? Я только вижу и слышу толк в чувствах и душе. Итак, я на водах в Вене. И дешевле, и покойней, и веселее. Я здесь один; меня не смущает никто. На немцев я гляжу, как на необходимых насекомых во всякой рус<с>кой избе. Они вокруг меня[4] бегают, лазят, но мне не мешают, а если который из них взлезет мне на нос, то щелчок — и был таков. Я совершенно покоен после вашего письма. Первое и главное: вы здоровы. Но мне жаль, если вы проведете лето в Москве. Перемена необходимо нужна вам, как и всякому человеку, проведшему зиму в Москве. Мне жаль, если у вас не будет дачи, пруда с рыбами,[5] леса и дорог, которые бы заманили ходить.

Ради Бога, сделайте так, чтоб ваше лето не было похоже на зиму. Иначе, это значит гневить Бога и выпускать на Него эпиграммы. Вена приняла меня[6] царским образом! Только теперь, всего два дня[7], прекратилась опера. Чудная. Невиданная. В продолжение целых двух недель первые певцы Италии мощно[8] возмущали, двигали и производили благодетельные потрясения в моих чувствах. Велики милости Бога![9] Я оживу еще. Обнимаю от души Константина Сергеевича, хотя, без сомнения, не так крепко, как он меня. Но это не без выгоды: бокам несколько легче. И между

[1] уже несколько *вписано.*

[2] на ту пору *вписано.*

[3] Ибо *вписано вместо:* Так

[4] *Далее было:* ползаю<т>

[5] *Далее было:* и

[6] *Далее было:* по

[7] всего два дни *вписано.*

[8] мощно *вписано.*

[9] *Далее было:* ко мне грешному

прочим, прошу его к наданным от меня комис<с>иям прибавить еще несколько, а именно: спросить у Погодина, не нашелся ли мой Шекспир, 2-й том, который взять ему с собою и прибавить к этому оба издания песней Максимовича, а может быть, и третье, коли вышло. А главное, купить или поручить Михаилу Семеновичу купить у лучшего сапожника петербургской выделанной кожи, самой мягкой, для сапог, т<о> е<сть> одни передки (они так уж вырезанные находятся,[1] места не занимают и удобны к взятию); пары две, или три. Случилась беда: все сапоги, сделанные мне Таке, оказались короткими. Упрямый немец! Я толковал ему, что будут коротки — не хотел, сапожная колодка, согласиться! и широки так, что у меня ноги распухли. Хорошо бы было, если бы мне были доставлены эти кожи, а делают сапоги[2] здесь недурно. Товарищ мой немного было прихворнул, но теперь здоров, заглядывается на Вену и с грустью собирается ее[3] оставить послезавтра для[4] дальнейшего пути. Он теперь сидит за письмом к вам.

Целую ручки Ольги Семеновны и посылаю мое душевное объятие всему вашему семейству. Прощайте, мой друг! Будьте здоровы и берегите свое здоровье!

480. Е. В. Гоголь

<7 июля (н. ст.) 1840. Вена>

Пишу тебе два слова в ответ на твое письмо. Ты очень мнительна, когда[5] дело идет до собственного твоего здоровья. Это грех. Будь добра и деятельна, будь с утра и до вечера на ногах — и мнительность к тебе не пристанет. Когда же случится тебе быть больной, то занимайся в это время тем, чем можно заниматься в постели, и чаще молись, чтобы ум твой не был ни на минуту празден и не имел бы времени выдумывать чего-нибудь соблазнительного и вводящего в грех как в словах, так и в действиях. Письмо Молчановой, о котором ты спрашиваешь, я получил давно, и если ей приятен ответ, то[6] отправь при сем приложенную записочку и скажи ей, что я всегда признателен ей за ее любовь к тебе. Затем Бог да хранит тебя! Прощай.

[1] *Далее было:* и очень удобно
[2] сапоги *вписано.*
[3] *Далее было:* после
[4] *Далее было: а.* долгой *б.* дальне<й>
[5] как
[6] *Далее было:* вот

Счеты не позабывай вести аккуратно, чтобы Н<?> было что показать мне по приезде.

<Адрес:>
Елисавете Васильевне Гоголь.

481. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

<Начало июля (н. ст.) 1840 г. Рим>

Милост<ивый> государь Николай Васильевич!

Письмо ваше от июня 25 весьма меня и всех ваших знакомых радовало. Мы видели, что вы нас совсем не забываете. По вашей просьбе пишу вам тотчас ответ. Ваше письмо едва застает меня в Риме: я чрез три дня отсюда уеду шататься по Италии и, может быть, даже с вами где-нибудь встречусь, что было бы для меня весьма приятно. Я располагаю отправиться, во-первых, в Перуджию, для наблюдения купающихся в Тибре лучшего класса людей, ибо в Риме купальны устроены в виде кабинетов, где ни щелки не оставляется для глаза наблюдательного. Это все клонится к перемене или к улучшению первопланного срединного группа в моей картине. Первого августа надеюсь быть в Ассизи, видеть праздник *отпущения грехов*, с надеждою почерпнуть что-нибудь для моих физиогномий в сем религиозном торжестве. А второго или третьего отправлюсь в Синигалию, на знаменитую ярмарку, присмотреться к азиатским чертам лиц. Пробыв там два или три дня, отправлюсь во Флоренцию для скопирования некоторых этюдов в галерее Питти. Тут пройдут две недели, после чего намерен странствовать в горах около Рима, чтобы к осени привезти этюды для первопланных каменьев реки. Вот план моего путешествия. Могу сказать, что все время разлуки нашей я довольно прилежно занимался, но картина подвигается все-таки тихо. Довольно часто мне приходит в мысль, что затеянный труд мне не по силам.

Моллер вам кланяется, извиняется, что сам не пишет, ибо очень занят. Ему хочется кончить пред отъездом в Неаполь свою «Русалку». Он на вас сердится за то, что вы самое лучшее мнение дали в Петербурге об его начатой «Русалке», которую он пред сим известием собирался изорвать и бросить. Он в самом деле пред тем, чтобы приняться ее оканчивать, был очень встревожен и всегда упрекал вас. Его эту картину вы не узнаете: она в самом деле будет такая, как вы об ней думали. Иордан вам свидетельствует свое почтение. Сундук ваш как был. О сю пору на ваше имя

получил я только два письма: одно давно из России, а другое, месяц назад, кажется, из Парижа. Если вы приедете в Рим прежде меня, то Шаповалов вас сведет в мою студию, и там вы их увидите. Этот год в Риме для меня был довольно важен: я видел выставленную в студии Овербека его большую картину!! Я видел в студии Энгра его картину!

Прощайте, увидимся и поговорим об остальном.

482. М. И. Гоголь

Вена. Август 7 <н. ст.> 1840.

Я получил ваше письмо от 12 июня, адресованное прямо ко мне в Вену, довольно исправно. Но не получал вашего письма, которое вы, говорите, послали к Погодину скоро после отъезда моего из Москвы. Известия в вашем письме меня не очень радуют. Кажется, на урожай надежды не много. — Дай Бог, чтобы вышло противное. Но испытаний много дается в последние годы нам. Мы должны собрать все силы духа нашего и твердо переносить — это верно ведет к чему-нибудь. Без цели ничего не делается в мире. Я здесь остаюсь не больше недели и отправляюсь в Венецию. Теперь <...>[1]

Успокойтесь! Лиза так счастлива, как дай Бог быть всякому из нас. Будьте уверены, что я об Лизе беспокоюсь более, чем обо всех вас, потому что Лиза требует, чтобы я больше об ней беспокоился, чем о тех, которые могут сами об себе беспокоиться.[2] Мне известен всякой шаг ее. Кроме того что она мне пишет длинные и обстоятельные письма, меня уведомляют о ней подробнейшим образом. Что она написала вам о своей сильной тоске и что она скучает, причина этому та, что слишком весело провела целую неделю с Аксаковыми, которые поехали огромным цугом за город и веселились там на пропало. Натурально после этого возвратившись к себе, то есть к Прасковье Ивановне, с которой она по причине застенчивости еще не так могла[3] коротко сойтись и которую, однако ж, успела полюбить без памяти, так же как и та ее, натурально, ей показалось несколько скучно. И она по безрассудности своей в ту же минуту написала письмо, а к этому присоединила и грудную боль, что натурально ложь. Потому что от Аксакова я сию минуту получил письмо, что она потолстела. Да и сама

[1] *Конец листа оборван.*

[2] *Далее было:* Что она вам

[3] *Далее было:* слишком

она ко мне пишет, что несмотря на свое горе толстеет и боится чрезвычайно сделаться Щепкиным и все платья нужно было ей переправлять. Вот какого рода ее грудная боль! Я Лизу знаю с давних пор. Она слишком живо принимает минутные впечатления и не имеет терпения подождать конца. Я помню, в институте в первые дни определения, она писала мне, что она несчастнейшая в мире, что ее снедает горесть и что она через три дни непременно умрет. — Будьте уверены, что месяца через два вы получите от <нее> известие <...>[1] весело как <...>[2] что обожает их, жалуется на свою застенчивость. Итак <...>[3] <изве?>стие <...>[4]

483. А. В. Гоголь

Вена. Август 7 <н. ст. 1840>.

Я получил твое письмо от 12 июля вместе с маминькиным, адресован<ным> прямо ко мне в Вену. Неужели это первое твое письмо из дому? Итак, ты мне ни слова не сказала о том, как ты приехала, как и где была в Полтаве, как наконец увидела свою деревню и кто тебя встретил, и как тебя встретили, и кто тебя узнал, и кого ты узнала, и какие были первые твои впечатления. Словом, ничего из того, что прежде всего должно занять. Но, может быть, ты писала и адресовала на имя Погодина, который позабыл отослать. Впрочем, вообще всё твое письмо именно не удовлетворяет[5] меня. Ты ни слова не сказала мне о том, как твое здоровье, уничтожают ли ванны главный недуг твой, или ты до сих пор имеешь те же самые припадки. Видишь, душа моя, как ты виновата! К чему ты спрашиваешь меня, что тебе нужно переводить, к чему это? Ведь ты очень хорошо знаешь, что тебе нужно делать? Я тебе слишком ясно сказал перед отъездом, что и французский перевод, и немецкий, тот и другой нужен, но немецкий нужнее, ибо нужно, чтобы к новому году перевести полторы книжки маленькие, которые я тебе купил. А тебе, признайся, не хотелось приниматься за работу, которая показалась на тот раз скучною. Дай-ка, подумала сама в себе, я спрошу его, а до того времени погуляю… Главное, умей владеть собою. Теперь ты можешь, конечно, погулять, но потом заведи непременно, как часы — в известный час утра за перевод. Посиди за ним всего только час, меньше даже, но чтобы это было регулярно.

[1-4] *Конец листа местами оборван.*

[5] *Далее было:* ни одного моего

Ты увидишь, как это разделит хорошо твой день,[1] и тебе не будет скучно никогда, если у тебя время будет размеренно. Да чтобы не позабыть, в немецк<ом> переводе всякой раз, как доберешься до картинки, проводи черту в своей рукописи, чтобы было известно, что в этом месте следует картинка, ибо потом нужно будет приложить картинки. Не ленись, помни, что это одно может доставить тебе деньги и даст со временем возможность помогать даже маминьке. Книги послала тебе Елагина в подарок, стало быть ты их должна оставить у себя. Они тебе доставят очень приятное чтение зимою. Когда будешь посылать Елагиной рисунок,[2] постарайся его уложить хорошенько, чтобы не испортился. С ним же[3] пошли ей и работу и попроси, чтобы она при первой оказии переслала мне в Рим с кем-нибудь из отправляющихся в Италию. Адрес ты, я думаю, знаешь, впрочем, для лучшего, я напишу здесь: у Арбатских ворот в доме Савича близ церкви. Письма пиши вместе с маминькиными и адресуй прямо в Рим. Через Погодина нечего: он не слишком аккуратен. А если тебе будет нужно написать мне письмо особенно не в одно время с маминькой, то адресуй к Серг<ею> Тим<офеевичу> Аксакову. Он пишет ко мне довольно часто и потому ему ничего не стоит приложить его в своем письме. Прощай, душа! уведомляй меня обо всем: как ты проводишь время, какие делаешь глупости, какие порядочные дела, как скучаешь, как смеешься, словом, обо всем. Прощай, целую тебя.

Твой брат.

Я выезжаю на днях отсюда в *Венецию.*

Письма адресуй в Рим, poste restante.

Сейчас только получил второе твое письмо и спешу попросить у тебя извинения за выговор. Этим письмом я доволен вполне. Ты пишешь довольно подробно и как следует. Ну, слава Богу, ты здорова; это главное. Потом я очень рад, что тебе не скучно. Впрочем, человеку, который сколько-нибудь умен, никогда не может быть скучно. Нужно только иметь побольше занятий, и будет всё хорошо. Только совершенно глупые скучают. — Продолжай следовать, однако ж, моим советам и никак не прекращай тех занятий, которые доставляют тебе движение, и бегай побольше, потому что болезнь твоя очень легко может возобновиться. Да, пожалуйста, как увидишь Данилевского, А. С., то

[1] твое время

[2] *Далее было:* и узор

[3] *Далее было:* вместе

скажи ему, чтобы он писал ко мне. Что я его обнимаю и целую заочно, но не пишу, потому что не уверен, дома ли он теперь, и что жду, чтобы он отвечал прежде на мое. А вечный адрес мой он знает: Roma. Целую тебя еще раз, ангел мой. Пиши ко мне, пожалуйста, обо всем подробно и обстоятельно. Мне очень приятно получать твои письма. Пиши во всякое время, когда тебе будет весело или скучно. А Ольге скажи, что она молодец. Я доволен ее письмом. Что ж она говорит, что нет материи и не о чем писать! ведь вот есть же о чем. Ведь написала же письмо, и тоже довольно обстоятельно. Ну Ольга! Писни-ка другое, если можно, подлиннее. Ведь верно в твоей голове довольно наберется вздору на письмо, а тебе пришлю за это мою старую фуфайку, которая совершенно износилась, но ты можешь в нее наряжаться таким образом, что сквозь дыры будет видна твоя ляпанка, которую ты верно на здоровье носишь до этих пор. Прощай! смотри ж!

<Адрес:>
Сестре Анете.

484. Е. В. Гоголь

<29 августа / 10 сентября 1840. Венеция>
Венеция 1840. Август 10.

Я получил два письма твоих. Наконец ты умница! Письма довольно длинны и обстоятельно в них описано всё, что следует и что мне приятно знать. Вот тебе за это поцелуй! Лови его на воздухе! Или, пожалуй, приставь щеку к этой строчке: это будет значить, что я тебя поцеловал. Жду теперь с нетерпением твоего описанья деревни и как ты разливаешь чай и варишь варенья. Об этом всем подробно: сколько именно раз позабыла завернуть кран у самовара и напустила на скатерть[1] горячей воды и сколько раз после варенья приходила за обед с сахарными усами на губах, все без исключения. А я тебе за это хоть пожалуй теперь же прочту два-три нравоучения. 1-е, у тебя есть странная причуда бояться всего нового, всего, что еще незнакомо. Ты уже вперед говоришь, что это верно будет неприятно, верно скучно, не испытавши и не узнавши. Тебя непременно нужно на всё подталкивать сзади. Ты уже о деревне даже стала говорить, что там будет скучно, тогда как и кончик носа твоего еще не был в деревне. А между тем я знаю, что тебе теперь в деревне весело как нельзя более.

[1] *Далее было:* реки

Занятий много, и ты верно будешь слишком жалеть о том, что нужно наконец возвратиться в город. И так ты о всем: помнишь, как ты боялась в первый раз ехать к Прасковье Ивановне. Чем же кончилось? Ты теперь влюблена в Прасковью Ивановну. Ты грустишь, что не знаешь, как выразить свои чувства, ты говоришь с восторгом о Софье Николаевне и Надежде Карловне, и всё письмо твое наполнено упреками себе самой и жалобами на свою застенчивость, которая препятствует тебе показать им всю себя. Итак, вот тебе заключение: как только Прасковья Ивановна будет что-нибудь тебе предлагать новое: занятие или поездку, или что-нибудь, или хоть даже я, если тебе что-нибудь предложу или захочу для тебя, то ты вперед хохочи и покрепче. Это верно будет весело, полезно и хорошо для тебя. Смотри же. Будь умна. Вот тебе поцелуй еще! Хотя губы твои замараны вареньем, но в письме это не опасно, не прилипнет.

Теперь 2-е наставление, за которое ты должна меня расцеловать, так оно приятно будет тебе и полезно. Знаешь ли каким образом победить свою застенчивость и выразить чувство любви, которую так сильно чувствуешь не только к несравненной Прасковье Ивановне, а за нею вслед к Над<ежде> Карл<овне> и Ольге Николаевне (чему, впрочем, я не удивляюсь, потому что ангелы на то созданы, чтоб их любили). Знаешь ли каким образом доказать это? Надежда Карловна права, когда думает, что всё, что ты говоришь, на словах только. Словами точно не доказывается любовь. Ты должна это доказать на деле. Ты теперь в деревне и, стало быть, почти хозяйка. Они все заняты своим делом, и им иногда некогда думать о себе. Ты должна всячески замечать, что кому из них нравится, и постараться в ту же минуту им это приготовить. Встать пораньше и сделать всё покамест они еще спят. Например, если кто из них любит цветы, ты должна набрать свежих цветов, другой ягод, и тому подобное... словом, всё, что им нравится, и замечать всякую минуту, что из них кто любит или чего недостает кому-нибудь из них, и тотчас же постараться им это сделать, если можно, сюрпризом; тогда они увидят, что наконец ты их точно любишь и ты увидишь, как это будет приятно. Потому что нет на свете ничего так приятного, как исполнение желания тех, которых любишь, и даже просто доставить наслажденье кому бы то ни было. — Ну, видишь, какое приятное наставление! Поцелуй же меня! оботри свои губы.

За этим сей час будет следовать тебе сильный выговор. Я только что получил письмо от маминьки. Что ты наделала?

Маминька чуть не плачет. Письмо ее исполнено самого беспокойного волнения. Зачем ты написала, что ты упала с дрожек, что у тебя болит с тех пор грудь, что ты скучаешь ужасно. Не стыдно ли тебе в <*нрзб.*> наделать столько глупостей.[1] Ты должна всячески успокаивать маминьку, а ты ей пишешь такие письма. Ты об этом всём должна бы написать мне, а не маминьке. У маминьки и так много горя и так слишком печально ее существование, а ты растравляешь его еще. Она утешала[2] себя тем, что хотя одно дитя счастливо, а ты ей подобными глупостями разрываешь ее душу. Она при своей мнительности может подумать, что у тебя просто чахотка. Ну что если она сделается больною от этого? Сестра Анет тоже не могла читать равнодушно письма твоего, и письмо ее ко мне исполнено непритворной горести и участия к тебе. Всё ее письмо доказывает, что она тебя истинно любит. Я до сих пор изумляюсь твоему поступку. Где же твой ум девался? Ты поступила точь-в-точь как десятилетняя девчонка. Сейчас же поправь свою ошибку и напиши письма к маминьке и сестре самые утешительные. Но почему ты мне не написала об этом, какого рода письмо ты написала к маминьке? Стало быть, ты от меня скрываешь многое, стало быть, ты меня не любишь. Потому что, кто скрывает хоть что-нибудь, хоть самую безделицу, тот конченно<й>,[3] тот уже не любит. Мне смешно показалось, когда я читал в письме твоем, что ты меня любишь так, как я себе не могу вообразить. Нет, ты никогда не можешь меня так любить, как я тебя люблю. До этого слишком тебе далеко. Если бы ты меня любила сильно, то ты бы мое всякое малейшее желание, всякое наставление, которое я говорю тебе, считала бы святым и исполнить его для тебя было бы уже такое наслаждение, что и выразить нельзя. Но довольно! Поцелуй меня, мой ангел! оботри сахар на губах своих! Благодарю тебя за то, что молилась за мое здоровье и поручала молиться другим. Оно точно было плохо, и я захворал было не на шутку. Но теперь, благодаря Бога, начал поправляться. Прощай! Христос с тобой! Поцелуй за меня несколько раз ручку Прасковьи Ивановны и передай мой самый искренний поклон Софье Николаевне. Надежде Карловне также. Поблагодари ее от меня за то, что тебя любит, и попроси, чтобы и впредь тебя любила, впрочем, просьбы ничего не значат, нужно показать на деле любовь, старайся не говорить об этом и заставить себя любить.

[1] *Далее начато:* Тебе бы

[2] воображала

[3] *В оригинале:* конченно

Припомни мое наставление. Не позабудь также передать от меня поклон Вариньке. Я называю ее так, потому что не знаю как ее имя по отчеству. Впрочем, то, что прекрасно, прекрасно всегда, какое ни давай ему имя. Ты, однако ж, меня уведомь, как ее зовут. Она так интересна и так мила. Душа в ней светится насквозь. Смотри же, не позабудь! Опиши мне всю свою жизнь начиная от малейших подробностей, если тебе в самом деле приятно писать ко мне.

Твой брат Н<иколай>.

Письма отправляй к Аксаковым. Если же захочешь написать прямо ко мне, то адресуй в Рим poste restante. Я там буду в конце этого месяца.

<Адрес:>
Лизе.

485. М. С. Щепкину

<29 августа / 10 сентября 1840. Венеция>

Ну, Михаил Семенович, любезнейший моему сердцу! половина заклада выиграна: комедия готова. В несколько дней русские наши художники перевели. И как я поступил добросовестно! всю от начала до конца выправил, перемарал и переписал собственною рукою. В афишке вы должны выставить два заглавия: русское и итальянское. Можете даже прибавить тотчас после фамилии автора: «первого итальянского комика нашего времени». Первое действие я прилагаю при письме вашем, второе будет в письме к С. Т., а за третьим отправьтесь к Погодину. Велите ее тотчас переписать, как следует, с надлежащими пробелами, и вы увидите, что она довольно толста. Да смотрите, до этого не потеряйте листков: другого экземпляра нет: черновой пошел на задние обстоятельства. Комедия должна иметь успех; по крайней мере в итальянских театрах и во Франции она имела успех блестящий. Вы, как человек, имеющий тонкое чутье, тотчас постигнете комическое положение вашей роли. Нечего вам и говорить, что ваша роль — сам дядька, находящийся в затруднительном положении; роль ажитации сильной. Человек, который совершенно потерял голову: тут сколько есть комических и истинных сторон! Я видел в ней актера с большим талантом, который, между прочим, далеко ниже вас. Он был прекрасен, и так в нем всё было натурально и истинно! Слышен был человек, не рожденный для интриги,

а попавший невольно в оную, — и сколько натурально комического! Этот гувернер, которого я назвал дядькой, потому что первое, кажется, не совсем точно, да и не русское, должен быть одет весь в черном, как одеваются в Италии доныне все эти люди: аббаты, ученые и проч.: в черном фраке не совсем по моде, а так, как у стариков, в черных панталонах до колен, в черных чулках и башмаках, в черном суконном жилете, застегнутом плотно снизу доверху, и в черной пуховой шляпе, трехугольной, — <не?> как носят у нас, что называют вареником, а в той, в какой нарисован блудный сын, пасущий стада, то есть с пригнутыми немного полями на три стороны. Два молодые маркиза точно так же должны быть одеты в черных фраках, только помоднее, и шляпы вместо трехугольных, круглые, черные, пуховые или шелковые, как носим мы все, грешные люди; черные чулки и башмаки и панталоны короткие. Вот всё, что вам нужно заметить о костюмах. Прочие лица одеты, как ходит весь свет.

Но о самих ролях нужно кое-что. Роль Джильды лучше всего, если вы дадите которой-нибудь из ваших дочерей. Вы можете тогда более дать ее почувствовать во всех ее тонкостях. Если же кому другому, то, ради Бога, слишком хорошей актрисе. Джильда умная, бойкая; она не притворяется; если ж притворяется, то это притворное у ней становится уже истинным. Она произносит свои монологи, которые, говорит, набрала из романов, с одушевлением истинным; а когда в самом деле проснулось в ней чувство матери, тут она не глядит ни на что, и вся женщина. Ее движения просты и развязны, а в минуту одушевления картины она становится как-то вдруг выше обыкновенной женщины, что удивительно хорошо исполняют итальянки. Актриса, игравшая Джильду, которую я видел, была свежая, молодая, проста и очаровательна во всех своих движениях, забывалась и одушевлялась, как природа. Француженка убила бы эту роль и никогда бы не выполнила. Для этой роли, кажется, как будто нужна воспитанная свежим воздухом деревни и степей.

Играющему роль Пиппето никак не нужно сказывать, что Пиппето немного приглуповат: он тотчас будет выполнять с претензиями. Он должен выполнить ее совершенно невинно, как роль молодого, довольно неопытного человека, а глупость явится сама собою, так, как <у> многих людей, которых вовсе никто не называет глупыми.

Больше, кажется, не нужно говорить ничего... Вы сами знаете, что чем больше репетиций вы сделаете, тем будет

лучше и актерам сделаются яснее их роли. Впрочем, ролей немного и постановка не обойдется дорого и хлопотливо. Да! маркиза дайте какому-нибудь хорошему актеру. Эта роль энергическая: бешеный, взбалмошный старик, не слушающий никаких резонов. Я думаю, коли нет другого, отдайте Мочалову; его же имя имеет магическое действие на московскую публику. Да не судите по первому впечатлению и прочитайте несколько раз эту пьесу, — непременно несколько раз. Вы увидите, что она очень мила и будет иметь успех...

Итак, вы имеете теперь две пиесы. Ваш бенефис укомплектован. Если вы обеим пьесам сделаете по большой репетиции и сами за всех прочитаете и объясните себе роли всех, то бенефис будет блестящий, и вы покажете шиш тем, которые говорят, что снаряжаете себе бенефис как-нибудь. Еще. Шекспировой пьесы я не успел второпях поправить. Ее переводили мои сестры и коекакие студенты. Пожалуйста, перечитайте ее и велите переписать на тоненькой бумаге все монологи, которые читаются неловко, и перешлите ко мне поскорее; я вам всё выправлю, хоть всю пиесу пожалуй. За хвостом комедии сходите сейчас к Аксакову и Погодину.

486. О. Сем. Аксаковой

<29 августа / 10 сентября 1840. Венеция>

Венеция. Август 10.

Так как Сергея Тимофеевича теперь, вероятно, нет в Москве, Констант<ин> Сергеев<ич>, без сомнения, тоже с ним; то решаюсь,[1] Ольга Семеновна, осадить вас моими двумя усерднейшими просьбами. Но прежде чем просьбы, позвольте поблагодарить вас, вы знаете за что: за всё. Позвольте поблагодарить также вас и всё ваше семейство за память обо мне. Впрочем, в последнем случае благодарить мне незачем, потому что здесь плата тою же монетою с моей стороны, что вам, без сомнения, известно. А просьбы мои следующие. Отправьте прилагаемое при сем письмо к Лизе и вручите Михаилу Семеновичу прилагаемое при сем действие переведенной для него комедии. Еще одна просьба, о которой напоминать мне немножко бессовестно, но нечего делать. Просьба эта относится прямо к Вере Сергеевне, а в чем она заключается — это ей известно. Исполнению ее, конечно, теперь мешает отъезд Сергея Тимоф<еевича>. Но по приезде...

[1] *Далее было:* адресова<ть>

Вера Сергеевна простила меня за мой докучливый характер. Прощайте. Веселитесь веселее, сколько можно, и отведайте лета более, сколько можно. Я вас вижу очень живо и также вижу всех вас, всё ваше семейство.

К Сергею Тимофеевичу я буду писать из Рима, не знаю только, куда адресовать. Впрочем, отправите вы.

Целую ваши ручки.

487. М. П. и Е. В. Погодиным

<М. П. Погодину>

<29 августа / 10 сентября 1840. Венеция>

Август 10. Венеция.

Что ж ты притих? а? А ну-ка махни письмо в три строки, таких, знаешь, лихих, молодецких, чтобы и сам не в силах был разобрать ни одного слова! Мне очень хочется знать, что ты делаешь теперь летом. Ум твой никогда не может быть в праздности, и ты, верно, чем-нибудь занят. Если это продолже<ние> прежнего труда твоего, который ты так гигантски отшлепывал при мне, то да благословит тебя. Я разумею Историю, которую мне часто приходит охота теперь читать, и я делаю себе теперь несколько раз упреки, что не застав<ил> тебя читать побольше. Но мы всегда так делаем и жалеем тогда, когда уже нельзя помочь. Пожалуйста, отдай Щепкину прилагаемое при сем действие переведенной для него комедии. Здоровье мое теперь несколько лучше, а то было я прихворнул не на шутку. Прощай, целую и обнимаю тебя несколько раз и прошу, перевернувши этот листок на другую сторону, поднести его Лизавете Васильевне.

<Е. В. Погодиной>

Господи, как мы давно с вами, Лизавета Васильевна, не видались! Помните ли вы меня, говорите ли когда-нибудь о мне и думаете ли иногда о мне? Верно, меньше моего. И опустевшая моя комната, обращенная теперь, без сомнения, в какую-нибудь кладовую таких вещей, к которым не понадобится никогда ходить,[1] как не бывала в вашем доме. Поцелуйте от меня нового богатыря вашего, Петю, и напишите мне, какого рода и характера, и наклонностей этот молодой человек: такое же ли, как и у Мити, у него проявляется покровительство художествам, или

[1] *Далее было:* даже

ум его показывает направление совершенно политическое и[1] созидает планы и даже оставляет какие-нибудь лан<д>картные изображения на пеленках. Во всяком случае поцелуйте и старого моего друга и племянника Митю. Скоро и у них исчезнет в памяти, как не бывал: дядя Гоголь. Поцелуйте за меня вашу добрую маминьку Лиз<авету> Фоминишну, поцелуйте также вторую вашу маминьку Аграф<ену> Михаловну. Передайте искренной мой поклон Григорию Петровичу, Михаилу Ивановичу и особенно Аграфене Петровне. А вам кланяется за это Венеция с своим упавшим величием и сумрачным великолепием, еще мелькающими гондолами, долговечным Риальтом и мною, довольно хилого здоровьем, но искренно и душевно любящим вас.

488. М. И. Гоголь

<1/13 октября 1840. Рим>
Рим. Окт<ябрь>.

Благодарю вас за письмо ваше, почтеннейшая маминька! Оно было первое, которое я получил в Риме. Слава Богу, вы и все в доме, кажется, здоровы. По хозяйству, кажется, только есть кое в чем нездоровье, ну, да в этом не мы виноваты. Урожаи теперь плохи по всей России. Только и дела, что получаешь беспрерывно печальные известия то из тех, то из других мест. — Кстати, я заговорил об хозяйстве. Я хотел с вами поговорить давно, между прочим, об одном обстоятельстве, довольно значительном. А именно странно, что у нас в доме все, исключая одних вас, то есть все сестры мои не имеют никакого понятия в хозяйстве, ведут жизнь совершенно праздную, как будто бы в жизнь никогда не придется им хозяйничать. Это может просто быть для них несчастием со временем, когда придется им жить не при вас. В главные статьи хозяйства вы их не вводите потому, что это будет не по силам, а назначьте каждой из них одну какую-нибудь из второстепенных частей,[2] так, чтобы она знала только одну ее, вела тщательный приход и расход, смотрела бы за нею внимательно и потом бы в месяц раз давала бы вам отчет. Таким образом исподволь и понемножку они будут приучаться к хозяйству, что необходимо, в каком бы ни были они состоянии. А между тем вы будете иметь у себя верных небольших управительниц, вместо разных нанятых и своих ключниц и домоводок, которые большею частью бывают

[1] *Далее было:* он
[2] *Далее было:* совершенно отдельну<ю>

негодяйки и народ, на который трудно положиться. Я уверен, что вы совершенно сознаете пользу этого и верно бы сами сделали это, если бы не заботы важнейшие и бывшее несколько тревожное для вас время.

Теперь позвольте поздравить от души и сердца с днем Ангела вашего. Вы уже, без сомнения, провели его, и письмо мое вместе с поздравлением придет после него, но во всяком случае вы знаете, что я верно поздравил и себя и вас в это всем нам веселое утро 1-го октября.

С этим поздравляю также всех сестер, которых всех обнимаю от души.

489. А. В. Гоголь

Рим. Октября 13 <н. ст.>. 1840.

Я вчера получил твое письмо, что я был ему рад, об этом нечего говорить, ты этому без сомнения поверишь, потому что знаешь, что я тебя люблю. Я был рад, что ты совершенно здорова, так по крайней мере стоит в письме твоем. Я совершенно рад, что у тебя завелась охота бегать. Даже рад тому, что ты теперь ничего не делаешь и ничем не занимаешься, потому что придет зима и ты верно присядешь и вознаградишь за всё. Но... теперь наконец приходится сказать, чему я не был рад. Уши вперед и слушай! Выговор тебе следует жестокой, какой только ты когда-либо получала от меня. Ты, приводя причины, отвлекающие тебя от занятий, привела одну такую, за которую я никогда не могу простить тебе. Именно ты сказала, что у вас много было праздников и что приняться за иглу в праздник здесь (т. е. в Васильевке) считается за ужасный грех. И ты могла покориться глупому предрассудку, повторенному горнишными девками или глупыми невежами-соседками, тогда как против этого кричит и здравый смысл и рассудок! И ты не сгорела от стыда, написавши это ко мне! И ты после этого умна! и ты сестра мне! Итак, над тобою уже имеют власть все мнения околодка и пошлые толки и речи. — Мне это было грустно читать. Грустно не потому... Лучше бы ты сказала, что ты считаешь это за грех по собственному убеждению, а не потому, что говорят другие. Тогда бы я извинил тебя скорее, я бы извинил твое незнание, сказал бы, что ты несведуща, что не понимаешь истинного смысла Священного Писания — и дело кончено! Но теперь... и ты не в состоянии презреть светским мнениям, даже в ничтожных случаях, и у тебя такая мелкая

душонка? И ты после этого моя сестра! и у сестры моей достало столько малодушия, чтобы последовать с покорностью ребенка первому светскому мнению, внутренне не признавая его, сознавая в собственной душе несправедливость и ничтожность его. Если же теперь, сначала, такую власть имеют над тобою толки соседок, нянюшек и деревенских баб, что же будет потом, когда ты поживешь подолее. Ты наконец не в состоянии будешь сделать шага, не осмотревшись прежде со страхом вокруг и не подождавши, что скажет Васильевский округ и околодки справа и слева. А для чего дается человеку характер?[1] чтобы он мог презреть толки и пересуды и следовать тому, что велит ему благоразумие, и, как сказал Сам Спаситель, не глядеть на людей. Люди суетны. Нужно в пример себе брать прекрасный, святой образец, высшую натуру человека, а не обыкновенных людей. — Итак, я тебе приказываю работать и заниматься именно в праздник, натурально только не в те часы, которые посвящены Богу. И если кто-нибудь станет тебе замечать, что это нехорошо, ты не входи ни в какие рассуждения и не старайся даже убеждать в противном, а скажи прямо, коротко и твердо: это желание моего брата. Я люблю своего брата, и потому всякое малейшее его желание для меня закон. — И после этого, верно, тебе не станут докучать. И таким образом поступай и в другом случае, где только собственное твое благоразумие чего-нибудь не одобрит. — Нужно быть тверду и непреклонну. Без твердости характер человека нуль. И признаюсь, грусть бы, сильная грусть обняла бы мою душу, если бы я уверился, что у сестры моей нет ни характера, ни великодушия.

Но довольно. Я уверен, что всё это мною сказано не на ветер. Я очень рад, что у тебя есть теперь знакомство. Две приятные и умные соседки — это счастие в деревне. И потому ты старайся быть с ними почаще[2].

Наконец поговорим еще об одном довольно важном предмете. Слушай, моя душа. Тебя должно непременно тронуть положение маминьки, на которой лежит столько забот и такая сильная обуза, что весьма немудрено, если и у человека сильного закружится голова и кончится тем, что он наконец ничего не будет делать. Слушай. Нужно, чтоб и ты и Оля взяли на долю какие-нибудь маленькие части хозяйства и чтобы уже аккуратно вели дела свои. Например, ты возьми на долю свою молочню, то есть смотри, чтоб при тебе набиралось молоко, делалось масло,

[1] *Далее было:* Характер ему дан на то

[2] *Далее пропуск. Утрачен подлинник середины письма.*

сыр, и замечай внимательно, сколько чего должно быть, чтобы потом не могли тебя ни обмануть, ни украсть. Натурально, этого еще немного для тебя. Ты возьми на свою долю еще овец. Пусть к тебе приходит каждый день овчар и рапортует тебе подробно. Ты отправляйся почаще туда сама, — лучше, если пешком, и поверяй почаще всё на деле. Несколько раз заставь, чтобы доили при тебе, чтобы знать, сколько наверное могут давать молока. Записывай родившихся вновь, отправленных на стол, прибывших и убывших. После того, когда ты увидишь, что с этим всем управляешься хорошо, можешь присоединить к этому и что-нибудь другое. Без этого никогда не будет никакого толка в хозяйстве, если сами хозяева не будут входить во всё. А так как одному человеку нельзя входить во всё, то по этому самому и должно непременно разделить труды. Иначе ключницы, домоводки и управители, как бы ни казались надежны с виду, всегда кончится тем, что будут наконец обкрадывать, или, еще хуже, нерадеть и неглижировать. Олиньке тоже выбери на долю какую-нибудь часть по силам. Ты увидишь потом, какую окажешь этим пользу хозяйству и как облегчишь труды маминьки, тем более что у ней столько главных статей хозяйства: уборка и посев хлеба, льну, гумно, винокурня и мало ли чего еще? страшно и подумать даже. Желал бы я очень знать, что ты на это скажешь и какое это произведет на тебя действие, и потому жду нетерпеливо твоего ответа. Ты верно сама об этом подумаешь и рассмотришь довольно сурьезно и, может быть, найдешь с своей стороны кое-что новое еще насчет этого предмета: как лучше и как дельнее за него взяться и прочее и прочее. А что в этом ты увидишь пользу и увидишь, что сделаешь истинно доброе дело, в этом я почти уверен... почему... не нужно говорить почему. Довольно. — Целую тебя и поздравляю с днем Ангела нашей маминьки. Ибо в этот день именно я пишу письмо. Обними за меня старшую сестрицу и Олиньку. Поцелуй моего крестника, но прежде подери его немножко за уши. Скажи ему, что я бы давно ему прислал гостинцев, но нарочно не хочу, потому что он шалун. И что если он хочет, чтобы я прислал к нему одну удивительную для него вещь, то пусть шалит никак не больше одного разу в неделю, да и то не раньше как после обеда. Больше не успеваю писать. Еще хотел кое-что сказать тебе, но пусть до другого письма. Прощай, душа!

Твой брат.

490. М. П. Погодину

<17/29 октября 1840. Рим>

Рим. Октября 17.

Не стыдно ли тебе? Потому только, что я не писал к тебе, ты обо мне заключил и подумал… Кто же я? Итак, ты меня не знал даже настолько, чтобы не заключить… Клянусь, я больше вправе на тебя быть сердитым, чем ты на меня. Итак, если бы, положим, кто-нибудь наврал на меня, рассказал небылицу, несходную ни с моим характером, ни с образом мыслей, ты бы поверил. Не стыдно ли тебе! Почему я не писал к тебе? Ты бы мог сам найти причину, и именно уже ту, почему, оставшись наедине с самым искреннейшим другом, молчишь с ним по нескольку часов, тогда как говоришь тут же иногда очень бегло и находишь материю для разговора с лицом более посторонним. Уже одну эту причину ты бы должен привести и внутренно извинить меня. Я покорен теперь более, нежели когда-либо, весь расположению душевному, хотя (увы!) оно бывает иногда болезненное. У меня не было тогда душевного расположения писать к тебе, и я не писал. Было один раз расположение писать к тебе, но (Боже!) в какую минуту. Я написал, но не послал письма, и хорошо сделал. Но ты ни в каком отношении не должен бы подумать. Пусть бы другой. Другому, может, всякому, кто бы он ни был, я бы скорей простил. Но тебе нет. Я бы привел две-три причины, которые споспешествовали к тому, что я не писал к тебе. Но после этого объяснения всё лишне.

Ну, дай мне свою руку! я тебе прощаю, что ты огорчил меня. Друг мой!.. Боже! не совестно ли тебе… ты многого[1] не понял в некоторых случаях во мне. Ты суровым упреком мужа[2] встретил меня там, где расстроенная душа моя ждала участия нежного, почти женского. Я был болен тогда душою. Теперь тебе самому, может, объясняется много, и ты, может быть, видишь сам, что ты иногда слишком поспешен в заключениях. Но[3] заключение твое последнее поспешнее всех. Ты хотел разом отнять у меня и глубину чувств, и душу, и сердце, и назначить мне место даже ниже самых обыкновеннейших людей. Как будто бы это легко, как будто бы это может случиться в природе. И ты в познании сердца челов<еческого> из Шекспира попал в Коцебу. Но ты, верно, этот упрек сделал уже себе, как только взошли тебе на ум наши отношения друг к другу. Целую тебя и довольно.

[1] немного

[2] друга

[3] *Далее было:* всё если б я знал

Благодарю за известие об Лизе. Я не имел в том сомнения, чтобы она не становилась лучше, но всё <же> нельзя, чтобы я был совершенно спокоен насчет <ее>. Есть еще в характере ее некоторая легкость и что<-то> такое, но жизнь богата испытаниями, которые благотворно освежают и укрепляют, укрепят и ее. В ней недостаток именно того, что есть у сестры ее. Если б и это у ней было, тогда бы я просто закрыл глаза покойно. Анетой я доволен совершенно, и каждое письмо ее делает меня еще довольнее. Как поняла она свое положение! Уже в последний день,[1] который она провела со мною, я прочитал в лице ее решительность и силу и видел в жадности, с какой она меня слушала, что уже с моей стороны сделано всё. Начать с того, что она прежде всего выздоровела совершенно, сделалась резва, жива и бегает так, что ее трудно удержать. Увидела вдруг, в чем она может быть нужна матери и что делает нехорошо. Наконец самое главное — умела выйти из круга того, который окружает их, и составить себе круг знакомых мимо этой коры, сквозь которую редкая из женщин продирается. Письма ее наполнены благодарностью ко мне и дышат нежностью. Словом, я покоен как нельзя более за нее. А Лиза, Лиза может сделаться еще лучше, чем теперь, благодаря обществу, которое ее теперь окружает. Вы, Аксаковы, Раевские — тут, кроме хорошего, натурально ей ничего нельзя занять. Лиза — золото, если попадется в хорошие руки. Если же в дурные или такие, которых превосходства над собою она не почувствует, то Лизы в несколько дней нельзя будет узнать. Вот почему я подумать не могу без страха, если б ей, не дай Бог, случилось жить с матерью и сестрами и еще в такой деревне и круге. Но об этом доволь<но>, всё, слава Богу, идет с этой стороны очень хорошо.

Рад очень твоему счастию, т. е. редким находкам, сделанным тобою. Одною из них ты потчеваешь меня, как такою, которая ближе всего лежит ко мне, но таким образом, как один раз журавль позвал к себе кума, кажется, волка, на обед и велел блюда подавать в сосудах с такими узкими горлами, куда только один журавлий нос мог просунуться, и кум только нюхал, да помахивал хвостом, браня свою толстую морду. Хоть бы какими-нибудь пахучими выписками из нее попользоваться,[2] т. е. где пахнет более старина и обряд[3] старинных времен. Еще более я рад свежести сил твоих, здоровью и наслаждению, посещающему тебя в благих

[1] *Далее было:* проведен<ный>

[2] *Далее начато:* а теперь мне

[3] дух

трудах. Счастливец. Да продлит Бог до 90-летнего твоего возраста это душевное состояние.

А я — не хотелось бы, о! как бы не хотелось мне открывать своего состояния. И в письме моем к тебе из Вены я бодрился и не дал знать тебе ни слова. Но знай всё. Я выехал из Москвы хорошо, и дорога до Вены по нашим открытым степям тотчас сделала надо мною чудо. Свежесть, бодрость взялась такая, какой я никогда не чувствовал. Я, чтобы освободить еще, между прочим, свой желудок от разных старых неудобств и кое-где засевших остатков московских обедов, начал пить в Вене мариенбадскую воду. Она на этот раз помогла мне удивительно, я начал чувствовать какую-то бодрость юности, а самое главное я почувствовал, что нервы мои пробуждаются, что я выхожу из того летаргического умственного бездействия,[1] в котором я находился в последние годы и чему причиною было нервическое усыпление... Я почувствовал, что в голове моей шевелятся мысли, как разбуженный рой пчел; воображение мое становится чутко О! какая была это радость, если бы ты знал! Сюжет, который в последнее время[2] лениво держал я в голове своей, не осмеливаясь даже приниматься за него, развернулся передо мною в величии таком, что всё во мне почувствовало сладкий трепет. И я, позабывши всё, переселился вдруг в тот мир, в котором давно не бывал, и в ту же минуту засел за работу, позабыв, что это вовсе не годилось во время пития вод, и именно тут-то требовалось спокойствие головы и мыслей.

Но впрочем, как же мне было воздержаться. Разве тому, кто просидел в темнице без свету солнечного несколько лет, придет на ум, по выходе из нее, жмурить глаза, из опасения ослепнуть, и не глядеть на то, что радость и жизнь для него, притом я думал: может быть, это только мгновенье, может, это опять скроется от меня, и я буду потом вечно жалеть, что не воспользовался временем пробуждения сил моих. Если бы я хотя прекратил в это время питие вод, но мне хотелось кончить курс, и я думал: когда теперь уже я нахожусь в таком светлом состоянии, по окончании курса еще более настроенно будет во мне всё. Это же было еще летом в жар, и нервическое мое пробуждение обратилось вдруг в раздраженье нервическое. Всё мне бросилось разом на грудь. Я испугался. Я сам не понимал своего положения. Я бросил занятия, думал, что это от недостатка движения при водах и сидящей жизни.

[1] усыпления
[2] в последний раз

Пустился ходить и двигаться до усталости и сделал еще хуже. Нервическое расстройство и раздражение возросло ужасно, тяжесть в груди и давление, никогда дотоле мною не испытанное, усилилось. По счастию, доктора нашли, что у меня еще нет чахотки, что это желудочное расстройство, остановившееся пищеварение и необыкновенное раздражение нерв. От этого мне было не легче, потому что лечение мое было довольно опасно, то, что могло бы помочь желудку, действовало разрушительно на нервы, а нервы обратно на желудок. К этому присоединилась болезненная тоска, которой нет описания. Я был приведен в такое состояние, что не знал решительно, куда деть себя, к чему прислониться. Ни двух минут я не мог остаться в покойном положении ни на постеле, ни на стуле, ни на ногах. О, это было ужасно, это была та сама<я> тоска и то ужасное беспокойство, в каком я видел бедного Вельегорского в последние минуты жизни. Вообрази, что с каждым днем после этого мне становилось хуже, хуже. Наконец уже доктор сам ничего не мог предречь мне утешительного. При мне был один Боткин, очень добрый малый, которому я всегда останусь за это благодарен, который меня утешал сколько-нибудь, но который сам потом мне сказал, что он никак не думал, чтобы я мог выздороветь. Я понимал свое положение и наскоро, собравшись с силами, нацарапал, как мог, тощее духовное завещание, чтобы хоть долги мои были выплачены немедленно после моей смерти. Но умереть среди немцев мне показалось страшно. Я велел себя посадить в дилижанс и везти в Италию. Добравшись до Триэста, я себя почувствовал лучше. Дорога, мое единственное лекарство, оказала и на этот раз свое действие. Я мог уже двигаться. Воздух, хотя в это время он был еще неприятен и жарок, освежил меня. О, как бы мне в это время хотелось сделать какую-нибудь дальнюю дорогу. Я чувствовал, я знал и знаю, что я бы восстановлен был тогда совершенно. Но я не имел никаких средств ехать куда-либо. С какою бы радостью я сделался бы фельдъегерем, курьером даже на русскую перекладную и отважился бы даже в Камчатку, чем дальше, тем лучше. Клянусь, я бы был здоров. Но мне всего дороги до Рима было три дни только. Тут мало было перемен воздуха. Все, однако ж, и это сделало на меня действие, и я в Риме почувствовал себя лучше в первые дни. По крайней мере я уже мог сделать даже небольшую прогулку, хотя после этого уставал так, как будто б я сделал 10 верст. Я до сих пор не могу понять, как я остался жив, и здоровье мое в таком сомнительном положении, в каком я еще никогда не бывал. Чем далее, как будто опять

становится хуже, и лечение и медикаменты только растравляют. Ни Рим, ни небо, ни то, что так бы причаровало меня, ничто не имеет теперь на меня влияния. Я их не вижу, не чувствую. Мне бы дорога теперь, да дорога, в дождь, слякоть, через леса, через степи, на край света. Вчера и сегодня было скверное время, и в это скверное время я как будто бы ожил.[1] Так вот, всё мне хотелось броситься или в дилижанс, или хоть на перекладную. Двух минут я не мог посидеть в комнате, мне так сделалось тяжело и отправился бродить по дождю. Я устал после нескольких шагов, но, право, почувствовал как будто бы лучше себя. Друг! вот тебе мое положение. Не хотелось мне, страшно не хотелось открывать его, и долго я писал это письмо и останавливался, и вновь принимался писать, и уже хотел изодрать его, и скрыть всё от тебя. Но грех был бы на моей душе.[2]

Со страхом я гляжу на себя. Я ехал[3] бодрый и свежий на труд, на работу. Теперь... Боже. Сколько пожертвований сделано для меня моими друзьями — когда я их выплачу! А я думал, что в этом году уже будет готова у меня вещь, которая за одним разом меня выкупит, снимет тяжести, которые лежат на моей бессовестной совести. Что предо мною впереди? Боже, я не боюсь малого срока жизни, но[4] я был уверен по такому свежему бодрому началу, что мне два года будет дано плодотворной жизни. И теперь от меня скрылась эта сладкая уверенность. Без надежды, без средств восстановить здоровье. Никаких известий из Петербурга: надеяться ли мне на место при Кривцове. По намерениям Кривцова, о которых я узнал здесь, мне нечего надеяться, потому что Кривцов искал на это место европейской знаменитости по части художеств. Он хотел иметь немца Шадова, директора Дюссельдорфской Академии художеств, которому тоже хотелось, а потом даже хотел предложить Обервеку, чтобы прикрыть натурально свое по этой части невежество и придать более весу своему месту. Но Бог с ним со всем этим. Я равнодушен теперь к этому. К чему мне это послужит. На квартиру да на лекарство разве? на две вещи равные ничтожностью и бесполезностью. Если к ним не присоединится наконец третья, венчающая всё, что влачится на свете.

Часто в теперешнем моем положении мне приходит вопрос: зачем я ездил в Россию, по крайней мере меньше лежало бы

[1] *Далее было:* С какой бы радостью я бросил

[2] *Далее начато:* Теперь рассмотри хорошенько

[3] Прие<хал>

[4] *Далее было:* если бы

на моей совести.[1] Но как только я вспомню о моих сестрах. — Нет, мой приезд не бесполезен был. Клянусь, я сделал много для моих сестер. Они после увидят это. Безумный, я думал, ехавши в Россию: ну хорошо, что я еду в Россию, у меня уже начинает простывать маленькая злость, так необходимая автору, против того-сего, всякого рода разных плевел, теперь я обновлю, и всё это живее предстанет моим глазам, и вместо этого что я вывез? Всё дурное изгладилось из моей памяти, даже прежнее, и вместо этого одно только прекрасное и чистое со мною, всё, что удалось мне еще более узнать в друзьях моих, и я в моем болезненном состоянии поминутно делаю упрек[2] себе: и зачем я ездил в Россию. Теперь не могу глядеть я ни на Колизей, ни на бессмертный купол, ни на воздух, ни на всё, глядеть всеми глазами, совершенно на них, глаза мои видят другое, мысль моя развлечена. Она с вами. Боже! Как тяжело мне писать эти строки, я не в силах более. Прощай! Боже, благослови тебя во всех предприятиях и предоставь наконец тебе поле широкое, великое, без препятствий. Ты рожден и определен на большое плаванье. Я хотел было наскоро переписать куски из Ревизора, исключенные прежде, и другие переделанные,[3] чтобы поскорее хотя его издать и заплатить великодушному, как и ты, Сергею Тимофеевичу, и этого не мог сделать. Впрочем, я соберу все силы и, может быть, на той же неделе управлюсь с этим. Я не имею никаких известий из Петербурга. Напиши. Правда ли, что будто бы Жуковский женится? Я не могу никак этому верить. Прощай. Целую тебя миллион раз! Друг!

Обними Шевырева за меня несколько раз. Я бы писал к нему, но не в силах.[4] К Сергею Тимофеевичу я бы тоже хотел писать... но что мне писать теперь? Я не в силах... Мне бы хотелось скрыть от моих друзей мое положение. Письмо мое издери в куски. Я храбрюсь всеми силами.

491. Е. В. Погодиной

<Около 29 октября (н. ст.) 1840. Рим>

Вы еще благодарите меня, Елизавета Васильевна, за то, что я вспомнил об вас. Не уж ли вы в самом деле думаете, что я так

[1] *Далее начато:* но с другой стороны мне представляются сестры

[2] вопро<с>

[3] *Далее начато:* и не в си<лах>

[4] *Далее было:* Боже, я стыжусь теперь себя. Так было прекрасно началось всё и так теперь...

мало знаю вас и люблю вас. Ибо именно только в таком случае вы бы имели право благодарить меня. Клянусь, я вас лучше знаю, чем вы думаете. Знаю и душу вашу, и сердце; и если б вы знали, как я чувствую сильно и глубоко вашу дружескую приязнь ко мне. Это правда, что вы на мне, может быть, видели часто в Москве черствую невыражающую наружность. Но виною этому не душа, не сердце, не я, но мои обстоятельства тогдашние, которые мне мешали почти всегда быть <тем>, чем бы я хотел быть, то есть мною, со всеми моими грехами и пороками и, может быть, двумя-тремя истинно хорошими чертами: любить не притворно и не на заказ друзей своих. Вы себе, верно, не можете представить, как меня мучит мысль, что я был так деревян, так оболванен, так скучен в Москве, так мало показал моих истинных расположений, и так невольно скрытен и неоткровенен, и черств, и сух. — Если бы вы знали, как я горевал потом, когда выехал из Москвы, что[1] я вел себя так дурно. Мнением людским, конечно, я не дорожу, но мнением друзей... а они все меня любят, несмотря на то, что я был просто несносен.[2] Вы даже приберегли и спрятали портрет мой. Вы правы: я его вовсе не назначал вам. Я его выбросил потому, что вам хотел прислать всё-таки что-нибудь похожее на меня, а этот портрет не годится никуда. Но всё этот новый знак вашей дружбы меня вновь тронул и отозвался упреком в душе моей. Вы мне желаете здоровья и сил, чтобы потом даже возвратиться в Россию, о чем я даже и не думал, и потом даже не разлучаться с друзьями, но я не могу с ними разлучиться и, оставивши Москву, я только теснее соединился с ними. Бог знает, будет ли когда исполнено ваше желание. Мое здоровье... о, если бы еще раз воскреснуть мне. Нет, я бы, конечно, тогда не отказался, я бы непременно вас увидел, хоть еще один раз.

Любящий[3] вас любовью брата

Гоголь.

492. П. А. Плетневу

Рим. Октябрь 30 <н. ст. 1840>.

Здравствуйте, бесценный Петр Александрович! Напишите мне хоть одну строчку. Я не имею никаких, совершенно

[1] *Далее было:* оставил о себе такое дурное мнение

[2] *Далее начато:* Мне досадно, что

[3] всегда <любящий>

никаких известий из Петербурга. Пишу к вам потому, что я вас видел третьего дня во сне в таком необыкновенном и грустном положении, что испугался, не могу быть спокоен[1] до тех пор, пока не услышу что-нибудь о вас. Уведомьте меня также, как мое дело. Можно ли мне надеяться на то место в Риме, о котором я писал к вам? Мне нужно теперь знать это, и тем более теперь.[2] Я заболел жестоко, и, Боже, как заболел. Я сам виноват. Я обрадовался моим проснувшим<ся> силам, освеженным после вод и путешеств<ия>, и стал работать изо всех сил, почуя просыпающееся вдохновение, которое давно уже спало во мне. Я перешел через край и за напряжение не вовремя, когда мне нужн<о> было отдохновение, заплатил страшно. Не хочу вам говорить и рассказать, как была опасна болезнь моя. Гемороид мне бросился на грудь и нервическое раздражение,[3] которого я в жизнь никогда не знал, произошло во мне такое, что я не мог ни лежать, ни сидеть, ни стоять. Уже медики было махнули рукою, но одно лекарство меня спасло неожиданное. Я велел себя положить Ветурину в дорожную коляску.[4] Дорога спасла меня. Три дни, которые я провел в дороге, меня несколько восстановили. Но я сам не знаю, вышел ли я еще совершенно из опасности. Малейшее какое-нибудь движение, незначущее усилие, и со мной делается чорт знает что. Страшно, просто страшно. Я боюсь. А так было хорошо началось дело. Я начал такую вещь, какой, верно, у меня до сих пор не было — и теперь из-под самых облаков да в грязь.

Медику натурально простительно меня успокаивать и говорить, что это со времен<ем> пройдет и что мне нужно только успокоить<ся>. Но мне весьма простительно тоже не верить этому, и мое положение вовсе не такого рода, чтобы оставаться, тем более, что вот месяц и я ничуть не лучше. Если б я знал, что из меня уже решительно ничего не может быть (страшнее чего, конечно, ничего не может быть на свете), тогда бы натурально[5] дело конченно<е>. У меня нет никакой охоты увеличивать всемирное население своею жалкою фигурою, и за жизнь свою я не дал бы гроша и не стал бы из-за нее биться. Но, клянусь, мое положение слишком, если даже не черезчур. Больной, расстроенный душой и телом, и никаких средств... Уведомьте меня,

[1] что я испугался и не могу быть спокоен

[2] знать это более нежели

[3] раздражение горла

[4] в дилижанс

[5] *Далее было:* я за свою жизнь не дал бы гроша.

может быть, можно как-нибудь узнать одно из этих двух роковых слов: да или нет. — Но, клянусь, мне так же, если даже не больше, теперь хочется иметь известия о вас самих. После виденного мною сна я не могу успокоиться о вас. Теперь в моем больном, грустном, часто лишенном надежды душевном состоянии, у меня единственн<о>,[1] что доставляет мне похожее на радость, это перебирать в мыслях моих немногих, но[2] любящих, прекрасных друзей, вычислять все случаи в жизни, где дружба их обнаружилась ко мне, и сердце у меня тогда так начинает сильно биться, как может только у ребенка, который не изумляется от радости, но остается как будто перепуган радостью. Знаю, что это происходит от моего нервического расстройства и что движение потрясает меня, но всё как это сладко.[3] И я тогда едва дышу.

Прощайте. Целую вас[4] сильно, и дай Бог, чтобы ничего с вами не было.

Ваш Гоголь.

<Адрес:>

Рим. Via Felice, № 126.

493. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю

1840 г. Ноября 28. <Москва>

Как я плачу! Виноват, прости меня! Признаюсь — я был огорчен, я негодовал на тебя! Прости меня... Твоя несчастная наружность!.. О сердце человеческое! Ни Шекспир, ни Коцебу не знают тебя! И знают иногда, но чужое, а не свое. И теперь вообрази, я раскаиваюсь, скорблю о тебе, негодую на себя, а все еще могу, точно с Петром, воскликнуть: «Верую, Господи, помози моему неверию!» «Человек есть ложь» — как глубоко сказал это Павел! При таких явлениях я убеждаюсь, что он искуплен, убеждаюсь в первородном грехе. Ну как объяснить иначе такие чужие противные впечатления! И это в сторону!.. Успокойся, успокойся! О, если б ты мне предстал, сложа руки крестом! Твои испытания кончатся, только молись об успокоении.

Я вижу, тебе надо путешествовать, чтоб привести в ровность твой организм. Езди из конца в конец и останавливайся по дороге в городах на неделю — на две и работай.

[1] единственн<ая> рад<ость>
[2] *Далее было:* Боже каких
[3] *Далее было:* вместе. Прощайте!
[4] *Далее было:* нес<колько>

Надеюсь прислать тебе скоро на дорогу. У меня надежды много на журнал.

Теперь я успокою Лизу. Я послал к тебе через Кривцова ее подушку.

Мы все здоровы и больны только твоей болезнию.

Больше писать теперь не могу. Целую, обнимаю тебя.

494. С. Т. Аксакову

28 декабря <н. ст.> 1840 года. Рим.

Я много перед вами виноват, друг души моей, Сергей Тимофеевич, что не писал к вам тотчас после вашего, мне так всегда приятного письма. Я был тогда болен. О моей болезни мне не хотелось писать к вам, потому что это бы вас огорчило. Вы же в это время и без того, как я узнал, узнали великую утрату; лгать мне тоже не хотелось, и потому я решился обождать. Теперь я пишу к вам, потому что здоров, благодаря чудной силе Бога, воскресившего меня от болезни, от которой, признаюсь, я не думал уже встать. Много чудного совершилось в моих мыслях и жизни! Вы, в вашем письме, сказали, что верите в то, что мы увидимся опять. Как угодно будет всевышней силе! Может быть, это желание, желание сердец наших, сильное обоюдно, исполнится. По крайней мере обстоятельства идут как будто бы к тому.

Я, кажется, не получу места, о котором — помните? — мы хлопотали и которое могло бы обеспечить мое пребывание в Риме. Я почти, признаюсь, это предвидел, потому что Кривцова, который надул всех, я разгадал почти с первого взгляда. Это человек, который слишком любит только одного себя и прикинулся любящим и то и се, потому только, чтобы посредством этого более удовлетворять своей страсти, т. е. любви к самому себе. Он мною дорожит столько же, как тряпкой. Ему нужно иметь при себе непременно какую-нибудь европейскую знаменитость в художественном мире, в достоинство внутреннее которого он хотя, может быть, и сам не верит, но верит в разнесшуюся его знаменитость; ибо ему — что весьма естественно — хочется разыграть со всем блеском ту роль, которую он не очень смыслит. Но Бог с ним! я рад всему, всему, что ни случается со мною в жизни и, как погляжу я только, к каким чудным пользам и благу вело меня то, что называют в свете неудачами, то растроганная душа моя не находит слов благодарить невидимую руку, ведущую меня.

Другое обстоятельство, которое может дать надежду на возврат мой — мои занятия. Я теперь приготовляю к совершенной очистке первый том «Мертвых душ». Переменяю, перечищаю, многое переработываю вовсе и вижу, что их печатание не может обойтись без моего присутствия. Между тем дальнейшее продолжение его выясняется в голове моей чище, величественней, и теперь я вижу, что может быть со временем кое-что колоссальное, если только позволят слабые мои силы. По крайней мере, верно, немногие знают, на какие сильные мысли и глубокие явления может навести незначащий сюжет, которого первые, невинные и скромные главы вы уже знаете. Болезнь моя много отняла у меня времени; но теперь, слава Богу, я чувствую даже по временам свежесть, мне очень нужную. Я это приписываю отчасти холодной воде, которую я стал пить по совету доктора, которого за это благослови Бог и который думает, что мне холодное лечение должно помочь. Воздух теперь чудный в Риме, светлый. Но лето, лето — это я уже испытал — мне непременно нужно провести в дороге. Я повредил себе много, что зажился в душной Вене. Но что же было делать? признаюсь — у меня не было средств тогда предпринять путешествие; у меня слишком было всё рассчитано. О, если б я имел возможность всякое лето сделать какую-нибудь дальнюю, дальнюю дорогу! Дорога удивительно спасительна для меня... Но обратимся к началу. В моем приезде к вам, которого значения я даже не понимал в начале, заключалось много, много для меня. Да, чувство любви к России, слышу, во мне сильно. Многое, что казалось мне прежде неприятно и невыносимо, теперь мне кажется опустившимся в свою ничтожность и незначительность, и я дивлюсь, ровный и спокойный, как я мог их когда-либо принимать близко к сердцу. И то, что я приобрел в теперешний приезд мой в Москву, вы знаете! Что я разумею, вам за этим незачем далеко ходить, чтобы узнать, какое это приобретение. Да, я не знаю, как и чем благодарить мне Бога. Но уже когда я мыслю о вас и об этом юноше, так полном сил и всякой благодати[1], который так привязался ко мне, — я чувствую в этом что-то такое сладкое.

Но довольно; сокровенные чувства как-то становятся пошлыми, когда облекаются в слова. Я хотел было обождать этим письмом и послать вместе с ним перемененные страницы в «Ревизоре» и просить вас о напечатании его вторым изданием —

[1] *Далее было: а.* как говор<ит> Языков *б.* выражаясь фразой Языкова

и не успел. Никак не хочется заниматься тем, что нужно к спеху, а всё бы хотелось заняться тем, что не к спеху. А между тем оно было бы очень нужно скорее. У меня почти дыбом волос, как вспомню, в какие я вошел долги. Я знаю, что вам подчас и весьма нужны деньги; но я надеюсь через неделю выслать вам переправки и приложения к «Ревизору», которые, может быть, заставят лучше покупать его. Хорошо бы, если бы он выручил прежде должные вам, а потом тысячу, взятую у Панова, которую я пообещал ему уплатить было в феврале.

Панов молодец во всех отношениях, и Италия ему много принесла пользы, какой бы он никогда не приобрел в Германии, в чем он совершенно убедился. Это не мешает довести, между прочим, до сведения кое-кого. А впрочем, если рассудить по правде, то я не знаю, почему вообще молодым людям не развернуться в полноте сил и в русской земле. Но почему — может увлечь в длинные рассуждения. Покамест, прощайте...

Обнимаю и целую вас несколько раз и все ваше семейство также.

495. К. С. Аксакову

Рим. Дек<абря> 28 <н. ст. 1840>.

Посылаю вам поцелуй, милый Константин Сергеевич, за ваше письмо. Оно сильно кипит русским чувством и пахнет от него Москвою, несмотря на то, что не выставлено ни месяца, ни дня. Зазывы ваши на снега и зиму тоже не без увлекательности, и почему ж иногда не позябнуть? Это часто[1] бывает здорово. Особливо, когда внутреннего жару и горячих чувств вдоволь. Послушайте! А если послушаюсь ваших советов и приеду наконец к вам, дадите ли вы мне слово слушаться моих советов? Есть советы, которые готовятся вам, но о которых речь может распростр<аниться?>, а я спешу скорее отправить вам это письмецо. У меня теперь куча дел и хлопот с кое-какими старыми грехами. Прощайте. Жму крепко вашу руку. И будьте уверены, что умею ценить ваши ко мне чувства.

Ваш Н. Гоголь.

Скажите, почему ни слова не скажет, хоть в вашем письме, Мих<аил> Сем<енович>. Я не требую, чтобы он писал ко мне, но пусть в то время, как вы будете писать, прибавит от себя хоть,

[1] иногда

по крайней мере, следующее: что, вот, я, Михаил Семенович Щепкин, нахожусь в комнате Сергея Тимоф<еевича>. В чем свидетельствую за приложением моей собственной руки. Больше я ничего от него не требую. Он должен понять это, или он меня не любит.

Перецелуйте за меня всех ваших родных. Они мне тоже родные.

<Адрес:>
Константину Сергеевичу.

496. М. П. Погодину

Декабрь 28 <н. ст. 1840>. Рим.

Утешься! Чудно-милостив и велик Бог: я здоров. Чувствую даже свежесть, занимаюсь переправками, выправками и даже продолжением Мертвых душ, вижу, что предмет становится глубже и глубже. Даже собираюсь в наступающем году печатать первый том, если только дивной силе Бога, воскресившего меня, будет так угодно. Многое совершилось во мне в немногое время, но я не в силах теперь писать о том, не знаю почему, может быть по тому самому, почему не в силах был в Москве сказать тебе ничего такого, что бы оправдало меня перед тобою во многом.

Когда-нибудь в обоюдной встрече, может быть, на меня найдет такое расположение, что слова мои потекут, и я с чистой откровенностью ребенка поведаю состояние души моей, причинившей многое вольное и невольное. О! ты должен знать, что тот, кто создан сколько-нибудь творить во глубине души, жить и дышать своими твореньями, тот должен быть странен во многом. Боже! другому человеку, чтобы оправдать себя, достаточно двух слов, а ему нужны целые страницы. Как это тягостно иногда! Но довольно. Целую тебя! Письмо твое утешительно. Благодарю тебя за него! растроганно, душевно благодарю. Я покоен. Свежий воздух и приятный холод здешней зимы действуют на меня животворительно. Я так покоен, что даже не думаю вовсе о том, что у меня ни копейки денег. Живу кое-как в долг. Мне теперь всё трынь-трава. Если только мое свежее состояние продолжится до весны или лета, то может быть, мне удастся еще приготовить что-нибудь к печати, кроме первого тома Мерт<вых> д<уш>. Но лето, лето... Мне непременно нужна дорога. Дорога, далекая. Как это сделать? Но — Бог милостив.

Прощай! Обними за меня Елисавету Васильевну от всей души.

<Адрес:>

a Moscou (en Russie).

Профессору импер. Московск. университета Михаилу Петровичу Погодину.

В Москве, в Университет.

1841

497. Конференц-секретарю Императорской Академии художеств В. И. Григоровичу

<7 января (н. ст.) 1841. Рим>

Милостивый государь
Василий Иванович.

Я давно уже слышал об избрании меня в члены-корреспонденты общества поощрения художеств, но, не имея официальной о сем бумаги, не мог изъявить письменно моей благодарности. Теперь только доставили мне из здешнего посольства залежавший<ся> там пакет на мое имя, содержащий бумагу об избрании меня в члены-корреспонденты. Вследствие чего обращаюсь с убедительнейшею просьбою к вам: передать обществу мою искреннейшую благодарность за внимание, мне оказанное, а вместе с тем и сожаление, видя невозможность участвовать в его похвальных занятиях по трем важным причинам. Во-первых, по причине, что предмет занятий для меня чужд и вовсе посторонен, во-вторых, по причине совершенного расстройства моего здоровья и неимения времени и, в-третьих, по причине моего отъезда из Рима — обстоятельство, разрушающее само собою значение корреспондента. И потому прошу вас изгладить мое имя, попавшее незаконно в ряды почтенных поощрителей. Будучи твердо уверен, что общество по благородству мыслей свои<х> не припишет отказ мой чему-нибудь дурному. С совершенным почтением и такою же преданностью остаюсь

вашим покорнейшим слугою
Николай Гоголь.

Рим. Генваря 7.
1841.

498. П. И. Раевской

<1840 — январь 1841? Рим>

Почти дрожала рука моя от радости, когда я, распечатавши письмо, увидел подписанное ваше имя. Я не ожидал от вас письма. Благодарю вас за него от всей души. — Благодарить же за всё прочее вы сами знаете, что у меня не станет сил. Вы упоминаете в вашем письме как будто бы даже с видом некоторым сожаления, что Лиза живет в уединении и что Лизе это может быть не так весело. А я, напротив, вижу из ее писем, что ей слишком весело, и, признаюсь, это даже страшит меня. Мне бы хотелось, чтобы сначала несколько горечей примешалось в ее жизни и чтобы потом не слишком уже тяжелою и трудною показалась жизнь ее, и не представлялось бы потом это время как что-то имеющее вид вечно-утраченного блаженства. В будущности есть много грозящего для ней, но Бог милостив. — По крайней мере, те качества, то воспитание, я разумею воспитание души, перед которым всё прочее вздор, так это воспитание, которое приобретает она, поживши с вами, в вашем прекрасном обществе и семействе, и успехи которого уже я вижу из ее писем, будет твердым спутником вперед. Она добра, в характере есть сила, она даже не так глупа. Хотя — имеет с первого раза в себе что-то недоступное, не говорящее об этом. Одно из писем ее меня сильно тронуло. Оно было наполнено жалобами и упреками самой себя на свое бессилие и неумение ничем выказать, что она вас любит и что ваши ласки падают не на бесчувственный[1] камень. В самом деле ее положение, точно, несколько затруднительно и, признаюсь, я сам... мне бы тоже было доступно подобное чувство. Это мно<го> ее связывает и заставляет слишком глядеть робко и мешает ей даже как следует развернуться. Я буду вас просить, потому <что> уверен[2] твердо, что вы не откажете и что вам приятно делать добро, сделать кое-что. Вы дайте ей заметить, что она вам нужна, что вы не можете иногда обойтись без нее, если заболеет ваша девушка, которая вас убирает, или если вы имеете какие-нибудь приказания, позовите Лизу, поручите[3] ей помочь себе одеться. Эти услуги такого рода, которые мы можем только поручить или слуге, или разве тому, который *<нрзб.>* другой мы сами короче, которого у нас не может быть. Словом, выдумаете такое, которое вам точно нужно, необходимо. Тогда вы увидите, что Лиза будет другою.

[1] бездушный

[2] потому что знаю вас

[3] велите

Она будет глядеть вам смелее в глаза, будет развязнее, и[1] вы даже увидите, что она вовсе не глупа. Я вновь буду вас просить, чтобы ей давали как можно более занятий в доме и около, поручить ей убрать комнаты или, по крайней мере, смотреть за уборкой, встать для этого пораньше. Словом, чтобы она приучалась хлопотать около всего вашего дома. Это ей сделает много, много добра в будущем. Порядок и исправность сделаются ее потребностью.

Чтобы ей давать как можно больше хлопот и занятий, пусть Софья Николаевна, Надежда Карловна от себя дают ей побольше приказаний.

Это нечувствительно сообщит в характере ее осмотрительность, которая разольется и на все прочие ее занятия в жизни, и скука исчезнет.

Знаете, как приятно выполнять все незначущие мелочи для того, которого любим, как невольно находишь уже в себе какое<-то> неизъяснимое удовольствие.

Ваше поручение насчет <*белья закупки*>[2] мне будет вовсе незатруднительно, но я еще ничего не знаю, будет ли Бог так милостив ко мне, что обстоятельства мои позволят мне возвратиться[3] на родину весною.

Прежние мои предположения сильно разрушились, и причиною была сильная моя опасная болезнь, в излечении которой отказался доктор, и одна только чудная воля Бога воскресила меня. Я до сих пор не могу очнуться и не могу представить, как я избежал от этой опасности. Это чудное мое исцеление наполняет душу мою утешеньем несказанным: стало быть жизнь моя еще нужна и не будет бесполезна.

Я теперь здоров. Но времени у меня потеряно. Много я не сделал из того, что должен был сделать и что натурально имеет значительное влияние на мое возвращение, итак,[4] я не могу определить времени[5] моего <возвращения>. Может быть, только месяца через два или три мне будет известно, остаюсь ли я <или> буду иметь возможность вновь увидеть Москву. Во всяком случае, я вас уведомлю об этом письмом.

Гоголь.

[1] *Далее было:* может быть

[2] *Зачеркнуто.*

[3] приехать

[4] *Далее было:* если милость Божия будет так велика

[5] сказать наверно

499. М. И. Гоголь

Рим. Январь 19/31. 1841.

Не знаю, пропали ли мои письма здесь, или у вас, только из письма вашего видно, что вы их не получили вовсе. По крайней мере ни в первом, ни в следующем вашем письме нет никакого ответа на кое-какие мои просьбы и предложения, которые я считал немаловажными, особливо в первом письме, где я просил вас о поручении моим сестрам каждой в управление какой-нибудь хозяйственной отдельной статьи, чтобы их приучать таким образом к хозяйству, что важнее всех прочих учений, которые обыкновенно служат только для гостиных и для наружного блеска. Пошлите хорошенько наведаться за этими письмами, и спросите почтмейстера, что не затерялись ли они где-нибудь на почте, то есть между другими письмами и не залежались ли где ошибкою. Здоровье мое, слава Богу, кое-как еще движется. Поздравляю вас с Новым годом, который здесь уже давно, а у вас еще недавно наступил. Поздравляю с этим и сестру мою Марию, желая ей в этом году всего доброго и целую Колю, особенно если он умен. Посылая вам всякие добрые пожелания, остаюсь ваш многолюбящий сын Николай.

500. С. Т. Аксакову

Марта 5 <ст. ст. 1841>. Рим.

Мне грустно так долго не получать от вас вести, Сергей Тимофеевич. Но, может быть, я сам виноват: может быть, вы ожидали высылки мною обещанных изменений и приложений, следуемых ко 2<-му> изданию «Ревизора». Но я не мог найти нигде их. Теперь только случаем нашел их там, где не думал. Если б вы знали, как мне скучно теперь заниматься тем, что нужно на скорую руку, — как мне тягостно на миг оторваться от труда, наполняющего ныне всю мою душу! Но вот вам, наконец, эти приложения. Здесь письмо, писанное мною к Пушкину, по его собственному желанию. Он был тогда в деревне. Пиеса игралась без него. Он хотел писать полный разбор ее для своего журнала и меня просил уведомить, как она была выполнена на сцене. Письмо осталось у меня неотправленным, потому что он скоро приехал сам. Из этого письма я выключил то, что собственно могло быть интересно для меня и для него, и оставил только то, что может быть интересно для будущей постановки «Ревизора», если она когда-нибудь состоится. Мне кажется, что прилагаемый

отрывок будет нелишним для умного актера, которому случится исполнять роль Хлестакова. Это письмо под таким названием, какое на нем выставлено, нужно отнесть на конец пиесы, а за ним непосредственно следуют две прилагаемые выключенные из пиесы сцены. Небольшую характеристику ролей, которая находится в начале книги первого издания, нужно исключить. Она вовсе не нужна. У Погодина возьмите приложенное в его письме изменение четвертого акта, которое совершенно необходимо. Хорошо бы издать «Ревизора» в миниатюрном формате, а впрочем, как найдете лучшим.

Теперь я должен с вами поговорить о деле важном. Но об этом сообщит вам Погодин. Вы вместе с ним сделаете совещание, как устроиться лучше. Я теперь прямо и открыто прошу помощи, ибо имею право и чувствую это в душе. Да, друг мой! я глубоко счастлив. Несмотря на мое болезненное состояние, которое опять немного увеличилось, я слышу и знаю дивные минуты. Создание чудное творится и совершается в душе моей, и благодарными слезами не раз теперь полны глаза мои. Здесь явно видна мне святая воля Бога: подобное внушенье не происходит от человека; никогда не выдумать ему такого сюжета! О, если бы еще три года с такими свежими минутами! Столько жизни прошу, сколько нужно для окончания труда моего; больше ни часу мне не нужно. Теперь мне нужны необходимо дорога и путешествие: они одни, как я уже говорил, восстановляют меня. У меня все средства истощились уже несколько месяцев. Для меня нужно сделать заем. Погодин вам скажет. В начале же 42 года выплатится мною всё, потому что одно то, которое уже у меня готово и которое, если даст Бог, напечатаю в конце текущего года, уже достаточно для уплаты.

Теперь я ваш; Москва моя родина. В начале осени я прижму вас к моей русской груди. Всё было дивно и мудро расположено высшею волею: и мой приезд в Москву, и мое нынешнее путешествие в Рим — всё было благо. Никому не говорите ничего ни о том, что буду к вам, ни о том, что я тружусь — словом, ничего. Но я чувствую какую-то робость возвращаться одному. Мне тягостно и почти невозможно теперь заняться дорожными мелочами и хлопотами. Мне нужно спокойствие и самое счастливое, самое веселое, сколько можно, расположение души; меня теперь нужно беречь и лелеять. Я придумал вот что: пусть за мною приедут Михаил Семенович и Константин Сергеевич: им же нужно — Михаилу Семеновичу для здоровья, Константину

Сергеевичу для жатвы, за которую уже пора ему приняться. А милее душе моей этих двух, которые могли бы за мною приехать, не могло бы для меня найтиться никого. Я бы ехал тогда с тем же молодым чувством, как школьник в каникулярное время едет из надоевшей школы домой под родную крышу и вольный воздух. Меня теперь нужно лелеять не для меня, нет! Они сделают небесполезное дело. Они привезут с собой глиняную вазу. Конечно, эта ваза теперь вся в трещинах, довольно стара и еле держится; но в этой вазе теперь заключено сокровище; стало быть, ее нужно беречь. Жду вашего ответа; чем скорее, тем лучше. Если бы вы знали, как я теперь жажду обнять вас! До свиданья! Как прекрасно это слово!

Перецелуйте моим поцелуем всех ваших: Ольгу Семеновну, Веру Сергеевну, Ольгу Сергеевну, — всех! всех! Письма мне адресуйте на имя банкира Валентини; это будет вернее, чем poste restante. Адрес его: Piazza Apostoli, Palazzo Valentini.

501. С. Т. Аксакову

<13 марта (ст. ст.) 1841. Рим>

Едва только я успел отправить письмо мое к вам, с приложеньями к Ревизору, как получил вслед за тем ваше. Оно было для меня тем приятнее, что мне казалось уже, будто я от вас Бог знает когда не получал вести. Целую вас несколько раз, в задаток поцелуев личных. Ревизора, я полагаю, не отложить ли до осени? Время близится к лету; в это время книги сбываются плохо, и вообще торговля не движется. Отпечатать можно теперь, а выпуском повременить до осени. По крайней мере так говорит благоразумие и опытность.

Вы пишете, чтобы я прислал что-нибудь в журнал Погодину. Боже, если бы вы знали, как тягостно, как разрушительно для меня это требование, — какую вдруг нагнало оно на меня тоску и мучительное состояние! Теперь на один миг оторваться мыслью от святого своего труда — для меня уже беда. Никогда б не предложил мне в другой раз подобной просьбы тот, кто бы мог узнать на самом деле, чего он лишает меня. Если бы я имел деньги, клянусь, я бы отдал все деньги, сколько б у меня их ни было, вместо отдачи своей статьи! Но, так и быть, я отыщу какой-нибудь старый лоскуток и просижу над переправкой и окончательной отделкой его, Боже! может быть, две-три недели, ибо теперь для меня всякая малая вещь почти такого же требует обдумыванья, как великая, и,

может быть, еще большего и тягостно-томительнейшего труда, ибо он будет почти насильственный, и всякую минуту я буду помнить бесплодную великость своей жертвы — преступную свою жертву. Нет, клянусь, грех, сильный грех, тяжкий грех отвлекать меня! Только одному неверующему словам моим и недоступному мыслям высоким позволительно это сделать. Труд мой велик, мой подвиг спасителен. Я умер теперь для всего мелочного; и для презренного ли журнального пошлого занятья ежедневным дрязгом я должен совершать непрощаемые преступления? и что поможет журналу моя статья? Но статья будет готова и недели через три выслана. Жаль только, если она усилит мое болезненное расположение. Но, я думаю, нет. Бог милостив... Дорога, дорога! Я сильно надеюсь на дорогу. Она же так теперь будет для меня вдвойне прекрасна. Я увижу моих друзей, моих родных друзей. Не говорите о моем приезде никому, и Погодину скажите, чтоб он также не говорил; если же прежде об этом проговорились, то теперь говорите, что это не верно еще. Ничего также не сказывайте о моем труде. Обнимите Погодина и скажите ему, что я плачу, что не могу быть полезным ему со стороны журнала; но что он, если у него бьется русское чувство любви к отечеству, он должен требовать, чтоб я не давал ему ничего.

Вы, может быть, дивитесь, что я вызываю Константина Серг<еевича> и Михаила Семеновича, но я делал это в том предположении, что Конст<антину> Серг<еевичу> нужно было и без того ехать, а Мих<аил> Сем<енович> тоже хотел ехать к водам, что ему принесло бы значительную пользу. Я бы их ожидал хоть в самом первом за нашею границею немецком городке. Вы знаете этому причины из письма моего, которое вы уже получили. Насчет денег нужно будет распорядиться скорее.

В мае месяце я полагаю выехать из Рима, месяцы жаркие провесть где-нибудь в холодных углах Европы — может быть, в Швейцарии, и к началу сентября в Москву — обнять и прижать вас сильно...

Прощайте, жду с нетерпением ваших писем. Обнимаю крепко всё ваше семейство.

502. М. И. Гоголь

Март 25 <н. ст. 1841>. Рим.

Сегодня только попалось мне в руки письмо ваше, писанное вами четыре месяца назад в ответ на мое, которое я считал

уже пропавшим. По ошибке на почте оно[1] попало в другой ящик и пролежало до сего дня. Ответ на ваше последнее письмо мною уже вам послан, а <это>[2] пишу по двум причинам: 1-е, чтобы приложить при нем кое-какие замечания и объясн<ения>[3] сестре Анет насчет моих сло<в, кото>[4]рых она совершенно не поняла, а с<амое>[5] главное, чтобы изъявить вам мою <радость?>,[6] по случаю вестей о моем племянн<ике>.[7] По словам Анет, это вы<ходит>[8] едва ли не чудо. Если она не увлекл<ась>[9] только родственною любовью к сво<ему>[10] племяннику, которого, кажется, люб<ит>[11] страстно, то в нем, точно, долж<ны быть>[12] дарованья. И сестра моя Мария, кото<рую>[13] целую и обнимаю, исполнила святой <и прекрасный?>[14] долг матери, напутствуя его на до<брое и>[15] не избаловав, как делают другие не<благоразум?>[16] ные матери. Я, признаюсь, до сих пор <ожидал?>[17] терпеливо, чтобы обнаружились его к<ачества>[18] и наклонности, чтобы знать, что <такое>[19] можно для него сделать и как устроить его воспитание. Но теперь, покаместь, пусть он продолжает так свое воспитание, как есть, которое, как я вижу, очень недурно, а через год или два, особенно, когда окажется в нем к чему-либо преимущественная наклонность, тогда подумаем об воспитании более сурьезном. Сестра Марья да не позабудет всей важности своего долга, а я буду помогать ей всеми силами. Я заступлю ему во всех отношениях отца. Нет, отец того не сделает, что сделаю для него я. Но до того времени целую вас всех. Прощайте.

<Адрес:>

Poltava (en Russie méridionale)
Ее высокоблагородию Марии Ивановне Гоголь-Яновской.
В Полтаве, оттуда в д. Василевку
(en Russie)

503. А. В. Гоголь

Март 25 <н. ст. 1841>. Рим.

Мне теперь только сегодня попалось в руки твое письмо, писанное тобою 3-го ноября в ответ на мое о хозяйстве. Оно валялось на почте, тогда как я наведывался и спрашивал беспрестанно, нет ли ко мне писем, и наконец это письмо уже попало в кучу, назначенную в обратное отправление. Случайно один из моих знакомых, разгребая эту кучу, дал знать мне, и я сегодня только

[1] *Далее было:* пролежало до сего д<ня>

[2–19] *Край письма оторван.*

получил его ровно четыре месяца с половиною после того, как оно было писано ко мне. Не стыдно ли тебе? Или ты меня так мало знаешь? Неужели ты думаешь, что я стал бы принуждать тебя к тому, к чему у тебя нет склонности. Почему я тебе советовал заняться хозяйством? Потому что я боялся, чтобы тебе не показалась слишком скучна жизнь в деревне, я хотел, чтобы заботы и хлопоты невольно унесли у тебя время, показавшееся бы тебе без того длинным. Но ты всё поняла превратно в письме моем. Я тебе сделал упрек, что ты слушаешь и даешь значение пустым мнениям простолюдина насчет праздников, а ты приняла это за желание мое, чтобы ты много трудилась. Я принимал и полагал для тебя время определенное труда для того только, чтобы ты могла лучше и приятнее веселиться в остальное время, а ты приняла напротив, что долгий труд цель,[1] а прочее всё только должно служить для небольшого отдохновенья. А главное, зачем ты так огорчилась? разве в письме моем скользнула где-нибудь нелюбовь к тебе? Не совестно ли тебе так мало знать меня. Упреки, ласки, всё должно тебе быть от меня приятно, потому что они от меня. Ты должна всё, что ни есть на душе, говорить, оправдываться, извиняться и помнить, что ведь я же извиню тебя первый, если оправданья твои основаны на соображении и правде: зачем же ты огорчаешься? Но я тебе благодарен за письмо, благодарен именно за <то>, что оно написано так, а не иначе, что ты написала его прямо, в первом движении души, и сказала всё, что чувствовала в то время. И по этому одному оно для меня дороже всех других твоих писем. Никогда и никак не удерживайся в письмах твоих от тех выражений и мыслей, которые почему-нибудь тебе покажутся, что огорчат меня или не понравятся. Их-то именно скорее на бумагу, их я желаю знать. Как духовнику мы желаем прежде всего объявить то, что тягостнее лежит на душе нашей, так и мне прежде всего ты должна сказать то, что почему-либо тебе покажется тягостно говорить мне. Ты должна помнить, что сердечное излияние ты передаешь другу, который придумает средство, как поправить, а не станет расточать суровые и жестокие упреки. И вот тебе доказательство письмо твое! им ты больше выиграла в глазах моих, чем была доселе, хотя извиняешься в нем же, что неумеренно завралась. Итак дело тебе отныне, надеюсь, всё ясно. Ты описала мне день своих занятий. Им я не совершенно доволен. Я вижу, и тут ты меня не поняла. Разберем дело: 1-е: перевожу я до тех пор покамест *достанет терпения.* Это не хорошо.

[1] *Далее было:* и главное

Именно до этих пор ничего не нужно дело делать, покамест устанешь. Я не хочу, чтобы ты переводила более часу в день. Лучше оставлять работу тогда, когда еще хочется немного заняться, а не тогда, когда уже вовсе не хочется. Потом ты принимаешься сейчас же за работу, за вышивание. Это тоже и решительно не хорошо. Я желал бы напротив, чтоб ты по крайней мере час делала движение и была беспрестанно на ногах, если даже не целых два. Вот для чего еще я хотел вселить в тебя расположение к домашнему хозяйству. Я знал, что трудно для тебя придумать какое-нибудь движение, особенно зимою, что ты непременно будешь сидеть на одном месте, а насильно трудно заставить себя бегать по комнате. Я думал, что хлопоты и заботы заставят тебя перейти из комнаты в кладовую, из кладовой в какое-нибудь другое место, словом, что ты невольно таким образом будешь делать движение, которое бы тягостно было тебе делать нарочно. А ты так мало поняла мои намерения и мысли, что объявляешь,[1] как что-то приятное мне, что ты не гуляешь ни одной минуты. Тогда как именно неприятней этого ты ничего не могла сказать мне. Итак ты видишь, что всё, что ни требовал я когда-либо от тебя, всё это обдумывалось к добру твоему. Я даже немножко далее вижу в душу твою, чем ты думаешь, но не хочу иногда показать тебе этого. Я хочу, чтоб ты сама обнаружила все движения ее простодушно, с чистосердечьем ребенка, и в этом есть тоже цель моя, которую ты узнаешь, может, и сама после, и возблагодаришь того, который думал о тебе и почти невидимо устроивал и действовал для тебя. Я желаю также, чтобы и письма твои писались ко мне только тогда, когда тебе слишком захочется писать ко мне, а не тогда, когда тебе придется придумывать, о чем бы писать ко мне. Кажется, я уже сказал тебе всё. Прощай! целую тебя. Береги свое здоровье и смотри, чтобы ты была непременно лучше, светлее, живее и полнее к тому времени, как я тебя увижу, а это, Бог знает, может быть, и не так далеко, как думаешь. Теперь наступает весна. Смотри, бегай побольше, придумывай сама себе занятия, требующие движения, и не оставайся ни на минуту в положеньи ленивом. Болезнь твоя может возвратиться, движение и веселое расположение духа лучшее против нее[2] лекарство. Письмо пиши ко мне скорее, чтобы застало меня в Риме. На лето я уезжаю в Швейцарию.

<Адрес:>

Сестре Анете.

[1] говоришь мне

[2] *В оригинале:* него

504. Е. В. Гоголь

Март 25 <н. ст. 1841>. Рим.

Я получил твое письмо вместе с письмом Сергея Тимофеевича. Вероятно, ты уже теперь получила и прочла мое письмо, посланное вместе с письмом к Прасковье Ивановне, и стало быть уже отчасти знаешь причину, почему мне нельзя так часто писать к тебе, как бы хотелось. В самом начале письма своего ты уже жалуешься, что я позабыл тебя. Ты говоришь это в шутку или сурьезно? Если в шутку, так это выйдет больше ничего как только пустой звон слов. Если же в самом деле, так ты больше ничего, как дитя, и никогда не можешь узнать меня. Если б я даже целый год не писал к тебе, то и тогда бы ты не могла сказать, что я позабыл тебя, если бы ты[1] только в самом деле хоть на крошку знала мои сердечные движения, но ты судишь только по наружным знакам. И зная, что я был в тяжелой болезни, что одно только чудо, явленное Всемогущим, спасло меня от смерти, ты еще шутишь и приписываешь мне мнительность, которою страдаешь сама, тогда как я меньше всего думаю о моей болезни. Письмом своим поспеши скорее, потому что я через полтора месяца оставлю Рим и проведу лето и часть осени или в Швейцарии, или в Германии, где именно — неизвестно. К зиме надеюсь, если даст Бог, быть в Москве. Поблагодари от меня несколько раз Надежду Карловну за ее любовь к тебе и советы. — Прощай! целую тебя и обнимаю.

Твой брат.

505. К. С. Аксакову

<Март? 1841. Рим>

В этот раз ваше письмо было для меня особенно радостно, милый Константин Сергеевич. Из него и уже отчасти из письма Сергея Тимофеевича к Панову[2] я слышу душою, что вы вступили на прямо русскую дорогу. Стало быть, встреча между нами неизбежна, еще теснейшая, ближайшая встреча. Вы напрасно извиняетесь в письме, что заикнулись про немецкую философию. Опасаясь только того, чтобы вы не вдались односторонне в нее как в науку — для нее же самой, я радовался, между прочим, внутренне при мысли, если вы ею[3] проберетесь на русскую дорогу, ее употребите, как лес, для поднятия себя на известную вышину,

[1] *Далее было:* могла

[2] *В публикации 1890 г.:* к Погодину

[3] *В публикации 1890 г. вместо:* ею — сами собой

с которой можно начать здание, полетящее к небесам или просто на утесистую гору, с которой шире и дале откроются вам виды. О, как есть много у нас того, что нужно глубоко оценить и на что взглянуть озаренными глазами! Вам не нужно теперь ехать в Италию, ни даже в Берлин; вам нужен теперь труд, вам просто нужно заставить теперь руку побегать по бумаге. Нет нужды, что еще не вполне вызрела[1], развилась и освежилась мысль; кладите ее смело на бумагу, подержите только в портфеле и не выдавайте до времени[2] в свет. Ибо великое[3] дело, если есть рукопись в портфеле. Вы еще не можете этого постигнуть. Сверх труда вам еще нужен теперь я, и я это чувствую в душе. Мы многим, может быть, полезны друг другу.[4] Мне бы очень хотелось, чтобы вы за мною приехали в Германию и чтобы[5] мы дружно совершили возвращение на родину, рука в руку.

Покамест вот вам слова, которые вечно должны звучать в ушах ваших. Есть у русского человека враг, непримиримый, опасный враг, не будь которого, он был бы исполином. Враг этот — лень, или, лучше[6] сказать, какое-то[7] болезненное усыпление, одолевающее русского. Много мыслей, не сопровождаемых воплощением, уже у нас погибло бесплодно. Помните вечно, что всякая втуне истраченная[8] минута *здесь* неумолимо спросится *там*, и лучше не родиться, чем побледнеть перед этим страшным упреком.

Обнимая и целуя вас так же жарко, как вы меня, жду вашего письма.

506. А. А. Иванову

<Январь–апрель 1841. Рим>

Александр Андреевич!

Я сегодняшний вечер, к несказанному моему удовольствию, остаюсь дома; а потому, если только вам в кафе покажется скучно, то пожалуйста ко мне и заберите с собою, коли попадете

[1] *В публикации 1890 г.:* не вызрела

[2] *В публикации 1890 г.:* довременно

[3] *В публикации 1890 г.:* велико

[4] *Фразы:* Мы многим, может быть, полезны друг другу. — *нет в публикации 1890 г.*

[5] *В публикации 1890 г. вместо:* и чтобы — чтобы

[6] *В публикации 1890 г. вместо:* лучше — лучше сказать

[7] какое-то *нет в публикации 1890 г.*

[8] *В публикации 1890 г.:* потраченная

Бот<кина>, Панов<а>, Иордана. Всем им буду рад, а домино лежит на столе.

<Адрес:>
Al Signor
Signor Alessandro Iwanoff (russo).

507. В. А. Жуковскому

<Январь–апрель 1841. Рим>

Письмо это вручит вам Алек<сей> Тар<асович> Марков, которого вы уже знаете. Он стоит[1] покровительства и по таланту своему и по душевной доброте своей. Окажите ему ваше подчас заступничество, где будет нужно. Я уверен, что он много сделает хорошего, если только ему будут задавать предметы сообразные с его образом мыслей и направлением его художества. Нельзя вдвинуть в человека того, чего элементов в нем нет, и нельзя отнять или затемнить или переделать в нем то, для чего существуют в нем элементы. Религиозное значение живописи — не Маркова дела. Физическая и моральная борьба человека сильного с близкою опасностью — его дело. Тут у него сильный, отважный размах, доказательство в его картине, которую он покажет вам. Что вы делаете? Здоровы ли вы, веселы ли, думаете ли о мне? — Я ничего не знаю и не слышу о вас — это грустно. Я не скажу, что я здоров. Нет, здоровье может быть еще хуже, но я более нежели здоров. Я слышу часто чудные минуты, чудной жизнью живу, внутренней огромной, заключенной во мне самом, и никакого блага и здоровья не взял бы. — Вся жизнь моя отныне — один благодарный гимн. — Не пеняйте, что я до сих пор не уплачиваю вам взятых у вас денег. Всё будет заплочено, может быть, нынешней же зимою. Наконец не с потупленными очами я предстану к вам, а теперь я вижу и дивлюсь сам, как живу во всех отношениях ничем, и не забочусь о жизни и не стыжусь быть нищим.

Я вас увижу и обниму, прощайте!

<Адрес:>
Его превосходительству Василию Андреевичу Жуковскому
от Гоголя.

[1] *Далее было:* всякого

508. М. П. Погодину

Рим. Мая 15 <н. ст. 1841>.

Благодарю много за деньги. Я их получил, но это, однако ж, как ты сам знаешь, только половина. Я расплатился с долгами и сижу на месте. Если ты не выслал остальных двух тысяч еще до получения сего письма, то мне беда, беда, потому придется оставаться в Риме на самое жаркое время лета, которое, во-первых, у меня совершенно пропадет, а во-вторых, может нанести значительный вред моему здоровью. Досадно мне очень, как подумаю, что мне придется возвращаться одному, почти страшно: перекладная и все эти проделки дорожные, которые и в прежние времена не очень были легки, теперь, при теперешнем моем положении,[1] мне кажутся особенно тягостны. Если бы Бог послал мне счастие, т. е. попутчика с коляской, было бы и весьма в пору. Последнего слова в твоей записке я никак не мог разобрать. Написано так: В эту минуту я занемогаю и потом слово, которого я не мог разобрать. Я утешаю себя, по крайней мере, что не нужно понимать в буквальном смысле эти слова. Ужасно жалко мне Аксаковых, не потому только, что у них умер сын, но потому, что безграничная привязанность до упоенья к чему бы ни было в жизни есть уже несчастье. Так мало знать жизнь, чтобы не помнить, что всякую минуту мы можем лишиться всего, позабыть, что всякую минуту мы должны благодарить за то, что остается[2] нам, жить обманом и стараться вечно обманываться — страшно, просто страшно. Мы ропчем только на утраты и никогда не благодарим за блага, которые даются нам щедро, обильно, но мы замечаем их только в минуту, когда лишаемся их, а до того времени глядим на них, как на что-то должное нам, на что-то непременно принадлежащее нам. Неблагодарен человек. — Как бы мне хотелось быть в эту минуту в Москве.[3] Как бы хотелось знать, утешились ли они хоть сколько-нибудь. Обними их и перецелуй, хоть им теперь не до меня. Почему же хотя Константин не написал мне ни строчки. Уж два месяца с лишком, как я не получаю ни от кого письма. Обнимаю всею душою Елисав<ету> Васильев<ну> и ребятишек.

Прощай, мой друг, посылаю тебе, пока еще письменно, поцелуй, в нетерпеливом ожидан<ии> личного.

[1] для теперешнего моего положения

[2] *Далее было:* еще

[3] *Далее было:* почему никто из их кроме

<Адрес:>

à Moscou (en Russie)

Профессору имп. Московского университета Михаилу Петровичу Погодину.

В Москве, в Университет.

509. М. И. Гоголь

Рим. Ав<густа 7 (н. ст.). 1841>.[1]

Что же опять так долго я не получаю от вас никакой вести? Уже более двух месяцев прошло после моего последнего письма, на которое я не получал ни полстроки ответа. Живы ли вы, здоровы ли вы? Если вам некогда, должна бы, кажется, которая-нибудь из сестер написать ко мне: у них есть время. От Лизы я тоже давно не получал писем.

Более писем не адресуйте мне в Рим и лучше совсем не пишите до моего приезда в Москву,[2] потому что я наверно не могу вам определить моего адреса[3] в продолжение целых[4] трех месяцев, которые буду скитаться по разным городам Германии. В Москву надеюсь быть зимою. Стало быть, вы можете мне адресовать письма туда на имя Погодина или Лизе.

Прощайте. Желая вам всего лучшего, что ни есть, остаюсь любящим вас сыном

Николай.

Отправьте прилагаемое письмо поскорее к Данилевскому.

510. А. С. Данилевскому

Рим. Via Felice. 1841. Авг<уста> 7 <н. ст.>.

Письмо твое попалось наконец в мои руки вчера, ровно три месяца после написания; где оно странствовало подобно многим другим письмам, изредка получаемым мною из России — это известно Богу. Как ни приятно было мне получить его, но я читал его болезненно. В его лениво влекущихся строках присутствуют хандра и скука. Ты всё еще не схватил в руки кормила своей жизни, всё еще носится она бесцельно и праздно, ибо о другом грезит

[1] *Край письма оторван.*

[2] *Далее было:* что будет, надеюсь, знаком

[3] *Далее было:* не зная

[4] следующих

дремлющий кормчий:[1] не глядит он внимательными и ясными глазами на пловущие мимо и вокруг его берега, острова и земли, а всё еще стремит усталый бессмысленный взор на то, что мерещится в туманной дали, хотя давно уже потерял веру в обманчивую даль. Оглянись вокруг себя и протри глаза: всё лучшее, что ни есть — всё вокруг тебя, как оно находится везде вокруг человека и как один мудрый узнает это, и часто слишком поздно. Неужели до сих пор не видишь ты, во сколько раз круг действия в Семереньках может быть выше всякой должностной и ничтожно-видной жизни, со всеми удобствами, блестящими комфортами, и проч. и проч., даже жизни, невозмущенно-праздно протекшей в пресмыканьях по великолепным парижским кафе. Неужели до сих пор ни разу не пришло тебе в ум, что у тебя целая область в управлении, что здесь, имея одну только крупицу, ничтожную крупицу ума, и сколько-нибудь занявшись, можно произвесть много для себя — внешнего и еще более для себя — внутреннего, и неужели до сих пор не страшат тебя детски повторяемые мысли[2] насчет мелузги, ничтожности занятий, невозможности приспособить, применить, завести что-нибудь хорошее и проч. и проч., — всё, что повторяется беспрестанно людьми, кидающимися с жаром за хозяйство, за улучшения и перемены и притом плохо видящими в чем дело. Но слушай, теперь ты должен слушать моего слова, ибо вдвойне властно над тобою мое слово, и горе кому бы то ни было не слушающему моего слова. Оставь на время всё, всё, что ни шевелит иногда в праздные минуты мысли, как бы ни заманчиво и ни приятно оно шевелило их. Покорись и займись год, один только год, своею деревней. Не заводи, не усовершенствуй, даже не поддерживай, а войди во всё, следуй за мужиками, за приказчиком, за работами, за плутнями, за ходом дел, хотя бы для того только, чтобы увидеть и узнать, что всё в неисправимом беспорядке. Один год — и этот год будет вечно памятен в твоей жизни. Клянусь, с него начнется заря твоего счастья. Итак, безропотно и беспрекословно исполни сию мою просьбу! Не для себя одного, ты сделаешь для меня великую, великую пользу. Не старайся узнать, в чем заключена именно эта польза; тебе не узнать ее, но, когда придет время, возблагодаришь ты провидение, давшее тебе возможность оказать мне услугу, ибо первое благо в жизни есть возможность оказать услугу, и это первая услуга, которую я требую от тебя, не ради чего-либо; ты сам знаешь, что я ничего

[1] *В оригинале:* кормлющий

[2] идеи

не сделал для тебя, но ради любви моей к тебе, которая много, много может сделать. О, верь словам моим! Властью высшею облечено отныне мое слово. Всё может разочаровать, обмануть, изменить тебе, но <не> изменит мое слово. Прощай! Шлю тебе братской поцелуй мой и молю Бога, <да>[1] снидет вместе с ним на тебя хотя часть то<й>[2] свежести, которою объемлется ныне душа моя, <востор>[3]жествовавшая над болезнями хворого моего тела. Ничего не пишу к тебе о римских происшествиях, о которых ты меня спрашиваешь. Я уже ничего не вижу перед собою, и во взоре моем нет животрепещущей[4] внимательности новичка. Всё, что мне нужно было, я забрал и заключил к себе в глубину души моей. Там Рим как святыня, как свидетель чудных явлений, совершившихся надо мною, пребывает вечен. И как путешественник, который уложил уже все свои вещи в чемодан и усталый, но покойный, ожидает только подъезда кареты, понесущей его в далекий верный желанный путь, так я, перетерпев[5] урочное время своих испытаний, изготовясь внутренною удаленною от мира жизнью, покойно, неторопливо по пути, начертанному свыше, готов идти укрепленный и мыслью, и духом. Недели две, а может и менее того, я остаюсь в Риме. Заеду на Рейн, в Дюссельдорф к Жуковскому. В Москву надеюсь быть к зиме. Во всяком случае в ответ на письмо это напиши хоть два слова, чтобы я узнал, что оно тобой получено. Адресуй на имя Погодина, в Москву в Университет.

<Адрес:>

Александру Семеновичу Данилевскому.

511. В. А. Панову

<Лето 1841. Рим>

Вы, верно, не можете понять причины, почему до сих пор я не писал к вам и почему по обещанию не прислал портрета... Но портрета я не присылаю вам и теперь и вот почему. 1-е, на почте встретились такие затруднения при отправке его, что у меня не стало терпения, не потому не стало терпенья, чтобы я был ленив или занят, но потому, <что> меня сильно охладили следующие

[1] *Вырвано.*
[2] *Вырвано.*
[3] *Вырвано.*
[4] *В оригинале:* животрепящей
[5] окончив

за сим причины. 2-я: два известные вам господина[1] поднялись на такие штуки, каких, верно, вы не придумали бы вовек, именно испортить портрет, и сделали его похожим на сестру ее, что изумило совершенно всех, и сам оригинал не может постигнуть причины, почему теперь решительно не похож портрет, тогда как прежде был похож... Наконец, 3-я причина, может быть, самая неприятная для вас, но дело прошлое, стало быть, можно сказать прямо: оригинал и сотой доли не стоит сердечных чувств ваших. И тени в нем и нет, и не было того, что заключается сильно в груди италианской любовницы. При вас, при моих глазах даже, произошли такие сцены, которые если бы я вам сообщил вполовину, то уже доставил бы вам несколько горьких минут, омрачивших бы, может быть, ваше последнее пребывание в Риме... Но Бог с ним! Гоните прочь с души всё мутное! На ясный, на свежий воздух! На труд! Сильнее и крепче воздвигайте упор в душе своей всему, что низменно и чем соблазняется свет. Помните вечно, какой земли гражданин вы и что никому не предстоит столько трудов и работ, как гражданину сей земли, и что есть таинственная рука, которая поведет вас на прекрасное и высокое... Прощайте! Посылаю вам письмо, вероятно, вашей маминьки.

<На обороте:>

A Berlin — en Prusse. Hochwohlgeborener Herr von Katkoff. Doroteenstrasse, № 40. Для передачи Панову.

512. А. А. Иванову

<Вторая половина августа 1841.> Флоренция

Я позабыл вам дать маленькую записочку, которую нужно будет вручить, если, на случай, в самом деле кто из моих знакомых приедет в Рим и привезет мне деньги. Во Флоренции я полтора дни и через два часа еду с курьером в Геную. Дорога идет довольно сносно. Прощайте, будьте здоровы.

Гог<оль>.

<Адрес:>

Al Signor
Signor Ivanov (Russo)
à Roma al Café Greco nella via Condotti.

[1] *В подлиннике:* господа

513. Неустановленному лицу

<Вторая половина августа 1841. Флоренция>

Пишется записка тому, кто имел доброе намерение ехать за мною и опоздал. Если он привез деньги мне, то да вручит 200 скуд Валентини, 120 Иванову, и что останется, то да останется у Иванова до моего дальнейшего распоряжения. Я в Дюссельдорфе.

Гоголь.

<*На обороте:*>

От Гоголя.

514. А. А. Иванову

Ганау. Сентя<бря> 20 <н. ст. 1841>.

Я к вам долго не писал по разным причинам. <Во->[1]первых, гонялся за Жуковским. Его не было в Дюссельдорфе>[2]. Он отправился посещать разных новых родных своих, <так что>[3] поймал его я уже во Франкфурте. Во-первых, он <...>[4] благодарен за ваше доброе о нем мнение относительно Станиславича, то есть, что вы не поколебались выдать <...>[5] деньги, если бы даже и все вы ему отдали, были ни <...>,[6] ни проступком с вашей стороны. Да, чтобы не позабыть: он просит, если можно, прислать к нему все копии, которые уже сделаны Станисл<авичем> в Дюссельдорф, адресуя прямо на его имя, без дальнейших других адресов. Наконец говорили мы о вас и о картине. Жуковский не будет видеться с госуд<арем> Наследником, а потому решено на том, чтобы вы написали Наследн<ику> письмо и прислали бы к Жуковскому, а Жуковский пошлет его к Наследнику с присовокуплением от себя всяких резонов и прав ваших на продолжение пансиона. Зная, что вам подчас трудно, да и некогда заняться официальною бумагою, я написал вам тут же черновой образчик письма, который, если придется вам по вкусу, перепишите и немедленно, не откладывая дела в ящик, пошлите тот же час Жуковскому. Кажется, дело пойдет на лад. Нельзя, чтобы Наследник не уважил просьбы Жуковского. Тем более, что это будет первое письмо, которое напишет к нему Жуковск<ий> после своей женитьбы. Если ж, на случай, не удастся, всё-таки не отчаивайтесь,[7] найдем другое средство: на то рожден человек, чтобы отыскивать средства. Отправивши письмо к Жуковскому, вы уведомьте тот же час меня, чтоб

[1-6] *Вырвано.*

[7] *Далее было:* на другое

я был насчет этот спокоен, адресуя письма на имя <Пого>[1]дина в Москву в Университет, с уведомлением о себе и о том, <что у>[2] вас делается. Да кстати о том, что у вас делается, Кривцов твердо уверен, что я ищу у него места, и сказал Жуковскому, что он для меня приберег удивительное место <...>,[3] место библиотекаря еще покамест не существующей библиотеки. Итак, вы видите, что у вас штат готовится огромный и на широкую ногу. Я, однако же, как вы сами догадаетесь, за место поблагодарил, сказавши, что хотя бы Кривцов предложил мне и свое собственное место, то и его бы[4] не взял, по причине других дел и занятий. Итак, вы видите, что Кривцов намерен оказывать свое <...>,[5] которые и не нуждаются в нем. Стало быть, вам будет недурно. Насчет способа отправления картин в Дюссельдорф к Жуковскому, если только вы еще не нашли, советую обратиться к немцам, отправлявшим свои картины на Дюссельдорфскую выставку. Именно я полагаю расспросить Фогеля, потому что его картина была тоже теперь на выставке. Прощайте. Через недели три надеюсь, коли Бог поможет, быть в Москве. Желаю вам всего хорошего. Не забывайте и пишите.

Весь ваш Гоголь.

<Адрес:>

à Roma (en Italie)
al Signor
Signor Alessandro Ivanoff (russo).
Roma, via Condotti vicina alla Spania, al Café Greco.

515. А. А. Иванову

<20 сентября (н. ст.) 1841. Ганау>

Письмо к Н<аследнику> напишите с надлежащими пробелами, перенесши на другую страницу. На пакете, который запечатывать не нужно, надпишите просто: его импер<аторскому> высочеству, государю Наследнику всея России Александру Николаевичу. В СПб.

Напишите мне, дал ли я вам ключ от сундука с моими книгами и заперт ли он или нет. Я совершенно позабыл.

[1] *Вырвано.*
[2] *Вырвано.*
[3] *Вырвано.*
[4] то и тогда
[5] *Вырвано.*

<Прошение Наследнику, писанное Гоголем для А. А. Иванова>

Ваше Императорское Высочество,
Всемилостивейший Государь.

Вам угодно было осчастливить меня принятием моей картины, милостиво пожаловав мне трехтысячный пансион в продолжение трех лет. Гордый в душе сим высоким вниманием и вместе мыслию, что картина моя будет принадлежать вам, государь, я предпринял произвести[1] ее[2] окончательней и отчетливей, чем предполагал прежде, и совершенней, сколько может быть совершенней в границах сил моих. Все часы и дни мои были отданы ей, и после трех лет беспрерывной работы я увидел с горестью, что[3] не мог измерить прежде всей огромности труда, невозможного быть исполненным в означенное время. Средств у меня нет, а заняться другим не могу: всякая другая работа отвлекла бы меня от предмета, наполняющего ныне всю мою душу, притом я бы чувствовал вечный упрек на моей совести, если бы картина не была кончена. Я принял смелость прибегнуть к вашему великодушию, государь, молить о продлении мне пан-сиона еще на три года, в продолжение которых я надеюсь несомненно, при моих беспрерывных трудах, привести ее к окончанию.

Простите, государь! Ваше высокое покровительство к художествам и великодушное поощрение всего русского одни могли внушить мне мысль сию.

С чувством глубочайшего благоговения к особе Вашего Императорского Высочества верноподданный

Алек<сандр> Иванов.

516. В. А. Панову

<21 сентября (н. ст.) 1841. Ганау>
Сентябр<я> 24. Ганау.

Коли вы в Берлине, не уезжайте из Берлина: через дня два или три после сего письма я надеюсь быть сам у вас и мы проведем, надеюсь, еще несколько часов на чужой земле. О моем приезде, пожалуйста, не говорите немцам, заезжающим в русскую литературу, ниже русским, которые там живут теперь.

[1] совершить
[2] *Далее было:* гораздо
[3] *Далее было:* огромность

Вы знаете, что и всегда бывал неохочь до знакомств, а теперь и более того.

Обнимаю вас.

До свидания.

517. Н. М. Языкову

<27 сентября (н. ст.) 1841.> Дрезден.

Прежде всего посылается тебе с почтою из Дрездена куча поцелуев, а что в них, в сих поцелуях, заключено много всего — ты уже знаешь. Достигли мы Дрездена благополучно. Выехавши из Ганау, мы на второй станции подсадили к себе в коляску двух наших земляков, русских помещиков, Сопикова и Храповицкого, и провели с ними время до зари. Петр Миха<й>лович даже и по заре еще перекинулся двумя-тремя фразами[1] с Храповицким. Вообще ехалось хорошо. Думалось много о чем, думалось о тебе, и все мысли о тебе были светлы. Несокрушимая уверенность насчет тебя засела в мою душу, и мне было слишком весело, ибо еще ни разу не обманывал меня голос, излетавший из души моей. Дорожное спокойствие было смущено[2] перелазкой из коляски в паровой воз, где как сон в руку встретились Бакунин и весьма жесткие деревянные лавки. То и другое было страх неловко... но мы в Дрездене. Петр Михайлович отправился к своему семейству, а я остался один и наслаждаюсь прохладой после кофия, и много всего идет ко мне: идет то, о чем я ни с кем не говорю, идет то, о чем говорю с тобою, и наконец один раз даже мелькнул почти ненароком московский длинный дом с рядом комнат, пятнадцатиградусною ровною теплотою и двумя недоступными кабинетами. Нет, тебе не должна теперь казаться страшна Москва своим шумом и надоедливостью; ты должен теперь помнить, что там жду тебя я и что ты едешь прямо домой, а не в гости. Тверд путь твой, и залогом слов сих не даром оставлен тебе посох. О верь словам моим!.. Ничего не в силах я тебе более сказать как только: верь словам моим. Я сам не смею не верить словам моим. Есть чудное и непостижное... но рыдания и слезы глубоко взволнованной благородной души помешали бы мне вечно досказать... и онемели бы уста мои. Никакая мысль человеческая не в силах себе представить сотой доли той необъятной любви,

[1] словами

[2] *Далее было:* несколько

какую содержит[1] Бог к человеку!.. Вот всё. Отныне взор твой должен быть светло и бодро вознесен горé — для сего была наша встреча. И если при расставании нашем, при пожатии рук наших не отделилась от моей руки искра крепости душевной в душу тебе, то значит ты не любишь меня. И если когда-нибудь одолеет тебя скука и ты, вспомнивши обо мне, не в силах одолеть ее, то значит ты не любишь меня, и если мгновенный недуг отяжелит тебя и низу поклонится дух твой, то значит ты не любишь меня... Но я молюсь, молюсь сильно в глубине души моей в сию самую минуту, да не случится с тобой сего и да отлетит темное сомненье обо мне, и да будет чаще сколько можно на душе твоей такая же светлость, какою объят я весь[2] в сию самую минуту.

Прощай. Много посылаю тебе заочных поцелуев. Уведоми меня в Москву, что ты получил это письмо; мне бы не хотелось, чтобы оно пропало, ибо оно писано в душевную минуту.

Твой Гог<оль>.

<Адрес:>

Hanau
Hanau Davon Jasikof
Hanau zum Riesen.

518. В. А. Жуковскому

<25 сентября / 7 октября 1841.> Берлин.

Я еще, как вы видите, до сих пор не в России и пишу к вам теперь из Берлина, пишу об Иванове — по делу, о котором мы уже с вами говорили. Я посылаю к вам письмо, которое я написал вчерне для него к велик<ому> князю. Копию с него я послал уже к нему. Недели через две или три после сего письма вы получите от него письмо. Ему нужно помочь, иначе грех будет на душе: помочь таланту значит помочь не одному ближнему, а двадцати ближним вдруг. Препровождая письмо его к Наследнику, я думаю[3] вам достаточно будет сказать[4] только то, что Иванов, умоляя вас о ходатайстве о доставлении письма, представил много по всей справедливости убедительных причин на разрешение продолжения пансиона еще на три года и что вы с своей стороны можете засвидетельствовать: что Иванов дни и ночи сидел над

[1] питает
[2] какая объята моя
[3] *Далее было:* что
[4] *Далее было:* что

картиною; что отказался от всех работ и заказов, чтобы ускорить ее окончание; что не ищет ничего, никаких других наград, кроме средств и возможности ее окончить; что со всех сторон слышны самые благоприятные отзывы о его картине; что картина Обербека, вдвое меньше по величине холста, заняла, однако же, труда на 10 лет с лишком, и что, наконец, жаркою любовью к искусству, простирающейся до самоотвержения, мудрою скромностью и смиреньем украшен художник, вполне заслуживающий всякого внимания и покровительства. Нельзя, чтобы слова сии не произвели действия, ибо они чистая правда. Прощайте, целую вас заочно. Пошли вам Бог всякого добра, а с тем вместе и высшее всех благ вдохновение.

Гоголь.

<*Адрес:*>
A son excellence Monsieur
Monsieur de Joukovsky.
A Dusseldorf.

<*Штемпель:*>
Berlin 7/10. 9—10

519. М. П. Балабина — Н. В. Гоголю

Петербург. 15 октября. 1841.

Я не знаю, о чем мы можем вместе разговаривать: говорить о пустяках — глупо; говорить о литературе, о картинке Бруни — скучно для меня; говорить о том, что делается в душе моей — с вами не могу. Она носит в себе такие чувства, которые, если я б попробовала растолковать их вам, приехали к вам под формою дыма, то есть вы нашли бы слова мои совершенно пусты, потому что эти чувства так тонки, что не могут быть написаны. Потом, я очень редко нахожусь в таком положением, в котором могу я писать: я стала большой эгоисткой, только о себе и думаю; да как же не обращать на себя внимание, когда жители сердца такой ужасный шум производят! Мне очень приятно получать письмы от других — это удаляет на несколько минут мою мысль от собственных моих занятий; но писать сама очень трудно; надеюсь, что это не всегда будет продолжаться и что день придет, в котором я опять начну болтать с вами и даже шутить о том и о сем; я жду этого дня с нетерпением; я философ в голове, а в сердце нет. Но до сих пор он еще не настал. К счастью, я не без надежды; увидим, ежели когда и как эта надежда исполнится. До того

времени я ни к чему не буду годиться; особенно сегодня я ни к чему не гожусь и от скуки начала к вам писать. Это по крайней мере не слишком учтиво, но вы не бросите меня за это за окошку! Когда мне будет веселее, я хочу писать вам, да, право, я не могу понять, отчего я не весела сегодня; я должна бы быть сегодня гораздо веселее, нежели все прошедшие дни! Когда я об этом думаю, я делаюсь веселой! Николай Васильевич! Вот я вдруг сделалась весела! и от радости забыла, как пишут слово «вдруг». Я вам скажу, что нервы так расстроились у меня, что перехожу от самой сильной печали до бешеной радости. Это, я думаю, еще более ослабляет те же самые нервы. И так нервы мои делают зло моей душе, потом душа делает зло моим нервам, и я часто почти сумасшедшая, — вот что! берегитесь! Когда вы мне будете отвечать, то ни слова не говорите о том, что мое письмо вам понесло, — слышите? и не забывайте, Бога ради! Здесь и без ваших замечаний иногда темно и грустно в сердцах, а если вы приходили бы с вашими охами и ахами, то сделалась бы беда! Итак, молчите: это один способ, с которым вы можете надеяться получать мои глупые письмы! Вы спрашивали меня о моих занятиях: я довольно мало пишу по тому же резону, по которому и письмы писать не хочу и не могу. Я много читаю. Вы знаете, что я выучилась по-немецки, и это мне доставляет большие наслаждения. Я нахожу, что французская литература и даже все другие представляют нам дела человеческие, а немецкая представляет нам каждые, почти незаметные, но очень замечательные чувства души; в других литературах мы знаем только те мысли и те движения души, которые имеют причины в наружных действиях, а в немецкой мы видим те мысли и те движения сердца, которые родятся и умирают в нем, не <у>знаны никем. Когда мы чувствуем такие вещи, которых мы не можем говорить другим, то мы можем открыть книгу немецкую, и часто мы чувствуем, что автор нас понимает, и это есть огромное удовольствие, потому что тяжело нести одному тяжелые горы, которые подымаются вовнутри сердца. Я очень обязана немецким книгам, потому что они, по крайней мере на несколько минут, позволяют мне *иногда* забывать много разных не слишком приятных вещей. Мне кажется, что я совершенно позабыла писать по-русски. Какой стыд! Не думайте, однако ж, что я не буду больше к вам писать: вы теперь в Москве, а в Москву писать глупое и короткое письмо гораздо легче, нежели писать такое же письмо в Рим, — не так совестно, и зато, когда у меня будет ясная минута, я намерена еще вам писать, но только ежели вы будете мне отвечать (я опять вам

вспоминаю, что здесь все так любят ваши письма, что их вслух читают!). Какие мы, правда, странные или, лучше, какие мы обыкновенные люди! Мы все очень хорошо знаем, что все, что с нами случается, делается для нашего добра; однако ж мы таем от желания быть счастливее! Нет, я наверное теперь знаю, что я забыла, как по-русски писать!

Я думаю, что если у вас в Москве такая же погода, как у нас, <то> у вас самый пустой сплин! Небо точно старая подкладка серой военной шинели!

Знаете, кстати, что есть такая болезнь, которая совершенно противуположна сплину. Сплин — скука, печаль без причин; я эту болезнь часто имею удовольствие носить во мне; но другая болезнь, которую я также очень хорошо знаю, есть радость, ужасная, страшная радость, приятное и неприятное чувство, которое я вам рекомендую и не рекомендую, — вот как!

Прощайте, любезный Николай Васильевич. Напишите мне непременно и как можно скорей. Будьте здоровы так, как я, потому что я несравненно здоровее прежнего.

До свидания, но прежде пишите — и скорей, скорей, и дипломатически!

Мария Балабина.

520. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю

<20 октября 1841. Москва>

Хоть плохую имею надежду, но на всякий случай предлагаю вам, любезнейший Николай Василь<евич>, <о>тобедать вместе в клубе, куда я записан, <пригласи>в[1] вашего спутника из Питера. Если же вы н<е хотите>[2] в Двор<янский> Клуб, то не приедете ли к н<ам> <...>[3] я не очень здоров и останусь дома, да <...>[4] (если буду знать, что вы у нас) немедленно по<сле> обеда приеду. Обнимаю вас крепко. Очень бы хотелось подольше, побольше, на просторе поговорить с вами

ваш Аксаков.

20 октября.
Понедельник.

<*На обороте:*>
Николаю Васильевичу Гоголю.
В доме Погодина.

[1-4] *Край листа оторван.*

521. С. Т. Аксакову

<20 октября 1841. Москва>

К вам натурально приеду, а в клуб и ворон костей моих не занесет.

<На обороте:>

Сергею Тимофеевичу Аксакову.

522. А. А. Иванову

20 октября <1841>. Москва.

Только что получил ваше письмо и спешу отвечать. Меня удивляет, что вы не получили до сих пор денег. Они посланы были к Кривцову, и Кривцов еще в августе месяце уведомил Погодина, что послал в Рим распоряжение о выдаче их немедленно. Но не знаю только, кому он дал распоряжение: Валентини или кому другому. Итак, я вас прошу разыскать и принять эти деньги. Их 2 000 р. 200 скуд отдайте Валентини, сто с лишком возьмите себе,[1] как придется по расчету наверно не припомню, сколько я вам должен. Если будет в остатке еще 100 скуд, то их определяю Шаповалову за копию женщин из Илиодора, о которой было говорено, мера назначена, не помню, вдвое или вдвое с половиною против копии Моллера. (Я думаю, лучше вдвое с половиною, а впрочем, полагаюсь на ваш суд). Деньги эти вы можете выдавать ему вперед, если он нуждается, помесячно, как у вас с ним важивалось доселе. Прощайте! обнимаю вас, не забывайте и пишите. Уведомляйте обо всём, что ни делается с вами, обо всех ваших нуждах, и, Боже вас сохрани, когда-либо упадать духом. Нет вещи, которой бы нельзя было помочь. Верьте моему слову — слово мое не обманывает.

Прощайте.

P. S. Да. Если потребуется с вашей стороны какое удостоверение показать Кривцову, то на другом листе[2] письма я на всякой случай пишу записочку, которую вы можете, отодравши, ему показать.

Еще: хозяин спрашивает насчет Нибби. — Заплатите, что следует за вышедшие листочки, а пусть следующие приносит разносящий к вам. Мы потом с вами сочтемся.

Поклонитесь от меня Иордану и скажите ему также, чтобы он никак не унывал духом, а работал бы бодро свое дело. Его буду-

[1] *Далее было:* я не помню

[2] на другой стороне

щее положение может быть так хорошо, как он и не воображает и не думает. Отдайте[1] Моллеру письмецо, при сем прилагаемое.

<*Адрес:*>
Rome (en Italie).
Al Signor
Signor Alessandro Ivanoff (Russo)
in Roma al Café Greco vicino alla piazza di Spania nella via Condotti.
В Рим (в Италию).

523. Ф. А. фон Моллеру

<Около 20 октября 1841. Москва>

Здравствуйте. Обнимаю вас. Я был у вас две минуты, то есть у ваших. Они мне сказали новости о вас, которые меня смутили на то время, и я уже не говорил им о том, о чем приготовлялся было говорить. Жду с нетерпением вашего уведомления. Что? как вы? и что намерены? Мне нужно знать необходимо все ваши планы, и потому, пожалуйста, напишите мне обо всем этом немедленно. Но прежде всего, ради всего святого в мире, не упадайте духом. Всякий перелом, посылаемый человеку, чудно-благодетелен. Это лучшее, что только есть в жизни. Звезда и светильник, указующий ему,[2] наконец, его настоящий путь. Верьте, вся жизнь потом бывает одна благодарность за сей ниспосланный перелом.

Напишите скорее! Весь ваш, так же твердо жмущий вам руку и говорящий: вперед.

Н. Гоголь.

<*Адрес:*>
Моллеру от Гоголя.

524. Н. М. Языкову

23 октябр<я 1841>. Москва.

Только теперь, из Москвы, пишу к тебе. До сих пор я всё был неспокоен. Меня, как ты уже я думаю знаешь, предательски завезли в Петербург; там я пять дней томился. Погода мерзейшая, именно трепня. Но я теперь в Москве и вижу чудную разность в климатах. Дни все в солнце, воздух слышен свежий, осенний, передо мною открытое поле, и ни кареты, ни дрожек,[3] ни души —

[1] *Далее было:* это письмецо
[2] человеку
[3] *В оригинале:* дружок

словом, рай. Обнимаю и целую тебя несколько раз. Жизнь наша может быть здесь полно-хороша и безбурна. Кофий уже доведен мною до совершенства, никаких докучных мух и никакого беспокойства ни от кого. Я не знаю сам, как это делается, — но то справедливо, что если человек созрел для уединенной жизни, то в его лице, в речи, в поступках есть что-то такое, что отдаляет его от всего, что ежедневно, — и невольно отступаются от него люди, занятые ежедневными толками и страстями. Пиши и опиши всё. Происшествий внешних у нас обоих немного, но они так много связаны с внутренними нашими происшествиями, что всё для нас обоюдно любопытно. У меня на душе хорошо, светло. Дай Бог, чтоб у тебя тоже было светло и хорошо во всё время твоего[1] ганавского затворничества, — я молюсь о том душевно и уверен твердо, что невидимая рука поддержит тебя здрава и здрава доставит тебя мне, и Бог знает, может быть достанется нам даже достигнуть[2] рука об руку старости, всё может сбыться.

Прощай. Целую тебя и сердцем и душою и жду письма твоего.

Адрес мой ты, я думаю, уже знаешь: в Университет на имя Погодина. Письмо это не больше как передовое известие и потому такое тощее. Как обживусь, напишу подлиннее.

<*Адрес:*>

Pr. Hochwohl geburene H. Baron von Jasijkow in Hanau (bei Frankfurt am Main).

525. А. А. Иванову

<*Доверенность*>

<Около 27 октября (н. ст.) 1841. Москва>

Уполномочиваю Александра Андреевича Иванова получить следуемые мне деньги 2 000 рублей на ассигн<ации>.

Н. Гоголь.

<*Адрес:*>

Roma (en Italie).
al Signor
Signor Alessandro Ivanoff (Russo).
In Roma al Café Greco vicino alla
piazza di Spania nella via Condotti.
В Риме (в Италию).

[1] скучного

[2] *Далее было:* вожделенной старости вместе

526. К. С. Аксакову

<Конец октября — ноябрь 1841. Москва>

Посылаю одну при сем тетрадь, окончание 6 и начало 7-ой главы. Здоровье мое хуже, Михаила Петровича лучше. С трудом мог управиться кое-как с посылаемыми тетрадями. Обнимите Сергея Тимофеевича и будьте здоровы.

527. С. Т. Аксакову

<Октябрь–ноябрь (не позднее 25-го числа) 1841. Москва>

Я к вам приходил, между прочим, с просьбою, которую совершенно позабыл. А именно, нельзя ли послать к Крузе взять у него десть или две чистой бумаги, которая ему теперь не нужна, а будет нужна моему переписчику. Из-за нее остановилось дело.

Гоголь.

<Адрес:>

Сергею Тимофеевичу Аксакову.
На Сенной, в доме Теребиновой, против весов.

528. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

<Октябрь 1841. Рим>

Милостивый государь
Николай Васильевич.

Послал письмо к Вам с извещением об отправлении к Жуковскому просьбы Наследнику, скопированной с Вашей. Я, по случаю помещения в госпиталь Станиславовича, был в нашем посольстве, где и нашел на Ваше имя письмо, лежащее там уже два месяца, да еще и посылку с какими-то как будто рисунками, свернутыми в трубку. Письмо я теперь же к Вам препровождаю, а посылка осталась в посольстве до Вашего разрешения, как с ней поступить. Ключ от Вашего сундука я нашел. Кривцова еще здесь нет.[1] Он уже сделался здесь необходимым для нашего общества художников... Жаль мне очень Ставассера, но говорить и замечать им значило бы только делать из них себе врагов.

[1] Прошу кланяться гг. Погодину, Рихтеру, Боткину.

529. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

<Октябрь 1841. Рим>

Приехав в Рим на последних числах сентября, я был извещен от Валентини, что на почте письмо есть на ваше имя. Взяв письмо и прочитав на конверте, я положил за верное в нем найти вексель, пришел с ним к Валентини, где его и распечатал. Но векселя там не нашли, и я, не читав ничего, счел за нужное препроводить его к вам.

Мы ожидаем Кривцова, и в особенности Шаповалов, с большим нетерпением, ибо в самом деле у него денег давно нет, а живет он данным ему задатком для неизвестной работы от Бутенева. На случай если и остальные из них тридцать скуди он проживет, то я совершенно не знаю, что с ним делать, ибо и мое положение о сю пору похоже на его. Для Кривцова уже готовятся в Риме апартаменты.

Я привез с собой десять этюдов из Ариччи, которые теперь приспособливаю к картине. Я и Иордан весьма чувствуем ваше отсутствие. Недавно наехавшие молодые пенсионеры совсем с нами не сходятся, да им и некогда.

Неделю назад был здесь Греч, спрашивал у меня об вас, что вы делали здесь? Я сказал, что ничего не знаю. «Его у нас слишком захвалили, — говорил он, — и потому я полагаю, что он ничего не делает».

Греч думал, что его примут в Италии как европейского литератора, но это не случилось. Он ругает Италию, сколько сил достает. Его статья об нас, художниках русских в Риме, посланная печататься в «Северную пчелу», должна быть уморительная: все написано впопыхах, бегло, без малейших приготовлений.

Хозяин квартиры вашей послал <у>знать, как поступить ему с подпиской вашей на издание Нибби?

530. Н. Я. Прокоповичу

Ноября 25. <1841. Москва>

Пишу к тебе после долгой болезни, которая было меня одолела и которой начало уже получил[1] я в Петербурге. Теперь, слава Богу, мне гораздо лучше, хотя я исхудал сильно. Здоров ли ты?[2] Напиши мне слова два о себе. Я сильно беспокоился о тебе. Тут пронесли<сь> было слухи, что в Петербурге было что-то вроде

[1] получил было
[2] Что ты?

небольшого наводнения, и вода показалась на Васильевском Острове. Я боялся за твой домишко и за житье твое в нижнем этаже. Уведоми меня, пожалуйста, не повредило ли у тебя чего? Дело мое, по причине болезни, почти не начи<на>лось. Теперь только началась переписываться рукопись. Пришли, если готовы, мои манишки, да, вместе с тем, и мои резиновые калоши, которые я приказал Платоше взять[1] в дилижанс, но он и не думал туда положить их. В дилижансе всё перерыли и не нашли их. А таких галош я теперь нигде не могу достать.

Будь здоров! Мужайся духом, будущность твоя будет хороша, и напиши мне поскорее два слова.

Прощай.

Твой Гоголь.

Адресуй по-прежнему в Москву, на имя Погодина, в Университет.

531. М. П. Погодину

<Ноябрь? 1841. Москва>

Пожалуйста, не позабудь дать знать писцу, чтобы пришел. Я с другим уже условился на половину рукописи. Теперь дело остается за ним.

532. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

<Декабрь 1841. Рим>

Грусть и скука нам без вас в Риме. Мы привыкли в часы досуга или слушать подкрепительные для духа ваши суждения, или просто забавляться вашим остроумием и весельем. Теперь ничего этого нет: вечерние сходки в натурном классе, состоящие из Моллера, Иордана, Шаповалова и меня, не стоят и десятой доли беседы вашей. Неужели вы к нам в Рим и на следующую зиму не приедете? Вы бы могли нам быть весьма полезны во всех случаях.

Сегодня получил я письмо ваше от 20 октября, где вы просите разыскать наши деньги 2 000 рублей. — Валентини ничего не знает, и, таким образом, я решился спросить Кривцова, не получал ли он письма от Погодина, на что Кривцов отвечал, что в августе месяце получил письмо, где Погодин, прося как

[1] взять с собо<ю>

можно скорее доставить вам в Рим деньги, обещал ему чрез две недели их прислать, вследствие чего Кривцов написал к Торлони, чтоб вам вручили <*нрзб.*> 2 000 рублей. Но как вас уже в Риме не было, а Погодин не высылал обещанных денег, то это дело ничем и кончилось.

Кривцов сюда прибыл 26 октября. Художники все к нему представлялись, он чрезвычайно со всеми ласков. Между тем, однако ж, говорил нам, и в особенности обратясь ко мне, что он будет нас навещать, что мы уж как хотим, а он видит в этом способ ускорить наши успехи. Я испугался — и, признаюсь, очень был огорчен. Однако ж впоследствии студия Тыранова об сто двадцати пяти ступенях и собственный жир отбили охоту к таковой обидной деятельности.

Учтивство Кривцова совершенно исчезло, когда явился к нему Шаповалов объяснить свое положение. Он так на его напустился, что тот не мог и речи докончить. Кривцов говорил: «Зачем вы начали копию в Ватикане? Кто вас об этом просил? Я денег никаких не имею и искать не буду. Я буду писать об вас Обществу, а вы покуда ищите себе пропитания, раскрашивая акварелью эстампы — для купцов», и проч. Шаповалов, в слезах, натурально, приходит ко мне. Я, держась остатками последних денег и вместо помощи или поощрения имея в виде впереди пошлости понукания Кривцова, рассудил обратиться к Моллеру как к единственному человеку, посредством которого можно с Кривцовым разговаривать о делах. В самом деле, добрый наш Федор Антонович уговорил Кривцова дать содержание Шаповалову на три месяца списки с Петербургом, по пяти павлов в день, начиная с первого ноября. Сильно потрясенный Шаповалов сим обстоятельством удвоил свои силы, и копией его с Перуджина и Моллер, и я весьма довольны. На окончание ее нужно бы еще дать ему полгода, о чем при первом случае нужно хлопотать.

Здесь находится князь Григорий Петрович Волконский, который хочет посетить наши студии. Да еще сюда едет Григорович. Мне бы и самому хотелось попытаться, не назначут ли мне плату за копию в Ватикане, равную Брюлловой, то есть вместо жалких трех тысяч рублей — 15 тысяч; тогда бы я кончил бы и картину для Наследника, и копию. Но это трудно без протекции, которой я вовсе не имею, а Кривцов действовать, кажется, намерен только по просьбе тех особ, от которых сам зависит.

Моллер благодарит вас за письмецо; он ожидает еще от вас ответа на подтверждение выбранного им сюжета, которым он теперь исключительно занимается. Феодор Иванович благодарит за незабытие его. Обуховы приехали в Рим, у него был с визитом Василий Василич. Мы пойдем к ним на днях, опять затеем проказы.

533. А. А. Иванову

1841. Декабря 25, Москва.

Я получил вчера ваше письмо и горевал, что наделал вам столько хлопот касательно денег. Дело спуталось чорт знает как. Я позабыл расспросить обстоятельно Погодина, как он распорядился, и полагал, что деньги давно уже в ваших руках. Мне больно, как воображу, что заставил вас нуждаться и бедного Шаповалова. Но теперь дело будет распоряжено как следует! Через неделю после сего письма вы отправляйтесь к Валентини, он получит вексель на 2 000 рублей. Распорядитесь, как я вам писал, то есть 200 скуд Валентини, 100 вам, а 500 рублей Шаповалову за копию женщин из Илиодора, которые вы можете ему выдавать вперед. Еще вот ему работа для меня: сделать копии головок Спасителя с Рафаэлева Преображения и с Рафаэлева Положения во гроб. Размер головок пусть будет немного больше головы на моем портрете, сделанном вами, так чтоб холстик был длиною не больше шести вершков, или разве мало более.[1] Можно очертить вокруг овал, а впрочем, как заблагорассудите и найдете лучше и сообразнее вы сами. Еще я бы хотел третью головку Спасителя, молящегося или просто беседующего, или, еще лучше, в совершенно покойном положении. Пожалуйста, побегайте в свободный час по церквям и галлереям, не заметите ли где во фреске, или в картине, у кого-нибудь из старинных мастеров, может быть, даже у Перуджина, одним словом, хоть не совершенно выполнит ваше требование, но по крайней мере, чтобы был сноснее других. Это будет третья головка. Я полагал, что две в месяц сделать можно легко. Я ему даю по 100 рублей за каждую. Он даже может заняться ими прежде, если еще не начинал женщин, потому что они мне теперь нужнее. Теперь еще слово насчет его копии с Перуджина. Я полагаю, что с ней будет долгая возня, толков <...>[2] и прочее и прочее. Живописи тонкой и высокой у нас не понимают как следует, ее не

[1] или пол-аршина

[2] *Вырвано.*

оценят. Не хочет ли он, я ему дам за нее 2 000 рублей и вышлю их будущим летом. А впрочем, пусть он распоряжается, как лучше ему и выгоднее. А Спасителями пусть займется, мне они очень нужны. Деньги за них пришлю немедленно. Если на случай найдется четвертая головка, сколько-нибудь достойная внимания, то пусть сделает и четвертую. А вас прошу прислать мне головку вашего Спасителя, если только[1] вы до него доберетесь и если только вам будет время снять с него хоть весьма эскизный этюд, а еще лучше во весь рост, как есть идущий по земле, хоть в каком ни есть малом размере.

Теперь самое главное: крепитесь! идите бодро и ни в каком случае не упадайте духом, иначе будет значить, что вы не помните меня и не любите меня, помнящий меня несет силу и крепость в душе. Не смущайтесь будущностью, всё будет хорошо. Средства у вас будут. Вы спрашиваете меня, когда мы увидимся. Мы увидимся и увидимся непременно и, верно, в обоюдную радость обратится наше свидание. Прощайте. Чрез 8 дней после получения сего письма напишите ответ.

<Адрес:>

В Рим (в Италию).
Al Signor
Signor Alessandro Ivanov (Russo).
Roma, Café Greco nella via Condotti vicino alla piazza di Spania.
Rome (en Italie).

534. М. И. Гоголь

Декабря 29 <1841. Москва>.

Благодарю вас за ваше письмо, еще более благодарю Бога за ваше выздоровленье. Я еще не совсем оправился, устаю и не могу заняться моими делами, как бы хотел, а что самое главное, встретил множество неожиданных и непредвиденных препятствий. Но Бог милостив,[2] и мне верно удастся преодолеть всё. Об этом молитесь теперь Богу. Жаль только, что дела мои затянутся на долгое время и не скоро придется вам что-нибудь получить от меня. Скажите старшей сестре Марии, что напрасно она так испугалась моего письма. Кого любят, от того с радостью принимают даже упреки. Письмо мое много бы заключило для нее приятного. Но она захотела лучше не получать от меня письма, чем

[1] *Далее было:* вам когда-нибудь

[2] *Далее было:* авось-либо

встретить в нем какой-нибудь себе упрек. Ей никогда и век не понять,[1] что одна любовь только и любовь[2] сильная дает такие упреки, какие когда-либо давал ей я. Если бы она думала обо мне и разбирала бы почаще мои строки, она бы увидела это ясно. И прежде в приписке к ней и в письме к меньшей сестре я сказал ясно, что письмо будет насчет ее дела, насчет ее счастья, насчет счастья ее сына, она должна бы иметь[3] сколько-нибудь ума в голове, чтобы почувствовать, что письмо для нее заключит много приятного. Но она захотела лучше не получать от меня писем, — желанье ее будет исполнено: она их не получит.

Скажите сестре Анне, что прежде всего она должна благодарить за многие напоминанья, которые я сделал. Что же касается до обвинений, которые я на нее взвел, то они были сделаны с тем, чтобы рассердить ее хорошенько. Я знал, что ничем другим нельзя было рассердить ее, как этим, а рассердить ее чем-нибудь нужно, чтобы разбудить ее сонный, готовый всегда залениться и засидеться характер.

Прощайте, поцелуйте от меня Колю. Надейтесь во всем на Бога и молитесь. Придет время, когда Бог чудно вознаградит вас за вашу теплую веру и будет счастье ваше выше, выше чем счастье всякого другого.

Ваш признательный сын Николай.

Поздравляю вас всех с наступающим Новым годом.

<*Адрес:*>

Маминьке.

535. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю

<Ноябрь–декабрь? 1841. Москва>

Я устроиваю теперь вторую книжку. Будет ли от тебя что для нее?

536. М. П. Погодину

<Ноябрь–декабрь? 1841. Москва>

Ничего.

[1] не понимать

[2] *Далее было:* высшая наполняет

[3] имея

537. А. А. Иванову

<Конец декабря 1841. Москва>

Вот вам деньги для расплаты моих долгов. Не пеняйте за мою неисправность: тут моей вины почти не было. Хочу вам сказать одно слово насчет головок Спасителей. Я назначил очень малый размер и позабыл, что на том же шестивершковом холстике можно сделать головок гораздо больше. Итак, пусть он сделает их сколько можно больше. Это будет лучше и для меня и для него, то есть я разумею для него полезнее. Прощайте! Поскорее ответ!

Не хорошо ли будет которую-нибудь из головок на кипарисной доске. Как вы думаете? Коли хуже, так не нужно.

<Адрес:>

Al Signor
Signor Alessandro Ivanoff.
Roma.

538. А. П. Елагиной

<1841? Москва>

Передаю вам в ваши руки Языкова. Отыщите для него квартиру сами, не менее пяти или, по крайней мере, четырех комнат. Две из них чтобы были большие. Сделайте так, чтобы токарный станок был тотчас же в них поставлен, если можно, то и бильярд. Всё утро должно принадлежать Языкову. Всякого гостя пусть просит человек пожаловать ввечеру, от 4 до 10 час<ов>. В это время все близкие Языкову должны навещать его — это их обязанность. За час или за два перед обедом он должен ехать кататься и гулять, особенно зимою, в санках. Соблюдение всех этих правил очень нужно, и вы можете более всех способствовать к тому. Прощайте, душевно обнимаю вас и посылаю мой душевный поклон всем вашим.

Весь ваш Гоголь.

<Адрес:>

Авдотье Петровне Елагиной.

Приложение

Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

Фрагмент предполагаемого письма

<Между серединой ноября и серединой
декабря (н. ст.) 1841. Ганау>

Благословляю твой возврат
Из этой нехристи немецкой
На Русь, к святыне москворецкой!
Ты, слава Богу, счастлив, брат:
Ты дома, ты уже устроил
Себе привольное житье;
Уединение свое
Ты оградил и успокоил
От многочисленных сует
И вредоносных наваждений
Мирских, от праздности и лени,
От празднословящих бесед
Высокой, верною оградой
Любви к труду и тишине;
И своенравно и вполне
Своей работой и прохладой
Ты управляешь, и цветет
Твое житье легко и пышно,
Как милый цвет в тени затишной,
У родника стеклянных вод!
А я по-прежнему в Ганау
Сижу, мне скука и тоска
Среди чужого языка:
И Гальм, и Гейне, и Ленау
Передо мной; усердно их
Читаю я, но толку мало;
Мои часы несносно вяло
Идут, как бесталанный стих;

Отрады нет. Одна отрада,
Когда перед моим окном
Площадку гладким хрусталем
Оледенит година хлада:

Отрада мне тогда глядеть,
Как немец скользкою дорогой
Идет, с подскоком, жидконогой, —
И бац да бац на гололедь!
Красноречивая картина
Для русских глаз! Люблю ее!
Но ведь томление мое
Пройдет же — и меня чужбина
Отпустит на Святую Русь!
О! я, как плаватель, спасенной
От бурь и бездны треволненной,
Счастлив и радостен явлюсь
В Москву, что в пристань. Дай мне руку!
Пора мне дома отдохнуть;
Я перекóчкал трудный путь,
Перетерпел тоску и скуку
Тяжелых лет в краю чужом!
Зато смотри: гляжу героем;
Давай же, брат, собща устроим
Себе приют и заживем!

Комментарии

Переписка
1835–1841

250. М. П. Погодину

М. П. Погодин, получив от Гоголя вместе с настоящим письмом сборник «Арабески», записал в дневнике: «*30 <января 1835>*... Чит<ал> Гог<оля> и хохотал... Зам<ечания> Гог<оля> о Шлец<ере> раззадори<ли> меня и я р<е>ш<аюсь> издать Шлецера... *31 <января>*... Пис<ал> к Гоголю... Чит<ал> Гоголя. *Февраль. 1*... Чит<ал> Гог<оля>... *16 <февраля>*... Мысль издать арабески» (*Погодин М. П.* Дневник. 1820–1840; *РГБ*. Ф. 231. Разд. I. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 125 об. — 126). (Запись от 16 февраля является последней за февраль 1835 г.; следующая запись относится уже к 17 мая этого года. Между этими записями три страницы дневника остались незаполненными.)

251. М. А. Максимовичу

Посылаю тебе сумбур, смесь всего... — Сборник «Арабески». к стр. 9

История Пугачевского бунта — «История Пугачева» А. С. Пушкина вышла в свет в конце декабря 1834 г.

...Жуковского полные сочинения... — Стихотворения В. А. Жуковского. СПб., 1835. Т. 1–5, 7; 1836. Т. 6; 1837. Т. 8.

252. А. В. Никитенко

...оставил.... экземпляр. — См. <Надпись А. В. Никитенко на второй части сборника «Арабески» (СПб., 1835)> в т. 9 наст. изд.

Князь — М. А. Дондуков-Корсаков. к стр. 10

254. М. П. Погодину

Я начал даже для них повесть. — Повесть «Нос». к стр. 11

255. М. И. Гоголь

...следуемые при сем книги... — Экземпляры сборника «Арабески». 24 марта 1835 г. М. И. Гоголь сообщала О. Д. Трощинской: «...мой сын старается утешить меня, как только может. Благодарю Бога, на сих днях я получила от него книги, *Арабески*, под собственным уже его именем изданные...» (<*Ореус И. И.*> Дмитрий Прокофьевич Трощинский. 1754–1829 // Русская Старина. 1882. № 6. С. 678).

256. М. П. Погодину

...Вечера на днях выходят. — Гоголь имеет в виду «Миргород. Повести, служащие продолжением Вечеров на хуторе близ Диканьки». к стр. 12

...пишу для М<осковского> Н<аблюдателя> особенную повесть. — Повесть «Нос».

257. М. П. Погодину

...книга уже отпечатана... — Сборник «Миргород».

к стр. 13 *...уж не прав ли Полевой...* — Имеется в виду рецензия Кс. Полевого на русский перевод книги В. Скотта «Жизнь Наполеона», опубликованная в майском номере «Московского Телеграфа» за 1833 г. (№ 9).

Да ожидать ли тебя в Петербург? — Погодин выехал в Петербург 18 февраля 1835 г. Позднее, в «Письме из Петербурга», датированном 11 марта 1835 г. и помещенном в мартовском номере «Московского Наблюдателя» за 1835 г., он сообщал: «Гоголь читал мне отрывки из двух своих комедий. Одна под названием — Комедия! Другая — Провинциальный Жених. Что за веселость, что за смешное! Какая истина, остроумие! Какие чиновники на сцене, какие канцелярские служители, помещики, барыни! Талант первоклассный. На днях вы получите его Миргород, и должны будете поклониться этим повестям, со всеми наши<ми> повествователями без исключения, стихотворными и прозаическими» (*Погодин М.* Письмо из Петербурга // Московский Наблюдатель. 1835. Март. Кн. 2 (цензурное разрешение 30 марта). С. 445).

258. С. П. Шевыреву

Бумага, на которой написано письмо (21,7 × 13), имеет водяной знак «ФКНГ 18» (*Городецкий Б. П.* Описание автографов Н. В. Гоголя в собрании Института литературы Академии Наук СССР // Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения. 1938. Т. 1. С. 466). На такой же бумаге написана черновая редакция повести «Нос».

259. М. П. Погодину

к стр. 14 *...как ты доехал?* — См. коммент. к письму № 257.

Посылаю тебе нос. — Повесть «Нос».

260. М. И. Гоголь

Печатается по автографу: *ГИМ.* Ф. 446. Ед. хр. 41. Л. 45.

263. Ректору Императорского Санкт-Петербургского университета А. А. Дегурову

Письмо хранилось в архиве Канцелярии попечителя С.-Петербургского учебного округа. На подлиннике прошения имеется резолюция (без подписи): «Просить разрешения высшего начальства по тому уважению, что совет не имеет права давать отпуск на срок,

превышающий 28 дней. Между тем поручить г-ну ректору и декану историко-фил. факультета удостовериться на следующей неделе в познаниях студентов по части средней истории для соображения при переводе их в следующий курс».

17 апреля 1835 г. совет университета обратился к попечителю учебного округа князю М. А. Дондукову-Корсаковау со специальным отношением (за № 148) о предоставлении отпуска Гоголю. К этому отношению было приложено и прошение Гоголя. От попечителя округа было получено ответное отношение за № 1089 от 3 мая 1835 г.: «...г. Министр народного просвещения предложением своим от 24 того же апреля изъявил свое согласие на увольнение адъюнкта здешнего университета Гоголя в отпуск на четыре месяца, к Кавказским минеральным водам, для поправления его здоровья».

265. М. П. Погодину

...что делается с носом! — Имеется в виду повесть «Нос». к стр. 22

266. Секретарю Совета Императорского Человеколюбивого Общества г. А. фон Шверину

Впервые напечатано: *Белозерская Н. А.* Н. В. Гоголь. Служба его в Патриотическом Институте, 1831–1835 // Русская Старина. 1887. № 12. С. 755. Печатается по первой публикации с уточнением по изд.: *Бардовский А. Ф.* Патриотический Институт. Исторический очерк за 100 лет. 1813–1913 г. СПб., 1913. С. 271–277.

267. Ректору Императорского Санкт-Петербургского университета А. А. Дегурову

Письмо хранилось в архиве Канцелярии попечителя С.-Петербургского учебного округа. На основании рапорта инспектора студентов, попечитель Петербургского учебного округа князь М. А. Дондуков-Корсаков в специальном отношении за № 992 от 22 апреля 1835 г. сделал запрос ректору университета о причинах неявки в университет по одному разу профессоров Соколова и Крылова, адъюнкта Гоголя-Яновского и лектора Варранда. Письмо Гоголя является ответом на этот запрос, адресованный ему администрацией университета.

268. Н. Я. Прокоповичу

История Англии аббата де Тоараса... — См. коммент. к драме «Альфред» в т. 7 наст. изд. к стр. 23

...и что такое писатоночки... — т. е.: что пишешь. к стр. 24

...как пребывают Ге, Гус, Гюго, Жанен... — Прозвища приятелей Гоголя. См. об этом в сопроводит. статье к т. 5 наст. изд., а также коммент. к письму № 319.

269. Г. И. Спасскому

Впервые напечатано: *Смирнов Б.* Григорий Иванович Спасский. (Материалы к биографии) // Сибирские огни. (Новосибирск), 1927. № 1. С. 117–118. Печатается по первой публикации.

На письме имеется «помета рукой Спасского “19 июня 1835 г. В Перекопе”» (*Смирнов Б.* Григорий Иванович Спасский. С. 117). Хранилось в коллекции г. В. Юдина (см.: Неизданный Гоголь. Издание подготовил И. А. Виноградов. М., 2001. С. 431–432).

270. Г. И. Спасский — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Смирнов Б.* Григорий Иванович Спасский. (Материалы к биографии) // Сибирские огни. (Новосибирск),1927. № 1. С. 117–118. Печатается по первой публикации.

271. И. И. Срезневскому

к стр. 27 *Очень рад, что вы наконец отпечатали четыре книжки разом вашей Старины...* — См. коммент. к письму № 203 в т. 10 наст. изд.

272. В. А. Жуковскому

к стр. 28 *...извещение из Петербурга... что место мое в Пат<риотическом> инст<итуте> долженствует заместиться другим господином.* — Увольнение Гоголя последовало по представлению начальницы Патриотического института Л. К. Вистингаузен:

«№ 111, 25-го июня 1835 года. Его Пр<евосходитель>ству Н. М. Лонгинову.

По случаю отсутствия из С.-Петербурга учителя истории в Патриотическом институте Гоголя-Яновского, который, будучи одержим болезнью, может пробыть в отпуске весьма долгое время и тем поставить институт в затруднение, ибо должность его остается никем не занятою, принят на сие место учитель Исторических Наук в Воспитательном Доме г-н Соколовский.

Представляя о сем Вашему Превосходительству, всепокорнейше прошу исходатайствовать Высочайшее Ее Величества повеление об определении Соколовского в Патриотический институт на место Гоголя-Яновского и увольнении сего последнего.

Начальница института Л. Вистингаузен.

Резолюция <рукою Н. М. Лонгинова>:

“Ее Императорское Величество повелеть соизволила представление сие привести в исполнение. 29 июля 1835 г.” (*Белозерская Н. А.* Н. В. Гоголь. Служба его в Патриотическом Институте, 1831–1835 // Русская Старина. 1887. № 12. С. 755; цит. с дополнением по изд.: *Бардовский А. Ф.* Патриотический Институт. Исторический очерк за 100 лет. 1813–1913 г. СПб., 1913. С. 271–277).

...это место доставляло мне хлеб... — «В бумаге за № 146 того же 1835 г., по случаю прибавки новому учителю Соколовскому 450 р<ублей> к прежнему жалованью, говорится: "бывший учитель исторических наук в Патриотическом институте Гоголь-Яновский получал жалованья за 12 часов по 100 р<ублей>, 1200 <рублей> в год» (*Белозерская Н. А.* Н. В. Гоголь. С. 755; цит. с уточнением по изд.: *Бардовский А. Ф.* Патриотический Институт. С. 271–277).

273. М. А. Максимовичу

...проживу два дни с тобою. — К этим словам М. А. Максимович сделал на подлиннике примечание: «Он прожил у меня, в доме Катеринича, дней пять». О значении пребывания Гоголя в Киеве 14–18 августа 1835 г. см. в сопроводит. статье к т. 4 наст. изд.

274. А. С. Данилевскому

Датировка письма уточнена.

...подальше воскресенья... — 11 августа 1835 г. к стр. 29

275. М. П. Погодину

В 1835 г. Гоголь был в Москве проездом дважды — в начале мая и в конце августа.

Редька — прозвище П. г. Редкина.

276. М. П. Погодину

О датировке настоящей записки см. коммент. к письму № 274.

277. Н. П. Боткину

Датировка письма уточнена.

...завтра ввечеру (т. е. в середу)... — Гоголь был в Москве к стр. 30 в конце августа 1835 г. Среда в последнюю неделю августа этого года приходилась на 28 число.

279. М. И. Гоголь и Е. И. Ходаревской

Печатается по автографу: *ГИМ.* Ф. 446. Ед. хр. 41. Л. 49–50; почтовый штемпель: лавровые ветви в овале, окружающие буквы: прописную Н, венчаемую короной, и строчную i, вписанную под перекладиной Н; в нижней части овала небольшие буквы: С П Б г.

...письмо ваше из Белгорода. — М. И. Гоголь, по-видимому, ездила в Белгород на богомолье, к гробнице прославленного позднее, в 1911 г., святителя Иоасафа Белгородского. В 1991 г. состоялось новое обретение мощей святителя Иоасафа, безвестно почивавших до того времени в Казанском соборе Санкт-Петербурга.

Как вы сделались с Татьяной Ивановной? — У Т. И. Черныш (по первому мужу Данилевской), соседки-помещицы, М. И. Гоголь брала деньги в долг.

к стр. 31 *...два года тому назад был у вас на именинах...* — На праздник Покрова Пресвятой Богородицы 1 октября 1832 г.

Еще ваши именины я помню один раз. — 1 октября 1828 г.

Данилевский Федор Яким<ович> — родственник А. С. Данилевского.

Ларий Тр<ощинский> — Илларион Иванович Трощинский.

Катерина Ивановна — Ходаревская.

280. М. И. Гоголь

к стр. 32 *Бабушка* — М. И. Косяровская, овдовевшая в конце 1835 г. мать М. И. Гоголь.

...с моей сестрицей. — Так называет Гоголь дочь Е. И. Ходаревской — Марью Николаевну Синельникову.

281. М. И. Гоголь

Письмо А. В. Гоголь — запоздалое поздравление матери с днем ее именин (1 октября).

Письмо Ваше... от 17 октября. — По-видимому, описка. Следует: от 17 сентября.

282. А. С. Пушкину

Письмо отправлено Пушкину в Михайловское.

Пришлите, прошу вас убедительно, если вы взяли с собою, мою комедию, которой в вашем кабинете не находится и которую я принес вам для замечаний... Начал писать Мертвых душ... дайте какой-нибудь сюжет... написать... комедию. — Содержание настоящего письма позволяет установить точное время начала работы Гоголя над «Мертвыми душами» и «Ревизором». Под «комедией», взятой с собой Пушкиным в Михайловское, подразумевается «Женитьба». 1 сентября 1835 г. Гоголь приехал в Петербург после четырехмесячного отсутствия. В свою очередь, Пушкин спустя неделю, 7 сентября 1835 г., выехал в Михайловское и вернулся в Петербург лишь 23 октября. Очевидно, что их встреча, во время которой Гоголь передал Пушкину «Женитьбу», могла состояться лишь в период с 1 по 7 сентября. Согласно позднейшему рассказу Гоголя в «Авторской исповеди», он прочел в те дни Пушкину «небольшое изображение небольшой сцены» (вероятно, именно отрывок из «Женитьбы»), после чего Пушкин дал ему сюжет «Мертвых душ»: «Он <Пушкин> уже давно склонял меня приняться за большое сочинение, и наконец, один раз, после того как я ему прочел одно небольшое изображение небольшой сцены, но которое, однако ж, поразило его больше всего мной прежде читанного, он мне сказал: “Как с этой способностью

угадывать человека и несколькими чертами выставлять его вдруг всего, как живого, с этой способностью не приняться за большое сочинение! Это просто грех!" Вслед за этим начал он представлять мне слабое мое сложение, мои недуги, которые могут прекратить мою жизнь рано; привел в пример Сервантеса, который хотя и написал несколько очень замечательных и хороших повестей, но, если бы не принялся за "Донкишота", никогда бы не занял того места, которое занимает теперь между писателями, и в заключенье всего отдал мне свой собственный сюжет, из которого он хотел сделать сам что-то вроде поэмы и которого, по словам его, он бы не отдал другому никому. Это был сюжет "Мертвых душ". (Мысль "Ревизора" принадлежит также ему.)». Таким образом, начало работы над поэмой следует отнести к первым числам сентября 1835 г. Этот начальный этап создания «Мертвых душ» продолжался до возвращения Пушкина в Петербург 23 октября 1835 г. — и второй его встречи осенью этого года с Гоголем. В эту вторую встречу Гоголь, по-видимому, получил от поэта сюжет «Ревизора» и, временно оставив (до осени 1836 г.) работу над «Мертвыми душами», в поразительно короткий срок, почти за месяц, с конца октября по 4 декабря 1835 г. (см. коммент. к письму № 285), создал первоначальную редакцию нового произведения. (Подчеркнем тем не менее, что сюжет «Мертвых душ» был дан Гоголю Пушкиным ранее сюжета «Ревизора».)

283. М. И. Гоголь

...о которых я писал вам из Любека. — См. письмо М. И. Гоголь от 13 (25) августа 1829 г. к стр. 34

...куда баб<ушка> Мар<ья> Илична подала просьбу. — М. И. Косяровская как наследница мужа, И. М. Косяровского, продолжала его тяжбу (см. коммент. к письмам № 134, 168, 175, 183 в т. 10 наст. изд.).

284. М. И. Гоголь

Автограф хранится: *ГИМ*. Ф. 446. Ед. хр. 41. Л. 16.

Об Олиньке я хлопотал. — Позднее сама Ольга Васильевна вспоминала: «Когда мне минуло десять лет <в 1835 г.>, тогда брат приехал, чтобы меня взять в Петербург, но сестра сказала ему, что у меня, кроме глухоты, и памяти нет, а брат сказал: "Это ты не хочешь с нею заниматься, и мать ее балует; у меня будет у нее память!" И задал мне французский разговор целую страницу, а сестра всегда задавала мне по две строчки. И я до самого обеда учила, не уставая, а когда подали обед, брат спрашивает; я не могла ни одного слова ответить. Он оставил меня без обеда, потом до вечернего чая тоже не знала уроков, а до ужина одно или два слова ответила. Тогда брат удостоверился, что нет памяти; кроме того, порешили, что золотушные не переносят петербургского климата, и кончилось тем, что брат сказал матери: "Воспитывайте ее сами", и уехал» (Из семейной к стр. 35

хроники Гоголей. (Мемуары О. В. Гоголь-Головни). Ред. и примеч. В. А. Чаговца. Изд. газ. "Киевская Мысль". Киев, 1909. С. 8).

285. М. П. Погодину

...твое письмо в Журнале просвещения... — Письмо ординарного профессора Московского университета Погодина к г-ну министру народного просвещения из Германии // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1835. № 7.

Я расплевался с университетом... — Гоголь был уволен от должности адъюнкт-профессора по кафедре истории «по случаю преобразования С.-Петербургского университета» — 31 декабря 1835 г. 16 мая 1836 г. ему был выдан следующий аттестат: «Состоящий по установлению в 8-м классе, Никлай Васильев сын, Гоголь, бывший адъюнкт по кафедре истории при Императорском С.-Петербургском университете, как из формулярного о службе его списка видно, происходит из дворян. По окончании курса учения в лицее высших наук князя Безбородко поступил на службу в департамент уделов с правом на чин 14 класса 1830, апреля 10; указом Правительствующего Сената утвержден в чине коллежского регистратора со старшинством со дня вступления в службу, 1830, июня 3-го; помещен помощником столоначальника в том же департаменте 1830, июля 30-го; по прошению его из департамента уделов уволен 1831, марта 9-го; с Высочайшего соизволения Ее Императорского Величества определен в Патриотический институт старшим учителем истории, состоя по силе Высочайшего указа 1-го апреля 1831 года в чине титулярного советника. Со дня вступления в сию должность 1831, марта 10-го, в награду отличных трудов пожалован от Ее Императорского Величества бриллиантовым перстнем 1834, марта 9-го. Определен адъюнктом по кафедре истории при Императорском С.-Петербургском университете 1834, июля 24-го. По случаю преобразования университета остался за реформою с выдачею годового оклада жалованья 1836, января 1-го. От роду ему 27 лет. Благоприобретенного имения за ним не состоит; родового имеет 86 душ крестьян и 700 десятин земли в Миргородском уезде Полтавской губернии. Холост. Исповедания греко-российского. В отпуске был с 1-го мая по 1-е сентября 1835 года и возвратился в срок. В отставке, в штрафах и под судом не был, и ни одному из случаев, лишающих права на получение знака отличия беспорочной службы, не подвергался. Аттестован был всегда способным и достойным и во все продолжение своей службы вел себя, как подобает приличному благородному человеку. В уверение чего и дан ему сей аттестат из правления Императорского С.-Петербургского университета за надлежащим подписанием и приложением казенной печати. В С.-Петербурге мая 14-го 1836 года. Его Императорского Величества Всемилостивейшего Государя моего статский советник, ректор Императорского С.-Петербургского университета

ординарный профессор и разных орденов кавалер И. Шульгин» (*Шенрок В. И.* К биографии Н. В. Гоголя // Русская Старина. 1902. № 9. С. 651–652). См. также коммент. к письму № 459.

...решаюсь давать на театр... едва только успел третьего дни окончить эту пьесу. — Речь идет о «Ревизоре», оконченном, как следует из комментируемых строк, 4 декабря 1835 г. к стр. 36

...комедии, которую я читал у вас в Москве... — 4 мая 1835 г. Гоголь читал в Москве у М. П. Погодина комедию «Женитьба».

287. А. С. Данилевскому

Печатается по изд.: *Гоголь Н. В.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1994. Т. 9.

В. И. Шенрок, опубликовавший эту записку, сделал к ней примечание: «Нет никаких данных для определения времени написания этой записки. Помещаем ее предположительно под 1835 г. (если только она не относится к позднейшему, заграничному периоду)» (Письма Н. В. Гоголя / Ред. В. И. Шенрока. СПб., <1901>. Т. 1. С. 359).

289. М. П. Погодину

...комедию. — «Ревизор», читанный самим Гоголем в тот же день, 18 января 1836 г., на вечере у В. А. Жуковского. к стр. 37

...небольшое собрание, которое готовлю издать. — Издание не состоялось. к стр. 38

Благодарю тебя... за твои подарки: Самозванца, Русскую Историю и Лекции по Герену. — Имеются в виду книги: «История в лицах о Димитрии Самозванце» (М., 1835); «Начертание русской истории для училищ» (М., 1835); Лекции профессора Погодина по Герену о политике, связи и торговле главных народов древнего мира (М., 1835. Ч. 1).

...эскиз, который ты поместил в Наблюдателе. — «Очерк русской истории» М. П. Погодина, опубликованный в первой книжке «Московского Наблюдателя» за 1835 г.

...детская история Полевого... — Вероятно, первые части «Русской истории для первоначального чтения» Н. А. Полевого (В 4 ч. СПб. 1835–1841).

...не можешь ли ты чего-нибудь мне выкопать о славянах? — См. коммент. к письму № 292.

290. М. И. Гоголь

Автограф хранится: *ГИМ.* Ф. 446. Ед. хр. 41. Л. 17.

Намерение ваше заложить в приказ я одобряю. — См. коммент. к письму № 168 в т. 10 наст. изд. Свидетельство о займе денег сроком на 26 лет в сумме 18 450 рублей, сделанном Гоголем и его сестрой М. В. Трушковской 31 января 1836 г., напечатано В. А. Чаговцем: к стр. 39

«1836 года генваря 31 дня в Полтавском Приказе Общественного Призрения, при даче Коллежскому Ассесору Николаю Васильевичу Гоголь-Яновскому и жене чиновника 12-го класса Марии Трушковской займа в 18 450 рублей ассигнациями, сроком на 26 лет с настоящего числа, вычтено:

а) Премии Приказу по 1 % .... 184 р. 50 к.
б) Казенной недоимки .... 831 р. 27 к.
в) По займу в приказе капитала с процентами .... 3 621 р. 23 к.
г) По части запрещения на заложенное
и разрешения на выкупленное имение .... 2 430 р.
и д) По части запрещения на заложенное
и разрешения на выкупленное имение .... 2 430 р. — к.
Затем выдано вдове Коллежского Ассесора
Марии Гоголь-Яновской на основании
доверенности для заемщиков Гоголь-Яновского
и Трушковской .... 12 693 р. 70 к.

Сумма .... 18 450 р. __ к.

Примечание: 1) для выплаты займа установленными процентами за каждый истекший год по 7, следует вносить:

25 лет по .... 1 291 р. 50 к.
за 26-й год .... 881 р. 4 к.

2) Заемщик имеет право и прежде сроков заплатить капитал весь или по частям, как рассудит, но в последнем случае части, в долгу остающиеся, должны составлять круглые суммы, тысячами или сотнями, для избежания раздробительности рассчетов в процентах.

За № 419.

Гражданский Губернатор Павел Могилевский.

Далее следуют подписи Непр<еменного> Члена и др.» (*Чаговец В. А.* Семейная хроника Гоголей // Памяти Н. В. Гоголя. Киев, 1902. Отд. 3. С. 46–47).

к стр. 39 *Татьяна Ивановна* — Черныш.

...масленица... смущена была несчастным приключением. — Речь идет о страшном пожаре балагана И.-А. Лемана, случившемся на масленицу 2 февраля 1836 г., — в огне которого погибло 127 человек и тяжело пострадало 32. Подробнее об этом см. коммент. к строкам статьи «Петербургские записки 1836 года» — *...на Адмиралтейской площади... вывеска на угольном балагане, на котором нарисован был пребольшой рыжий черт с топором в руке* — в т. 7 наст. изд., а также в статье: *Виноградов И. А.* Пьеро, Коломбина и Арлекин: К истории создания «Тараса Бульбы» и «Ревизора» Н. В. Гоголя // Русская литература. 1999. № 1. С. 36–44.

291. Н. Д. Белозерскому

...вести... будто бы сгорел Нежинский лицей. — Дело о пожаре в нежинской Гимназии высших наук князя Безбородко хранится в Российском государственном историческом архиве. к стр. 39

...какое было тогда прекрасное утро! — Гоголь был в имении Белозерского, вероятно, в августе 1835 г., по дороге из Васильевки в Петербург. к стр. 40

...леманский пожар... — См. коммент. к письму № 290.

Божко — Андрей Андреевич.

Шаржинский — Семен Данилович. См. коммент. к письму № 234 в т. 10 наст. изд.

Романович — В. И. Любич-Романович.

Симоновский — Иван Павлович.

Данилевский — Александр Семенович.

Прокопович — Николай Яковлевич.

Штейн — Иван Федорович.

Соленик — Карп Трофимович.

292. М. П. Погодину

...каталога книг, приобретенных тобою... относительно славянщины, истории и литературы... — Просьба Гоголя связана с путешествием М. П. Погодина в западно-славянские страны. к стр. 41

О журнале Пушкина... — Речь идет о «Современнике», первые известия о котором появились в печати 3 февраля 1836 г. (цензурное разрешение первого тома 31 марта; выход в свет 11 апреля 1836 г.). Об участии Гоголя в издании «Современника» см. коммент. к статье «О Современнике» в т. 6 наст. изд.

...он, кажется, на днях едет к вам в Москву. — Пушкин выехал из Петербурга только 29 апреля.

293. М. И. Гоголь

Автограф хранится: *ГИМ.* Ф. 446. Ед. хр. 41. Л. 18–19.

...я ничего не мог успеть по ее просьбе. — См. письмо № 290. к стр. 42

294. А. С. Пушкину

Речь в письме идет о произведениях Гоголя, помещенных в первом томе журнала «Современник». См. коммент. к статье «О Современнике» в т. 6 наст. изд.

...завтра утром заседание... — Заседание Санкт-Петербургского цензурного комитета, на котором рассматривалась повесть Гоголя «Коляска», состоялось 3 марта 1836 г. (см.: *В. Г. <Гиппиус В. В.>* Постановление СПб. цензурного комитета о «Коляске» // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 306–308).

...чтоб эта сцена шла вперед, а за ней уже о литературе. — Просьба Гоголя не была выполнена.

295. А. М. Гедеонов — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Зайцева И. А.* К цензурной и сценической истории первых постановок «Ревизора» Н. В. Гоголя в Москве и Петербурге (по архивным источникам) // Гоголь: Материалы и исследования. М., 1995. С. 120–122. Печатается по первой публикации.

В ответ на письмо Ваше... — Письмо не сохранилось.

к стр. 43 *По Высочайше утвержденному положению (от 13 ноября 1827 г.)...* — Имеется в виду «Положение о вознаграждении сочинителям и переводчикам драматических пиэс с опер, когда они будут приняты для представления на Императорских театрах» (Полн. собр. Законов Российской Империи. 2-е собр. СПб., 1830. Т. 2. С. 980–982).

296. С. А. Соболевскому

Письмо написано за два дня до премьеры «Ревизора», состоявшейся 19 апреля 1836 г. в Александринском театре в Петербурге.

к стр. 44 *...для Карамзиных недостало ложи.* — По-видимому, С. А. Соболевский просил достать билеты в ложу для вдовы Н. М. Карамзина Екатерины Андреевны, его дочери Софьи Николаевны и сыновей Андрея и Александра.

297. М. С. Щепкину

к стр. 45 *...вздумал... отдать главные роли другим персонажам.* — С 28 апреля 1836 г. в спектакль были введены дублеры: П. И. Григорьев (1-й) (городничий), А. М. Максимов (1-й) (Хлестаков), П. А. Каратыгин (Ляпкин-Тяпкин), А. Е. Мартынов (Бобчинский) и др.

299. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано, с ошибками и неточностями: Русская Старина. 1889. № 8. С. 381–382. См. также: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова; сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 1. С. 361–362; *Грюнберг П. Н.* «Ты должен бы радоваться, ибо видишь, что достиг цели». Письма М. П. Погодина Н. В. Гоголю. 1835–1845 гг. // Исторический Архив. 2009. № 2. С. 5–12. Печатается по автографу: *РГАЛИ.* Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1327. Л. 1–2.

к стр. 46 *При первом слухе о твоей комедии на сцене.* — Речь идет о петербургской постановке «Ревизора».

к стр. 47 *...приезжай непременно и поскорее.* — М. П. Погодин в своем дневнике под 16 апреля — 17 июня 1836 г. записал: «Ревизор в Москве и известие преследований Гоголя. Звал его в Москву» (Погодин М. П. Дневник. 1820–1840; *РГБ.* Ф. 231. Разд. I. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 134 об.).

Говорят, ты сердишься на толки. — См. письмо Гоголя к М. С. Щепкину от 29 апреля 1836 г.

...читая в «Пчеле»... — Имеется в виду отзыв Ф. Б. Булгарина о постановке «Ревизора» (Северная Пчела. 1836. 30 апр. № 97; 1 мая. № 98).

...по моим нынешним владениям. — Весной 1836 г. Погодин приобрел у Д. С. Щербатова дом на Девичьем поле в Москве.

300. М. С. Щепкин — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Русская Старина. 1886. № 10. С. 147. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова; сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 1. С. 449–450.

Данное письмо Щепкин приложил к своему письму И. И. Сосницкому от 7 мая 1836 г. для передачи Гоголю.

...письмо Погодина. — От 6 мая 1836 г. к стр. 48

...она (постановка) будет готова... — Первая постановка «Ревизора» в московском Малом театре состоялась 25 мая 1836 г.

301. М. С. Щепкину

Это их одел Храповицкий. Я мало входил в эти мелочи и приказал к стр. 49 *напечатать по-театральному.* — В первом печатном издании «Ревизора» (цензурное разрешение 13 марта 1836 г.), в заметке «Характеры и костюмы», по поводу костюмов Бобчинского и Добчинского сообщается: «Оба в серых фраках, желтых нанковых панталонах. Сапоги с кисточками. Представляются: Добчинский в широком фраке бутылочного цвета; Бобчинский в прежнем гарнизонном мундире». Этому описанию соответствуют данные подписанной 28 марта 1836 г. А. И. Храповицким монтировки первой постановки «Ревизора» в Александринском театре (см. в т. 7 наст. изд.).

305. С. Т. Аксакову

Первое письмо Гоголя к С. Т. Аксакову. Написано в ответ на письмо Сергея Тимофеевича, которое известно лишь в его собственном пересказе. В «Истории нашего знакомства с Гоголем» С. Т. Аксаков писал: «Гоголь был хорошо знаком с Мих. Сем. Щепкиным и поручил ему письменно постановку “Ревизора”, снабдив притом многими, по большей части очень дельными, наставлениями. В то же время узнали мы, что сам Гоголь, сильно огорченный и расстроенный чем-то в Петербурге, распродал с уступкою все оставшиеся экземпляры «Ревизора» и других своих сочинений и собирается немедленно уехать за границу. Это огорчило меня и многих его почитателей. Вдруг приходит ко мне Щепкин и говорит, что ему очень неловко ставить «Ревизора», что товарищи этим как-то обижаются, не обращают никакого внимания на его замечания и что пиеса от этого будет поставлена плохо; что гораздо было бы лучше, если бы пиеса ставилась без всякого надзора, так, сама по себе,

по общему произволу актеров; что если он пожалуется репертуарному члену или директору, то дело пойдет еще хуже: ибо директор и репертуарный член ничего не смыслят и никогда такими делами не занимаются; а господа артисты назло ему, Щепкину, совсем уронят пиесу. Щепкин плакал («Что, впрочем, бывало с ним при каждом сильном ощущении, не только печальном, но и радостном» — Примеч. И. С. Аксакова в изд. 1880 г. — *И. В., В. В.*) от своего затруднительного положения и от мысли, что он так худо исполнит поручение Гоголя. Он прибавил, что единственное спасение состоит в том, чтоб я взял на себя постановку пиесы, потому что актеры меня уважают и любят и вся дирекция состоит из моих коротких приятелей; что он напишет об этом Гоголю, который с радостью передаст это поручение мне. Я согласился и ту же минуту написал сам в Петербург к Гоголю горячее письмо, объяснив, почему Щепкину неудобно ставить пиесу и почему мне это будет удобно, прибавя, что, в сущности, всем будет распоряжаться Щепкин, только через меня. Это было первое мое письмо к Гоголю, и его ответ был первым его письмом ко мне» (Гоголь в воспоминаниях современников. Б. м., 1952. С. 94–95).

308. П. Н. Демидов — Н. В. Гоголю

Письмо П. Н. Демидова к Н. В. Гоголю (без сопроводительных копий писем П. Н. Демидова и П. Н. Фусса) впервые напечатано: *Мосин А.* «Ревизор» и меценат // Лит. Россия. 1986. 2 мая. № 18. С. 24. Печатается по первой публикации.

<Копия письма П. Н. Демидова к академику П. Н. Фуссу, отправленного П. Н. Демидовым Н. В. Гоголю между 15 и 21–22 мая 1836 г.>

Впервые напечатано, (с неточностями и пропусками): *Кулябко Е. С.* Из архива Академии наук СССР. Несостоявшееся премирование Гоголя // Русская литература. 1967. № 4. С. 170; см. также: *Алянский Ю.* Что имел в виду Гоголь? // Знание — сила. 1980. № 2. С. 39; *Алянский Ю. Л.* Вокруг «Ревизора» // *Алянский Ю. Л.* А. Б. В. Снимай маску. М., 1980. С. 100–101. Согласно указанию А. Мосина, копия письма сохранилась также в фондах Государственного архива Свердловской области, в «Журнале входящих и исходящих бумаг П. Н. Демидова»; *Мосин А.* «Ревизор» и меценат // Лит. Россия. 1986. 2 мая. № 18. С. 24. Печатается по автографу: *СПбФАРАН.* Ф. 2. Оп. 1–1836. Ед. хр. 1. Л. 10–11.

Письмо было получено П. Н. Демидовым 13 мая 1836 г.

<Копия ответного письма академика П. Н. Фусса П. Н. Демидову, отправленного П. Н. Демидовым Н. В. Гоголю между 15 и 21–22 мая 1836 г.>

Впервые напечатано, (с неточностями, пропусками и сокращениями): *Кулябко Е. С.* Из архива Академии наук СССР. Несостоявшееся премирование Гоголя // Русская литература. 1967. № 4. С. 171–172; см. также: *Алянский Ю.* Что имел в виду Гоголь? //

Знание — сила. 1980. № 2. С. 40; *Алянский Ю. Л.* Вокруг «Ревизора» // *Алянский Ю. Л.* А. Б. В. Снимай маску. М., 1980. С. 103. Согласно указанию А. Мосина, копия письма сохранилась также в фондах Государственного архива Свердловской области, в «Журнале входящих и исходящих бумаг П. Н. Демидова»; *Мосин А.* «Ревизор» и меценат // Лит. Россия. 1986. 2 мая. № 18. С. 24. Печатается по черновому автографу: *СПбФАРАН.* Ф. 2. Оп. 1–1836. Ед. хр. 1. Л. 7–7 об.

«Демидов, прочитав ответ академии, сразу же написал в академию о своем желании исключить из действующего положения своего имени второй пункт IX статьи, не допускающий к соисканию наград литературные и в том числе драматические произведения (О необходимости поощрения успехов в отечественной литературе Демидов неоднократно упоминал и раньше в своих письмах к Фуссу). Это желание учредителя премии было вполне выполнимо, так как по истечении первого пятилетия со времени учреждения действующего положения о Демидовских премиях, согласно последней статье, Академия должна была подвергнуть тщательному пересмотру утвержденные правила премирования, чтобы сделать "сие учреждение сколько можно более полезным для России" (Дело об учреждении Демидовских премий. Архив АН СССР (далее ААН). Ф. 2, оп. 1830, ед. хр. 1).

Однако просьба Демидова не была удовлетворена. Отказ был мотивирован в ответном письме Фусса тем, что "Академия одна имеет право предлагать изменения и поправки в предлежащем положении" и что, внимательно рассмотрев все параграфы, она не находит никакого повода изменить что-либо в составе положения (Там же, оп. 1836, ед. хр. 1, л. 8). Это явно противоречило истине, так как после состоявшегося пересмотра положения о Демидовских премиях в него были включены две дополнительные статьи о научных сочинениях (Там же, л. 9)» (*Кулябко Е. С.* Из архива Академии наук СССР. Несостоявшееся премирование Гоголя // Русская литература. 1967. № 4. С. 172).

Приводим по автографу полный текст последнего письма П. Н. Фусса к П. Н. Демидову:

«18 Маия 1836.

№ 430.

Милостивый Государь

Павел Николаевич.

В последней (XVIII-ой) статье Высочайше утвержденного положения об учрежденных Вашим Прев<осходительст>вом в 1831 году наградах постановлено:

Академия *одна* имеет право предлагать изменения и поправки в предлежащем положении; причем будет руководствоваться опытом и желанием соделать сие учреждение сколько можно более полезным для России; но все сии изменения не иначе будут иметь силу, как по утверждении самим учредителем. На сей конец

Академия чрез каждые пять лет будет подвергать сей регламент тщательному рассмотрению.

По истечении ныне первого пятилетия со времени учреждения Вами наград, Академия, тщательно рассмотрев положение и сообразив все обстоятельства, представившиеся ей в течение пятилетнего опыта, не находит никакого повода изменить что-либо в составе Положения; но желая придать учреждению вашему более влияния на процветание наук в отечестве нашем, единогласно утвердила приложенные у сего две прибавочные статьи, которые и имеет честь представить на апробацию В<аше>го Прев<осходительст>ва. При сем случае Академия не считает неуместным напомнить вам, М<илостивый> Г<осударь>, о неудобствах, сопряженных с назначенным в положении днем для публичного и торжественного присуждения наград ваших, неудобствах, о коих она имела честь представить вам отношением от 15 июня 1834 года, № 452. Академия готова в назначенный вами день, т. е. 17-го апреля, окончательно присуждать премии в чрезвычайном заседании; но желает, чтобы вам благоугодно было для торжественного присуждения назначить другой какой-либо день.

После статьи XIV.

Академия имеет право предлагать отечественным ученым для соискания задачи, могущие иметь влияние на успехи наук или промышленности; но она не будет оказывать предпочтение сочинениям, заключающим решения предложенных задач, пред теми, которые будут иметь предметом другие какие-либо равно важные отрасли наук; так что решение предложенной Академиею задачи может остаться без награды, если в числе прочих конкурсных сочинений окажутся отличнейшие.

После пункта 9-го статьи VII.

Сверх филологических творений допускаются также на *латинском* (но не на каком-либо новейшем языке) творения, относящиеся к наукам. Впрочем, они не иначе могут быть признаны достойными награды, как когда заключают в себе *открытия* или *исследования величайшей важности.*

(За сим следует пункт 10-й, заключающий в себе условия допускаемости для сочинений, писанных на новейших иностранных языках.)» (*СПбФАРАН.* Ф. 2. Оп. 1–1836. Ед. хр. 1. Л. 8–9).

309. М. И. Гоголь

к стр. 58 *Попутчиков мне много.* — Гоголь уехал за границу 6 июня 1836 г. на пароходе вместе с А. С. Данилевским.

Марья Ильинична — Косяровская, вдова И. М. Косяровского, скончалась весной 1836 г.

к стр. 59 *...довольны ли Левашевым.* — Граф Василий Васильевич Левашов 5 декабря 1835 г. был назначен генерал-губернатором черниговским, полтавским и харьковским. Год спустя, 29 декабря 1836 г., уволен от этой должности.

310. М. И. Гоголь

Аким — Яким Нимченко.

Посылаю вам вид Невского проспекта... — панорама Невского проспекта, литография И. Иванова, по рисункам В. С. Садовникова, изд. 1835 г.

311. В. А. Жуковскому

...должен мне Смирдин вручить тысячу с лишком. — Имеется к стр. 61 в виду выручка от продажи первого издания «Ревизора».

312. М. И. Гоголь

Aix-la-Chapelle — Ахен (французское название города).

316. М. И. Гоголь

Встретил довольно знакомых. — Гоголь встретил в Баден-Ба- к стр. 68 дене семейство своей ученицы М. П. Балабиной. Через Балабиных Гоголь познакомился с семьей князя Николая Григорьевича Репнина-Волконского; одна из сестер М. П. Балабиной, Елизавета Петровна, была замужем за его сыном князем Василием Николаевичем Репниным-Волконским.

Раштадт (Rastadt) — город в герцогстве Баденском, на р. Мур- к стр. 69 ге, до 1771 г. столица герцогства.

317. М. И. Гоголь

Poste restante — до востребования (*фр.*).

318. М. П. Погодину

Принимаюсь перечитывать вновь всего Вальтера Скотта, к стр. 70 *а там, может быть, за перо.* — Осенью 1836 г. А. А. Краевский, получив письмо от Гоголя, писал М. П. Погодину: «Гоголь живет теперь в двух верстах от Женевы, в деревне. Говорит, что бросил страннический посох и принялся за *большое дело,* за какое — не пишет; читает прилежно Мольера, Вальтера Скотта. Вся пройденная им Европа показалась ему трактиром: путешественники на каждом шагу; все только и делают, что пьют, едят да газеты читают. Все города оценяет он одною меркою, запахом: в этом городе нет вони, а в этом очень воняет, потому что льют нечистоты на улицу» (*Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1891. Кн. 4. С. 340–341).

319. Н. Я. Прокоповичу

Что вы делон<о>чки, мои краснотоночки? — Означает: «Что ты поделываешь, мой красненькой?» Красненькой — Н. Я. Прокопович. См. коммент. к письмам № 121, 268.

Сегодня поутру посетил я старика Волтера. Был в Фернее. — Согласно строкам письма Гоголя к матери из Женевы от 24 сентября / 6 октября 1836 г. (письмо № 321), он посетил Ферней не 27 сентября (как следует из настоящего письма), а 23 сентября / 5 октября: «Вчера я был в Фернее и посетил Вольтера». Сходство описаний этого посещения в том и в другом письме заставляет предполагать, что Гоголь посетил Ферней лишь однажды. При этом более свежими и «неоформленными» представляются впечатления, изложенные Гоголем в письме к Прокоповичу, вторичными, получившими литературную обработку, — описанные в более позднем послании к матери. На этом основании следует признать датой действительного посещения Гоголем Фернея 27 сентября (н. ст.) 1836 г., а слова в письме к матери от 5 октября (н. ст.): «Вчера я посетил Ферней», — объяснить стремлением писателя сохранить ощущение непосредственной близости описываемого события, а также избежать излишних подробностей в обобщающей картине его накапливающихся впечатлений (согласно совету Гоголя в позднейшей статье «О науке» (1845): «Смело поступи, как наш сказочный конь: мелкие кусты и травник промеж ног пропускает»).

Жюль — прозвище П. В. Анненкова. Как вспоминал Анненков, около 1832 г. Гоголь «дал всем своим товарищам по Нежинскому лицею и их приятелям прозвища, украсив их именами *знаменитых* французских писателей, которыми тогда восхищался весь Петербург. Тут были Гюго, Александры Дюма, Бальзаки и даже один скромный приятель, теперь покойный, именовался София Ге. Не знаю, почему я получил титул Жюль Жанена, под которым и состоял до конца» (*Анненков П. В.* Н. В. Гоголь в Риме летом 1841 года // *Анненков П. В.* Литературные воспоминания. М., 1989. С. 37–38). Об отношении Гоголя к модным французским знаменитостям см. в коммент. к строкам письма № 125 — *...романтизм решительно восторжествовал над классицизмом...* — в т. 10 наст. изд. См. также коммент. к письму № 268.

320. М. И. Гоголь

Автограф письма хранится: *ГИМ.* Ф. 446. Ед. хр. 41. Л. 20–21.

к стр. 74 *Неприятная новость...* — Кончина П. О. Трушковского.

321. М. И. Гоголь

к стр. 76 *Вчера я был в Фернее и посетил Волтера.* — В действительности в Фернее Гоголь был, по всей видимости, 27 сентября (н. ст.) 1836 г. (см. коммент. к письму № 319).

322. М. П. Балабиной

к стр. 77 *Hôtel du faucon* — гостиница сокола (*фр.*).

Monsieur, je vous servis... — Милостивый государь, потчую вас... (*фр.*).

Puis-je vous offrir... — Могу я вам предложить... (*фр.*) к стр. 78

Je vous demande pardon, monsieur. — Прошу прощения, милостивый государь (*фр.*).

Table d'hôte — общий обеденный стол (табльдот) (*фр.*). к стр. 79

323. А. С. Данилевскому

Печатается с дополнением по: Неизданные письма Гоголя. Первое из Лозанны. Второе из Рима. Третье из Франкфурта // Библиотека для Чтения: Журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод, издающийся под редакциею О. И. Сенковского и А. В. Старчевского. 1855. Т. 131. Май (цензурное разрешение 6 мая). С. 99–108; где было напечатано с предисловием от редакции, в котором сообщалось: «Любезное благорасположение А. С. Д<анилевского> предоставило нам несколько новых писем автора “Мертвых Душ”» (с. 101).

324. В. А. Жуковскому

Творец и переводчик «Шиль<онского> Узник<а>» — Байрон и В. А. Жуковский. к стр. 83

...в вашем доме... — В пансионе Блашне, где В. А. Жуковский жил во время своего пребывания в Шильоне в 1832–1833 гг.

...своего двоюродного брата... — Имеется в виду А. С. Данилевский.

Еще один Левиафан затевается. — Вероятно, имеется в виду драма из украинской истории (см. коммент. к <Наброскам и материалам драмы из эпохи Богдана Хмельницкого> в т. 7 наст. изд.). *Левиафан* — огромный морской зверь, упоминаемый в Библии; в переносном смысле — нечто огромное. к стр. 84

Place de la Bourse — Биржевая площадь (*фр.*).

Почечуй — геморрой. к стр. 85

325. М. П. Погодину

...издавать журнал... — К изданию журнала «Москвитянин» М. П. Погодин приступил в 1841 г.

...вздорную комедию... — «Женитьбу». к стр. 86

326. М. И. Гоголь

Jardin des plantes — ботанический сад (*фр.*). к стр. 88

327. М. И. Гоголь

...сестра благополучно разрешилась сыном. — Третий сын М. В. Трушковской Михаил родился после смерти отца и скончался через шесть недель после рождения. к стр. 89

Poste restante — до востребования (*фр.*).

328. Н. Я. Прокоповичу

к стр. 90 *...счастливцам праздным...* — Реминисценция из трагедии А. С. Пушкина «Моцарт и Сальери» (1830): «Нас мало избранных, счастливцев праздных, / Пренебрегающих презренной пользой, / Единого прекрасного жрецов».

Об делах Испании... — О борьбе за престолонаследие после смерти Фердинанда VII, о гражданской войне и разработке новой либеральной конституции в Испании.

Théâtre Français (Comédie Française) — Французский театр (Французская комедия; *фр.*) — драматический театр в Париже, основанный в 1680 г.

...день рождения Мольера. — 15 января (н. ст.) 1622 г.

к стр. 91 *...M-lle Mars* — мадемуазель Марс (*фр.*).

Ligier — Лижье (*фр.*).

...Людовика XI в пиэсе Делавиня... — В пьесе К. Ж. Ф. Делавиня «Людовик XI» (1832).

к стр. 92 *Далеко Гедеонову до Петрова дни...* — Парафраза пословицы «Далеко кулику до Петрова дня».

Жюль — прозвище П. В. Анненкова (см. коммент. к письму № 319).

...с *мамзель Жорж.* — С актрисой Жорж (сценическое имя Маргариты Веймер) был близок настоящий Жюль Жанен. В то время ей было 50 лет.

Porte St. Martin — театр в Париже, расположенный у ворот Св. Мартина.

Variété — варьете (*фр.*).

«Гугеноты» (1836) и *«Роберт»* («Роберт-дьявол», 1831) — оперы Мейербера.

Opera Comique — Комическая опера (*фр.*).

к стр. 93 *...каковы «Полководец» и «Капитанская дочь».* — Стихотворение А. С. Пушкина «Полководец» было напечатано в т. 3, повесть «Капитанская дочка» — в т. 4 «Современника» за 1836 г.

к стр. 94 *«Художественная Газета»* — Н. В. Кукольника, стала выходить в Петербурге с августа 1836 г.

«Босфор» — статья К. М. Базили, опубликованная в «Сыне Отечества» (1836. № 4) и вошедшая в отдельное издание «Босфор и новые очерки Константинополя» (В 2 ч. СПб., 1836).

...«Литературные Прибавления», которые издает Краевский... — «Литературные Прибавления к Русскому Инвалиду», издававшиеся в Петербурге с 1831 г. А. Ф. Воейковым, в 1837 г. были приобретены у него А. А. Краевским. Имя Гоголя было помещено в списке сотрудников, участвующих в издании.

к стр. 95 *...куплеты «Да здравствует нежинская бурса»...* — См. в т. 9 наст. изд.

330. Богдану Залесскому

Сояшныца (соняшница) — «боль в животе» (словарь «малорос- к стр. 96
сийских слов, встречающихся в первом и втором томах» собрания сочинений Гоголя 1842 г.).

Завійныця (завійниця) — «боль в животе» («Лексикон малороссийский» гоголевской «Книги всякой всячины»).

Лысый дидько — «домовой, демон» (словарь «малороссийских слов...»).

331. П. А. Плетневу

...никакой вести хуже нельзя было получить из России. — Извес- к стр. 97
тие о смерти А. С. Пушкина.

Via S. Isidoro, № 17, rimpetto alla chiesa S. Isidoro, vicino alla Piazza Barbierini. — Улица Св. Исидора, № 17, напротив церкви Св. Исидора, близ площади Барбьерини (*ит.*).

332. М. И. Гоголь

Папа — Григорий XVI. к стр. 98

333. М. П. Погодину

...о великости этой утраты. — Имеется в виду смерть к стр. 99
А. С. Пушкина. В феврале 1837 г. М. П. Погодин записал в своем дневнике: «*1 <февраля>*. Слух о смерти Пушкина. Не верится... *9–28 <февраля>*. Нап<исал> письма Гоголю и Шафарику» (Погодин М. П. Дневник. 1820–1840; РГБ. Ф. 231. Разд. I. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 138 об.). См. коммент. к письму П. А. Плетневу от 28 марта (н. ст.) 1837 г. (письмо № 331).

И теперешний труд мой... — «Мертвые души».

334. Н. Я. Прокоповичу

Зайди к Плетневу... послал ли он... деньги... — Речь идет к стр. 101
о деньгах, которые Гоголь должен был получить от А. Ф. Смирдина (см. письмо П. А. Плетневу от 28 марта (н. ст.) 1837 г. — № 331).

335. А. С. Данилевскому

Су — мелкая разменная монета во Франции. к стр. 102

Байок (байокко) — мелкая разменная монета в Италии.

...что в Париже вкус голодный изобретает для забав. — Цитата к стр. 103
из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина: «Все, чем для прихоти обильной / Торгует Лондон щепетильный / И по Балтическим волнам / За лес и сало возит нам, / Все, что в Париже вкус голодный, / Полезный промысел избрав, / Изобретает для забав, / Для роскоши, для неги модной, — / Все украшало кабинет / Философа в осьмнадцать лет»

(гл. 1, строфа XXIII). Мысль, заключенная в этой пушкинской строфе, является одной из ключевых для осмысления Гоголем новейшей европейской цивилизации в его собственных художественных произведениях. См. сопроводит. статьи к 1–6 т. наст. изд.

Чичерони (чичероне) — проводник (*ит.*).

...про какого Анненкова ты пишешь... — А. С. Данилевский писал Гоголю о Жанене — хозяине гостиницы, Гоголь думал о «Жюль Жанене» — П. В. Анненкове (см. коммент. к письму № 319).

Eaux Vives — предместье Женевы.

336. В. А. Жуковскому

к стр. 105 *...письмо, которое прилагаю...* — См. письмо Гоголя к Государю Императору от 18 апреля (н. ст.) 1837 г. (№ 337).

337. Государю Императору Николаю Павловичу

Впервые напечатано: *Виноградов И. А.* Неизвестное письмо великого русского писателя. Гоголь и монархия // Воскресная школа. 1998. Сент. № 34 (58). С. 7–10; см. также: *Виноградов И. А.* Спасен я был Государем. Неизвестное письмо Н. В. Гоголя к Императору Николаю Павловичу // Лит. Россия. 1998. 25 сент. № 39. С. 13. Напечатано также позднее, с ошибками, без указания на первую публикацию, в разделе «Документ публикуется впервые», в петербургском журнале «Клио»: *Штейн М. Г.* Об оказании Николаем I материальной помощи семье А. С. Пушкина и Н. В. Гоголю // Клио: Журнал для ученых. 2004. № 3 (26). С. 43.

Для настоящего издания текст письма подготовлен по автографу: Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург) (далее — *РГИА*). Ф. 1409. Собственная Его Императорского Величества Канцелярия. Оп. 2. Ед. хр. 6092. Л. 1–2 (бумага размером 26,5 × 20,5 с тиснением: венец в прямоугольной рамке).

Письмо Гоголя было прочитано Государем, который карандашом вынес на первой странице письма резолюцию: «Послать ему чрез нашу миссию 500 червонцев» (*РГИА*. Ф. 1409. Оп. 2. Ед. хр. 6092. Л. 1). Здесь же находятся две канцелярские пометы: «Получено от Государя Императора 8 июля 1837 года»; «Объявлено Высочайшее повеление министру финансов 10-го июля № 1155-й и писано г<-ну> Гоголю № 1136-й». Само письмо Гоголя помечено: «№ 1220-й».

В деле сохранился также ответ Департамента народного просвещения от 8 июля 1837 г. на запрос Императорской канцелярии о том, что адъюнкт-профессор Санкт-Петербургского университета, «Николай Васильев сын Гоголь-Яновский, по сему званию, приобрел право на чин 8 класса и при новом образовании университета уволен из оного 31 декабря 1835 года» (*РГИА*. Ф. 1409. Оп. 2. Ед. хр. 6092. Л. 3).

Согласно документам, хранящимся в Архиве внешней политики Российской империи (далее — *АВПРИ*), векселя на пожалован-

ную Гоголю сумму были отправлены 15 июля 1837 г. из Министерства финансов в Министерство иностранных дел — в возглавляемый графом Мих. Ю. Виельгорским Департамент хозяйственных и счетных дел.

«Министерство финансов. Особенная канцелярия. По кредитной части. Отделение 2. Стол 1. 15 июля 1837 г. № 3659. С препровождением 2 векселей для доставления г. Гоголю в Рим.

Министерства иностранных дел в Департаменте хозяйственных и счетных дел.

Г. статс-секретарь Танеев от 10-го сего июля № 1155 сообщил г. министру финансов, что Государь Император во внимание к крайне стесненному положению находящегося в Риме Русского Сочинителя, бывшего при С. Петербургском университете адъюнктом, Николая Гоголя, Всемилостивейше пожаловать ему соизволил в единовременное пособие пять сот червонных из Государственного казначейства, повелев сумму сию доставить ему, Гоголю, чрез нашу миссию. Во исполнение сего Особенная канцелярия по кредитной части имеет честь препроводить при сем первый и вторый векселя, на имя г. Гоголя, в *4 860 рублей ассигнац<иями>*, составляющих достоинство означенных 500 червонных, за вычетом 10 % в пользу увечных, покорнейше прося Департамент хозяйственных и счетных дел учинить распоряжение о доставлении сих векселей чрез миссию в Риме к г. Гоголю и о последующем Кредитную канцелярию уведомить.

Директор <*подпись нрзб.*>. Начальник отделения Б. Ате<*нрзб.*>» (*АВПРИ*. Ф. 339. Оп. 926. Ед. хр. 25. Л. 1–2; векселя были получены в Министерстве иностранных дел 16 июля 1837 г., отношение было помечено № 3792).

После отправления векселей был составлен официальный ответ министра финансов графа Е. Ф. Канкрина об исполнении Именного повеления, с пометой канцелярии: «Его пре<восходительст>ву А. С. Танееву. № 1292».

«Министерство финансов. Особенная канцелярия. По кредитной части. Отделение 2. Стол 1. 15 июля 1837 г. № 3669.

Милостивый государь, Александр Сергеевич. Во исполнение Высочайшего повеления в отношении Вашего превосходительства от 10-го сего июля № 1155, учинив распоряжение о доставлении в Министерство иностранных дел, для отправления чрез миссию нашу в Риме, к находящемуся там русскому сочинителю, бывшему при С.-Петербургском университете адъюнктом, Николаю Гоголю, первого и второго векселей в 4 860 руб<лей> ассиг<нациями>, составляющие всемилостивейше пожалованные ему, в единовременное пособие, 500 червон<ных>, за вычетом из оных 10 % в пользу увечных, имею честь о том Вас, милостивый государь, уведомить.

С совершенным почтением и преданностию имею честь быть Вашего превосходительства покорнейший слуга *Гр<аф> Канкрин*» (*РГИА*. Ф. 1409. Оп. 2. Ед. хр. 6092. Л. 4).

16 июля 1837 г. граф Мих. Ю. Виельгорский известил Кредитную канцелярию Министерства финансов о получении векселей:

«<По> № 3792. Министерство иностранных дел. Департамент хозяйственных и счетных дел. Отделение 1. Стол 2. Июля 16 дня 1837. № 3287.

Министерство фин<ансов> в Особенную канцелярию по кредитной части.

Присланные при отношении сей Канцелярии от 15 июля под № 3659 первый и вторый векселя на сумму Всемилостивейше пожалованную находящемуся в Риме Русскому Сочинителю, бывшему в П. Бургском университете адъюнктом Николаю Гоголю, в Деп<артамен>те хоз<яйственных> и с<четных> д<ел> получена.

О чем сей Деп<артамен>т имеет честь уведомить Особ<енную> канц<елярию> по кредитной части.

(Под<писали>) Директор Гр<аф> Виельгорский. Нач<альник> отделения Яковлев. Верно: Старший помощник столонач<альника> Дементьев» (*АВПРИ.* Ф. 339. Оп. 926. Ед. хр. 25. Л. 4; черновое).

В тот же день Виельгорский отправил первый вексель на имя Гоголя в Рим российскому поверенному в делах П. И. Кривцову, извещая его о том, что второй вексель будет послан со следующей почтой.

«По № 3792. Министерство иностранных дел. Департамент хозяйственных и счетных дел. Отделение 1. Стол 2. Июля 16 дня 1837. № 3286.

Г. Поверенному в делах при Римском Дворе.

Г. статс-секретарь Танеев сообщал г. министру финансов, что Государь Император во внимание к стесненному положению находящегося в Риме Русского Сочинителя, бывшего при С.-Петербургском университете адъюнктом, Николая Гоголя, Всемилостивейше пожаловать ему соизволил в единовременное пособие пять сот червонных из Государственного казначейства.

Во исполнение сей Монаршей воли министр финансов доставил в Деп<артамен>т хоз<яйственных> и с<четных> д<ел> первый и вторый векселя, на имя г. Гоголя, в 4 860 р<ублей> асс<игнациями>, составляющие за вычетом 10% в пользу увечных достоинство означеннных 500 червонных.

Деп<артамен>т хоз<яйственных> и с<четных> д<ел>, поставляя долгом препроводить к Вашему Высокобл<агородию> из сих векселей первый вексель, покорнейше просит выдать оный по принадлежности под росписку и оную прислать в Деп<артамен>т. Вторый вексель на вышепрописанную сумму отправлен будет к Вам на следующей почте.

(Под<писали>) Директор Гр<аф> Виельгорский. Нач<альник> отдел<ения> Яковлев. Верно: Старший помощник столонач<альника> Дементьев» (*АВПРИ.* Ф. 339. Оп. 926. Ед. хр. 25. Л. 3; черновое).

20 июля 1837 г. из Департамента хозяйственных и счетных дел был отправлен П. И. Кривцову второй вексель на имя Гоголя:

«По № 3792. Кривцову. Министерство иностранных дел. Департамент хозяйственных и счетных дел. Отделение 1. Стол 2. Июля 20 дня 1837. № 3346.

Г. Поверенному в делах при Римском Дворе.

При отношении Департамента хоз<яйственных> и сч<етных> дел от 16 июля, под № 3286-м, отправлен был к В<ашему> В<ысоко> Б<лагородию> первый вексель в 4 860-х <рублях> ас<сигнациями>, составляющих достоинство 500 червонных, на имя находящегося в Риме Русского Сочинителя, бывшего при С.-Петербургском университете адъюнктом, Николая Гоголя, Всемилостивейше пожалованных ему в единовременное пособие [из Государственного казначей<ства>].

Ныне Департамент хоз<яйственных> и сч<етных> <дел>, почитая долгом препроводить при сем на вышеприсанную сумму вторый вексель, покорнейше просит В<аше> В<ысоко> Б<лагородие> о получении оной уведомить Департамент.

(Под<писали>) Заведыв<ающий> делами Департамента Орлов. Нач<альник> отделения Яковлев. Верно: Старший помощник столонач<альника> Дементьев» (*АВПРИ.* Ф. 339. Оп. 926. Ед. хр. 25. Л. 5; черновое).

Векселя были получены в Риме в начале августа 1837 г. Спустя два месяца, 14 октября (н. ст.), П. И. Кривцов извещал Департамент хозяйственных и счетных дел:

«Министерство иностранных дел. Императорская Российская миссия в Риме. О получении векселей на имя г. Гоголя. Рим. Октября 2-го / 14-го дня 1837 года. № 945.

В Департамент хозяйственных и счетных дел.

Препровожденные ко мне при почтеннейших отношениях оного Департамента от 16-го и 20-го июля с<его> г<ода> под № 3286 и 3346-ми один первый и вторый векселя в 4 860-х <рублях> ас<сигнациями>, Всемилостивейше пожалованных Русскому сочинителю, бывшему при С.-Петербургском университете адъюнктом Николаю Гоголю, я получил в свое время, но по отбытии из Рима сего последнего и по неизвестности его местопребывания удержал оные векселя при мне. Нынче известившись партикулярным образом, что г. Гоголь намеревался провести зиму в г. Лозан<н>е, я поспешил отправить вышеозначенные векселя к нашему посланнику при Швейцарском союзе, с просьбою доставить оные по принадлежности под росписку и сию последнюю препроводить в Департамент хозяйственных и счетных дел. *П. Кривцов*» (*АВПРИ.* Ф. 339. Оп. 926. Ед. хр. 25. Л. 6).

Спустя полтора месяца после отправления письма к Государю, Гоголь писал Н. Я. Прокоповичу: «Прежде всего узнай от Плетнева насчет письма к Государю...» (письмо от 3 июня (н. ст.) 1837 г.). 12 июня (н. ст.) 1837 г. он сообщал матери: «Я проживу, думаю, всё лето в Риме. На один месяц, впрочем, еду в Швейцарию попробовать новых минеральных вод...» Выехав тогда из Рима и побывав

в охваченной междоусобной войной Испании и Португалии, в Германии и Швейцарии, Гоголь вернулся в Рим только в конце ноября 1837 г. (до 30-го числа н. ст.).

19 сентября (н. ст.) 1837 г. он писал Н. Я. Прокоповичу из Женевы: «...я в большой крайности... Опять повторяю тебе прежнюю просьбу. Если у тебя не случится теперь 1 500 рублей, а из банка нельзя будет взять скоро, то продай мою библиотеку... Мутно и туманно всё кажется после Италии... И как вспомню, что я должен буду прожить месяц, а может быть, и более, вдали от нее (холера, по всем вероятьям, не оставит Рим раньше месяца), то мне кажется, я заживо вижу перед собою вечность». В письме из Женевы от первых чисел октября (н. ст.) 1837 г., поздравляя мать с именинами (1/13 октября), Гоголь писал: «Хорошо, что я в то время выехал из Италии, потому что без меня явилась там холера и пожрала множество людей. Теперь она почти проходит, но я обожду в Женеве до тех пор, пока она исчезнет там совершенно, что, полагаю, должно сбыться в продолжение месяца непременно, потому что, по последним известиям из Рима, уже сняты даже карантины, и все выздоравливают... Если вы успеете получить мое письмо по крайней мере 5 октября по вашему стилю, то пишите ответ в Женеву, когда же нет, то адресуйте в Рим». Очевидно, Гоголь предполагал пробыть в Женеве до конца октября — начала ноября (н. ст.) 1837 г.

Вернуться в Рим Гоголь смог благодаря полученному — по-видимому в первой половине ноября (н. ст.) 1837 г. — в Женеве векселю. (Судя по дате, поставленной Гоголем на <Письме из Рима к редактору журнала «Современник» П. А. Плетневу>, деньги были получены Гоголем 2 ноября (н. ст.) 1837 г.; см. коммент. к этому произведению в т. 7 наст. изд.) Позднее, в апреле 1838 г., он писал М. П. Балабиной: «Когда я жил в Швейцарии, где, по причине холеры, я остался гораздо <долее>, нежели сколько думал, я не мог дождаться часа, минуты ехать в Рим; и когда получил в Женеве вексель, который доставил мне возможность ехать туда, я так обрадовался этим деньгам, что если бы в это время нашелся свидетель моей радости, то он бы принял меня за ужасного скрягу и сребролюбца».

24 ноября (н. ст.) Гоголь был уже проездом в Милане, откуда писал матери: «Я пробыл в Женеве больше, нежели думал (ожидая из Петербурга нужных для меня писем). Рассчитавши, что с тех пор, как я писал к вам, есть уже месяц, я решился писать прежде прибытия в Рим, где, без сомнения, находятся ваши письма, чтобы вы не беспокоились насчет моего здоровья и прочего. Я с большою радостью оставил наконец Женеву...»

Приехав в Рим, Гоголь 30 ноября (н. ст.) 1837 г. сообщал В. А. Жуковскому (письмо было, по-видимому, намеренно датировано самим Гоголем не ноябрем, а октябрем; см. коммент. к этому письму — № 348): «Я получил данное мне великодушным нашим Государем вспоможение. Благодарность сильна в груди моей, но излияние ее не достигнет к его престолу. Как некий бог, он сыплет

полною рукою благодеяния и не желает слышать наших благодарностей. Но, может быть, слово бедного при жизни поэта дойдет до потомства и прибавит умиленную черту к его царственным доблестям... Вексель с известием еще в августе месяце пришел ко мне в Рим, но я долго не мог возвратиться туда по причине холеры».

В тот же день, 30 ноября (н. ст.) 1837 г., Гоголь писал Н. Я. Прокоповичу (датировка письма также уточнена): «Я рад, что у тебя не отнял денег, которые, может быть, тебе нужны самому и которые я просил у тебя взаймы. Я получил от Государя, спасибо ему, почти неожиданно и теперь не нуждаюсь».

Чувство благодарности за оказанную помощь даже побудило Гоголя предпринять шаги к публичному выражению признательности Государю. Вместе с письмом к Прокоповичу 30 ноября (н. ст.) 1837 г. он послал Плетневу в Петербург письмо, которое подготовил для публикации в журнале (см. подробнее коммент. к <Письму из Рима к редактору журнала «Современник» П. А. Плетневу> в т. 7 наст. изд.). «Знайте обо мне, — писал здесь Гоголь, — что я счастлив как нельзя больше: добрый Государь наш (храни его за это Бог!), пожаловавши мне 5 000 руб., дал мне средство, по крайней мере, полтора года прожить безбедно в Италии».

Публикация в «Современнике» письма к Плетневу (прошедшего даже цензуру) не состоялась, тем не менее само прошение Гоголем помощи у Государя не осталось неизвестным современникам и породило недоброжелательные об этом слухи, которые дошли даже до матери, жившей за много верст от Петербурга, в Полтавской губ. Об этих нелепых слухах — полностью опровергаемых содержанием письма Гоголя к Императору — она сообщала в письме к сыну от июля 1838 г., а также в письме к А. А. Трощинскому от 4 июня 1838 года (см. коммент. к письму № 399). Содержание этого письма матери Гоголь пересказал в письме к А. С. Данилевскому от 25 марта (н. ст.) 1839 г. (письмо № 399).

Подробнее о письме см.: *Виноградов И. А.* «Спасен я был Государем». Неизвестное письмо Н. В. Гоголя к Императору Николаю Павловичу и его отношение к монархии. // Литература в школе. 1998. №7. С. 5–22.

Вы склонили Ваше Царское Внимание к слабому труду моему... — Об отношении Императора Николая I к комедии «Ревизор» см. в коммент. в т. 4 наст. изд. Незадолго до получения прошения Гоголя, весной 1837 г., Император, получив письмо от Наследника, где тот сообщал, что вышневолочский городничий напомнил ему «своей турнюрой» «городничего из “Ревизора”» (Государь и Наследник присутствовали в 1836 г. на первом и третьем представлениях «Ревизора» в Александринском театре), отвечал сыну: «Не одного, а многих увидишь подобных лицам “Ревизора”, но остерегись и не показывай при людях, что смешными тебе кажутся, иной смешон по наружности, но зато хорош по другим важнейшим достоинствам, в этом надо быть крайне осторожным» (письмо от 8 мая

1837 г.). Наследник прислушался к совету отца и 19 мая писал: «Мы ночевали в доме помещицы Жадовской... сын ее отставной офицер нас угощал, он должен быть удивительный чудак и напомнил мне Петра Ивановича Бобчинского, наподобие его он просил одной только милости, чтобы довести до Твоего сведения, что я ночевал в его доме. Но и при сем случае я припомнил Твое наставление, любезный Папа, чтобы не показывать вид другим, что кажется смешным». 25 мая Николай Павлович отвечал: «Смеялся я, читав сцену с Бобчинским, хорош, должен быть, гусь; но спасибо тебе, что <приучился> не показывать смеху при других» (Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год. Сост. Л. Г. Захарова, Л. И. Тютюник. М., 1999. С. 30, 41, 130, 134).

338. А. С. Данилевскому

к стр. 108 *Piazza di Spagna, Piazza Barberia* — площади в Риме.

Appartements meuble<s> — меблированные квартиры (*фр.*).

339. Н. Я. Прокоповичу

Полковник — Так Гоголь называл в шутку А. С. Данилевского.

к стр. 109 *Друг попечительный...* — Неточная цитата из элегии Е. А. Баратынского «Разуверение» (1821).

...получил ли Жуковский мое письмо... — Имеются в виду письма № 336 и 337.

к стр. 110 *...первую книжку «Современника» на этот год.* — См. коммент. к письму № 344.

«Ундина» — «Ундина, старинная повесть, рассказанная в прозе бароном Ламот Фуке, на русском в стихах В. Жуковским» (СПб., 1837).

Горчаков — князь Александр Михайлович.

Кривцов — Павел Иванович.

...в какие корпуса ходишь. — 10 июля 1836 г. Н. Я. Прокопович был утвержден в должности преподавателя русского языка и словесности в Первом кадетском корпусе в Петербурге.

Повестоночки, стишоночки... кусоночки — См. коммент. к письму № 268.

к стр. 111 *...круг... из трех только лиц...* — Гоголь, Прокопович и Данилевский.

М. Мелентьевой... — М. А. Мелентьева, классная дама в Патриотическом институте в 1829–1844 гг. В 1829–1831 гг., до прихода в институт Гоголя, она, в частности, исполняла здесь должность учителя истории. Мелентьева, которую Гоголь называл «очень доброй и милой», присматривала в институте за его сестрами (см. также письмо Гоголя к А. С. Данилевскому от 30 июня (н. ст.) 1838 г. — № 366).

342. В. О. Балабиной

A propos — кстати (*фр.*). к стр. 114

Боюдони — Вероятно, фамилия ресторатора. к стр. 115

Смирнова — А. О. Смирнова.

343. Н. Я. Прокоповичу

На письме имеется карандашная помета Прокоповича: «1837».

Я посылаю в начале следующего года печатать мою крупную вещь... — Имеется в виду поэма «Мертвые души».

...письмо мое из Рима? — Письмо Гоголя к Прокоповичу от 3 июня (н. ст.) 1837 г. (№ 339).

...два письма в Институт. — письма к сестрам и классной даме М. А. Мелентьевой.

В Свешном переулке, что близ Владимирской, в доме Б. Врангеля. — К адресу Гоголя другой рукой приписано: «В 9 линии, дом Желтоухова». к стр. 116

344. Н. М. Смирнову

Зарг — Лицо неустановленное.

Тургенев — Александр Иванович.

На письмо мое, писанное из Рима... — Письмо Гоголя к Жуковскому из Рима от 18/6 апреля 1837 г. к стр. 117

...первую книжку Современника. Там есть стихи Пушкина под названием: Отрывок, в которых он говорил, как он посетил свою деревню... — Имеется в виду «первая» за 1837 г. «книжка» журнала «Современник» (т. 5), где впервые было напечатано стихотворение Пушкина «Вновь я посетил...» (1835) (см. также коммент. к письму № 339). В следующем томе «Современника» за 1837 г. (т. 6; цензурное разрешение 2 мая) были напечатаны «Петербургские записки 1836 года» Гоголя.

345. Н. Я. Прокоповичу

...продай мою библиотеку. — Продажа библиотеки не состоялась. Прокопович занял 1 500 рублей и отправил их Гоголю в Женеву с просьбой вернуть по возможности скорее. Однако письмо и деньги, не застав Гоголя, «месяца два» пролежали в Женеве, потом были отправлены к банкиру Валентини, который задержал их еще на два месяца, и лишь в половине апреля 1838 г. попали к Гоголю (см. письма к Н. Я. Прокоповичу от 27 апреля — 1 мая (н. ст.) и А. С. Данилевскому от 13 мая (н. ст.) 1838 г. — № 357, 360). к стр. 118

...получил 1 000 рублей от Плетнева... — Вероятно, эти деньги были присланы П. А. Плетневым от книгопродавца А. Ф. Смирдина (см. письма № 311, 334).

...на следующий год едет Наследник, а с ним... Жуковский... в Италию. — Это событие произошло в конце декабря 1838 г. к стр. 119

к стр. 119 *Растат* — Раштадт. См. коммент. к письму М. И. Гоголь от 14 августа (н. ст.) 1836 г. — № 316.

346. М. И. Гоголь

к стр. 120 *Коля* — племянник Гоголя Н. П. Трушковский.

Олинька — сестра Ольга Васильевна.

347. М. И. Гоголь

На письме имеется помета чернилами неизвестной рукой: «25 ноября 1837».

к стр. 121 *Семплон* (Симплон, Simplon, Sempione) — знаменитый горный перевал в Альпах, через который проходит известная с глубокой древности дорога из Швейцарии в Северную Италию. Почтовая станция Симплон расположена на высоте 1513 метров.

...про Изолубеллу... — Изола Белла (Isola Bella), красивейший из Барромейских островов на Лаго-Маджиоре в Северной Италии.

348. В. А. Жуковскому

Датировка письма уточнена. Гоголь вернулся в Рим лишь в конце ноября (н. ст.) 1837 г. Он датирует свое письмо октябрем (а не ноябрем), возможно, по ошибке, но скорее всего — во избежание недоразумений, которые могли бы возникнуть у В. А. Жуковского и его окружения при последующей публикации гоголевского <Письма из Рима к редактору журнала «Современник» П. А. Плетневу> (условно датированного Гоголем временем получения в Женеве денежной помощи от Государя — «2 ноября 1837 г.»; см. коммент. к этому произведению в т. 7 наст. изд.). Примечательно, что в настоящем письме (так же, как в <Письме из Рима к редактору журнала «Современник» П. А. Плетневу>) Гоголь умалчивает, что посланные Государем деньги он получил не в Риме, а в Женеве.

к стр. 122 *Я получил данное мне великодушным нашим Государем вспоможение.* — См. коммент. к письму № 337.

к стр. 123 *...это, которое пишу ныне...* — Поэма «Мертвые души».

349. Н. Я. Прокоповичу

Датировка письма уточнена. В настоящем письме Гоголь обращается к Н. Я. Прокоповичу: «Я тебя просил выслать мне мои рукописи — все совершенно, без исключения... Если достанешь еще какие-нибудь дела — попроси от меня Пащенка... отнеси всё это к m-r Pongis... Если что-нибудь вышло по части русской исто<рии>, издания Нестора, или Киевской летописи, Ипатьевской, или Хлебниковского списка — пожалуйста, пришли. Если вышел перевод Славянской истории Шафарика или что-нибудь относительно славян, или мифол<огии> слав<янской>, также какие-нибудь акты

к древней русск<ой> истории, или хорошее издание русских песень, или малорос<сийских> песень, — всё это возьми у Смирдина, пусть поставит на мой счет; так же, если есть что новое насчет раскольничьих сект».

Позднее, в письме к Прокоповичу от 27 апреля — 1 мая (н. ст.) 1838 г. (№ 357), Гоголь спрашивал: «Получил ли ты мою маленькую записочку, которую я вложил в письмо к Плетневу и в которой я просил тебя выслать мне все мои рукописи и к тому числу присовокупить несколько новых замечательных книг, "Современник" и прочее, что ты найдешь достойным, которые взять от имени моего у Смирдина с тем, чтобы он поставил мне их на счет, особенно книг относит<ельно> ист<ории> славянской и русской, русских обрядов, праздников и раскольничьих сект, и попросить у Пащенка, Ивана Григорьевича, очень приятного, полезного и хорошего человека, чтобы он совершил небольшого роду похищение каких-нибудь казусных дел... Всё это, как я тебе говорил, ты переправоди к m-r Pongis».

Очевидно, что речь в данном письме идет именно о комментируемом письме к Прокоповичу. Судя по сообщению от 27 апреля — 1 мая (н. ст.) 1838 г., что послание было вложено «в письмо к Плетневу», следует предположить, что записка к Прокоповичу была отправлена при письме Гоголя к Плетневу, предназначавшемся для публикации в журнале «Современник» и условно датированном: «Рим. 2 ноября 1837 г.». (В обоих письмах Гоголь упоминает о денежной помощи, полученной от царя, что также может служить свидетельством одновременного их отправления.) Можно было бы предположить, что в письме к Плетневу Гоголь просто ошибочно написал ноябрь вместо декабря, однако, как позволяют судить факты биографии Гоголя, дата здесь не связана с ошибкой, а является «знаковой». (Исходя из условной датировки письма к Плетневу, Гоголь также помечает письмо к В. А. Жуковскому от 30 ноября (н. ст.) 1837 г. — в свою очередь, не ошибочно, а намеренно — октябрем; см. коммент. к этому письму — № 348). В литературном письме к Плетневу Гоголь намеревался публично выразить благодарность Государю за оказанную материальную помощь — полученную Гоголем в Женеве, по-видимому, именно 2 ноября (н. ст.) 1837 г. Эту памятную дату Гоголь и ставит в письме (см. подробнее коммент. к <Письму из Рима к редактору журнала «Современник» П. А. Плетневу> в т. 7 наст. изд.). Когда реально было написано и отправлено Гоголем письмо к Плетневу (и, соответственно, вложенное в это письмо послание к Прокоповичу), можно судить лишь по карандашной помете рукою Прокоповича, сделанной на полученном письме: «1837», а также из того, что Гоголь прибыл в Рим в конце ноября (н. ст.) 1837 г. Судя по письму Гоголя к В. А. Жуковскому от 30 ноября (н. ст.) 1837 г. (которое прямо связано с литературным письмом к Плетневу), в этот день, сразу по приезде в Рим, он написал несколько писем (помимо письма Жуковскому, послания к А. О. Смирновой и А. Н. Карамзину,

которые не сохранились). Возможно, в этот же день были отправлены и письма к Плетневу и Прокоповичу.

...Strada Felice... ultimo piano. — Улица Феличе... верхний этаж (*ит.*).

350. М. И. Гоголь

Содержание первой части письма связано с доселе непроясненными биографами Гоголя фактами. Дошедшие до М. И. Гоголь слухи, что ее сын собирается принять католичество, связаны, вероятно, с общением его в Риме с княгиней З. А. Волконской, с 1829 г. жившей в Италии. Ревностная католичка, тайно оставившая православие еще будучи в России, Волконская старалась о переходе в католичество своих соотечественников (см., в частности, коммент. к «Ночам на вилле» в т. 7 наст. изд.). Спустя два с половиной месяца после отправления настоящего письма, в марте 1838 г., Гоголь познакомился через нее с двумя молодыми польскими монахами, ксендзами Петром Семененко и Иеронимом Кайсевичем, также пытавшимися привлечь его к католичеству. 17 марта (н. ст.) 1838 г. П. Семененко писал из Рима Богдану Яньскому, основателю нового католического монашеского ордена: «В разговоре он (Гоголь. — *И. В., В. В.)* нам очень понравился. У него благородное сердце, притом он молод; если со временем глубже на него повлиять, то, может быть, он не окажется глух к истине и всею душою обратится к ней. Княгиня (З. А. Волконская. — *И. В., В. В.*) питает эту надежду, в которой и мы сегодня несколько утвердились» (цит. по: *Кочубинский А. А.* Будущим биографам Гоголя // Вестник Европы. 1902. № 2. С. 650). Иероним Кайсевич даже посвятил Гоголю сонет (см. коммент. к письму № 355). Однако усилия княгини Волконской и ксендзов оказались тщетными. (См. также по этому вопросу: *Лященко А.* Об отношении Гоголя к католичеству // Литературный Вестник. 1902. № 1; *Солоухин В.* Камешки на ладони // Новый мир. 1986. № 8; *Барабаш Ю.* «Тайная любовь» Гоголя? Мифы старые и новые // Вопросы литературы. 1987. № 1; *Виноградов И. А.* «Тарас Бульба» и отношение Н. В. Гоголя к католицизму (к изучению вопроса) // Гоголезнавчі студії. Ніжин, 1997. Вып. 2; *Виноградов И. А.* Гоголь — художник и мыслитель: Христианские основы миросозерцания. М., 2000).

к стр. 125 *...как религия наша, так и католическая совершенно одно и то же... Та и другая признают Одного и Того же Спасителя нашего...* — Судя по другим высказываниям Гоголя (см. коммент. к строкам статьи «Просвещение» — *... одной — подобно скромной Марии... другой же — подобно заботливой хозяйке Марфе...* — в т. 6 наст. изд., к строкам <Начала исторического романа> — *У него еломок краше, чем ваша холопска вяра...* — в т. 7, к письму графине А. М. Виельгорской от 30 марта 1849 г. в т. 15 и к повести «Тарас Бульба» в т. 2), можно предположить, что в основе такого утверждения лежало особенное понимание слов св. апостола Павла в Послании

к Филиппийцам: «Как бы ни проповедали Христа, притворно или искренно, я и тому радуюсь, и буду радоваться» (гл. 1, ст. 18). «Основываясь на этом, — замечает в своих Толкованиях блаженный Феофилакт, архиепископ Болгарский, — некоторые неразумные заключили, что Павел дал начало ересям... Но... те, о которых он говорит, не ввели ложного учения, но проповедовали истинное, хотя неправо и не с истинным намерением». Враждуя против Павла (говорит святитель Иоанн Златоуст в одном из похвальных слов апостолу) и «желая раздражить Нерона, врага Павлова, они сами берутся за проповедование, дабы при большем распространении учения и умножения учеников более воспламенить ярость тирана...» (с этим Словом Гоголь был знаком по «Христианскому Чтению» за 1841 г., откуда зимой 1843/44 г. сделал несколько выписок).

352. М. И. Гоголь

Печатается по автографу: *ГИМ*. Ф. 446. Ед. хр. 41. Л. 47–48.

Владимир Юрьевич Леонтиев — генерал, сводный брат А. А. Трощинского. **к стр. 128**

...две толстые рукописные книги... — Собрание украинских народных песен З. Доленги-Ходаковского. **к стр. 129**

353. А. С. Данилевскому

Впервые напечатано: Неизданные письма Гоголя. Первое из Лозанны. Второе из Рима. Третье из Франкфурта // Библиотека для Чтения: Журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод, издающийся под редакциею О. И. Сенковского и А. В. Старчевского. 1855. Т. 131. Май (цензурное разрешение 6 мая). С. 101–105; с предисловием от редакции, в котором сообщалось: «Любезное благорасположение А. С. Д<анилевского> предоставило нам несколько новых писем автора “Мертвых Душ”» (с. 99). «Письмо это, как видно по синему почтовому штемпелю, получено в Париже 8 марта 1838 года, а отправлено из Рима 26 февраля» (Там же. С. 105).

...в первых числах ноября. — Гоголь приехал в Рим в конце ноября 1837 г. **к стр. 130**

Poste restante — до востребования (*фр.*).

...ломбо (lombo) *di mongana...* — телячья грудинка (*ит.*).

Ноэль — француз, обучавший Гоголя и Данилевского разговорному французскому языку. **к стр. 131**

Роберт — Леопольд (1794–1835) французский художник. Гоголь, по-видимому, имеет в виду его картину «Карнавал в Венеции».

Корсо (corso; *ит.*) — проспект, улица.

Скудо — старинная итальянская серебряная монета.

Боргези (Боргезе) — знатная римская фамилия, владевшая в Риме знаменитой виллой.

к стр. 131–132 *...которым и больно и смешно...* — Вольная цитата из «Евгения Онегина» (гл. 5, строфа II).

к стр. 132 *Братья Крашенинниковы* — знакомые Гоголя, художники.

Кричевский — доктор в Полтаве.

Сестру мою зудит страшным образом выходить замуж... — Речь идет о старшей сестре Гоголя Марье Васильевне, овдовевшей после смерти П. О. Трушковского.

к стр. 133 *Песнь Невская* — стихотворение княгини З. А. Волконской (см. в т. 17 наст. изд.).

354. М. П. Балабиной

к стр. 135 *Нибби* — Здесь: путеводитель по Риму, составленный Нибби (Небби).

к стр. 136 *Мейер* — археолог, один из общих римских знакомых Балабиных и Гоголя.

355. Князю В. Ф. Одоевскому

...имен, унесенных из Родины; но, переселенцы, они дышат там не так, как цветы, пересаженные [на солнце] в теплицу, нет, они там живут живее, чем жили прежде. — Вероятно, нечто подобное Гоголь говорил позднее Иерониму Кайсевичу (см. коммент. к письму № 53), который в апреле 1838 г. как бы в продолжение беседы посвятил ему сонет:

Н. Гоголю

Видел я цветок прекрасный, пересаженный с поля,
Водой ключевой заботливо поливаемый,
И солнцем освещенный, и за стеклом согретый,
Но все-таки теряющий красу и печально поникший.
Видел я певца с Днепровской стороны,
Хоть сердцем и умом щедро наделенного
И возросшего в райской земле, засеянной вдохновением,
Но все же осененного неясной болью.
Пришла весна, открыли прозрачную темницу:
Цветок, душистым фиалом приветствуя обнаженный луч,
Теплой росой утоляет долгую жажду.
И ты, вестник, будешь избавлен от мертвящей суши,
И песнь горняя сильней затронет грудь братьев,
Только росе небесной не закрывай души.

(*X. Pawel Smolikowski.* Historya Zgromadzenia Zmartwychwstania Panskiego. <*Ксендз Павел Смоликовский.* История Общества Воскресения Господня.> Краков, 1893. Т. 2. С. 115. Подстрочный перевод с польского Е. Ю. Марченко).

356. А. С. Данилевскому

19 апреля (н. ст.) 1838 г. И. Ф. Золотарев писал также А. С. Данилевскому: «Гоголь и я ждем тебя и не дождемся; так я и уезжаю в Неаполь, но хотел бы по возврате в Рим найти тебя подле меня и Гоголя нашим общим соседом. Он в *Strada Felice* (Страда Феличе, в настоящее время — Виа Систина. — *И. В., В. В.*), а я в *Via St. Isidore* (№ 17), где некогда жил наш Кипренский, а потом наш Гоголь, — ты мог опять поселиться в Purificazione, теперь, конечно, для тебе печальной и осиротевшей. Приезжай помянуть былое, отыскать тот крест смиренный, под коим улегся прах ее, и склониться перед ним печальной головой, и разнежиться умиленною мечтою, — не так ли?.. Во всяком случае, ты много бы обрадовал и Гоголя и меня твоим приездом, и украсил бы, оживил бы нашу жизнь в Риме, и наши имеющие быть прогулки в Альбано, Фраскати, Тиволи и Дженсано, и в Компанию также. В Рим — как в роман, или в огромную повесть все вчитываешься далее и более, и более и более находишь красоты... (слова: «или в огромную повесть», — вписаны; см. коммент. к строкам <Письма из Рима к редактору журнала «Современник» П. А. Плетневу> — *Князь Вяземский очень справедливо сравнивает Рим с большим прекрасным романом...* — в т. 7 наст. изд. — *И. В., В. В.*) Что за природа, и что за история. Что за кипарисы — и что за развалины... А виллы-то — и окрестности Рима... Все это хорошо бы было обойти нам вместе с тобою! Я все-таки думаю, что, воротясь сюда из Неаполя, найду тебя. Бросай же Париж и садись на Лионский дилижанс... Что тебе теперь в Париже, *Гризи* уехала, и *Рубини* с нею; приближается время духоты, жару, пыли и зловонных испарений. А здесь-то... много света, теплоты и отрады, — и даже найдешь сестер, родных сестер *Гризи*. Итак, в Рим, во что бы то ни стало!.. Спешу к Гоголю. Уже 10-й час. С ним вместе сегодня завтракаем и отправляемся в Ватикан. Обнимаю тебя от души, — до свидания в Риме... Пишите ко мне, адрес письма на имя Гоголя. Strada Felice, 126. Золотарев» (*РГБ*. Ф. 74. К. 8. Ед. хр. 23. Л. 1–2; почтовая бумага: украшенный виньетками горизонтальный прямоугольник с двумя готическими инициалами внутри: «H. Z»; частично опубл.: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя в 4 т. Т. 3. С. 213–214).

Accidente — случайности (*um.*).

...которых мы обязаны любить и почитать, и с рождеством их поздравлять, чтоб в остальное время года о нас не думали они. — Неточная цитата из «Евгения Онегина» (гл. 4, строфа XX). к стр. 138

...проездиться в Семереньки, то есть в Неаполь, и в Толстое, то есть во Фраскати или в Альбани. — Семереньки и Толстое — имения Данилевских близ гоголевской Васильевки.

...не догадался списать для меня ни Египетских ночей, ни Галуба... — «Египетские ночи» А. С. Пушкина и «Галуб» М. Ю. Лермонтова были помещены, соответственно, в № 4 и 3 «Современника» за 1837 г.

...поэму Мицкевича... Пан Тадеуш. — Вышла в свет в 1834 г.

к стр. 139 *Bon goût* — трактир в Риме.

Кафе Grec — кафе «Греко» в Риме.

Козлов — Николай Илларионович, медик, впоследствии начальник Медицинской академии (возможно, Гоголь имеет в виду его брата Аполлона Илларионовича).

357. Н. Я. Прокоповичу

к стр. 140 *Получил ли ты... записочку...* — Имеется в виду письмо Н. Я. Прокоповичу от 30 ноября (н. ст.) 1837 г. (№ 349).

...прилагаемое письмо... сестрам... — Письмо № 358.

к стр. 141 *Белоусов* — Николай Григорьевич.

Жюль — П. В. Анненков. См. коммент. к письму № 319.

Марья Никифоровна — жена Н. Я. Прокоповича.

358. А. В. и Е. В. Гоголь

к стр. 142 *Тимченко* — соседи Гоголей по имению.

к стр. 143 *Один из них представляет Нептуна, выезжающего на колеснице... в другом месте тритоны, поднявши вверх раковину, бьют высоко вверх воду.* — Гоголь описывает фонтан с Нептуном, работы Треви, и фонтан Тритона, работы Бернини, на площади Барберини, возле которой жил Гоголь.

к стр. 144 *В последний вечер, который называется Moccolotti, гасят масленицу...* — *Moccolotti* — маленькая свечка, огарок (*ит.*). Д. А. Милютин, проживавший в Риме с 5 февраля по 25 февраля (н. ст.) 1841 г., вспоминал: «Не перечисляя всех виденных мною замечательных предметов и живописных видов, упомяну... об уличных увеселениях карнавала, происходивших с 1-го по 11-е февраля ежедневно, кроме воскресных дней и пятницы... В первый день карнавала я полюбопытствовал посмотреть на странную церемонию открытия карнавальных увеселений. Церемония эта установлена с того времени (XV столетия), когда еврейское население Рима было освобождено за известную ежегодную плату от лежавшей на нем прежде позорной обязанности потешать римлян в карнавал бегом взапуски по Corso; с того времени и введено взамен двуногих бегунов пускать по Corso четвероногих. Вот в память этой-то милости, оказанной евреям Римским сенатом, и происходит ежегодно в день открытия карнавальных потех торжественный прием Сенатом в здании Капитолия, в виду толпы народа, еврейской депутации, подносящей благодарственный адрес и определенную денежную сумму выкупа. Не знаю, продолжает ли и доныне исполняться этот дикий обряд. Не менее странен и конец карнавальных увеселений, так называемое "погребение" карнавала. В последний день беснования на Corso продолжаются долее обычного часа, до вечерней темноты, когда в толпе на улице, так же как и на балконах и в окнах домов, появляются бесчисленные огоньки — moccoletti; тогда начинается

смешная забава взаимного друг у друга гашения свечей; каждый употребляет всякие ухищрения для защиты своего огонька и для тушения соседнего. Проделки эти, разумеется, сопровождаются смехом, криками, фарсами разного рода, столь заразительными, что не одни итальянцы, но и самые флегматические иностранцы предаются с увлечением этой наивной забаве. После всей уличной суматохи окончательным заключением карнавала служит festino, т. е. маскарад в театре. Зато какая противоположность последнему бешеному дню карнавала следующий первый день Великого поста. Улицы, кипевшие вчера жизнью, теперь пусты; везде тишина; в церквах идет служба» (Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина / Под ред. заслуженного ординарного профессора Военной Академии, Генерального Штаба генерал-лейтенанта г. Г. Христиани. Издание Военной Академии. Томск, 1919. Т. 1. Кн. 1–3. С. 348; см. также: Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина / Под. ред. д-ра ист. наук, проф. Л. Г. Захаровой. М., 1997. С. 361).

Senza moccolo! — Долой свечи! (*ит.*).

359. М. П. Балабиной

...я получил в Женеве вексель... — См. коммент. к письму № 337. к стр. 146

Ваша сестрица... — Вероятно, Елизавета Николаевна Репнина, в то время только что вышедшая замуж за П. И. Кривцова и жившая во Флоренции.

...форестьеров... наехала вдруг куча к Пасхе, и между ними целая ватага русских... а как несет от них казармами, — так просто мочи нет. — *Форестьер* — «Римляне всех, кто не живет в Риме, называют иностранцами (forestieri), хотя бы они обитали только в 10 милях от города» (примечание Гоголя к повести «Рим»). При первой публикации письма строки: «...и между ними целая ватага русских... а как несет от них казармами, — так просто мочи нет», — были исключены П. А. Кулишом, видимо, по цензурным соображениям (*<Кулиш П. А.> Николай М.* Записки о жизни Н. В. Гоголя. СПб., 1856. Т. 1. С. 200). Вероятно, сделав эти купюры, Кулиш предполагал в них (так же, как впоследствии некоторые последующие исследователи, к примеру: *Манн Ю. В.* Гоголь. Труды и дни: 1809–1845. М., 2004. С. 510) некий «оппозиционный», политический смысл. Между тем именно сделанными купюрами Кулиш и спровоцировал подобное прочтение, ибо само содержание письма не дает оснований для подобных выводов. Характерно, что даже западник П. В. Анненков — знакомый К. Маркса и приятель В. Г. Белинского («нравственный участник», по его собственному признанию, создания зальцбруннского письма к Гоголю 1847 г.; см.: П. В. Анненков и его друзья. Литературные воспоминания и переписка. 1835–1855 гг. СПб., 1892. С. 531) — ничего «политического» к стр. 147

в гоголевском возмущении скукой, которую испытывали в Риме «заезжие наши туристы, офицеры, советники», не усматривал. «...всякий заехавший в Рим, — писал мемуарист в 1841 г. (во время пребывания в Риме с Гоголем), — совершенно отделяется от современности, забывает газеты, Европу, открытия и предается воспоминаниям истории и искусства: другого нет разговора, как статуя, картина, новая находка в этой земле, до сих пор еще наполненная шедеврами древних... Но как же тихо бывает здесь заезжим нашим туристам, офицерам, советникам, поехавшим прогуляться немного, и проч.! После великого восхождения на купол Петра да осмотра Ватиканских зал, бесконечных, как мне удалось слышать, да посещения ночью, с двумя факелами, Колизея, — хоть удавиться от скуки... А я между тем жил рядом, стена об стену с Гоголем и в сообществе трех или четырех русских художников...» (*Анненков П. В.* Письма из-за границы (1841) // *Анненков П. В.* Парижские письма. М., 1983. С. 27, 29–30). «Нельзя теперь почти и представить себе, — добавлял тот же Анненков много лет спустя, — ту степень тишины и немоты, которые знаменитый канцлер Австрии <князь К. В. Меттерних> успел водворить... на всем пространстве от Богемских вод до Байского залива и далее... Гоголь, Иванов, Иордан и много других жили полно и хорошо в этой обстановке, осуществляя собою, еще задолго до Карлейля, некоторые черты из его идеала мудрого человека, благоговейно поклоняясь гениям искусства и литературы, сберегая про себя святыню души, отдаваясь всем своим существом избранному делу и не болтая зря со всеми и обо всем по последнему журналу... Рим... превратился в город археологов, нумизматов, историков от мала до велика... Я видел наших отдыхающих откупщиков, старинных степенных помещиков, офицеров от Дюссо <содержатель ресторана в Петербурге>, зараженных археологией, толкующих о памятниках, камеях, Рафаэлях, перемешивающих свои вздохи возгласами об удивительно глубоком небе Италии и о скуке, которая под ним безгранично царствует, что много заставляло смеяться Гоголя и Иванова: по вечерам они часто рассказывали курьезные анекдоты из своей многолетней практики с русскими туристами» (*Анненков П. В.* Замечательное десятилетие. 1838–1848 (1880) // *Анненков П. В.* Литературные воспоминания. М., 1989. С. 176–179). Таким образом, даже Анненкову ничего «революционного» в насмешках Гоголя и Иванова над римской скукой мнимых «археологов» и «нумизматов» не увиделось. Напротив, упомянутые «туристы», в поисках развлечений, выглядели по отношению к консервативной — вполне устраивавшей Гоголя и Иванова — атмосфере Рима некими «революционерами». Несомненно, скучно было, вместе с «офицерами от Дюссо», и либералу Анненкову — и только благодаря Гоголю и Иванову ему удавалось побороть свою скуку. «Бывало, едешь по этому великолепно обставленному пустырю, как по улице гробниц в Помпее...» — признавался мемуарист (Там же. С. 176).

Гоголевское противопоставление Рима как средоточия консервативной, религиозной Европы торгово-промышленному европейскому северу (средоточию секуляризованной цивилизации и «прогресса») разделяли далеко не все современники Гоголя. Порой неприятие взглядов писателя приобретало даже комические черты. Один из недоброжелателей Гоголя, писатель по военным вопросам генерал-майор Н. Б. Герсеванов, побывавший в 1846 г. в Риме (вероятно, подобных ему «туристов» и имели в виду Гоголь и Анненков, говоря о скучающих в Риме русских офицерах), писал о своих римских впечатлениях: «Нельзя не согласиться, что вечный город представляет необыкновенную прелесть для некоторого класса людей; зато он не нравится всем другим. Любителю старины, артисту, здесь обширное поле для действий; антикварий, архитектор, живописец могут прожить здесь несколько лет, изучая любимый предмет, и остаться даже на всю жизнь; ипохондрику, охотнику до развалин есть где бродить и мечтать. Но всякому другому здесь жить неприятно; рассматривание бессмертных произведений искусства не вознаградит его за неудобства всякого рода, встречаемые на каждом шагу, и, осмотрев все замечательное, путешественник с нетерпением считает дни и часы, чтоб скорее выехать из Рима» (*Герсеванов Н. Б.* Рим. (Из путевых впечатлений туриста) // Отечественные Записки. 1846. № 4. Отд. 8. С. 98). Позднее, в 1861 г., Герсеванов писал о пребывании Гоголя за границей: «Почему же, спросят читатели, не поселился он в Германии?.. Гоголю, по его грязной натуре, опрятная, честная Германия не могла нравиться, и в письмах своих он постоянно говорит о ней с отвращением... Зато грязный, наполненный нищими и развалинами Рим встретил его полное сочувствие» (*Герсеванов Н.* Гоголь пред судом обличительной литературы. Одесса, 1861. С. 82). Ср. также суждение художника Ф. И. Иордана: «По приезде в Рим, несмотря на его грязь и стертые стены домов, вы немедленно с ним дружитесь. Все в нем грязно, но великолепно!» (Записки ректора и профессора Академии Художеств *Федора Ивановича Иордан<а>*. М., 1918. С. 149). (Об отношении Гоголя к Риму см.: *Виноградов И. А.* Москва и Рим в творчестве Гоголя // Москва в русской и мировой литературе. М., 2000. С. 117–155.)

Добавим, что искажения и купюры, сделанные Кулишом в тексте гоголевских писем из цензурных соображений, спровоцировали — при публикации еще одного письма Гоголя (от 28 октября (н. ст.) 1838 г. к А. С. Данилевскому) — другое серьезное (но столь же безосновательное) подозрение Гоголя в «вольнодумстве» — на этот раз в «вольнодумстве» религиозном (см. коммент. к строкам письма № 377 — *...по всем городам храмы бедные, (...) служение тоже...*).

I Dio vuol carnavale e non vuol cardinale. — Богу угоден карнавал, но не угоден кардинал (*ит.*). **к стр. 148**

...нынешнего папу, по причине его большого носа, зовут пульчинеллой... — *Пульчинелла* — традиционный персонаж итальянской

народной комедии. Д. А. Милютин, прибывший в Рим 5 февраля (н. ст.) 1841 г., вспоминал: «В первое же утро нашего пребывания в Риме начали мы свои экскурсии с храма Св. Петра и случайно попали на торжество: в этот день праздновалась годовщина вступления на престол Папы Григория XVI, который сам служил в Сикстинской капелле... Нам, простым туристам, конечно, не было доступа в самую капеллу; став в толпе, под колоннадою базилики, мы имели возможность наблюдать всю пышную обстановку Римского Двора, пестрые средневековые костюмы придворных и войска. Мы видели в самой близи проходивших мимо нас высоких лиц, в числе которых бывшую Королеву Испанскую Марию Христину и бывшего Короля Португальского Дона Мигуэля: и Королева и Король, лишившись своих престолов, поселились под крылом Святейшего отца... Папа Григорий XVI был еще бодрый старик; но лицом весьма невзрачный, с уродливым красным носом» (Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. Томск, 1919. Т. 1. Кн. 1–3. С. 342; см. также: Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. М., 1997. С. 357).

Oh! questa... pulcinella! — Вот так здорово! / Пульчинелла запрещает карнавал! (*ит.*)

...il Meo Patacca... — Меа Патакка, одна из масок XVIII—XIX вв. (*ит.*).

Pinelli — Пинелли Бартоломео (1781–1835), итальянский художник и скульптор.

Belli — Белли Джузеппе-Джоакимо (1791–1863), итальянский поэт, известный своими многочисленными сонетами, написанными на римском наречии.

...in lingua romanesca... — на римском наречии (*ит.*).

к стр. 149 *...ему 2588-й год...* — Очевидно, Гоголь считал 750 лет до Р. Х., а не 753.

...autori burleschi italiani... — итальянские авторы, писавшие в жанре бурлеск (*ит.*).

к стр. 150 *Аббат Lanci.* — Княжна В. Н. Репнина-Волконская рассказывала о встречах аббата Ланчи с Гоголем в обществе Балабиных и Репниной в Риме в 1837 г.

Trinita — Троица (*ит.*).

Мейер — См. коммент. к письму № 354.

Княжна Варв<ара> Николаевна — Репнина.

к стр. 151 *Кривцов* — Павел Иванович.

Трагедию Николини: «Антонио Фоскарини» купил и завтра принимаюсь читать. — Пьеса *Дж. Никколини* (1782–1861) «Antonio Foscarini» (1827; русский перевод — 1882).

Madamigella — барышня (*ит.*)

Кланяйтесь... Петру Ивановичу, Варв<аре> Осип<овне>, братцам. — Родителям Балабиной и ее братьям Ивану, Виктору и Евгению Петровичам.

360. А. С. Данилевскому

Питтория (от *ит.* pittori) — шутливо: художники. к стр. 152

Скудо — См. коммент. к письму № 353. к стр. 153

Привычка свыше нам дана, замена счастия она. — Неточная цитата из «Евгения Онегина» (гл. II, строфа XXXI).

...начали ходить паровозы в Царское Село. —17 апреля 1838 г. был пущен первый паровоз по царскосельской дороге, открытой для движения с конной тягой в сентябре 1837 г.

Брюлов — Карл Павлович Брюллов.

Смирнов — Николай Михайлович.

...об обеде, данном Крылову... — Происходил 2 февраля 1838 г.

Одоевский — князь Владимир Федорович.

Бенедиктов — Владимир Григорьевич.

Вельегурский — граф Михаил Юрьевич Виельгорский.

Питторы — художники. к стр. 155

...к Bon goût — См. коммент. к письму № 356. к стр. 156

Passage Colbert — пассаж в Париже.

Dindeaux (dindon) — индюк (*фр.*).

Плаксин — Василий Тимофеевич (1796–1869), преподаватель русской словесности в петербургских учебных заведениях. В 1846 г. В. Т. Плаксин представлял своим слушателям Гоголя (по воспоминаниям художника К. А. Трутовского) «как полную бездарность» и называл его произведения «бессмысленно-грубыми и грязными» (Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников в 2 т. М., 1964. Т. 1. С. 107). В то же время высоко оценивал «Тараса Бульбу» в связи с характеристикой творчества Гоголя в целом: «...красоты его произведений принадлежат не искусству, а природе, и характер их совершенно зависит от тех предметов, которые он изображает... Потому-то в *Тарасе Бульбе* он изумительно высок... в *Чичикове, Собакевиче, Плюшкине, Ноздреве* и других подобных, оскорбительно верен *кличкам* этих *героев*» (*Плаксин В.* Руководство к изучению истории русской литературы. 2-е изд. СПб., 1846. С. 421). В рецензии на книгу В. Т. Плаксина В. Н. Майков назвал эту характеристику гоголевского творчества «неумышленным панегириком» (Отечественные Записки. 1846. Т. 46. № 6. <Отд. 3>. С. 67). Спустя двенадцать лет сам Плаксин отчасти пересмотрел свои взгляды на творчество Гоголя; высокая оценка «Тараса Бульбы» осталась при этом неизменной (см.: *Плаксин В. Т.* Голос за прошедшее // Сборник литературных статей, посвященный русскими писателями памяти покойного книгопродавца-издателя А. Ф. Смирдина. СПб., 1858. Т. 1. С. 301–303).

Rue Viviene — улица в Париже.

Pilules stomachiques (stomatiques) — желудочные пилюли (*фр.*).

Pilules indiennes — индейские пилюли (*фр.*).

361. М. И. Гоголь

Татьяна Ивановна — Черныш.

362. А. С. Данилевскому

к стр. 158 *Pavé* — Владимир Паве, воспитанник княгини З. А. Волконской.

363. Княжне В. Н. Репниной-Волконской

к стр. 159 *Итак, вы уже в Неаполе.* — «...Гоголь дружески подшутил... по поводу несостоявшегося отъезда из Рима в Неаполь... Репниных. Сборы были продолжительные, но кончились ничем. Тогда Гоголь написал, будучи в Риме, письмо к Варваре Николаевне, также еще не выехавшей из Рима...» (*Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. Т. 3. С. 210–211).

Лазарони (lazzaroni; *ит.*) — бездельники.

Пиаца Барберини (Piazza Barberini) — площадь в Риме.

Non c'e — нет (*ит.*).

Impiegato — чиновник (*ит.*).

Castel<lo> Nuovo — замок в Неаполе.

Кн<язь> Григорий Петрович — Волконский.

к стр. 160 *Массоти* — Лицо неустановленное.

Жена того мужа, который... назван был маленьким человеком... — «По объяснению княжны Репниной, речь идет здесь о живописце Габерцеттеле, жена которого наивно рассказывала однажды о его картинах: "Мой муж так старательно рисует, что тотчас же соскабливает все нарисованное". Габерцеттель был замечательно мал ростом» (*Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. Т. 3. С. 211).

А ведь Емельяни уж уехал! — «Больше всего любил Гоголь подтрунить над Магдалиной Александровной Власовой, родной сестрой княжны Зинаиды Александровны Волконской. В противоположность последней, она была весьма ограниченная женщина, но чрезвычайно добрая и сердечная. Она имела серьезное лицо, на котором иногда совершенно неожиданно и некстати появлялась улыбка, которая обыкновенно сопровождалась неизменным восклицанием: "а ведь Емельяни уже уехал!" Эти слова она повторяла всем и каждому, нисколько не заботясь о том, знали ли ее собеседники Емельяни. Гоголь добродушно подсмеивался над этой странностью и, как юморист, любил копировать старушку... Странная привычка г-жи Власовой обясняется ее неудавшимся страстным желанием устроить судьбу одной знакомой девушки, в которую влюбился Емельяни, но почему-то раздумал потом жениться и скрылся. Власова, по доброте своей, когда узнала об этом, долго ни за что не хотела поверить этому и расстаться с надеждой на возвращение Емельяни и все повторяла, что он уехал» (*Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. Т. 3. С. 211).

364. Князю П. А. Вяземскому

Я читаю этот роман каждый день... — См. коммент. к письму № 356.

...на знакомой и близкой вашему сердцу могиле. — Могила дочери князя П. А. Вяземского Прасковьи Петровны (1817–1835).

...известие о выходе полного собрания ваших сочинений... — Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского в 12 т. вышло в 1878–1896 гг. к стр. 161

...брата моего — Данилевского. — В рекомендательных письмах Гоголь называл А. С. Данилевского братом. Самому Данилевскому он писал: «Тебе довольно сказать только что ты брат мне» (письмо № 366).

Что если я не окончу труда моего?.. — Имеется в виду поэма «Мертвые души».

365. А. С. Данилевский — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Н. В. Гоголь и А. С. Данилевский // Вестник Европы. 1890. № 2. С. 566–567. Печатается по первой публикации.

366. А. С. Данилевскому

Я написал к Жуковскому, Вяземскому и Одоевскому. — Письмо Гоголя к В. А. Жуковскому не было послано; письма к князю В. Ф. Одоевскому и князю П. А. Вяземскому (№ 364) — переданы в руки А. С. Данилевскому. к стр. 163

Domo d'Ossola — город в итальянской провинции Новара, на р.Точе, на Симплонской дороге через Альпы. к стр. 164

368. Н. Я. Прокоповичу

На письме имеется карандашная помета Прокоповича: «1838».

...Данилевский с тобою. — Вследствие денежных затруднений, вызванных смертью матери, отъезд А. С. Данилевского из-за границы в Россию задержался. Гоголь виделся с ним еще в Париже в сентябре и октябре 1838 г. к стр. 167

370. Княжне В. Н. Репниной-Волконской

Волюм — том (*фр.*). к стр. 169

Signor Dominico — синьор Доминико (*ит.*). к стр. 170

371. М. П. Погодину

М. П. Погодин получил настоящее письмо в Москве 18 августа (ст. ст.).

Сижу над трудом, о котором ты уже знаешь... — Имеется в виду поэма «Мертвые души».

к стр. 171 *Если ты богат, пришли вексель на 2 000.* — См. письмо № 384 и коммент. к письму № 391.

372. А. С. Данилевскому

...оно пришло ко мне поздно... я его получил... не в Риме... — Гоголь получил письмо А. С. Данилевского, переехав из Рима в Неаполь, более удаленный от Парижа, чем Рим.

...эта история с векселем... — См. коммент. к письму № 391 и письмо № 373.

к стр. 172 *Я живу в Кастелла-Маре, в двух часах от Неаполя...* — Княжна В. Н. Репнина-Волконская позднее вспоминала: «В Кастелламаре у нас было две дачи, потому что нас было большое общество: родители мои, Глафира Ивановна <Псиол> и я, брат мой с семейством и Павел Иванович Кривцов с своею женою (моей меньшой сестрой). Когда брат мой уехал, Гоголь оставался на его даче, где находилась одна из наших горничных, очень больная, для которой мать моя наняла сиделку; она же служила и Гоголю. Обедал он на нашей даче; обе принадлежали одному хозяину и разделялись дорогою. Гоголь часто сидел в моей комнате, где мы жили с Глафирой Ивановной. Туда приходил также молодой архитектор Дмитрий Егорович Ефимов, с которым Гоголь постоянно спорил. Гоголь тогда страдал желудком, и мы постоянно слышали, как он описывал свои недуги; мы жили в его желудке. Но когда он получил письмо от своего друга Александра Семеновича Данилевского о том, что он в Париже болен, без денег и не может поэтому вернуться в Россию, то Гоголь бросил свое лечение, занял у моего зятя Кривцова и у меня денег (которые он нам возвратил, приехавши из Франции) и поспешил выручить из беды Данилевского. В Кастелламаре он читал нам первые две главы второго тома “Мертвых Душ” и тогда, или позже немного, говорил, что первый том — грязный двор, ведущий к изящному строению» (Из воспоминаний княжны В. Н. Репниной о Гоголе // Русский Архив. 1890. № 10. С. 228).

к стр. 173 *Portier* — привратник (*фр.*)

373. А. С. Данилевский — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Н. В. Гоголь и А. С. Данилевский // Вестник Европы. 1890. № 2. С. 570–571. Печатается по первой публикации.

Письмо, вероятно, получено Гоголем в Неаполе 5 сентября (н. ст.) 1838 г. (см. коммент. к письму № 375).

к стр. 174 *Ты, помнится, хотел ехать в Лондон...* — В Лондоне Гоголь так и не побывал.

Услышишь «Don Giovanni», «Отелло», «Гугенотов»... — «Дон Жуан» (1787) — опера Моцарта, «Отелло» (1816) — опера Россини, «Гугеноты» (1836) — опера Дж. Мейербера.

374. Княжне В. Н. Репниной-Волконской

Печатается по рукописной копии письма: *ГЛМ.* Ф. 1. Оп. 2. Д. 83. 2 лл.

Датировка письма уточнена. Вероятно, написано после получения письма от А. С. Данилевского от 27 августа (н. ст.) (№ 373). См. коммент. к письму № 375.

...мне будет нужна сумма денег около 1 500... франков. — См. коммент. к письму № 391. к стр. 175

375. М. И. Гоголь

Датировка письма уточнена. В Ливорно Гоголь находился на пути из Неаполя в Париж, куда спешил на помощь А. С. Данилевскому. Первое известное нам письмо из Рима (княжне В. Н. Репниной-Волконской) отправлено Гоголем 20 сентября (согласно собственноручно поставленной Гоголем дате; письмо № 376). Судя по строкам этого письма («Более недели я не остаюсь в Париже»), оно написано на первой неделе пребывания Гоголя во французской столице.

Как бы ни было далеко расстояние между Ливорно и Парижем, но если считать письмо из Ливорно от 28 августа и письмо из Парижа от 20 сентября датированными одним стилем (европейским или русским), то временной промежуток оказывается слишком велик, чтобы считать его реальным для торопившегося в Париж Гоголя, — около двадцати дней. Следует предположить, что письмо из Ливорно датировано русским стилем, т. е. написано 28 августа / 9 сентября 1838 г., а письмо из Парижа — европейским, т. е. отправлено 8/20 сентября. В таком случае временной отрезок в одиннадцать дней будет вполне приемлемым для такого путешествия.

Предложенная датировка письма Гоголя из Ливорно от 28 августа, в свою очередь, заставляет считать, что более раннее его письмо к княжне В. Н. Репниной-Волконской от 24 августа из Неаполя, — написанное накануне отправления в Рим (№ 374), — также датировано русским стилем: четыре дня между 24 и 28 августа — вполне реальный срок, в который в том веке можно было добраться из Неаполя в Ливорно, тогда как за шестнадцать дней эту дорогу можно было преодолеть несколько раз (шестнадцать дней — в том случае, если считать дату на письме Репниной-Волконской по-европейски: 12/24 августа). (Письмо к Репниной-Волконской написано определенно незадолго до отъезда: Гоголь даже не дожидается от нее ответа на свою просьбу («Об успехе этого дела напишите мне маленькую записочку в Париж...»), хотя живет Репнина от него совсем недалеко — «в Кастелла-Маре, в двух часах от Неаполя» (письмо № 372).

Очевидно, как раз к тому времени, т. е. ко времени составления письма к Репниной-Волконской 24 августа / 5 сентября, Гоголь получил из Парижа письмо от Данилевского, отправленное

27 августа (н. ст.) 1838 г. (№ 373) — и именно весть от страждущего приятеля заставила его тогда торопиться с отъездом.

376. Княжне В. Н. Репниной-Волконской

Написано в праздник Рождества Пресвятой Богородицы (8/20 сентября), — по-видимому, на первой неделе пребывания Гоголя в Риме, после получения денег от банкира Валентини.

к стр. 177 *Благодарю вас…* — Гоголь благодарит княжну В. Н. Репнину за помощь в получении поручительства перед банкиром Валентини (см. письмо № 374).

к стр. 178 *Более недели я не остаюсь в Париже.* — Гоголь прожил в Париже еще более месяца — до 25 октября (н. ст.) 1838 г. (см. коммент. к письму № 377).

377. А. С. Данилевскому

Датировка письма уточнена. Воскресенье 28 числа (н. ст.) 1838 г. приходилось на октябрь. Этой датировке соответствуют дневниковые записи А. И. Тургенева, свидетельствующие о том, что до вечера 25 октября (н. ст.) 1839 г. Гоголь находился в Париже:

«*23 октября <н. ст. 1838. Париж>* Поутру был у *Гогеля* <так в автографе> — пишет Рус<скую> Ист<орию> в политическом отношении, объяснял происхождение русских городов и пр. Продолжает писать — свои *фантазии.* Завтра придет что-то читать мне. Полюбил Италию и хочет умереть там. Читал несколько стихов Кн<ягини> Зен<аиды> Волхон<ской> на пожар дворца…

24 октября <н. ст.>… Гоголь был у меня и читал отрывки из романа своего «*Мертвые души*». Верная, живая картина России, нашего чиновного, дворянского быта, нашей госуд<арственной> и частной, помещичьей нравственности. Покупает — мертвых — для обмана ими Правительства, за залога несуществующих крестьян в Ломбард, и потом земли, правитель<ство>м для населения продаваемые, — характеры, язык, *вся* жизнь помещиков, чиновников: все тут; и смешно и больно! К<нязь> Голиц<ын>, познакомил их. Дал Гоголю Соврем<енник>. К Гол<ицыну>. — Гогеля комедия и Гизо!.. Вечер у Свечиной — там одни русские: Голиц<ын>, два Гагар<ина>, Полуект<ова>, дочь ее. — Много о романе Гоголя, об Англии и Франции…

25 октября <н. ст.>… Вложил письмо к Аржев<итинов>у о прошедших днях и панораму Коронации, описал роман Гоголя… К Гоголю, в 6 час. уехал, оставил, вероятно, книги мои Данилевск<ому>» (*ИРЛИ.* Ф. 309. Ед. хр. 318. Л. 81 об.; напечатано, (с неточностями и пропусками): *Гиллельсон М.* Н. В. Гоголь в дневниках А. И. Тургенева // Русская литература. 1963. № 2. С. 139).

к стр. 179 *…по всем городам храмы бедные, богослужение тоже… поневоле находят вольнодумные и богоотступны<е> мысли, и чувствую, что ежеминутно слабеют мои религиозные правила и вера в истинную*

религию, так что, если бы только нашлась другая с искусными жрецами и особенно жертвами, например, чай или шоколад, то прощай последняя набожность. — Настоящие строки, при первой публикации письма П. А. Кулишом, были приведены с искажениями, внесенными из опасений цензуры: «...по всем городам (caffes) бедные, (...) служение то же... по неволе находят вольнодумные — — мысли, и чувствую, что ежеминутно слабеют мои — — правила — — так что, если б только нашлась другая с искусными жрецами, а особенно жертвами, как напр. чай, или шеколад, то прощай и последняя (ревность)!» (*<Кулиш П. А.> Николай М.* Записки о жизни Н. В. Гоголя. СПб., 1856. Т. 1. С. 234). Впоследствии В. И. Шенрок, освободивший текст письма Гоголя от искажений, внесенных в него Кулишом, отметил, что содержание гоголевского послания не дает оснований к подозрению писателя в «религиозном вольнодумстве» и что этими-то искажениями и были спровоцированы в свое время заблуждения на этот счет Н. С. Тихонравова (см.: *Тихонравов Н. С.* Примечания редактора и варианты // *Гоголь Н. В.* Соч в 10 т. 10-е изд. М., 1889. Т. 1. С. 665; *Шенрок В. И.* Н. С. Тихонравов как издатель сочинений Гоголя // Памяти Н. С. Тихонравова. М., 1894. С. 121; *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. Т. 3. С. 150–151; Письма Н. В. Гоголя. Ред. В. И. Шенрока. Т. 1. С. 535). За разъяснением по поводу настоящего письма Гоголя Шенрок обратился к его адресату, А. С. Данилевскому, с которым Гоголь провел в Париже зиму 1836/37 г. и по просьбе которого приезжал в Париж в сентябре 1838-го. По словам Данилевского, они «вместе ходили... обедать в разные кафе, которые называли обыкновенно в шутку “храмами”», обед при этом «получил у Гоголя название жертвоприношения, а содержатели ресторанов величались жрецами» (*Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. Т. 3. С. 150). Несомненно, говорить о «религиозном вольнодумстве» Гоголя, исходя из этого письма, не следует. Например, в письме к А. С. Данилевскому от 7 марта (н. ст.) 1839 г. Гоголь, вспоминая о начальном периоде своего пребывания в Париже (в ноябре — декабре 1836 г.), говорит о нем как о времени «совершенного незнания храмов и вообще невежества в религии». Из содержания письма явствует, что речь идет опять-таки о парижских кафе, так что делать отсюда вывод о «незнании» Гоголем «храмов» (т. е. церквей) и о его «невежестве в религии» — попросту нелепо. Тем не менее содержание письма Гоголя к Данилевскому от 28 октября (н. ст.) 1838 г. послужило впоследствии поводом не только для недоразумений (как в случае с Н. С. Тихонравовым), но и для откровенных идеологических спекуляций (см. об этом: *Виноградов И.* Гоголь и Литургия: К истолкованию одного письма // Литературная учеба. 1995. № 2–3. С. 202–206). Не ограничиваясь справедливым, но еще не объясняющим смысла письма выводом В. И. Шенрока, приведем пример из литературы, свободной от подозрений в «антиклерикализме». Этот пример позволяет точнее понять, о чем идет речь в гоголевском письме. Составитель известной книги жизнеописаний

Святых Отцов под названием «Лавсаик» Палладий Еленопольский (368–430), путешествуя (еще до избрания его в епископы) по Египту, был спрошен однажды прп. Иоанном Ликопольским, прозорливым затворником Фиваидской пустыни: «Хочешь быть епископом?» «Нет, — отвечал Палладий, — потому что я уже епископ». «В каком же городе ты епископ?» — спросил святой. «Я надзираю за яствами, столами и чашами... Вот мое епископство (от греч. episkopeo — смотреть, наблюдать; отсюда «епископ», т. е. надзиратель, блюститель. — *И. В., В. В.*), на которое поставило меня чревоугодие». Преподобный, улыбнувшись, сказал: «Перестань шутить, ибо ты действительно будешь епископом и испытаешь много трудов и скорбей».

Очевидно, и в письме Гоголя к Данилевскому речь идет о чревоугодии и сластолюбии, превратившемся в настоящий «культ», в служение чреву. Именно чреву как некоему «божеству» приносятся, согласно строкам письма, «жертвы» в ресторанах-«храмах» Парижа в виде кофе или — в других «религиях» — «чая или шоколада». Основанием же для этих уподоблений послужили, очевидно, Гоголю слова св. апостола Павла в Послании к Филиппийцам: «...многие... поступают как враги креста Христова; их конец — погибель, их бог — чрево...» (гл. 3, ст. 18–19); и в Послании к Римлянам: «...такие люди служат не Господу нашему Иисусу Христу, а своему чреву» (гл. 16, ст. 18). Такую оценку парижских «жертвоприношений» Гоголь не скрывал и от других своих друзей. Например, А. О. Смирнова 6-го мая (н. ст.) 1844 г. писала Гоголю из Парижа: «Вчера я была у обедни, потом в Версале, обедала в 7 часов у Fréres provenceaux; так угождала мамону, что вечером, лежа в постели, мне стало очень гадко, и родилось большое желание почитать апостола Павла, а потом с вами поговорить» (*Шенрок В. И.* А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь. Письма к Гоголю Смирновой. 1844–1851 гг. // Русская Старина. 1888. № 6. С. 603).

...италианского Курганова, которого купил случаем в Париже... — Шуточное сравнение какого-то справочного издания на итальянском языке с известным изданием Н. Г. Курганова «Книга-письмовник, содержащий в себе науку российского языка, со многим присовокуплением разного учебного и полезно-забавного вещесловия» (СПб., 1777; книга выдержала еще десять изданий с 1778 по 1837 г.).

Сосницкий — Иван Иванович.

Касти — Джамбаттиста.

Квитка — по свидетельству А. С. Данилевского, племянник писателя Г. Ф. Квитки-Основьяненко.

Тургенев — Александр Иванович.

...стихи на пожар Зимнего Дворца. — Стихотворение княгини З. А. Волконской «Песнь Невская» написано на пожар Зимнего дворца в Петербурге, происшедший 17 декабря 1837 г. Гоголь переписал это стихотворение в начале 1838 г. (см. в т. 17 наст. изд.). См. также преамбулу коммент. к наст. письму.

Козлов — Николай Илларионович (см. коммент. к письму № 356). к стр. 180

378. М. И. Гоголь

Датировка письма уточнена. В обозначении месяца на письме Гоголь ошибается — как это порой с ним случалось (см., в частности, коммент. к письму № 419). Вместо ноября Гоголь пишет октябрь, тогда как почти весь октябрь он определенно жил в Париже, а 28 октября (н. ст.) — на возвратном пути в Италию — был еще только проездом в Лионе (см. коммент. к письмам № 377, 380). Вероятно, ошибка с обозначением месяца периодически появляется в заграничных письмах Гоголя вследствие часто возникавшей перед ним необходимости перевода стилей — с русского на европейский и обратно. Живя «в двух измерениях», Гоголь число «нового» стиля порой сопровождает тем месяцем, который соответствует русскому календарю. При этом то и дело возникает путаница, поскольку в некоторых случаях (как, к примеру, в настоящем письме) Гоголь, помимо числа по западному летоисчислению, указывает еще и число русского стиля.

379. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: История моего знакомства с Гоголем со включением всей переписки с 1832 по 1852 г. Сочинение *С. Т. Аксакова.* <Под ред. Н. М. Павлова> // Русский Архив. 1890. Кн. 4. № 8. С. 14. Печатается по копии С. Т. Аксакова в его «Истории нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 г. <с 1832 по 1843 г.>»: *РГБ.* Ф. 3. К. 6. Ед. хр. 1.

Представляет собой ответ на письмо Гоголя от 14 августа (н. ст.) 1838 г. Датируется на основании дневниковой записи М. П. Погодина: «*Сентябрь 1838. 1*... Получ<ил> письмо от Гоголя и обрадовался ему без памяти. Как кстати ему посланы деньги; он также просит об них» (*Погодин М. П.* Дневник. 1820–1840; *РГБ.* Ф. 231. Разд. I. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 148), а также на основании ответного письма Гоголя к Погодину от 1 декабря (н. ст.) 1838 г. («Я получил твое письмо, милый мой, писанное тобою от сентября на имя Валентини...»).

Получено Гоголем по прибытии в Рим 15 ноября (н. ст.) 1838 г.

...посылаю тебе 2 000 р<ублей> ассигнациями... — Посланные к стр. 181 деньги принадлежали не только М. П. Погодину, но также С. Т. Аксакову, Е. А. Баратынскому, Н. Ф. Павлову и И. Е. Великопольскому, однако было положено держать это от Гоголя в секрете *(Аксаков С. Т.* История моего знакомства с Гоголем / Изд. подгот. сотрудники музея «Абрамцево» АН СССР Е. П. Населенко и Е. А. Смирнова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 18).

380. А. В. и Е. В. Гоголь

Датировка письма уточнена. Так же, как в письме № 378, в обозначении месяца на письме Гоголь ошибается: вместо ноября пишет октябрь, тогда как в октябре он определенно был еще в Париже (см. коммент. к письму № 377). Примечательно, что ответ на письмо матери, — полученное так же, как письмо от сестер, сразу по приезде в Рим осенью 1838 г., — Гоголь помечает *ноябрем*, — по-видимому, уже разобравшись в своей ошибке (см. письмо № 381). Именно к ноябрю относится первое свидетельство о пребывании Гоголя в Риме осенью 1838 г., принадлежащее графу Мих. Ю. Виельгорскому. Последний в письме к В. А. Жуковскому от 20 ноября (н. ст.) 1838 г. сообщал: «Видел я Гоголя, которого можно назвать *римским Гоголем*. Он помолодел, об тебе много спрашивал и с нетерпением ожидает» (Из писем к В. А. Жуковскому // Русский Архив. 1902. Кн. 2. С. 442).

381. М. И. Гоголь

Датировка письма уточнена. См. коммент. к письмам № 377 – 378, 380.

к стр. 184 *...вы пишете об Васильчиковой... это была только мысль... и то вовсе не жить, а погостить.* — По-видимому, М. И. Гоголь напоминала сыну о его старом плане — поместить сестер Анну и Елисавету в семье А. И. Васильчиковой.

382. А. С. Данилевскому

Датировка письма уточнена. Написано по возвращении в Рим 15 ноября (н. ст.) 1838 г. См. коммент. к письмам № 377 – 378, 380.

к стр. 185 *...не тот Филипп, что поймал за усы la liberte французской нации...* — Имеется в виду французский король Луи-Филипп (1830–1848). *La liberte* — свобода (*фр.*)

Филипп — лакей в кафе.

...più dimandato da noi che le belle putte... — более желанным для нас, чем красотки *(ит.)*. См. коммент. к письму № 377.

Corier Français — «Le Courrier Français» (1819–1868), одна из популярных французских газет.

Boite — ящик (*фр.*).

...des Italiens. — Итальянский (бульвар в Париже) (*фр.*).

383. М. П. Балабиной

Датировка письма уточнена. 13 ноября (н. ст.) 1838 г. Гоголь был в Генуе, 15 ноября (н. ст.) приехал в Рим (см. коммент. к письмам № 377 – 378, 380). Поэтому дату 7 ноября 1838 г., стоящую на письме, следует считать по старому стилю.

к стр. 188 *...вавилонского народонаселения...* — Ср. коммент. к слову — *Семирамида* — в «Повести о капитане Копейкине» в десятой главе первого тома «Мертвых душ» в т. 5 наст. изд.

...историю Мишле... это совершенно русский Полевой. — Гоголь сравнивает «Историю Франции» Ж. Мишле с «Историей русского народа» Н. А. Полевого.

Porta Maggiore — Порта Маджоре (*ит.*), ворота Св. Марии Великой в Риме. к стр. 189

Спекулятор — торговец.

Скуди (скудо) — См. коммент. к письму № 353.

Мецо-паоло — полпаоло. Паоло — старинная итальянская серебряная монета.

...ваши приятельницы, девицы Конти... — Семейство Конти жило в палаццо Поли у фонтана Треви, где зимой арендовала себе жилье княгиня З. А. Волконская. Здесь же жил итальянский поэт Дж. Белли, женатый на одной из сестер Конти (вдове графа Пикки), с которым Гоголь познакомился через княгиню Волконскую (см.: *Бочаров И., Глушакова Ю.* Там, где родился образ птицы-тройки // Встречи с историей. М., 1987. С. 90–91).

Alla moda — по моде (*ит.*).

Форестьер — см. коммент. к письму № 359.

Монсиньор — здесь: католический епископ. к стр. 190

Мецобайок (меццобайокко) — полбайокко; см. коммент. к письму № 335.

384. М. П. Погодину

...с секундами векселей. — С дубликатами векселей (от лат. secundus — следующий, второй). к стр. 191

Но мы можем, как первые христиане, в катакомбах и затворах совершать наши творения. — Ср. в статье Гоголя «Несколько слов о нашей Церкви и духовенстве» (1846): «Я очень знаю, что в глубине монастырей и в тишине келий готовятся неопровержимые сочинения в защиту Церкви нашей». к стр. 192

...лоскутки истребленной мною комедии... — «Владимира 3-й степени».

385. М. И. Гоголь

Еким — Яким Нимченко. к стр. 194

386. А. С. Данилевскому

Печатается с дополнением по первой публикации: *Шенрок В. И.* Н. В. Гоголь и А. С. Данилевский // Вестник Европы. 1890. № 1. С. 108. Датировка письма уточнена (ср. письма № 382, 389).

387. В. А. Жуковскому

В. А. Жуковский приехал в Рим вечером 16 декабря (н. ст.) 1838 г. Записка была доставлена Гоголю в «половине десятого утра» —

17 декабря (н. ст.). 19 декабря 1838 г. Жуковский уже осматривал с Гоголем достопримечательности Рима.

...я не дождусь до половины третьего часу. — По-видимому, назначенное В. А. Жуковским время встречи.

388. А. С. Данилевскому

к стр. 195 *...моих добрых приятелей Межаковых, отца и сына.* — Межаковы — вологодские помещики; первый — предводитель дворянства в Вологде.

389. А. С. Данилевскому

к стр. 196 *Наследник, как известно тебе, имеет добрую душу...* — 17 / 29 декабря 1838 г. Гоголь прочел Наследнику «Женитьбу»: «Вечером 17 декабря господин Гоголь, приобретший уже некоторую репутацию в русской словесности комедией *Ревизор*, имел честь читать драматическое произведение под названием *Женитьба*» (<*Адлерберг В. Ф., граф.*> Журнал путешествия <Наследника Цесаревича Александра Николаевича> за границу 1838 года // *Маркина Л. А.* Живописец Федор Моллер. М., 2002. С. 34; Дневники В. А. Жуковского // Русская Старина. 1902. № 10–12. С. 449). В дневнике В. А. Жуковского сохранилась запись об этом чтении: «Вечер у великого князя, неудачное чтение Гоголя...» (Дневники В. А. Жуковского // Русская Старина. 1902. № 10–12. С. 449). Наследник оказал тогда Гоголю материальную помощь. Об этом позволяет судить позднейшее свидетельство Жуковского в письме к Наследнику от второй половины января 1840 г. (см. коммент. к письму № 453).

к стр. 197 *Anglais* — английское (*фр.*).

Crostata — пресный хрустящий песочный пирог, торт с джемом или фруктами (*ит.*).

Филипп — лакей в кафе. См. коммент. к письму № 382.

Adieu — прощай (*фр.*)

к стр. 198 *...быть более a son aise.* — Иметь большие удобства (*фр.*).

390. Княжне В. Н. Репниной-Волконской

Impiegato — чиновник (*ит.*).

...здоровье князя значительно улучшилось... — Имеется в виду князь Н. г. Репнин-Волконский.

к стр. 199 *Б-ский* — по свидетельству В. Н. Репниной, некий Базилевский, один из членов знакомой Гоголю русской семьи, жившей в Риме.

Кустод (custode; *ит.*) — сторож.

391. А. С. Данилевскому

к стр. 201 *...рад, что тебе присланная мною небольшая помощь пришлась впору.* — «Гоголю пришлось в это время выручить Данилевского

из беды, в которую тот попал благодаря мошенническому похищению каким-то евреем присланных ему из дому денег... Он отправил Данилевскому сохранявшийся у него билет в 100 франков, говоря: "Я не трогал его никогда, как будто знал его приятное для меня назначение" <см. письмо № 389>, и, получив из Рима 2 000 франков, тотчас переслал ему. Особенно достойна внимания в этом отношении истинная деликатность Гоголя: выпросив деньги у Погодина, он объяснил дело в письме к Данилевскому случайностью: "Я, приехав в Рим, нашел здесь для меня 2000 фр<анков> от добраго моего Погодина, который, не знаю как, пронюхал, что я в нужде, и прислал мне их. Они мне были очень кстати, — тем более, что дали возможность уплатить долг Валентини, который лежал у меня на душе, и прислать эту безделицу к тебе"» (*Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. Т. 3. С. 235).

Piazza di Spagna — площадь в Риме.

Петр — собор Св. Петра.

...дуб Тасса... — В записке о плане осмотра Рима, составленной по приезде в конце января 1843 г. в Рим А. О. Смирновой, Гоголь написал: «К дубу Тасса (которого уже нет). Рассмотреть в церкви монастыря S-t Onufrio фрески». Позднее А. О. Смирнова вспоминала: «Мы посетили *Santo Onufrio*, где похоронен Тассо, но кипариса уже не стало. Гоголь говорил, что вид оттуда с террасы был прекрасный, и были ясно видны пять таких дерев. Это только detail <частность; *фр.*>, но для художника все идет в дело» (*Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 52).

Purificatione (purificazione; очищение, освящение; *ит.*) — См. коммент. к письму № 356.

...как тот мотылек, им описанный, влетевший к узнику. — Имеется в виду стихотворение В. А. Жуковского «Узник к мотыльку, влетевшему в его темницу» (1813).

Via Felice — улица в Риме. к стр. 202

Скальдина (*ит.* scaldino) — сосуд, употребляемый в Италии для обогревания комнаты.

392. А. С. Данилевскому

Впервые напечатано: *Шенрок В. И.* Н. В. Гоголь и А. С. Данилевский // Вестник Европы. 1890. № 2. С. 571–572.

Васька — Василий Яковлевич Прокопович. к стр. 203

Афанасий — слуга Данилевского.

Roma Vecchia — старый Рим (*ит.*).

Villa Mat<t>ei, Villa Milz (Mills) — виллы в Риме.

...Rue de Petits Champs... Rue de la Paix... — улицы в Париже.

Lac (laque) — лак (*фр.*). к стр. 204

Teinte neutre — нейтральный тон (*фр.*).

Ultra marine — ультрамарин (*фр.*).

...mangiare poco... vivere. — Есть мало и вдыхать... нежнейший воздух и так жить (*ит.*).

...Via Felice... terzo piano. — Улица Феличе... третий этаж *(ит.).*

...давали оперу... Автор Фридрих... Эдинбургская темница... — Опера М.-А.-Ф. *Карафа* (1785–1872).

393. В. А. Жуковскому

к стр. 205 *Roma<nит>* — римский (*ит.*).

к стр. 206 *Бирбачен* (birbaccione; *ит.*) — уличный оборванец.

к стр. 208 *Recom<m>ande<e>... Zukowsky.* — Поручаемое любезным заботам русского Императорского посольства. Жуковскому (*фр.*).

394. А. С. Данилевскому

Семеновский (Симоновский) — Иван Павлович.

Дела наши по деревне, кажется, так расстроены... — Позднее, по-видимому, осенью 1839 г., А. С. Данилевский писал Погодину: «Не пускайте от себя Гоголя (т. е. в Рим. — Примеч. Н. П. Барсукова. — *И. В., В. В.*) и упросите его приехать в Малороссию повидаться с матерью хоть на несколько недель. Если бы он знал, как она его любит... Экономические дела Гоголевой матери не так плохи, как он себе воображает... Теперешний год труден для всех, недостает хлеба, и бедность дает себя чувствовать жестоко, крестьяне не имеют ничего, помещики почти тоже, и вся ответственность лежит на последних» (*Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина в 22 т. СПб., Кн. 5. С. 356–357).

к стр. 209 *Василий Иванович* — Черныш.

...насчет предложения Василья Прокоповича. — По всей вероятности, предложение взять на себя второе издание «Ревизора».

395. М. П. Погодину

Датируется временем приезда М. П. Погодина в Рим 8 марта (н. ст.) 1839 г.

396. П. Н. Демидову

Датировка письма уточнена. М. П. Погодин 10 марта (н. ст.) 1839 г. пометил в своем дорожном дневнике: «Письмо Демидова к Гоголю» (*РГБ.* Ф. 231. Разд. I. К. 39. Ед. хр. 2. Л. 12). По-видимому, настоящее письмо Гоголя является ответом на полученное 10 марта (н. ст.) письмо Демидова (не сохранилось). Личное знакомство Гоголя с П. Н. Демидовым состоялось в конце апреля — начале мая (н. ст.) 1839 г. (см. письмо № 405).

к стр. 210 *...ваше полное великодушия предстательство о мне...* — См. письмо № 308.

398. О. М. Бодянскому. Приписка в письме М. П. Погодина к О. М. Бодянскому

Впервые напечатано: *Титов А. А.* Письмо М. П. Погодина к О. М. Бодянскому с приписками Шевырева и Гоголя // Русский Архив. 1895. № 5. С. 115–116. Печатается по первой публикации, с уточнением текста записки Гоголя по: *Полотай А.* Неведомий автограф М. В. Гоголя // Літературна Україна. 1963. 19 листопада. № 92. С. 3.

На письме имеется пометка рукою О. М. Бодянского: «Получ<ено> 24-го Марта (5-го Апреля 1839), в Пятницу)» (*Титов А. А.* Письмо М. П. Погодина к О. М. Бодянскому с приписками Шевырева и Гоголя. С. 116).

Лиза — Елизавета Васильевна, жена Погодина. к стр. 215

...боится вашего произношения... — Трогательная черта заботливости графа С. Г. Строганова: произношение у О. М. Бодянского было дикое. (П. Б. — Примеч. П. И. Бартенева).

399. А. С. Данилевскому

Трохимовский — Николай Михайлович. к стр. 216

...что Государь схватился за бока, целые четверть часа катался со смеху... — 4 июня 1838 г. М. И. Гоголь писала также А. А. Трощинскому из Васильевки: «...сын мой все еще в Италии; избегая жаров, выезжает из Рима в прекрасные окрестности его. Я недавно получил от него письмо, в котором он пишет, что там проживала княгиня Волконская, с которой душа его любила беседовать, но по выезде ее природа заменяет ему все. Я писала ему, почему не пишет о монарших ему милостях, и я слышу только от других? Не знаю, что он мне напишет в ответ. Недавно я слышала, что он писал к г. Жуковскому, занять ему денег 3 тысячи рублей, что он ему скоро возвратит, — и в таком смешном виде написал, что тот показывал многим из придворных и наконец дошло до Государя! Он изволил потребовать письмо, много смеялся, читая его, и велел послать ему 4 тысячи рублей! — и притом сказал: “пусть еще напишет такое письмо, и я еще ему пошлю денег”. Не знаю, правда ли это; потому что от него я ничего о сем не имею...» (<*Ореус И. И.*> Дмитрий Прокофьевич Трощинский. 1754–1829 // Русская Старина. 1882. № 6. С. 678). О недостоверности этих слухов см. в коммент. к письму № 337. к стр. 217

400. А. С. Данилевскому

Боткин — Николай Петрович.

Jaune d'or — золотисто-желтый (*фр.*).

Погодин и Шевырев примутся... издавать... дельный журнал... — Первый номер журнала «Москвитянин» вышел в свет 1 января 1841 г. См. <Заметку о «Москвитянине»> конца 1841 — начала 1842 г. в т. 9 наст. изд. к стр. 218

401. А. В. и Е. В. Гоголь

к стр. 222 *Андрей Андр<еевич> и Оль<га> Дм<итриевна>* — Трощинские.

402. А. С. Данилевскому

Письмо тебе это вручит Погодин, для которого ты будешь должен отвести прежде всего квартирку у нашей madame Hochard. — Согласно черновому автографу дорожных записей М. П. Погодина, Погодины и Шевырев прибыли в Париж 2 мая (н. ст.) 1839 г.: «В Париж приехали 2 мая в 6 часов вечера» (*РГБ.* Ф. 231. Разд. I. К. 39. Ед. хр. 2. Л. 22). На следующий день после прибытия в Париж Погодин записал в дневнике: «*Париж... 3 <мая (н. ст.)>*... Позавтракав, отправился с Г<оголевы>м письмом искать Д<анилевского>, чтоб посоветоваться с ним о квартире, ибо оставаться на нашем чердаке было бы несносно... Отыскал Д<анилевского> и договорился с его хозяйкою» (*Погодин М.* Месяц в Париже. (Из дорожного дневника 1839) // Москвитянин. 1841. № 1 (цензурное разрешение 13 декабря 1840). С. 76; см. также: Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник *М. Погодина.* М., 1844. Ч. 3 (цензурное разрешение 19 июня). С. 3). Ср. в черновом автографе дорожного дневника М. П. Погодина: «*3 <мая (н. ст.) 1839>*. К Дан<илевскому>, и он дост<ал> нам квартиру в одном доме с ним. Прекрас<ная> комната за 60. Дан<илевский> показал Palvi Royel и Тюльери. — Вот это славности! Был в восхищении» (*РГБ.* Ф. 231. Разд. I. К. 39. Ед. хр. 2. Л. 23).

к стр. 224 *Новости... что Плюшар обанкрутился и Енциклопедич<еский> лексикон лопнул...* — 10 октября 1838 г. Н. В. Путята писал, в частности, А. Ф. Воейкову: «...следующие лица: В. П. Андросов, К. М. Бородин, Н. В. Гоголь, П. Ф. Горяинов, В. И. Даль, А. А. Краевский, П. П. Максимович, Д. А. Меньшиков, Н. П. Мундт, Н. И. Надеждин, кн. В. Ф. Одоевский, Я. М. Неверов, М. П. Погодин, П. А. Плетнев, И. П. Сахаров, С. П. Шевырев, А. Ф. Шенин и И. П. Шульгин, сколько известно, уже отказались от участия в Энциклопедическом Лексиконе» (*РНБ.* Ф. 539. Оп. 2. Ед. хр. 1642. Л. 1). Ранее, в январе—апреле 1835 г. издатель «Журнала Общеполезных Сведений» (1833–1834) Н. И. Тарасенко-Отрешков в прошении о разрешении научно-популярного энциклопедического издания в 40 т. сообщал, что, помимо «особ, объявивших согласие участвовать трудами в составлении Всеобщей энциклопедии наук», «предполагается, что и нижепоименованные лица примут участие», — и далее, в списке этих лиц, называл имя Гоголя: «Г. Гоголь — <по> Всеобщей и Российской Истории» (*РГИА.* Ф. 777. Оп. 1. Ед. хр. 1263. Л. 9 об.). Издание «Всеобщей энциклопедии наук» не состоялось. *Плюшар* Адольф Александрович (1806–1865), издатель «Энциклопедического Лексикона», выходившего с 1835 1841 г.; издание было прекращено; вышло 17 томов из 29 задуманных.

Афанасий — слуга Данилевского.

...что брат, т. е. Николай... — Николай Яковлевич Прокопович.

...экспедиции разных Скромненок и Строевых... — *Строев* (псевдоним — Скромненко) Сергей Михайлович (1815–1846), историк, в 1837 г. был послан за границу с поручением обследовать и описать русские и славянские памятники в европейских архивах. «Описание памятников славяно-российской литературы, хранящихся в публичных библиотеках Германии и Франции» С. М. Строева было издано в Москве в 1841 г. к стр. 225

403. А. В. и Е. В. Гоголь

По сообщению В. И. Шенрока, письмо для публикации было предоставлено «В. И. Танеевым, получившим подлинное письмо от своей родственницы, учившейся вместе с сестрами Гоголя и сохранившей его на память об одной из них» (Письма Н. В. Гоголя / Ред. В. И. Шенрока. СПб., <1901>. Т. 1. С. 592).

404. С. П. Шевыреву

Датировка письма уточнена. М. П. Погодин в 1839 г., перед отъездом вместе с С. П. Шевыревым из Рима, записал в своем дневнике: «*9 <апреля (н. ст.)>*. Проснулись в 5 часов и торопились, а я начал по обыкновению беспокоиться, как бы не опоздать. Пришли первые в контору дилижансов; осталось времени напиться кофию в соседней харчевне... Простились с нашим любезным Г<оголем> до Чивиты-Веккии, куда обещал он выехать к нам навстречу, ибо пароход на пути из Неаполя в Марсель остановится там на несколько часов...» (*Погодин М.* Месяц в Риме (окончание) // Москвитянин. 1842. Ч. II. № 4 (цензурное разрешение 1 апреля). С. 356; см. также: Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник *М. Погодина*. М., 1844. Ч. 2 (цензурное разрешение 19 июня). С. 153). Позднее Погодин вспоминал: «В Риме мы расстались. Я с Шевыревым уехал в Неаполь, а и в Париж. Гоголь, выезжавший по дороге проводить нас в Чивита-Веккию, куда приставал наш пароход, — отправился после в Мариенбад, где должен был дожидаться меня» (*Погодин М. П.* Отрывок из записок. О жизни в Риме с Гоголем и Шевыревым в 1839 году // Русский Архив. 1865. № 7. Стб. 895).

О времени пребывания в Чивитавеккьи 18 апреля (н. ст.) 1838 г. Погодин записал в дневнике: «*Плавание до Марсели.* <...> *18 <апреля (н. ст.)>*. Солнце оживило нас своими лучами. Мелькнула черная точка вдали направо. Говорят, это купол Св. Петра. Около 12 часов взъехали мы в гавань *Чивиты-Веккии*, где ожидал нас Гоголь и семейство Ш<евырева>. Обошли городишко с немногими остатками древности, и, пока любезные наши хозяева занялись приготовлением обеда, мы повалились спать, утомленные беспокойством ночи... Нечего говорить, как сладок показался покой, и вкусен потом обед. Но приближается час отплытия... С Г<оголем> мы съедемся опять в Мариенбаде... Поплыли... Чрез несколько минут мы увидели на старой башне крепости белые развевающиеся платки...

Это нам прощальные знаки. Мы вынули свои... Грустно!» (Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник *М. Погодина.* Ч. 2. С. 186). 23 апреля (н. ст.) 1839 г. Погодин и Шевырев были уже в Марселе. Письмо Гоголь закончил в Риме, по-видимому через день после прибытия — 20 апреля (н. ст.) 1839 г.

к стр. 226 *Софья Борисовна* — Шевырева, жена С. П. Шевырева. После прощания в Чивитавеккьи с Шевыревым и Погодиным вернулась вместе с сыном Борисом и Гоголем в Рим.

к стр. 227 *Княгиня* — вероятно, З. А. Волконская.

405. М. П. Погодину

...весело ли похаживаешь по Парижу? — См. коммент. к письму № 402.

к стр. 228 *И я похож теперь на Ефимова.* — Дмитрий Егорович Ефимов, архитектор. По словам княжны В. Н. Репниной-Волконской, «отличался самоуверенностью и самодовольством при ограниченных познаниях»: «Следует, впрочем, заметить, что Погодин далеко не так презрительно относился к Ефимову и многое в показанных ему портфелях признавал вовсе не лишенным интереса» (Письма Н. В. Гоголя / Ред. В. И. Шенрока. СПб., <1901>. Т. 1. С. 595).

Абевега славянских суеверий. — Словарь М. Д. Чулкова «Абевега русских суеверий, идолопоклонничества, жертвоприношений, свадебных, простонародных обрядов, колдовства, шаманства и проч.» (М., 1786).

к стр. 229 *Виделся наконец с Демидовым...* — См. коммент. к письму № 396.

Вельегурский — граф Михаил Юрьевич Виельгорский.

Иосиф — граф Иосиф Михайлович Виельгорский. См. коммент. к сочинению «Ночи на вилле» в т. 7 наст. изд.

Грифи — римский знакомый Гоголя, дававший ему уроки итальянского языка.

Una cosa... affata non scritta mai. — Эта прекрасная вещь никогда не была описана (*ит.*).

406. А. С. Данилевскому

к стр. 230 *Иван Семенович* — брат А. С. Данилевского.

Альбано, Фраскати — небольшие города в окрестностях Рима.

...что делают теперь твои гости... — См. коммент. к письму № 402.

407. А. С. Данилевскому

к стр. 231 *Васька* — Василий Яковлевич Прокопович.

408. М. П. Балабиной

...под влиянием записок Александрова, или Дуровой... — Имеются в виду книги: Александров (Дурова Н. А.). Кавалерист-девица. Происшествие в России (В 2 ч. СПб., 1836); Записки. Добавление к Девице-кавалерист (М., 1839). к стр. 232

Медик — В. Присниц. См. коммент. к письму Д. Е. Бенардаки около 20 июля (н. ст.) 1842 г. в т. 12 наст. изд.

Non vale un fico... — Ничего не стоит (*ит.*). к стр. 234

Роман Миклашевичевой — Миклашевич Варвары Семеновны, роман «Село Михайловское, или Помещик XVIII столетия», известный тогда в рукописи. Опубликован в 1864–1865 гг.

Картина Бруни — «Медный змий» (1827–1841).

409. С. П. Шевыреву

Тургенев — Александр Иванович. к стр. 236

Новость твоя об Уварове... — Возможно, недовольство Государя С. С. Уваровым, проявившееся в 1839 г., было вызвано тем, что секретный доклад Уварова Императору о распространении русского языка в Остзейских губерниях от 7 июня 1838 г. стал неожиданно известен широкой публике — этот доклад был опубликован 21 февраля 1839 г. в немецком переводе в № 52 «Приложений» к аугсбургской «Всеобщей Газете» («Allgemeine Zeitung»). Шевырев, сообщивший Гоголю «новость» об Уварове, в том же году выступил с анонимной статьей на немецком языке «Введение русского языка в немецких Остзейских провинциях. Слово оправдания одного Русского», в которой доказывал необходимость изучения русского языка для немцев Прибалтийского края. Эта статья Шевырева была напечатана в № 220 и 221 «Приложений» к той же «Allgemeine Zeitung» от 8 и 9 августа 1839 г. (*Петухов Е. В.* Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет, за сто лет его существования. Юрьев, 1902. Т. 1. С. 429, 432–433).

Софья Борисовна — жена Шевырева.

...у одра больного Иосифа, моего Виельгурского. — Граф Иосиф Михайлович Виельгорский умер 2 июня (н. ст.) 1839 г. См. коммент. к сочинению «Ночи на вилле» в т. 7 наст. изд.

410. А. С. Данилевскому

...об моем Иосифе Вельегорском. — См. коммент. к письму № 409. к стр. 237

Иван Сем<енович> — брат А. С. Данилевского. к стр. 238

412. М. П. Погодину

Очень рад, что вам помещение пришлось по душе. — См. коммент. к письмам № 402 и 405. к стр. 240

Сладки и грустны мои минуты нынешние. — Ср. начальные строки «Ночей на вилле»: «Они были сладки и томительны, эти бессонные ночи» (т. 7 наст. изд.).

414. Княжне В. Н. Репниной-Волконской

Написано перед поездкой морем из Италии в Марсель вместе с графом Мих. Ю. Виельгорским, осуществленной в июне 1839 г., после погребения графа И. М. Виельгорского 4 июня 1839 г. (*Лямина Е. Э., Самовер Н. В.* «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского. М., 1999. С. 442) и до приезда в Марсель, откуда старшая дочь Виельгорских, Аполлинария Михайловна, 22 июня 1839 г. писала своему дяде графу Матв. Ю. Виельгорскому: «...Гоголь обещался нам дать воспоминания и последние слова ангела нашего <брата Иосифа>, выражения которого он никогда не забудет» (*Розанов А. С.* Ф. Лист в Риме в 1839 г. (по материалам семейного архива графов Виельгорских) // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 1983. Л., 1985. С. 301).

...когда я ехал из Кастелламаре... — См. коммент. к письму № 372.

к стр. 242 *Глафира Иван<овна>* — Псиол, по мужу Дунина-Барковская, приятельница Репниной.

415. Граф П. И. Кутайсов — Е. Р. Рейтерну, Н. В. Гоголю

Публикуется впервые по автографу: *ЦГИА СПб.* Ф. 448. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 183.

О принятии в члены-корреспонденты петербургского Общества поощрения художников Гоголь был извещен вместе с художником Евграфом Романовичем Рейтерном. В публикуемом черновике уведомления, отправленного Рейтерну, имеется помета, что такое же уведомление было отправлено и Гоголю. Извещение было получено Гоголем спустя полгода, в конце декабря (н. ст.) 1840 — начале января (н. ст.) 1841 г., в Риме (см. письмо № 497).

416. Граф Мих. Ю. Виельгорский — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано (с пропусками и ошибочной датировкой): Вестник Европы. 1889. № 10. С. 475–476. Печатается по автографу: *РГАЛИ.* Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1294.

Горе — Кончина графа И. М. Виельгорского.

к стр. 244 *...письмо от Государя Императора...* — В письме к графу Мих. Ю. Виельгорскому от 20 июня 1839 г. Император Николай I писал: «С каким тяжелым чувством, с каким горем я получил несчастное ваше извещение, вы можете легко вообразить, Михайло Юрьевич! Привыкнув столь долгое время видеть бедного Иосифа наравне и почти неразлучно с сыном, почти не видел между ими никакой разницы, и милый нрав и отличные его достоинства еще

более укрепляли во мне сии чувства. Я уверен был, что в нем сын мой будет иметь не только друга, но и совершенного и отличного во всем помощника... Но Провидение определило иначе! Смеем ли мы роптать? — Перенесем со смирением удар сей, и с умилением в сердце будем просить милосердого Бога, да упокоит чистую беспорочную душу, нами оплакиваемую» (*Веневитинов М. А.* Несколько слов о графе Иосифе Михайловиче Виельгорском // Русская Старина. 1898. № 1. С. 100).

...в... ожидании развязки дел на востоке... — Виельгорский говорит о возобновившемся в июне 1839 г. турецко-египетском конфликте и о смерти турецкого султана Махмуда II 1 июля 1839 г.

Что Наш... — Император Николай I.

Этого-то и ожидают со страхом. — Англия, Австрия, Пруссия и Россия вмешались в турецко-египетский конфликт и на Лондонской конференции 1840 г. договорились о совместной военной помощи Турции.

«Diario» — итальянский журнал «Diario di Roma» («Римский ежедневник»).

...au consulat de Russie... — в русское консульство (*фр.*).

417. М. П. Погодину

Еще недели на полторы остаюсь в Мариенбаде. — Гоголь и Погодин пробыли вместе в Мариенбаде с 8 июля по 8 августа (н. ст.) 1839 г. 24 августа (н. ст.) 1839 г. Гоголь переехал в Вену (см. коммент. к письму № 419). к стр. 245

Малороссийские песни со мною. — См. коммент. к <Наброскам и материалам драмы из эпохи Богдана Хмельницкого> в т. 7 наст. изд.

418. С. П. Шевыреву

...какой-то статуйки Фиезоле... — См. коммент. к письму № 426.

...проходят поэтическим строем времена казачества... — Речь идет о работе над драмой из украинской истории (см. коммент. к <Наброскам и материалам драмы из эпохи Богдана Хмельницкого> в т. 7 наст. изд.).

Иноземцев — Федор Иванович (1802–1869), известный московский доктор. М. П. Погодин вспоминал о своем пребывании с Гоголем с 8 июля по 8 августа (н. ст.) 1839 г. в Мариенбаде: «В Мариенбаде произошла новая история. Гоголь занемог в Марсели, но не хотел лечиться, а Иноземцев, который также был тогда в Мариенбаде, больной ипохондрией, не хотел лечить. Мне надо было их сводить и упрашивать, чтоб один решился лечиться, а другой — лечить» (*Погодин М. П.* Отрывок из записок. О жизни в Риме с Гоголем и Шевыревым в 1839 году // Русский Архив. 1865. № 7. Стб. 895). к стр. 246

419. М. И. Гоголь

Датировка письма уточнена. Гоголь сообщает матери: «Завтра отправлюсь в Вену...» Согласно письму Гоголя к С. П. Шевыреву от 25 августа (н. ст.) 1839 г., Гоголь прибыл в Вену 24 августа (н. ст.). До этого, а именно до 15 августа (н. ст.) 1839 г., Гоголь жил в Мариенбаде и, по его словам в письме к М. П. Погодину от того же числа, намеревался остаться там «еще недели на полторы», т. е. примерно до 25 августа. Если опираться на слова Гоголя в настоящем письме к матери, что он «отправляется в Вену», то следует предположить, что вместо этого Гоголь поехал тогда в Триест, откуда и написал письмо, — что маловероятно (сомнения подтверждает поддельный почтовый штемпель — «тонко нарисованный», по наблюдению С. Н. Дурылина, вероятно, самим Гоголем; см. коммент. в изд.: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. <Л.>, 1952. Т. 11. С. 420). Думается, письмо было написано уже по прибытии Гоголя из Мариенбада в Вену. Вместо августа Гоголь ошибочно написал сентябрь (так же, как позднее считал сентябрь 1839 г. октябрем, — чем даже, по-видимому, ввел в заблуждение М. П. Погодина, в свою очередь, пометившего в дневнике сентябрьские события 1839 г. октябрем; см. коммент. к письму № 430; об аналогичном случае см. также в коммент. к письму № 378; в письме № 424 Гоголь, напротив, вместо сентября пишет август). Следующее письмо Гоголя к матери, от 27 августа (н. ст.) 1839 г. (№ 420), обозначено уже реальным местом отправления: «Вена». Новым письмом Гоголь как бы поставил мать в известность, что он уже находится там, куда недавно обещал отправиться. При этом Гоголь исправляет ошибку в обозначении месяца (датирует новое письмо августом) и прибавляет для убедительности один день (датировав письмо 28-м числом, вместо действительного 27-го, что явствует из почтового штемпеля) — для того чтобы время его выдуманного переезда из Триеста в Вену выглядело более реальным, т. е. не казалось слишком скорым. Причины, по которым Гоголь прибегнул к этим ухищрениям, остаются недостаточно ясными. В. И. Шенрок, полагавший (ошибочно), что письмо было написано 26 сентября (ст. ст.) в Москве, высказал мнение, будто Гоголь опасался, чтобы его мать, «сильно жаждавшая повидаться с ним, не приехала слишком рано к Погодину, тогда как Гоголю и без того неловко было помещать на долгое время у него всю семью» (Письма Н. В. Гоголя / Ред. В. И. Шенрока. Т. 2. С. 10). Можно допустить, что эта мысль стала беспокоить Гоголя еще в Вене, где он в течение месяца ожидал встречи с Погодиным, чтобы вернуться с ним вместе в Россию. (Расставшись 8 августа (н. ст.) 1839 г. в Мариенбаде, Гоголь и Погодин условились встретиться в Вене; встреча произошла 19 сентября (н. ст.). В последующих письмах к матери — от 22–24 сентября (н. ст.) и от 26 сентября (н. ст.) 1839 г. (письма № 430–431) — Гоголь также как бы «оттягивает» время своего возращения в Россию — будучи уже в дороге,

сообщает матери, что он еще только выезжает из Вены. Возможно, это, в свою очередь, связано с опасением Гоголя, чтобы мать не приехала в Москву раньше срока — до того, как он заберет сестер из Петербурга. «...я не хочу вас льстить напрасною надеждою, — замечает Гоголь в письме. — Может быть, увидимся нынешнюю зиму, может быть, нет. Если ж увидимся, то не пеняйте, что на короткое время». Далее он добавляет: «...не примите опять этого адреса в том смысле, чтобы я был скоро в Москве...»

420. М. И. Гоголь

Печатается по автографу: *ГИМ.* Ф. 446. Ед. хр. 41. Л. 24–25. Датируется по почтовому штемпелю. О причине, вследствие которой Гоголь датировал письмо днем позже, см. коммент. к предшествующему письму (№ 419).

421. Д. Е. Бенардаки

Впервые напечатано, по автографу (с сокращениями), в изд.: Письма Гоголя к Д. Е. Бенардаки, к княгине В. Н. Репниной, графине Л. К. Вьельгорской, к графу В. А. Соллогубу и к его супруге. (Сообщено М. А. Веневитиновым) // Русский Архив. 1902. № 4. С. 725. Печатается по первой публикации с исправлениями и дополнениями по копиям письма, хранящимся в *ГАРФ* (Ф. 279. Оп. 1. № 1073. Л. 31–32) и в *РГИА* (Ф. 892. Оп. 3. № 1066. 2 л.).

«Остроты Гоголя были своеобразны, неизысканны, но подчас не совсем опрятны. Старик Щепкин помнил наизусть одно письмо Гоголя, писанное из-за границы к Бенардаки, где шутливость поэта заявила себя с такою нецеремонною откровенностию, что это любопытное послание навсегда останется неудобным для печати» (*Афанасьев А. Н.* М. С. Щепкин и его записки // Михаил Семенович Щепкин. Жизнь и творчество. В 2 т. М., 1984. Т. 2. С. 317).

Леонид — Вероятно, один из сыновей Д. Е. Бенардаки. к стр. 249

Альфераки — богатый откупщик.

422. А. В. и Е. В. Гоголь

Письмо было отправлено через М. П. Балабину вместе с письмом к ней от 5 сентября (н. ст.) 1839 г. (№ 423).

424. С. П. Шевыреву

Впервые напечатано в изд.: Соч. и письма *Н. В. Гоголя.* Т. 5: Письма, с 1820 по 1842 г. / Изд. П. А. Кулиша. СПб., 1857. С. 380–381. Печатается по первой публикации, с исправлением описки, принадлежащей, по-видимому, самому Гоголю (см. ниже коммент. к строкам — *...из тех памятных мне стихов в день твоего рождения, которые ты написал в Риме.* — и подстрочное текстологическое примеч. к этим строкам в тексте писем).

к стр. 253 *...из тех памятных мне стихов в день твоего рождения, которые ты написал в Риме.* — Стихотворение, посвященное Гоголю, было написано Степаном Петровичем Шевыревым в 1838 г., но не в день его рождения (18 октября ст. ст.), а в день именин 27 декабря (9 января н. ст.) — день памяти св. первомученика и архидиакона Стефана. Стихотворение впервые было напечатано М. П. Погодиным в № 1 журнала «Москвитянин» за 1842 г., с неверной датировкой и с заглавием, в которое также вкралась ошибка, которая была допущена, вероятно, самим Гоголем в его письме к Шевыреву (написано было: «моего рожденья» вместо «твоего рождения»; см. подстрочное текстологическое примеч. к письму). Стихотворение в «Москвитянине» было озаглавлено: «К Г<оголю>. При поднесении ему от друзей нарисованной сценической маски в Риме, в день его рожденья» (с подписью: «*С. Ш.* Января $^{30}/_{18}$ 1839. Рим») (с. 16–17). Позднее, в 1865 г., М. П. Погодин перепечатал это стихотворение в своей статье «О жизни в Риме с Гоголем и Шевыревым в 1839 году», отчасти исправив обе указанные ошибки. Стихотворение получило здесь правильную датировку, однако по-прежнему все-таки ошибочно было отнесено к дню рождения, а не к именинам Шевырева: «Заключу... стихами Шевырева, который поднес их Гоголю в день своего рождения, 27 декабря, в 1838 году, в Риме, на вилле княгини Волконской, отдавая ему от имени друзей нарисованную сценическую маску. Эти стихи, очень удавшиеся Шевыреву, показывают, как рано и как высоко ценим был гений Гоголев от всех людей к нему близких, вопреки толкам "Отечественных Записок".

Что ж дремлешь ты? — Смотри, перед тобой
Лежит и ждет сценическая маска.
Ее покинул славный твой собрат,
Еще теперь игривым, вольным смехом
Волнующий Италию. Возьми
Ее — вглядись в шутливую улыбку
И в честный вид: ее носил Гольдони.
Она идет к тебе: ее лица
Подвижными и беглыми чертами
Он смело выражал черты народа
Смешные, всюду подбирая их,
На улицах, на площадях, в кафе,
Где нараспашку виден итальянец, —
Где мысль его свободна и резва, —
И через чистый смех, в сердца граждан
Вливалось истины добро святое!
Ты на Руси уж начал тот же подвиг!
Скажи, поэт, когда, устав от дум,
И полн заветных впечатлений Рима,
Ты вечером, в часы сочувствий темных,
Идешь домой: не слышится ль тебе,
Не раздается ли в душе твоей

Далекий, резвый, сильный, добрый хохот
С брегов Невы, с брегов Москвы родной?
Тот хохот твой — веселья чудный пир,
Которым ты Россию угощаешь,
Добро великое посеяв в ней,
Сам удалясь от названных гостей.
Что ж задремал? — Смотри, перед тобой
Лежит и ждет сценическая маска…
Надень ее — и долго не снимай,
И новый пир, пир Талии задай,
Чтобы на нем весь мир захохотал,
Чтобы порок от маски задрожал…
Но для друзей сними ее подчас:
И без нее ты будешь мил для нас.

(*Погодин М. П.* Отрывок из записок. О жизни в Риме с Гоголем и Шевыревым в 1839 году // Русский Архив. 1865. № 7. Стб. 893–894).

Погодина до сих пор нет. — М. П. Погодин приехал в Вену вечером 19 сентября (н. ст.) 1839 г. к стр. 254

Труд мой, который начал, не идет. — См. коммент. к письмам № 417–418.

426. С. П. Шевырев — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 834, 836. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. Вступ. ст. А. А. Карпова; сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 288–289.

Письмо является ответом на письмо Гоголя от 10 августа 1839 г. из Вены. Приблизительная дата письма устанавливается почтовым штемпелем, из которого видно, что письмо было получено в Вене 21 сентября 1639 г. К публикуемому письму Шевыревым была сделана большая приписка, адресованная М. П. Погодину (напечатано: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 5. С. 326–329). Отклик Гоголя на это письмо — от 21 сентября 1839 г.

Упоминание о Гоголе встречается также в письме С. П. Шевырева к М. П. Погодину от 22/10 июля 1839 г.: «Об Гоголе я имел известие от одного русского немца — Крона, который путешествовал вместе с ним и Данилевским» (Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 836).

…читать стихи свои. — В письме от 10 сентября (н. ст.) 1839 г. (№ 425) Гоголь дал высокую оценку Шевыреву как поэту. к стр. 255

Посылаю. — Речь идет о шевыревском переводе «Ада» Данте. По-видимому, Гоголю была отправлена первая песнь.

Коль речь твою перевести на дело… — Данте. Ад, песнь 2, стихи 43–48. В «Москвитянине» (1843. № 1. Отд. 1. С. 3) последний стих читается иначе: «Как в поле пса смеркающийся день». к стр. 256

...с... Briefsammler'ом. — с почтальоном (*нем.*).

Облатка — здесь: бумажный кружок для запечатывания писем.

...отпустил ему золотую! — См. в письме № 433 адресованную Гоголю приписку в письме С. П. Шевырева к М. П. Погодину от 20 сентября (н. ст.) 1839 г.

Ландрихтер (от нем. Landrichter) — судья в земельном суде Германии.

...на вопрос о статуйке Фра-Беато. — Гоголь писал об этом Шевыреву 25 августа (н. ст.) 1839 г. (письмо № 418). *Фра-Беато* (Джиованни да Фьезоле, 1387–1455), итальянский художник.

Пинтуриккио — (Бернардино Бетти, 1454–1513), итальянский художник.

427. А. А. Иванову

Иванов Александр Андреевич (1806–1858) — знаменитый русский художник. Об общении Гоголя с Ивановым см.: *Виноградов И. А.* Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях. Научное издание. М., 2001.

к стр. 257 *Schizzo* — эскиз (*ит.*).

...в феврале непременно намерен очутиться на Via Felici... — Гоголь вернулся в Рим только через год, 25 сентября (н. ст.) 1840 г.

Via Felici (Felice) — улица в Риме.

Capretto arrosto — жареный козленок (*ит.*).

Asciuto (asciutto) — сорт местного сухого вина (*ит.*).

428. С. П. Шевыреву

Из Вены в Россию Гоголь выехал вместе с М. П. Погодиным 22 сентября (н. ст.) 1839 г.

429. М. П. Погодину

к стр. 258 *Zum Römischen Kaiser...* — гостиница, где остановился в Вене Гоголь.

430. М. И. Гоголь

Датировка письма уточнена. Гоголь встретился с Погодиным в Вене вечером 19 сентября (н. ст.) 1839 г. Вместе они пробыли в Вене до вечера 22 сентября (н. ст.), после чего выехали в Краков. В Кракове они пробыли два дня — 25 и 26 сентября (н. ст.). Примечательно, что в дневнике Погодина все эти дни ошибочно помечены не сентябрем, а октябрем 1839 г.: «Возвратный путь... Октябрь 12/24 — ноябрь 20 с<тарого> с<тиля>» (Год в чужих краях. Дорожный дневник *М. Погодина.* М., 1844. Ч. 4. С. 222). Можно предположить, что именно Гоголь, порой ошибочно обозначавший месяца и числа

в датах отправления своих писем, ввел тогда в заблуждение Погодина (см. также коммент. к письмам № 378, 419 и др.). С другой стороны, 24 сентября (н. ст.) 1839 г. Гоголя и Погодина в Вене уже не было. В тот день они находились проездом в Ольмюце. По-видимому, там Гоголь и отправил письмо к матери — начатое, вероятно, все-таки еще в Вене.

Племянник мой — Н. П. Трушковский. к стр. 259

431. М. И. Гоголь

Датировка письма уточнена. Ошибочно обозначая в письме (как и М. П. Погодин в своем дневнике) сентябрь октябрем (см. коммент. к письму № 429), Гоголь 26 сентября (н. ст.) 1839 г., уже будучи в Кракове, сообщает матери, что только еще выезжает из Вены.

432. В. А. Жуковскому

Дата, выставленная на письме самим Гоголем (12 сентября), ошибочна. Гоголь с Погодиным приехали в Варшаву рано утром 28 сентября (н. ст.) 1839 г. и в тот же день ее покинули (Год в чужих краях. Дорожный дневник *М. Погодина.* М., 1844. Ч. 4. С. 225).

...от вас получал письма... — Упоминаемые письма В. А. Жуковского к М. Ю. Виельгорскому напечатаны В. И. Шенроком: Вестник Европы. 1889. № 10. С. 475–476. к стр. 261

Окупировка — экипировка.

433. С. П. Шевырев — М. П. Погодину. С припиской Н. В. Гоголю

Приписка Гоголю в письме С. П. Шевырева к М. П. Погодину от 20 сентября 1839 г. впервые напечатано: Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 836. Печатается по автографу: *РГБ.* Ф. 231. Разд. II. К. 36. Ед. хр. 28. Л. 16.

Шевырев составлял каталог Моллевской библиотеки для Министерства народного просвещения. Книги предназначались для университетской библиотеки.

434. П. А. Плетневу

Я слышал и горевал о вашей утрате. — В 1839 г. умерла первая жена Плетнева Степанида Александровна. к стр. 265

436. М. Н. Загоскину

Датировка письма уточнена. Написано после представления «Ревизора» на сцене московского Малого театра 17 октября 1839 г. Письмо осталось неотправленным (см. коммент. ниже).

...мое непоявление в театре отнесено было к какому-то пренебрежению московской публики... — С. Т. Аксаков вспоминал: «...Гоголь еще не видал на Московской сцене "Ревизора"; актеры даже обижались этим, и мы уговорили Гоголя посмотреть свою комедию. Гоголь выбрал день, и «Ревизора» назначили. Слух об этом распространился по Москве, и лучшая публика заняла бельэтаж и первые ряды кресел. Гоголь приехал в бенуар к Чертковой, первый с левой стороны, и сел или почти лег, так чтоб в креслах было не видно. Через два бенуара сидел я с семейством; пиэса шла отлично хорошо; публика принимала ее (может быть, в сотый раз) с восхищением. По окончании 3-го акта вдруг все встали, обратились к бенуару Чертковой и начали вызывать автора. Вероятно, кому-нибудь пришла мысль, что Гоголь может уехать, не дослушав пиэсы. Несколько времени он выдерживал вызовы и гром рукоплесканий; потом выбежал из бенуара. Я бросился за ним, чтобы провести его в ложу директора, предполагая, что он хочет показаться публике; но вдруг вижу, что он спешит вон из театра; я догнал его у наружных дверей и упрашивал выйти в директорскую ложу. Гоголь не согласился, сказал, что он никак не может этого сделать, и убежал. Публика была очень недовольна, сочла такой поступок оскорбительным и приписала его безмерному самолюбию и гордости автора. На другой день Гоголь одумался, написал извинительное письмо к Загоскину (директору театра), прося его сделать письмо известным в публике, благодарил, извинялся и наклепал на себя небывалые обстоятельства. Погодин прислал это письмо на другой день мне, спрашивая, что делать? Я отсоветовал посылать, с чем и Погодин был согласен. Гоголь не послал письма и на мои вопросы отвечал мне точно то же, на что намекал только в письме, т<о> е<сть> что он перед самым спектаклем получил огорчительное письмо от матери, которое его так расстроило, что принимать в эту минуту изъявление восторга зрителей было для него не только совестно, но даже невозможно. Нам казалось тогда, и теперь еще почти всем кажется такое объяснение неискренним и несправедливым. Мать Гоголя вскоре приехала в Москву, и мы узнали, что ничего особенно огорчительного с нею в это время не случилось. Отговорка Гоголя признана была нами за чистую выдумку; но теперь я отступаюсь от этой мысли, признаю вполне возможным, что обыкновенное письмо о затруднении в уплате процентов по имению, заложенному в Приказе общественного призрения, могло так расстроить Гоголя, что всякое торжество, приятное самолюбию человеческому, могло показаться ему грешным и противным. Объяснение же с публикой о таких щекотливых семейных обстоятельствах, которое мы сейчас готовы назвать трусостью и подлостью, или, из милости, крайним неприличием, — обличают только чистую, прямую, простую душу Гоголя, полную любви к людям и уверенную в их сочувствии» (Гоголь в воспоминаниях современников. С. 142–143; цитируется с уточнениями по автографу).

437. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: История моего знакомства с Гоголем со включением всей переписки с 1832 по 1852 год. Сочинение *С. Т. Аксакова.* <Под ред. Н. М. Павлова> // Русский Архив. 1890. Кн. 4. № 8. Печатается по копии С. Т. Аксакова в его «Истории нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 г.>»: *РГБ.* Ф. 3. К. 6. Ед. хр. 1.

...отложить свой отъезд до вторника?— Т. е. до 24 октября. Гоголь и Аксаковы выехали в Петербург 26 октября 1839 г. С. Т. Аксаков вспоминал: «Гоголь сказал нам, что ему надобно скоро ехать в Петербург, чтоб взять сестер своих из Патриотического института, где они воспитывались на казенном содержании. Мать Гоголя должна была весною приехать за дочерьми в Москву. Я сам вместе с Верой сбирался ехать в Петербург, чтоб отвезть моего Мишу в Пажеский корпус, где он был давно кандидатом. Я сейчас предложил Гоголю ехать вместе, и он очень был тому рад. Не зная хорошенько времени, когда должен был последовать выпуск воспитанниц из Патриотического института, Гоголь сначала торопился отъездом. Это видно из записки Погодина ко мне, в которой он пишет, что Гоголь просит меня справиться об этом выпуске; но торопиться было не к чему: выпуск последовал в декабре. Во всяком случае, замедление отъезда происходило от нас. Я писал Гоголю 20-го октября, что, “желая непременно ехать вместе с вами, любезнейший Николай Васильевич, я обращаюсь к вам с вопросом, можете ли вы отложить свой отъезд до вторника? Если не можете, мы едем в воскресенье поутру”. На той же записке Гоголь отвечал: “Коли вам это непременно хочется и нужно и я могу сделать вам этим удовольствие, то готов отложить отъезд свой до вторника охотно”. Но и во вторник отъезд был отложен, и мы выехали в четверг после обеда 26-го октября (1839 г.). Я взял особый дилижанс, разделенный на два купе: в переднем сидел Миша и Гоголь, а в заднем — я с Верой» (Гоголь в воспоминаниях современников. С. 100–101; цитируется с уточнениями по автографу).

440. С. Т. Аксакову

Печатается по изд.: *Гоголь Н. В.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1994. Т. 9.

Написано в день выезда Гоголя с Аксаковыми в Санкт-Петербург 26 октября 1839 г.

441. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 836. Печатается по первой публикации.

Записка написана С. Т. Аксаковым в день выезда его с Гоголем в Санкт-Петербург — 26 октября 1839 г. — и представляет

собой ответ на записку Гоголя от того же числа (см. письмо № 440). На записку Аксакова Гоголь на том же листе написал ответ: «Вы правы, через час я готов» (см. письмо № 442).

442. С. Т. Аксакову

Записка относится ко времени выезда Гоголя с Аксаковыми 26 октября 1839 г. из Москвы в Санкт-Петербург. Представляет собой ответ на записку С. Т. Аксакова от того же числа (см. письмо № 441).

443. Графу Мих. Ю. Виельгорскому

к стр. 268 *...письмо, которое Жуковский просил вас отослать... в канцелярию Императ<рицы>.* — Гоголь посетил В. А. Жуковского в Царском Селе 1 ноября 1839 г.

444. М. П. Погодину

к стр. 269 *...не одобряю твоего намерения издавать прибавления к Моск<овским> Ведомостям... лучше... настоящий, сурьезный журнал.* — Проект «Прибавления к Московским Ведомостям» не был осуществлен. С 1 января 1841 г. М. П. Погодин стал издавать журнал «Москвитянин». См. также коммент. к письму № 400.

...несправедливо обращающееся... о тебе мнение, что неспособен к... сурьезному труду, а... берешься за всё вдруг... — Ср. характеристику, данную Гоголем Погодину в статье *IV. О том, что такое слово* «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1846): «...он торопился всю свою жизнь, спеша делиться всем с своими читателями... не разбирая, созрела ли мысль в его собственной голове...»

Надеюсь на Жуковского... — Подробнее см. об этом в коммент. к <Спискам вещей, назначенных для покупки сестрам в 1839 г.> в т. 9 наст. изд.

к стр. 270 *Revue* — обозрение (*фр.*).

к стр. 271 *Елисавета Васильевна* — жена М. П. Погодина.

Елисавета Фоминишна — Вагнер, теща М. П. Погодина.

445. М. П. Погодину

к стр. 272 *...я здесь убил месяц уже времени — ужасно. А всё виною Аксаков.* — Письмо Гоголя 27 ноября 1839 г. написано после того, как в тот же день С. Т. Аксаков, по его воспоминаниям, «скрепя сердце», сказал Гоголю: «...мы поедем из Петербурга после 6-го декабря». «Он был очень огорчен, — добавлял Аксаков, — но отвечал, что делать нечего и что он покоряется своей участи» (Гоголь в воспоминаниях современников. С. 112).

Елиз<авета> Григорьевна — Черткова.

446. С. Т. Аксакову

Печатается по автографу: *РГАДА*. Ф. 186. Оп. 2. Ед. хр. 159. 2 л. (153 × 228; лист, сложенный вдвое). Без водяных знаков.

Письмо представляет собой ответ на записку С. Т. Аксакова от 7 декабря 1839 г. В «Истории нашего знакомства с Гоголем» Аксаков сообщал, что этот «ответ» Гоголя «потерян», и пересказывал гоголевское послание по своему письму к жене, написанному в тот же день: «До 6-го декабря мы виделись с Гоголем один раз на короткое время. 6-го декабря я ездил в Царское Село, и надежда на помещение Миши в Лицей разрушилась. Я решился поместить его или в экстерны Пажеского Корпуса, или в Юнкерскую Школу. 7-го декабря я написал к Гоголю обо всем случившемся со мной и также о том, что теперь я сам не знаю, когда поеду, и чтоб он не ждал меня. Я получил ответ самый нежный и грустный [он потерян]. (Он потерян, но слова Гоголевой записки сохранились в письме моем к жене, писанном в тот же день. — Примеч. С. Т. Аксакова. — *И. В., В. В.*). Гоголь обвинял в моей неудаче свою несчастную судьбу, не хотел без меня ехать и жалел только о том, что я огорчен. Жестокие морозы повергли его в уныние, и вдобавок он отморозил ухо. Он хотел приехать ко мне на другой день; но я намеревался предупредить его, потому что он очень легко одет. Гоголь не стал дожидаться следующего дня; он приехал ко мне в тот же день после обеда, сильно расстроенный моею неудачей, и утешал меня, сколько мог, даже вызвался разведать об учителях Юнкерской Школы. Он так страдал от стужи, что у нас сердце переболело глядя на него» (Гоголь в воспоминаниях современников. С. 113; цитируется с уточнениями по автографу).

447. А. В. Гоголь

Датировка письма уточнена. 17 ноября 1839 г. Гоголь сообщил С. Т. Аксакову, что «на другой день он перевозит сестер своих к княгине <Е. П.> Репниной (бывш. Балабиной), у которой они останутся до отъезда» (Гоголь в воспоминаниях современников. С. 113). По свидетельству сестры Елисаветы, их переезд к Репниной состоялся днем позже, «это было воскресенье», то есть 19 ноября 1839 г. (*Виноградов И. А.* Новые мемуарные источники о Гоголе // Гоголевский вестник. М., 2007. Вып. 1. С. 272). Вплоть до отъезда из Петербурга в Москву 17 декабря 1839 г. сестры Гоголя жили в доме Балабиных-Репниных. Записка могла быть отправлена между этими числами, перед четвергами 23 ноября, 7 и 14 декабря 1839 г. (см. коммент. ниже).

Я в четверг буду. — Четвергами между 19 ноября и 17 декабря 1839 г. были: 23 и 30 ноября, 7 и 14 декабря. 29 ноября Гоголь был с сестрами у Аксакова, поэтому, даже если отправил записку в тот же день вечером, то написал бы «завтра буду», а не «в четверг буду». Таким образом, остаются четверги 23 ноября, 7 и 14 декабря. к стр. 273

448. А. С. Данилевскому

Tête-à-tête — с глазу на глаз (*фр.*).

к стр. 274 *Цюревская* — жена Петра Федоровича Цюревского, соседа Гоголя по имению, родственника А. С. Данилевского.

449. П. В. Нащокину

Печатается с уточнением по факсимиле, приложенном в журнале «Искусство» (1923. № 1. С. 330–331).

к стр. 276 *...с сестрами...* — Гоголь приехал из Петербурга в Москву с сестрами 21 декабря 1839 г. 28 апреля 1840 г. он отвез одну из сестер, Елисавету, к П. И. Раевской, а сестра Анна за день перед тем, 27 апреля, выехала вместе с матерью из Москвы в Васильевку. М. П. Погодин, также упоминаемый в записке, отлучался из Москвы с половины января по 19–20 февраля. Вероятнее всего, П. В. Нащокин звал Гоголя с сестрами в конце декабря 1839 г.

Равиоли (raviuoli; *ит.*) — кушанье из теста, вроде ушков или пельменей.

450. П. В. Нащокин — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Поливанов И. Л.* Автографы из собрания Л. И. Поливанова // Искусство. 1923. № 1. С. 330–331. Печатается по первой публикации.

Записка Гоголя к Нащокину была приобретена Л. И. Поливановым у В. А. Нащокиной.

451. М. А. Максимовичу

к стр. 277 *...не могу исполнить твоей просьбы.* — Имеется в виду просьба М. А. Максимовича дать что-либо для второй книжки сборника «Киевлянин» (первая вышла в начале 1840 г.: в письме от 28 марта 1840 г. Погодин благодарит Максимовича за присылку книги).

Погодин слил пулю, сказавши тебе, что у меня есть много написанного. — 30 октября 1839 г. М. П. Погодин писал М. А. Максимовичу: «Гоголя я привез, жил у меня месяц, а теперь поехал в Петербург за сестрами, воротится ко мне опять месяца на три и отправится в Рим. Написал он много» (*Пономарев С.* Письма М. П. Погодина к М. А. Максимовичу. СПб., 1882. С. 18).

452. В. А. Жуковскому

к стр. 278 *Письмо мое передаст Погодин.* — М. П. Погодин, по свидетельству Н. П. Барсукова, выехал из Москвы в Петербург около 11 января (см.: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 5. С. 330).

Неужели мне не могут дать какого-нибудь официального поручения... в Риме... я бы... мог быть полезным в отношении художеств. — Гоголь вынашивает мысль получить место конференц-секретаря

в Риме при только что назначенном туда инспектором русских художников П. И. Кривцове. См. также письма № 464, 476, 490, 492, 494.

...как ваш маршрут. — В. А. Жуковский собирался за границу (см. коммент. к письму № 453).

453. В. А. Жуковскому

Датировка письма уточнена. См. коммент. к строкам наст. письма — *Мне отдали сию минуту ваше письмо...*

Мне отдали сию минуту ваше письмо... — Вероятно, имеется в виду письмо В. А. Жуковского, отправленное в первых числах января 1840 г. в письме к А. П. Елагиной, где тот писал: «Приложенное письмо отдайте поскорее Гогольку. Возьмите от него поскорее ответ. Ведь мне опять ехать за границу надобно. Чтобы все было до тех пор кончено» (*Бычков И. А.* Неизданные письма Жуковского к А. П. Елагиной // Русский Библиофил. 1912. № 7–8. С. 110). к стр. 279

...вы заботились, вы хлопотали обо мне... — Судя по содержанию гоголевского письма, имеются в виду хлопоты В. А. Жуковского об издании сочинений Гоголя.

Женихи — первоначальное название комедии «Женитьба» (см. в т. 7 наст. изд.). к стр. 280

...составьте сумму в 4 000 р. ... — Получив письмо Гоголя, В. А. Жуковский в начале 1840 г. обратился с письменной просьбой к Наследнику: «Гоголь в самом стесненном положении: взял из института сестер, а маленькое именьице, какое у него было, пропадает. Ему нужно 4 000 рублей. Я хотел было их собрать, но это не удается. Не можете ли меня *ссудить* этою суммою? Я перешлю ее Гоголю, а Вам заплачу, когда это мне будет удобно, впрочем, в течение года или через год. От Вас же самих помощи не прошу, ибо знаю, что Вы бы охотно помогли, но что этого теперь нельзя сделать: слишком много других расходов» (Письма В. А. Жуковского к Государю Императору Александру Николаевичу. В бытность Его Наследником Цесаревичем. Печатается с Высочайшего соизволения // Русский Архив. 1883. Кн. 2. С. XXXIX). Просьба Жуковского сначала вызвала недоразумение. Наследник решил, что Жуковский просит для Гоголя четыре тысячи рублей, и назначил половину этой суммы. Получив ответ Наследника (от 13 января 1840 г.), Жуковский отвечал: «Видно, вы не разобрали моего письма. Я не просил для него помощи, и было бы с моей стороны *несправедливо* просить ее, особливо такой большой, какую Вы назначили: ибо у Вас есть кому давать, и Вы уже раз помогли Гоголю — довольно» (Там же. С. XL). (Вероятно, ранее помощь была оказана Гоголю Наследником в конце 1838 — начале 1839 г., во время пребывания его в Риме вместе с Жуковским. Гоголь в то время, 17 декабря 1838 г., прочел Наследнику «Женитьбу»; см. коммент. к письму № 389.) «Еще менее, — продолжал Жуковский, — просил я у Вас *ему* взаймы: это к стр. 281

было бы с моей стороны *неприлично.* Я просил у Вас просто *взаймы* себе самому, как то было прежде, и Вы очень одолжите меня, если ссудите меня этими деньгами; а с Гоголем будут у меня свои расчеты. Эти деньги дам ему *от себя*, не вмешивая в это Вашего имени. Итак, прошу Вас убедительно не давать в подарок назначенных Вами 2 000 рублей; я решительно от этого отказываюсь, благодаря Вас за доброе намерение, которое само по себе есть уже богатый подарок, мне сделанный, и прося покорно *ссудить* мою особу вышереченными 4 000, кои нимало не потеряют своей натуры, если будут, принадлежа Вам, покоиться в моем кармане…» (Там же. С. XL). По просьбе Жуковского деньги для Гоголя, 4 000 руб., были получены. Об этом Жуковский известил Гоголя в письме от 21 января 1840 г. В этот день он писал А. П. Елагиной: «Прошу вас вложенное письмецо доставить немедленно и сказать Гогольку, чтобы так же немедленно отвечал» (*Бычков И. А.* Неизданные письма Жуковского к А. П. Елагиной // Русский Библиофил. 1912. № 7–8. С. 110). (Жуковский торопил Гоголя с ответом, поскольку собирался за границу; см. выше коммент. к строкам наст. письма — *Мне отдали сию минуту ваше письмо…*; 5 марта 1839 г. Жуковский уже выехал из Петербурга). «…о благодарности нечего и говорить, — отвечал Жуковскому Гоголь, — вы понимаете, как она должна быть сильна» (письмо № 458). См. также коммент. к письму Жуковского Гоголю от 25 мая (н. ст.) 1844 г.

455. М. И. Гоголь

к стр. 283 *Архимандрит Макарий* — св. преподобный Макарий Алтайский (Глухарев) (память совершается 15/28 мая), известный миссионер Сибири, руководитель Алтайской духовной миссии в Бийске. Был знаком с ссыльными декабристами — особенно близко с М. А. Фонвизиным, с братом которого, И. А. Фонвизиным, в свою очередь, был знаком через Н. Н. Шереметеву Гоголь. См. сопроводит. статью к т. 9 наст. изд., а также: *Серков А. И.* Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 244.

456. В. О. Балабиной

Письмо, очевидно, написано до получения известия от В. А. Жуковского о получении 4 000 руб. (см. письма № 457–458).

к стр. 284 *…как благодарить вас за приют, доставленный вами моим сестрам.* — См. коммент. к письму № 447.

Княгиня Елиз<авета> Петровна — Репнина (рожд. Балабина), старшая дочь В. О. Балабиной.

457. М. П. Погодину

Датировка письма уточнена. В письмо были вложены расписка и письмо В. А. Жуковскому (№ 458). Текст расписки: «От По-

година [Погодина *вписано.*] Жуковского четыре тысячи получил — Н. Гоголь. — 1 генваря 1840» (см. в т. 9 наст. изд. раздел <Расписки>). Обозначение месяца — «генварь» вместо февраля — представляет собой обычную для Гоголя описку (см. также коммент. к письмам № 348, 378, 419 и др.). Очевидно, что расписка, а также письма Погодину и Жуковскому, были отправлены Гоголем 1 февраля 1840 г.

Отправь, пожалуйста, скорее это письмецо Жуковскому. — Письмо № 458.

458. В. А. Жуковскому

Датировка письма уточнена. Представляет собой ответ на письмо В. А. Жуковского от 21 января 1840 г. из Петербурга, вложенное в письмо к А. П. Елагиной (см. коммент. к строкам письма № 454 — *...составьте сумму в 4 000 р.*).

У ваших теперь не случилось. — По-видимому, В. А. Жуковский предлагал Гоголю, взамен полученных для него в Петербурге 4 000 рублей, взять эти деньги у Киреевских (родственников Жуковского). к стр. 285

459. П. А. Плетневу

...выданный мне когда-то из Университета документ. — Аттестат, выданный Гоголю ректором Петербургского университета И. П. Шульгиным 16 мая 1836 г. (незадолго до отъезда за границу), см. в коммент. к письму № 285. Копия аттестата была выписана для Гоголя, по ходатайству П. А. Плетнева, 12 марта 1840 г.:

«№ 536.

Копия.

Аттестат

Состоящий по установлению в 8-м классе Николай Васильев сын Гоголь — бывший Адъюнктом по кафедре Истории при Императорском С. Петербургском Университете, как из Формулярного о службе его списка видно, происходит из дворян, по окончании курса учения в Лицее высших наук Князя Безбородко поступил на службу в Департамент Уделов с правом на чин 14 класса 1830 года Апреля 10-го; Указом Правительствующего Сената утвержден в чине Коллежского Регистратора со старшинством со дня вступления в службу, 1830, Июня 3-го; Помещен Помощником Столоначальника в том же Департаменте 1830, Июля 10; по прошению его из оного Департамента уволен 1831, Марта 9; с Высочайшего соизволения Ея Императорского Величества определен в Патриотический Институт Старшим Учителем Истории, состоя по силе Высочайшего Указа 1-го Апреля 1831 года в чине Титулярного Советника со дня вступления в сию должность 1831 года Марта 10; в награду отличных трудов пожалован от Ея Императорского Величества бриллиантовым перстнем 1834, Марта 9; определен Адъюнктом по кафедре

Истории при Императорском С. Петербургском Университете 1834 Июля 24; по случаю преобразования Университета остался за реформою с выдачею годового оклада жалованья 1836, Января 1-го; от роду ему 27 лет; благоприобретенного имения за ним не состоит, родового имеет 80 душ крестьян и 700 десятин земли в Миргородском Уезде Полтавской Губернии; холост; исповедания Греко-Российского; в отпуске был с 24 Апреля 1835 по 25 Августа, и возвратился на срок <*так в рукописи*>; в отставке, в штрафах и под судом не бывал, и ни одному из случаев, лишающих права на получение знака отличия беспорочной службы, не подвергался; аттестован был всегда способным и достойным и во все продолжение своей службы вел себя, как прилично благородному человеку. Во уверение чего и дан ему сей Аттестат из Правления Императорского С. Петербургского Университета за надлежащим подписанием и с приложением казенной печати. — В С. Петербурге, Мая 14 дня 1836 года.

На подлинном написано:

Его Императорского Величества Всемилостивейшего Государя моего Статский Советник, Ректор Императорского С. Петербургского Университета, Ординарный Профессор и разных орденов Кавалер И. Шульгин.

Скрепил: Секретарь А. Очкин.

С подлинным верно: Секретарь Дмитрий Умнов.

№ 362.

Копия сия выдана по просьбе Г<-на> Гоголя
вместо подлинного Аттестата, им утраченного.
Марта 12 дня 1840 года.
Секретарь Дмитрий Умнов»
(*РГБ*. Ф. 74. К. 8. Ед. хр. 89. Л. 1–2).

Я бы давно уже был на дороге в Рим. — Настоящие строки с подписью «Гоголь» впервые были воспроизведены в печати И. Е. Бецким в издании: Молодик, на 1844 год, украинский литературный сборник, издаваемый И. Бецким. СПб., 1844. Вып. 4 (цензурное разрешение 22 марта 1844). Строки были опубликованы здесь в качестве факсимиле на литографии К. Поля с портрета Гоголя работы К. П. Мазера (1840): «Поясной; сидит в готическом кресле; $^3/_4$ вправо; в сюртуке с бархатным воротником; гриф: *Я бы давно уже был на дороге в Рим. — Гоголь; — Лит. Поля;* выш. 13 с.; при "Молодике на 1844 г."; есть экземпляр с одним грифом *Гоголь*» (*Адарюков В. Я., Обольянинов Н. А.* Словарь русских литографированных портретов. М., 1916. Т. 1. С. 228).

460. Н. Д. Белозерскому

...за выписку о раздаче земель. — Гоголь благодарит Н. Д. Белозерского за записку «Историко-статистические сведения о раздаче земель в Южной России», составленную Н. Д. Мизко (см. в т. 8 наст. изд.).

...я всегда хотел развести сад. — См. коммент. к <Заметкам о крестьянском быте> в т. 8 наст. изд.

461. А. П. Елагиной

Печатается с уточнениями по копии С. Н. Дурылина: *РГАЛИ.* Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 44.

Дочь пастора Зедергольма — Надежда Карловна, жившая в семье П. И. Раевской в качестве гувернантки. Карл Альбертович *Зедергольм* (1789–1867) был пастором в московской лютеранской церкви. к стр. 287

462. М. И. Гоголь

Софья Васильевна — Скалон (рожд. Капнист). Гоголь по привычке именует ее девичьей фамилией.

Посылаю тебе... — Начало письма к сестре А. В. Гоголь от того же 3 мая 1840 г. (№ 463).

463. А. В. Гоголь

Посылаю тебе, милая моя Анет, твой браслет. — 17 мая 1840 г. Гоголь, имея в виду свое предыдущее письмо к матери от 3 мая 1840 г. (№ 462), писал ей из Москвы: «Я к вам на прошлой неделе писал и отправил посылку для Анеты с браслетами». Начальные строки письма к А. В. Гоголь с извещением о посылке браслета находятся также на обороте письма к матери от 3 мая (см. коммент. к письму № 462). На этом основании письмо к сестре датируется 3 мая 1840 г. к стр. 288

Лиза день было погрустила после вас, особливо когда вошла в пустую комнату. — Речь идет об отъезде из Москвы М. И. Гоголь с дочерьми Анной и Ольгой 27 апреля 1840 г. Позднее Елисавета Васильевна вспоминала: «Вскоре Маминька, Оля и Анет уехали. О, какое для меня тягостное было это время, мое первое расставанье с Анет, я много плакала, мы с братом ехали их провожать до конторы дилижансов. Возвратясь к Погодиным, я вошла в свою комнату, и как она показалась мне пуста! — нас мало 4-х, теперь я одна, — я залилась слезами. Брат, чтобы успокоить меня, повел в свою комнату и, чтобы развеять, начал показывать, что у него в ящиках, в бюре; прежде находила <?> между бумагами всегда я пакеты его любимых конфект, орехов грецких в сахаре и чернослив в сахаре, в прочих — разного сорта платочков шейных, большею частию кисейных, когда я была в веселом расположении духа, то только открыть ящик, уже мои руки там, и он спешит запирать, чтобы я у него не схватила чего, я часто просила его подарить мне один из его платочков, но он всегда отказывал, теперь же сам предлагал, но я от всего отказывалась, ничем не мог меня утешить, он уже начал говорить, что он оттого меня оставил в Москве, что меня больше всех любит и не хотел

со мной расстаться; наконец вынимает портрет свой и дарит мне, меня очень он обрадовал, и я немного успокоилась, но войдя опять в свою комнату, я горько плакала. Брат, видя меня в таком грустном положении, просил M-me Погодину не оставлять меня одну в прежней комнате, и так меня взяла старушка Погодина спать в свою комнату, я боялась одна спать» (*Виноградов И. А.* Новые мемуарные источники о Гоголе. С. 276–277).

Теперь она уже обожает Раевскую, куда она переезжает 10 мая. — Позднее, в письме к А. В. Гоголь от 17 мая 1840 г., Гоголь сообщал, что сестра Елисавета Васильевна «живет уже три дня у Раевской» (№ 469). По-видимому, действительной датой переезда было именно 10 мая 1840 г. (а не 14 мая, как это следовало бы из письма от 17 мая). См. коммент. к письму № 466.

464. В. А. Жуковскому

к стр. 289 *...почему не сделаться мне секретарем...* — См. также коммент. к письму № 452, 476, 490, 492, 494.

к стр. 290 *Poste restante* — до востребования (*фр.*).

465. Е. В. Гоголь

Написано, вероятно, в четверг 9 мая 1840 г., в день именин Гоголя — день памяти Святителя Николая, Мир Ликийских чудотворца. В письме идет речь о хозяйственных приготовлениях к именинному обеду, который Гоголь давал своим друзьям в доме М. П. Погодина на Девичьем поле, где тогда жил. На обеде присутствовали: князь П. А. Вяземский, А. И. Тургенев, К. С. Аксаков, Е. А. Баратынский, М. А. Дмитриев, М. Н. Загоскин, М. Ю. Лермонтов, М. Ф. Орлов, М. П. Погодин, А. Н. Попов, Ю. Ф. Самарин, Д. Н. Свербеев, А. С. Хомяков, П. Я. Чаадаев, М. С. Щепкин, А. О. Армфельд, П. г. Редкий и др. После обеда М. Ю. Лермонтов читал собравшимся «Мцыри». Вечером приезжали к имениннику пить чай А. П. Елагина, Е. А. Свербеева, Е. М. Хомякова и Е. г. Черткова.

Сергей Тимофеевич — Аксаков.

466. Е. В. Гоголь

Датировка письма уточнена. 18 мая 1840 г. Гоголь выехал из Москвы за границу. Будущий воскресный день, о котором Гоголь упоминает в письме, мог приходиться, после отъезда из Москвы М. И. Гоголь с дочерьми Анной и Ольгой 27 апреля 1840 г., только на 5 и 12 мая 1840 г. Но в письме от 3 мая 1840 г. Гоголь пишет к А. В. Гоголь, что переезд сестры Елисаветы к П. И. Раевской намечен на 10 мая (письмо № 463), а в письме от 17 мая 1840 г. сообщает ей же, что сестра «живет уже три дня у Раевской» (письмо № 469). Очевидно, что сообщение в последнем письме, из которого следует,

что переезд сестры должен был состояться 14 мая, неточно. Ближайшее воскресенье в мае 1840 г. после 14 числа — 19 мая; в то время Гоголь был уже в дороге и не мог незадолго перед тем приглашать сестру к себе в гости на этот день.

В воскресенье приезжай ко мне. — 12 мая 1840 г.

467. Е. В. Гоголь

Датировка письма уточнена. Относится к начальному периоду пребывания Е. В. Гоголь в Москве в доме П. И. Раевской (см. коммент. к письму № 466). Написано, по-видимому, незадолго до отъезда Гоголя из Москвы за границу 18 мая 1840 г. Речь в письме идет, вероятно, о закупках, делаемых Гоголем в дорогу.

468. М. И. Гоголь

Написано накануне отъезда Гоголя из Москвы за границу 18 мая 1840 г.

Я к вам на прошлой неделе писал и отправил посылку для Анеты к стр. 291
с браслетами... — См. письма № 462–463.

469. А. В. Гоголь

Написано накануне отъезда Гоголя из Москвы за границу 18 мая 1840 г.

Елагина посылает тебе Шиллера. — Позднее, в письме к А. П. Елагиной из Вены от 28 июня (н. ст.) 1840 г., Гоголь писал: «Я послал сестре в деревню Шиллера и сказал ей, что это вы посылаете. Почему я это сказал, вы догадаетесь. Она живет не одна, с ней есть старшая сестра, которой всякая безделица покажется предпочтением и проч. И потому вы не удивитесь, если Annette вздумает вас благодарить, а примите на свой счет» (письмо № 475).

Она теперь живет уже три дня у Раевской. — См. коммент. к письмам № 463 и 466.

470. М. П. Погодину

Мы доехали до Варшавы благополучно. — Гоголь выехал к стр. 292
из Москвы 18 мая 1840 г. вместе с В. А. Пановым.

471. С. Т. Аксакову

...Константина Сергеевича... снабжаю следующими... поруче- к стр. 293
ниями... — С. Т. Аксаков вспоминал: «Поручения Константину привезть с собою книги и деловые бумаги показывают, что Гоголь вполне был уверен в скором приезде Константина в Италию. У нас точно было это намерение, хотя не так твердое и непреложное, как это казалось Гоголю» (Гоголь в воспоминаниях современников. С. 124).

...миниатюрное издание Онегина, Горе от ума и басней Дмитриева... компактное издание Русских песней Сахарова... каких-нибудь докладных записок и дел... — Миниатюрное издание «Евгения Онегина» вышло в 1837 г.; «Горе от ума» — в 1833 г.; «Песни русского народа» И. П. Сахарова — в 1838 г. (ч. 1–2) и в 1839 г. (ч. 3–4). По словам С. Т. Аксакова, «деловые бумаги и разные акты, которых Гоголь добивался постоянно, вероятно, были ему нужны для того, чтоб поверить написанные им в "Мертвых душах" разные судебные сделки Чичикова, которые так и остались неверными с действительностью» (Гоголь в воспоминаниях современников. С. 124).

Михаил Семенович — Щепкин.

Ольга Семеновна — жена С. Т. Аксакова.

472. М. И. Гоголь

Я приехал в Вену... назад тому неделю. — 12 июня (н. ст.) 1840 г. Гоголь и В. А. Панов выехали из Варшавы, 14 июня (н. ст.) были в Кракове, 15 июня (н. ст.) — в Подгурте, 17 июня (н. ст.) Гоголь прибыл в Вену.

473. П. И. Раевской

Впервые напечатано (с пропусками): Материалы для биографии Гоголя // Московские Ведомости. 1859. 28 авг. № 204. С. 516; с примечанием редактора газеты В. Ф. Корша: «Эти письма доставлены в редакцию кн<язем> Е. В. Львовым». В более полном виде, но также с пропусками и искажениями, напечатано: Письма Н. В. Гоголя / Ред. В. И. Шенрока. СПб., <1901>. Т. 2. С. 52–56. Печатается с дополнениями и исправлениями по машинописной копии конца XIX в.: *ГЛМ*. Ф. 67. Оп. 1. № 5.

к стр. 296 *Мое всегдашнее желание было, чтобы у нее был один какой-нибудь труд постоянный... Это — переводить.* — «Обращает на себя внимание тот факт, что, в отличие от Аксаковых, окружение П. И. Раевской предпочитает французский язык русскому» (*Тарланов Е. З.* Альбом Е. В. Гоголь-Быковой // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1985. М., 1987. С. 39).

474. Е. В. Гоголь

Письмо, вероятно, было вложено в послание Гоголя к П. И. Раевской из Вены от 25 июня (н. ст.) 1840 г. (№ 473).

к стр. 297 *...что ни случилось с нею в дороге и по приезде домой.* — Речь идет о возвращении А. В. Гоголь вместе с матерью и сестрой Ольгой в конце апреля — начале мая 1840 г. из Москвы в Васильевку.

475. А. П. Елагиной

к стр. 299 *Я послал сестре в деревню Шиллера...* — См. коммент. к письму № 469.

476. П. А. Плетневу

На письме имеется помета П. А. Плетнева: «Получено 3 августа 1840».

...Кривцову назначали... быть директором римских художников... — См. коммент. к письмам № 452, 464, 490, 492, 494. к стр. 300

Марья Николаевна — великая княжна, герцогиня Лейхтенбергская.

477. А. А. Иванову

Carrissimo (carissimo) — дражайший (*ит.*). к стр. 301
Famosa — славная, знаменитая (*ит.*).
Tre anni — три года (*ит.*).
Фалькон — римский трактир «Trattoria del Falcone».
Bacchio arosto (arrosto) — жареная баранина (*ит.*).
Girato — обжаренная на вертеле (*ит.*).
Фольета (foglietta; *ит.*) — шкалик.
Asciutto (asciutto) — местное сухое вино (*ит.*).

478. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: История моего знакомства с Гоголем со включением всей переписки с 1832 по 1852 год. Соч. *С. Т. Аксакова*. <Под ред. Н. М. Павлова> // Русский Архив. 1890. Кн. 4. № 8. С. 39–40. Печатается по копии С. Т. Аксакова в его «Истории нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 г. <с 1832 по 1843 г.>»: *РГБ*. Ф. 3. К. 6. Ед. хр. 1.

Лиза ваша... сама пишет. — Сестра Гоголя Е. В. Гоголь, проживавшая в доме П. И. Раевской. По-видимому, к письму С. Т. Аксакова было приложено письмо Елисаветы Васильевны к брату (см. коммент. к письму № 480). к стр. 302

479. С. Т. Аксакову

Впервые напечатано, (с неточностями и пропусками: *<Кулиш П. А.> Николай М.* Записки о жизни Н. В. Гоголя. СПб., 1856. Т. 1. С. 260; полнее, но также с неточностями и пропусками напечатано: Письма Н. В. Гоголя): Ред. В. И. Шенрока. СПб., <1901>. Т. 2. С. 58–60. Печатается по автографу: *ГЛМ*. Ф. 67. Оп. 1. Д. 3. 2 л.

...в Вене еще надеюсь пробыть месяца полтора... — См. коммент. к письму № 482.

...«Чем вы подарите нас новиньким?»... — С. Т. Аксаков вспоминал, как осенью 1839 г., по приезде Гоголя в Москву, «Константин сделал Гоголю вопрос, самый естественный, но, конечно, слишком часто повторяемый всеми при встрече с писателем: “Что вы нам привезли, Николай Васильевич?”, — и Гоголь вдруг очень сухо и с неудовольствием отвечал: “Ничего”. Подобные вопросы были всегда ему очень неприятны; он особенно любил содержать в секрете к стр. 303

то, чем занимался, и терпеть не мог, если хотели его нарушить» (Гоголь в воспоминаниях современников. С. 99).

Цинский (Цынский) — Лев Михайлович, московский обер-полицеймейстер в 1834–1845 гг.

Константин Сергеевич — Аксаков.

к стр. 304 *...не нашелся ли мой Шекспир, 2-й том, который взять ему с собою...* — Речь, по всей вероятности, идет о том издании на французском языке, о котором Гоголь упоминал в письме к А. С. Данилевскому от 23 апреля (н. ст.) 1838 г.: «Еще — не отыщешь ли ты где-нибудь первого тома Шекспира, того издания, которое в двух столбцах и в двух томах, я думаю, и в этих лавочках, что в Палерояле, весьма легко можно отыскать его. Если бы был Ноэль, он славно исполнил бы эту комиссию. За него можно дать до 10 франков, ибо я за оба тома дал 13 фран<ков>» (письмо № 356).

...оба издания песней Максимовича... — «Малороссийские песни, изданные *М. Максимовичем».* (М., 1827); «Украинские народные песни, изданные М. Максимовичем» (М., 1834. Ч. 1).

Михаил Семенович — Щепкин.

...все сапоги, сделанные мне Таке... — О московском сапожнике Таке см. коммент. к строкам седьмой главы первого тома «Мертвых душ» — *...большой... охотник до сапогов...* — в т. 5 наст. изд.

Товарищ мой — В. А. Панов.

480. Е. В. Гоголь

Датировка письма уточнена. Написано, по всей вероятности, в Вене, где Гоголь ожидал письма от сестры (см. письмо к ней от 25 июня (н. ст.); письмо № 473) и где 5 июля (н. ст.) 1840 г. получил письмо из Москвы от С. Т. Аксакова. В этом письме Аксаков сообщал Гоголю, что его сестра также пишет ему письмо, — которое, вероятно, и было приложено к посланию Аксакова: «Лиза ваша здорова, начинает привыкать к новому своему житью-бытью и хорошо улаживается. Мы видимся нередко. Она гостит у нас другой день: вчера было Воскресение, а сегодня Раевской нет дома. Лиза сама пишет» (письмо № 478). Месяц спустя, в письме к матери от 7 августа (н. ст.) 1840 г. из Вены, Гоголь упоминает о письмах, которые получает от сестры из Москвы. Там же Гоголь говорит о сообщении сестры (в ее письме к матери) о болезни, случившейся с Елисаветой после прощания с Гоголем 18 мая 1840 г.: «...она по безрассудности своей в ту же минуту написала письмо, а к этому присоединила и грудную боль, что натурально ложь. Потому что от Аксакова я сию минуту получил письмо, что она потолстела. Да и сама она ко мне пишет, что, несмотря на свое горе, толстеет и боится чрезвычайно сделаться Щепкиным и все платья нужно было ей переправлять. Вот какого рода ее грудная боль!» (письмо № 482). (По-видимому, приводя в письме «свидетельство» Аксакова, что сестра «потолстела», Гоголь таким образом «пересказы-

вает» краткое аксаковское сообщение о том, что «Лиза... здорова».) В свою очередь, в письме к самой Елисавете Гоголь пишет по поводу ее болезни: «Ты очень мнительна, когда дело идет до собственного твоего здоровья». (Позднее, в письме к сестре от 10 сентября (н. ст.) 1840 г., Гоголь выговаривает ей: «Зачем ты написала, что ты упала с дрожек, что у тебя болит с тех пор грудь, что ты скучаешь ужасно»; письмо № 484.) Таким образом, письмо от сестры было, очевидно, получено Гоголем 5 июля (н. ст.) 1840 г. вместе с письмом С. Т. Аксакова; а ответ, в свою очередь, был вложен, как можно предположить, в письмо к Аксакову от 7 июля (н. ст.) 1840 г.

Молчанова — Софья Николаевна.

481. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано, с неточностями и без обращения к Гоголю: Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. Издал Михаил Боткин. СПб., 1880. С. 125–126. Печатается по: Переписка Н. В. Гоголя. В 2 т. Вступ. ст. А. А. Карпова. Сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 444–445; с дополнением по: Александр Андреевич Иванов (1806–1858). Письма и записные книжки. Составление, предисл. и примеч. Б. М. Бернштейна // Мастера искусства об искусстве. М., 1969. Т. 6. С. 301.

к стр. 305

...устроены в виде кабинетов... — Далее в публикации 1969 г.: «весьма плотно закрытых». к стр. 306

...в студии Овербека его большую картину... — Картина Ф. Овербека «Союз религии с искусствами» (окончена в 1840 г.).

...в студии Энгра его картину... — Подразумевается либо картина Ж. Энгра «Одалиска и рабыня», либо его «Стратоник».

482. М. И. Гоголь

Я здесь остаюсь не больше недели и отправляюсь в Венецию. — За месяц до этого, 7 июля (н. ст.) 1840 г., Гоголь писал С. Т. Аксакову: «...в Вене еще надеюсь пробыть месяца полтора...» В письме к сестре А. В. Гоголь от 7 августа (н. ст.) 1840 г. он также сообщал: «Я выезжаю на днях отсюда в *Венецию*». Однако в Венецию Гоголь прибыл только 2 сентября (н. ст.) 1840 г. Причиной задержки стала болезнь. В. А. Панов 9/21 ноября 1840 г. писал С. Т. Аксакову: «В Вене его беспокоила только какая-то боль в ноге. В продолжение почти 4 недель, которые я тут с ним пробыл, я видел ясно, что он чем-то занят. Хотя он и в это время лечил себя, пил воды, прогуливался, но все ему оставалось свободное время, и он тогда перечитывал и переписывал свое огромное собрание малороссийских песен, собирал лоскутки, на которых у него были записаны поговорки, замечания и проч. Расставаясь около половины июня [по н. ст.], мы назначили съехаться в Венеции. Он хотел приехать

туда из Вены в половине августа, а мне назначил последним сроком 1 сентября. Въезжая в Венецию 2 сентя<бря>, я дрожал, боялся его уже не застать в ней. Вместо этого встречаю его на площади Св. Марка и узнаю, что мы с противоположных сторон въехали в один и тот же час. Болезнь, от которой он думал умереть, задержала его в Вене. К счастию, с ним был <Н. П.> Боткин, брат того, которого знает Константин Сергеевич. Этот истинно добрый человек ухаживал за ним, как нянька. [Он с ним приехал сюда, и живет теперь со мной в одном доме.] Болезнь эта надолго расстроила Ник<олая> Вас<ильевича>, без того уже расстроенного. Она отвлекла его внимание ото всего, и только в Венеции иногда проглядывали у него минуты спокойные, в которые дух его сколько-нибудь просветлял ужасную мрачность его состояния, большею частию по необходимости материального» (Письма Н. В. Гоголя / Ред. В. И. Шенрока. Т. 2. С. 87). См. также письмо № 490.

Прасковья Ивановна — Раевская.

...присоединила и грудную боль, что натурально ложь. — См. коммент. к письму № 480.

484. Е. В. Гоголь

Датировка настоящего письма, а также связанных с ним писем № 485–487 уточнена. Год, выставленный Гоголем на письме к сестре: «1840», а также место отправления, указываемое в трех письмах: «Венеция», — свидетельствуют о том, что письма могли быть написаны только в период его пребывания в Венеции со 2 по начало двадцатых чисел сентября (н. ст.) 1840 г. Августом эти сентябрьские письма помечены Гоголем ошибочно; подобная ошибка часто встречается в его корреспонденции и связана с неверным осмыслением календаря при пересчете разницы между европейским и русским стилями летоисчисления (см., в частности, коммент. к письмам № 378, 419 и др.). Датировка указанных писем сентябрем (10 числа н. ст.), а не августом, как у Гоголя, была предложена в свое время А. И. Кирпичниковым (см.: *Кирпичников А. И.* Сомнения и противоречия в биографии Н. В. Гоголя // Известия ОРЯС. 1900. Ч. 2. с. 46–49). Аргументы А. Г. Дементьева, не соглашавшегося с этой датировкой (см. коммент. в изд.: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. <Л.>, 1952. Т. 11. С. 437), представляются нам неубедительными. Намерение, сообщаемое Гоголем в конце настоящего письма к сестре: быть в Риме «в конце этого месяца», в точности исполняется (если опираться на предложенную датировку) с приездом Гоголя в Рим 25 сентября (н. ст.) 1840 г. Сообщение Гоголя в этом же письме о своем здоровье: «Оно точно было плохо, и я захворал было не на шутку», — соответствует данным о его болезни в Вене, откуда он уехал в конце августа (н. ст.) 1840 г. (см. коммент. к письму № 482). Средством исцеления от недуга послужил тогда Гоголю, по его собственному свидетельству, именно переезд — из Вены в Три-

ест (неподалеку от Венеции) и далее — в Венецию и Рим: «Я велел себя посадить в дилижанс и везти в Италию. Добравшись до Триэста, я себя почувствовал лучше. Дорога, мое единственное лекарство, оказала и на этот раз свое действие» (письмо к М. П. Погодину от 29 октября (н. ст.) 1840 г. из Рима — № 490). Все это противоречит попыткам отнести написанные Гоголем в Венеции письма ко времени его пребывания в Вене — тем более что тогда к «вопросу, почему Гоголь вместо Вены указал Венецию, трудно привести убедительные соображения» (*Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 11. С. 437).

Жду теперь с нетерпением твоего описанья деревни... — Е. В. Гоголь, вместе с П. И. Раевской, С. Н. Молчановой, Н. Зедергольм и В. Мосоловой провела лето 1840 г. в деревне Раевской (см. письмо Гоголя П. И. Раевской от 25 июня (н. ст.) 1840 г. — № 477). к стр. 309

Софья Николаевна — Молчанова (см. коммент. к письму № 467). к стр. 310

Надежда Карловна — Зедергольм.

Ольга Николавна — описка; выше Гоголь правильно называет имя Софьи Николаевны Молчановой.

Варинька — Мосолова (род. 1828), племянница П. И. Раевской. к стр. 312

485. М. С. Щепкину

Печатается с исправлением по смыслу, во фразе: «Еще. Шекспировой пьесы я не успел второпях поправить», — вместо ошибочного: «Еще Шекспировой пьесы я не успел второпях поправить». См. коммент. к разделу «Переводы под редакцией Н. В. Гоголя. Пьесы для бенефисов М. С. Щепкина» в т. 7 наст. изд., а также строки в письме Гоголя к А. С. Данилевскому от 23 апреля (н. ст.) 1838 г.: «Еще — не отыщешь ли ты где-нибудь первого тома Шекспира...» (письмо № 356). Датировка письма уточнена (см. коммент. к письму № 484).

...половина заклада выиграна... — См. коммент. к разделу «Переводы под редакцией Н. В. Гоголя. Пьесы для бенефисов М. С. Щепкина» в т. 7 наст. изд.

...комедия готова. — Русский перевод под редакцией Гоголя комедии Дж. Жиро «Дядька в затруднительном положении» (т. 7 наст. изд.).

С. Т. — Сергей Тимофеевич Аксаков. к стр. 312

Шекспировой пьесы я не успел второпях поправить. — См. коммент. к разделу «Переводы под редакцией Н. В. Гоголя. Пьесы для бенефисов М. С. Щепкина» в т. 7 наст. изд. к стр. 314

486. О. Сем. Аксаковой

Датировка письма уточнена (см. коммент. к письму № 484).

...Сергея Тимофеевича теперь, вероятно, нет в Москве. — С. Т. Аксаков вспоминал об этом времени: «...я известил Гоголя,

что уезжаю с Константином за Волгу, куда я и уехал, кажется, 27-го июня... Я воротился из-за Волги в исходе августа» (Гоголь в воспоминаниях современников. С. 127–128).

...вручите Михаилу Семеновичу прилагаемое при сем действие переведенной для него комедии. — См. коммент. к письму № 485.

Просьба эта относится прямо к Вере Сергеевне... — С. Т. Аксаков пояснял: «Просьба к Верочке относится до моего портрета, который она обещала написать для Гоголя, исполнению которой, без сомнения, мешало мое отсутствие» (Гоголь в воспоминаниях современников. С. 128).

487. М. П. и Е. В. Погодиным

Датировка письма уточнена (см. коммент. к письму № 484).

к стр. 315 *...отдай Щепкину прилагаемое при сем действие переведенной для него комедии.* — См. коммент. к письму № 485.

Петя — сын М. П. Погодина, родившийся в 1840 г., вскоре после отъезда Гоголя из Москвы.

Митя — Дмитрий Михайлович (1836–1859), сын Погодиных.

к стр. 316 *Лиз<авета> Фоминишна* — Вагнер, теща Погодина.

Аграф<ена> Михайловна — Погодина, мать Погодина.

Григорий Петрович — Погодин, брат М. П. Погодина.

Михаил Иванович — родственник Погодиных.

Аграфена Петровна — сестра М. П. Погодина (в замужестве Мессинг).

Риальто — мост в Венеции.

488. М. И. Гоголь

В Рим вместе с Н. П. Боткиным и В. А. Пановым Гоголь приехал 13/25 сентября (н. ст.) 1840 г.

489. А. В. Гоголь

к стр. 318 *...как сказал Сам Спаситель, не глядеть на людей.* — Вероятно, имеются в виду слова Спасителя: «Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо» (Лк. 6, 26).

Крестник — племянник Н. П. Трушковский.

490. М. П. Погодину

Датировка письма уточнена. Погодин отвечал Гоголю на это письмо 28 ноября 1840 г. (письмо № 493). Письмо Гоголя было получено им в Москве 27 ноября 1840 г., о чем в его дневнике сохранилась запись: «*Ноябрь... 27...* Получил письмо от Гоголя. Был утешен и огорчен. Удивительное создание человек! — И все еще не верится вполне. Человек испорчен, первородный ум ясен. — Были минуты торжественные» (*Погодин М. П.* Дневник. 1840–1845; *РГБ.*

Ф. 231. Разд. I. К. 33. Ед. хр. 1. Л. 19 об.). 28 ноября 1840 г. Погодин написал ответ (см. письмо № 494). По-видимому, дата, поставленная Гоголем на письме: «Октября 17», — относится к русскому стилю, ибо только в таком случае время, которое понадобилось, чтобы оно дошло в Москву (20 дней), будет вполне реальным. Если же предположить, что письмо датировано новым стилем, т. е. написано 5/17 октября, то срок нахождения его в пути составит более месяца, — что кажется менее правдоподобным.

Лиза — Елизавета Васильевна, сестра Гоголя. к стр. 321

...редким находкам, сделанным тобою. — 28 августа М. П. Погодин приобрел для «Древлехранилища» рукописи и старопечатные книги из коллекции купца Лаптева.

...которая ближе всего лежит ко мне... — Возможно, речь идет о «Летописи Малороссийской», с находкой которой поздравлял в то время М. П. Погодина М. А. Максимович.

Сюжет, который в последнее время лениво держал я в голове своей... — Драма из эпохи Богдана Хмельницкого (см. в т. 7 наст. изд.). к стр. 322

...ужасное беспокойство, в каком я видел бедного Вельегорского в последние минуты жизни. — О. Сем. Аксакова, откликаясь на эти строки Гоголя, писала М. П. Погодину: «Письмо Гоголя меня так и покрыло туманом. Его надобно вытащить из Рима. Он сам не понимает, ему нужен родной воздух — русских, московских друзей, и он оживет, а так он погибнет, как Виельгорский, как Станкевич» (*Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 5. С. 369). к стр. 323

...место при Кривцове. — Гоголь хлопотал о должности секретаря при П. И. Кривцове, назначенном начальником над русскими художниками в Риме. Взамен этого Кривцов предложил Гоголю место «библиотекаря еще покамест не существующей библиотеки» (письмо Гоголя к А. А. Иванову от 20 сентября (н. ст.) 1841 г. — № 522). См. также письма № 452, 464, 476, 492, 494. к стр. 324

...против... всякого рода разных плевел... — См. коммент. к строкам записной книжки Гоголя 1846–1850 гг. — *...жало сатиры коснулось... и того, что должно составлять святыню...* — в т. 9 наст. изд. к стр. 325

...бессмертный купол... — Купол собора Св. Петра в Риме.

...будто бы Жуковский женится? — В 1841 г. В. А. Жуковский в возрасте 58 лет женился на юной Елизавете Рейтерн, дочери немецкого художника г. Р. Рейтерна.

491. Е. В. Погодиной

Датировка письма уточнена. Письмо, вероятно, было вложено в послание к М. П. Погодину от 29 октября (н. ст.) 1840 г. (см. коммент. к этому письму — № 490).

Вы еще благодарите меня, Елизавета Васильевна, за то, что я вспомнил об вас. — См. письмо № 487.

492. П. А. Плетневу

к стр. 327 *...как мое дело.* — Гоголь имеет в виду место секретаря при П. И. Кривцове (см. коммент. к письмам № 452, 464, 476, 490, 494).

Я заболел жестоко... — См. коммент. к письму № 482, а также письмо № 490.

Ветурин (vetturino; *ит.*) — извозчик.

Я начал такую вещь... — Имеется в виду драма из украинской истории (см. коммент. к <Наброскам и материалам драмы из эпохи Богдана Хмельницкого> в т. 7 наст. изд.).

493. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Русская Старина. 1889. № 8. С. 382. Печатается по первой публикации.

к стр. 329 *Лиза* — жена М. П. Погодина Елизавета Васильевна.

494. С. Т. Аксакову

Печатается с дополнением по копии С. Т. Аксакова в его «Истории нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 г. <с 1832 по 1843 г.>»: *РГБ.* Ф. 3. К. 6. Ед. хр. 1.

С. Т. Аксаков вспоминал: «Писем от Гоголя долго не было. Наконец пришло известие, что он был отчаянно болен, и вот письмо, которое я получил от него уже в январе 1841 года. "*Рим, декабря 28 <1840>.* Я много перед вами виноват, друг души моей Сергей Тимофеевич..."» и т. д. (Гоголь в воспоминаниях современников. С. 128). В. г. Белинский в письме из Петербурга к В. П. Боткину от 10–11 декабря 1840 г. сообщал: «Аксаков сказывал, что Гоголь пишет к нему, что он убедился, что у него чахотка, что он ничего не может делать. Но это, может быть, и пройдет, как вздор. Важно вот что: его начинает занимать Россия, ее участь, он грустит о ней; ибо в последний раз он увидел, что в ней есть люди!» (*Белинский В. г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т. 9. С. 426).

...великую утрату... — В августе 1840 г. скончался сенатор г. И. Карташевский, муж сестры С. Т. Аксакова.

...не получу места... — См. коммент. к письмам № 452, 464, 476, 490, 492.

к стр. 330 *...об этом юноше...* — К. С. Аксакове.

...до сведения кое-кого. — Намек на К. С. Аксакова, увлекавшегося немецкой философией.

495. К. С. Аксакову

На письме имеется карандашная помета С. Т. Аксакова: «От Гоголя. 1840 г.»

497. Конференц-секретарю Императорской академии художеств В. И. Григоровичу

...бумагу об избрании меня в члены-корреспонденты. — См. коммент. к письму № 415. к стр. 333

498. П. И. Раевской

Софья Николаевна — Молчанова. к стр. 335
Надежда Карловна — Зедергольм.

499. М. И. Гоголь

...мои письма... — Письма № 488–489. к стр. 336
Коля — Н. П. Трушковский.

500. С. Т. Аксакову

...письмо, писанное мною к Пушкину... — Речь идет об «Отрывке из письма, писанного автором вскоре после первого представления “Ревизора” к одному литератору» (см. коммент. к нему в т. 4 наст. изд.).

...две прилагаемые выключенные из пиесы сцены. — «Две сцены, выключенные как замедлявшие течение пьесы». к стр. 337

...для жатвы, за которую уже пора ему приняться. — См. письмо к С. Т. Аксакову от 22 декабря (н. ст.) 1844 г. в 12 т. наст. изд. к стр. 338

...в этой вазе теперь заключено сокровище... — Парафраза слов св. апостола Павла во Втором послании к Коринфянам: «...Бог... озарил наши сердца, дабы просветить нас познанием славы Божией в лице Иисуса Христа. Но сокровище сие мы носим в глиняных сосудах, чтобы преизбыточная сила была приписываема Богу, а не нам...» (гл. 4, ст. 6–7).

Piazza Apostoli, Palazzo Valentini — Апостольская площадь, дом Валентини (*ит.*).

501. С. Т. Аксакову

Ревизора, я полагаю, не отложить ли до осени? — Цензурное разрешение второго издания «Ревизора» дано 26 июля 1841 г.; в продажу издание поступило осенью 1841 г.

502. М. И. Гоголь

Племянник — Н. П. Трушковский. к стр. 340

503. А. В. Гоголь

Письмо, вероятно, было вложено в письмо к матери от 25 марта (н. ст.) 1841 г. (№ 502).

504. Е. В. Гоголь

к стр. 343 *Сергей Тимофеевич* — Аксаков.

Прасковья Ивановна — Раевская.

...я через полтора месяца оставляю Рим... — Гоголь оставил Рим позднее, в августе (после 7-го числа н. ст.) 1841 г.

505. К. С. Аксакову

Впервые напечатано В. И. Шенроком в «Русской Старине» (1890. Январь — февраль — март. Т. 65. С. 407–408. Печатается по первой публикации с исправлениями по списку, хранящемуся в *РГАЛИ* (Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1296. Л. 3–4. Копия из архива С. Н. Дурылина. Замечание после письма (в рукописной копии): «Копия. Наверху надписи: "Копия с письма *Гоголя* к Константину Сергеевичу Аксакову. Подлинник подарен Ф. М. Достоевскому для его собрания автографов (сент. 1880)". Едва ли не почерк Анны Гр. Д<остоевско>й»).

508. М. П. Погодину

к стр. 346 *...умер сын...* — 5 марта 1841 г. у Сергея Тимофеевича и Ольги Семеновны Аксаковых умер один из сыновей, Михаил. Спустя более месяца, 16 апреля, М. П. Погодин записал в своем дневнике: «Вечер у Акс<аковых>... Домашняя досада на О<льгу> С<еменовну>, которая просто блажит, забывает о девяти живых, чтоб плакать об одном» (*РГБ*. Ф. 231. Разд. I. К. 33. Ед. хр. 1. Л. 36 об.). По-видимому, об этом Погодин написал тогда Гоголю, который отвечает ему в данном письме.

509. М. И. Гоголь

к стр. 347 *Отправьте прилагаемое письмо...* — Письмо А. С. Данилевскому от 7 августа (н. ст.) 1841 г. (№ 510).

510. А. С. Данилевскому

Письмо было приложено к посланию матери от того же числа (№ 509).

к стр. 348 *...во сколько раз круг действия в Семереньках может быть выше... жизни... протекшей в пресмыканьях по... парижским кафе!* — А. С. Данилевский, вернувшись, после долгого пребывания в Париже, в родные Семереньки (имение неподалеку от гоголевской Васильевки), писал 18 ноября 1839 г. М. П. Погодину: «Если б вы знали, как я скучаю здесь и как желаю вырваться из этого омута, называемого Малороссиею. Какая перемена вдруг, Париж и дальний заброшенный уголок Полтавской губернии, где я осужден на лень, на скуку, на "Московские Ведомости"» (*РГБ*. Ф. 231. Разд. II. К. 10. Ед. хр. 26. Л. 2).

...горе кому бы то ни было, не слушающему моего слова. — См. коммент. к строкам письма Гоголя неустановленному лицу от ноября (н. ст.) 1842 г. — *...должны быть священны* — в т. 12 наст. изд. и письмо № 517. В своем «Завещании» (1845), открывающем книгу «Выбранные места из переписки с друзьями», Гоголь писал: «...я, как ни был сам по себе слаб и ничтожен, всегда ободрял друзей моих...». Во втором томе «Мертвых душ» он замечал: «...кто бы был в силах воздвигнуть шатаемые вечными колебаниями силы и лишенную упругости немощную волю, кто бы крикнул душе пробуждающим криком это бодрящее слово: *вперед,* которого жаждет повсюду, на всех ступенях стоящий, всех сословий, и званий, и промыслов, русский человек? Где же тот, кто бы на родном языке русской души нашей умел бы нам сказать это всемогущее слово: *вперед*! кто, зная все силы и свойства и всю глубину нашей природы, одним чародейным мановеньем мог бы устремить нас на высокую жизнь?» Ср. также в письме Гоголя к Ф. А. фон Моллеру около 20 октября 1841 г.: «Мне нужно знать необходимо все ваши планы, и потому, пожалуйста, напишите мне обо всем этом немедленно. Но прежде всего, ради всего святого в мире, не упадайте духом... Верьте, вся жизнь потом бывает одна благодарность за сей ниспосланный перелом. Напишите скорее! Весь ваш, так же твердо жмущий вам руку и говорящий: вперед» (письмо № 523). Ф. А. фон Моллер, которого Гоголь в письме к княжне В. Н. Репниной от июня 1839 г. называл «решительно нашим первым ныне художником» (письмо № 414), вероятно, под влиянием Гоголя, принялся в конце 1841 г. за историческую картину «Крещение Владимира» (см.: *Гусева Е. Н.* Александр Иванов. Письма к Гоголю // Сов. искусствознание. Вып. 26. М., 1990. С. 430, 436). В декабре 1841 г. А. А. Иванов писал Гоголю: «Моллер благодарит вас за письмецо; он ожидает еще от вас ответа на подтверждение выбранного им сюжета, которым он теперь исключительно занимается» (письмо № 532). См. также о Моллере: *Виноградов И. А.* Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях. С. 691–692.

511. В. А. Панову

Оригинал — итальянка Джюлия, которой увлекался В. А. Панов в Риме. к стр. 350

513. Неустановленному лицу

Записка была вложена Гоголем в письмо к А. А. Иванову от второй половины августа 1841 г.

514. А. А. Иванову

Он отправился посещать разных новых родных своих... — См. коммент. к письму № 490. к стр. 351

Станиславич (Станиславович) И. (1816–1842), сербский художник, выполнявший ряд копий с картин Рафаэля и тяжело заболевший. Иванов принимал самое сердечное участие в судьбе Станиславовича.

Фогель — Карл Христиан (1788–1868), немецкий художник, близкий к «назарейцам».

515. А. А. Иванову

Проект прошения А. А. Иванова Наследнику Гоголь послал с тем, чтобы Иванов переписал его начисто и отправил в письме к Жуковскому. Последнему же Гоголь почти одновременно послал копию с этого прошения (см. письмо к В. А. Жуковскому от 7 октября (н. ст.) 1841 г. — № 518).

516. В. А. Панову

Печатается по изд.: *Гоголь Н. В.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1994. Т. 9.

к стр. 354 *...немцам, заезжающим в русскую литературу...* — Вероятно, имеется в виду К. А. Фарнгаген фон Энзе.

...ниже русским, которые там живут теперь. — Подразумеваются, вероятно, М. Н. Катков, переводчик Фарнгагена фон Энзе и друг В. А. Панова, а также М. А. Бакунин, знакомый Панову.

517. Н. М. Языкову

...русских помещиков, Сопикова и Храповицкого... — См. коммент. к строкам девятой главы первого тома «Мертвых душ» — *...заехать к Сопикову и Храповицкому...* — в т. 5 наст. изд.

Петр Михайлович — Языков.

518. В. А. Жуковскому

Датируется на основании почтового штемпеля.

к стр. 356 *Картина Обервека* — «Der Bund der Religion mit den K ünsten» (Союз религии с искусствами) (окончена в 1840 г.).

519. М. П. Балабина — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано (с неточностями): *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. Т. 4. С. 926–928. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. Вступ. ст. А. А. Карпова; сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 1. С. 325–327.

...о картинке Бруни... — Картина Ф. А. Бруни «Воздвижение Моисеем медного змия» экспонировалась в 1841 г. на выставке в Зимнем дворце.

520. С. Т. Аксаков — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Соколова Т. В.* Из архива Павловых // Новые материалы по истории русской и советской литературы. Сборник научных трудов / Министерство культуры РСФСР. Государственный Литературный музей. М. 1983. С. 63. Печатается по автографу: *ГЛМ.* Ф. 244. Оп. 1. Д. 8. Лист почтовой бумаги размером 215 × 181.

Внизу, под текстом записки Аксакова, Гоголь написал ответ (№ 522).

...вашего спутника из Питера. — Возможно, имеется в виду к стр. 358
Петр Иванович Пейкер.

521. С. Т. Аксакову

Впервые напечатано: *Соколова Т. В.* Из архива Павловых // Новые материалы по истории русской и советской литературы. Сборник научных трудов / Министерство культуры РСФСР. Государственный Литературный музей. М. 1983. С. 63. Печатается по автографу: *ГЛМ.* Ф. 244. Оп. 1. Д. 8. Лист почтовой бумаги размером 215 × 181.

Написано под текстом записки С. Т. Аксакова (№ 521).

522. А. А. Иванову

Нибби — См. коммент. к письму № 354. к стр. 360

524. Н. М. Языкову

На настоящее письмо Языков ответил стихотворным посланием «Н. В. Гоголю». См. раздел «Приложение» в наст. томе.

525. А. А. Иванову

Дата определяется почтовым штемпелем.

527. С. Т. Аксакову

Крузе — Возможно, Л. Ф. фон Крузе, брат Н. Ф. фон Крузе к стр. 362
(1823–1901), переписчик первых трех глав цензурного экземпляра «Мертвых душ», с каллиграфическим почерком. С. Т. Аксаков вспоминал: «Гоголь... привез с собой первый том “Мер<твых> Д<уш>”, совершенно конченный и отчасти отделанный. Он требовал от нас, чтоб мы никому об этом не говорили, а всем бы отвечали, что ничего готового нет. Начались хлопоты с перепискою набело “Мер<твых> Д<уш>”. Я доставил было Гоголю отличного переписчика, бывшего при мне воспитанником в Межевом институте, Крузе; но не знаю или, лучше сказать, не помню, почему Гоголь взял другого переписчика» (Гоголь в воспоминаниях современников. С. 138).

...моему переписчику. — Имеется в виду сестра Гоголя Елисавета Васильевна, переписавшая последние восемь глав цензурного экземпляра «Мертвых душ», а также вторую редакцию повести «Тарас Бульба» (подробнее см.: *Гоголь Н. В.* Тарас Бульба. Автографы, прижизненные издания. Историко-литературный и текстологический комментарий. Издание подготовил И. А. Виноградов. М., 2009. С. 457–458).

528. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 807–808. Печатается по первой публикации.

Станиславович (Станиславич) — См. коммент. к письму № 514.

к стр. 363 *...от Вашего сундука...* — В записной книжке А. А. Иванова сохранилась следующая черновая запись письма, по-видимому, адресованного С. П. Шевыреву, 1852 г.: «Зная Вас лично как близкого приятеля Н. В. Гоголя, я должен Вам сказать, что покойник перед последним отъездом оставил у меня два сундука и портфель с бумагами. Что в них находится, я не знаю да и не считаю себя вправе знать. Теперь прибегаю в Вашему совету — что мне делать с этими вещами, может быть весьма драгоценными для многих» (Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 807–808).

Рихтер — Федор Федорович *Рихтер* (1808–1868), архитектор, друг А. А. Иванова.

Боткин — Николай Петрович.

Ставассер — Петр Андреевич (1816–1850), скульптор.

529. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано (с пропусками и неточностями): Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. Издал Михаил Боткин. СПб., 1880. С. 140. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя. В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова; сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 446.

Ариччи — В бумагах А. А. Иванова сохранился выписанный Гоголю пропуск на право прохода через парк Ариччио от 28 июня 1841 г. (*РГБ.* Ф. 74. К. 8. Ед. хр. 92. 1 л.; на ит. языке).

...статья об нас, художниках русских в Риме... — *Гр<еч> Н.* Письмо из Рима. Ф. В. Булгарину. 18/30 сентября 1841 // Северная Пчела. 1841. 30 окт. № 243. С. 971.

530. Н. Я. Прокоповичу

к стр. 364 *Дело мое...* — Подготовка к изданию первого тома «Мертвых душ».

Платоша — мальчик-слуга.

532. А. А. Иванов — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано (с пропусками и неточностями): Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. Издал Михаил Боткин. СПб. — 1880. С. 144–145. Печатается по изд.: Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. / Вступ. ст. А. А. Карпова; сост. и коммент. А. А. Карпова и М. Н. Виролайнен. М., 1988. Т. 2. С. 447–448.

...письмо ваше от 20 октября... — Письмо из Москвы от 20 октября 1841 г. Служило ответом на письмо Иванова от октября 1841 г. к стр. 365

Зачем вы начали копию в Ватикане? — Над копией с картины П. Перуджино «Мадонна среди святых» (1496), находящейся в Ватикане, И. С. Шаповалов работал по совету Иванова.

Общество — Общество поощрения художников, от которого И. С. Шаповалов получал пенсион.

...за копию в Ватикане... — Чтобы приобрести средства, Иванов намеревался скопировать для Академии художеств находящуюся в Ватикане фреску Рафаэля «Умеренность, Сила и Благоразумие». Однако этот план не осуществился, поскольку предложенная художнику сумма (900 рублей серебром) была невелика (см.: Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. Издал Михаил Боткин. СПб. — 1880. С. VII).

...картину для Наследника... — Нуждаясь в средствах, Иванов обратился к великому князю Александру Николаевичу, посетившему в 1838 г. мастерскую художника в Риме, с просьбой пожаловать ему трехлетнее содержание для окончания картины «Явление Христа народу». После своего завершения картина по этому условию принадлежала бы Наследнику (см.: Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка. 1806–1858. Издал Михаил Боткин. СПб. — 1880. С. 113, 122).

Моллер благодарит вас за письмецо. — Письмо, написанное около 20 октября 1841 г. (№ 523). к стр. 366

...сюжета, которым он теперь исключительно занимается. — См. коммент. к письму № 520.

Феодор Иванович — Иордан.

535. М. П. Погодин — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано: *Казанович Е. П.* К истории сношений Гоголя с Погодиным (новые материалы) // Временник Пушкинского Дома. 1914. Пг., <1915>. С. 75. Печатается по первой публикации.

...вторую книжку. — Речь идет о журнале «Москвитянин».

536. М. П. Погодину

Ответ на предшествующую записку — № 536.

Приложение

Н. М. Языков — Н. В. Гоголю

Впервые напечатано в 1842 г. М. П. Погодиным в журнале «Москвитянин» (Ч. 3. № 6. С. 229–230; под заглавием «Г***», с подписью: «Языков»). Печатается по изд.: *Языков Н. М.* Полн. собр. стихотворений. Б м. д.: Academia, 1934. С. 583–585. В публикации «Москвитянина» отсутствует стих 25-й, а стих 33 имеет такую редакцию: «Тогда отрада мне глядеть».

Стихотворение представляет собой ответ Н. М. Языкова на письмо к нему Гоголя из Москвы от 23 октября 1841 г. (письмо № 524). Стихотворное послание было, вероятно, получено Гоголем в период с середины ноября (конца ноября н. ст.) по середину декабря (конец декабря н. ст.) 1841 г. вместе с несохранившимся письмом Языкова.

В «Москвитянин» для публикации стихотворение было передано Погодину самим Гоголем. «Посылаю послание Языкова», — писал Гоголь Погодину во второй половине апреля 1842 г. (см. т. 12 наст. изд.). На протяжении 1841–1843 гг. Гоголем в погодинский журнал было передано еще несколько стихотворений Языкова (см.: Неизданный Гоголь / Изд. подгот. И. А. Виноградов. М., 2001. С. 546–565; а также коммент. к т. 12, 17). Почти все они отправлялись Погодину непосредственно по получении от Языкова. Стихотворение «Н. В. Гоголю», полученное ранее других, опубликованных в 1842 г. в «Москвитянине», было, однако, передано в журнал позднее. По-видимому, это было сделано потому, что Гоголю казалось неудобным появление в печати посвященного ему стихотворения во время пребывания его самого в Москве (тем более что одно такое стихотворное посвящение — написанное С. П. Шевыревым, Погодин уже напечатал в 1842 г. в № 1 журнала «Москвитянин»; см. коммент. к письму № 424). Поэтому Гоголь передал Погодину стихотворение Языкова лишь незадолго до своего отъезда за границу: с расчетом, что оно появится в свет уже в его отсутствие.

к стр. 370 *Гальм* Фридрих (1806–1871) — австрийский писатель и драматург.

Ленау Николаус (1802–1850) — австрийский поэт.

Содержание

1836

1837

1840

1841

Приложение

Комментарии

УДК 820 (73)
ББК 76.006.5
Г58

Гоголь Н. В.

Г58 Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. Т. 11: Переписка. 1835–1841 / Сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. — М.: Издательство Московской Патриархии, 2009. — 488 с.

В том вошла переписка Гоголя 1835–1841 гг. Ответные письма адресатов включаются в собрание сочинений Гоголя впервые. Каждое письмо начинается указанием адресата, времени и места отправления. Отсутствие, ошибочность или неполнота этих сведений возмещаются данными биографического и текстологического анализа, помещаемыми в угловых скобках. Такими же скобками обозначаются отсутствующие в источнике, но необходимые по смыслу слова. Зачеркнутые автором фрагменты даются в подстрочных текстологических примечаниях. В отдельных случаях, когда зачеркнутый вариант не имеет полноценной окончательной редакции, первоначальные варианты приводятся в квадратных скобках в основном тексте. Список условных сокращений помещается в пятнадцатом томе.

ISBN 978-5-88017-087-6
ISBN 978-5-88017-104-0

Дар «Полтавского землячества»